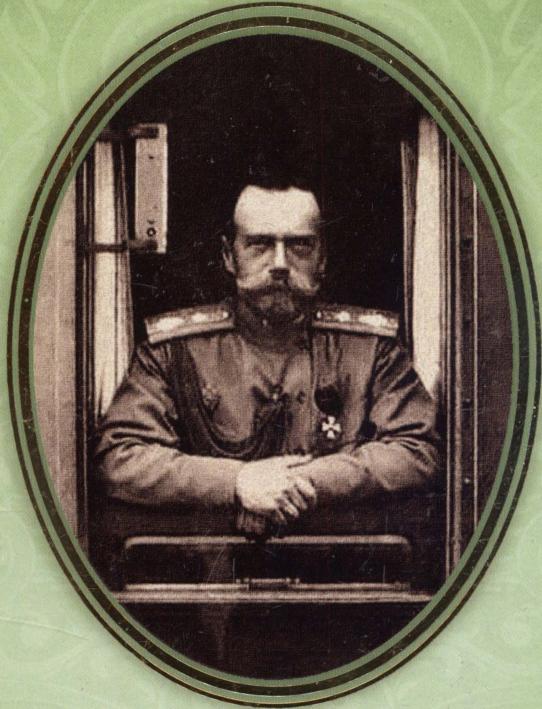

ЦАРСКИЙ ВЕНЕЦ

ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЙ II
И ЗАГОВОР 17-ГО ГОДА

П.В. МУЛЬТАУЛИ

П.В. МУЛЬТАУЛИ
ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЙ II
И ЗАГОВОР 17-ГО ГОДА

400 ЛЕТ ВОЦАРЕНИЯ
ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

• ЦАРСКИЙ ВЕНЕЦ •

П.В. Мұлтатули

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II
И ЗАГОВОР 17-го ГОДА
Как свергали монархию
в России

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52
М90

Saint Vitus & Kali

Мультатули, П.В.

М90 Император Николай II и заговор 17-го года. Как свергали монархию в России / П.В. Мультатули. — М. : Вече, 2013. — 432 с. : ил. — (Царский венец).

ISBN 978-5-4444-1020-2

Знак информационной продукции 16+

Это исследование посвящено одному из самых трагических периодов истории России: упразднению вековой Самодержавной русской монархии в феврале—марте 1917 г. Насильственное свержение Императора Николая II с престола, подделка «манифеста», подделка других документов заговорщиками, упорное сопротивление им со стороны Государя, не означают того, что Император Николай II собирался бороться за возвращение к власти. Он действительно отказался от неё, постигнув Промысл Божий. Император Николай II вступил на свой скорбный путь мученичества и обрёл на этом пути венец Небесный. Однако вопрос о так называемом «отречении» Императора Николая II как нельзя более актуален сегодня с духовной и geopolитической точек зрения. Только та власть в России сможет чувствовать себя надёжно и спокойно, только та власть сможет вывести Россию из тупика нынешнего духовного кризиса, которая будет ощущать себя наследницей не богоборческого режима, а тысячелетней российской государственности, которая была насильственно оборвана 2 марта 1917 г.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52**

ISBN 978-5-4444-1020-2

© Мультатули П.В., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

*145-летию со Дня рождения Святого
Царя-Мученика Государя Императора
Николая Александровича посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это исследование посвящено одному из самых трагических периодов истории России: свержению Императора Николая II с престола и упразднению вековой Самодержавной русской монархии в феврале—марте 1917 г. Между тем события, произошедшие 2/15 марта 1917 г. в Пскове, до сих пор именуются «отречением» Императора Николая II от престола. Отсюда делался, да и делается до сих пор, вывод о закономерности свержения «изжившей» себя Монархии, о «слабоволии» Николая II, «сдавшего» престол и страну. Собственно говоря, эта версия возникла сразу же после событий Февральской революции. Её наиболее ёмко сформулировал свитский генерал Д.Н. Дубенский, сказавший о Государе: «*Отрёкся, как будто эскадрон сдал*». Однако как верно писал доктор исторических наук А.Н. Боханов: «*Все разговоры, “правильно” или “неправильно” поступил Николай II, когда отрекался от престола, возможны лишь в том случае, если эту тему вырвать из конкретных исторических обстоятельств времени и места*»¹.

Между тем анализ совокупности исторических источников приводит к безусловному выводу, что события так называемого «отречения» стали логическим завершением того упорного противостояния, которое вёл Император Николай II с внешними транснациональными силами и внутренней политической оппозицией, ставившими своей целью свержение его с престола.

Первая часть настоящего труда посвящена такому малоисследованному периоду жизни и царствования Императора Николая II, как принятие им Верховного командования в августе 1915 г. Этот шаг Государя был вызван как военными, так и политическими причинами. Принятие Императором Николаем II верховного командования летом 1915 г., руководство им действующей ар-

¹ *Боханов А. Н. Николай II. М., 1997. С. 359. (Серия ЖЗЛ.)*

мией проходили на фоне тяжёлой военной обстановки и острого политического противостояния Самодержца с либеральной оппозицией.

Летом 1915 г. перед Николаем II стояли следующие задачи: 1) предотвратить военную катастрофу; 2) предотвратить попытку думской и министерской оппозиции, поддерживаемой Ставкой Великого Князя Николая Николаевича, изменить государственный строй путём введения Ответственного министерства и 3) восстановить общественное единство первого года войны. Поставленные задачи Николай II думал решить принятием на себя Верховного командования. С точки зрения военной, политической и общественной этот шаг представлялся Государю единственно верным.

Николай II полагал, что, возглавив войска и сосредоточив в своих руках одновременно с политической всю военную власть, он сможет исправить положение на фронте и найти компромисс с оппозицией. Исходя из этого, Царь, максимально усилив концентрацию власти в управлении войсками, одновременно ослабил её на внутриполитическом направлении.

Николаю II удалось выполнить военную задачу: предотвратить катастрофу на фронте. Но политическая задача была решена им только наполовину. Государю удалось не допустить опасной смычки между Ставкой, министрами и думской оппозицией. Но ему не удалось ни обезвредить её деятельность, ни примириться с нею. Историческая ответственность за это лежит исключительно на оппозиции, которой были нужны не компромиссы и не участие в работе Императорского правительства, а захват власти. Каждодневная работа царского руководства, приближающего победу, оставалась незамеченной обществом. Ощущение грядущей военной катастрофы, которое навязывалось прогрессистской оппозицией и которое не имело под собой никакого основания, побуждало военное руководство Ставки к участию в политической деятельности в ущерб деятельности военной. Эти политические устремления толкнули Ставку на союз с Прогрессивным блоком и сыграли важную роль в участии верхушки генералитета в Февральском перевороте.

Вторая часть настоящего труда посвящена объединённому заговору либеральной оппозиции, революционеров и представителей внешней силы с целью свержения с престола Императора Николая II. Весеннее наступление русской армии неминуемо привело бы к успеху, и общими усилиями к концу 1917 — началу 1918 г. война для Антанты закончилась бы победой. Естественно, что в этом случае у оппозиции не осталось бы никаких шансов осуществить планируемый ею переворот. Напомним, что ещё во время Русско-японской войны «легальный» марксист П.Б. Струве писал: «*Если русские войска одержат победу над японцами, то свобода*

будет прескокойно задушена под крики “ура” и колокольный звон торжествующей Империи»¹.

Оппозиция хорошо понимала, что наступление, запланированное на апрель 1917 г., приведёт к тем же результатам. Поэтому переворот в феврале — марте 1917 г. стал для оппозиции вопросом жизни или смерти. Стремление к власти пересилило у лидеров оппозиции все морально-сдерживающие начала. Они не погнувшись объединить свои усилия с революционными партиями, международными капиталистическими группами, сектантскими сообществами и даже с представителями германской военной разведки.

Со своей стороны, необходимость революции именно весной 1917 г. остро ощущали революционеры и их зарубежные покровители. К началу 1917 г. Государь добился от союзного командования признания за Россией важнейших geopolитических территорий: Черноморских проливов, Константинополя и средиземноморского южного побережья. Ещё ранее союзники согласились с требованиями русского правительства о присоединении к России нижнего течения Немана, Восточной Галиции, Познани, Силезии и Западной Галиции. Выполнять эти обязательства союзники категорически не хотели. Это сыграло первостепенную роль в том, что объединённый заговор против Николая II получил полную поддержку со стороны влиятельных сил государств Антанты и США. Для них победа Самодержавной России означала бы крах всех представлений о планируемом будущем Новом мировом порядке, которого, они хорошо это понимали, Самодержавная Россия никогда не допустила бы.

Оппозиция и её союзники ставили своей главной целью свержение с престола Императора Николая II и упразднение монархии в России. Организаторы переворота учли уроки 1905 г. Им было понятно, что явный мятеж в разгар тяжёлой войны будет незамедлительно подавлен войсками. Поэтому решено было оставить открытое противостояние и добиться успеха путём тайного пленения Императора и насилиственного лишения его престола. При этом захват и низложение Государя должны были внешне носить легальный характер. Для этого требовалось отречение Николая II от престола, но такое, при котором передача престола другому монарху была бы невозможна, что привело бы к исчезновению монархии как государственного института.

В отличие от того что впоследствии писали заговорщики в своих многочисленных мемуарах, они хорошо знали подлинный характер Государя, что он никогда добровольно не пойдёт ни на какие принципиальные уступки, противные его совести и убеждениям.

¹ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991.

Поэтому захватить Царя и добиться от него отречения стало для заговорщиков тяжелейшей задачей. Огромную помощь заговорщикам оказал высший генералитет Ставки Верховного Главнокомандования во главе с генерал-адъютантом М.В. Алексеевым. Именно военная верхушка стала той силой, которая привела к успеху переворота. Опираясь с одной стороны на враждебное отношение военной верхушки к Царю, а с другой — играя на честолюбии её представителей, заговорщикам удалось захватить поезд Государя по пути из Ставки в Петроград и доставить его в подконтрольный им Псков. Однако захват Императора не означал ещё его согласие на отречение. Именно в этот момент заговорщиками был осуществлён невиданный по своему цинизму и по своим пагубным последствиям подлог: подделка манифеста об отречении.

Третья часть исследования раскрывает обстоятельства так называемого «отречения» Николая II от престола. Русская история не знала ни в духовном, ни в юридическом контекстах такого понятия, как отречение венчанного Монарха от престола. Долгом государя перед Богом и Россией было нести крест своего царского служения до самой смерти. Основные Законы Российской империи также не предусматривали самой возможности отречения (теоретически таким основанием могло быть разве что пострижение Царя в монахи).

Единственный случай, связанный с отречением от престола царствующего монарха, ассоциируется с именем Императора Петра III. Факт получения от него отказа от престола, безусловно, являлся следствием политического насилия и был противозаконен. Однако Петр III написал своё отречение собственноручно. (Следует отметить, что подлинник отречения Императора не сохранился, и что там было написано, точно неизвестно¹.) Однако при этом сравнивать этот инцидент с тем, что произошло в Пскове в марте 1917 г., невозможно. Во-первых, Император Пётр Феодорович не был венчан на царство, что делало его в глазах православного народа как бы «не совсем» государем. Во-вторых, со времён Петра Великого и до Императора Павла I в России отсутствовал чёткий закон о престолонаследии. Строго говоря, Пётр III мог завещать престол любому своему родственнику, в том числе и Супруге. Конечно, это могло произойти только в случае его кончины, но отсутствие совершения над ним таинства Помазания на царство теоретически допускало передачу престола другому лицу. В-третьих, Пётр III своим отречением от престола не создавал никакой угрозы существованию монархии в России, так как ни Императрица Екатерина, ни её окружение, разумеется, на монархический институт не посягали.

¹ Елисеева О.И. Тайна смерти Петра III. М.: Вече, 2010. С. 296.

Помимо Екатерины, к моменту отречения Супруга уже объявившей о своём воцарении, существовал законный Наследник престола Цесаревич Павел Петрович. Так что отречение Императора Петра III практически никак не сказалось на жизни государства.

Другой случай был связан с отказом от престола Цесаревича Великого Князя Константина Павловича, брата Императора Александра I, сделанным за несколько лет до смерти царствующего государя. Акт этого отказа был заранее собственноручно написан Константином Павловичем, после чего 16 августа 1823 г. Александр I издал тайный манифест о передаче права на престол Великому Князю Николаю Павловичу. Манифест этот был помещен на хранение в Успенский собор Московского Кремля. Три его копии, заверенные Царём, были направлены в Синод, Сенат и Государственный Совет. После кончины Императора Александра I в первую очередь надлежало вскрыть пакет с копиями. Помимо Александра I тайну завещания знали: Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, князь А.Н. Голицын, граф А.А. Аракчеев и составивший текст манифesta московский архиепископ Филарет. Таким образом, отказ Великого Князя от престола был заверен многочисленными свидетелями и утвержден манифестом Императора.

В зарубежной истории характерно отречение от престола английского короля Эдуарда VIII, состоявшееся 11 декабря 1936 г. Манифест об отречении был скреплен, помимо самого короля, подписями трёх представителей правящей династии, а сам Эдуард выступил перед народом по радио с объяснением своего решения. То есть воля монарха была проявлена явно и гласно, а решение оформлено со всеми подобающими формальностями.

Ничего подобного не было в событиях «отречения» Императора Николая Александровича в марте 1917 г. Обстоятельства, при которых Государь якобы подписал «манифест», до сих пор неизвестны. До последнего времени никто даже не пытался дать объективную оценку тому странному документу, который до сих пор служит единственным «доказательством» отречения, которое на деле является не более чем мифом. При этом, как хорошо сказал доктор исторических наук А.Н. Боханов, исторические мифы при всём их многообразии *«сущностно разделяются на две группы. Одна включает мифы созидательные, другая — разрушительные»*¹. Миф об отречении относится ко второй группе. Но именно он до сих пор главенствует в исторической науке и общественном сознании. Природу подобных мифов хорошо обозначил доктор политических наук В.Р. Мединский: *«Целью создания подобных мифов является легитимизация власти, полученной в результате переворота или*

¹ Боханов А. Н. Царь Иоанн IV Грозный. М.: Вече, 2008. С. 68.

революции»¹. Между тем, даже если Император Николай II подписал бы под угрозой или под давлением некую бумагу, подобную той, какую сегодня принято считать «манифестом» об отречении, то она, эта бумага, ни в коей мере таким отречением не являлась бы ни по форме, ни по сути. Епископ Арсений (Жадановский), принял мученическую смерть на Бутовском полигоне, говорил, что «по церковно-каноническим правилам насильственное лишение епископа своей кафедры является недействительным, хотя бы оно произошло “при рукописании” изгоняемого. И это понятно: всякая бумага имеет формальное значение, написанное под угрозой, не имеет никакой цены, — насилие остается насилием»². Это тем более справедливо в отношении внешнего епископа — Божьего Помазанника.

Крупнейший русский правовед М.В. Зазыкин отмечал: «Когда Император Николай II 2 марта 1917 г. отрекся за себя от Престола, то акт этот юридической квалификации не подлежит и может быть принят только как факт в результате революционного насилия»³.

В связи с этим примечательны слова товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова, сказанные им в марте 1917 г.: «Отречение Государя недействительно, ибо явилось не актом добной воли Государя, а насилием. Кроме законов государственных, у нас есть и законы Божеские, а мы знаем, что, по правилам Св. Апостолов, недействительным является даже вынужденное сложение епископского сана: тем более недействительным является эта узурпация священных прав Монарха шайкою преступников»⁴.

Отречение Императора Николая II не обрело силу Российского законодательного акта, поскольку манифест обретал силу закона лишь в случае опубликования, которое мог совершить только царствующий император (то есть появление текста отречения в прессе не есть автоматическое узаконивание его), а Великий Князь Михаил Александрович таковым никогда не был.

Независимо от того, подписал ли Государь псковский манифест или не подписал, никакого отречения не было. Более того, если бы даже Государь подписал этот манифест и действительно отказался от престола, то его действия полностью соответствовали переживае-

¹ Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. Мифы о России. М.: ОЛМА, 2009. С. 24.

² Арсений, епископ. Воспоминания. М., 1995.

³ Зазыкин М.В. Царская власть. София, 1924.

⁴ Жевахов Н.Д., князь, товарищ обер-прокурора Св. Синода. Воспоминания. М., 1994. Т. 2. С. 432—433.

мому моменту: царствовать в условиях всеобщего отступничества и стать начинателем Гражданской войны во время войны внешней, накануне судьбоносного для России наступления, Государь, конечно, не мог. Но проведенный нами анализ совокупности источников свидетельствует о том, что Государь Псковского «манифеста» не подписывал. Ложь стала неотъемлемым спутником участников и соучастников свержения Государя. Лгали революционеры, лгали думские оппозиционеры, лгали царедворцы, лгали генералы Ставки, лгали английские лорды и американские банкиры, лгали большевистские историки и либеральные писатели. Вся эта ложь преследовала лишь одну цель — скрыть навсегда то, что произошло в Пскове 2 марта 1917 г., заклеймить Императора Николая Александровича как клятвопреступника. Подлинные же клятвопреступники, изменники Царя, стали вольными или невольными соучастниками Екатеринбургского злодействия, ибо путь к подвалу Ипатьевского дома начался в заснеженном Пскове.

Насильственное свержение Императора Николая II с престола, подделка «манифеста», подделка других документов заговорщиками, упорное сопротивление им со стороны Государя не означают того, что Император Николай II собирался бороться за возвращение к власти. Он действительно отказался от неё, постигнув Промысел Божий. Государь сделал всё, чтобы сохранить свою власть земную. Осознав невозможность этого, он смиренно передал эту власть Богу. Явление 2 марта 1917 г. иконы Пресвятой Богородицы Державной знаменовало, что Господь эту передачу принял. Император Николай II вступил на свой скорбный путь мученичества и обрёл на этом пути венец Небесный. Генерал Л.П. Решетников отмечает: «*2 марта 1917 г. в занесённом пургой Пскове не Государь Николай Александрович отрёкся от престола — большая часть России не захотела иметь Царя. Николай II лишь склонился перед Волей Божьей, в точности как это сделал пророк Самуил, когда народ больше не захотел видеть его судьёй: “И сказал Господь пророку Самуилу: послушай голоса народа во всём, что они говорят тебе, ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними” (1 Цар. 8: 7–18)*»¹.

Вопрос о так называемом «отречении» Императора Николая II как нельзя более актуален сегодня с духовной и geopolитической точек зрения. Речь идёт не только о правильном понимании подвига Святого Царя, но и о вопросе легитимности власти. Речь идёт, конечно, не о том, что сегодняшняя светская власть нелегитимна с мирской,

¹ Решетников Л.П. Вернуться в Россию. Третий путь или тупики безнадёжности. М.: ФИВ, Российский институт стратегических исследований, 2012. С. 91.

земной точки зрения. Речь идёт о вопросе духовном. Только та власть в России сможет чувствовать себя надёжно и спокойно, только та власть сможет вывести Россию из тупика нынешнего духовного кризиса, которая будет чувствовать себя наследницей не богочеловеческого режима, а тысячелетней российской государственности, которая была насильственно оборвана 2 марта 1917 г.

Степень изученности темы

Комплексного изучения обстоятельств отречения Императора Николая II от престола не проводилось. Идеологизация науки в советский период, засекреченность большинства архивных фондов, невозможность ознакомления с зарубежными источниками — делали изучение обстоятельств отречения Императора Николая II практически невозможным.

Первые немногочисленные работы советских авторов по этой проблематике стали появляться в конце 20-х — начале 30-х гг., в основном в виде предисловий к публикациям исторического журнала «Красный архив». Следует отметить статьи М.Н. Покровского, Д.И. Заславского, А.А. Сергеева, И. Гелис и др.¹ Фактически эти статьи являлись своего рода идеологическим комментарием к издаваемым большевиками документам, а то и прямыми фальсификациями.

В 1927 г. к 10-летию свержения монархии вышел сборник «Отречение Николая II», где помимо недоступных для советского читателя воспоминаний участников событий были помещены предисловия Л. Китаева и М.Е. Кольцова, представляющие несомненный исследовательский интерес².

В том же 1927 г. вышло интересное исследование бывшего генерала императорской армии Е.И. Мартынова «Царская армия в февральском перевороте». Особый интерес этой работы заключался в том, что, с одной стороны, Мартынов хорошо знал многих представителей высшего военного руководства Ставки, а с другой — что ему было разрешено работать с закрытыми архивными источниками³.

¹ См.: Покровский М.Н. Предисловие // Переписка Николая и Александры Романовых. М.—Пг., 1923. Т. 3. С. XXXIII; Заславский Д.И. Предисловие // Николай Романов в первые дни мировой войны // Красный архив. М., 1934. Т. 3(64). С. 130—138; Сергеев А.А. Сообщение // Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г. // Красный архив. М.—Л., 1925. Т. 1 (8). С. 244—246.

² Китаев Л. Свидетели отречения; Кольцов М.Е. Кто спасал царя // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л.: Красная газета, 1927.

³ Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927.

Е.И. Мартынов одним из первых поднял вопрос о решающей роли Ставки в свержении Государя.

В СССР с начала 1930-х гг. тема Императора Николая II, даже в отрицательном аспекте, стала фактически запретной. Небольшое представление об участии царя в руководстве войсками можно было получить из публикаций о Первой мировой войне, число которых значительно возросло с приближением и началом Великой Отечественной войны¹. В основном эти представления сводились к ничем не подтверждаемому утверждению, что «коронованный главком» был человеком «бесхарактерным, легко поддающимся постороннему влиянию, способным отменять и изменять неоднократно свои решения»², или к таким откровениям, что «царь только в торжественных случаях делал вид, что вникает в дела и интересуется тем, что делается на фронтах. Обычно он проводил свое время в поезде, разнообразя скучу могилевской жизни — частыми поездками в Царское Село»³.

Очень важными работами, позволяющими составить объективное представление о развитии русской военной и оборонной промышленности в период конца 1915 — начала 1917 г., являются исследования таких видных специалистов в своём деле, как бывший в мировую войну начальник ГАУ генерал А.А. Маниковский и председатель Химического комитета при ГАУ генерал В.Н. Ипатьев⁴.

Вплоть до начала перестройки роль Императора Николая II в военно-политическом управлении государством можно было фрагментарно узнавать из небольшого ряда исследований. Из них следует выделить монографии В.И. Старцева, В.С. Дякина, Л.Г. Бескровного, Н.Н. Яковleva, А.Я. Авреха⁵.

Несмотря на порой тенденциозный, политизированный подход к изучаемому вопросу, советские исследователи уделяли внимание проблемам взаимоотношений Императора Николая II

¹ Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940; Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. М., 1938.

² Евсеев Н. Свенцянский прорыв. М., 1936. С. 60.

³ Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. М., 1938. С. 6.

⁴ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. В 2 томах. М.: ГИЗ, 1930; Ипатьев В. Работа химической промышленности на оборону во время мировой войны. Пг., 1920.

⁵ Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М.: Наука, 1986; Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М.: Москвитянин, 1993; Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989.

с общественно-политическими и военными кругами Российской империи в преддверии её гибели, использовали доступные им опубликованные и неопубликованные источники.

После распада СССР исследуемая тема фрагментарно получила развитие в трудах Г.З. Иоффе, В.И. Старцева, В.В. Кожинова, А.Ф. Смирнова, И.В. Алексеевой, А.И. Уткина, А.Н. Боханова¹. Из последних исследований следует особо выделить монографии С.В. Куликова, А.Б. Николаева и О.Р. Айрапетова, П.А. Николаева². Особено следует отметить выдающиеся работы доктора исторических наук А.Н. Боханова, который первым в отечественной исторической науке дал духовно-нравственное объяснение причин «отречения» Государя.

Вызывают особое уважение и энтузиасты, далёкие от исторической науки, которые в наши дни предприняли смелые попытки поднять завесу тайны над событиями в Пскове: А. Романевик, М. Сафонов и др.³ Но в первую очередь мы имеем в виду исследования А.Б. Разумова, который, на наш взгляд, убедительно доказал, что манифест от 2 марта 1917 г. является искусственной подделкой⁴. Однако, несмотря на неоспоримость доводов Разумова, они являются весьма уязвимыми. Причина этой уязвимости заключается в отсутствии официальных экспертиз на предмет подделки манифеста и дневников Императора Николая II, а также дневников и писем Императрицы Александры Феодоровны. Ясно, что, пока такие экспертизы не будут проведены, доводы о подделке манифеста, пусть самые убедительные, будут восприниматься в серьёзных научных

¹ Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992; Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996; Кожинов В.В. «Черносотенцы» и Революция. М., 1998; Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи. 1906—1917. М.: Книга и бизнес, 1998; Алексеева И.В. Агония Сердечного Согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. Л., 1990; Боханов А.Н. Император Николай II. М.: Русское слово, 1998.

² Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004; Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции. Рязань, 2002; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и революцию (1907—1917). М.: Три квадрата, 2003; Николаев П.А. Историческая драма в Пскове. Март 1917 года. Псков, 2003.

³ Романевик А. Отречение Государя не было // Русский вестник, 20 марта 2002; Сафонов М. Гибель богов. Ложь и правда об отречении Николая II // Секретные материалы. 2002. № 4(74), 5(75).

⁴ Разумов А. Подпись Императора. Несколько замечаний по Манифесту об отречении Николая II // «Екатеринбургская инициатива», Академия российской истории. 2008.

кругах в лучшем случае как оригинальная версия, в худшем — как околонаучная литература.

В русской эмиграции тема «отречения» Императора Николая II затрагивается у некоторых авторов. Прежде всего, конечно, надо выделить фундаментальное исследование С.С. Ольденбурга¹. Важнейшие материалы по обстоятельствам «отречения» были помещены в 1922 г. в эмигрантском журнале «Русская летопись»². Именно эта публикация легла в основу советского сборника «Отречение Николая II».

Изучаемой теме в своём общем труде об истории русской армии уделял внимание военный историк А.А. Керсновский³. Этой теме посвящены работы С.П. Мельгунова, М. Ноблемонта, И.П. Якобия, Г.М. Каткова, В.С. Кобылина, И.Л. Солоневича⁴. Наиболее интересными следует признать исследования Г.М. Каткова «Февральская революция» и В.С. Кобылина «Император Николай II и заговор генералов».

В зарубежной историографии роль Николая II в Первой мировой войне также нашла некоторое отражение. Правда, в основном западная историография придерживалась, с некоторыми поправками, российской либерально-кадетской и советской точек зрения.

Источниковая база исследования

В работе были использованы источники из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива (РГИА), Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), Архива министерства иностранных дел Франции (Ministère des Affaires étrangères (MAE.Paris), Архива французской сухопутной армии (Service historique de l'Armée de Terre. SHAT), один документ из архива Гуверовского института (США)⁵.

¹ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991.

² Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3.

³ Керсновский А.А. История Русской армии. В 4 томах. М.: Голос, 1992. Т. 3—4.

⁴ Мельгунов С.П. На путях дворцового переворота. (Заговоры перед революцией 1917 года.) Париж: Родина, 1931; Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М.: Вече, 2006; Ноблемонт М., др. Какая причина толкнула генерала Алексеева предать своего императора? Б/г; Якобий И.П. Император Николай II и революция. М.: Общество Святителя Василия Великого, 2005; Катков Г.М. Февральская революция. Париж: Умса-Press, 1984; Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М.: Вече, 2008; Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. М.: Алгоритм, 2007.

⁵ Collection 65017. Nikolai Basily papers. Box 8.

Основными видами архивных источников являются документы из ГА РФ: письма, записки и телеграммы Николаю II от Императрицы Александры Феодоровны, А.В. Кривошеина, А.А. Поливанова, Б.В. Штюремера, М.В. Родзянко, Великих Князей Михаила Александровича, Николая Михайловича, Александра Михайловича. Кроме того, использовались дневники Императора Николая II, Великого Князя Михаила Александровича. Вторыми по значимости являются фонды РГВИА: телеграфная переписка Государя с Начальником штаба Ставки генералом М.В. Алексеевым, письма к Царю высших государственных чиновников, директивы и приказы Императора главнокомандующим фронтами, телеграфная переписка и разговоры по прямому проводу Ставки со штабами фронтов, а также лидерами Февральского переворота, камер-фурьерские журналы. Особый интерес представляют собственноручные телеграммы Николая II Великому Князю Николаю Николаевичу и Начальнику штаба генералу М.В. Алексееву¹. В настоящем исследовании впервые вводится в научный оборот письмо Николая II Совету министров по поводу определения военного положения и выработке неотложных мер по укреплению обороноспособности России².

Кроме архивных материалов были широко использованы опубликованные источники: мемуарная литература, сборники документов, переписка Императора Николая II с Императрицей Александрой Феодоровной³, изданные дневники Великого Князя Андрея Владимировича.

Важным источником, дающим представление о пребывании Императора Николая II в Ставке, является изданный ещё до революции отчёт официального историографа генерал-майора Д.Н. Дубенского⁴.

Особенно большой интерес представляют публикации «Красного архива» по участию генералитета Ставки в Февральной революции⁵.

Мемуарная литература представлена воспоминаниями лиц Свиты, генералов и старших офицеров Верховного Командова-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1826; Д. 1829; Д. 1834.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1826.

³ Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996.

⁴ Дубенский Д.Н., генерал-майор. Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в Действующей армии. Июль 1915 — февраль 1916. Петроград, 1916.

⁵ Февральская революция 1917 г. (Документы ставки верховного главнокомандования и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 2 (21). Т. 3 (22).

ния, командующих военно-морскими силами, командующих фронтовыми соединениями, руководителей охранных отделений и Отдельного корпуса жандармов, представителей оппозиции, общественных и государственных деятелей. Использованы воспоминания Д.Н. Дубенского, А.А. Мордвинова, А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова, П.Л. Барка, А.А. Бубликова, Ю.В. Ломоносова, Г.А. Таля¹, А.И. Деникина, А.А. Брусицова, С.К. Буксгевден, П.К. Бенкendorфа, В.Н. Воейкова, К.И. Глобачёва, Г.К. Графа, И.К. Григоровича, П.Г. Курлова, В.В. Шульгина, А.Ф. Керенского, Ю.А. Ден, П.К. Кондзеровского, А.С. Лукомского, А.П. Кутепова, В.М. Пронина². Несмотря на значительную долю субъективизма, свойственного мемуарам, воспоминания участников событий позволяют нам делать анализ и вытекающие из него выводы более полными.

Весьма важным источником по изучению подготовки оппозицией государственного переворота, противоправной деятельности ВПК, связях А.И. Гучкова и генералитета русской армии являются сообщения особого отдела департамента полиции за 1916—1917 гг.³

Все даты, касающиеся истории дореволюционной России, даются нами по юлианскому календарю; даты же, касающиеся событий в Западной Европе и послереволюционного периода отечественной истории, даются либо по григорианскому, либо через дробь (юлианский/григорианский). Весь жирный курсив в цитатах, за исключением оговорённого, наш.

---

¹ Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90.

² Деникин А.И. Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Военное издательство НКО, 1943; Глобачёв К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009; Граф Г.К. На Новике. СПб.: Изд-во «Гангут», 1997; Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992; Дубенский Д.Н., генерал. Как произошёл переворот в России; Мордвинов А.А., полковник. Последние дни императора // Отречение Николая II; Воейков В.Н., дворцовый комендант Государя Императора. С Царём и без Царя. СПб.: Царское Дело, 1993.

³ ГАРФ. Ф. 97, 102, 111.

Часть I ВО ГЛАВЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Глава 1

Принятие Императором Николаем II Верховного Главнокомандования: военные и политические причины

Одним из самых малоизученных эпизодов биографии Императора Николая II является принятие им Верховного главнокомандования в сентябре 1915 г. Большая часть исследователей объясняют этот поступок Государя в лучшем случае свойствами его благородного характера, а в худшем — влиянием Императрицы и Распутина. В любом случае почти все сходятся на том, что этот шаг был роковым и привел к окончательной потере Императором контроля над политической ситуацией в стране. Подобный вывод основывался на большом количестве воспоминаний участников тех событий, военных, государственных и общественных деятелей¹.

Между тем объективное исследование обстоятельств принятия Государем Верховного Главнокомандования приводит к выводу, что это решение он принял сам, под влиянием происходивших опасных событий на фронте и тылу. Выясняется также, что критика Царя, изложенная в мемуарной литературе, в основном исходила

¹ Подробно см.: *Мультатули П.В.* «Господь благословит решение мое...». Император Николай II во главе действующей армии 1915—1917 и заговор генералов. СПб.: Сатисъ, 2002.

от людей пристрастных или несведущих, а потому не могущих быть объективными. Сама их критика большей частью основывалась на дезинформации и ложных слухах. Примечательно, что большинство людей, выступавших категорически против решения Государя стать во главе армии в 1915 г., оказались впоследствии причастными к событиям февраля—марта 1917 г. Исходя из вышесказанного, представляется, безусловно, необходимым рассмотреть причины, по которым Император Николай II принял Верховное Главнокомандование.

Говоря об этом, следует выделить две главные причины: 1) военную причину, вызванную событиями на фронте, и 2) военно-политическую, вызванную ситуацией в Ставке, правительстве и Государственной Думе летом — осенью 1915 г.

1. Военная причина

К началу 1915 г. верховное командование кайзеровской Германии осознало, что план «блицкрига» провалился. Ни на западе, ни на востоке Германии не удалось одержать полную победу и вывести хотя бы одного противника из войны. Австро-Венгрия в кампанию 1914 г. в результате русских побед в Галиции вообще оказалась на грани полного поражения. Время работало против Германии и её союзников. Исходя из этого, австро-германское верховное командование приняло решение нанести в 1915 г. сокрушительный удар по России. Верховные командования Германии и Австро-Венгрии возлагали большие надежды на предстоящее наступление. Начальник австро-венгерского генерального штаба фельдмаршал Ф. Конрад фон Хётцендорф писал в конце 1914 г. начальнику германского генштаба генералу пехоты Э. фон Фалькенгайну: быстрый успех на Восточном фронте «является решающим фактором для всей ситуации»¹.

Относительно спокойная обстановка на Западе позволяла германскому командованию приступить к подготовке масштабной операции на Восточном фронте. План немцев сводился к тому, чтобы в 1915 г. мощным ударом вывести Россию из войны, принудить её к сепаратному миру или к капитуляции, но в любом случае уничтожить её войска. Разработкой плана руководил видный стратег генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург. Главной ударной силой германского наступления должна была стать XI армия генерал-полковника (с 22 июня 1915 г. — генерал-фельдмаршала) А. фон Макензена. На Восточный фронт были переброшены свежие немецкие дивизии из Франции и Бельгии (10 пехотных и 1 кавалерийская), которые были объединены в X армию генерал-полковника Г. фон Эйхгорна

¹ Уткин А. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. С. 11.

и Неманскую армию генерала пехоты О. фон Бюлова. Переброска этих войск с западного театра боевых действий прошла для русского командования незамеченной. 2 июня 1915 г., вскоре после начала германского наступления, Великий Князь Николай Николаевич сообщал царю, что «*в Галиции обнаружены части резервного германского корпуса, считавшегося до сего дня в Бельгии*»¹.

Русское командование на весну 1915 г. планировало новое вторжение в Восточную Пруссию и наступление через Карпаты в Венгерскую долину. Целью наступления в Карпатах было движение на Будапешт².

Между тем положение с вооружением и с продовольствием в русской армии было тревожным. 21 сентября 1914 г. Великий Князь Николай Николаевич писал Императору Николаю II, что ощущается острые нехватка снарядов. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от инфантерии Н.И. Иванов был вынужден «*приостановить операции на всём фронте, пока патроны не будут доведены на местных парках хотя бы до ста на орудие*»³.

Главной причиной этого было отсутствие артиллерийских парков и недостаточная производительность русских военных заводов по производству снарядов. К тому же военное ведомство не было готово к длительному ведению войны и не сумело обеспечить фронту бесперебойную доставку снарядов в нужном количестве⁴.

В германской ставке хорошо знали о катастрофической нехватке снарядов в русской армии. Там так же рассчитывали, что франко-британское командование окажется «*более эгоистичным, чем русское*», и не станет предпринимать жертвенного наступления, чтобы оттянуть на себя германские силы, как это сделала русская армия в кампанию 1914 г.⁵

Боевые действия в Восточной Пруссии зимой 1915 г. не принесли ощутимого успеха ни одной из сторон. Зато начавшееся зимой—весной 1915 г. русское наступление на Юго-Западном фронте увенчалось крупной победой. 9 марта была захвачена австрийская крепость Перемышль, а 30 марта русские войска перешли

¹ Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 2-го июня 1915 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 612. Л. 1.

² Бонч-Бруевич М. Потеря нами Галиции в 1915 г. Часть 1. Через Карпаты в Венгрию зимою 1915 г. М., 1921. С. 78.

³ Головин Н.Н., генерал. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1—2. Т. 2. С. 36.

⁴ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. В 2 томах. М.: ГИЗ, 1930. Т. 1. С. 370.

⁵ Головин Н.Н., генерал. Указ. соч. Т.2. С. 137.

Карпаты и вышли в Венгерскую долину. Потери австро-венгерской армии были тяжёлыми — 400 тыс. человек убитыми и ранеными, 348 тыс. пленными¹. Однако и потери русских были значительными — 200 тыс. человек убитыми и ранеными². Кроме того, в ходе карпатских боёв русская артиллерия растратила практически весь свой запас снарядов. Принимая эти обстоятельства во внимание, ставка 28 марта отдала директиву 3-й и 8-й армиям прекратить наступление и укрепиться на западе Карпат.

В этот момент Гинденбург нанёс свой удар. Против России были сконцентрированы мощные силы германской армии. Противник превосходил русские войска: в живой силе в 2 раза, в лёгкой артиллерию — в 3 раза, в тяжёлой артиллерию — в 40 раз, в пулемётах — в 2,5 раза³. Характерно, что русский фронт становится главным для противника. Это видно по следующей таблице:

Табл. Количество австро-германских дивизий на Западном и Русском фронтах⁴

Период	Западный фронт	Русский фронт
Август 1914 г.	83	50
Январь 1915 г.	81	82
Сентябрь 1915 г.	83	137
Сентябрь 1916 г.	113	150

План противника предусматривал нанесением фланговыми ударами из Восточной Пруссии и Галиции прорыв обороны русской армии, окружение и уничтожение её войска в Польше. Прорыв должен был быть произведён между Вислой и Карпатами в районе Горлице, где силы русских были незначительными, так как основная их масса находилась в Карпатах. Прорыв у Горлице должен был отрезать русские войска в Карпатах. Главный удар германцев был направлен на 3-ю армию. Её главнокомандующий генерал от инфanterии Р.Д. Радко-Дмитриев, предвидя германское наступление, заранее предлагал Ставке отвести войска и тем самым их сохранить. Но Ставка запретила генералу совершать отход.

Вечером 18 апреля 1915 г. на русские войска обрушился мощный огонь германских орудий. Артиллерийская подготовка немцев

¹ Керсновский А.А. История Русской Армии. М.: Голос, 1992. Т. 3. С. 56.

² Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 58.

³ Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande», Bd. 1—9. bearb. im Reichsarchiv. Berlin, 1925—1933; Bd. 10—11. S. 156—157.

⁴ Goulevitch Arsène. Tsarism and Revolution. Omni Publications, Hawthorne, California, 1961. P. 199.

длилась всю ночь 18—19 апреля¹. Всего немцы выпустили 700 тыс. снарядов.

За четыре дня до начала германского наступления, 14 апреля 1915 г., на Петроградском Охтенском заводе взрывчатых веществ произошёл сильный взрыв, которым была снесена половина завода — весь тротилово-снаряжательный отдел. Точная причина взрыва не была установлена, не исключалась диверсия².

После артподготовки XI германская армия генерал А. фон Макензена начала наступление. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал от инфантерии Н.И. Иванов полагал, что основной удар австро-германцы нанесут в Карпатах, а в районе Горлице они проводят отвлекающий манёвр, поэтому резервов 3-й армии Радко-Дмитриева предоставлено не было³. 13 мая 1915 г. тяжёлые бои развернулись возле Перемышля, который обороняли части 3-й армии и 8-й армии генерала от кавалерии А.А. Брусицова. Ставка бросала к Перемышлю всё новые подкрепления, которые истреблялись превосходящим противником. Главнокомандующий доносил Государю, что удержание Перемышля «при отсутствии достаточной артиллерии и крайней скучности боевых припасов стало задачей весьма трудной»⁴. Вечером 21 мая Перемышль был оставлен русской армией.

Донесения Великого Князя Николая Николаевича Императору Николаю II дают яркую картину происходящего на фронтах. 2 июня 1915 г. Великий Князь сообщал, что «наши войска понесли чрезвычайно большие потери от артиллерийского огня. Во многих полках осталось меньше тысячи штыков, а Одесский полк сведён в роту»⁵. 3 июня Великий Князь вновь телеграфирует, что «потери наши очень велики»⁶. 9 июня русские войска оставили Львов. 30 июня XII германская армия генерала М. фон Гальвица атаковала позиции 1-й армии генерала от кавалерии А.И. Литви-

¹ Бонч-Бруевич М. Потеря нами Галиции в 1915 г. Часть 2. Катастрофа в 3-й армии. М.—Л., 1926. С. 69.

² Михайлов В.С. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 278.

³ Горлицкая операция: Сборник документов Мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.). М.: Военное издательство народного комиссариата обороны Союза ССР, 1941. С. 372—374.

⁴ Бонч-Бруевич М. Указ. соч. С. 256.

⁵ Телеграмма по прямому проводу Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 2-го июня 1915 // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 614. Л. 116.

⁶ Телеграмма по прямому проводу Вел. Кн. Николая Николаевича Николаю II от 3-го июня 1915 // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 614. Л. 117.

нова, прикрывавшей линию Нарева. Части 12-й армии генерала от инфanterии А.Е. Чурина отражали удары 177-тысячной армии противника¹. Сообщения Великого Князя с каждым днём становились всё тревожнее. 1 июля 1915 г.: «*В упорном бою на фронте неприятель за сутки выпустил до 60 000 снарядов. В Августовском районе неприятель выпустил снаряд с удушливыми газами. По словам пленных германцев, в окопы им выданы сосуды с ядовитыми газами*»². 5 июля 1915 г., оценивая обстановку на фронте, Николай Николаевич сообщал: «*В Риго-Шавельском районе до сих пор не удалось остановить охват неприятелем правого фланга армии генерала Плеве*»³. 6 июля: «*У села Грабовец и к югу от Гродбешова наши войска в очень тяжёлом бою понесли большие потери*»⁴. Русские войска были вынуждены отойти за Вислу. Немцы переправились через Нарев и принялись штурмовать Пултускую позицию русских, заставив их её оставить. После чего противник начал наступление на Седлец.

Русское командование возлагало большие надежды на недавно построенную по последнему слову инженерной мысли крепость Новогеоргиевск, которая прикрывала переправы через Неман. Гарнизоном крепости командовал генерал от кавалерии Н.П. Бобырь. В крепости имелся полугодовой запас продовольствия и достаточно вооружения, чтобы успешно оборонять твердыню. 14 июля немецкая армейская группу генерала Г. фон Безелера окружила крепость и 31 июля начала её штурм. В ходе упорных боев за форты, которые переходили из рук в руки, под ожесточённым артиллерийским огнём противника русские были вынуждены оставить большую их часть. Посчитавший сопротивление бесполезным, генерал Бобырь ночью 6 августа перебежал к противнику и, находясь в плену, отдал приказ крепости капитулировать. 7 августа германские войска вошли в крепость. В плен к немцам сдалось 83 тыс. человек (в том числе 23 генерала и 2100 офицеров), неприятелю досталось 1096 крепостных и 108 полевых орудий⁵.

17 июля русские войска оставили Люблин. Великий Князь доложил Государю, что «*в связи с общей обстановкой намечен об-*

¹ Керновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 292.

² Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 1-го июля 1915 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 612. Л. 8.

³ Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 5-го июля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1828. Л. 262.

⁴ Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 6-го июля // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1828. Л. 260.

⁵ Залесский К.А. Первая Мировая война. Правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 76.

щий отход между Вислой и Бугом»¹. 19 июля немцы взяли Холм. 22-го был оставлен Ивангород. Между тем, по верному замечанию генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, «выход был только один: отвод всех армий в глубь страны, чтобы спасти их от окончательного разгрома. Но русская Ставка очень долго не могла на это решиться»².

Наконец, 22 июня Великий Князь Николай Николаевич отдал приказ войскам очистить Царство Польское, чтобы избежать общего окружения. 23 июля германская кавалерия вступила в Варшаву. 28 июля немецкий ударный корпус генерала К. Лицмана начал штурм русского укрепленного района — Ковно. В разгар боев комендант ковенской крепости генерал от кавалерии В.Н. Григорьев бежал с поля боя, «отправился за подкреплениями». Великий Князь Николай Николаевич доносил Императору: «Бывший гарнизон в беспорядке отступает. Приказал генерала Григорьева арестовать, судить полевым судом»³. Двинский военно-окружной суд приговорил Григорьева к ссылке на каторжные работы на 15 лет.

К середине августа все Царство Польское было отдано противнику, а с падением Брест-Литовска началась сдача Литвы. 4 августа пали Ковель и Владимир-Волынский, 8 августа — Гродно. Вся линия Неман — Буг развалилась.

В этот момент стратегия Великого Князя «Ни шагу назад!» была заменена на стратегию бездумного отступления, якобы по примеру 1812 г. Когда немецкому генералу М. фон Гофману указали на опасность тотального русского отступления и об участии Наполеона, то Гофман воскликнул: «Если бы Наполеон имел железные дороги, телефон, автомобильные конвои, телеграф и аэропланы, то он был до сих пор был в Москве»⁴.

Хаотичное отступление русской армии сопровождалось массовым изгнанием населения с насиженных мест. При отходе сжигались дома, пастбища, засеянные пшеницей поля. Огнём беспощадно уничтожались целые цветущие районы⁵. Всё это действовало угнетающее как на войска, так и на угоняемое в тыл население.

¹ Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Императору Николаю II от 17-го июля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1828. Л. 230.

² Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 57.

³ Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича Николаю II от 28-го июля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 167.

⁴ Renouvin (P.) La crise euroéenne (1904—1914) et la Grande Guerre. Paris, 1939. P. 276.

⁵ Торнау С.А., барон. С родным полком (1914—1917 гг.). Берлин, 1923. С. 74.

Довершением этого паникёрского стратегического и политического бесплодия стали решения главнокомандующего и начальника штаба генерала Н.Н. Янушкевича о массовом выселении немцев и евреев из прифронтовых территорий. Главнокомандующий требовал применение суровых репрессий и ко всем немецким подданным, проживающим на территории Российской империи, оправдывая эти репрессии зверствами германских войск¹.

В отношении евреев, которых Великий Князь поголовно обвинил в пособничестве немцам, были применены ещё более суровые меры. В августе 1915 г. Николай Николаевич приказал брать из еврейского населения заложников, предупреждая, что «не только в период занятия нами данного населенного пункта, но и после очищения его, заложники будут казнены, что в случае надобности и приводить в исполнение»². Массовое выселение евреев было прекращено сразу же, как Император Николай II принял Верховное Командование³.

Летняя кампания имела для России тяжёлые последствия. Как писал историк А.А. Керсновский: «Потери этой злополучной кампании можно было пополнить, но их нельзя было заменить»⁴. По подсчётом Головина, в летнюю кампанию 1915 г. русская армия потеряла убитыми и ранеными 1 млн 410 тыс. человек, то есть в среднем 235 тыс. в месяц. Пленными в ту же кампанию русская армия потеряла 976 тыс. человек, то есть по 160 тыс. человек в среднем в месяц⁵. Британский военный агент в Петрограде подполковник А. Нокс доносил в Лондон: «Силы русской армии велики только на бумаге. К несчастью, действительная сила составляет лишь одну третью штатной»⁶.

Император Николай II понимал, что Великий Князь не справляется с возложенной на него задачей. Это же понимали многие военные, члены правительства и депутаты Государственной Думы. Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко писал о царящих в Ставке «нераспорядительности, отсутствии плана», приведших к «отступлению, граничащему с бегством», и признавал,

¹ Телеграмма генерала Н.Н. Янушкевича князю В.Н. Орлову с сообщением текста телеграммы Вел. Кн. Николая Николаевича И.Л. Горемыкину // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 569. Л. 7.

² Документы о преследовании евреев // Архив Русской революции, изданный И. В. Гессеном. (Далее APP). М.: Терра, 1993. Т. 19. С. 245—284.

³ Кандель Ф. Очерки времени и событий. Из истории российских евреев. Иерусалим: Тарбут, 1994. С. 309—310.

⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 59.

⁵ Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 139.

⁶ Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 67.

что «вера в В. Кн. Николая Николаевича стала колебаться»¹. Октябрист Н.В. Савич считал, что «перемены в высшем командовании становились желательными, необходимыми, если мы вообще хотели продолжать войну»².

Сам Великий Князь Николай Николаевич был настолько потерян и деморализован, что просил Царя сместь его с высокого поста. Государь писал Императрице Александре Феодоровне 11 мая 1915 г.: «Бедный Н. плакал в моём кабинете и даже спросил, не хочу ли я его заменить более способным человеком»³. В тяжёлой военной ситуации лета 1915 г. сказывались личные свойства Великого Князя Николая Николаевича, который «при больших несчастьях или впадал в панику, или бросался плыть по течению»⁴. 1 августа 1915 г. Николай Николаевич написал письмо Главноуправляющему земледелия и землеустройства А.В. Кривошеину, в котором просил передать Императору о своей готовности уступить своё место более талантливому стратегу⁵.

Однако это письмо, доложенное Государю Кривошеиным 3 августа, не оказало никакого влияния на уже принятые Монархом решения. Царь становился всё более недоволен событиями на фронте⁶. После падения Варшавы он бесповоротно решил стать самому во главе армии⁷. Причиной принятия этого решения стала угроза военного поражения и неспособность Ставки Великого Князя Николая Николаевича его предотвратить. Своё решение Николай II принял «без всякого давления со стороны Распутина или Государыни»⁸. Дворцовый комендант генерал В.Н. Воейков считал, что решение Царя лично возглавить армию объясняется, помимо прочего, его личными качествами: «благородством и самоотверженностью»⁹.

¹ Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков: Интербук, 1990. С. 124.

² Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 155.

³ Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 142.

⁴ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1964. Т. 1—2. Т. 1. С. 125—128.

⁵ Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX вв. СПб., 1999. С. 485—486.

⁶ Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни. Париж, 1922. С. 156.

⁷ Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 156—157.

⁸ Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 156.

⁹ Воейков В.Н., дворцовый комендант государя Императора. С Царём и без Царя. СПб.: Царское Дело, 1999. С. 62.

Примечательно, что решение возглавить армию пришло Государю в церкви, во время литургии¹.

Стремление возглавить Верховное главнокомандование присутствовало у Императора Николая II ещё до начала мировой войны. Бывший военный министр генерал А.Ф. Редигер вспоминал, что «*по первоначальным предположениям, бывшим до объявления войны, Верховным Главнокомандующим должен был стать сам Государь*»². Николай II говорил, что не останется в тылу, а непременно будет сам командовать армиями. Стремление Государя объяснялось не тем, что он «*считал себя полководцем, а потому что, по его убеждению, при этом устраивались многие затруднения и трения*»³.

Однако, когда с началом войны Николай II выразил желание самому встать во главе войск, он встретил решительное возражение всех министров. Они доказывали Государю, что все возможные неудачи свалят на него как на главного виновника⁴. Министры указывали также на опасность отсутствия носителя верховной власти в столице — политическом центре империи. Летом 1914 г. Николай II был вынужден согласиться с доводами своих министров и генералов. На должность Верховного Главнокомандующего императорским указом был назначен Великий Князь Николай Николаевич. При этом Государь оговорился, что это назначение временное, оно будет действовать до тех пор, пока он сам не вступит в командование вооружёнными силами⁵.

В результате из-за непринятия Императором главнокомандования возникла раздвоенность власти, которая при амбициях Великого Князя Николая Николаевича в 1915 г. привела к политическому кризису. Опасность этой раздвоенности отмечал в 1915 г. генерал Ф.Ф. Палицын, который говорил, что «*Государь — Верховный, ничто не может быть кроме него*»⁶. Николай II считал, что, занимая пост Верховного Главнокомандующего, он сможет возродить, усилить личную преданность ему генералитета, офицерства и простых солдат⁷.

¹ Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 525.

² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1—2. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково Поле, 1999. Т. 2. С. 376.

³ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 376.

⁴ Григорович И.К. Воспоминания // РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 5. Л. 107. Копия.

⁵ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 376.

⁶ Дневник б. Великого Князя Андрея Владимировича. Редакция и предисловие В.П. Семенникова. Л.: Госиздат, 1925. С. 35.

⁷ Катков Г.М. Февральская революция. Париж: Ymcra-Press, 1984. С. 58.

Отстранение Великого Князя от должности Верховного Главнокомандующего и удаление его из Ставки были осуществлены Царём в условиях строжайшей секретности. До самого последнего момента Государь не сообщал своему дяде о принятом решении. Этот факт говорит о том, что Царь не был уверен в том, какие ответные шаги предпримет Великий Князь. Об этом также свидетельствует черновик письма, которое Николай II собирался послать Великому Князю, в котором Царь планировал известить главнокомандующего о предстоящей отставке: «*Великому Князю Николаю Николаевичу. Теперь, что прошёл год войны и что неприятель занимает большое пространство нашей земли, я пришёл к решению принять на себя верховное командование армиями. Сознаю вполне ответственность и исключительную трудность предстоящей задачи. Полагаюсь во всём на помощь и милость Божию, а также на героическое упорство наших войск. Претерпевший до конца спасется! Начальником Моего штаба я избрал генерала Алексеева. Тебя назначаю наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказской армией ввиду недомогания графа Воронцова. Георгию теперь во время войны там не место. Уверен, что ты примешь это важное назначение, как видимое свидетельство того, что мои чувства к тебе ни малейшим образом не изменились и что ты пользуешься полным моим доверием. Если ты считаешь нужным отдохнуть, можешь воспользоваться непродолжительным отпуском — на Кавказе, например в Боржоме. Передай генералу Янушкевичу и генералу Данилову мою благодарность за их службу и за посильные их труды. Надеюсь дать им другие назначения. Прошу тебя поставить обо всем в известность генерала Алексеева, с тем чтобы он наметил выбор нового генерал-квартирмейстера, главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта и других. Зная, насколько ты ценишь князя Орлова, отдаю его в твоё распоряжение и думаю, что он будет тебе полезным помощником по гражданской части. Все намеченные перемены произойдут по моему приезду в Ставку около 14 августа. Одновременно я извещаю графа Воронцова*¹.

Однако Николай II письмо Великому Князю посыпал передумал. Зато 10/23 августа написал графу И.И. Воронцову-Дашкову, которого считал «*близким и доверенным лицом, служащим престолу и Отечеству с неукоснительной честностью*²». Государь сообщал своему Наместнику: «*Считаю нужным предупредить Вас,*

¹ Император Николай II — Великому Князю Николаю Николаевичу // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1121. Л. 1.

² Император Николай II — Великому Князю Николаю Николаевичу // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1113. Л. 3.

что Я решил взять руководство действиями Наших армий на себя. Поэтому Великий Князь Николай Николаевич будет освобождён от командования армиями и назначен на Ваше место. Уверен, что Вы поймете серьезность причин, которые заставляют Меня прибегнуть к столь важной перемене. НИКОЛАЙ»¹.

На Кавказ это письмо отвёз флигель-адъютант граф Д.С. Шереметев, являвшийся зятем Воронцова-Дашкова. При этом на вопрос Шереметева, следует ли докладывать о поездке доверенному лицу Николая Николаевича начальнику военно-походной канцелярии князю В.Н. Орлову, Император лаконично ответил: «*Нет*»².

Воронцов-Дашков ответил тотчас на письмо Государя. Он полностью поддержал его решение, так как предыдущие командование «*много напортило и скорого исправления ошибок трудно ожидать*». Тем не менее Воронцов-Дашков считал, что «*необходимо, чтобы армия под Вашим начальством была бы победоносной. Неуспех отразился бы пагубно на дальнейшем царствовании Вашем*»³. Назначение Алексеева граф считал правильным, так же как и отправку Николая Николаевича на Кавказ. Великому Князю «*легче управлять Кавказом, чем простому смертному, таковы уж свойства Востока. Я уверен, что Великий Князь скоро полюбит Кавказ и его жителей, и жители его полюбят за его доброту и отзывчивость. Но пожелает ли он занять это место? Разжалование его из попов в дьяконы сильно затрагивает его самолюбие и не может не быть для него крайне тяжёлым*»⁴. То есть Воронцов-Дашков приветствовал решение отправить Николая Николаевича на Кавказ по причине политической целесообразности. Следующая далее фраза характерна: «...пожелает ли он занять это место? *Разжалование из попов в дьяконы сильно затрагивает его самолюбие*». Не предупреждал ли этой фразой осторожный Воронцов-Дашков о возможных шагах Великого Князя против Высочайшего решения? Это предположение в контексте описываемой нами интриги кажется нам наиболее вероятным.

Помимо Воронцова-Дашкова Николай II известил о принятом решении Главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией статс-секретаря А.С. Танеева, которого

¹ Император Николай II — графу И.И. Воронцову-Дашкову. 10 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1113. Л. 1—2.

² Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 144.

³ Император Николай II — графу И.И. Воронцову-Дашкову. 10 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1113. Л. 1.

⁴ И.И. Воронцов-Дашков — Императору Николаю II от 10 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 621. Л. 2.

Царь уважал и которому доверял. 18 августа Танеев написал Государю письмо, в котором полностью одобрял принятное им решение. Письмо заканчивалось пожеланием Верховному Вождю «славных успехов в предстоящем ратном деле»¹.

16/29 августа Государь известил о своём решении дворцового коменданта генерала В.Н. Войкова². На его опасения об опасности предпринимаемого им шага Царь ответил, что твёрдо решил возглавить армию «с одной стороны, из-за неудачных действий и распоряжений Великого Князя на фронте, а с другой — из-за участившихся случаев его вмешательства в дела внутреннего управления»³.

Более откровенно Император Николай II объяснил своё решение матери — Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. В ответ на её крайне взволнованную просьбу отменить принятное решение Государь заявил, что «что ему нужно спасти Россию — это его долг призыва»⁴.

Великий Князь Андрей Владимирович свидетельствовал, что в разговоре с Великой Княгиней Марией Павловной Николай II высказывал сожаление, что летом 1914 г. дал себя уговорить не принимать командования. Император коснулся тех тяжёлых военных ошибок, которые совершают Великий Князь, сказав, что «чёрная армия» сделала «“много ошибок. Я им дал свежие силы, а мне сдали что?” Что он хотел сказать под словом “чёрная армия”, осталось тайной»⁵. По некоторым свидетельствам, Николай II назвал генералов Ставки «мерзавцами», которые гонят солдат в бой без сапог и ружей⁶. Мария Павловна почувствовала в словах Государя глубокую горечь по отношению к своему дяде-главнокомандующему и сделала вывод: «Что-то произошло между ними, и произошло что-то нехорошее»⁷.

По всей видимости, примерно в этих же числах Император Николай II сообщил Великому Князю о принятом решении возглавить армию. В своей телеграмме от 16 августа на имя главнокомандующего Царь писал: «До моего приезда прошу тебя распоряжаться войсками по-прежнему. Перерыва в этом быть не может. Желаю,

¹ Статс-секретарь А.С. Танеев — Императору Николаю II. 18 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1355. Л. 1.

² Войков В.Н. Указ. соч. С. 67.

³ Войков В.Н. Указ. соч. С. 84.

⁴ Дневник б. Великого Князя Андрея Владимировича. Редакция и предисловие В.П. Семенникова. Л.: Госиздат, 1925. С. 95.

⁵ Дневник б. Великого Князя Андрея Владимировича. С. 96.

⁶ Мельгунов С.П. На путях дворцового переворота. (Заговоры перед революцией 1917 года.) Париж: Родина, 1931. С. 28.

⁷ Дневник б. Великого Князя Андрея Владимировича. С. 96.

чтобы генерал Эверт вступил немедленно в командование Западным фронтом, а генерал Алексеев отбыл в Могилёв для занятия должности начальника штаба»¹.

Николай Николаевич был уверен, что принятие Царём командования будет чисто формальным и не изменит фактического управления им войсками². То, что полная смена старой Ставки с Великим Князем во главе была неожиданной, видно из писем доверенного лица министра иностранных дел при Ставке, директора дипломатической канцелярии при штабе Главнокомандующего князя Н.А. Кудашева. 23 августа 1915 г. он писал министру иностранных дел С.Д. Сазонову: «*До приезда Государя мы все надеялись, что вопрос этот будет перерешен в смысле оставления Великого Князя во главе армии. В случае принятия Государем Верховного командования, Великий Князь ipsofacto сделался бы Начальником штаба Его Величества. К сожалению, по-видимому, этого не желали, и Великий Князь едет на Кавказ*»³.

Дежурный генерал при Верховном Главнокомандующем генерал-лейтенант П.К. Кондзеровский был поражён известием об отставке Великого Князя, которая ему «и в голову не приходила»⁴.

19 августа Великий Князь Николай Николаевич издал приказ о смене штаба, в котором генералу от инfanterии Н.Н. Янушкевичу предписывалось сдать дела генералу от инfanterии М.В. Алексееву. Эти назначения были встречены в Государственной Думе и в обществе «с чувством глубокого удовлетворения. Говорили, что наконец-то энергичный Великий Князь, Главнокомандующий, будет иметь около себя умудрённого большим военным опытом советника в лице генерала Алексеева»⁵.

То есть ещё 19 августа решение Царя стать во главе армии не было обнародовано. Только 20 августа Государь приказал военному министру генералу от инfanterии А.А. Поливанову ехать в Могилёв и отвезти своё личное послание Великому Князю с объявлением о грядущем смещении, что Поливанов исполнил 21 августа. Николай II оценивал отставку Великого Князя как опасный момент

¹ Телеграмма Императора Николая II Вел. Кн. Николаю Николаевичу от 16 августа // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 127.

² Лемке М. 250 дней в Царской Ставке. Петербург, 1920. С. 51.

³ Ставка и министерство иностранных дел // Красный архив. Исторический журнал. Т. 1 (26). М.—Л., 1928. С. 53.

⁴ Кондзеровский П.К., генерал-лейтенант. В Ставке Верховного 1914—1917. Воспоминания Дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж, 1967. С. 72.

⁵ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С. 218.

и «очень благодарил военного министра за хорошо выполненное “трудное”, как он выразился, поручение»¹. Узнав об отставке, Великий Князь широким жестом перекрестился².

22 августа 1915 г. Государь, уже фактически в качестве Верховного Главнокомандующего, провёл заседание в Зимнем дворце по снабжению армии боевыми припасами и снаряжением. В тот же день Император выехал в Ставку. В тот день Император Николай II занёс в свой дневник: «Господь да благословит поездку мою и решение моё!»³.

23 августа 1915 г. Собственный Императорский поезд остановился в одной версте от города Могилёва, которому и суждено было стать местом Ставки Императора Николая II. Там состоялась встреча с Великим Князем Николаем Николаевичем, которая, по словам Царя, «обошлась хорошо»⁴. Государь до конца не был уверен в лояльности руководства Ставки. Генерал А.И. Спиридович писал, что отставкой Великого Князя «был предупреждён государственный переворот, предотвращена государственная катастрофа»⁵. В своём письме к Императрице Александре Феодоровне Государь писал, что при встрече с дядей-главнокомандующим они «поговорили о вопросах, касающихся военных операций», причём Великий Князь был в добром расположении духа и словоохотлив⁶. Однако на самом деле внезапная отставка стала для Николая Николаевича «большим ударом»⁷. Окружение бывшего Главнокомандующего говорило об его опале. На самом деле это не соответствовало действительности. После вступления Царя в должность Верховного Главнокомандующего был издан «Список высочайших особ, находящихся на Императорской Ставке». Эти лица пропускались в Ставку через все посты без всякой задержки. Имя Великого Князя Николая Николаевича в этом списке стоит на первом месте⁸.

¹ Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 266.

² Данилов Ю. Великий Князь Николай Николаевич. С. 265.

³ Дневник Императора Николая II за 1915 г. Запись от 22 августа // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263. Л. 71.

⁴ Дневник Императора Николая II за 1915 г. Запись от 23 августа // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263. Л. 72.

⁵ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 161.

⁶ Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 186.

⁷ Мельгунов С.П. На путях дворцового переворота. С. 115.

⁸ Инструкция постам у Императорской ставки в Могилёве // РГИА. Ф. 508. Оп. 3. Д. 591. Л. 3.

Таким образом, став во главе вооружённых сил, Император Николай II выполнил важную задачу: он стабилизировал ситуацию в Верховном командовании, сосредоточив его в одних руках.

2. Военно-политическая причина

Военные неудачи 1915 г. побудили думскую оппозицию вновь возобновить давление на Правительство с целью добиться от него больших уступок. Главной задачей этой деятельности было заставить Государя согласиться на так называемое «Ответственное министерство». По замыслу оппозиции это министерство должно было подчиняться не Императору, а главе кабинета, в свою очередь ответственного перед Думой. То есть, по существу, кадеты стремились к введению парламентского строя в России, что шло вразрез с существующим законодательством империи. Желая до поры скрыть свои парламентаристские устремления, кадеты заменили понятие «Ответственное министерство» на «Министерство, ответственное перед народом». Весной 1916 г. Милюков заявил, что эта замена лишь тактический шаг. Как только, пояснял Милюков, «мы получим такое министерство, оно силою вещей скоро превратиться в ответственное министерство»¹.

Весной 1915 г. внутри Совета министров, возглавляемого И.Л. Горемыкиным, сложилась группировка, ориентированная на союз с думской оппозицией. Эта группировка возглавлялась Главноуправляющим земледелием и землеустройством А.В. Кривошеиным («Группа Кривошеина»)². Вторым человеком в этой группе был министр иностранных дел С.Д. Сазонов. Император Николай II поначалу не только не имел ничего против установления связей между Думой и Правительством, но даже высказал своё пожелание Кривошеину, чтобы тот возглавил Совет министров³. Кривошеин, по его собственным словам, пользовался поддержкой Государя, а «без неё ничего ни у кого не получится»⁴.

«Группа Кривошеина» предполагала создать новый кабинет при участии октяристов, представителей капитала и общественных организаций. Видя себя уже во главе правительства, Кривошеин

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1—3 // Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000. Т. 3 (Кн. 1). С. 124.

² Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С. 79—83.

³ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 484.

⁴ А.В. Кривошеин — Императору Николаю II 26 октября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1270. Л. 4.

начал искать тех, на кого он сможет в нём опереться. По его мнению, такой опорой должны были стать кадеты¹. То есть тактика Кривошеина доказывала, что его стратегической целью было введение парламентаризма если не де-юре, то де-факто². Возглавлять Императорское правительство Кривошеин не хотел, а открыто присоединяться к требованию оппозиции ввести думское министерство грозило ему отставкой. Поэтому Кривошеину приходилось действовать опосредовано.

«Группа Кривошеина» потребовала от Горемыкина убрать из правительства неугодных оппозиции министров: юстиции И.Г. Щегловитова, военного В.А. Сухомлинова, внутренних дел Н.А. Маклакова и обер-прокурора Священного Синода В.К. Саблера, которые выступали против союза с оппозицией. Вместо этих министров Кривошеин предлагал генерала А.А. Поливанова, князя Н.Б. Щербатова и А.Д. Самарина. В противном случае министры-«оппозиционеры» грозили подать в отставку. 28 мая министр финансов П.Л. Барк обратился к Горемыкину с настойчивым предложением обратиться к Императору Николаю II с просьбой возобновить заседания Думы раньше положенного срока и замене неугодных оппозиции министров. Горемыкин присоединился к этому требованию, более того, высказал мысль, чтобы «более молодой человек заменил меня, я слишком стар для вас всех»³.

Думская оппозиция и министерская «Группа Кривошеина» решили, что летом 1915 г. настал подходящий момент для создания неподконтрольного Царю кабинета. Великий Князь Андрей Владимирович писал в своём дневнике, что Кривошеин «орудует всем и собирает такой кабинет министров, который был бы послушным орудием у него в руках»⁴. Цель Кривошеина, по мнению Великого Князя Андрея Владимировича, была «умалить власть Государя»⁵.

Эта позиция Кривошеина встречала со стороны части кадетов активную поддержку. Они увидели в «Группе Кривошеина» реальную возможность своего прихода к власти. Бывший легальный марксист П.Б. Струве вышел из кадетского ЦК и стал в июне 1915 г. политическим консультантом Кривошеина. Струве высказался за

¹ Граф В.В. Мусин-Пушкин — А.В. Кривошеину // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 290. Л. 26.

² Дневник И.С. Клюжева. Тетрадь XII // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 167.

³ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 169. С. 78—79.

⁴ Дневник великого князя Андрея Владимировича. С. 112.

⁵ Дневник великого князя Андрея Владимировича. С. 112.

приглашение в Совет министров, на правах членов без портфеля, «общественных деятелей, пользующихся широким доверием», — А.И. Гучкова и князя Г.Е. Львова¹.

В мае 1915 г. в Москве прошли немецкие погромы, поводом для которых стала вспышка холеры, вину за которую толпа возложила на проживавших в Москве немцев². Этими погромами не преминула воспользоваться оппозиция для раздувания шпиономании с антидинастическим подтекстом³. Московские погромы прошли при попустительстве местных властей, главным образом московского градоначальника генерал-майора А.А. Андрианова, причём полиция преступно бездействовала⁴.

Во время великого отступления шпиономания охватила страну. «В обществе только и было разговоров, что о влиянии тёмных сил», — писал председатель Государственной Думы М.В. Родзянко⁵.

Видную роль в нагнетании шпиономании сыграла Ставка Великого Князя Николая Николаевича. В этом смысле она действовала заодно с Гучковым. Так, родилось дело об «измене» жандармского полковника С.Н. Мясоедова, близкого к военному министру генералу В.А. Сухомлинову, одному из главных врагов Гучкова. Полковник Мясоедов ещё до войны беспочвенно обвинялся Гучковым в сотрудничестве с германской разведкой. Возобновление обвинений Мясоедова в измене в 1915 г. шли от Гучкова, имея целью смешение Сухомлинова. Непосредственно расследовали «дело Мясоедова» генерал-квартирмейстер М.Д. Бонч-Бруевич и начальник контрразведки штаба Северо-Западного фронта полковник Н.С. Батюшин, тесно связанные с Гучковым. Обвинения Мясоедова были полностью надуманными. Тем не менее военно-полевой суд приговорил его к повешению⁶. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал от инфантерии Н.И. Иванов не утвердил смертного приговора, так как считал вину Мясоедова недоказанной. Но в дело вмешался Великий Князь Николай Николаевич и лично утвердил приговор. 19 марта 1915 г. Мясоедов был повешен.

¹ Куликов С.В. А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны // Русское прошлое. 1995. Кн. 5. С. 50—51.

² Записка князя Юсупова // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 615. Л. 4.

³ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 119.

⁴ Записка князя Юсупова // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 615. Л. 4.

⁵ Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // АРР. Т. 6. С. 21.

⁶ Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103—116.

Вслед за «делом Мясоедова» Ставка начала активную поддержку думской кампании по обвинению в шпионаже покровителя С.Н. Мясоедова военного министра Сухомлинова. Тем самым Великий Князь указывал обществу и армии «истинных» виновников поражений на фронте.

Немецкие погромы и шпиономания, во многом организованная Ставкой и представителями оппозиционных кругов, стали тем «толчком», который укрепил позиции «Группы Кривошеина». Великий Князь Николай Николаевич «горячо сочувствовал этому движению»¹. 12 июня Кривошеин отправился в Барановичи, где встретился с Великим Князем и просил его воздействовать на Государя с целью отставки двух вызывающих раздражение в обществе министров: Сухомлина и Маклакова². 13 июня во время поездки Императора Николая II в Ставку в Барановичи Великий Князь во время доклада настойчиво ему рекомендовал выполнить просьбу Кривошеина об отставке неугодных министров³. Неожиданно, как для министров-«оппозиционеров», так и Горемыкина, Государь удовлетворил все просьбы министров. Уже 4 июня Николай II послал Главноуправляющему Собственной канцелярией А.С. Танееву записку, в которой приказал подготовить указы об увольнении Н.А. Маклакова и о назначении управляющим Министерством внутренних дел князя Н.Б. Щербатова⁴. Замена Н.А. Маклакова князем Н.Б. Щербатовым произошла 5 июня, генерала В.А. Сухомлина А.А. Поливановым — 13 июня, В.К. Саблера А.Д. Самаритским — 5 июля и И.Г. Щегловитова А.А. Хвостовым — 6 июля.

Эти перемены в правительстве прошли при активном участии Ставки. Протопресвитер Георгий Шавельский в своих воспоминаниях утверждал, что министры были отправлены в отставку «под натиском на Государя со стороны Великого Князя»⁵. В Ставке стали говорить о «новом курсе “на общественность”, который принимается по настоянию великого князя, а посредником примирения правительства с общественностью является вызванный в Ставку умный и хитрый Кривошеин»⁶.

¹ Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. С. 205—206.

² Шаховской В., князь. *Sic transit Gloriamundi*. Так проходит мирская слава. Париж, 1951. С. 87.

³ Всеподданнейший доклад А.В. Кривошеина // РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 203. Л. 33—34.

⁴ Доклад Главноуправляющего Соб. Е. И. В. канцелярии Императору Николаю II // РГИА. Ф. 1409. Оп. 16. Д. 37. Л. 93.

⁵ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954. Т. 1. С. 294.

⁶ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 124.

В беседе с Императором Великий Князь Николай Николаевич настойчиво просил его даровать «Ответственное министерство»¹. Однако Государь, на словах выразив сочувствие этой идее, отказался отправлять в отставку Горемыкина. Тактика Царя объяснялась тем, что он понимал неизбежность в создавшихся условиях компромисса с умеренной частью оппозиции для недопущения к власти оппозиции крайней. Николай II полагал, что при оставлении во главе кабинета верного Горемыкина и при отсутствии деятельности Думы, третья сессия которой закончилась 29 января 1915 г., возможно привлечение в правительство угодных Думе министров². Государь рассчитывал, что новое правительство, поддерживаемое обществом, будет воспринято Думой как «Министерство общественного доверия». При этом контроль над этим министерством останется в руках Государя.

14 июня в Могилёве Император Николай II подписал реескрипт, в котором призвал общество к «совместной с правительством работе для подготовки победы» и указал «на предстоящий созыв Государственной Думы»³. Созыв последней раньше положенного по закону срока было одним из основных требований оппозиции. Бывший начальник петербургского охранного отделения А.В. Герасимов в письме Кривошеину от 16 июня 1915 г. называл «созыв Государственной Думы, в настоящее тяжелое время, крайне опасным»⁴. Эта опасность заключалась «в возможном захвате правительственной власти Государственной Думой»⁵. Горемыкин пытался отсрочить созыв Думы и ограничить её заседания определённым сроком, чем вызвал резкое недовольство большинства членов Совета министров.

Император вновь пошёл навстречу этому большинству, и 19 июля Дума возобновила свою работу. 30 июля 1915 г. Царь дал согласие на создание комиссии по расследованию деятельности В.А. Сухомлинова. 4 августа кабинет уполномочил управляющего МВД разрешить евреям повсеместное жительство «за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министров Двора и военного»⁶. Это

¹ Из дневника б. великого князя Андрея Владимировича Романова за 1916—1917 гг. // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1928. Т. 1 (26). С. 197.

² Кулаков С.В. Указ. соч. С. 56.

³ Кулаков С.В. Указ. соч. С. 56.

⁴ А.В. Герасимов — А.В. Кривошеину, 16 июля 1915 г. // РГИА. Ф. 381. Оп. 41. Д. 29633. Л. 24—25 об.

⁵ А.В. Герасимов — А.В. Кривошеину, 16 июля 1915 г. // РГИА. Ф. 381. Оп. 41. Д. 29633. Л. 24—25 об.

⁶ Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. В 2 т. Пг., 1915. Т. 2. С. 297.

решение нашло поддержку у Императора Николая II, и фактически черта оседлости была отменена.

Больше уступки оппозиции, на которые пошёл Император Николай II с целью сохранения общественного мира, были восприняты ею как слабость. Причиной этого восприятия было стремление оппозиции не к введению парламентского правительства в России, а к захвату власти. Это убедительно продемонстрировала открывшаяся 19 июля думская сессия. Дума отказалась от признания обновленного кабинета «министерством доверия».

Между тем сотрудничество министерской парламентской группы и Ставки Николая Николаевича после открыто враждебной позиции Думы не прекратилось. Государь имел об этом достаточно сведений. Ещё будучи министром, Н.А. Маклаков передал Государю перехваченное секретное письмо Гучкова Великому Князю, которое «очень компрометировало обоих»¹.

А.А. Вырубова писала, что Император Николай II говорил, что Великий Князь Николай Николаевич постоянно, без его ведома, «вызывал министров в Ставку, давая те или иные приказания, что создавало двоевластие в России»².

Особенно Николая II волновали связи Николая Николаевича с Прогрессивным блоком и военно-промышленными комитетами. О тесных связях Великого Князя и «Группой Кривошеина» свидетельствует даже генерал от инфanterии Ю.Н. Данилов, союзник Прогрессивного блока³.

Перед отстранением Великого Князя Царь сказал, похлопывая рукой по папке с какими-то бумагами: «Здесь накопилось достаточно документов против Великого Князя Николая Николаевича. Пора покончить с этим вопросом»⁴. В.Н. Войков, будучи допрошенным чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, показал, что «Государь принял Верховное командование главным образом потому, что Николай Николаевич вмешивался в дела управления государством»⁵.

Решение Императора Николая II вызвало резкий протест у «Группы Кривошеина» в Совете министров. Инцидент вошел в историю под названием «министерская забастовка». Главными застрельщиками «забастовки» были Кривошеин, Сазонов и Поливанов. Все трое убеждали Совет министров и его председателя Горемыкина, что

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 142.

² Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 157.

³ Данилов Ю. Великий Князь Николай Николаевич. С. 5—9.

⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 145.

⁵ Выписки из писем, распоряжений и других документов Николая II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 143.

отстранение Великого Князя будет иметь самые катастрофические последствия для России и что нужно во что бы то ни стало отговорить от этого решения Государя. Однако у Горемыкина были все основания сомневаться в искренности этих утверждений, так как ещё в конце июля 1915 г. на заседаниях правительства эти же министры говорили совсем другое. Так, Сазонов утверждал, что в Ставке «просто безумные люди распоряжаются». Поливанов считал, что «логика и веление государственных интересов не в фаворе у Ставки». Кривошеин заверял, что «если верховным будет сам император, тогда никаких недоразумений не возникло бы, и все вопросы разрешались бы просто — вся исполнительная власть была бы в одних руках»¹. Позже Кривошеин высказался ещё более определённо: «Ставка ведёт Россию в бездну, к катастрофе, к революции». Таким образом, писал генерал Головин, «Император Николай II имел полное право сделать логический вывод, что русские общественные круги желают, чтобы Монарх в своём лице совместил управление страной и верховное главнокомандование»².

Причины, по которым «Группа Кривошеина» поменяла своё прежнее положительное отношение к Великому Князю Николаю Николаевичу, заключались в военных неудачах на фронте. Министерская группа была солидарна с большей частью общества, что Ставка не способна исправить положение. Именно поэтому, в свою очередь, Великий Князь, видя недовольство в отношении его даже союзников из правительства, просил царя о смещении с должности Главнокомандующего.

Однако, когда 18 августа 1915 г. министр Поливанов огласил перед Советом министров волю Государя принять Верховное командование, мнение «Группы Кривошеина» вновь сразу изменилось. Оппозиционные министры в своих попытках ввести думское министерство имели поддержку лице Великого Князя. Его отставка была по интересам и думской оппозиции, которая в значительной мере лишалась рычагов воздействия на армию.

Поливанов, прибыв в Ставку с письмом Императора о грядущей смене командования, призвал смещённого Главнокомандующего оказать возможное сопротивление царскому решению. 10 августа Поливанов имел разговор с намечаемым Николаем II в новые начальники штаба Ставки генералом Алексеевым, и тот признал перемену Верховного главнокомандования в данную минуту «безусловно, вредной»³.

¹ Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни. (Секретные заседания совета министров; 16 июля — 2 сентября 1915 года) // APP. Т. 18. С. 2.

² Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 154.

³ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний военного министра и его помощника. М., 1924. С. 211.

Николай Николаевич, который считал себя всеми оставленным, понял, что в лице «Группы Кривошеина» он по-прежнему имеет союзника. Трудно сказать, насколько далеко был готов идти в этом союзе Великий Князь, но очевидно, что в случае конфликтной ситуации он поддержал бы оппозицию, а не Царя. (Это, кстати, и произошло в феврале 1917 г.)

Сообщая Совету по возвращении в Петроград решение Царя, Поливанов нарушил монаршее повеление, запрещавшее военному министру придавать его огласке, заявив, что это «ужасное» событие «угрожает России»¹. Это сообщение, по словам помощника управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтова, стало «оглушительным ударом среди переживаемых военных несчастий и внутренних осложнений»².

Поздно вечером 20 августа на заседании Совета министров члены «Группы Кривошеина» пытались добиться от Императора Николая II назначения Великого Князя своим помощником, то есть оставить фактически всё без изменений³. Однако Император заявил, что его воля непреклонна и что он уезжает в Ставку через два дня⁴.

21 августа Государь уехал в Ставку, а на заседании Совета министров стали делаться всё более радикальные предложения. Морской министр адмирал И.К. Григорович заявил, что, раз уговоры на Царя «не подействовали», надо обратиться к нему с письменным докладом, в котором изложить мнение Совета. Сазонов горячо одобрил это предложение И.К. Григоровича. Министр внутренних дел князь Щербатов заявил, что «мы все непригодны для управления Российской при слагающейся обстановке». Государственный контролёр П.А. Харитонов полагал, что «если воля Царя не вредна России, ей надо подчиниться, если же вредна — уйти. Мы служим не только Царю, но и России»⁵. В ответ на слова князя Щербатова о невозможности отпускать Императора в заведомую опасность военный министр Поливанов заявил, что этого позволить нельзя, «хотя бы пришлось применить силу»⁶. Обер-прокурор Святейшего Синода А.Д. Самарин: «Трудно при современных настроениях доказать совпадение воли России и Царя. Видно как раз обратное»⁷.

В противоположность натиску «Группы Кривошеина» глава Совета министров Горемыкин разъяснял, что «для него Царь и Россия — не-

¹ Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // APP. Т. 18. С. 100.

² Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. С. 89.

³ Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // APP. Т. 18. С. 67.

⁴ Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 157.

⁵ Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // APP. Т. 18. С. 67—68.

⁶ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 97.

⁷ Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // APP. Т. 18. С. 100.

*разделимые понятия, что в его понимании существа русской монархии воля Царя должна исполняться, как заветы Евангелия*¹.

Совещание 21 августа закончилось крайне нервно. Яхонтов писал, что «ничего подобного никогда в заседаниях не происходило»².

Эмигрантский исследователь Г.М. Катков затрудняется ответить на вопрос о причинах министерского демарша, отмечая, что реакция Совета в любом случае была «иррациональной», так как «сам Совет в течение нескольких недель добивался перемен в Верховном Главнокомандовании»³. Катков отмечает, что решение Царя «было достаточно мотивировано и вполне соответствовало статусу монарха. С государем во главе армии координация действий Ставки и гражданского управления, по всей вероятности, улучшилось бы»⁴.

Советский историк А.Я. Аврех также полагал, что реакция министров была совершенно неадекватна ситуации и «очевидно, что, если бы дело заключалось» только в их опасениях, будто Император не подготовлен к главнокомандованию, их «реакция не была бы столь болезненной острой»⁵. Однако Аврех придерживался ошибочной версии о том, что главная причина министерского демарша заключалась «в страхе, что с переменой командования в Ставке восторжествует распутинское влияние»⁶.

На самом деле причина министерского демарша заключалась не в том, что Император Николай II принял решение возглавить армию. Понимание причин «министерской забастовки» следует искать в тайных связях «Группы Кривошеина» с лидерами Прогрессивного блока и её устремлении к участию в «ответственном министерстве».

Ещё до официального оформления Прогрессивного блока, в ходе дебатов на совете старейшин Государственной Думы, кадет М.Люков и прогрессист И.Н. Ефремов, высказываясь за скорейшее создание кабинета общественного доверия, давали щедрые предложения сочувствующим кадетам министрам. Во главе кабинета предлагалась кандидатура А.В. Кривошеина, а министром иностранных дел — С.Д. Сазонова⁷.

18 августа 1915 г. в газете «Утро России», издаваемой близким к Прогрессивному блоку П.П. Рябушинским, появился список

¹ Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // APP. Т. 18. С. 100.

² Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // APP. Т. 18. С. 101.

³ Катков Г.М. Указ. соч. С. 153.

⁴ Катков Г.М. Указ. соч. С. 153.

⁵ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 91.

⁶ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 91.

⁷ Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи. 1906—1917.

М.: Книга и бизнес, 1998. С. 504.

лиц, которых блок хотел бы видеть в составе «Ответственного министерства». В этом списке числились два министра: Поливанов и Кривошеин. Первый ещё до войны был тесно политически связан с самым революционно настроенным членом блока Гучковым¹. А.Н. Яхонтов писал, что «за Поливановым всегда чувствовалась тень Гучкова», которого генерал «ладил в спасители отечества»². В свою очередь, с Поливановым был в тесных контактах Кривошеин. Он на заседании правительства 20 августа заявил в присутствии Государя и министров, что в военное время во главе правительства должен стоять военный министр, прямо намекая на генерала Поливанова. Г.М. Катков полагает, что Кривошеин, выдвигая Поливанов на посту председателя Совета министров, «заботился о своей собственной кандидатуре»³.

Однако оппозиция к этому времени выдвигала на первую роль уже не Кривошеина, а Гучкова. Товарищ министра земледелия граф В.В. Мусин-Пушкин говорил Кривошеину, что мнения думцев по поводу того, кто возглавит будущее ответственное министерство, Кривошеин или Гучков, разделились не в пользу первого. Мусин-Пушкин писал Кривошеину, «что вы уже опоздали»⁴.

Таким образом, настойчиво прося Царя согласиться с диктатором в лице генерала Поливанова, «Группа Кривошеина» фактически ставила вопрос «о передаче власти «правительству общественного доверия»»⁵. Для Императора Николая II это означало фактически передачу власти оппозиции с непредсказуемыми последствиями. Компромисс с оппозицией, возможный в условиях контроля над правительством в лице верного председателя, становился опасным и невозможным с его удалением и заменой на продумского «диктатора».

21 августа во время доклада Государю министр торговли князь В.Н. Шаховской высказал свои соображения о крайней нежелательности доверять Совет министров Поливанову, которого Шаховской назвал «неверным человеком», и тем более наделять его «диктаторскими» полномочиями. Шаховской встретил в этом вопросе понимание со стороны Царя, который сказал, что «это невозможно и этого не будет»⁶.

¹ Катков Г.М. Указ. соч. С. 161.

² Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // APP. Т. 18. С. 69.

³ Катков Г.М. Указ. соч. С. 161.

⁴ Граф В.В. Мусин-Пушкин — А.В. Кривошеин // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 290. Л. 30.

⁵ Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991. С. 364.

⁶ Шаховской В., князь. Указ. соч. С. 123.

После отъезда Государя в Ставку борьба оппозиционных министров с И.Л. Громыкиным возобновилась с новой силой. На заседании 26 августа Сазонов в полемике с главой правительства открыто поддерживал Прогрессивный блок, называя его членов «людьми, болеющими душой за родину»¹. Сазонов требовал поддержать блок, но на все свои предложения встретил твёрдый отказ со стороны Гремыкина. Примечательно, что Сазонов, столь убеждённо доказывающий в Совете министров невозможность принятия Императором Верховного командования, незадолго до этого высказывал совсем иные мысли. За день до принятия Царём Верховного командования Сазонов встречался с Великими Князьями Андреем и Борисом Владимировичами. Министр с тревогой говорил о положении дел на фронте. Затем он добавил: *«К счастью, всему этому скоро будет положен конец. Государь сам вступит в командование армией»*. При этом Сазонов высказал опасение, что *«всякая неудача падёт на Государя и даст повод его критиковать»*. Министр поинтересовался у Великих Князей, что они думают по этому поводу. После того как те однозначно высказались в пользу царского решения, Сазонов подтвердил, что *«существовавшее двоевластие в России вещь не только не желательная, но прямо вредная. Продолжаться такое положение не может, и положить конец этому может только принятие государем лично командования»*².

Сазонов, Кривошеин и Поливанов знали, что прогрессисты готовы прибегнуть к более решительным действиям, поставив Монарху ультиматум. На это же были готовы пойти и в Ставке Великого Князя. В Могилёве даже собирались потребовать отмены Императором своего решения, а в случае отказа его исполнить их требование — арестовать его³. По словам протопресвитера Георгия Шавельского, Николай Nikolaevich долго думал над этим предложением, но затем заявил, что он *«прежде всего верноподданный, а потому сделанное ему предложение отвергает»*⁴.

Интересно, что интрига с захватом власти Николаем Nikolaevichem и Прогрессивным блоком была известна и широко использовалась противником в целях агитации. Среди солдат русской армии немцами распространялась листовка с фальшивым текстом взвивания к ней Николая II. В листовке говорилось, что Царь обращается к своим солдатам в *«самые трудные минуты своей жизни»*.

¹ Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // APP. Т. 18. С. 106.

² Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. С. 70.

³ Друкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914—1918 гг.). Орел, 1994. С. 38—39.

⁴ Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В.П. Семёновника. М.—Л.: Госиздат, 1927. С. 231.

Настоящая война, якобы писал Царь, затеяна не им, она вызвана интригами Великого Князя Николая Николаевича, желающего свергнуть Императора, «дабы самому занять престол». В продолжении войны заинтересован «коварный мой родственник и вероломные генералы». Подписана листовка была от имени «вашего несчастного Царя Николая II»¹.

В августе 1915 г. произошла смычка между прогрессистской оппозицией, «Группой Кривошеина» в правительстве и верхушкой Ставки. Эта смычка была направлена против Императора Николая II, поэтому своим решением он эту смычку разорвал. Г.М. Катков считал: «Решение Государя обмануло надежды блока на реформу правительства и разочаровало министров, на-деявшихся установить с блоком рабочее соглашение»². Однако Катков в данном случае смягчает оценки. Дело было не в том, что Царь обманул «надежды блока на реформу», а в том, что он своим решением сорвал намерение либеральной оппозиции, поддерживаемой частью министров, по насильтственному установлению парламентаризма.

Современник тех событий, близкий к военным кругам Ставки, называл Великого Князя Николая Николаевича «стержнем, вокруг которого плелась вся интрига против личности русского монарха»³. Этот же источник объясняет министерский демарш лета 1915 г. страхом «Группы Кривошеина» перед «провалом заговора, в котором, как выяснилось впоследствии, они играли видную роль»⁴.

27 августа произошла тайная встреча Сазонова и Кривошеина с представителями Прогрессивного блока. На ней обе стороны пришли к выводу, что при Горемыкине никаких конституционных перемен произойти не может, а значит, он должен уйти.

28 августа, на следующий день после встречи с представителями Прогрессивного блока, «Группа Кривошеина» поставила вопрос о перерыве сессии Государственной Думы. Горемыкин, как и члены правительства, был за перерыв. Но он хотел это сделать в жёсткой форме, объявив главной причиной этого перерыва действия Прогрессивного блока. Министры выступали за мирный перерыв, согласованный с председателем Государственной Думы Родзянко.

¹ Немецкая прокламация в виде «обращения» Николая II к русским солдатам // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 596. Л. 1.

² Катков Г.М. Указ. соч. С. 156.

³ Ставка Верховного Главнокомандующего. Рассказ очевидца // Русская летопись. Кн. 7. Париж, 1925. С. 156—172.

⁴ Ставка Верховного Главнокомандующего. Рассказ очевидца // Русская летопись. Кн. 7. Париж, 1925. С. 156—172.

При этом министры постоянно проводили мысль, что этот перерыв обязательно должен сопровождаться с изменениями в составе правительства, угодными Думе¹.

Сазонов пугал Горемыкина грядущим насилием на петроградских улицах, массовыми выступлениями рабочих в случае, если Дума будет распущена².

Императрица Александра Феодоровна писала Николаю II, что «*Сазонов не ходит на заседание Совета министров — это ведь неслыханная вещь! Я это называю забастовкой министров*»³.

Результатом совещания 28 августа стало известное письмо министров Царю. Письмо это было подписано П.А. Харитоновым, П.Л. Барком, А.В. Кривошеиным, С.Д. Сазоновым, князем Н.Б. Щербатовым, А.Д. Самариным, графом П.Н. Игнатьевым и князем В.Н. Шаховским. Общий смысл письма сводился всё к тому же: повторялась просьба к царю не возглавлять армию. По мнению подписавших, принятие Императором Николаем II «*такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, вам и династии вашей тяжёлыми бедствиями*». Заканчивалось письмо следующими словами: «*Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность сознанием пользы служить вам и родине*»⁴.

Письмо министров «совпало» с письмом Государю председателя Государственной Думы, в котором тот призывал отказаться от принятия Верховного командования. Родзянко указывал, что Царь есть «*священное знамя*», а поэтому он «*не имеет права перед страной допускать малейшую возможность, чтобы на это знамя легла какая-либо тень*»⁵.

15 сентября по приказу Николая II министры выехали к нему в Ставку. Там их ждал весьма холодный приём. Министров не встретили на перроне, не подали экипажей. К Высочайшему обеду их не пригласили. При встрече с Государем тот глухим голосом заявил, что он был очень огорчён, получив письмо министров, несмотря на твёрдо им выраженную волю принять командование. Николай II сказал, что полностью доверяет председателю Совета министров и требует, чтобы все следовали его руководству. Император заявил, что «*все усилия правительства и всей страны должны быть сосредоточены на мысли о войне*». Государь высказал далее главные

¹ Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // APP. Т. 18. С. 68.

² Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни // APP. Т. 18. С. 69.

³ Николай II в секретной переписке. С. 212.

⁴ Коллективное письмо министров Николаю II от 21 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 620.

⁵ М.В. Родзянко — Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 610. Л. 1.

приоритеты текущего момента: победа в войне и сохранение общественного согласия как гарантии этой победы¹.

Однако министры, как и оппозиция, эти приоритеты не разделяли. Политическая борьба была для них важнее военного успеха. Царю это стало понятным из продолжившегося спора между министрами и Горемыкиным. Выслушав их, Государь заявил министрам, что когда он приедет в Царское Село, то примет дальнейшие решения².

26 сентября Император Николай II отправил в отставку А.Д. Сазонина и А.В. Кривошеина. Отставка главного министерского оппозиционера была произведена Императором очень мягко, сопровождалась милостивым рескриптом и награждением орденом Св. блгв. Великого Князя Александра Невского³. В течение декабря 1915 г. и по июль 1916 г. было отправлено в отставку и всё правительство. Последними были уволены А.А. Поливанов (март 1916 г.) и С.Д. Сазонов (июль 1916 г.). Это объясняется тем, что Поливанов должен был закончить возглавляемую им работу по организации военного снабжения, а Сазонова всецело поддерживали союзники. Отставка Сазонова произошла в условиях полной секретности. Её причинами стало то, что министр иностранных дел «слишком усердно принял сторону общественности и Прогрессивного блока»⁴.

Государя особенно насторожили настойчивые предложения Сазонова даровать Польше конституцию. Министр даже представил Царю проект такой конституции⁵. Между тем Николай II являлся сторонником административной, но не политической автономии Польши. Вопрос именно об административной автономии был Царём решён положительно уже к началу 1916 г. Б.В. Штюрмер показывал на допросе чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, что 1 августа 1916 г. «относительно судьбы составленного в совете министров проекта манифеста о польской автономии, быв. государь сказал, что обнародует этот проект, лишь после вступления русских войск в Царство Польское»⁶.

¹ Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 156—157.

² Поливанов А.А. Указ. соч. С. 158.

³ А.В. Кривошеин — Императору Николаю II 26 октября 1915 // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1270. Л. 3—4

⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 331.

⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 331.

⁶ Выписки из писем, распоряжений и других документов Николая II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 114.

Штюрмер, так же как и Царь, придерживался мнения о том, что вопрос о польской автономии неуместен, пока Царство Польское находится под германской оккупацией¹. Однако Сазонов продолжал настаивать именно на политической автономии, причём он требовал ввести её немедленно вместе с польской конституцией. При своих приездах в Ставку Сазонов начинал обсуждать необходимость польской автономии с генералом М.В. Алексеевым и Н.А. Базили². Если учесть, что в этот же период шли активные секретные контакты французского посла М. Палеолога с польскими сепаратистами³, то линия министра иностранных дел стала представляться Царю явно опасной. Отставка Сазонова была предрешена⁴.

Генерала Поливанова Царь весьма ценил за его военно-административные способности. Тем более что Поливанов пользовался авторитетом среди штабных работников. Генерал Генштаба П.И. Аверьянов вспоминал, что «ход генерала Поливанова с должности военного министра вызвал всеобщее огорчение»⁵. Но Николаю II было хорошо известна близость Поливанова к Гучкову. Их «дружная работа», по мнению генерала Сухомлина, могла привести к «большой беде»⁶. Государь не доверял Поливанову не только из-за его контактов с Гучковым. Военный министр пытался всячески дискредитировать Царя, даже порою ценой понижения обороноспособности русской армии.

Это видно на примере с историей конструктора Братолюбова. 19 декабря 1915 г. Великий Князь Михаил Александрович написал письмо Императору Николаю II, в котором, ссылаясь на их разговор в Царском Селе, сообщал, что разрешил изобретателю А.А. Братолюбову «приступить к работам» по испытаниям нового оружия. По смете изобретателя на эти работы требовалось 2 млн 500 тыс. американских долларов⁷. Поливанов, вспоминая об этом, изображал дело так, будто Великий Князь и царь доверили какому-то авантюристу Братолюбову значительные государственные средства⁸.

¹ Доклад председателя совета министров Штюрмера Б.В. Николаю II // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 47. Л. 10—11.

² Куликов С. Указ. соч. С. 213.

³ М.А.Е. РА 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. Vol. 7.

⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 331.

⁵ Аверьянов П.И. Страницы прошлого. 1914—1917 гг. // ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.

⁶ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск:Харвест, 2005. С. 183.

⁷ Вел. Кн. Михаил Александрович — Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 146—147.

⁸ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 94.

На самом деле Братолюбов был не авантюристом, а довольно известным конструктором и изобретателем, проектировавшим бронеавтомобили и «летающие лодки» для Военного ведомства. Самыми интересными для военного дела были опыты Братолюбова с зажигательными смесями. В дневнике Императора Николая II от 5 ноября 1915 г. имеется следующая запись: «В 3 часа между военной жел.-дор. платформой и водокачкой изобретатель Братолюбов показывал интересные опыты с его воспламеняющимися жидкостями. От смешения их происходит моментальное воспламенение, причем никакими средствами потушить огонь нельзя»¹.

Более пространные воспоминания об этих испытаниях мы находим у генерала А.Г. Шкуро, который был вызван в Ставку, где «присутствовал при опытах со вновь изобретенной зажигательной жидкостью, которой наполнялись снаряды и пули. При ударе пуля разрывалась, и возникал пожар, не поддававшийся никакому тушению»². Шкуро пишет, что на этих испытаниях присутствовали Государь, Наследник Цесаревич, Великие Князья, генералы М.В. Алексеев и А.П. Багаевский. Николай II лично стрелял зажигательными пулями в специально для этого подготовленные кирпичную стену и деревянный дом. При попадании пули в эти объекты, несмотря на дождливый день, они начинали гореть. Шкуро вспоминал, что ему «было предложено применить это изобретение во время партизанских набегов, но я так и не получил никогда этих зажигательных пуль»³.

Таким образом, изобретения А.А. Братолюбова в области зажигательных смесей были серьёзными и имели практический результат. В связи с этими вызывает недоумение, почему генерал Поливанов сделал всё, чтобы изобретения Братолюбова не были взяты на вооружение. Сам Поливанов объяснял этот факт «аморальными качествами изобретателя»⁴.

Ложную информацию об опытах Братолюбова излагал не только Поливанов, но и весьма близкий к нему капитан 1-го ранга А.Д. Бубнов⁵. Против Братолюбова резко выступал и председатель Государственной Думы М.В. Родзянко. В своих воспоминаниях он не жалеет красок, чтобы опорочить и самого изобретателя, и его изобретение⁶.

¹ Дневник императора Николая II за 1915 г. Запись от 5 ноября // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263. Л. 90.

² Шкуро А.Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 60.

³ Шкуро А.Г. Указ. соч. С. 60.

⁴ Лемке М. Указ. соч. С. 112.

⁵ Бубнов А. Указ. соч. С. 190—193.

⁶ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 137.

Поливанов пытался, и ему это в известной степени удалось, расставить на разные высокие военные должности верных ему людей. В частности, 17 октября 1915 г. он предложил назначить начальником инженерных снабжений армий Северного фронта генерал-майора В.Л. Коллонтай, который был первым мужем А.М. Домонто维奇. Последняя при разводе оставила фамилию мужа и под ней вошла в историю как «первая советская женщина-посол». Коллонтай была близка к большевикам. Русская контрразведка считала её причастной к подрывной деятельности в пользу Германии¹. По-видимому, на генерала тоже имелась компрометирующая информация, так как Государь, прочитав предложение Поливанова о назначении его на вышеуказанную должность, положил резолюцию: «*Ввиду имеющихся у меня дурных сведений о нём, на назначение это не согласен*².

Другим выдвиженцем Поливанова на должность начальника Генерального штаба стал генерал М.А. Беляев, будущий последний военный министр императорской России. Генерал Беляев, впрочем, после смещения Поливанова всячески отмежёвывался от своего бывшего покровителя³.

Генерал-лейтенант П.К. Кондзеровский вспоминал, что накануне отставки Поливанова, во время приёма в Ставке, Николай II, доброжелательный со всеми, демонстративно не общался с одним лишь Поливановым⁴. Отправляя Поливанова в отставку, Николай II указал, что недоволен его связями с Гучковым и возглавляемыми им военно-промышленными комитетами, чья деятельность не внушает Царю доверия⁵.

Но кроме политических причин отставки Поливанова с должности министра, была ещё причина военная. Николай II был крайне не доволен плохим обеспечением Нарочской операции артиллерийскими снарядами, хотя преодоление «снарядного голода» было одной из главных задач Поливанова⁶. 10 марта Государь принял решение

¹ Емельянов Ю.Н. Б.В. Никитин и его свидетельства о «роковом семнадцатом» // Никитин Б.В. Роковые годы. Новые показания участника. М.: Айрис-Пресс, 2007. С. 15.

² Записка генерала Поливанова Императору Николаю II [с собственноручной резолюцией Царя] // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л.17.

³ Аверьянов П.И. Страницы прошлого. 1914—1917 // ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.

⁴ Кондзеровский П.К., генерал-лейтенант. В Ставке Верховного 1914—1917. Воспоминания дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж, 1967. С. 76.

⁵ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 586.

⁶ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и революцию (1907—1917). М.: Три квадрата, 2003. С. 148.

заменить Поливанова на генерала Д.С. Шуваева¹. Николай II отметил, что с отставкой Поливанова он станет «спать спокойно»².

Ещё одной важной отставкой, связанной с политическим кризисом лета 1915 г., стало удаление 19 августа с занимаемых должностей товарища министра внутренних дел и командира корпуса жандармов генерал-майора В.Ф. Джунковского. Роль этого генерала в оказании помощи революции нельзя не признать значительной. Возглавив в 1913 г. Отдельный корпус жандармов и контроль над охранными отделениями, Джунковский запретил институт секретных сотрудников в учебных заведениях, в армии и на флоте, уволил большое количество жандармских офицеров. По приказу Джунковского было снято негласное наблюдение за Гучковым, которое ранее велось постоянно. Именно Джунковский выдал Родзянко имя главного секретного сотрудника в Государственной Думе большевика Р.В. Малиновского³.

Отставка Джунковского не была простым оставлением службы. Это была царская опала. В своём письме Императору Николаю II Джунковский писал, что его тяготит «полная неизвестность своей вины»⁴. Джунковский объяснял причину своей отставки попыткой в августе 1915 г. открыть Царю «правду» на «похождения» Распутина в ресторане «Яр». Джунковский заявил Государю, что поведение Распутина представляет «опасность, которая угрожает государству и династии», и является «орудием какого-нибудь сообщества, которое хочет повлечь Россию к гибели»⁵. Генерал утверждал, что на его просьбу разрешить ему расследование деятельности Распутина Николай II ответил: «Я вам не только разрешаю, но я вас даже прошу сделать это. Но, пожалуйста, чтобы все эти доклады знал я и вы, это будет между нами»⁶.

Однако Джунковский, вопреки повелению Государя, показал свой доклад о Распутине Великому Князю Дмитрию Павловичу, который рассказал о нём отцу Великому Князю Павлу Александровичу и А.А. фон Пистолькорс⁶.

Это непорядочность Джунковского вызвала неприязнь к нему со стороны Императора. Однако, по всей видимости, даже

¹ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 419.

² Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 148.

³ Колоколов Б. Дилетант в голубом мундире, или «Третий путь» генерала Джунковского // Красная звезда. 25 апреля 2007.

⁴ В.Ф. Джунковский — Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1246. Л. 1—3.

⁵ Допрос генерала В.Ф. Джунковского // Падение царского режима. Т. 5. С. 104.

⁶ Николай II в секретной переписке. С. 165.

не это стало причиной его отставки. Начальник Московского охранного отделения полковник А.П. Мартынов писал в своих воспоминаниях: «В 1915 году Джунковский “поскользнулся” на одной “апельсинной корке”, ловко прикрыв её для публики своим “антираспутинством”»¹.

Что же это была за «апельсиновая корка», на которой так неудачно «поскользнулся» генерал Джунковский? По свидетельству генерала Спиридовича, Джунковский знал о существовании заговора против Императора, замышляемого в Ставке, и ничего не сообщил об этом Государю, который счёл это молчанием «странным, если не подозрительным»².

После отставки Джунковский получил от Гучкова письмо, в котором тот, выражая свое сочувствие, прозрачно намекнул, что, когда придёт момент, новая Россия не забудет заслуг генерала³.

В результате отставок конца 1915 — начала 1916 г. правительство, на некоторых членов которого делала ставку кадетско-октябрьская оппозиция в своих стремлениях изменить государственный строй в России, прекратило существование. Вслед за оппозиционными министрами свой пост главы правительства потерял и лояльный Царю И.Л. Горемыкин, который становился не нужен в новых политических условиях. Он был отправлен в отставку в январе 1916 г. и заменён Б.В. Штурмером. Новый кабинет министров был встречен оппозицией ещё более враждебно, чем предыдущий.

Глава 2

Августейший Верховный Главнокомандующий

Преодоление военного кризиса и стабилизация фронта осенью 1915 г.

23 августа 1915 г. Император Николай II издал приказ по армии, в котором он объявлял о принятии на себя «предводительствования всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами, находящимися на театре военных действий». В приказе Царь собственноручно написал: «С твёрдой верой в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять

¹ «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1 и 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. С. 144.

² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 147.

³ Варламов А. Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007.

наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской. Николай»¹.

С этого дня начался новый этап в войне России против Германии и Австро-Венгрии, этап, который знаменовался стабилизацией фронта, самой крупной победой русской армии за эту войну, восстановлением и наращиванием военной мощи и трагической катастрофой в феврале 1917 г.

Для Государя принятие Верховного главнокомандования было сопряжено с сильными душевными переживаниями. «Господи, помоги и вразуми меня!» — записал он в своём дневнике². Те же настроения в письме Императрице от 25 августа 1915 г.: «Я подписал мой первый приказ и прибавил несколько слов довольно-таки дрожащей рукой!»³

Император Николай II принял на себя Верховное Главнокомандование в тяжелейший период войны. Полковник Э.Н. Гиацинтов писал: «Нужно подчеркнуть, что Государь принял на себя эту тяжёлую обязанность Главнокомандующего всей русской армией не в момент побед, когда бы он мог украсить свою голову лавровым венком, а как раз в самое тяжёлое время»⁴.

Керновский считал, что решение Государя стать во главе армии «было единственным выходом из создавшейся критической обстановки. Каждый час грозил гибелью. Верховный главнокомандующий и его сотрудники неправлялись больше с положением — их надлежало срочно заменить. А за отсутствием в России полководца заменить Верховного мог только Государь.

История часто видела монархов, становившихся во главе победоносных армий для лёгких лавров завершения победы. Но она ёщё ни разу не встречала Венценосца, берущего на себя крест возглавить армию, казалось, безнадёжно разбитую, знающего заранее, что здесь его могут венчать не лавры, а только терния»⁵.

Как же отреагировала армия на решение Императора? На этот вопрос ответить весьма нелегко. Это касается, прежде всего, генералитета и высших кругов. Следует учесть, что большинство из тех генералов, что оставили воспоминания, А.И. Деникин, Ю.Н. Данилов, А.А. Брусилов, либо принимали участие в заговоре против Царя, либо находились в дружественных отношениях с его недругами.

¹ Приказ Императора Николая II по армии // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 619. Л. 1.

² Дневник Императора Николая II за 1915 г. Запись от 23 августа // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263. Л. 72.

³ Николай II в секретной переписке. С. 187.

⁴ Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 55.

⁵ Керновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 306.

Генерал А.И. Деникин писал, что «в августе 1915 года Государь, под влиянием кругов Императрицы и Распутина, решил принять на себя верховное командование армией. [...] Этот значительный по существу акт не произвёл в армии большого впечатления»¹.

С.П. Мельгунов, которого нельзя заподозрить в симпатиях к Самодержавию, писал, что твёрдую волю, какую проявил Николай II, принимая командование, «никакими посторонними влияниями объяснить нельзя, а тем более “немецко-распутинским” окружением Александры Фёдоровны, как продолжал думать генерал Деникин»². С ним соглашался генерал Н.Н. Головин, который писал, что деникинские строки «грешат непониманием народных масс. Мы сами были свидетелями, с каким энтузиазмом встречали войска Государя после того, как он стал Верховным Главнокомандующим»³. Мнение Головина тем более ценно, что он не был сторонником принятия Николаем II Верховного командования и утверждал вполне обоснованно, что одновременно с воодушевлением по поводу этого принятия в войсках испытывали чувства глубокого сожаления по поводу удаления Великого Князя Николая Николаевича⁴.

Великий Князь Андрей Владимирович свидетельствовал, что «смена штаба вызвала общее облегчение в обществе. В армии даже это вызвало взрыв общего энтузиазма и радости. Вера в своего Царя и в благодать Божию над ним создало благоприятную атмосферу»⁵.

Бывший военный министр генерал от инfanterии А.Ф. Редигер писал, что Царь принял командование над армиями «находившимися в то время в самом критическом положении». Сославшись на то, что он не знает причины, по которой Николай II принял командование, Редигер осторожно её подсказывает, говоря, что «отношение Государя к Великому Князю Николаю Николаевичу стало довольно натянутым и, может быть, это оказало влияние»⁶.

Другой генерал, А.А. Брусилов, считал, что впечатление в войсках от замены Великого Князя «было самое тяжёлое, можно сказать — удручающее. Было общеизвестно, что Царь в военных вопросах решительно ничего не понимал и что взятое им на себя

¹ Деникин А.И. Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991. С. 103—104.

² Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. С. 73.

³ Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 155.

⁴ Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 155.

⁵ Дневник б. Великого Князя Андрея Владимирович. С. 99.

⁶ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 398.

*звание будет только номинальным*¹. Воспоминания Брусилова грешат предвзятостью, которая объясняется чувством обиды, которое генерал испытывал к Царю. Брусилов считал, что пожалование ему Государем почётной должности генерал-адъютанта обижало самолюбие, так как «из Высочайших уст было сказано, что я жалуюсь в звание не за боевые заслуги, а за Высочайшее посещение и обед в штабе вверенной мне армии»². В.Н. Воейков вспоминал: «Обиду эту генерал Брусилов сумел очень хорошо скрыть, так как на вид был страшно взволнован благорасположением к нему государя императора, изливал свои верноподданнические чувства, целовал руку Царя»³.

Вслед за генералом Брусиловым сотрудник Генерального штаба генерал П.И. Аверьянов, который ни разу с Царём даже не общался, утверждает, что «всем было хорошо известно, что ни по своему характеру, ни по своей военной подготовке, в особенности в области стратегии, Государь совершенно не подходил на роль всеобщего вождя»⁴.

Вице-адмирал А.В. Колчак считал Великого Князя Николая Николаевича «самым талантливым из всех лиц императорской фамилии». При этом Колчак приветствовал смену Великого Князя и вступление Императора Николая II в Верховное командование, так как присутствие генерала Алексеева на должности начальника штаба Ставки являлось для Колчака «гарантией успеха в ведении войны»⁵.

Адмирал И.К. Григорович, последний морской министр императорской России, считал, что при глубоко положительных мотивах, побудивших Государя принять решение о вступлении в Верховное командование, результаты этого решения были трагическими⁶.

Своевременным, правильным и единственным возможным считал решение Царя генерал А.И. Спиридович, полагая, что в создавшейся обстановке «выход был один — Верховное Главнокомандование должен был брать на себя сам Государь»⁷.

¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Военное издательство НКО, 1943. С. 158—159.

² Брусилов А.А. Указ. соч. С. 136.

³ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 77.

⁴ Аверьянов П.И. Страницы прошлого. Т. 2. 1914—1917 // ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 94.

⁵ Допрос Колчака. Л.: Ленгиз, 1927. С. 47.

⁶ Григорович И.К. Воспоминания // РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 5. Л. 126. Копия.

⁷ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 143.

Генерал-майор А.А. Носков писал, что «для большинства русских, и тем более для армии, это решение вызывало удовлетворение: перед лицом столь грозных для России обстоятельств Государь стал во главе войска»¹.

Фронтовое офицерство в своей массе восприняло смену командования «как должное: Государь должен был командовать нами, а не какой-нибудь Великий Князь...»².

Генерал-лейтенант В.Е. Борисов писал, что «с точки зрения военных требований полнота и всесторонность власти была на стороне Императора»³.

Генерал Спиридович приводит слова генерала от инфanterии графа А.А. Адлерберга: «Мы стояли и разговаривали втроём, когда принесли телеграмму о принятии Государем Верховного командования, генерал Крымов, командир местного пехотного полка, и я. Я выразил большую радость, радовался генерал Крымов. Пехотный командир полка перекрестился. Я спросил его, почему он крестится? И командир начал рассказывать, как много неправильного сделала старая Ставка. Теперь всё перемениется, говорил командир»⁴.

Великий Князь Кирилл Владимирович утверждал, что «принятие Государем Верховного Главнокомандования приветствовалось солдатами — на фронте возродилась надежда»⁵.

Но тем не менее реакцию армии на решение Государя нельзя назвать однозначной. С одной стороны, был безусловный энтузиазм солдат и офицеров. Но этот энтузиазм не был всеобщим, всеохватывающим, так как армия устала от войны и в армии, как в зеркале общества, отражались все проявления этого общества. С другой стороны, в армии была целая группа высшего офицерства, которая относилась к Государю равнодушно, а некоторая просто враждебно. Это не могло не чувствоваться рядовым составом армии и не могло не влиять на него. Можно сказать определенно, что значительное число высших военачальников, особенно тех, кто был уволен вместе с Великим Князем, чувствовали себя обиженными и приняли решение царя с плохо скрываемой враждой. Эти

¹ Noskoff A.A. (*général*). Nicolas II inconnu. Commandant suprême, Allié, Chef d'Etat. Plon, Paris. 1920. P. 9—17.

² Гиацинтов Э. Указ. соч. С. 55—56.

³ Борисов В. Генерал М.В. Алексеев, начальник штаба Верховного Главнокомандующего в войну 1914—1915 гг. // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград, 1922. Кн. 2. С. 14.

⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 174.

⁵ Кирилл Владимирович, Великий Князь. Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996. С. 234.

вражда и обида особенно проявились в их послереволюционных мемуарах.

Генерал М.А. Свечин писал в своих воспоминаниях: «После сдачи Ковельской крепости, к началу осени 1915 года, Государь решил лично принять на себя Верховное Командование армиями. Начальником штаба Император Николай II назначил мудрого генерала Алексеева. Великий Князь Николай Николаевич был направлен на Кавказ, сменив престарелого графа Воронцова-Дашкова. Эта большая перемена прошла для действующей армии мало заметной, но возбудила большие толки и пересуды как в кругах русского общества, отрицательно отнесшегося к этой замене, так и министров русского правительства. Жалели уход Великого Князя, переоценивали его как полководца, считая, что принятие Государем Верховного Командования, отвлечет его от управления государством.

Разбирая вопрос о смене командования с военной точки, нельзя не видеть, что окружение Великого Князя и его ближайшие сотрудники слабее сотрудников Государя. Отдавая должное любви Великого Князя Николая Николаевича к военному делу и требованиям к усовершенствованию, нельзя не видеть в нем нужной полководцу воли, которая у него пасовала в принятии важных решений»¹.

Сам Государь так оценивал своё решение в письме Императрице Александре Феодоровне: «Люди приняли этот шаг как нечто естественное и поняли его, как мы. Доказательство — куча телеграмм, которые я получаю со всех сторон — в самых трогательных выражениях. [...] Здесь я могу судить правильно об истинном настроении среди разных классов народа: всё должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца, и никаких сомнений на этот счёт не высказывается»².

Таким образом, сомнения, страхи и пророчества катастрофы, которыми члены правительства и думской оппозиции встретили известие о принятии Государем Верховного командования, оказались несостоительными. Наоборот, именно после того, как Николай II стал во главе армии, ход войны принял для России положительный оборот.

В историографии весьма распространено мнение о полной неподготовленности Императора Николая II к военному руководству, а роль его в должности Верховного Главнокомандующего была декоративной. Однако имеющиеся объективные источники заставляют определить подобное мнение как тенденциозное.

¹ Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 111.

² Николай II в секретной переписке. С. 222—223.

Император Николай II получил хорошее военное образование, которым руководили такие известные военные теоретики, как генерал от инfanterии М.И. Драгомиров (по боевой подготовке войск), генерал от инfanterии Г.А. Леер (по стратегии и военной истории), генерал Н.А. Демьяненко (по артиллерию), П.Л. Лобко (по военной администрации).

Тяга к военному делу, как у большинства членов Дома Романовых, была развита у Государя с детства. Как и у его пращура Петра Великого, у будущего государя уже были свои «потешные» солдаты, с которыми он участвовал в «учениях и боях» в саду Аничкова сада¹. Генерал А.А. Мосолов писал: «Царь считал себя военным, первым профессиональным военным своей империи»².

В фонде 601 ГА РФ (Николай II) имеются документы, посвящённые военным занятиям Наследника Цесаревича Николая Александровича, позволяющие дать представление о полученном им военном образовании.

Ученические тетради Великого Князя Николая Александровича по изучению военного дела. 10 августа 1884—6 марта 1889 г.³ Ученические тетради Великого Князя Николая Александровича по военной топографии. 23 августа 1884—3 января 1885 г.⁴ Вычисления Николая II по морским, навигационным приборам. Май 1885 г.⁵ Ученические тетради Великого Князя Николая Александровича по фортификации. 10 октября 1885—2 февраля 1887 г.⁶ Конспект курса артиллерии, написанный для Великого Князя Николая Александровича. 1886 г.⁷ Учебные записки Великого Князя Николая Александровича по военному делу. 1887 г.⁸ Записи Великого Князя Николая Александровича по курсу стратегии. 1888 г.⁹

Тем не менее некоторые современники Императора Николая II считали это военное образование недостаточным. Так, генерал от инfanterии Н.А. Епанчин писал, что «касается до военно-научного

¹ Баханов А.Н. Император Николай II. М.: Русское слово, 1998. С. 25—27.

² Мосолов А.А., генерал. При Дворе последнего Императора. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1906—1916. СПб.: Наука, Ленинградское отделение, 1992. С. 84.

³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 173. Л. 1—220.

⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 175. Л. 1—4.

⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 176. Л. 1—61.

⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 178. Л. 1—235.

⁷ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 183. Л. 11—14.

⁸ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 186. Л. 1—42.

⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 190. Л. 1—42.

*образования цесаревича, то в нём были немалые пробелы*¹. Адмирал А.Д. Бубнов, никогда, впрочем, не руководивший крупными военными соединениями, писал о Государе, что «уровень его знаний соответствовал образованию гвардейского офицера, что само собой, разумеется, было недостаточно для оперативного руководства всей вооруженной силой на войне»². Николай II не получил академического военного образования, не имел опыта боевых действий. Полученное им военное теоретическое образование вполне соответствовало уровню обер-офицера.

Будучи Наследником престола, Николай Александрович много времени отдал военной практике. Будущий Царь провёл два лагерных сбора в рядах лейб-гвардии Преображенского полка в должности ротного командира. В марте 1889 г. он писал, что «страшно сроднился и полюбил службу»³.

Генерал Епанчин, в ту пору офицер Преображенского полка, вспоминал, что Цесаревич проходил службу в пехоте как младший офицер и как батальонный командир в кавалерии и в артиллерии, причём «цесаревич усердно исполнял свои военные обязанности»⁴. После прохождения многолетнего курса военной подготовки Великому Князю Николаю Александровичу было присвоено звание полковника, которое он сохранил на всю жизнь, так как полковничьи погоны он получил из рук отца — Императора Александра III.

Николай II искренне любил войска. «Мы смотрели восемьсот солдат 1-го армейского корпуса, — писал он своей матери в 1906 г., — вернувшихся с войны, чтобы быть учителями молодых солдат своих полков. Всем раненым, оставшимся в строю, я дал Георгиевские кресты. Такая была радость увидеть этих славных людей, которые с такой самоотверженностью послужили в страшной и трудной войне»⁵.

Принц Генрих Прусский, брат кайзера Вильгельма II, писал, что Николай II «хороший военный»⁶. Генерал А.Ф. Редигер свидетельствовал, что царю «любил войска и военное дело»⁷.

¹ Епанчин Н. На службе трёх Императоров. Воспоминания. М.: Издание журнала «Наше наследие» при участии ГФ «Полиграфресурсы», 1996. С. 123.

² Бубнов А.Д. Указ. соч. С. 129.

³ Боханов А.Н. Указ. соч. С. 26.

⁴ Епанчин Н. Указ. соч. С. 125.

⁵ Император Николай II — Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д.2330. Л. 123.

⁶ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. СПб., 1991. С. 211.

⁷ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 376.

Государь всегда живо интересовался вооружением своих войск, уделял ему пристальное внимание во время манёвров и посещений воинских подразделений и боевых кораблей. Контр-адмирал С.С. Фабрицкий, бывший флигель-адъютант Николая II, вспоминал, что «Государь любил морское дело и знает его хорошо»¹.

Во время Русско-японской войны Император Николай II самым внимательным образом следил за ходом боевых действий. Его телеграммы генералам А.Н. Куропаткину и П.А. Линевичу поражают осведомлённостью Царя в деталях военных операций².

Сын великого русского, а затем американского авиаконструктора И.И. Сикорского, Н.И. Сикорский вспоминал, что его отец «очень уважал Николая II. Царь произвёл на него сильное впечатление, когда со знанием дела задавал вопросы, осматривая “Русский витязь”»³.

Приведённые выше сведения позволяют сделать вывод о том, что Император Николай II был профессиональным военным с хорошим и разносторонним военным образованием, включавшим изучение как стратегии, так и тактики.

Но хорошее военное образование, знание службы и любовь к военному ремеслу ещё не означают выдающихся военных способностей. «Государь не строил никаких иллюзий. — писал историк А.А. Керновский. — Он отдавал себе отчёт в своей неподготовленности военной и ближайшим своим сотрудником пригласил наиболее выдающегося деятеля этой войны генерала Алексеева»⁴. Истинная роль Императора Николая II заключалась в его способности консолидировать армию, вдохновить её и тем самым остановить сползание к общему поражению.

Достоинство или недостатки руководителя вооружённых сил определяются результатами военных действий. Как верно писал генерал А.А. Свечин: «Наши представления о руководстве извращаются применением термина “верховный главнокомандующий”. Мы связываем его с лицом, которому подчиняются действующие армии и флот и которое соединяет всю власть на театре военных действий. В действительности такой главнокомандующий не является верховным, так как ему не подчинено руководство внешней и внутренней политикой и всем тылом действующих армий, поскольку ему не принадлежит вся власть в государстве.

¹ Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя Императора Николая II. Берлин, 1926. С. 30—34.

² Телеграммы Николая II генералу А.Н. Куропаткину // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 74—76.

³ Сулькин О. Сикорские // Итоги. Ежедневный журнал. № 18 (77). 2 мая 2011. С. 34.

⁴ Керновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 306.

*Стратег-главнокомандующий представляет лишь часть руководства страной... Полная мощь избранному полководцу — это устаревшая, впрочем, никогда не отражавшая какой-либо действительности формула*¹.

По тому, как изменился или не изменился ход боевых действий на фронте, можно судить о роли Императора Николая II в руководстве войсками.

Организация работы и жизнедеятельности Ставки

В конце июля 1915 г. из-за приближения фронта к Барановичам Великий Князь Николай Николаевич начал подыскивать место для новой Ставки. В начале августа Великий Князь доложил царю, что «из всех сделанных рекогносцировок наиболее подходящим местом является Могилёв»². Ещё не зная о решении Императора Николая II возглавить армию, Николай Николаевич сообщал об устройстве стоянки императорского поезда. 8 августа 1915 г. Великий Князь писал: «Осмотрел место будущей стоянки поезда вашего величества. Красивая старая роща вне города. Тихой езды до дома в городе, где я поместился, — 10 минут. Работа по прокладке пути начата»³.

К моменту прибытия Императора Николая II в Могилёв все работы по прокладке пути были завершены. Первые дни своего пребывания в Ставке Государь оставался в императорском поезде, однако вскоре решил переехать в город⁴. Своей резиденцией Николай II выбрал дом могилёвского губернатора А.И. Пильца, который вспоминал: «В конце обеда я был поражен демократичностью Государя, которого я спросил, когда Его Величество переедет из поезда в губернаторский дом. Он ответил мне, что намеревается жить в поезде, так как, занимая губернаторский дом, он стеснит меня и мою семью. Несмотря на мои протесты, Государь не соглашался. Лишь когда я доложил, получившия, полуслызно, что для меня остается один выход уйти в отставку и таким образом потерять всякое право на губернаторский дом, Государь, улыбаясь, ответил согласием занять губернаторский дом, если вопрос ставится так остро»⁵.

¹ Шапошников Б.М. Указ соч. С. 391.

² Телеграмма Великого Князя Николая Николаевича Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 187.

³ Телеграмма Великого Князя Николая Николаевича Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л.150.

⁴ Николай II в секретной переписке. С. 191.

⁵ Памяти Царственных Мучеников. Сборник статей посвященный Императору Николаю II и Его Семье. Издание общества почитателей Памяти Государя Императора Николая II и Его Семьи. София, 1930. С. 31—32.

К моменту приезда Государя: «*Могилёв губернский город раскинулся на высоком берегу Днепра в 734 верстах от Петербурга и в 563 от Москвы. На самом возвышенном его пункте, над рекой белеет губернаторский дом и здания присутственных мест. Около дома — сад. А невдалеке над самым откосом городской общественный садик, из которого открывается прелестный вид на реку и Заднепровье*»¹. Николай II писал Супруге: «*Здание старое, но вполне удобное, с садиком и очаровательным видом на Днепр и далёкую окрестность — положительно Киев в миниатюре*»².

Полковник Генерального штаба В.М. Пронин, описывая Царскую Ставку, писал, что возле небольшого двухэтажного губернаторского дома, который теперь называли «дворцом», находилось «*управление генерал-квартирмейстера, этого “святая святых” всей русской армии*». Личную охрану Императора в Ставке осуществлял Георгиевский батальон³.

С переездом Ставки в Могилёв город был превращён в укреплённый лагерь, который оборонялся отдельным авиационным отрядом, артиллерийской батареей, батареей воздушной обороны и другими отдельными воинскими подразделениями.

Приняв на себя Верховное командование, Николай II направил Великому Князю милостивый и тёплый рескрипт, в конце которого, после обычного «*пребываю к вам неизменно благосклонный*», Царь своей рукой дописал: «*И искренно и сердечно вас любящий Николай*»⁴.

Передав дела Августейшему Верховному Главнокомандующему, Великий Князь отбыл из Ставки на Кавказ и 23 сентября 1915 г. доложил из Тифлиса Императору телеграммой о своём вступлении в должность Наместника⁵.

Первыми шагами Императора Николая II на посту Верховного главнокомандующего была полная смена руководства Ставки. По словам адмирала Бубнова: «*Это радикальное изменение личного состава штаба Верховного Главнокомандующего производило впечатление разгона предполагаемого в Ставке “крамольного гнезда”*»⁶.

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 195.

² Николай II в секретной переписке. С. 191.

³ Пронин В.М., Генерального штаба полковник. Последние дни Царской Ставки. Белград, 1930. С. 5—6.

⁴ Рескрипт Императора Николая II Великому Князю Николаю Николаевичу // Нива. 1915. № 36. С. 682.

⁵ Телеграмма Великого Князя Николая Николаевича Императору Николаю II от 23 сентября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 64.

⁶ Бубнов А.А. Указ. соч. С. 113.

Непопулярный генерал от инfanterии Н.Н. Янушкевич был отправлен в отставку с должности начальника штаба. На его место был назначен генерал от инfanterии Михаил Васильевич Алексеев, бывший до этого главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. Генерал от инfanterии Ю.Н. Данилов был заменён в должности на генерал-квартирмейстера Ставки генерал-лейтенантом М.С. Пустовойтенко (в октябре 1916 г. сменён на генерал-лейтенанта А.С. Лукомского).

Назначение генерала Алексеева начальником штаба (Наштаверхом) стало самым важным кадровым назначением Николая II. Генерал Алексеев был выдающимся стратегом, классическим штабным работником. Он окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, служил в штабе Петербургского военного округа, во время Русско-японской войны был генерал-квартирмейстером 3-й Маньчжурской армии, потом работал в Генеральном штабе. С началом мировой войны генерал Алексеев был начальником штаба Юго-Западного фронта. За успешные военные действия был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Во время тяжелейшего отступления 1915 г. Алексеев успешно отвёл войска, не дав немцам их окружить. Перед самым назначением на должность начальника штаба командовал войсками вновь созданного Западного фронта.

Несмотря на свои стратегические способности, генерал Алексеев легко поддавался чужим влияниям, отличался уступчивостью и отсутствием воли¹. К роли начальника штаба он хорошо подходил, но роли боевого вождя соответствовал мало. Генерал Головин указывал на отсутствие популярности Алексеева в солдатской массе². Генерал Н.И. Иванов считал, что Алексеев — человек «безусловно работоспособный», но «имеет свои недостатки. Главное — это скрытность. [...] Он никогда не выскажет своего мнения прямо, а всякий категорический вопрос считает высказанным ему недоверием и обижается. [...] Он не талантлив и на творчество не способен, но честный труженик»³.

Император Николай II проникся большим уважением к своему начальнику штаба. 27 августа 1915 г. Царь писал Императрице Александре Феодоровне: «Не могу тебе передать, до чего я довolen gen.[ералом] Алексеевым. Какой он добросовестный, умный и скромный человек и какой работник!»⁴

¹ Аверьянов П.И. Страницы прошлого. Т. 2. 1914—1918 гг. // ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 79—80.

² Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 156.

³ Дневник б. Великого Князя Андрея Владимировича. С. 45.

⁴ Николай II в секретной переписке. С. 190.

Свое расположение к Алексееву Государь особо подчеркивал. В отношении генерала в придворном этикете были допущены некоторые отступления. Ему разрешалось по своему желанию приходить или не приходить к царскому столу. Если он приходил, то ему всегда отводилось место по правую руку Государя¹.

Несмотря на столь уважительное отношение к Алексееву, все главные решения Император принимал сам. Это признавали даже такие ортодоксальные марксисты-ленинцы, как А.Я. Аврех: «Алексеев был начальником штаба Ставки, а не фактическим Главнокомандующим. Кадровые вопросы, т.е. вопросы, связанные с назначением на высшие командные должности, Царь полностью изъял у своего “косого друга”, как он называл Алексеева»². Очевидец событий М.К. Лемке писал, что «Царь имеет свои определенные мнения, симпатии и антипатии и сплошь и рядом решительно напоминает, что назначениями хочет ведать сам»³.

По свидетельствам лиц свиты и сотрудников Ставки, Император Николай II руководил военными операциями, давая определённые указания генералу Алексееву⁴. Это признавал и сам Алексеев: «Его Величество даёт указания, столь соответствующие боевым стратегическим задачам, что разрабатываешь эти директивы с полным убеждением в их целесообразности. Он прекрасно знает фронт и обладает редкой памятью. С ним мы спелись. А когда уезжает Царь, не с кем и посоветоваться»⁵.

Вступив в командование, Император Николай II изменил управление фронтами. Широкая площадь Северо-Западного фронта заставила разделить его на два самостоятельных: Северный, которым командовал генерал от инfanterии Н.В. Рузский, а затем генерал от инfanterии А.Н. Куропаткин, и Западный, которым командовал генерал от инfanterии А.Е. Эверт.

С принятием Верховного командования Императором Николаем II «устройство Ставки и личный состав штаба верховного главнокомандующего совершенно изменились»⁶. К шести бывшим при Великом Князе управлениям прибавлялось еще новых шесть: артиллерийское, инженерное, воздухоплавательное, интендантское, походного атамана казачьих войск и протопресвитера воен-

¹ Алексеева-Борель В. Указ. Соч. С. 410.

² Аврех А.Я. Указ. соч. С. 190.

³ Лемке М. Указ. соч. С. 252.

⁴ Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 423.

⁵ Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 233.

⁶ Бубнов А. Указ. соч. С. 166.

ного и морского духовенства¹. Генерал Носков писал, что отставка штаба Николая Николаевича была «сменой системы»².

Ставка, в которой Верховный Главнокомандующий был одновременно и главой государства, имела свою специфику. Сотрудник Генерального штаба генерал-лейтенант П.И. Аверьянов писал, что по сравнению со Ставкой в Барановичах, Ставка в Могилёве «“распухла”, вследствие того что после вступления Государя в Верховное командование армиями потребовалось учреждение целого ряда отделов, ведущих вопросами управления империей. В Ставке создавались как бы параллельные министерства»³.

В связи с тем что в Могилёв стало приезжать большое число государственных чиновников и порученцев, у некоторых несведущих военных создавалось представление о «большом количестве бездельников в Ставке»⁴.

Важным последствием принятия Государем Верховного командования, стала та атмосфера в Ставке, которая пришла на смену нервной и импульсивной обстановке, царившей в ней при Великом Князе. Эта атмосфера определялась в решающей степени личностью самого Государя.

Великий Князь Андрей Владимирович писал в дневнике, что штаб Ставки неизвестно изменился. Исчезли нервозность и паника. Государь «одним своим присутствием вносит такое спокойствие, столько уверенности, что паники быть уже не может»⁵.

Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель оставил такие воспоминания о своих встречах с Царём: «Ум Государя был быстрый, он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но и карту»⁶.

Но самое главное, конечно, что при царе изменилось управление войсками. М.К. Лемке приводил слова генерал-квартирмейстера Н.С. Пустовойтенко о том, что прежняя Ставка «только регистрировала события; теперешняя при Царе и Алексееве не только регистрирует, но и управляет событиями

¹ Бубнов А. Указ. соch. С. 166.

² Noskoff A.A. (*général*). Nicolas II iconnu. Р. 9—17.

³ Аверьянов П.И. Страницы прошлого. Т. 2. 1914—1918 // ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 84.

⁴ Аверьянов П.И. Страницы прошлого. Т. 2. 1914—1918 // ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 83.

⁵ Кобылин В. Анатомия измены. СПб.: Царское Дело, 1998. С. 132.

⁶ Врангель П.Н. Воспоминания. М.: Терра, 1992. Т. 1—2. Т. 1. С. 14—15.

*на фронте и отчасти в стране. Царь очень внимательно относится к делу*¹.

Эти свидетельства высших военных начальников и штабных офицеров резко контрастируют с мнением некоей М.Я. Белявской (Летягиной), автора книги воспоминаний о своём пребывании в Могилёве во время нахождения там Ставки. Причина популярности этой книги в советское время была очевидной, так как автор была настроена резко критически против Царя. Белявская писала, что с появлением его в Могилёве «*сразу все изменилось. Приехала оперетка, которой не было при Николае Николаевиче, театр был до отказу набит дамами и ставочными офицерами, открылся новоявленный ресторан...*². При этом Белявская подчёркивала, что она только «*жила в Могилёве во время войны*» и никакими достоверными сведениями о жизни и работе Ставки не обладала. Её воспоминания могут представлять частичный интерес как иллюстрация взглядов простого обывателя.

Распорядок дня Императора Николая II был одним и тем же. Вставал Государь рано утром и после утреннего кофе принимал представившихся к нему лиц. Затем обычно он посещал Божественную литургию. После чего Император следовал в свой штаб, где выслушивал доклады генерала Алексеева о положении дел на фронте и обсуждал планы предстоящих военных операций. Эти доклады сопровождались изучением карт, куда заносились все изменения³.

После оперативного доклада Государь возвращался к себе и в своём кабинете принимал прибывавших к нему министров, сановников и глав иностранных миссий⁴. После общего доклада и изучения карт Николай II и Алексеев один на один обсуждали приказы по армии⁵. Спать Монарх ложился очень поздно, работая до 2—3 часов ночи в своём кабинете⁶.

Император Николай II находился в полном курсе происходивших на фронте событий, независимо от того, находился он в Ставке или нет. Полковник Д.Н. Тихобразов писал: «*Когда Государь уезжал из Ставки, то генерал Алексеев ежедневно посыпал ему доклад на больших листах “царской бумаги”. Доклад составлялся генералом Алексеевым и настукивался на машинке. [...] Доклад*

¹ Лемке М. Указ. соч. С. 32.

² Белявская (Летягина). Ставка Верховного Главнокомандования в Могилёве. 1915—1918. Личные воспоминания. Вильно, 1932. С. 15.

³ Лемке М. Указ. соч. С. 38.

⁴ Бубнов А.Д. Указ. соч. С. 179—189.

⁵ Noskoff A.A. (*général*). Op. cit. Р. 30—31.

⁶ Камер-фурьерский журнал за 1915 г. Сентябрь // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (доп.). Д. 12. Л. 23.

*посыпался навстречу приезжающему царю, чтобы он, выйдя в Могилеве, был в курсе дела*¹.

Главным лицом, ответственным за безопасность поездок Императора, был Дворцовый комендант генерал В.Н. Воейков. Ему были предоставлены широчайшие полномочия, закреплённые в «Положении о Дворцовом коменданте» от 25 сентября 1906 г.²

Вопросам безопасности царского маршрута предавалось огромное значение. Минимум за несколько дней до царской поездки составлялся маршрут следования литерного поезда «А», как официально наименовался императорский состав. Перед литерным поездом «А» или вслед за ним всегда следовал литерный поезд «Б», или, как его называли, «свитский поезд». Оба состава внешне совершенно не отличались друг от друга. Часто поезда менялись местами для дезинформации³.

Военные совещания под руководством Царя отличались от таких под руководством Великого Князя. В отличие от последнего, Царь ни на кого не давил, всем давал возможность высказаться, даже спорить, потому что, по словам Николая II, «в таких важных вопросах правда имеет исключительное значение»⁴.

В свои дневники Царь сухо заносил лишь основные вехи прошедшего дня, наиболее ему запомнившимся, практически никогда, за редким исключением, не касаясь политических и государственных тем. Но за сухими записями типа «принял такого-то», «выслушал доклад от такого-то», «говорил с таким-то» скрывается огромный многочасовой труд. Дневники Царя, в деловой их составляющей, полностью повторяют камер-фурьерский журнал. Из этих записей мы можем видеть сколь загруженным был рабочий день Императора. При этом необходимо правильно понимать текст дневниковых записей Николая II, надо знать значение некоторых его слов и выражений. Флигель-адъютант капитан Н.П. Саблин, который близко знал Николая II, писал: «*После общего чая Государь уходил “читать”, как он говорил, и постоянно упоминает в своём дневнике, и это было чтение не романов или книг, а государственных дел*⁵.

¹ Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской Императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб.: Бельведер, 2000. С. 411.

² Об охране Высочайших особ // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1916 (246). Д. 121. Т. 1. Л. 306.

³ Новосельский Ю. Императорские поезда // Царскосельская газета 9 ноября 2002. № 87.

⁴ Николай II в секретной переписке. С. 375.

⁵ Саблин Н.П. Десять лет на Императорской яхте «Штандарт» // Морские записки. Издание Общества бывших Русских Морских Офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1947. Т. 5, № 1. С. 45.

Между тем некоторые недобросовестные или несведущие исследователи трактуют слово «читать» именно в смысле развлечения.

В письме от 10 марта 1916 г. Император Николай II писал Императрице Александре Феодоровне: «*Работа по утрам с Алексеевым занимает у меня все время до завтрака¹, но теперь она стала захватывающе интересной*»². Французский посол М. Палеолог, наблюдавший Царя в действующей армии, вспоминал, что Император, показав ему на столе груду больших пакетов, сказал: «*Вот мой ежедневный доклад. Совершенно необходимо, чтобы я прочёл всё это сегодня*»³.

Первыми шагами Николая II стали решительные меры по восстановлению упавшей до критической черты дисциплины русской армии. 5 сентября 1915 г. генерал Алексеев довёл до сведения всех командующих фронтами, что «*его величество повелевает не останавливаться ни перед какими мерами для возвращения строгой дисциплины в войсках и перед суровыми наказаниями в отношении отлучившихся от своих частей чинов и в отношении грабителей, мародёров и поджигателей*»⁴.

25 сентября Императору поступил рапорт командира 8-го армейского корпуса генерал-лейтенанта А.М. Драгомирова, в котором он сообщал о вооружённом мятеже среди нижних чинов 78-й маршевой роты. Военно-полевой суд приговорил двух зачинщиков к смертной казни, 6 человек к 21 году в исправительные арестантские отделения, а 7 человек к 22 годам в те же отделения. 19 сентября приговор о расстреле был приведён в исполнение. В отношении остальных приведение приговора в исполнение отложено до окончания войны⁵. Император приказал «*рапорт мне генерал-лейтенанта Драгомирова объявить в приказах по всем армиям*»⁶.

В октябре 1915 г. казаки 94-го Донского Казачьего полка Разпополов, Пухов и Солл были приговорены к смертной казни через расстрел за вооружённый разбой. Они подали на имя Государя телеграмму с ходатайством о замене им смертной казни. 19 октября Николай II направил следующий ответ: «*Заменить казнь бес-*

¹ До революции «завтраком» называлось время обеда в современном понимании, то есть 13.00.

² Николай II в секретной переписке. С. 395.

³ Палеолог М. Царская Россия в Первой мировой войне. М., 1991. С. 170—171.

⁴ Об армии // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1916 (246). Д. 5. Л. 75—77.

⁵ Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II (собственноручная) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 51.

⁶ Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексееву (собственноручная) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 50.

срочной каторжными работами всем им. Мародёрам не место в армии. Желаю, чтобы впредь подобные ходатайства доходили до меня только в тех случаях, когда командующие армиями найдут нужным смягчение участии осуждённым»¹.

Не менее решительно Государь приказал прекратить искажения о потерях и успехах противника, чем грешили донесения многих генералов, опасавшихся «строгого» Великого Князя Николая Николаевича. От имени Царя генерал Алексеев разослал всем командующим следующую телеграмму: «Государь Император повелел поставить в известность всех начальников, что он желает в их донесениях читать только истинную правду без умолчания о неудачах, потерях в людях и материальной части, без преувеличения некоторых фактов особенно относительно силы неприятеля»².

Однако, несмотря на эти жесткие, но необходимые меры, Государь всегда оставался собой: великодушным и милостивым. Его лейб-казак К.Т. Ящик вспоминал: «Мы пошли к раненым. Царя и его сестру окружали человеческое горе и грязь. На одной из кроватей лежал солдат; несчастный, он попытался во время атаки перебежать на вражескую сторону и получил 7 пуль в спину от своих. Через полчаса его должны были расстрелять. Когда он узнал, что Царь находится в этой комнате, то так резко повернулся в кровати, что упал на пол. Царь подошел к нему и поднял. Солдат истерически зарыдал. Он был таким бледным и выглядел совсем мальчишкой. Царь положил руку на его плечо и сказал: “Ты испугался, правда? Я прощаю тебя”»³.

С принятием Императором Николаем II командования по войскам намного чаще стали объявляться приказы о награждениях отличившихся офицеров. 28 сентября 1915 г. командир 8-й роты 326-го Белгородского полка прaporщик Немилов попустил атакующего врага к самым окопам, где находился он со своими солдатами, и без выстрела бросился с ними на него в штыки. Противник бежал, оставив на поле боя убитыми одного офицера и 86 нижних чинов⁴. Алексеев ходатайствовал перед Государем о награждении Немилова. 29 сентября Николай II телеграфировал: «Глубоко обрадован

¹ Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексееву (собственноручная) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1829. Л. 279.

² Телеграмма генерала М.В. Алексеева главнокомандующим // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 5. Л. 144.

³ Ящик Т.К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. С. 60.

⁴ Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 15.

блестящими действиями 11-го корпуса. Пропоршика Немилова теперь же произвести в подпоручики»¹.

13 октября Император во время посещения им войск возле станции Богдановка, где успешно действовала 11-я армия генерала от инфантерии Д.Г. Щербачёва, торжественно наградил командующего орденом Св. Георгия 3-й степени².

Генерал Спиридович описывает впечатляющую сцену помилования Императором Николаем II полковника Исакова, разжалованного за воинское преступление в солдаты. По всей видимости, речь идёт о военном инженере полковнике К.Н. Исакове (1869 г/р.)³. Разжалованный Исаков геройски проявил себя в бою, содействуя как инженер взятию укреплённого пункта противника. Командование представило его к солдатскому знаку ордена Св. Георгия. Во время смотра Император Николай II вызвал Исакова из строя и объявил ему, что за проявленное геройство ему возвращаются его прежнее звание и ордена и, помимо того, он награждается орденом Св. Георгия 4 степени⁴.

Большое значение приобрели посещения Государем раненых солдат и офицеров в госпиталях. Великая Княгиня Ольга Александровна, принявшая на себя обязанности сестры милосердия в Киевском госпитале, вспоминала: «Возбуждение, которое вызывала весть о приезде к нам Ники, было неописуемое. Похоже, одно известие о его появлении породило прилив патриотизма и восторга. Тяжелораненые ни в малейшей степени не замечали боли. Его спокойные, простые манеры, ласковое выражение глаз — все им были покорены. Когда Ники вошёл, он как будто принёс ауру единения с ним — Царём и Верховным Главнокомандующим, готовность к самопожертвованию, поклонение. Я была потрясена: вот она, та крепчайшая нить, что связывает простого солдата с Царем, и в то время она казалась неразрывной. Все хотели казаться здоровыми, как могли, чтобы скорее вернуться на фронт и внести свой вклад в избавление России от супостата»⁵.

Не менее показательны воспоминания генерала Мосолова: «Перед Государем запасной 157-го пехотного полка, рядовой Степан

¹ Телеграмма Николая II Алексееву (собственноручная) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 13.

² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 198.

³ Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 марта 1914 г. СПб.: Военная типография императрицы Екатерины Великой, 1914. С. 380.

⁴ Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М.: Вече, 2008. С. 144.

⁵ Хереш Э. Указ. соч. С. 215.

Кузнецов. Он тяжело ранен в голову. Лежит мертвенно-бледный с воспаленными глазами. При приближении Его Величества стремится немного подняться и как-то напряжённо, радостно смотрит на Царя. Когда Государь подошёл совсем близко к Кузнецovу и остановился, послышался слабый протяжный голос раненного: «Теперь легче стало. Прежде никак не скажешь. Ни отца, ни мать позвать не мог. Имя твоё, Государь, забыл. А теперь легче, сподобился увидеть Государя. — Затем помолчал, перекрестился и добавил: — Главное, Ты не побей; мы его побьём. Народ весь с Тобою. Там, в России, братья и отцы наши остались». Эти слова простого рядового из крестьян Владимирской губернии Меленковского уезда, деревни Талонова, по роду занятий деревенского пастуха, глубоко запали в душу всех, кто слышал этот разговор. Государь передал Георгиевский крест Кузнецову. Тот перекрестился и сказал Его Величеству: «Спасибо, благодарю. Поправлюсь, опять пойдём сражаться с германцами». Кузнецов был так растроган свиданием с Государем, что говорил даже не как солдат, а как простой русский человек, потрясённый свиданием с Царём. На Государя слова раненного солдата произвели сильное впечатление. Его Величество присел на кровать Кузнецова и ласково сказал ему: «Поправляйся скорее; такие люди нужны мне»¹.

Однажды, посещая фронт, Государь «вышел из вагона и увидел раненых. В операционном вагоне был человек, которому должны были удалить осколок гранаты. Наркоза не было. Царь сам держал раненого и утешал в его мучениях до тех пор, пока осколок не вытащили»².

М. Лемке писал, что «всем нравится здесь частые поездки Царя к войскам; Николай Николаевич ездил только в штабы фронтов, а войска почти не видел»³. 16 октября 1915 г. во время одной из таких поездок по фронту Николай II вместе с Цесаревичем Алексеем оказался непосредственно на передовых позициях⁴. Граф Д. С. Шереметев вспоминал: «Государь настойчиво требовал, чтобы Его допустили до передовых окопов наших пехотных подразделений. Генерал-адъютант Иванов боялся взять на себя такую ответственность, но Господь Бог, видимо, благословил желание Государя: с утра пал сильный туман, дорога, ведущая к окопам и обстреливаемая неприятельской артиллерией, сравнительно была более безопасна. Генерал-адъютант Иванов настоял, чтобы

¹ Мосолов А. Указ. соч. С. 112.

² Ящик Т. К. Указ. соч. С. 40.

³ Лемке М. Указ. соч. С. 209.

⁴ Памяти Царственных Мучеников. Сборник статей, посвященных памяти Императора Николая II и Его Семьи. С. 35—36.

было не более трех автомобилей. В первом Государь с Наследником Цесаревичем, во втором Войков со мной и в третьем Иванов с министром двора графом Фредериксом. Окопы были заняты одним из наших пехотных полков. Государь приказал Цесаревичу хранить полное молчание. Рота солдат, вынырнувшая из окопа и возвращавшаяся на отдых, с удивлением узнала Цесаревича Алексея Николаевича. Надо было видеть радость и изумление солдат, когда они поняли, что перед ними Государь Император с Наследником Цесаревичем. Возвращение Государя из сферы огня окончилось, слава Богу, благополучно»¹. За это посещение передовых позиций Георгиевская дума Юго-Западного фронта 21 октября 1915 г. постановила просить Государя возложит на себя орден Св. Георгия 4-й степени. В постановлении Думы отмечалось, что «присутствие Государя Императора на передовых позициях вдохновило войска на новые геройские подвиги; изъявив желание посетить воинскую часть, находившуюся на боевой линии, и приведя таковое в исполнение, Его Императорское Величество явил пример истинной доблести и самоотвержения; пребыванием в местах, неоднократно обстреливаемых неприятельской артиллерией, Государь Император явно подвергал опасности свою драгоценную жизнь»².

Император Николай II был глубоко тронут преподнесенным орденом. В специальном обращении к войскам по случаю своего награждения он благодарил «горячо любимые войска» за «заработанный мне их геройством и высокой доблестью Белый Крест»³. В своем дневнике, всегда сдержанный, Царь не скрывал своих чувств: «Незабвенный для меня день получения Георгиевского креста 4-й степ. [...] Целый день после этого ходил как в чаду»⁴.

О личном мужестве Николая II свидетельствовал генерал Д.Н. Дубенский, присутствовавший при объезде Царём войск на передовой. Дубенский говорил, что Государь «человек в высшей степени мужественный, и никакой физической опасности он, безусловно, не боится»⁵.

29 января 1916 г. Император Николай II прибыл на Северный фронт и под Двинском посетил части 5-й армии, недавно героически отразившие атаки противника. «Я счастлив, что мог прибыть сюда

¹ Русская летопись.

² Постановление Георгиевской думы Юго-Западного фронта (машинописная копия) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1829. Л. 223.

³ Телеграмма Императора Николая II главнокомандующим // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1829. Л. 221.

⁴ Дневник Императора Николая II за 1915 г. Запись за 22 октября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263 Л. 7—8.

⁵ Допрос Д.Н. Дубенского // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 977. Л.53.

и увидеть хотя бы представителей вашей доблестной, пятой армии», — сказал Царь¹. Спиридович вспоминал, что «речь Государя была особенно задушевна. Не менее задушевное неслось и “Ура!” в ответ Государю. Это посещение фронта имело самое благотворное влияние. Почти целый месяц после него военная цензура фронта устанавливала ряд восторженных писем солдат на родину о пребывании Государя»².

Генерал Н.Н. Головин вспоминал о большом впечатлении от царской речи, произнесённой перед войсками на Юго-Западном фронте. «Когда Государь кончил говорить, поле молчало, но затем как-то сразу вдруг грянуло “ура”. Мне казалось тогда, что такого могучего, сердечного “ура” я никогда не слышал, а теперь скажу: и не услышу»³.

Адмирал Григорович писал: «Когда Государь обезжал войска на фронте, крепости, порта, заводы и лазареты, было приятно смотреть на то участие и радость, которую он повсюду встречал в особенности среди раненых, которых он утешал и награждал»⁴.

Эти свидетельства показывают всё духовное значение Царя как Верховного Вождя армии и опровергают утверждения Брусилова, Деникина и др. о якобы существовавшей огромной пропасти между Царём и армией.

Император Николай II и стабилизация фронта в 1915 г.

Положение на театре боевых действий на момент принятия Императором Николаем II Верховного командования было крайне тяжёлым. В начале сентября Государь направил Совету министров подробную телеграмму, из которой видно, насколько опасной воспринимал Царь создавшуюся ситуацию. В телеграмме Император указывал на семь важнейших положений текущего момента и определял принятие по ним неотложных мер. Государь отмечал: «Первое. Мы переживаем наиболее тяжёлый период великой войны, когда более половины всех своих вооружённых сил австро-германцы бросили против России, стремясь обеспечить на Восточном фронте решительный успех и, прежде всего, уничтожить или нанести существенное поражение нашим армиям, чего до

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 209.

² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 209.

³ Шайдицкий, полковник. Государь Император солдат и верховный вождь // Император Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М.: Вече, 2008. С. 143—144.

⁴ Воспоминания И.К. Григоровича (копия) // РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 5. Л. 127.

настоящего времени достигнуть им не удалось. **Второе.** Наши войска ведут борьбу при исключительно тяжёлых условиях. Не говоря уже про бедность снабжения оружейными и артиллерийскими патронами, различными техническими средствами, за последние два месяца, ознаменовавшиеся непрекращающимися упорными боями, стоявшими больших потерь, наши армии совершенно не получили укомплектований, вследствие несовершенства призыва и отсутствия в этом капитальной важности вопросе строго разработанной системы. Вследствие этого некомплект в действующих армиях возрос до громадной цифры, и все войска находятся в опасно-слабом численном составе. Превосходство сил принадлежит и в численном отношении нашему противнику. **Третье.** Главнейшие свои усилия противник развивает и будет развивать на направлениях к Петрограду и Москве. Помимо нравственного значения столицы, занятие Петрограда лишит нас большей части военных заводов, изготавливающих оружие, патроны, другие средства для ведения войны. Захват Москвы, этого важнейшего железнодорожного узла, до крайности затруднит дальнейшее ведения борьбы и снабжения войска всем необходимым. Поэтому на направлениях к обеим столицам противник ведёт большую часть своих сил и притом наиболее прочных и надёжных. **Четвёртое.** Направление на Киев в общем ходе войны имеет хотя и важное, но второстепенное значение. Здесь действуют исключительно австрийские войска, поддерживаемые примерно двумя немецкими дивизиями. **Пятое.** Значение столицы обязует нас иметь большую часть наших вооружённых сил на путях, ведущих к Петрограду и Москве, выделив для прикрытия Киева и юга России силы лишь строго необходимые. **Шестое.** Будут, конечно, приняты все меры положить предел вторжению противника на путях к Киеву. Надеюсь, что с Божьей помощью этот важный пункт будет сохранён от захвата врагом, но участь сражений не поддаётся точному заглавовременному расчёту. Надлежит всегда предусматривать возможность неблагоприятного исхода и разрабатывать соображения и меры по уменьшению результатов такого исхода. **Седьмое.** Опыт настоящей войны указывает, что поспешная и непланомерная эвакуация ведёт к крайней перегрузке железных дорог, беспорядочному вывозу имущества и учреждений, затрудняет операции армий. Поэтому я считаю нужным, чтобы Совет министров принял неотлагательно на себя разработку плана эвакуации Киева и приступил к постепенному выполнению этого плана»¹.

¹ Телеграмма Императора Николая II Совету министров // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 99–101.

Интересно, что самые тяжёлые для России прогнозы, изложенные в этой телеграмме, захват германцами Петрограда, Москвы, Киева, хотя и были вполне реальными, тем не менее никогда не были осуществлены противником. Во многом благодаря действиям Ставки, возглавляемой Государем.

Следует сказать, что на основе этих указаний Царя Совету министров осенью 1915 г. был создан авторитетный орган, который должен был взять в свои руки работу по эвакуации предприятий и учреждений из прифронтовых районов, — Эвакуационная комиссия при Особом совещании по обороне. Ее возглавил председатель Государственной Думы Родзянко¹. Одновременно стала формироваться законодательная база, обеспечивающая проведение мероприятий по эвакуации². При штабах фронтов организовывались районные эвакуационные комиссии. Для восстановления вывезенных предприятий было создано 11 комиссий в тыловых областях. Началась предварительная разработка планов эвакуации отдельных районов и промышленных центров³. Из Петрограда был вывезен Охтинский завод взрывчатых веществ⁴.

Конечно, эвакуация шла медленными темпами, и часто в отечественной историографии можно встретить её критику. Однако не следует забывать, что Россия была фактически единственной страной, которая подобную эвакуацию заводов и предприятий проводила. Именно эвакуационный опыт Первой мировой войны привёл к осознанию необходимости заблаговременной эвакуационной подготовки, что сказалось во время Великой Отечественной войны.

Результатом первых решений Императора Николая II по улучшению положения в армии и в целом на фронте явилась Вильно-Молодеченская операции (3 сентября — 2 октября 1915 г.). 30 августа X армия германского генерала Эйхгорна нанесла удар на стыке между Северным и Северо-Западным фронтами, где находились две русские армии: 5-я армия генерала от кавалерии П.А. Плеве и 10-я армия генерала от инфантерии Е.А. Радкевича. Эти армии прикрывали направление на Ригу и Даугавпилс. Основные боевые действия развернулись в районе Молодечно и Вильно. 3 сентября немцы про-

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 229—230.

² Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 223.

³ Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917—1920 годах. М., 1999. С. 47.

⁴ Шелаев Ю.Б. Деятельность чрезвычайной комиссии по эвакуации и разгрузке Петрограда весной 1918 г. (по новым материалам) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1990. № XX. С. 31.

рвали фронт, захватили Вильно, и в образовавшуюся брешь вошла конная ударная группа генерал-лейтенанта О. фон Гарнье. Русские ничего не могли противопоставить немцам на этом направлении. Единственной вооруженной силой на угрожаемом направлении оказался один этапный батальон гвардейского корпуса, сотня забайкальских казаков и несколько разрозненных взводов разных ополченских частей¹. Гарнье развил наступление на Свенцяны в тылу русских войск. Свенцянский прорыв вызвал поспешный отход 5-й армии на Двину. Разгромив тылы 5-й армии, Гарнье устремился в тыл 10-й армии и произвёл там большую панику. 2 сентября германская кавалерия захватила Сморгонь. На поддержку кавалерии командование противника направило пехоту. Вестфальский полк прервал железнодорожную линию Минск — Смоленск и дошёл до города Борисова. Генерал Носков описывал ситуацию в Царской Ставке в те тревожные дни: «Я прекрасно помню эти события. 19 сентября утром шел обычный доклад генерала Алексеева Царю, когда пришло первое сообщение из Минска о появлении отрядов германской кавалерии на севере Борисова (на восток от Минска), то есть в тылу командования Западного фронта. Эта телеграмма, ввиду ее важности, была показана генералу Алексееву в момент, когда Царь уже покинул рабочий кабинет. Он уже спустился на несколько пролетов по лестнице, когда, повернув голову, заметил, что Алексеев продолжает изучать телеграмму. Царь немедленно возвратился, и возле дверей кабинета Алексеев показал ему текст телеграммы.

— Михаил Васильевич! Покажите мне это на карте! — сказал Царь, входя вновь в свой кабинет, где он и Алексеев пробыли еще около двадцати минут.

Потом Царь вышел из кабинета заметно потрясенный, так как, вопреки обыкновению, он говорил громко и на ходу. После обеда, когда генерал Алексеев принялся составлять телеграмму командующим фронтами, было ясно, что Царь и он испытывали недовольство от медлительности, проявленной нашей кавалерией в районе к северу от Молодечно. Вечером того же дня Царь вызвал во дворец² генерала Алексеева, чтобы изучить ситуацию. Алексеев был вынужден огорчить Царя еще более грозным известием: отряд германской кавалерии, силы которого были пока неизвестны, занял Борисов и перерезал железнодорожный путь возле этого города. В то же время сообщили, что германский цеппелин летал над железной дорогой Барановичи — Минск. Царь, давая соответствующие указания, проявил хладнокровие, не выказав внешне

¹ Евсеев Н. Свенцянский прорыв. М., 1936. С. 54.

² Губернаторский дом в Могилеве.

никакого беспокойства»¹. Носков считал, что «ситуация становилась очень опасной, тем более что ни на одном направлении организация отпора с нашей стороны была невозможна»².

Генерал Алексеев докладывал Императору, что противник пытается всеми силами «овладеть Двинском, чтобы затем или перенести свои действия против Риги, или повторить манёвр обхвата нашего правого фланга 1-й армии»³. Кроме того, захват Двинска открывал германцам дорогу на Петроград. Император Николай II в своей телеграмме Алексееву указывал, что придаёт «первоочередное значение Двинску и его удержании за нами»⁴. По приказу Царя к городу были переброшены подкрепления. В результате упорных боёв за Двинск противник был остановлен и перешёл к позиционным боям.

При планировании операции Николай II требовал от военачальников проявлять решимость и стойкость, а также уделять большое внимание маневру. «Его Величество ожидает, — писал в приказе генерал Алексеев, — от всех военачальников действий смелых, решительных и предпримчивых»⁵. В те тревожные дни «Царь, давая соответствующие указания, проявил хладнокровие, не выказав внешне никакого беспокойства»⁶. Большую положительную роль сыграла директива Николая II с требованием о прекращении отступления, паники и спешки⁷.

24 сентября генерал Алексеев передал мнение генерала А.Е. Эверта сосредоточить резервы в районе Вильно—Молодечно, «ввиду крайне неопределённого хода событий на фронте»⁸. В тот же день Государь телеграфировал Алексееву, что он «разделяет соображения генерала Эверта»⁹. Переброска резервов в район Вильно—Молодечно позволило сорвать планы противника.

Чёткое руководство войсками со стороны Ставки Николая II, её решительные указания привели к слаженной деятельности и сыгра-

¹ Noskoff A. A. Nicolas II inconnu. P. 34.

² Noskoff A. A. Op. cit. P. 33.

³ Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 15.

⁴ Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 32.

⁵ Лемке М. Указ. соч. С. 66.

⁶ Noskoff A.A. Op. cit. P. 34.

⁷ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 307.

⁸ Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 57.

⁹ Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 56.

ли важнейшую роль в успешном окончании Вильно-Молодеченской операции. Как писал генерал Спиридович: «*Новое командование (Государь и Алексеев) с честью вышло из этого критического положения*»¹.

С 10 по 18 сентября X германская армия была отражена по всему фронту и начала быстрый отход, местами беспорядочный. 26-й Могилёвский пехотный полк под командованием полковника Д.К. Лебедева, перейдя вброд реку Нарочь, в составе всего 8 офицеров и 359 штыков, пробрался к немцам в тыл и внезапной атакой захватил шестнадцать орудий. Общие итоги операции для русских составили захват 2 тыс. пленных, 39 орудий и 45 пулемётов².

Генерал-майор Дубенский уже в 1915 г. писал, что «*этот крупный боевой эпизод великой войны является первым ответственным делом, совершенным от начала до конца под личным водительством верховного главнокомандующего Государя Императора. Важность этой операции приобретает тем больше значение, что она положила предел дальнейшему продвижению германской армии в наши владения*»³.

Оценивая роль Императора Николая II в Вильно-Молодеченской операции, Спиридович писал, что необходимо указать на ту большую роль, которую сыграл в успехе «*лично Государь Император, помогая генералу Алексееву своим спокойствием, а когда нужно было твёрдым и властным словом. Ещё недавно столь растерянный (в роли главкома С.-Западным фронтом), генерал Алексеев как бы переродился, нашёл себя, овладел умом и талантом. Таково было влияние на него спокойного и вдумчивого Государя*»⁴.

Выдающуюся роль Императора Николая II в Вильно-Молодеченской операции отмечал и генерал Алексеев. Примечательно, что он считал необходимым наградить Государя орденом Св. Георгия именно за Вильно-Молодеченскую операцию, а не за посещение передовой. В своей телеграмме начальник штаба Ставки писал, что Георгиевская дума Юго-Западного фронта «*выразила общее пожелание всей армии видеть своего Августейшего вождя украшенным орденом храбрых, ибо уничтожение немецкого прорыва в Молодечно-Полоцке составило славную страницу предводительствования Вашего Величества войсками*»⁵.

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 175.

² Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 309.

³ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. С. 75.

⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 213.

⁵ Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. (доп.). Д. 1829. Л. 219.

Безусловно, главная роль Императора Николая II как Верховного Главнокомандующего — роль координирующего центра. Это хорошо видно из телеграмм генерала Алексеева, отправляемых по приказу Царя командующим фронтами в конце 1915 г. Главная цель Николая II в этих телеграммах — это укрепить дух армий, прекратить отступление и остановить продвижение противника в глубь территории России.

Так, Алексеев телеграфирует генералу Н.И. Иванову по поводу оборонительных мер в Финляндии: «*Для всестороннего ознакомления с обороной Финляндии, Государь Император соизволил приказать Вашему Превосходительству: 1) Подробно ознакомиться в Штабе 6-й армии с принятым планом обороны Финляндии [...] 2) Произвести фактический осмотр важнейших участков укреплений укрепленных позиций. Результаты работ должны быть представлены Его Императорскому Величеству в форме особого доклада*»¹.

7 ноября 1915 г. генерал Алексеев телеграфирует генералу Н.И. Иванову по поводу действий 8-й армии: «*Государь Император повелел поставить вам в известность, что, [...] те жертвы, которые ранее были принесены частями армий, те усилия и доблесть, которые проявлены при сем войсками, оказались напрасными, все приобретения утрачены в одну ночь вследствие некоторой поспешности и отсутствием подготовки*»².

Во время угрозы немецкого захвата Риги Николай II и Алексеев дают указания по обороне города: «*Государь Император повелел: Первое: Рижскую укрепленную позицию 12-я армия обязуется с хранить в наших руках. Второе: Шестой Сибирский корпус включить в состав армий Северного фронта. Третье: Правому флангу первой армии упрочить свое положение на занятых позициях и удерживать их на месте*»³.

Конечно, многие военные директивы являлись документами, выработанными генералами Ставки, которые Император Николай II, как правило, всегда утверждал. Но это вовсе не означает, что Царь не вникал в эти директивы и не участвовал в их обсуждении. Так же не имеет под собой оснований утверждение о том, что армией фактически командовал генерал Алексеев, а не Император. Некорректность этих утверждений доказывают

¹ Телеграмма генерала М.В. Алексеева генералу Н.И. Иванову // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 100.

² Телеграмма генерала М.В. Алексеева генералу Н.И. Иванову // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 123.

³ Телеграмма генерала М.В. Алексеева главнокомандующим // РГВИА. Ф. 2003 Оп. 1. Д. 51. Л. 128.

многочисленные телеграммы самого генерала Алексеева. В одной из них на просьбу генерала Н.В. Рузского о присылке ему боеприпасов и винтовок Алексеев ясно пишет: «*Без Высочайшего соизволения решить этот вопрос не могу*¹. Очевидно, что если бы генерал Алексеев был единственным главнокомандующим, то он не стал бы испрашивать от находящегося «для проформы» Царя его Высочайшего разрешения по такому, в общем, второстепенному вопросу.

Виленское сражение завершило кампанию 1915 г. Противники перешли к окопной войне. Несмотря на нанесённый удар, германскому командованию не удалось вывести Россию из войны и разгромить её войска. На Юго-Западном фронте в результате успешных действий 42-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта А.Я. Ельшина под Клевню и 4-й стрелковой («Железной») дивизии генерал-лейтенанта А.И. Деникина под Чарторыйском противник был разбит и отброшен на всех направлениях. Гигантский фронт застыл на всём его протяжении.

28 декабря 1915 г. Кавказская армия генерала Н.Н. Юденича начала Эрзрумскую операцию против турок. В январе—феврале 1916 г. русские штурмом овладели мощной турецкой крепостью Эрзрум. Потери турок составили: 60 тыс. убитыми и ранеными, 13 тыс. пленными, 9 знамён, 323 орудия, большие склады оружия и боеприпасов, артиллерийские парки². Взятие Эрзрума настолько деморализовало турецкую армию, что больше никаких крупных наступлений против русских она предпринять не смогла. Русские овладели городами Трапезундом и Эринджаном.

В 1915 г. турецкие власти организовали массовые убийства армянского населения Османской империи, видевшего в России свою освободительницу. По указу Императора Николая II русско-турецкая граница была приоткрыта и армянские беженцы оказались под защитой русской армии. В результате было спасено 375 тыс. армян³.

15 февраля 1916 г. Государь направил Наместнику на Кавказе Великому Князю Николаю Николаевичу телеграмму, в которой сообщил, что он «*с удовольствием награждает генерала Юденича орденом Св. Георгия 3-й степени*⁴.

¹ Телеграмма генерала М.В. Алексеева генералу Н.В. Рузскому // РГВИА. Ф. 2003 Оп. 1. Д. 51. Л. 90.

² Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 230.

³ Пагануци П. Император Николай II — спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида // Родина. 1993. № 8—9. С. 95.

⁴ Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 186.

Обращаясь к войскам 25 декабря 1915 г., Император Николай II писал: «Глубокая вера в Господа и единодушное желание всех истинно русских людей сломить и изгнать врага из пределов России, дают мне твёрдую уверенность спокойно взирать на будущее»¹. Это же настроение чувствуется и в дневнике Царя от 31 декабря 1915 г.: «В 11.45 поехал к молебну на Новый год. Молился горячо, чтобы Господь благословил Россию окончательной победой и укрепил в нас веру и терпение»².

Император Николай II и военные операции русской армии в 1916 г.

В марте 1916 г. русские предприняли наступление в районе озера Нарочь. Это наступление во многом было определено просьбами Франции об оказании помощи осаждённому Вердену. Для России успех германской армии во Франции представлял большую опасность. Генерал Эверт писал начальнику штаба генералу Алексееву, что «мы даже в чисто узких, эгоистических интересах оставаться пассивными ни о коем случае не можем, дабы не дать германцам возможности разбить наших союзников и нас по частям»³.

Исходя из этих соображений, Ставка, предугадав наступление германцев на французском фронте, планировала наступление на Северном фронте «до наступления весны, когда озера, реки и болота скованы льдом»⁴.

Однако германская армия опередила русское наступление, причём положение французов стало критическим, особенно с потерей 25 февраля форта Дуомон. Францииспешно требовалась помочь союзников, которые своим наступлением на других участках фронта против немцев должны были оттянуть на себя часть германских сил⁵.

24 февраля в Ставке под председательством Императора Николая II состоялось большое совещание по выработке предстоящего наступления. Совещание длилось с 18.00 до 00.40 25 февраля. Государь вёл совещание с большим вниманием в дело⁶. Совещание выработало план совместного наступления Северного и Западного фронтов. Наступление началось 14 марта. Ему предшествовала довольно сильная

¹ Телеграмма Императора Николая II главнокомандующим (собственноручная) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1829. Л. 29.

² Дневник Императора Николая II за 1915 г. Запись от 31 декабря // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263. Л. 177.

³ Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. М., 1938. С. 8.

⁴ Подорожный Н.Е. Указ. соч. С. 8.

⁵ Подорожный Н.Е. Указ. соч. С. 6.

⁶ Лемке М.К. Указ. соч. С. 357—358.

артподготовка. Главный удар, осуществлённый на Западном фронте 2-й армией генерала от инфантерии А.Ф. Рагоза, потерпел неудачу: ценой больших потерь русским удалось продвинуться в глубь неприятельской территории всего на несколько километров.

Между тем группа генерала от инfanterии П.С. Балуева достигла значительных успехов. Части 5-го корпуса выбили немцев с занимаемых позиций, захватили 1300 пленных, значительное количество пулеметов, минометов и другого военного имущества. Таким образом, первая линия обороны немцев была взята. 7-я и 10-я пехотные дивизии принялись за штурм второй линии, но, не имея резервов, которые отстали и не успели своевременно подойти, чтобы поддержать наступление, 5-й корпус был вынужден остановиться. Немцы предприняли отчаянные попытки выбить русских с занимаемых позиций, но все их атаки были отбиты. Николай II был недоволен действиями своих генералов. 14 марта 1916 г. он писал Императрице Александре Феодоровне, что «всего хуже то, что у нас мало хороших генералов. Мне кажется, что они забыли за долгий зимний отдыkh весь опыт, приобретенный ими в прошлом году!»¹.

17 апреля Царь телеграфировал в Ставку генералу Алексееву: «Передайте генерал-адъютанту Эверту, что для восстановления утраченного положения я требую от командующего 2-й армией обдуманной и тщательной подготовки, дабы не могло вторичной неудачи. Войска доблестно исполняют свой тяжкий долг, только бы старшие начальники вели и направляли их как подобает»².

Это критическое отношение к действиям генералитета было характерно для Императора в годы Первой мировой войны. Принимая решение о назначении генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина главнокомандующим армиями Северного фронта, Царь писал Императрице, что принял решение о его назначении лишь «после долгого и всестороннего обсуждения с Алексеевым». Это решение Николай II сопровождает восклицанием «что делать, если так мало хороших людей!»³.

17 марта боевые действия под Нарочью закончились. Директивой Верховного Главнокомандующего Императора Николая II были даны следующие указания: «1-й и 2-й армиям прекратить наступление, прочно утвердиться в занимаемом положении, сохранять видимую готовность к продолжению боя, держать противника под угрозой атаки»⁴.

¹ Николай II в секретной переписке. С. 489.

² Телеграмма Николая II Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.).
Д. 1834. Л. 171.

³ Николай II в секретной переписке. С. 371.

⁴ Подорожный Н.Е. Указ. соч. С. 121.

Несмотря на то что наступление под Нарочью не принесло успеха, сам факт его проведения русской армией, которую после поражений 1915 г. считали уничтоженной, стал для противника неприятным сюрпризом. Кроме того, Нарочская операция частично отвлекла силы немцев от Вердена. Но одновременно она продемонстрировала, что в русском командовании по-прежнему сильна боязнь проявления инициативы и страх перед германской армией. В этих условиях Николай II искал генералов решительных и способных. Именно Царю обязан своим назначением на должность главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов. 10 марта 1916 г. в письме Императрице Александре Феodorovne Государь выразил стремление назначить на должность командующего вместо генерала Иванова генерала Брусилова¹. 14 марта 1916 г. Император Николай II пишет о назначении Брусишлова как о свершившемся факте².

Царь лично вызвал к себе Брусилова для обсуждения его новой деятельности³. Русское командование готовило крупное общее наступление, но распутица помешала его первоначальным планам. Положение на фронтах к весне 1916 г. было следующим: Северный фронт (главнокомандующий генерал от инфантерии Куропаткин) прикрывал направление на Петроград, Западный фронт (главнокомандующий генерал от инфантерии Эверт) прикрывал направление на Москву, Юго-Западный фронт (главнокомандующий генерал от кавалерии Брусилов) прикрывал направление на Киев⁴.

План генерала Алексеева предусматривал широкий охватывающий удар по противнику силами всех фронтов, за исключением Юго-Западного фронта. Брусилов полагал, что именно его фронт в состоянии наступать наиболее успешно. Эту свою уверенность Брусилов высказал сразу же после назначения его на должность командующего в Каменец-Подольске, однако не нашёл поддержки со стороны других командующих. Тогда Брусилов там же обратился к Императору Николаю II, которому доложил, что «имеет весьма серьёзный доклад». Брусилов предложил к 1 мая начать наступление силами его фронта. Брусилов настоятельно просил «предоставления мне инициативы действий, конечно, согласованно с остальными фронтами»⁵.

Николай II предложил повторить заявление Брусилова на предстоящем военном совете. 1 апреля 1916 г. состоялось военное

¹ Николай II в секретной переписке. С. 395.

² Николай II в секретной переписке. С. 401.

³ Николай II в секретной переписке. С. 403.

⁴ Положение на фронтах // РГВИА. Ф. 2003. Д. 1106, Л. 361—365.

⁵ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 182.

совещание, решившее судьбу Луцкого (Брусиловского) наступления. Совещание проходило под председательством Императора. Присутствовали Начальник штаба генерал М.В. Алексеев, начальник Оперативного отдела Ставки полковник Н.Е. Щепетов, командующие фронтами: Северным — генерал от инfanterии А.Н. Куропаткин, Западным — генерал от инfanterии А.Е. Эверт, Юго-Западным — генерал А.А. Брусилов. Николай II предоставил слово командующим.

Брусилов в своих мемуарах писал, что главная заслуга в том, что его план был принят, принадлежит генералу Алексееву. Роль Императора Николая II у Брусилова сводится к простому утверждению планов начальника штаба¹. Для того чтобы выяснить, так ли это, необходимо пояснить общий план генерала Алексеева и то, что предлагал Брусилов. План, предложенный на военном совете Алексеевым, предполагал решительный удар по противнику силами Северного и Западного фронтов. Для этой операции намечалось использовать почти все российские силы². Четыре армии Юго-Западного фронта, особенно сильно пострадавшие в кампанию 1915 г., не должны были принимать участие в наступлении³.

Все главнокомандующие (генералы Эверт, Куропаткин и Брусилов) протестовали против плана генерала Алексеева, но по разным причинам⁴. Если Эверт и Куропаткин высказали уверенность в невозможности наступления на своём фронте⁵, то Брусилов, наоборот, категорически заявил, что он сможет одними силами своего фронта перейти в наступление и быть «*уверенным в полном успехе операции*»⁶.

Окончательное утверждение плана Брусилова принадлежало Императору Николаю II, который утвердил как общий план генерала Алексеева, так и частный план генерала Брусилова. При этом действия Юго-Западного фронта должны были быть демонстративными — для отвлечения внимания и сил противника на юг, и начаться они должны были на две недели раньше нанесения главного удара.

Результатом совещания была царская директива, которая обозначала общей целью всех фронтов «*переход в наступление и атаку германо-австрийских войск*»⁷. Главный удар должны были нано-

¹ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 186.

² Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 427.

³ Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 427.

⁴ Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 427.

⁵ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 163.

⁶ Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 424.

⁷ Приказ начальника штаба верх.главноком. генерала Алексеева о подготовке наступления на Западном фронте // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 654. Л. 1.

сить армии Западного фронта, армии Северного и Юго-Западного оказывать содействие, нанося удары «с надлежащей энергией и настойчивостью». Юго-Западный фронт должен был проводить главную атаку силами 8-й армии генерала от инfanterии А.М. Каледина в общем направлении на Луцк¹.

Следует сказать о роли в Брусиловском прорыве Особой гвардейской армии генерала от кавалерии В.М. Безобразова, сформированной по личной инициативе Императора Николая II.

Генерал Безобразов тяжело переживал безрассудное использование Великим Князем Николаем Николаевичем Императорской Гвардии, которая несла особо тяжёлые потери. «Безобразов считал, что Гвардию на войне нужно беречь для крупных задач и не трепать по мелочам»². Именно Безобразову Гвардия «была обязана выводом в стратегический резерв в 1916 г»³. Безобразов обратился с этой просьбой к Императору Николаю II, напомнив, что Гвардия — «это не только ударное войско, но и оплот Престола»⁴. Николай II решил подчинить генералу Безобразову все гвардейские части, создав, таким образом, элитное подразделение. Это подразделение Царь мог не только успешно использовать на фронте, но и в тылу в случае непредвиденных обстоятельств⁵.

Встречи Императора и генерала Безобразова носили регулярный характер. К лету 1916 г. Гвардия полностью восстановила свою боеспособность. В июне 1916 г. гвардейская армия Безобразова приняла участие в Луцком прорыве.

На рассвете 22 мая 1916 г. мощная канонада возвестила о начале русского наступления на Юго-Западном фронте. Вслед за артподготовкой первыми в прорыв пошли части 9-й армии генерала от инfanterии П.А. Лечицкого и 11-й армии генерала от инfanterии В.В. Сахарова. 23 мая их поддержала 8-я армия генерала от инfanterии А.М. Каледина и 7-я армия генерала от инfanterии Д.Г. Щербачёва. Начавшееся наступление было полной неожиданностью для противника. Мощная его оборона была прорвана.

На ковельском и владимир-волынском направлениях противник потерпел сокрушительное поражение и отступал по всему фронту.

¹ Приказ начальника штаба верх.главноком. генерала Алексеева о подготовке наступления на Западном фронте // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1: Д. 654. Л. 1.

² Геруа Б.В., генерал-майор. Воспоминания о моей жизни. В 2 томах / Под ред. А.А. Геринга. Париж: Военно-историч. издательство «Танаис», 1970. Т. 2. С. 120.

³ Геруа Б.В., генерал-майор. Указ. соч. С. 121.

⁴ Геруа Б.В., генерал-майор. Указ. соч. С. 121.

⁵ Николай II в секретной переписке. С. 266.

Австро-венгерские армии наследника престола эрцгерцога Карла и генерал-полковника К. фон Пфланцера были полностью уничтожены. Русские овладели Буковиной, частью Южной Галиции, достигли горных хребтов Карпат¹.

Но этот успех стал неожиданностью для генерала Брусилова, и у него не было достаточно сил, чтобы его развить. Не имея достаточных резервов, увлёкшись успехом, Брусилов поставил своей задачей непременное взятие Ковеля. Между тем противник разгадал его стратегический замысел и перебросил туда большое количество войск. Три русские армии безуспешно штурмовали Ковель, неся большие потери. Генерал Алексеев приказал гвардейской армии Безобразова взять Ковель. Примечательно, что генерал Алексеев Гвардию не любил. Ещё до войны он высказывался в том духе, что её время, как элитного аристократического подразделения, прошло². Полковник Ф.В. Винберг в свойственной ему эмоциональной манере обвинял «генерал-предателя Алексеева» в преднамеренном избиении Гвардии³. В ходе гвардейской атаки на Ковель потери армии генерала Безобразова составили 50% нижних чинов и 80% офицеров⁴. Однако Алексеев требовал от Юго-Западного фронта продолжения наступления. Однако все последующие атаки на Ковель, которые проводились по приказу Алексеева и Брусилова, закончились неудачей. 14 августа 1916 г. Безобразов был снят с командования Государем, который заменил его генералом от инфантерии В.И. Гурко, в чьей преданности Царь не был уверен, но которого считал более способным, чем Безобразова.

Попытки овладеть Ковелем продолжались Брусиловым до ноября, но успеха не принесли. Генерал, не считаясь ни с потерями, ни со складывающейся обстановкой, продолжал штурм Ковеля⁵. Николай II писал, что «все наличные войска посылаются Брусилову, чтобы дать ему как можно больше подкреплений»⁶.

21 сентября 1916 г. Николай II приказал прекратить безуспешные атаки Ковеля, которые приводили к значительным потерям. Царь «велел Алексееву приказать Брусилову остановить наши безнадежные атаки, чтоб потом снять гвардию и часть других войск с передовых позиций, дать им время отдохнуть и получить пополнения»⁷.

¹ Керновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 41.

² Геруа Б.В., генерал-майор. Указ. соч. С. 122.

³ Винберг Ф.Ф. Крестный путь. Корни зла. Мюнхен, 1922. С. 128.

⁴ Геруа Б.В., генерал-майор. Указ. соч. С. 124.

⁵ Залесский К.А. Первая Мировая война. С. 82.

⁶ Николай II в секретной переписке. С. 472.

⁷ Николай II в секретной переписке. С. 566.

Тактические результаты наступления были огромны: противник потерял свыше 1,5 млн человек убитыми и ранеными, 272 тыс. пленными, 312 артиллерийских орудий, 1795 пулеметов, 448 минометов, от противника была очищена территория в 2000 кв. км¹. Таких результатов не достигала ни одна наступательная операция союзников за весь ход войны.

Русская армия продемонстрировала всем миру, что после неудач 1915 г. она смогла восстановить свою боеспособность. Свидетельством высокой оценки этого наступления Царём явилась поздравительная телеграмма Николая II на имя генерала А.А. Брусилова. 23 августа 1916 г. Царь выражал сердечную благодарность командующему фронтом и всем его чинам от «старших начальников до последнего рядового»². В знак особых заслуг генерала Брусилова Высочайшим приказом ему было пожаловано Георгиевское оружие, украшенное бриллиантами³.

Несмотря на это, Государь был по-прежнему недоволен действиями своих генералов. 22 июня 1916 г. в письме Супруге Николай II писал, что «многие из наших командующих генералов — глупцы, которые даже после двух лет войны не могут научиться первой и наипростейшей азбуке военного искусства»⁴.

Успешное наступление русской армии в Галиции и перелом в войне не могли не обеспокоить думскую оппозицию, которая опасалась, что победа эта будет приписана Царю, а это укрепит монархию. С целью недопущения этого оппозиция начала кампанию по чрезмерному восхвалению генерала Брусилова. Именно тогда появляется надуманное название «Брусиловский прорыв»⁵.

Это восхваление чувствуется и в поздравительной телеграмме А.А. Брусилову Великого Князя Николая Николаевича, в которой тот «громовым ура» приветствовал «великую победу сверх доблестных героев Юго-Западного фронта» и их «вождя»⁶.

Луцкий прорыв стал своеобразным итогом годового пребывания императора Николая II на посту Верховного Главнокомандую-

¹ Керновский А.А. Указ. соч. С. 54.

² Телеграмма Императора Николая II генералу А.А. Брусилову от 23 августа 1916 // ГАРФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 98. Л. 16.

³ Телеграмма из Ставки генералу А.А. Брусилову о награждении его, Георгиевским оружием // ГАРФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 98. Л. 15.

⁴ Император Николай II — Императрице Александре Фёдоровне. 22 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 632.

⁵ Хочешь мира, победи мятежевоину! Творческое наследие полковника Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 495.

⁶ Телеграмма Вел. Кн. Николая Николаевича генералу А.А. Брусилову от 24 мая 1916 г. // ГАРФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 98. Л. 12.

щего. Следует отметить, что Царь смог выполнить поставленную им задачу: не допустить поражения России и переломить военную ситуацию в её пользу.

«Самым трудным и самым забытым подвигом Императора Николая II, — считал видный эмигрантский историк профессор С.С. Ольденбург, — было то, что он, при невероятно тяжёлых условиях, довёл Россию до порога победы: его противники не дали ей переступить через этот порог»¹.

Несмотря на имеющиеся глубокие проблемы в снабжении, положение к концу 1916 г. в военном и промышленном плане внушало уверенность в успешном исходе кампании. На весну—лето 1917 г. готовили своё наступление и союзники. В таких условиях сильно ослабленная германская армия, несмотря на все свои боевые достоинства, не смогла бы долго противостоять давлению с запада и востока. Катастрофа Германии была вполне возможной в конце 1917 — начале 1918 г.² Об этом свидетельствуют и немецкие генералы. Так, генерал Э. Людендорф писал, что «разгром четверного союза в 1917 г. казался неизбежным»³.

Государь считал, что военная перспектива выглядит уверенной, фронт надёжным. Численность русской армии была не только восстановлена после тяжёлых потерь 1915 г., но и многократно увеличена. На 1 января 1917 г. она составила 6 млн 845 тыс. человек⁴. Полковник Генштаба В.М. Пронин писал, что ко времени 1917 г. «русская армия располагала огромными материальными и техническими средствами, она была ими богата, как никогда»⁵.

17 и 18 декабря 1916 г. в Ставке состоялось военное совещание под председательством Императора Николая II. Государь писал Супруге: «Все главнокомандующие приезжают сюда на военный совет, так как пора готовить планы на будущую весну»⁶.

Участник этого совещания генерал-квартирмейстер Ставки генерал от инfanterии Лукомский свидетельствовал, что «главный удар решено было нанести на Юго-Западном фронте. [...] После успеха на Юго-Западном фронте намечено было перейти в на-

¹ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 642.

² Пронин В.М. Указ. соч. С. 8.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 годов / Под редакцией А. Свечина. М.: Государственное издательство, 1924. Т. 1—2. Т. 2. С. 14.

⁴ Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 24.

⁵ Пронин В.М. Указ. соч. С. 8.

⁶ Император Николай II — Императрице Александре Феодоровне. 17 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 627.

*ступление и на других фронтах*¹. Это было последнее большое военное совещание Императора Николая II — Верховного Главнокомандующего. 18 декабря 1916 г. Государь, обеспокоенный полученными сведениями об убийстве в Петрограде Г.Е. Распутина и об опасности террористических актов в отношении царской семьи, покинул Ставку и отправился в Царское Село.

В.И. Мамантов писал, что во время своей последней встречи с Царём в конце 1916 г. он нашёл Императора бодрым и жизнерадостным, великолепно выглядевшим и помолодевшим. Государь высказал Мамантову уверенность, «что победа нам обеспечена»². Мамантов, согласившись с ним, что военная ситуация благоприятна для России, высказал озабоченность внутриполитической обстановкой. Царь призвал его не слушать «сплетен гнилого Петербурга и крикунов в Думе, которым дорога не Россия, а их собственные интересы», и ещё раз подтвердил, что «победа уже не за горами»³.

Генерал Спиридович писал о том, какой был каждодневный труд Николая II накануне февральских событий. «Как всегда, днём между докладами государь много работал. Иногда были заметны усталость, особая озабоченность, даже тревога, но не апатия»⁴.

24 января 1917 г. Императором Николаем II был утверждён план весенней кампании. Он предусматривал: «1. Нанесение главного удара из районов 11 и 17-й армий в Львовском направлении. 2. Развитие в то же время наступления на Румынском фронте, с целью разбить находящегося перед армиями противника и занятия Доброджи. 3. Ведение вспомогательных ударов на фронтах Западном и Северном. Собственной Его Императорского Величества рукой написано: "Одобряю" 24 января 1917 года»⁵.

Ставка предполагала повторить успех Луцкого прорыва⁶. Эти надежды были вполне реалистичными. Положение русской армии на начало февраля 1917 г. было уверенным и прочным. В начале 1917 г. в войска поступило артиллерийских орудий лёгких — 3983, тяжёлых — 560, траншейной артиллерии — 2297. Запас снарядов был обеспечен. В армию в достатке поставлялась колючая проволока, лопаты, топоры, кирки-мотыги. У союзников были запрошены

¹ Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин: Издательство «Отто Кирхнер и Ко», 1922. С. 119.

² Мамантов В.И. На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 233.

³ Мамантов В.И. Указ. соч. С. 233.

⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 486.

⁵ Мировые войны XX века. Первая мировая война. В 2 томах. М.: Наука, 2002. Т.2. С. 228.

⁶ Лукомский А.С. Воспоминания. С. 119.

5 тыс. 200 самолетов. «*Нет сомнений, — писал британский военный атташе генерал-майор А. Нокс, — если бы не развал национального единства в тылу, русская армия могла бы себя увенчать новой славной кампанией 1917 года*»¹.

Рост вооружений и оборонной промышленности

К моменту начала весенне-летней кампании 1916 г. русская военная промышленность совершила большой скачок. У. Черчилль писал: «*Мало эпизодов Великой войны более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 году*»².

В своей записке Императору Николаю II от 15 июня 1916 г. начальник штаба Ставки генерал Алексеев сообщал: «*Производительность наших заводов по сравнению с прежней, до начала войны, сильно повысилась: Тульский завод, вместо 700 пулемётов в год, даёт их 800 в месяц и дойдёт до 1000. Трубочные наши заводы, вместо 40—50 тысяч в месяц, дают теперь около 70 тыс. трубок в день. Оружейные заводы, вместо нескольких тысяч винтовок в месяц, дают их ежемесячно до 110 тыс. Главное артиллерийское управление строит 15 новых заводов, часть которых должна вступить в производство в этом году*»³.

На 1917 г. было намечено строительство 37 новых заводов, производство винтовок возросло в 3 раза, орудий — в 8 раз, количество боеприпасов — в 5 раз. Численность армии была увеличена на 1,4 млн человек⁴. Генерал Головин указывает, что «*соответственное потребностям поступление патронов началось лишь в 1916 году*»⁵. Россия обошла в производстве пушек Францию и Британию⁶. Особенно много внимания уделялось ликвидации «снарядного голода». На июнь 1916 г. генерал Алексеев писал, что «*к сожалению, обеспечение тяжёлой артиллерии снарядами до сих не стоит на должной высоте*»⁷.

¹ Knox A. Sir. With the Russian army 1914—1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1—2. London, 1921. P. 233.

² Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь Джорданвилль, 1983. С. 109.

³ Записка генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 657. Л. 3.

⁴ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М.: Наука, 1986. С. 6.

⁵ Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 19.

⁶ Уткин А.И. Первая Мировая война. М.: Алгоритм, 2001. С. 249.

⁷ Записка генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 657. Л. 1.

В 1916 г. Ставка определила общую потребность в 14 440 орудиях. Из них 11 200 — 76-мм пушек, 2160 — 122-мм гаубиц и 1080 орудий — 107-мм и 152-мм. На заводах было изготовлено 4087 76-мм, 721 122-мм гаубиц и 107-мм пушек¹.

При Главном артиллерийском управлении была создана специальная организация уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванькова. На заводах этой организации началось массовое производство гранат и запальных снарядов. В 1916 г. частные и казенные заводы России изготовили 30 974 678 снарядов (для сравнения: в 1915 году эта цифра составляла 9 567 888 снарядов). Кроме снарядов на заводах было наложено изготовление бомб и мин. В 1915—1917 гг. было изготовлено 7 953 078 бомб и 1 568 489 мин².

К 1917 г. Россия стала производить 9 млн снарядов в год. (Большевики наследовали запас снарядов в 18 млн³.) Правительство широко поддерживало инициативы промышленников по выпуску снарядов. Производились заказы вооружения и за границей⁴. На вооружение артиллерийских частей поступили также огнеметы и осветительные ракеты. Всего до 1 июня 1917 г. в войска поступило 11 446 огнеметов⁵.

К 1 января 1916 г. в русской армии было 5 тыс. 300 автомобилей разного назначения, 1700 мотоциклов, 8800 самокатов, 900 прожекторных станций. Плохо дело обстояло с касками, потребность в них была удовлетворена на 10—15%⁶. Остро стояла проблема с транспортом. По словам генерала Алексеева, «в переживаемое время нет ни одной области государственной и общественной жизни, где бы не ощущались серьёзные потрясения из-за неудовлетворённой потребности в транспорте»⁷.

В результате летней кампании большие территории с железными дорогами оказались в руках противника. Численность русских войск постоянно возрастала, достигнув к концу 1916 г. 7 млн человек. Из-за острой нехватки железных дорог войска приходилось перебрасывать пешим путём. Железные дороги испытывали крайнюю перегруженность, что привело к сильному расстройству железнодо-

¹ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 90.

² Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 102.

³ Уткин А.И. Первая Мировая война. С. 249.

⁴ Очерки истории Ленинграда. М.: Академия наук СССР. Т. 3. С. 934—937.

⁵ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 101.

⁶ Очерки истории Ленинграда. С. 934.

⁷ Записка генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 657. Л. 6.

рожного транспорта. Это привело к срыву поставок продовольствия в действующую армию. Интенданты-заготовители сосредоточили на станциях погрузки значительное количество хлебопродуктов, но большую часть заготовленного хлеба оказалось невозможным вывезти вследствие нехватки вагонов. Линии дорог были забиты эшелонами, перебрасывающими людей и вооружение¹.

Николай II весьма болезненно относился к проблемам с железнодорожным сообщением, важность разрешения которых онставил в один ряд с преодолением «снарядного голода»². Начальник военных сообщений Ставки генерал-лейтенант Н.М. Тихменёв вспоминал, что накануне революции наиболее тяжкими явлениями в народном хозяйстве были расстройство транспорта и недостаток продовольствия в армии. Эти явления «крепче и больше всех заботили Государя, ясно понимавшего всю катастрофическую важность роковое влияние на ход боевых военных операций недостатка продовольствия»³.

Во время встречи с генералом Тихменевым и главным полевым интендантом генерал-лейтенантом К.Н. Егорьевым Император Николай II обратился к ним со словами: «Я вас прошу достаньте непременно продовольствие для армии, а вы (обращаясь ко мне) непременно его перевезите. Я не сплю по целым ночам, когда я думаю, что армия может голодать»⁴.

Слабость русских железных дорог являлась поводом, по которому союзники срывали поставки оружия и боеприпасов в Россию. В связи с этим летом 1916 г. Николай II направил в Архангельск, через который шли английские и французские грузы, Великого Князя Георгия Михайловича для организации бесперебойной работы портовых и железнодорожных служащих. По своему приезде Великий Князь 25 июня 1916 г. подготовил для Царя доклад, по которому видна тяжёлая ситуация в организации работ. «Железная дорога, — писал Георгий Михайлович, — с задачей справилась, с 19-го июня даёт по 475 вагонов, однако ежедневно, по причине непогрузке или не готовности документов, остаётся неотправленными много вагонов. С 10-го по 23-е июня не отправлено 759 вагонов; за июнь месяц отправлено платформ с неполной загрузкой по 200—300 пудов 1890. Не хватает рабочей силы, нет

¹ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 120.

² Император Николай II — Императрице Александре Феодоровне. 11 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 475.

³ Тихменев Н.М. Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке. Издание Кружка Ревнителей Русского Попшлого. Ницца, 1925. С. 3—4.

⁴ Тихменев Н.М. Указ. соч. С. 4.

должной организации, мало заботливости о личном составе. Так, например, в одной роте 154 человека босых, с осени не получили 341 комплектов белья»¹.

В 1916 г. русское правительство приступило к строительству новых железнодорожных путей. В течение 1916 — начала 1917 г. было сооружено 3150 верст вторых путей, завершено строительство мостов, развито 10 узловых станций. В середине 1916 г. архангельское направление стало пропускать до 300 вагонов в сутки. Сибирское обеспечивало вместо 708 вагонов 829, Донбасс стал давать вместо 2830 вагонов 3900. В целом по стране удалось увеличить число вагоно-пробегов на 1500 вагонов в день².

Ещё одной причиной, по которой союзники срывали поставки, была острая нехватка незамерзающих портов. Ещё в начале войны Николай II понимал эту опасность. Для приёма кораблей союзников готовился порт Владивостока. Осенью Государь назначил командующим Приамурским военным округом генерала от артиллерии А.Н. Нищенкова. Назначая его, Николай II сказал, что теперь «он будет спокоен за этот важный теперь округ»³. Нищенков в полной мере понял слова Царя лишь тогда, когда «закрылись все пути в Россию и после Архангельска осталась только одна дверь, через которую можно было доставлять в Россию боевые припасы, — Владивосток»⁴.

15 марта 1915 г. в Лондоне лорд А. Китченер во время беседы с Великим Князем Михаилом Михайловичем высказывал обеспокоенность тем, что «на Владивосток идти слишком далеко». Поэтому английское правительство заявило о невозможности военных поставок в Россию до наступления оттепели⁵. 21 сентября 1916 г. указом Императора был основан новый незамерзающий порт за Северным полярным кругом, который получил название Романов-на-Мурмане.

Что касается авиации, то в ходе войны она получила мощное развитие не только в количественном, но и в качественном составе. Самолёты, безоружные в начале войны, получили на вооружение пулеметы и авиабомбы. Уже в конце 1915 г. русская авиация

¹ Донесение Вел. Кн. Георгия Михайловича Императору Николаю II от 25 июня 1915 // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1834. Л. 85.

² Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 121—124.

³ Генерал А.Н. Нищенков — генералу П.И. Аверьянову от 15 сентября 1926 г. // ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁴ Письмо генерала А.Н. Нищенкова генералу П.И. Аверьянову от 15 сентября 1926 г. // ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁵ Вел. Кн. Михаил Михайлович — Императору Николаю II от 15 марта 1915 // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1302. Л. 51.

представляла собой достаточно серьёзную силу. По докладу командующего авиацией Великого Князя Александра Михайловича, сделанному Николаю II в декабре 1915 г., в армии насчитывалось 50 отрядов, при 228 лётчиках и 299 нижних чинах. Имеющиеся аэропланы распределялись следующим образом: «Вузенов» — 109, «Моранов» — 108, «Фарманов» — 45, «Ньюпоров» — 26, трофеинных — 30¹.

В 1915 г. появилась и успешно развивалась зенитная артиллерия. Первая её батарея была сформирована в Царском Селе для защиты императорской резиденции. В то же время появились передвижные зенитные установки на автомобилях (их на 1917 г. насчитывалось 36)².

Большую роль на завершающем этапе войны должен был сыграть военно-морской флот, главным образом Черноморская эскадра во главе с флагманским кораблём — линкором «Императрица Мария». Спущеный на воду в 1913 г., корабль вступил в строй в 1915 г. Водоизмещение его равнялось 22 600 т, скорость — 21 узел в час. На борту находилось 12 орудий по 305 мм, 20 орудий по 130 мм, 8 орудий по 75 мм, 4 орудия по 47 мм и 4 пулемета. 7 октября 1916 г. на борту судна вспыхнул пожар, унесший жизнь 152 моряков. Из-за опасения, что пламя перебросится на пороховые склады порта, командование приказало линкор затопить. В народе заговорили о диверсии и бунте на корабле, тема пожара стала раздуваться оппозицией. Николай II писал морскому министру Григоровичу: «*Иван Константинович. За докладом сегодня я забыл указать Вам о необходимости краткого объявления во всеобщее сведение о несчастье в Севастополе с линкором "Императрица Мария". Происшествие это известно всей России, но за отсутствием официальных данных, вокруг него ходят всевозможные слухи вплоть до бунта команд, что крайне обидно для доблестного личного состава Черноморского флота. Я нахожу наиболее правильным краткое сообщение о случившемся, что повлекло к временному выводу из строя боевого судна, и указания надежды на восстановление его через несколько месяцев, полгода, год и т.п. Это безусловно нужно. Уважающий Вас, НИКОЛАЙ*»³.

Гибель линкора глубоко потрясла командующего флотом вице-адмирала А. В. Колчака: «Он замкнулся в себе, перестал есть, ни с кем не говорил, так что окружающие начали бояться за его

¹ Доклад Вел. Кн. Александра Михайловича Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2326. Л. 3.

² Марков О.Д. Русская армия 1914—1917. СПб., 2001. С. 98.

³ Император Николай II — адмиралу И.К. Григоровичу // РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.

*рассудок*¹. Бубнов вспоминал, что Государь, узнав об этом, «приказал мне тотчас же отправиться в Севастополь и передать А.В. Колчаку, что он никакой вины за них в гибели “Императрицы Марии” не видит, относится к нему с неизменным благоволением и повелевает ему спокойно продолжать свое командование. Прибыв в Севастополь, я застал в штабе подавленное настроение и тревогу за состояние адмирала, которое теперь начало выражаться в крайнем раздражении и гневе. Хотя я и был близок к А.В. Колчаку, но, признаюсь, не без опасения пошел в его адмиральское помещение; однако переданные мною ему милостивые слова Государя возымели действие, и после продолжительной дружеской беседы он совсем пришел в себя, так что в дальнейшем все вошло в свою колею»².

После нарушения германскими войсками Женевской конвенции и применения ими химического оружия перед русской армией встала угроза химической войны. В этой связи в России появилась химическая промышленность, в связи с чем наблюдался большой рост в строительстве новых химических заводов. «Можно с уверенностью сказать, — писал генерал-лейтенант В.Н. Ипатьев, — что потребность нашей армии и флота породила у нас мощную отрасль промышленности — химическую, совершенно независимую от заграничного сырья»³. Первая химическая атака с русской стороны произошла 5 сентября 1916 г. в районе Сморгани. С 1916 г. русские войска стали использовать также химические артиллерийские мины и снаряды⁴.

За 1916 г. количество заводов по производству серной кислоты возросло с 20 в начале года до 33 в конце. В период с конца 1915 по начало 1917 г. в России появилось 25 бензольных заводов⁵. В 1916 г. в Нижнем Новгороде и Грозном началось строительство двух заводов по производству тротила.

Производство военной продукции постоянно росло, пищевой продукции понижалось. Производство, работающее не на оборону, понижалось довольно незначительно, хотя и неуклонно. Резкое падение производства необоронного значения происходит в 1917 г., то есть уже после крушения императорской России⁶.

¹ Бубнов А. Указ. соч. С. 233.

² Бубнов А. Указ. соч. С. 233—234.

³ Ипатьев В. Работа химической промышленности на оборону во время мировой войны. Пг., 1920. С. 4.

⁴ Марков О.Д. Указ. соч. С. 194.

⁵ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 110.

⁶ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М.: ГИПЛ, 1956. Т. 2. С. 606.

По степени мобилизации промышленности (из 3,3 млн рабочих в 1916 г. 1,9 млн рабочих, или 58 %, заняты в военном производстве) Россия находилась на уровне Германии и Франции, оставив позади Англию, где на войну работало 46 % занятых. Основная группа обследованных предприятий (общее количество 2300) в России дала увеличение производства вооружения (1913—100 %) в 1916 г. до 230 %, предметов снаряжения — 121 %. Производительность труда на одного рабочего на заводах вооружения возросла за эти годы до 176 %¹.

Принятие Императором Николаем II на себя Верховного Командования имело большое положительное значение для хода боевых действий. Был стабилизирован фронт, совершён большой скачок в развитии военной и оборонной промышленности, улучшено снабжение армии. На Юго-Западном и Кавказском фронтах осуществлены два крайне успешных крупных наступления, ознаменовавшие собой начало коренного перелома войны в пользу России и ее союзников.

Каждодневная работа царского руководства, приближающего победу, оставалась незамеченной обществом. Ощущение грядущей военной катастрофы, которое навязывалось прогрессистской оппозицией и которое не имело под собой никакого основания, побуждало военное руководство Ставки и фронтами к участию в политической деятельности в ущерб деятельности военной. Эти политические устремления толкнули Ставку на союз с Прогрессивным блоком и сыграли важную роль в участии верхушки генералитета в Февральском государственном перевороте 1917 г.

¹ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М.: Москвитянин, 1993. С. 225—226.

Часть 2 ЗАГОВОР

Глава 1

Организаторы Февральского переворота

Документальные источники убедительно свидетельствуют о том, что в течение 1916 — начале 1917 г. ни в Петрограде, ни в Москве не было ни одной сколько-нибудь серьёзной революционной организации, способной и готовой осуществить революцию. Революционное подполье было дезорганизовано арестами, страдало от нехватки денег и сводилось к распространению листовок или легальным формам борьбы. Социал-демократы, причём оба их крыла, меньшевистское и большевистское, фактически выбыли из активной борьбы. По оперативным сведениям полиции, меньшевики в начале 1917 г. отказались «от активной работы в подполье, находя ее несвоевременной, так как имеется масса легальных возможностей, использование которых может быть несравненно продуктивнее работы в подполье»¹. К 1917 г. партия меньшевиков разбралась по меньшей мере на две группы: основную, примыкающую к Ю.О. Цердербауму (Мартову), и меньшевиков-оборонцев Г.В. Плеханова². Лидеры обеих групп находились за границей, и меньшевистские организации были лишены единого руководства и достаточного финансирования.

¹ О меньшевиках // ГАРФ. Ф. 102. Департамент полиции. Особый Отдел. 1916 (246). Д. 5. Ч. 46. Л. Б (3).

² Богданова Н.Б. Мой отец — меньшевик. СПб.: НИЦ «Мемориал», 1994. С. 45.

За границей находился и лидер большевиков В.И. Ульянов (Ленин). Несмотря на то что, по определению правоохранительных органов Империи, «партия с.-д. большевиков была наиболее жизненная», в результате проведённых полицией оперативных мероприятий большевистская партия была приведена «к полной бездеятельности и боролась за своё существование»¹. Материальное положение большевистской партии ненамного отличалось от меньшевистской. Агент Московского охранного отделения Пелагея (социал-демократ Андрей Романов) 18 января 1916 г. сообщал: «Марии Ильиничной Ульяновой получен один экземпляр изданной Лениным и Зиновьевым брошюры “Об отношении Российской социал-демократической рабочей парии к войне”, часть которой *ею перепечатана на пишущей машинке в нескольких экземплярах, розданных близким её знакомым*»².

4 февраля 1916 г. тот же агент сообщал: «Служащая в Комитете попечения о беженцах на Неглинной улице сестра “Ленина” Мария Ильинична Ульянова получила 1 экземпляр № 1—2 журнала “Коммунист”, издаваемый за границей при ближайшем участии “Ленина” и “Григория Зиновьева”. [...] № 1—2 журнала “Коммунист” имеются также и у инженера Смидовича. Ульянова и Смидович дают этот журнал для чтения партийным лицам и за это берут с каждого по 3 рубля в партийный с.-д. фонд»³.

Поражают не только те, прямо скажем, ничтожные масштабы деятельности и возможностей большевистского вождя, но и то, что о любом факте его деятельности в России, даже незначительном, становилось сразу известно Охранному отделению. Революционные группировки были в буквальном смысле слова нашпигованы его агентурой.

В агентурном сообщении от 29 апреля 1916 г. указывается, что большевик В.В. Сухарулидзе на собрании московского партийного актива доложил, что Московский комитет РСДРП и «городской социал-демократический район» распались, а большинство их членов арестованы⁴.

¹ Глобачёв К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009. С. 61—62.

² О большевиках // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 (246). Д. 5. Ч. 46. Л. Б (1).

³ О большевиках // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 (246). Д. 5. Ч. 46. Л. Б (2), 70.

⁴ О большевиках // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 (246). Д. 5. Ч. 46. Л. Б (3), 278.

9 января 1917 г., то есть за месяц до Февральского переворота, Ленин писал: «Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции»¹.

Что касается партии эсеров, то её партийные организации были разгромлены уже к началу 1914 г. К началу 1917 г. эсерам приходилось лишь «мечтать о таких организациях и о партийной работе»². По свидетельству начальника Петроградского охранного отделения генерал-майора К.И. Глобачёва, эсеры к моменту свержения монархии «влачили жалкое существование»³.

Анархистские группы последовательно обезвреживались охранными отделениями и Губернскими жандармскими управлениями и «члены их в момент переворота почти все содержались по тюрьмам»⁴.

Таким образом, ясно, что не революционные группировки совершили государственный переворот февраля 1917 г.

Несостоятельной представляется мысль о том, что Февральский переворот стал следствием «стихийного выступления масс». Сегодня на примере целого ряда «бархатных», «цветных» и «цветочных» революций особенно становится понятно, что никакой государственный переворот, никакая революция не могут происходить стихийно, сами по себе. Революции побеждают не в результате «стихийного» бунта, а становятся результатом деятельности мощной организации, влиятельных сторонников и, главное, большого количества денег. Все эти составляющие мы видим на примере Февральского переворота.

Февральские события были событиями локальными. Они коснулись только Петрограда и в очень небольшой степени Москвы. В феврале 1917 г. начальник Тифлисского охранного отделения сообщал в департамент полиции, что «по имеющимся агентурным сведениям, никаких намерений со стороны преступного в политическом отношении элемента вести означенную агитацию не возникало. [...] Все внимание обращено на Петроград, и инициатива должна исходить оттуда»⁵.

Примечательно, что подобные сообщения поступали со всех концов необъятной империи. Л.Д. Бронштейн (Троцкий) со зна-

¹ Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 30. С. 306—328.

² Спиридович А.И. Революционное движение в России. Выпуск 2-й, Партия Социалистов-Революционеров и ее предшественники. Пг., 1916. С. 111.

³ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 61—62.

⁴ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 62.

⁵ Сводки департамента полиции // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1917 (247). 20 Ч. 79. Л. 2.

нием дела утверждал, что «Февральскую революцию совершил Петроград. Остальная страна присоединилась к нему. Нигде, кроме Петрограда, борьбы не было»¹.

В Петрограде в феврале 1917 г. на улицы вышли не «голодные, доведённые до отчаяния обездоленные массы», а организованные вооружёнными боевиками толпы рабочих, горожан и уголовного элемента. Великий Князь Михаил Александрович заносил в свой дневник 25 февраля: «Сегодня были беспорядки на Невском проспекте. Ходили рабочие с красными флагами, бросали в полицию ручные гранаты и бутылки, войскам пришлось стрелять»². Г.М. Катков пишет, что 26 февраля 1917 г. «в военные отряды бросали бомбы, и они, обороняясь, немедленно пускали в ход оружие»³.

Очевидно, что у рабочих не могло быть ни боевого оружия, ни боевых гранат (бомб). Кто кидал эти гранаты и бомбы в войска? Это были не представители главных революционных партий. Большевики, наоборот, «делали всё, что было в их силах, чтобы предотвратить стрельбу на улицах»⁴. А.Г. Шляпников, который в отсутствие Ленина был фактическим руководителем большевистской организации, крайне опасался, что «разгорячённый товарищ, пустивший в ход револьвер против солдата, мог спровоцировать какую-либо воинскую часть, дать повод властям натравливать солдат на рабочих. Поэтому я решительно отказывал в поисках оружия всем»⁵.

Можно с уверенностью сказать, что в войска стреляли профессиональные террористы, организованно задействованные в государственном перевороте. Любопытные цифры о жертвах «великой и бескровной» приводит Троцкий: «1443 убитых и раненых, в том числе 869 военных, из них 60 офицеров»⁶. Солдаты могли пострадать только в бою, ибо расправ над солдатами толпа почти нечинила.

Не находит своего подтверждения и версия об активной роли в февральских событиях германской агентуры, которая якобы играла важную роль в беспорядках в России. Хотя не вызывает сомнений, что поддержка и организация беспорядков в России была частью стратегии германского верховного командования с самого начала

¹ Троцкий Л.Д. История русской революции. М.: Терра, 1997. Т. 1.

² Дневник Великого Князя Михаила Александровича. Запись за 25 февраля 1917 // ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 136. Л. 56.

³ Катков Г.М. Февральская революция. Париж: YMCA-PRESS, 1984. С. 267.

⁴ Катков Г.М. Указ. соч. С. 267.

⁵ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М: Республика, 1992. С. 123.

⁶ Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. С. 40.

войны»¹. Общее руководство подрывной деятельностью внутри империи осуществлял опытный германский разведчик барон Г. фон Люциус. Ещё в октябре 1914 г. он направил из Стокгольма в Россию своих секретных сотрудников «с поручением подыскать агентов для организации противоправительственных выступлений и беспорядков на заводах, обслуживающих военное ведомство»². Однако благодаря умелой работе русской контрразведки большая часть германских планов так и осталась невыполненной. В декабре 1915 г. известный социал-демократ И.Л. Гельфанд (Парвус) обещал германскому генштабу, что в начале 1916 г. он сумеет организовать по всей России мощные рабочие забастовки. Парвус утверждал, что революцию можно будет начать 9 января 1916 г., то есть в очередную годовщину Кровавого воскресенья³. Для этих целей немцы выделили Парвусу два миллиона золотых марок⁴. На деле результаты деятельности Парвуса были весьма скромными. Вместо «мощных забастовок» и беспорядков по всей России дело ограничилось 45-тысячной забастовкой петроградских рабочих, о которой было заранее известно Охранному отделению и которая быстро сошла на нет. После провала Парвуса немцы не обращались к его услугам вплоть до весны 1917 г.⁵

Таким образом, очевидно, что свержение Императора Николая II было осуществлено не в результате революции, а в результате заговора. Тем не менее трудно понять, почему заговорщики, многие из которых позиционировали себя как патриоты и даже монархисты, пошли на переворот во время тяжёлой войны, да ещё накануне наступления русской армии, которое, несомненно, обещало быть успешным. Люди, возглавлявшие заговор, поставили свои политические интересы выше интересов Отечества. Но непонятно, почему при этом самую активную помочь руководителям заговора оказалось ближайшее окружение Императора Николая II, генерал-адъютанты, члены свиты и даже представители правящей династии? Почему участие в заговоре приняли столь разные по своему социальному статусу и политической ориентации люди? Что или кто их объединил? Почему свержению Императора Николая II так способствовали правительственные круги союзных держав? Что подвигло их пойти на столь опасный шаг во время

¹ Катков Г.М. Указ. соч. С. 89.

² О деятельности германского разведчика генерала Люциуса // ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 159. Ч. 2. Л. 642.

³ Катков Г.М. Указ. соч. С. 101.

⁴ Хереш Элизабет. Николай II. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 224.

⁵ Катков Г.М. Указ. соч. С. 106.

тяжёлой войны, когда её исход был ещё совсем не ясен? Ведь участие западных политиков в этом заговоре, независимо от его успеха или неудачи, грозило ни много ни мало крахом Антанты, с последующим выходом России из войны и даже её сепаратным миром с Германией. Это тем более странно, что западные союзные правительства были полностью уверены в верности Императора Николая II своим союзническим обязательствам. Один из главных участников заговора сэр Дж. Бьюкенен утверждал: «*Мы никогда не имели более преданного друга и союзника, нежели Император Николай*»¹. Другой соучастник Февральского переворота французский посол М. Палеолог писал, что царь являлся «*образцовым союзником*»². Французский министр колоний Г. Думерг 19 февраля 1917 г., то есть всего за несколько дней до переворота, был уверен, что у «*Императора Николая имеется твёрдое решение довести войну до полной победы*»³.

Почему же западные демократические режимы сделали всё, чтобы лишить своего «преданного друга и образцового союзника» его верховной власти? Ни одна из называемых возможных выгод не стоила союзникам тех рисков, которые могли наступить для Запада даже в случае успеха переворота, не говоря уже о его провале. Между тем участие этих правительств в уничтожении монархии в России является важным моментом.

Тайные сообщества Запада

Говоря об участии Запада в свержении монархии в России, было бы неправильно представлять его как результат деятельности национальных правительств Англии, Франции и США. Люди, выдававшие себя за таковых, на самом деле представляли в первую очередь не интересы своих стран, а интересы международных финансовых групп и тайных сообществ.

5 июня 1916 г. из Англии в Архангельск вышел английский крейсер «Хэмпшир», на борту которого находился военный министр Великобритании фельдмаршал граф Г.-Г. Китченер. Министр был приглашён в Россию лично Императором Николаем II. Официально целью поездки Китченера были переговоры с Государем по вопросам снабжения русской армии. На самом деле Китченер дол-

¹ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Берлин: Обелиск, 1924. С. 136.

² Палеолог Морис. Царская Россия в Первой мировой войне. М., 1991. С. 98.

³ Lettre de G. Doumergue à M. Paléologue // MAE. (Centre des Archives diplomatiques de Nantes). Fond 440. Ambassade de France en Russie. 1842—1919. 1917. Dossiers 28—29.

жен был расследовать преступную деятельность фирмы «Виккерс» по срыву поставок России снарядов. Лорд вез с собой первый взнос будущего кредита — 10 млн фунтов стерлингов в золотых слитках, упакованных в металлические ящики¹. Китченер стремился покончить с той политикой, по сути, саботажа и вредительства, которую проводили по отношению к России некоторые силы в английских правящих кругах. Неподалеку от Оркнейских островов (Шотландия) английский крейсер подорвался на немецкой мине и затонул: Китченер и все пассажиры погибли. Немецкий генерал-полковник Э. Людендорф считал, что загадочная смерть Китченера «была вызвана не германской миной или торпедой, но той силой, которая не позволила России воспрянуть с помощью лорда Китченера, потому что взрыв всей России уже был запланирован»².

Американский исследователь Р. Дуглас утверждает, что с гибелью Китченера «исчезло главное препятствие, сдерживавшее революцию в России»³. Становится понятно, почему смерть английского министра произвела столь тягостное впечатление на Императора Николая II и Императрицу Александру Феодоровну. Государыня назвала гибель лорда ужасной⁴. 4/17 июня 1916 г. Великий Князь Михаил Михайлович, проживавший в Лондоне, писал Императору Николаю II, что «смерть и гибель бедного Китченера была большая, неожиданная драма, всех страшно поразившая. [...] Он Россию очень любил... Он был нашим лучшим и вернейшим другом»⁵. Великий Князь, конечно, преувеличивал: Китченер был в первую очередь не другом России, а патриотом Великобритании. Он был убеждён, что её интересы требуют того, чтобы Россия успешно продолжала вести войну. Китченер с беспокойством наблюдал, как в английской политике набирают влияние силы, которые преследуют цели далёкие от национальных интересов его страны, что британская политика всё больше начинает зависеть от мощной финансово-политической группировки, центр которой находился в Нью-Йорке.

К началу XX в. США становятся главным центром оккультного и сектантского мира. В жизни страны все больше играли роль тайные общества, ставшие влиятельной политической силой. Эти обще-

¹ Субботин В.А. Две кампании генерала Китченера // Мир истории. № 7. 1999.

² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 годов / Под ред. А. Свечина. М.: Государственное издательство, 1924. С. 67.

³ Рид Дуглас. Спор о Сионе (2500 лет еврейского вопроса). М.: Витязь, 2000.

⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 345.

⁵ Великий Князь Михаил Михайлович — Императору Николаю II 4/17 июня 1916 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1302. Л. 54—55.

ства были объединены главной стратегической целью: созданием мирового правительства и Нового мирового порядка. В 1892 г. в Брюсселе состоялся масонский съезд, который провозгласил главную цель масонства: создание «Всемирной Республики»¹. В 1905 г. Л.А. Ратаев подчёркивал: масонские круги считают, что «на долю Франции выпала высокая задача повсюду организовывать демократию и тем постоянно подготавливать достижение масонского идеала — Всемирной Республики»². В 1910 г. эта цель была развита и уточнена на очередном масонском съезде в том же Брюсселе. Там было признано, что «человечество идёт к вселенской международной организации. Из этой организации впоследствии будут созданы международные правительственные организации. В недалёком будущем человечество придёт к идеи создать органы международного законодательства и международный парламентский союз»³.

Эту же идею активно поддерживала группа ведущих американских финансовых и промышленных магнатов, штаб-квартирой которых был деловой центр, располагавшийся в небоскрёбе на Бродвее—120. Поэтому условно эту группу мы назовём **Бродвейским сообществом**.

В эту группу входили представители крупнейших банкирских домов и финансово-промышленных кругов США: Дж. Морган, Я. Шифф, К. Лоёб, Ч. Крейн, Р. Доллар, директор Федеральной резервной системы США банкир П. Варбург и др.⁴ По адресу Бродвей — 120 располагался офис Дж. М.-Г. Гранта, который представлял в США петроградского банкира Д.Г. Рубинштейна.

Вышеназванные люди состояли либо в одних и тех же организациях, либо в организациях, являвшихся частью единой структуры. Так, например, Якоб Шифф был главой иудейского ордена «Бнай Брита», который с конца XIX в. входил в тайное сообщество. К высшему тайному сообществу принадлежал и Ч. Крейн, который был не только ведущим американским промышленником, но и видным политическим деятелем, в частности президент У. Тафт направлял Ч. Крейна в качестве посланника в Китай. Крейн являлся ближайшим деловым партнером Я. Шиффа как минимум с начала 1900-х гг. Крейн и Шифф были тесными партнёрами по работе в таких структурах, как Федеральная резервная система, «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн», «Нейшнл Сити-Банк» и др.

¹ О масонах // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Д.12.2 (2). Л.40.

² Ф. ДП ОО 1905, № 12, ч. 2. Л. 143.

³ О масонах // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Д. 12. 2 (2). Л. 23.

⁴ Шамбаров В.Е. Оккультные корни Октябрьской революции. М.:

Китченер весьма опасался влияния Бродвейской группы, и в частности её представителя Дж. Моргана, на английскую политику. Граф А.А. Игнатьев, который во время войны был русским военным агентом в Париже, вспоминал, что во время их встречи, предваряя разговор, Китченер потребовал подтвердить, что граф не является сторонником какого-либо соглашения с Морганом. На вопрос Игнатьева, почему лорд так против контактов с Морганом, Китченер ответил: «Хотя бы потому, что этого как раз желает Ллойд Джордж»¹. Китченер не случайно упомянул имя Д. Ллойд-Джорджа. Лорд знал о тесных связях последнего с Морганом и Шиффом. Ллойд-Джордж прилагал немало усилий, чтобы скомпрометировать Китченера и добиться его отставки. После гибели лорда именно Ллойд-Джордж занял пост военного министра, а в декабре того же 1916 г. — пост премьер-министра Великобритании. После гибели Китченера большое влияние в английской политике получил и лорд А. Мильнер, который в конце 1916 г. стал членом военного кабинета и фактическим военным министром. В это же время начинается активная деятельность посла Великобритании в Петрограде сэра Джорджа Бьюкенена по установлению контактов с либеральной оппозицией в России.

Ллойд-Джордж, Мильнер, Бьюкенен — эти люди известны тем, что они активно поддерживали заговор против Императора Николая II в феврале 1917 г. Но помимо этого названные лица были членами тайного общества, известного как «Круглый Стол». Это общество стало одной из самых влиятельных сил в формировании и осуществлении британской имперской и внешней политики начала XX века². «Круглый Стол» был создан в 1891 г. в Лондоне. Первым администратором «Стола» был С. Родес. Своим богатством Родес был обязан клану Ротшильдов. Именно Ротшильд-Банк предоставил Родесу деньги для открытия своего дела по добыванию алмазов в Южной Африке³. Вскоре Родес стал фактическим повелителем целой страны, которая даже стала называться в честь его — Родезией (сегодня Замбия и Зимбабве). После своего возвращения в Англию Родес вместе с Л. Ротшильдом основал общество «Круглого Стола». Среди членов-основателей — лорд Р. Эшер, лорд А. Мильнер, лорд А. Бальфур и сэр Дж. Бьюкенен⁴, все — видные государственные деятели Англии. Основной задачей группы было распространение британского господства на весь мир («объединение всего мира под

¹ Игнатьев А.А. Указ. соч. С. 98.

² Carroll Quigley. The Anglo-American Establishment. New York, 1981.

³ Wesseling Henri. Le Partage de l'Afrique. Denoel, 1991.

⁴ Epiphanius. Maçonnerie et sectes secrètes: le côté caché de l'Histoire.

Publications du «Courrier de Rome». Nouvelle édition 2005. P. 229.

господством Англии), а также введение английского языка в качестве всемирного¹. На самом деле Англия рассматривалась «Круглым Столом» только как плацдарм для осуществления главной цели общества — создания единого мирового правительства. То есть и у Бродвейского сообщества и «Круглого Стола» была одна и та же цель.

В 1904 г., после смерти Родеса, во главе «Круглого Стола» стал А. Мильнер. Он значительно расширил международные связи «Круглого Стола». Наибольшее влияние идеи общества получили в США, где посвящённый Мильнером в члены «Круглого Стола» американский историк Дж.-Л. Бер в 1912 г. создал одноименную организацию в Нью-Йорке². В Америке «человеком» лорда Мильнера и «Круглого Стола» становится Э.-М. Хаус, более известный в истории как «полковник Хаус». Хаус задолго до Збигнева Бжезинского высказал мысль, что *«остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная Европейская часть страны»*. М. Хаус, как и Ч. Крейн, был советником президента В. Вильсона. В Америке М. Хаус представлял интересы банкиров Я. Шиффа, П. Варбурга, Д. Моргана и др.³ Между этой банкирской группой и «Круглым Столом» устанавливается тесная связь, которая осуществлялась через Хауса. Можно с уверенностью утверждать, что к началу Первой мировой войны клуб банков на Бродвея и «Круглый Стол» преследовали одну и ту же цель: полный контроль над мировыми политикой, экономикой и ресурсами.

С Бродвейским сообществом был тесно связан Сидней Рейли, резидент английского разведчика В. Вайсмана. На самом деле и Рейли, и Вайсман работали не на Англию, а на всё тех же банков с Бродвея и руководителей «Круглого Стола». Настоящее имя и фамилия Сидней Рейли Соломон Розенблум (по другой версии, Зигмунд Георгиевич Розенблум), уроженец Одессы. Он неоднократно арестовывался Охранным отделением за участие в незаконных сходках и собраниях. Затем Рейли бежал в Бразилию, где завербовался в Британскую разведку⁴. Вайсман вышел на Хауса именно через Рейли и стал передавать информацию, полученную от «полковника», своим непосредственным начальникам в Лондон,

¹ *The Times*. 25 July 1925.

² Quigley Carroll. The Anglo-American Establishment 168, 1981.

³ Charles E. Neu. House, Edward Mandell // *American National Biography* 2000.

⁴ Spence Richard B. Trust No One: The Secret World of Sidney Reilly. Feral House, California (2002).

минуя английского посла. С «Круглым Столом» был самым тесным образом связан и Ллойд-Джордж. Впоследствии, во время Версальской конференции, все ближайшие советники Ллойд-Джорджа были членами «Круглого Стола», который имел своих союзников и в масонской ложе «Великий Восток Франции», и среди сионистов, и в правящих кругах США, Англии и Германии. Но при этом он не был частью ни сионистов, ни масонов. Эти структуры были нужны тайным английским и американским обществам исключительно для получения контроля и влияния над той или страной, обществом, правительством. Так, Я. Шифф был противником сионизма, но, когда в 1918 г. А. Бальфур в своей декларации от имени британского правительства поддержал идею создания еврейского государства в Палестине, Шифф одобрил её.

Следует отметить, что и банкирская группа с Бродвея, и лорды «Круглого Стола» были тесно связаны с Германией. Так, лорд Мильнер родился и провёл свою молодость в Гессен-Дармштадте, его мать была немка. Я. Шифф происходил из богатой раввинской семьи Гессена, родился и вырос во Франкфурте-на-Майне. Пол и Фриц Варбурги родились в Гамбурге в семье немецкого банкира и долго жили в Германии, где влиятельным банкиром оставался их брат — М. Варбург. Бьюкенен много лет провёл в Германии в качестве сотрудника посольства.

Интересно также и то обстоятельство, что одним из самых крупных и солидных банковских домов во Франкфурте-на-Майне конца XIX в. были Бетманы, которые, хотя и были конкурентами Ротшильдов, находились в добрых отношениях друг с другом¹. Выходец из рода Бетманов станет при Вильгельме II рейхсканцлером Германии, одним из главных поджигателей Первой мировой войны и яростным врагом России. Он войдет в историю как Теобальд фон Бетман-Гольвег². Начиная с 1914 г. немцы субсидировали русскую революцию через международный банк Варбургов в Гамбурге. Этот банк обеспечивал деньгами революционеров в России через свои представительства в Швеции³. На эти же деньги германские агенты организовывали забастовки и беспорядки в России в 1915 и 1916 гг.

Эта тесная связь представителей тайных обществ Англии и США с финансовыми структурами главного врага Антанты заставляет усомниться, что Шифф, Варбурги и «Круглый Стол» были на

¹ Оgger Г. Магнаты. Начало биографии. М.: Прогресс, 1985.

² Саттон Э. Уолл-Стрит и большевистская революция. М.: Русская идея, 1998.

³ Virion Pierre. Bientôt un gouvernement mondial? Une super et contre-glace. Saint-Céneré, 1967. P. 135—136.

стороне Англии и США. Когда интересы государств Антанты расходились с интересами их тайных организаций, банкиры и лорды, без сомнения, руководствовались последними.

С.П. Мельгунов пишет в своём труде: «*Николай II указывал в телеграмме английскому королю на возможное влияние (английских) банков, находившихся в немецких руках*»¹. Первый секретарь русского посольства в Вашингтоне граф И.Г. Лорис-Меликов сообщал 17/30 марта 1916 г., что «*никакая иностранная нация не имеет в Америке столько банков, сколько Германия. Чтобы перечислить только крупнейшие из них, достаточно упомянуть о фирмах: "Кун, Лёйб и К°", "Ляденбург, Тальман и К°", "Селигман и К°" и прочие. Эти банки всецело немецкие по происхождению, и если в настоящее время они и считаются американскими, то не подлежит сомнению, что интересами своими они все еще тесно связаны с Германией*»².

Во второй половине 1916 г. в Англии происходит тихий государственный переворот. Все главные посты в государстве занимают представители «Круглого Стола»: Ллойд-Джордж — премьер-министр, лорд А. Мильнер — военный министр, лорд А.-Дж. Бальфур — министр иностранных дел. В марте 1916 г. послом США в России был назначен банкир и хлеботорговец Д. Френсис, который наряду с Бьюкененом и Палеологом сыграл заметную роль в поддержке заговора против Царя. Одной из веских причин этого участия американского дипломата в помоши заговорщикам, помимо всего прочего, стали личные мотивы — будучи хлеботорговцем, Френсис был заинтересован в устраниении России как конкурента с мирового рынка зерна.

Именно с этого момента начинается непосредственная подготовка к революции в России. Из главных причин, побудивших тайное американо-английское сообщество начать в 1916 г. подготовку революции в России усиленными темпами, следует выделить следующие:

- 1) неизбежность победы Императорской России в мировой войне и вытекающая отсюда невозможность построения нового мирового порядка;
- 2) неспособность помешать России завладеть Черноморскими проливами, Константинополем;
- 3) стремление трансатлантического капитала подчинить себе русский рынок и сырьевые ресурсы;

¹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: Родина, 1931. С. 67.

² И.Г. Лорис-Меликов — Б.В. Штюрмер // Россия и США: дипломатические отношения 1900—1917. Документы. М., 1999. С. 628.

4) отсутствие рычагов воздействия на царскую Россию после войны;

5) религиозно-мистическая и geopolитическая доктрина сообщества, предусматривающая недопущение в новом мировом порядке существования самодержавной православной монархии.

Важнейшей причиной ускорения верхушкой англо-американского сообщества подготовки государственного переворота в России стали взятые правительствами Англии и Франции обязательства перед русским Монархом по территориальным приобретениям. Уже 8/21 ноября 1914 г. во время своей встречи с французским послом Палеологом в Царском Селе Государь затронул вопрос послевоенных территориальных притязаний России. Согласно Палеологу, Царь высказал следующие намерения России: 1) По Германии: присоединение к Российской империи Восточной Пруссии, Познани и польской Силезии. 2) По Австрии: присоединение к России Галиции и Буковины, передача Боснии-Герцеговины — Сербии и Трансильвании — Румынии. Кроме того, Государь высказался за независимость Богемии, Моравии, Каринтии и Хорватии¹. Если раздел Германии не вызывал у французского посла никаких возражений, то раздел империи Габсбургов, который он называл «уничтожением Австро-Венгрии», виделся ему нежелательным. Мнение французского посла было поддержано Делькассе, который телеграфировал Палеологу: «Я Вам настойчиво рекомендую не произносить ни слова, которое могло бы дать возможность русскому правительству предположить, что мы поддерживаем его претензии на Австрию»².

31 марта/13 апреля 1915 г. Палеолог в телеграмме Делькассе сообщал, что русское правительство уже не собирается ограничиться присоединением Галиции и Буковины. «Они хотят аннексировать также южные склоны Карпат, которые населены славянскими народами (вплоть до Мукачева и Сигета)»³.

Главным вопросом переговоров между Россией и союзниками была передача проливов Босфор и Дарданеллы под контроль России. Император Николай II считал это важнейшей исторической задачей. Уже в Высочайшем манифесте по случаю нападения Турции на Россию 2 ноября 1914 г. царь говорил, что «безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой

¹ M. Paléologue à Président R. Poincaré. 16 avril 1915 // DDF. P., 2002. T. 1. P. 423—424.

² M. Paléologue à Président R. Poincaré. 16 avril 1915 // DDF. P., 2002. T. 1. P. 424.

³ M. Paléologue à Président R. Poincaré. 16 avril 1915 // DDF. P., 2002. T. 1. P. 424.

для неё ход событий и откроет для России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Чёрного моря»¹.

Успешные действия русской армии в Галиции и Карпатах зимой—весной 1915 г. побудили Царя вновь активизировать перед союзниками вопрос о Проливах. 22 февраля/6 марта 1915 г. Сазонов телеграфировал в Париж Извольскому текст русской ноты союзным правительствам: «Ход последних событий привёл Его Величество Императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть решён окончательно согласно вековым чаяниям России. Все решения будут несостоительны и непрочны, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, так же как южная Фракия вплоть до линии Энос—Мидия, не будут включены в состав Российской империи. Особые интересы Франции и Великобритании в этом регионе будут самым тщательным образом уважены»².

В начале марта 1915 г. между Россией и союзниками было разработано будущее управление оккупированного Константинаополя. Каждая страна должна была направить туда своего Главноуполномоченного. Министерство иностранных дел России адресует в Главный штаб ВМФ секретный документ, который назывался «Об установлении штата временного управления Императорского Российского Главноуполномоченного в Царьграде». В нём определялось гражданское управление городом, которое должно было временно осуществляться тремя главноуполномоченными: русским, французским и английским. «Необходимо иметь в виду, — говорилось в документе, — что установление прочного порядка в Царьграде важно главным образом для России, которой придётся в дальнейшем будущем управлять краем»³.

14/27 марта английский посол в Петрограде Бьюкенен вручил Сазонову меморандум, составленный им на основании инструкций из Лондона. В меморандуме подтверждалось согласие английского правительства на присоединение к России Проливов, Константинополя и указанных территорий при условии, что война будет доведена до победного конца и что Великобритания и Франция осуществлят свои пожелания за счет Оттоманской империи и «некоторых областей, лежащих вне её»⁴.

¹ Высочайший манифест // Нива. 1914. 2 ноября.

² Note russe. 6 mars 1915 // DDF. P., 2002. Т. 1. Р. 397.

³ О главноуправляющим Царьграда // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 274. Л. 17—18.

⁴ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 114.

Весной 1916 г. председатель Совета министров Б.В. Штюрмер составил отчёт о своей встрече с Императором Николаем II, в котором писал: «*Мне казалось возможным ныне же объявить России и Европе о состоявшемся договоре с нашими союзниками, Францией и Англией, об уступке России Константинополя, проливов и береговых полос. Впечатление, которое произведёт в России осуществление исторических заветов, будет огромное. Известие это может быть изложено в виде правительственного сообщения. Его Величество осведомился относительно способов возможного выполнения оглашения уступки нам Константино-поля и проливов. Я имел случай обменяться мнением с послами великобританским и французским, которые не встречают к сему препятствий*»¹.

Между тем англичане, вынужденные на словах согласиться с русскими требованиями по Босфору и Дарданеллам, стремились сделать всё, чтобы максимально уменьшить либо вообще свести к нулю русское господство в этом регионе. Английский посол в Париже Ф. Берти отмечал в своём дневнике 13/26 февраля 1915 г.: «*Здесь всё больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится вне Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы московит не имел возможности совершенно самостоятельно решить вопрос о будущем этого города и проливов — Дарданелл и Босфора*»².

Англо-французское командование приступило, не поставив в известность Россию, к разработке Дарданелльской операции. Русскому послу в Париже А.П. Извольскому стало известно об этих намерениях союзников, и он уведомил об этом Петроград³. Главной целью операции англо-французское командование объясняло «*установлением прочной связи с Россией*»⁴. Операция готовилась крайне поспешно. Позже английский адмирал Валис признал, что «*во всей мировой истории нет ни одной операции, которая была бы предпринята на столь скорую руку и которая была бы столь плохо организована*»⁵.

¹ Отношения Б.В. Штюрмера Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 12—13.

² Берти, лорд. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже (1914—1919). М.—Л., 1927. С. 49—50.

³ Бубнов А.Д. Указ. соч. С. 102.

⁴ Galland (P.) Op. cit. P. 77.

⁵ Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб.: Бельведер, 2000. С. 453.

18 марта 1915 г. союзники начали штурмовать двадцать четыре турецких форта, находившиеся под командованием немецких офицеров. Все попытки англичан и французов совершить высадку закончились провалом, стоившим союзникам 20 тыс. человек убитыми¹.

Дарданелльская операция союзников показала, что России нужно спешить с собственной операцией по захвату проливов. Николай II отдал приказ о подготовке Босфорской десантной операции. Первоначально её планировали на осень 1916 г. Было решено предпринять высадку у входа в Босфор для завладения его укреплениями. С этой целью была сформирована из отборных частей дивизия под командованием генерал-лейтенанта А.А. Свечина. Операцией должен был руководить генерал Н.Г. Щербачёв, на должность начальника его штаба предполагался генерал Н.Н. Головин².

Летом 1916 г. командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак был вызван в Могилёв, где имел продолжительную встречу с Государем и генералом М.В. Алексеевым по поводу Босфорской операции. На Колчака возлагалась задача подготовить морские силы для проведения операции, которую планировали начать после вступления в войну на стороне Антанты Румынии³. Русские войска должны были продвинуться вдоль западного побережья Чёрного моря и, форсировав Босфор, перенести боевые действия на территорию Турции. Черноморский флот содействовал сухопутной операции высадкой десантов, огнём артиллерии, захватом Босфора и, наконец, ударом по Константинополю.

Поражение Румынии заставило русское командование перенести десантную Босфорскую операцию на весну 1917 г. «По повелению Государя, — вспоминал А.Д. Бубнов, — было тотчас же приступлено к формированию десантной дивизии, причем Государь повелел, чтобы для укомплектования этой дивизии было отправлено достаточноное число особо отличившихся в боях офицеров и солдат — георгиевских кавалеров»⁴.

Обладание проливами и Константинополем позволяло России контролировать военные и торговые пути в Средиземное море, открывало ей дорогу в Азию, в Индию и Африку. Господство России в проливах означало бы к тому же быстрое окончание войны в пользу Антанты. Это, к слову сказать, понимали как немцы, так и

¹ Galland (P.) Op. cit. P. 78.

² Свечин М. Указ. соч. С. 114.

³ Допрос Колчака. Л.: Ленгиз, 1927. С. 30—31.

⁴ Бубнов А. Указ. соч. С. 288.

союзники. Гроссадмирал А. фон Тирпиц писал: «*Если Дарданеллы падут, то война для нас проиграна....*»¹

Такое завершение войны не устраивало Д. Ллойд-Джорджа и Я. Шиффа. Война должна была закончиться по их сценарию, и в этом сценарии для России не было места. Глава французской военной миссии при царской Ставке дивизионный генерал М. Жанен 7 апреля 1917 г. записал в свой дневник: *Февральская революция «руководилась англичанами и конкретно лордом Мильнером и сэром Бьюкененом»*².

Но помимо прочего было ещё одно обстоятельство, которое заставляло как английских, так и американских политиков и бизнесменов делать всё от них зависящее, чтобы не пустить Россию на Ближний Восток. Причина эта заключалась в том, что господство России в этом регионе означало бы крах сионистской идеи построения еврейского государства в Палестине.

После смерти своего основателя Т. Герцеля сионизм начал тесно смыкаться с революционным подпольем в России. В секретном циркуляре Департамента полиции от 16 мая 1912 г. говорилось, что *«сионисты от чисто идейного учения постепенно стали переходить к тактике вмешательства в культурную, экономическую и политическую жизнь России. Эта эволюция сионизма привела последний в сторону противоправительственного направления»*³. Сионисты понимали, что передача Иерусалима под контроль русского Царя делала невозможным создание в Палестине еврейского государства. Охранное отделение сообщало в 1914 г., что евреи опасаются, что *«русские, победив Турцию, могут лишить евреев сионистских плодов их долголетних усилий в Палестине»*⁴.

Победа Императорской России в войне означала бы для тайного общества не только крах идеи мирового правительства, но и крах всего планируемого им послевоенного мира. Общую обеспокоенность Запада высказал в письме президенту США В. Вильсону его советник М. Хаус: *«Если победят союзники, то это будет означать господство России на европейском континенте»*⁵.

Заведующий заграничной агентурой Департамента полиции (Парижское бюро) Л.А. Ратаев писал в своём отчёте, что «при-

¹ Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Книга 8. Белград, 1922. С. 246.

² Goulevitch Arsène. Tsarism and Revolution. Omni Publications, 1961.

³ О сионизме // ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 59. Ч. 2. Л. 102.

⁴ О сионизме // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО 1914. Д. 343. Л. 312.

⁵ Архив полковника Хауза. Избранное. В 2 томах. М.: АСТ, 2004.

чиной ненависти масонства к России является то, что её считают самым надёжным оплотом христианства. Ведь, рассматривая деятельность масонов, никогда не надо упускать из виду, что, прежде всего это не просто безбожники, это — сектанты»¹.

К концу XIX в. эта международная сектантская сила представляла собой соединение иллюминатской философии, иудейского мессианства, американского протестантизма. Главным финансистом этого сообщества выступал американо-еврейский капитал, наиболее ярким представителем которого был банкир Якоб Шифф. В 1910 г. посол России в США барон Р.Р. Розен называл Шиффа «фанатическим ненавистником России, нанести удары которой всякими доступными ему средствами он считает своей священной обязанностью»². Некоторые исследователи склонны объяснять эту ненависть еврейским происхождением Шиффа. На наш взгляд, такой подход не объясняет природу этой ненависти. Барон Р.Р. Розен писал А.П. Извольскому 3/16 марта 1910 г.: «Было бы ошибочным приписывать заботы американского еврейства об улучшении участия евреев в России только естественной симпатии к соплеменникам. Тут значительную роль играют соображения совершенно эгоистического характера»³.

Всячески провоцируя по политическим мотивам еврейскую эмиграцию из России, американские еврейские круги хорошо принимали только еврейских революционеров, от которых отвернулась большая часть российского иудейского раввината, но которых можно было с успехом использовать для противоправительственной деятельности в самой России. Простой еврейский народ в России, с его местечковой культурой, трудолюбием и заботами, вызывал у американского еврейского сообщества презрение и неприязнь. Примечательно, что во время встречи Х. Вейцмана с А. Бальфуром последний был удивлён убеждённостью Вейцмана в победе сионистских идей. Когда Бальфур сказал Вейцману, что раньше он никогда не слышал от евреев ничего подобного, Вейцман сказал лорду: «Мистер Бальфур, вы встречаетесь не с теми евреями»⁴. Судьба «не тех евреев» совершенно не волновала ни Шиффа, ни Вейцмана. Таким образом, ненависть к России членов тайного сообщества нельзя объяснить их еврейским происхождением. К тому же такую ненависть испытывали и Мильнер,

¹ О масонах // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905 (235). Д. 12. Ч. 2. Л. 142.

² Россия и США: дипломатические отношения 1900—1917. Документы. М., 1999. С. 171—173.

³ Россия и США: дипломатические отношения 1900—1917. С. 173.

⁴ Маор Ицхак. Указ. соч. С. 338.

и Ллойд-Джордж, которые не были евреями. Истинное отношение к России было выражено Ллойд-Джорджем сразу же после свержения Царя: «*Одна из главных целей Англии в этой войне достигнута!*»

Главная цель этой силы, безусловно, духовная, идеологическая. В основе этой идеологии лежит антихристианская и антимонархическая составляющая, которая и была главной причиной ненависти тайного сообщества к Царской России. Современный российский исследователь доцент Т.В. Грачёва: «*Цель создания глобального государства — это цель духовного и религиозного характера. Для того чтобы её достичь, нужно до основания уничтожить священную государственность, даже идею о ней, даже память о ней, полностью скомпрометировать её историю*»¹.

Сценарии раз渲а России, которые прорабатывались в начале XX в., удивительным образом совпали с большевистским сценарием 1917—1922 гг. и либерально-демократическим 1991—1993 гг.

В 1908 г. в Нью-Йорке появился некий русский подданный, имеющий себя Иваном Народным. Иван Народный заявил, что он является главой «временного правительства» России и предъявил чеки этого нового правительства на большие суммы, заявив, что они будут обеспечиваться начиная с 1915 г. Тогда многие, в том числе и русская революционная эмиграция, потешались над самозванцем, считая его авантюристом или безумцем. Однако в свете всего прошедшего с Россией в XX в. деятельность Ивана Народного смеха не вызывает. Иван Народный выпустил манифест, в котором объявлял о создании «Соединённых Штатов России». Это государство должно было состоять из 12 штатов, имевших право выхода из государства. «*Мы, — писал Иван Народный, — провозглашаем конституцию, подобную конституции САСШ, с президентом, избиаемом на три года, с Думой, в качестве нижней палаты и Сенатом — верхней палатой*»².

Нетрудно догадаться, что проект Народного в целом совпадает как с устройством СССР, так и сегодняшней РФ.

В конце 1916 г. тайное американо-английское сообщество приняло окончательное решение о начале стремительного форсирования подготовки государственного переворота в России³. Целью этого переворота было свержение Императора Николая II и полное уничтожение монархии в России.

¹ Грачёва Т. Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2009. С. 10.

² Сообщение заграничной агентуры об Иване Народном // ГАРФ. ДП ОО. 1908 (238). Д. 526. Л. 20.

³ Николов Н. Световната конспирация. София, 1990. С. 189.

14 февраля 1916 г. в восточной части Нью-Йорка состоялось тайное собрание, посвящённое организации революции в России. Костяк собрания представляли «ветераны» революции 1905 г. Финансовая сторона вопроса была взята на себя ведущими американскими банкирскими домами, в связи с которыми «имя Якова Шиффа неоднократно упоминалось»¹.

Исследователь Т.В. Грачёва утверждает, что «в архивах Государственного департамента США (1910—1929, №861.4016/325) хранится следующее сообщение, подготовленное американскими разведывательными службами: “В феврале 1916 года впервые стало известно, что в России разжигается революция. Было выявлено, что упомянутые ниже лица вовлечены в это разрушительное предприятие: это директора “Кун, Лёйб энд Компани” Якоб Шифф, Отто Канн, Мортимер Шифф, Джером Ханауэр, Феликс Варбург и его брат Пол”»².

Примечательно, что глава французской военной миссии при Царской Ставке дивизионный генерал Морис Жанен 25 марта /7 апреля 1917 г. записал в свой дневник: *Февральская революция «была спроектирована англичанами, а конкретно сэром Джорджем Бьюкененом и лордом Мильнером»*³. Причём через Мильнера на переворот в России было выделено 21 млн рублей⁴. Эта сумма примерно совпадает с той цифрой, которую Я. Шифф, по словам его внука, затратил на русскую революцию⁵.

Однако не только английские лорды и американские банкиры приняли участие в подготовке свержения монархии в России. Активную помощь оказал им посол Франции в Петрограде Ж.-М. Палеолог, который до сих пор считается во Франции «специалистом» по царской России. Поводом для этого стали многочисленные и весьма сомнительные с точки зрения исторической правды книги Палеолога по русской истории. В.А. Сухомлинов в своих воспоминаниях писал, что Палеолог «предпочитал серьезному делу пустую болтовню и сплетни», а в своих воспоминаниях рассказывал о России «разные небылицы». Генерал В.А. Сухомлинов свидетельствовал, что французский посол не знал Императора Николая II, а потому вкладывал в его уста «всякий тенденциозный вздор столичных политиков. Это не материал для серьезного исторического исследования, а лишь записки для легкого чтения, причём

¹ Goulevitch Arsène. Op. cit. P. 231—232.

² Грачёва Татьяна. Указ. соч. С. 261—262.

³ Goulevitch Arsène. Op. cit. P. 230.

⁴ Goulevitch Arsène. Op. cit. P. 230.

⁵ The New York Journal American, February 3, 1949. Цит. по: Allen Rivera David. A History of the New World Order, 1994.

*наивным и легковерным людям они могут понравиться, особенно на красивом, благозвучном французском языке*¹.

М. Палеолог утверждал, что он является потомком древнего императорского византийского рода Палеологов. Однако это не соответствовало истине. Историк М. Струдза в своём исследовании установил, что родословная французского посла происходит вовсе не от византийских кесарей, а от фанарских греков или евреев, большей частью незаконнорожденных. «*Для того чтобы предать своим родам значимость и скрыть своё внебрачное происхождение, они присвоили себе знаменитую императорскую фамилию, а в конце XIX века румынские Палеологи напечатали в Константинополе генеалогическое дерево, которое приписывало им византийское происхождение, о котором нигде ранее не упоминалось. Этот любопытный документ хранится в Академии Наук в Афинах. Последний представитель этого рода, на котором он и заканчивается, не кто иной, как Морис Палеолог, французский посол*².

Палеолог пользовался большим расположением в русском обществе и в придворных кругах. Бьюкенен при всем своём уме никогда не имел в России такого расположения, какое имел М. Палеолог. Генерал А.И. Спиридович подмечал, что «*прошедший хорошую школу, Морис Палеолог (его настоящая фамилия совершенно другая) быстро разобрался в русском обществе, в партиях, завел, где надо было, агентуру, т.е. информаторов, отлично использовал некоторых дам русского высшего общества, как осведомительниц, и в результате ловко выбрал правильную линию поведения. И его любили*³.

Изображая из себя верного друга России, М. Палеолог весной 1916 г. вёл тайные переговоры с польскими сепаратистами. За спиной своего союзника Франция строила планы расчленения Российской империи⁴. 19 февраля/4 марта 1916 г. Палеолог отправил совершенно секретную записку министру иностранных дел Франции А. Бриану. В ней посол признавал польский вопрос «одним из самых сложных»⁵. Эта сложность, писал Палеолог, объяснялась тем, что Император Николай II и превалирующее русское общественное мнение против восстановления польской

¹ Сухомлинов В. Воспоминания. Берлин, 1929. С. 304.

² Sturdza Mihail-Dimitri. Dictionnaire historique et Généalogique des grandes familles de Grèce, d'Albanie et de Constantinople. Paris, 1999.

³ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 296.

⁴ Lettre de Maurice Paléologue à Aristide Briand // M.A.E. PA 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. Vol. 7.

⁵ Lettre de Maurice Paléologue à Aristide Briand // M.A.E. PA 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. Vol. 7.

государственности, а «Франция не может быть безразлична к чаяниям поляков. Она должна по своей традиции им помочь обрести родину». В настоящее время, пока идёт война, эта помощь может происходить только в сепаратных формах. Но, «когда придёт день мира, когда Россия будет готова реализовать свои грандиозные планы, которые обещает эта война, Франция должна протянуть руку помощи Польше»¹. Французский посол указывал на необходимость объединения усилия всех союзных государств для достижения польской независимости: «Территориальное восстановление польского государства может быть реализовано только нашими общими усилиями»².

К концу 1916 г. Дж. Бьюкенен был хорошо осведомлён от П.Н. Милюкова, с которым находился в постоянном общении, о планах оппозиции по свержению Императора Николая II³. Сведения об этих планах английский посол передавал в Лондон Ллойд-Джорджу⁴. Генерал П.Г. Курлов вспоминал, «что разыскные органы ежедневно отмечали сношения лидера кадетской партии Милюкова с английским посольством»⁵. Примечательно, что этот текст у П.Г. Курлова имеет следующее примечание: «К счастью, документы, относящиеся до этого вопроса, сохранены моими подчиненными от революционеров, и я надеюсь, что буду иметь возможность опубликовать их при втором издании этой книги». Насколько известно, эти документы никогда не были опубликованы Курловым. Он умер в том же 1923 г., когда увидели свет его мемуары.

Императору Николаю II было известно, что в посольстве у Дж. Бьюкенена происходят встречи с лицами оппозиционными царскому строю⁶. Среди обсуждаемых тем, волновавших гостей британского посла, была дискуссия, будет ли убита Императорская Чета в ходе грядущих потрясений⁷. Во время Высочайшего приема

¹ Lettre de Maurice Paléologue à Aristide Briand // M.A.E. PA 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. 1916. Vol. 7.

² Lettre de Maurice Paléologue à Aristide Briand // M.A.E. PA 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. 1916. Vol. 7.

³ Курлов П.Г. Гибель Императорской России: М.: Современник, 1992. С. 214.

⁴ Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Russica Publishers, INC. New York, 1986.

⁵ Курлов П.Г. Указ. соч. С. 123.

⁶ Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сretenский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 228.

⁷ Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923. Vol. II. P. 31.

по случаю нового 1917 г. Николай II прямо заявил Бьюкенену, что ему известно, что английский посол «принимает у себя в посольстве врагов монархии»¹.

19 января/1 февраля 1917 г. в Петрограде собралась Конференция союзников. Державы были представлены на высоком уровне: от России министр иностранных дел Н.Н. Покровский, военный министр генерал от инфантерии М.А. Беляев, морской министр адмирал И.К. Григорович, министр финансов П.Л. Барк, и.о. штаба Верховного Главнокомандующего генерал от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко, новоназначенный посол в Лондоне С.Д. Сазонов; от Франции — министр колоний Г. Думерг, посол в Петрограде М. Палеолог и генерал Н. де Кастельно; от Англии — военный министр лорд А. Мильнер и посол Дж. Бьюкенен; от Италии — министр без портфеля маркиз В. Шалоя, посол А. Карлотти и генерал граф Руджиери-Ладерки².

Официальная повестка дня включала обсуждение координации планов союзных держав на военную кампанию 1917 г., материально-техническое снабжение России, а также окончательное урегулирование вопроса территориальных изменений после победы.

Конференция пришла к следующим выводам: 1. «Кампания 1917 года должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения». 2. Наступление союзников должно быть общим и решительным на всех фронтах, дабы не дать противнику вырвать инициативу из рук союзников. 3. Общее наступление начать в апреле на всех фронтах с целью окончания войны в 1917 г. при полной победе союзных держав³.

Но кроме официальной цели участия союзных представителей на Петроградской конференции была ещё и неофициальная, а точнее, негласная — разведка внутриполитической обстановки в России и координация действий с организаторами готовящегося в стране переворота. Главным действующим лицом западных союзников на конференции был лорд А. Мильнер⁴. Ллойд-Джордж не скрывал своих надежд от этой конференции, так как она «может привести к какому-нибудь соглашению, которое поможет выслать Николая и его жену из России и возложить управление страной на регента»⁵.

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 449.

² Доклад министра иностранных дел Н. Покровского императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 797. Л. 1.

³ Доклад министра иностранных дел Н. Покровского императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 797. Л. 3—5.

⁴ Halperin V. Lord Milner and the Empire. London, 1952. P. 158.

⁵ Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Т. 3. С. 359.

18/31 января Государь принял в Царском Селе всех участников конференции. Мильнер вручил Царю два письма от короля Георга V¹. Ещё через два дня лорд получил личную аудиенцию и обедал с Государем и Государыней. После этой встречи Мильнер констатировал: «Император и Императрица хотя держались очень любезно, но совершенно отчетливо дали понять, что не потерпят никакого обсуждения российской внутренней политики»².

Союзники передали Царю меморандум со своими «советами»: 1. Ввести в штаб Верховного Главнокомандующего союзных представителей с правом решающего голоса. 2. Обновить командный состав армии в согласовании с державами Антанты. 3. Ввести ответственное министерство³. На эти требования Государь ответил отказом по пунктам. По пункту 1: «*Излишне введение союзных представительств, ибо Своих представителей в союзные армии, с правом решающего голоса вводить не предполагаю*». По пункту 2: «*Тоже излишне. Мои армии сражаются с большим успехом, чем армии моих союзников*». По пункту 3: «*Акт внутреннего управления подлежит усмотрению монарха и не требует указаний союзников*»⁴.

5/18 февраля лорд А. Мильнер был ещё раз принят Николаем II. Во время этого приёма Мильнер попытался оказать на Царя прямое давление. Лорд представил Государю записку, в которой предлагалось назначить на высшие посты в государственных органах власти России людей из оппозиции, «*не считаясь с официальными традициями*»⁵. Мильнер дал понять, что в противном случае у императорского правительства могут возникнуть серьёзные затруднения, в том числе с поставками военных материалов из Англии⁶. После аудиенции у Царя Мильнер заявил, что для успешного исхода войны для России нужно, чтобы «*Император вверил ведение войны действительно способным министрам*»⁷. Под таковыми лорд разумел, конечно, представителей либерально-кадетской оппозиции. Жёсткий ультимативный характер требований Мильнера был подчёркнут лордом А. Бальфуром в его беседе с военным

¹ Давидсон А.Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и Новейшая история. № 1. 2007.

² Давидсон А.Б. Февраль 1917 года...

³ Граф Г.К. На Новике. СПб.: издательство Гангут, 1997. С. 35.

⁴ Граф Г.К. Указ. соч. С. 35.

⁵ Записка А. Мильнера Императору Николаю II [на английском языке] / ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 672. Л. 1.

⁶ Алексеева И. Миссия Мильнера // Вопросы истории. М., 1989. № 10.

⁷ Давидсон А.Б. Февраль 1917 года...

обозревателем газеты «Таймс» полковником С. Репингтоном: «*Монархам редко делаются более серьёзные предупреждения, чем те, которые Мильнер сделал царю*»¹.

Во время своего визита Мильнер встретился с представителями оппозиции А.И. Гучковым, князем Г.Е. Львовым, М.В. Родзянко, генералом А.А. Поливановым, С.Д. Сазоновым, П.Н. Милюковым. Тогда же в Петроград прибыл из Москвы британский генеральный консул и по совместительству резидент британской разведки Р.-Г. Брюс Локкарт². Во время своих встреч с Мильнером и Локкартом представители либеральной оппозиции передали меморандум, главный вывод которого заключался в том, что, если со стороны Императора Николая II в ближайшее время не будет оказано никаких уступок, революция неминуема. Львов утверждал, что она произойдёт в течение трёх недель³.

Уже после Февральского переворота ирландский представитель палаты общин указывал, что лорда Мильнера «наши лидеры» послали «в Петроград, чтобы подготовить революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзнице»⁴.

Кроме встреч с представителями думской оппозиции, англичане провели в Москве ряд важных переговоров с представителями ведущих московских финансовых кругов. Предмет переговоров был все тот же: грядущий переворот.

Февральские события в полной мере выявили роль западных сил в её организации и осуществлении. Жанен писал в дневнике в марте 1917 г., что в момент переворота «Петроград был наполнен английским агентами», которые подкупали солдат, чтобы те не выходили из казарм и не подчинялись своим офицерам, предлагая им за это по 25 рублей⁵. Петроградский градоначальник генерал А.П. Балк вспоминал, что когда его 28 февраля 1917 г. числе других представителей «старого режима» арестовали мятежники, которые повели арестованных в тюрьму, то «у Зимнего Дворца навстречу нам шли два английских офицера. Одного я знал хорошо в лицо, фамилию забыл, но фигуру его, необычно длинную и поджарую, знал каждый, кто бывал в "Астории". Так вот этот офицер своеобразно приветствовал нас. Он остановился, повернулся к нам лицом, засунул руки в карманы и, пригибаясь назад во все свое длинное туловище, разразился».

¹ Алексеева И. Миссия Мильнера...

² Lockhart (R. H. B.) British Agent. New York, 1933. P. 156.

³ Lockhart R. H. B. Op. cit. P. 158.

⁴ Алексеева И.В. Агония Сердечного Согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914—1917. Л., 1990. С. 243.

⁵ Goulevitch Arsène. Op. cit. P. 230.

громким хохотом, а потом что-то кричал и указывал на нас пальцем»¹.

В дни Февральского переворота в Ревеле базировалась британская военная флотилия под командованием командора Ф. Кроми. Официальным мотивом пребывания её здесь были совместные действия с флотом России против Германии. Однако капитан Кроми был не боевым офицером, а сотрудником британской разведки. Он находился в непосредственной связи с Локкарттом и С. Рейли. В течение зимы 1916—1917 гг. Ф. Кроми, находясь в России, постоянно направлял в Лондон письменные отчёты. Адресатами его были: глава британской военно-разведывательной миссии в России С. Хор и британский военно-морской представитель при Царской Ставке контр-адмирал Р. Филлимор.

1 марта 1917 г. после фактического признания Англией Временного комитета Госдумы Ф. Кроми по приказу Бьюкенена со своим морским отрядом прибыл в Ревель для возможного противодействия войскам генерала Н.И. Иванова, которые Государь послал на Петроград².

Таким образом, можно констатировать, что внешние силы сыграли большую роль в свержении Императора Николая II. Следует признать, что за этой силой стояли не национальные интересы того или иного государства, а интересы тайного международного сообщества. Главной целью этого сообщества было уничтожение самодержавной России. Об этом откровенно писал британский историк-коммунист Эрик Джон Хобсбаум: «Если и существовало государство, в котором революция считалась не только желательной, но и неизбежной, так это империя царей»³.

Таким образом, мы видим, что действия Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки в отношении Царской Семьи носили слаженный характер и отличались сознательной враждебностью.

Однако, признавая важную роль внешних сил в свержении монархии в России, было бы неправильно считать эту роль главной и решающей. Следует признать, что внешние силы не смогли бы добиться поставленных ими целей, если бы они не имели внутри России мощной

¹ Гибель царского Петрограда: Февр. революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое: Ист.-док. альм. Л., 1991. № 1. С. 7—72.

² Корнеев А., член русского исторического общества. Февральский переворот 1917 г. и т. н. «Союзные страны» // Русская цивилизация. 10.11.2007.

³ Хобсбаум Э. Век Империи. 1875—1914. Ростов-на-Дону, 1999. С. 423.

поддержки в лице влиятельных общественных, думских, политических, промышленных и военных кругов.

Либерально-kadетская оппозиция и крупный промышленный капитал

9 августа 1915 г. думской оппозицией был создан так называемый Прогрессивный блок. Его ведущими лидерами были кадет П.Н. Милюков и прогрессист А.И. Коновалов. Позже к ним примкнули националисты В.В. Шульгин, В.А. Бобринский, В.Я. Демченко, А.И. Гучков, П.П. Рябушинский. Главным лидером Прогрессивного блока был Милюков. Отношения между Гучковым и Милюковым были далеко не дружескими. В 1908 г. Гучков даже вызвал Милюкова на дуэль за то, что тот обвинил Гучкова во лжи¹. Лишь длительные переговоры секундантов привели обе стороны к отказу от дуэли.

Гучкова и Милюкова объединяла общая черта: ненависть к Царю, неразборчивость в средствах и жажда власти. Во всём остальном они заметно расходились друг с другом. Гучков был октябристом, сторонником жесткой и авторитарной власти, Милюков, напротив, был кадетом и либералом. Они расходились по очень многим вопросам: например, автономия Польши, против которой категорически выступал Гучков и которую не менее категорично защищал Милюков².

Гучков обладал, конечно, гораздо большим опытом работы с правительством, пользовался большим авторитетом у промышленных, военных кругов. Но в либеральных кругах первенство принадлежало, безусловно, Милюкову, которого на Западе считали символом «русской свободы». У Милюкова было еще одно весьма сильное преимущество. Он был давно связан с Бродвейским сообществом через Чарльза Крейна. Именно по приглашению последнего Милюков неоднократно посещал Америку в 1903—1906 гг. В разгар революционной смуты в России «добрый друг» Крейн организовал Милюкову «триумфальное шествие» по США³. В 1916 г. связи Милюкова с Бродвеем были дополнены контактами с представителями «Круглого Стола». Лидер Прогрессивного блока во время своей поездки в Лондон напрямую получал «указания от масонского центра с обещанием моральной поддержки в борьбе с правительством»⁴.

Имеются веские основания полагать, что напрямую с «Круглым Столом» был связан и Гучков, который был членом так называемого

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. С. 21.

² Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 274.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. С. 24.

⁴ Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. М.: Мысль, 1986. С. 125.

Русско-английского общества, фактического филиала английских спецслужб¹. Кроме того, существенную финансовую поддержку кадетской партии оказывало банкирское семейство Каменка, тесное связанное как с Гучковым, так и с английскими промышленными кругами. Б.А. Каменка состоял председателем Азовско-Донского банка, членом Русско-Английской торговой палаты, а заодно и членом страхового общества «Россия», главой наблюдательного совета которого являлся Гучков². В 1911 г. близкий родственник Б. Каменки А.И. Каменка выделил 3000 рублей в распоряжении конституционно-демократической партии на её предвыборную кампанию в IV Государственную Думу³.

Таким образом, А.И. Гучков и П.Н. Милюков были нужны друг другу для захвата власти в стране. Для этого они были готовы соединить свои силы в Прогрессивном блоке.

Прогрессивный блок начал кампанию по организации **Военно-промышленных комитетов (ВПК)**, которые должны были объединить частную промышленность в деле помощи фронту. Инициатором создания ВПК был Гучков, опиравшийся на крупные промышленные круги Москвы и Петрограда. Военно-промышленные комитеты были созданы в августе 1915 г., в разгар борьбы оппозиции за введение Ответственного министерства.

Гучков и его сторонники решили под прикрытием Военно-промышленных комитетов проводить свою политическую деятельность. Эту деятельность начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К.И. Глобачёв называл «легальной возможностью вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев и обрабатывать через своих агентов общество и армию в нужном политическом направлении»⁴. Военно-промышленные комитеты было решено создавать по всей России. Председателем Центрального комитета был избран Гучков, его первым заместителем (товарищем) — А.И. Коновалов, вторым — М.И. Терещенко. Московский ВПК возглавил П.П. Рябушинский.

Помимо ВПК Гучков вошёл в созданное Царём накануне отъезда в Ставку Особое совещание. Это совещание было призвано осущест-

¹ М.И. Ростовцев — А.И. Гучкову // ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 607. Л. 2.

² О деятельности Гучкова А.И. // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2980. Л. 100.

³ О деятельности Гучкова А.И // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2980. Л. 111.

⁴ Глобачёв К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009. С. 66.

влять контроль предприятий, изготавливших предметы боевого снабжения, а также распределяло крупные военные заказы между русскими и иностранными заводами. Кроме того, оно занималось вопросами снабжения армии.

Войдя одновременно и в руководство Военно-промышленного комитета, и в Особое совещание, Гучков получил реальные рычаги взаимодействия и с военной верхушкой, и с регионами, так как к началу 1916 г. по России было создано 220 местных ВПК, объединённых в 33 областных. В Военно-промышленные комитеты вошли такие представители «общественности», как меньшевик-оборонец К.А. Гвоздёв, председатель Рабочей группы, через которого был прямой выход на меньшевистскую думскую фракцию в лице Н.С. Чхеидзе и на трудовика А.Ф. Керенского. Император Николай II был вынужден считаться с участием оппозиции в ВПК и Особом совещании, так как её представители Гучков, Коновалов, Терещенко были представителями крупных промышленных кругов, без которых снабжение армии было невозможным, особенно в тяжёлых военных условиях лета 1915 г.

Потерпев летом 1915 г. поражение от Царя, Прогрессивный блок не оставил борьбы. Наоборот, она приобретала в течение 1916 г. всё более активный характер. Причин для эскалации этого противостояния с правительством было несколько. Главными из них были оттеснение от власти сторонников блока в правительстве и усилившийся контроль правительства за деятельность Военно-промышленных комитетов.

Промышленный капитал, выразителем интересов которого являлся Гучков, был обеспокоен и раздражён тем, что начиная с середины 1916 г. правительство Б.В. Штурмера стало контролировать кредиты, отпускаемые авансом ВПК¹. Эти кредиты по инициативе министра А.А. Поливанова были непропорционально большими. К декабрю 1915 г. из средств, выделяемых ВПК, 81% было отпущено авансом². По сведениям Б.В. Штурмера, деятельность ВПК и Земгора «поддерживается исключительно на казённые средства (свыше 553 000 000 рублей казённых субсидий и только 4 362 000 рублей местных средств)»³.

При этом ВПК не справлялись со взятыми обязательствами. В связи с этим правительство неуклонно снижало выделяемые средства. Если с середины 1915 г. по 1 февраля 1916 г. ВПК было от-

¹ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и революцию (1907—1917). М.: Три квадрата, 2003. С. 110.

² Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 110.

³ Отношения Б.В. Штурмера Императору Николаю II по разным вопросам // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 13.

пущено 129 млн рублей, то с 1 февраля 1916 по 1 февраля 1917 г. — всего 41 млн рублей¹. Попытка правительства взять под контроль прибыль ВПК затронула личные денежные интересы представителей крупного капитала. Так, член Государственной Думы и Прогрессивного блока кадет А.И. Шингарев через своих доверенных лиц контролировал общество оптовых закупок, которое получило из общественных средств товаров свыше чем на 100 тыс. рублей и ссуду в 50 тыс. При этом общество продавало продукты выше установленных цен². Другой представитель ВПК, председатель его Саратовского областного отделения Ф.Ф. Шмидт, пользуясь своим общественным положением, летом 1916 г. искусственно завышал в Саратове цены на муку. В результате проведённой правительственной проверки в отношении Ф.Ф. Шмидта началось судебное разбирательство³.

Задетые правительством за экономические интересы ВПК становились активными сторонниками введения Ответственного министерства. Летом 1916 г. оппозиция пыталась воздействовать на правительство с помощью Ставки. Когда Гучков понял, что правительство будет пресекать любые его попытки использовать ВПК в открытой агитации, он перешёл к другой тактике, организовав, через те же ВПК, кампанию по обвинению правительства в неспособности снабдить армию снарядами. 18 августа Гучков написал «секретное» письмо начальнику штаба генералу М.В. Алексееву. При этом Гучков сделал всё, чтобы это письмо было предано огласке и чтобы с ним было ознакомлено наибольшее число заинтересованных людей. Письмо это, по признанию Гучкова, им «было использовано как агитационное средство против строя»⁴. В нём Гучков сообщал «голые факты», что Штюрмер запретил премировать заводы, выпускающие тяжёлые снаряды сверх нормы. При этом Гучков, ссылаясь на генерала А.А. Маниковского, сообщал, что «вряд ли удастся при новых условиях добиться увеличения выпуска тяжёлых снарядов»⁵. Гучков напрямую обвинил Штюрмера, военного министра Д.С. Шувалова и министра торговли князя В.Н. Шаховского в работе на Берлин⁶.

¹ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 178.

² Сообщения охранного отделения // ГАРФ. Ф. 97. Д. 28. Л. 53.

³ О ВПК // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1916 (246). Д. 361. Л. 22—23.

⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 7—12. С. 200.

⁵ А.И. Гучков — генералу М.В. Алексееву // ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 698. Л. 2.

⁶ А.И. Гучков — генералу М.В. Алексееву // ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 698. Л. 1—2.

Несостоятельность изложенных в письме А.И. Гучкова фактов была убедительно раскрыта в докладах Б.В. Штюремера Государю¹. Глава правительства объяснял причину появления письма Гучкова неудачей «руководителей противоправительственного движения сломить проводимую Правительством систему». Эта неудача, по словам Штюремера, заставила оппозицию действовать «путём инсинуаций о том, что оно парализует деятельность военных властей в деле борьбы с внешним врагом». Эта «клевета нашла выражение в письмах Гучкова на имя начальника штаба Верховного Главнокомандующего»². Штюрмер разоблачал слова Гучкова о «вредительском» отказе правительства от премий заводам за выпуск снарядов. Штюрмер писал, что вопрос о премиях был рассмотрен на Особом совещании, которое «признало эти премирований нецелесообразными». Особое совещание исходило при этом из того, что «премировка справедлива, если завод, взявшись поставить в июне месяце 1000 снарядов и исправно их изготовивший, в июле месяце выработает не только прежнюю 1000, но 1200 снарядов. Лишние 200 снарядов подлежат премировке. Если же завод, взявшись в июне поставлять 1000 снарядов, изготовил всего 200, то есть не исполнил контракта, а в июле выработал 210 снарядов, то эти последние не подлежат премировке»³.

Понятно, что в первую очередь это письмо было предназначено не генералу Алексееву. Письмо было рассчитано на то, что Алексеев распространит среди военных следующую информацию: защитниками интересов армии и Родины является не «предательское» правительство, а Гучков и Родзянко.

Отставка одного из лидеров «Группы Кривошеина» С.Д. Сазонова с поста министра иностранных дел и назначение Б.В. Штюремера в значительной степени ломали планы Прогрессивного блока. Летом 1916 г. Штюрмер представил Государю письменный доклад, в котором определил, что целью Прогрессивного блока является внесение в Думу большого числа заранее невыполнимых законопроектов, «не соображённых ни с историей, ни с практикой, ни с духом русского законодательства». Отказ правительства утверждать подобные законопроекты будет использован Прогрессивным блоком в качестве доказательства, что Дума «не в состоянии ничего практически осуществить, ибо Правительство, опасаясь всяческих преобра-

¹ Отношения Б.В. Штюремера Императору Николаю II по разным вопросам // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 13—14.

² Отношения Б.В. Штюремера Императору Николаю II по разным вопросам // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 13—14.

³ Отношения Б.В. Штюремера Императору Николаю II по разным вопросам // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 47. Л. 11.

*зований, ведёт постоянную и упорную борьбу с прогрессивными течениями общественной мысли*¹. Штюрмер сообщал, что Дума, в лице её «прогрессивного» большинства, отказывалась работать с Советом министров и требовала создания «кабинета из лиц, облечённых её доверием и перед нею ответственных». Дума, по убеждению Штюрмера, «прямо обратилась к штурму власти»².

В июле 1916 г. Император Николай II потребовал ускорить распуск Думы на каникулы. На докладе Штюрмера Государь повел распустить Думу не позднее середины июля 1916 г.³ Пока Дума бездействовала в перерывах между сессиями, правительство попыталось провести ряд действий, направленных на ослабление позиций Гучкова в Военно-промышленных комитетах. «Правительством, — докладывал Штюрмер, — был принят ряд мер, направленных к ограничению деятельности учреждений, созданных Особыми совещаниями по обороне государства, когда деятельность этих учреждений выходила за рамки закона и учреждения эти являлись ареной для политической агитации. [...] В дальнейшем положен предел политической агитации Военно-промышленных комитетов, ограничены случаи созвания всякого рода съездов и приняты другие меры предупредительного характера»⁴.

Раскольничий интернационал. Заговор Гучкова

Наиболее известным и участником заговора против Императора Николая II, безусловно, являлся председатель Центрального Военно-промышленного комитета и член Государственного совета Александр Иванович Гучков. Пожалуй, нет ни одного сколь-нибудь значимого предприятия, направленного на умаление престижа Государя, на его дискредитацию или на ослабление его власти, за которыми не стоял бы Гучков. Причины, по которым он находился в непримиримой вражде к Николаю II, были не только политического, но и личного характера. Государь ещё в 1906 г. по совету П.А. Столыпина встречался с Гучковым и лидерами левой оппозиции на предмет рассмотрения возможности привлечь их к работе в правительстве. Однако после разговора с ними Государь в письме к Столыпину определил, что Гучков и его сторонники «не годятся в

¹ Отношения Б.В. Штюрмера Императору Николаю II по разным вопросам // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 1—3.

² Отношения Б.В. Штюрмера Императору Николаю II по разным вопросам // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л.13—14.

³ Отношения Б.В. Штюрмера Императору Николаю II по разным вопросам // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

⁴ Отношения Б.В. Штюрмера Императору Николаю II по разным вопросам // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148 Л. 13.

*министры. Не люди дела, т.е. государственного управления*¹, а в письме к Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне утверждал: «У них собственное мнение выше патриотизма»².

Вскоре Николай II смог убедиться в человеческой непорядочности Гучкова, когда тот позволил себе предать огласке подробности одного своего частного разговора с Государем. Октябрист Н.В. Савич свидетельствовал, что «Гучков рассказал о своей беседе с Царём многим лицам, членам фракции при президиуме Государственной Думы. [...] Хуже всего было то, что преданы гласности были не только факты, о которых шла речь, но и некоторые мнения, высказанные Государем. Факт оглашения в печати его интимной беседы Государь воспринял как оскорблениe, как предательство. Он круто и резко изменил своё отношение к Гучкову, стал относиться явно враждебно»³.

Крайне честолюбивый Гучков затаил обиду на Царя, которая к 1916 г. переросла в ненависть. Свержение Императора Николая II с престола к 1916 г. стало для Гучкова почти самоцелью. Октябрист и недавний почитатель Гучкова, князь А.В. Оболенский писал, что бывший глава октябристской партии к моменту революции превратился в «открытого злобного революционера, настроенного больше всего против особы Государя Императора»⁴. В своём стремлении свергнуть Царя Гучков был готов объединяться с любыми силами. Поэтому Государь называл Гучкова Юань-Шикаем, по имени китайского революционного диктатора, и считал «своим личным врагом»⁵. Но, конечно, было бы неправильно считать, что эта вражда личного порядка была определяющей в деятельности Гучкова.

Эта деятельность будет непонятна, если не учесть его принадлежности к тайным структурам, характер которых до сих пор фактически не исследован. Речь здесь идёт не о масонах, которые не представляли собой единой организации. Характер тайного сообщества, о котором пойдёт речь, трудно определить одним словом. В последнее время его иногда называют «старообрядческим сообще-

¹ Император Николай II — П. А. Столыпин // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. М., 1924. С. 102.

² Император Николай II — Вдовствующей Императрице Марии Фёдоровне. 21 июля 1906 г. // ГАРФ. Ф. 642. Д. 2328. Л. 45.

³ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.: Логос-Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 81.

⁴ Оболенский А.В. Мои воспоминания // Возрождение. 1955. Тетр. 48. С. 102—103.

⁵ Куликов С. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). С. 332.

ством», что в принципе так же неверно, как считать Бродвейское сообщество «еврейским». «Старообрядцами» себя называли самые разные религиозные направления, в том числе не имевшие никакого отношения к русской православной традиции. Многие из представителей этого тайного сообщества были выходцами из беспоповских согласий. Раскольники-беспоповцы не признают церковных таинств, церковной иерархии, имеют существенные отклонения от догматов Православия, а некоторые из них фактически переродились в опасные секты. Никакого отношения к православию старого обряда беспоповцы не имели. Поэтому называть исследуемое сообщество «старообрядческим» неверно. Правильнее было бы именовать его членов протестантами восточного обряда.

Главным объединяющим положением этого сообщества была непримиримая ненависть к царствующему Дому Романовых. Русский Царь в глазах раскольников был антихристом. Служить «антихристу» означало для них страшный грех. Поэтому раскольники были готовы служить любым царским врагам. Солдат-дезертир 22-го пехотного запасного полка О.П. Смирнов в январе 1917 г. обратился к своим братьям с воззванием, в котором заявлял, что считает русского Царя антихристом. *«На сем основании мы не должны признавать власти антихристовой нашего российского императора, которого Священное Писание признаёт антихристом ни молением за него, ни исполнением повинности военной службы. Предание свидетельствует, что сия война есть последняя перед кончиною мира, погибнет царство антихристово, и у нас в России больше царя не будет. Этот последний царь Никола»*¹.

Особую опасность представляли, конечно, не эти простые раскольники, а представители крупного капитала — выходцы из беспоповских согласий и сект. Как верно пишет Н. Михайлова: *«Излагать историю “буржуазной” революции в России, не обращая внимания на конфессиональную принадлежность этой буржуазии, тогдашних “олигархов”, значит сознательно или по неведению замалчивать наиболее существенное в побудительных причинах к свержению Царя и разрушению монархии»*².

Однако трудно говорить о «конфессиональной принадлежности», к примеру, Гучкова или Коновалова, один из которых был выходцем из семьи федосеевцев, а другой — т. н. «Спасова Согласия». Никаких догматов даже этих религиозных объединений ни Гучков, ни Коновалов не придерживались, но пользовались их

¹ Дезертир-старообрядец О.П. Смирнов — «братьям-старообрядцам» // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 132. Л. 1.

² Михайлова Н. Исторические очерки о старообрядчестве // Благодатный огонь. № 4. 2000.

связями и возможностями. Поэтому термин «старообрядчество» служит неким «приличным» прикрытием «неприличных» имён типа «сектант», «либерал» и ли «революционер». Так, один из хулигов русской монархии и потомок Гучкова А.И. Гучков-Френкин пишет: *«Не подлежит сомнению, что связь Гучковых, Рябушинских и многих других купеческих семей со старообрядчеством сыграла огромную роль в том, что почти все они оказались в либеральном лагере и считали своим долгом участие в борьбе за гражданские свободы»*¹.

Но любой человек, имеющий представление о церковном старообрядчестве, знает, что никакого духа «либерализма» там нет, а псевдолиберальный дух свойствен некоторым беспоповским сектам. Именно эти секты и становились союзниками революционеров.

Раскол заставил как старообрядцев, так и раскольников-беспоповцев выработать свою тайнопись, свои шифры, условные знаки и т. д. Эти знания не могли не привлекать революционеров-конспираторов, которые поддерживали с раскольниками тесные связи. Однако использование этих тайн раскольников и сектантов вовсе не всегда означало, что использующие их революционеры принадлежали к этим расколам и сектам. Эти связи позволяли революционному подполью пользоваться значительными денежными средствами сектантского сообщества. Конечно, большую роль играла духовная составляющая, которая объединяла революционные силы и религиозное сектантство. Некоторые секты настолько отошли от христианства, что переродились в оккультные или полуоккультные сообщества, практикующие чёрную магию и ритуальные убийства.

В начале XX в. враги императорского строя делали ставку на тесное взаимодействие со структурами, имеющими конфликтные отношения с законом и социально-религиозным устройством Российской империи. Идеальным для проникновения разрушительных идей в самую гущу народных масс являлось сектантство. Расшатав религиозные устои общества, дезориентировав широкие слои населения, оторвав их от Православия, сектанты пытались лишить власть, имеющую в России сакрально-религиозный характер, главной её опоры: широкой поддержки народных масс. Современники отмечали необычайный рост сектантских общин и интереса к ним в конце XIX — начале XX в. Будущий обновленческий иерарх А.И. Введенский в 1913 г. писал, что сектантство «широкой волной разлилось по Руси. Оно с каждым днём растёт и усиливается».

¹ Гучков Александр. Московская сага. Летопись четырёх поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. СПб.—М.: Лимбус-Пресс, 2005. С. 85.

В начале XX в. ранее разрозненное сектантство стало приобретать организованные черты. Протестанты Запада и протестанты Востока искали возможность поддержать друг друга. Кроме того, произошло объединение тайных организаций Запада, русского сектантского сообщества и оппозиционно-революционных организаций России. В преддверие революции 1905 г. в США под эгидой представителя Бродвейского сообщества Ч. Крейна прошла встреча между будущим лидером кадетской партии П.Н. Милюковым и главой российский баптистов И.С. Прохановым, который был выходцем из секты молокан¹. Милюков сказал, что «Россия нуждается в добной революции». Проханов добавил: «Россия нуждается в добной реформации»². Революция и реформация, то есть уничтожение самодержавного строя и Русской Православной Церкви, — вот что объединяло баптистов и кадетов.

В 1911 г. американский Конгресс организовал визит в США делегации российских баптистов во главе с их лидером В.Г. Павловым на проходивший там Всемирный собор баптистов. Приём им был оказан на самом высоком уровне, включая президента У. Тафта³. После этой встречи между кадетами и баптистами налаживаются тесные связи и взаимодействия. Павлов писал в своём дневнике 10 февраля 1906 г.: «Был на собрании конституционно-демократической партии. Записался членом и участвовал в выборах бюро. Вместе со мной было несколько братьев»⁴. Русские баптисты получали значительную помощь не только от американских, но и от немецких «братьев». Последние, несомненно, были связаны с германской военной разведкой. Из донесений Охранного отделения порой трудно было понять, на кого ориентируется та или иная сектантская организация. Уверенным можно быть в одном: она работала против России.

Крайне опасной раскольнической сектой был «Новый Израиль». Его главой был В.С. Лубков, который объявил себя «христом», «вождем новоизраильского народа», «царём XXI века», «сыном светлого эфира», обладающему «премудростью и властью по всей земле». На 1912 г. секта насчитывала 3012 человек. Опасность лубковцев заключалась в том, что эта секта приобрела влияние среди кубанского казачества. Это сыграло большую роль в дни февральских событий 1917 г. Большевик В.Д. Бонч-Бруевич, тесно связанный с сектантами, вспоминал, что 25 февраля 1917 г. к нему явилась

¹ Проханов И.С. В котле России (1869—1933). Чикаго, 1992. С. 146.

² Проханов И.С. Указ. соч. С. 148.

³ Полоп В.А. Столпы благовестника. Жизнь и труды В.Г. Павлова. М.: Благовестник, 1996. С. 59.

⁴ Полоп В.А. Столпы благовестника. С. 60.

группа кубанских казаков, служивших в то время в Петрограде. Это были представители секты «Новый Израиль». Они сказали Бонч-Бруевичу, что «*клянутся употребить все усилия в своих сотнях, как лично, так и через своих товарищей, чтобы ни в коем случае в рабочих не стрелять и при первой возможности перейти на их сторону*». В знак доказательства своей принадлежности к секте они «*отдали мне земной поклон по особому израильскому сектантскому способу, — поклон рыбкой*». Бонч-Бруевич знал этот ритуал хорошо исследованной мной секты. Казаки-сектанты перед уходом сказали Бонч-Бруевичу: «*Стрелять не будем, а перейдём на сторону народа*»¹.

Бонч-Бруевич играл важную, но пока ещё не исследованную роль посредника между сектантским сообществом и революционным подпольем. Он был активным пропагандистом русского сектантства, издав целую серию книг по его истории. Главная мысль этих исследований заключалась в насаждении мысли, что сектантство стоит гораздо выше господствующей Церкви, которую сектантство обязательно победит. Бонч-Бруевич был связан не только с лубковцами и богомилами, но и с толстовцами, и с духоборами. Он проходил по оперативным материалам Главного жандармского управления и Охранного отделения². Любопытно, что в подробных справках на Бонч-Бруевича ни словом не говорится, что его родной брат генерал-лейтенант М.Д. Бонч-Бруевич занимался вопросами контрразведки на Западном и Северо-Западном фронтах.

Бонч-Бруевич и Гучков весьма плодотворно сотрудничали и обменивались информацией³. По сведениям Г.М. Каткова, именно Бонч-Бруевич познакомил Гучкова с Г.Е. Распутиным⁴.

К 1917 г. сектантское сообщество выработало идею создания некоей сектантской лжецеркви. Именно с этой целью шло создание единой сектантской идеологии, которая смогла бы преодолеть различия между отдельными сектами. Фактически происходило объединение западных и восточных тайных оккультных сектантских течений в один сектантский интернационал.

Особую опасность представляло то обстоятельство, что выходцы из раскольнического и сектантского мира стали основой молодого крупного русского капитала и купечества. Последние к началу XX в. сконцентрировали в своих руках огромные финансовые средства. Ими были созданы свои коммерческие предприятия, а затем

¹ Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах февральской и октябрьской революций. М.: Федерация, 1931. С. 67—69.

² О Бонч-Бруевиче // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1915 (245). Д. 132. Л. 47.

³ В.Д. Бонч-Бруевич — А.И. Гучкову // ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 606.

⁴ Катков Г.М. Указ. соч. С. 209.

и банки. Обладая большими деньгами, большим влиянием и большими возможностями, представители раскольничего капитала начали играть заметную роль в общественной, а затем и политической жизни страны. Морозовы, Рябушинские, Гучковы, Второвы, Мамантовы, Солдатёнковы, Коноваловы стали известны всей стране как финансисты, меценаты, промышленники, общественные деятели. При этом их продолжали ошибочно именовать «старообрядцами». Сами раскольники также придерживались этого термина. В результате термин «старообрядцы» до сих пор некритически применяется историческим сообществом. Доктор исторических наук Ф.А. Селезнёв пишет, что *«капиталисты-старообрядцы были одной из наиболее организованных и экономически сильных частей делового сообщества царской России. Проявляли они и заметную политическую активность»*¹.

Эта политическая активность заключалась в поддержке ими в 1905—1907 гг. революционных группировок, а затем лидеров думской оппозиции. 6—10 августа 1905 г. в Нижнем Новгороде состоялось «частное собрание старообрядцев», которое определило: *«Существующий строй не обеспечивает права старообрядцев; Самодержавие не соответствует интересам народа; Народное представительство необходимо; Народное представительство должно быть не совещательным, а законодательным. Выборы должны быть всеобщими, прямыми, равными, тайными, с участием женщин»*².

После поражения революции 1905 г. и утверждения думской монархии выходцы из раскольнических родов занимали важное положение в Государственной Думе и в Государственном совете. Среди них наиболее известны: А.И. Гучков, его брат Н.И. Гучков, М.В. Челноков, А.И. Коновалов, П.П. Рябушинский, С.Н. Третьяков, С.А. Смирнов.

Так, в России сложилась раскольническо-сектантская политическая оппозиция. Эта оппозиция сочетала в себе большие политические и финансовые возможности, обладала широкими и влиятельными зарубежными связями, в том числе с тайными обществами и масонскими ложами.

Сектантское сообщество имело тесное взаимодействие и с революционными партиями. Эсеры, кадеты, большевики, меньшевики, финские и польские сепаратисты — все так или иначе получали поддержку и помощь от капиталистов-раскольников. Особенно

¹ Селезнёв Ф. Старообрядческое купечество и политические партии в годы революции // Старообрядец. 2007. № 40.

² Селезнёв Ф. Старообрядческое купечество и политические партии в годы революции // Старообрядец. 2007. № 40.

большую помощь эта буржуазия в 1900-х гг. оказала большевикам. В основном деньги стекались к большевикам при помощи писателя М. Горького, который вступил в партию в 1905 г., и особенно при посредничестве его любовницы М.Ф. Андреевой, которая поддерживала хорошие отношения с такими меценатами, как С.Т. Морозов и П.П. Рябушинский. Морозов был дружен со многими большевиками, среди них были Н.Э. Бауман и Л.Б. Красин. Только в мае 1906 г. РСДРП получила от Морозова 100 тыс. рублей для проведения V съезда, о чём сразу же стало известно департаменту полиции¹.

Представители раскольничего сектантства были организаторами революции 1905 г. и, в частности, декабрьского мятежа в Москве. Одним из его организаторов был зять Морозова фабрикант Н.П. Шмидт. Именно С. Морозов познакомил Н. Шмидта с молодым революционером Н.Э. Бауманом, который должен был стать вожаком мятежа. Однако 18 октября Бауман был убит дворником Н.Ф. Михальчуком в тот момент, когда революционер оскорблял имя Государя Императора. Другой П.П. Шмидт, по-видимому родственник фабриканта, один из руководителей мятежа на Черноморском флоте в 1905 г., был прекрасно осведомлен о финансовой помощи Морозова: «Морозов жертвует на наше дело целые миллионы»². Максим Горький писал про Морозова: «Он давал на издание «Искры», много давал денег политическому Кресту, на устройство побегов из ссылки, на литературу для местных организаций и в помощь разным лицам, причастным к партийной работе социал-демократов большевиков»³. Столицей «сектантской» оппозиции была Москва, которая стала местом постоянных совещаний её руководителей, Рябушинского и Коновалова, с лидерами либерально-kadетской оппозиции⁴.

Во второй половине 1915 г. зародился тесный союз «сектантской» и либерально-kadетской оппозиций, направленный на осуществление низложение Императора Николая II. В конце сентября — начале октября 1916 г. на квартире кадета М.М. Фёдорова состоялось несколько встреч Гучкова со своими единомышленниками: М.В. Родзянко, Н.В. Некрасовым, С.И. Шидловским, А.И. Шингарёвым, М.И. Терещенко⁵. Вскоре к ним примкнул

¹ Перегудова З.И. Указ. соч. С. 148.

² Дело о мятеже на крейсере «Очаков» // РГА ВМФ. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 40. Л. 24.

³ Кабанов С.А., Кулевский Л.К. Во благо России. Очерки о предпринимателях и меценатах России. СПб., 1997.

⁴ Катков Г.М. Указ. соч. С. 28.

⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории, 1991, № 7—12. С. 205.

князь Д.Л. Вяземский, доверенное лицо Великого Князя Николая Николаевича. Именно на Вяземского должна была быть возложена задача по привлечению войск для осуществления переворота. У заговорщиков «план очень быстро сложился»¹. Он заключался в захвате Императорского поезда во время одной из поездок Государя в Ставку. Для этого «были изучены маршруты» следования литерных поездов. Арестовав Государя, предполагалось тут же принудить его к отречению в пользу Цесаревича Алексея при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Одновременно в стране вводился конституционный строй². По словам Гучкова, рассматривался вариант и с убийством Государя, но он якобы был отвергнут³. Выработанный план был «хирургической операцией в смысле революционного акта воздействия на Государя, в смысле отречения». Гучков и его единомышленники «крепко верили, что удастся вынудить у Государя отречение с назначением Наследника в качестве преемника. Должны были быть заготовлены соответствующие манифести, предполагалось все это выполнить в ночное время, наиболее удобное, и предполагалось, что утром вся Россия и армия узнают о двух актах, исходящих от самой верховной власти, — отречении и назначении Наследника»⁴. Обратим внимание на свидетельство А.И. Гучкова и про «заготовленные» манифести, и про «ночное время» отречения, и про то, что Россию собирались поставить перед фактом смены Царя. Всё это будет с точностью выполнено 1—2 марта 1917 г.

Таким образом, заговор Гучкова представлял собой быстрый дворцовый переворот, закамуфлированный под легитимную передачу власти от Императора Николая II к Цесаревичу Алексею при регентстве Великого Князя Михаила Александровича, который, в свою очередь, полностью бы зависел от регентского совета, в котором главную роль должен был играть Гучков.

Но почему Гучков был так уверен, что им удастся вырвать у Николая II отречение? Здесь примечательно то, что Гучков несколько раз употребляет слово «цареубийство», всякий раз, правда, подчёркивая, что на это заговорщики никогда бы не пошли. Тем не менее Гучков ясно даёт понять, что именно убийство было бы оптимальным вариантом. «Если б цареубийство...» — мечтательно произносит он. Закономерно встаёт вопрос: если убийство Императора было оптимальным решением вопроса, то почему Гучков не

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 205.

² Брачев В.С. Русское масонство XVIII—XX веков. СПб.: Стотма, 2000. С. 298.

³ Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 205—206.

⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 207.

мог пойти на него? Милюков в своих воспоминаниях прямо указывал, что Гучков «не исключал и самых крайних форм устраниния Царя, если бы переворот совершился в форме, напоминавшей ему XVIII столетие русской истории, — в форме убийства. Но если бы переворот совершился в форме, которую он лично предпочитал — в форме военного пронунциамента, то он желал бы удаления царя в форме наиболее “мягкой” — отречения от престола»¹.

Профессор Ю.В. Ломоносов, бывший во время войны высоким железнодорожным чиновником и по совместительству активным агентом революции, писал в своих воспоминаниях: «Наиболее вероятным исходом казалась революция чисто дворцовая, вроде убийства Павла»².

Милюков признавал, что руководство Прогрессивного блока изначально было посвящено в замысел заговора. Представители блока, включая самого Милюкова, присутствовали на встречах у Фёдорова³.

«Блок исходил из предположения, — вспоминал Милюков, — что при перевороте так или иначе Николай II будет устранен с престола. Блок соглашался на передачу власти монарха к законному наследнику Алексею и на регентство до его совершеннолетия — великому князю Михаилу Александровичу. Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю»⁴.

Понятно, что в регентский совет при малолетнем государе должны были войти Гучков, Милюков, представители российского промышленного капитала. Сам Гучков отрицал наличие у себя амбиций регента и существование списка кандидатов в регентский совет. Дескать, думали только о России, а не о власти⁵. Но если задолго до переворота существовали списки так называемого Ответственного министерства, то тем более должен был существовать и список регентского совета. Именно там в регентском совете и должна была быть сосредоточена главная власть заговорщиков.

Другим лукавством Гучкова были его уверения, что он и его со-ратники отказались от организаций массовых беспорядков для осуществления переворота. На самом деле и Гучков, и Прогрессивный блок не только не отказались от организации рабочих выступлений, но, наоборот, возлагали на них большие надежды. Но Гучков был

¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 310.

² Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм—Берлин, 1921. С. 1.

³ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 122.

⁴ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 121.

⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 207.

не в состоянии сам вывести рабочих на улицы. Это содействие ему было оказано в лице так называемой Рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета.

«Создание рабочих групп Военно-промышленных комитетов, — пишет Г.М. Катков, — было задумано и проведено в жизнь в 1915—1916 годах Гучковым и Коноваловым в Петрограде и Москве, а в Киеве — М.И. Терещенко. Текстильный магнат А.И. Коновалов ещё до начала войны связался через большевика И.И. Скворцова-Степанова с революционными кругами и пытался организовать “информационный комитет” “всех партий и оппозиционных групп”»¹.

Рабочие группы состояли почти полностью из меньшевиков-мартовцев, которые имели определённое влияние на рабочих крупных петроградских заводов. В тот момент, когда руководство большинства социал-демократов не верило в реальность переворота и отказывалось выводить людей, Рабочая группа с радостью ухватилась за предложенный ей Гучковым тактический союз². Генерал Глобачёв в своём секретном докладе директору департамента полиции сообщал, что «рабочая группа ЦВПК вошла в тесное со-прикосновение с оппозиционной общественностью»³.

Для Милюкова, не имевшего никаких рычагов воздействия на рабочую среду, возможность использования через Гучкова потенциала Рабочей группы была весьма заманчива. Разуверившись в легальных способах заставить Правительство добровольно «передать всю полноту власти думскому большинству», Милюков и Родзянко примкнули к конспиративной группе, во главе которой стояли «А.И. Гучков, князь Львов, С.И. Третьяков-Коновалов»⁴.

Группа Милюкова делала ставку на организацию массовых выступлений рабочих в защиту Государственной Думы. Гучков, наоборот, полагал, что рабочие выступления должны стать отвлекающим манёвром для тихого государственного переворота, с тем чтобы на следующее утро страна узнала бы имя нового Царя, регента и председателя регентского совета. Генерал Спиридович писал, что Гучков «создав широкое рабочее движение около Гос. Думы, надеялся более легко осуществить персональный дворцовый переворот»⁵.

¹ Катков Г.М. Указ. соч. С. 34.

² О Рабочей группе // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 20. Ч. 57. Л. 16.

³ О Рабочей группе // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 20. Ч. 57. Л. 16.

⁴ О Рабочей группе // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1917 (247). Д. 20.Ч. 57. Л. 18.

⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 132.

Группа Гучкова «все свои надежды и упования основывает на исключительной уверенности в неизбежности “в самом ближайшем будущем” дворцового переворота, поддержанного всего-навсего лишь одной-двумя сочувствующими этому перевороту воинскими частями». Дворцовый переворот должен был передать группе Гучкова всю полноту власти¹. Несмотря на имеющиеся разногласия, Гучков и Милюков «самым усердным образом» шли навстречу друг другу².

Гучков приобрёл в руководстве Рабочей группы значительное влияние, став, наряду с Коноваловым, фактическим её руководителем³. При этом гучковцы собирались превратить Рабочую группу в руководящий орган всего рабочего класса⁴. Оппозиция всячески заигрывала с революционными организациями, потворствуя их агитации среди рабочих. Это дало возможность генералу Спиридовичу утверждать, что «Гучков, Коновалов и К°» мечтали «не о победе над немцами, а о победе над Самодержавием. Капитал стремился к власти»⁵.

Начиная с осени 1916 г. Гучковым и другими участниками заговора была развернута активная пропагандистская кампания с целью компрометации Правительства. Главным рупором этой кампании в Думе стал её председатель камергер М.В. Родзянко. Н.А. Маклаков в письме Императору Николаю II определял роль Родзянко как «напыщенного и неумного» исполнителя, за которым «стоят его руководители, гг. Гучковы, кн. Львовы и другие, систематически идущие к своей цели»⁶. Маклаков полагал, что цель эта «ослабить силу значения святой, истинной и всегда спасательной на Руси идеи Самодержавия»⁷.

План действий руководителей Государственной Думы заключался в том, чтобы спровоцировать Правительство на перерыв занятий Думы, после чего организовать беспорядки в её поддержку среди рабочих, молодёжи и даже в войсках⁸. Петроградское охранное отделение

¹ Доклад генерала Глобачёва департаменту полиции // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 20. Ч. 57. Л. 16.

² Доклад генерала Глобачёва департаменту полиции // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 20. Ч. 57. Л. 16.

³ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 133.

⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 132—134.

⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 133.

⁶ Н.А. Маклаков — Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1287. Л. 1—2.

⁷ Н.А. Маклаков — Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1287. Л. 1—2.

⁸ Отношения Б.В. Штурмера Николаю II // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 13—14.

сообщало, что серьёзных организованных выступлений «следует ожидать только в случае роспуска Государственной Думы»¹.

Поэтому Император Николай II считал роспуск Думы опасным шагом и полагал, что он станет не нужен после успешного наступления на фронте. Это понимали и в оппозиции. Уже после февральских событий Милюков в письме монархисту И.В. Ревенко признавал, что оппозиция твёрдо решила «воспользоваться войною для производства переворота. Ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования»². Эти строки Милюкова подтверждаются словами генерала Глобачёва, который писал, что «для революционного переворота в России имелся один месяц, то есть до 1-го апреля. Дальнейшее промедление срываюло революцию, ибо начались бы военные успехи, а вместе с ними ускользнула бы благоприятная почва»³.

Между тем оппозиция, как могла, провоцировала Правительство на жёсткие шаги. Осенью 1916 г. заговорщики стали нагнетать обстановку, лживо утверждая, что Россия из-за деятельности Правительства стоит перед военным поражением. 1 ноября 1916 г. Милюков, выступая на заседании Думы, заявил: «Если бы германцы захотели употребить средства влияния или средства подкупа, то ничего лучшего они не могли сделать, как поступать так, как поступало русское правительство». Далее Милюков заявил, что существует придворная партия, которая сознательно ведёт Россию к поражению и что эта партия «группируется вокруг молодой Царицы». Перечислив все «ужасы» положения в стране и на фронте, Милюков патетически воскликнул: «Что это, глупость или измена?» В конце выступления лидер кадетов повторил требование своей партии: «Кабинет, не удовлетворяющий этим признакам, не заслуживает доверия Государственной Думы и должен уйти».

Выход из создавшегося положения Гучков, Милюков и их сторонники, уже не скрывая, связывали с насильственным переворотом. Требования об ответственном министре (Ответственном министерстве) сменяются призывами к «активным действиям»⁴.

¹ О Государственной Думе // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307. Л. А. Л. 39.

² Коняев Н.М. Гибель красных Моисеев. Начало террора. 1918 год. М.: Вече, 2004. С. 45.

³ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 118.

⁴ Отношения Б.В. Штюремера Николаю II // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 13—14.

30 декабря 1916 г. А.И. Гучков на заседании ЦК октябрьской партии «намекнул на возможность неожиданного выхода из тупика в ближайшие дни, вне воздействия и усилий общественности. В этих соображениях А.И. Гучков рекомендовал своей партии всячески поддерживать Прогрессивный блок»¹.

В конце 1916 г. князь А.В. Оболенский утверждал, что во главе заговора были «председатель Думы Родзянко, Гучков и Алексеев. Принимали участие в нём и другие лица, как генерал Рузский, и даже знал о нём А.А. Столыпин (брат Петра Аркадьевича). Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания проходили у него»².

С конца октября и до начала ноября 1916 г. в донесениях наружного наблюдения за Санитарным, под таким псевдонимом проходил Гучков в справках филёров, появляются сообщения об активизации деятельности объекта наблюдения. Гучков посетил штаб Северного фронта, в Риге встретился с начальником гарнизона генералом Радко-Дмитриевым. 30 октября имела место встреча Гучкова с графом В.Н. Коковцовым. В своих поездках Гучков пользовался автомобилем А.И. Коновалова³. Другим автомобилем, который использовал Гучков, был «мотор» № 561, принадлежавший князю В.Н. Орлову, который входил в близкий круг Великого Князя Николая Николаевича⁴.

Прогрессивный блок ждал от власти роспуска Думы, для организации беспорядков. В секретном докладе начальника Охранного отделения генерала Глобачёва в конце января 1917 г. сообщал, что представители руководящего думского большинства собираются «повторить события 9-го января 1905 года»⁵. Застрельщицей этого нового Кровавого воскресенья должна была стать меньшевистская Рабочая группа ЦВПК, которая собиралась к открытию очередной думской сессии провести 14 февраля 1917 г. «мирную демонстрацию»⁶. О характере этой «мирной» демонстрации свидетельствуют донесения Охранного отделения. В них акция Рабочей

¹ О ЦВПК // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 147. Л. 1.

² Брачев В.С. Указ. соч. С. 299.

³ Наружные наблюдения за А. И. Гучковым // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2980. Л. 79.

⁴ Наружные наблюдения за А. И. Гучковым // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2980. Л. 34.

⁵ О Государственной думе // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 20. Ч. 57. Л. 18.

⁶ ГАРФ. Ф. 97. Оп. 1 Д. 37. Л. 59—61; Также: ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 ЛА. Л. 68.

группы прямо называют восстанием¹. По мнению Особого отдела департамента полиции, «14 февраля нужно ожидать чего-то тяжёлого и серьёзного»².

24 января Рабочая группа распространила среди рабочих прокламацию, в которой призывалось «решительно устранить самодержавный режим». К моменту открытия сессии Думы Рабочая группа призывала рабочих быть готовым на общее организованное выступление. Воззвание призывало: «Пусть весь рабочий Петроград завод за заводом, район за районом, должно двинется к Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса и демократии»³. В 20-х числах января Петроградское Охранное отделение сообщало, что Рабочая группа усиленно готовит массовые выступления. «Город разбит на районы, — говорилось в докладных записках директору департамента полиции, — руководство которыми в смысле устройства митингов и т.д. поручены отдельным членам коллегии. Так, Выборгский район поручен членам группы Гвоздёву, Брейдо, Абросимову. Василеостровский район — Емельянову, Невская застава — Вайнери. Петроградская сторона — Шамарину»⁴.

Однако 27 января Петроградское Охранное отделение нанесло по замыслам заговорщиков ощутимый удар, арестовав всё руководство Рабочей группы: К.А. Гвоздёва, И.И. Емельянова, Г.Х. Брейдо, Е.А. Гудкова, В.М. Абросимова и др.⁵ Все арестованные были заключены в тюрьму Кресты. Руководство рабочей группы было обвинено в том, что оно «под предлогом участия в учреждении содействий обороне страны» стало «на путь организации революционного движения в Империи»⁶.

Аресты были произведены с санкции министра внутренних дел А.Д. Протопопова, который при этом категорически отказался арестовывать Гучкова. Министр исходил из того, что, арестовав Рабочую группу, охранное отделение фактически обезоружило Гучкова. Кроме того, Протопопов исходил из имеющейся оперативной информации, согласно которой любое массовое выступление должно было быть связано с распуском Государственной

¹ Обожжении среди рабочих // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 341. Ч. 58. Л. 1. Копия.

² О брожении среди рабочих // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 341. Ч. 58. Л. 1. Копия.

³ Цит. по: Спиридович А.И. Указ. соч. С. 101.

⁴ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 347. Л. 4.

⁵ О Рабочей группе // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 347. Л. 5.

⁶ Донесения охранного отделения по Петрограду // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 347. Л. 4.

Думы¹. В таких условиях арест «заговорщика №1» только бы способствовал росту его популярности.

Арест Рабочей группы произвёл на Гучкова и его единомышленников «ошеломляющее впечатление»². Одним ударом, Правительство лишило их орудия организации переворота. У Гучкова «была выдернута скамейка из под ног; связующее звено удалено и сразу обрывалась связь центра с рабочими кругами»³. 29 января собралось совещание «общественных деятелей», на котором присутствовали Гучков, Коновалов, Переяславцев, Керенский, Чхеидзе, Карапетян, Милюков, Бубликов и др. В результате совещания было решено «избрать из своей среды особо законспирированный и замкнутый кружок, который мог бы играть роль руководящего центра для всей общественности»⁴.

По некоторым сведениям, после ареста Рабочей группы Гучков стал предлагать единомышленникам провести немедленный дворцовый переворот по разработанному им плану⁵. Он убеждал соратников «захватить Государя Императора, вынудить его отречение в пользу Цесаревича, причём при сопротивлении Гучков был готов прибегнуть и к цареубийству»⁶. Спиридович указывал, что, кроме Гучкова, в плане участвовали Н.В. Некрасов, князь Д.Л. Вяземский, М.И. Терещенко и генерал-майор А.М. Крымов. По сведениям Спиридовича, план провалился, потому что «Гучков не нашел среди офицеров людей, соглашавшихся идти на цареубийство». Как известно, начавшиеся 23 февраля выступления рабочих в Петрограде ставили целью не поддержку Государственной Думы, как того планировала либеральная оппозиция, а обеспечение хлебом⁷. В этих условиях дворцовый переворот Гучкова становился сложно выполнимым.

«Великий Восток народов России». Заговор Керенского

Гучков и Прогрессивный блок были не единственными, кто строил планы государственного переворота. Другая влиятельная группа заговорщиков формировалась вокруг депутата Государственной Думы Александра Федоровича Керенского. Пожалуй, мало кто из революционеров был столь же опасен для царской власти, как был

¹ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917(247). Д. 307 Л. А. Л. 39.

² Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 70.

³ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 70.

⁴ ГАРФ. Ф. 97. Оп. 1 Д.37. Л. 59—61. так же ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 Л. А. Л. 68.

⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 112.

⁶ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 112.

⁷ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х кн. М., 1992. Т. 2. С. 40—41.

опасен этот «присяжный поверенный». Керенский был хитёр, осторожен и находчив. Он был непревзойдённый демагог и выдающийся оратор, обладал несомненными организаторскими способностями. Революционные идеи Керенского волновали мало. Неудержимая жажда славы и известности составляла сущность его натуры. К тому же Керенский был склонен к наживе и нечистоплотен в денежных делах. Генерал Глобачёв писал, что Керенский присвоил деньги, собранные рабочими для вооружения дружин оружием. *«Следствием этого было то, что комитет ему выразил недоверие и порвал с ним всякие сношения»*¹.

Человеческую жизнь Керенский не ставил ни во что. Это не мешало ему изображать из себя милосердного и великодушного героя-революционера. Последнее качество в полной мере проявилось во время «великой и бескровной» Февральской революции. Когда в Думу революционные патрули приводили избитых и изувеченных жандармских офицеров и чинов полиции, то Керенский разыгрывал на людях сцены милосердия. Так было, например, с приведённым в Думу жестоко избитым начальником Петроградского жандармского губернского управления генерал-лейтенантом И.Д. Волковым, которого Керенский при всех заверил, что он находится в полной безопасности. При этом Керенский в Думе генерала не оставил и не отправил в госпиталь, а приказал отвезти его в одно из временных мест заключений, где в ту же ночь пьяный начальник караула его застрелил².

Керенский от природы обладал актерскими способностями и с молодых лет был склонен к лицедейству. Свои гимназические письма родителям он неизменно подписывал: *«Будущий артист императорских театров А. Керенский»*³. Керенский много играл в любительских спектаклях, *«где его бесспорной актерской удачей, по общему признанию, была роль Хлестакова, написанная как будто исключительно для него»*⁴. Свои политические роли Керенский играл так же отлично, как и театральные, и каждый раз незримый режиссёр был доволен его игрой.

Зачастую, когда говорят о Керенском, изображают дело так, будто его революционная карьера началась в феврале 1917 г., а сам Керенский был настолько потрясён якобы случайно свалившейся

¹ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 73.

² Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 130.

³ «Будущий артист императорских театров». Письма Александра Керенского родителям. (1895—1904) // Источник. Документы русской истории. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу «Родина». № 3 (10). 1994. С. 7.

⁴ «Будущий артист императорских театров». Письма Александра Керенского родителям. (1895—1904) // Источник. № 3. 1994. С. 5.

на него властью, что буквально опьянял от неё. Член Временного правительства В.Д. Набоков писал: «Трудно даже себе представить, как должна была отразиться на психике Керенского та головокружительная высота, на которую он был вознесен в первые дни и месяцы революции»¹.

Однако это определение неверно. Керенский не только не был «случайным человеком» Февральской революции, но во многом являлся её организатором и руководителем. К февралю 1917 г. Керенский прошёл большой путь от рядового эсера-пропагандиста, адвоката по политическим делам, до руководителя крупнейшей Трудовой фракции (фракции трудовиков) в Государственной Думе. Он был знаком с представителями самых разных слоёв оппозиции и революционного движения, многие из которых сыграли затем руководящую роль не только в Февральском, но и в Октябрьском перевороте. Эмигрантский историк И.П. Якобий писал, что Керенский «предназначался с самого начала на большую роль»².

В августе 1915 г. Охранное отделение в своих донесениях выделяло Керенского как главного руководителя революционного подполья. «Вся революционная агитационная работа, — говорилось в секретных донесениях директору департамента полиции, — в настоящее время сосредоточилась, по категорическим указаниям всех серьёзных осведомительных источников — в социал-демократической и трудовой фракции, причём последняя во главе со своим лидером Александром Керенским за последнее время стала играть доминирующую роль»³.

Керенский был также и одним из руководителей партии эсеров, возглавляя её так называемую «Южную конференцию»⁴. Партия эсеров отказалась входить в Государственную Думу, её интересы представляли там трудовики во главе с Керенским, который был одним из злейших врагов русской монархии и лично Государя Николая II. 14 февраля 1917 г. Керенский громогласно заявил, что «необходимо устранить самого Царя, не останавливаясь, если не будет другого выхода, перед террористическими насилиственными действиями»⁵.

¹ Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции, издаваемый Гессеном, (далее APP). М: Терра, 1993. Т. 3—4. С. 59.

² Якобий И.П. Император Николай II и революция. М.: Общество Святителя Василия Великого, 2005. С. 136.

³ Негласное наблюдение за А.Ф. Керенским // ГАРФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 278. Л. 1.

⁴ Об А.Ф. Керенском // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1915 (245). Д. 121 ЛА. Л. 2.

⁵ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 148; 10. С. 144.

К февралю 1917 г. Керенский был одним из руководителей готовящегося государственного переворота. Он внушал, что «преступное бездарное правительство» не в силах бороться с внешним врагом. Победа возможна только после учреждения в стране народного полноправного правительства, то есть Учредительного собрания, вопрос о созыве которого Керенский настойчиво и систематически пропагандировал. С этой целью он объезжал всю Россию, информируя революционные силы и подготавливая их к выработке общих лозунгов¹. Генерал Глобачёв писал о планах Керенского: «Военные и придворные круги представляли себе простой дворцовой переворот в пользу Великого Князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии. В этом были убеждены даже такие люди, как Милюков, лидер партии конституционных демократов. В этой иллюзии пребывала даже большая часть членов Прогрессивного блока. Но совсем другое думали крайние элементы с Керенским во главе. После монархии Россию они представляли себе только демократической республикой»².

В январе 1917 г. Керенский говорил, что «революция нам нужна, даже если б это стоило поражения на фронте». Для него весна 1917 г. представлялась единственным возможным моментом, чтобы сбросить ненавистный ему государственный строй, даже в том случае, если бы это грозило величайшими потрясениями страны и целости государства³. Керенский первый, кто на заседании Государственной Думы 14 февраля 1917 г. призвал «устранить самого Царя, не останавливаясь, если не будет другого выхода, перед террористическими насильственными действиями»⁴.

Изначально между планами либеральной оппозиции и планами Керенского была принципиальная разница. Генерал Глобачёв писал, что если первая «представляли себе простой дворцовой переворот в пользу Великого Князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии», то Керенский и его сторонники представляли Россию «после монархии только демократической республикой»⁵.

Из вышеприведённых сведений можно сделать несомненный вывод: 1) заговор Керенского предусматривал уничтожение мо-

¹ Негласное наблюдение за А.Ф. Керенским // ГАРФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 248. Л. 2.

² Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 118.

³ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 73.

⁴ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 148; 10. С. 144.

⁵ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 118.

нархии, а не замену самодержавного Императора Николая II конституционным государем.

Однако свои планы Керенский до поры скрывал от Прогрессивного блока, без помощи которого он не мог рассчитывать на осуществление своих замыслов. Особые отношения были установлены между Керенским и Гучковым. Первые контакты между ними имели место 8 августа 1915 г., когда был сформирован Прогрессивный блок¹. Через месяц была составлена секретная «Диспозиция № 1», которая провозглашала создание «Комитета народного спасения». Эта диспозиция была подписана как Гучковым, так и Керенским. Диспозиция заявляла, что Россия ведёт войну «против упорного и искусного врага вовне и против не менее упорного и искусного врага внутри. Достигнение полной победы над внешним врагом немыслимо без предварительной победы над врагом внутренним»². Внутренним врагом «Комитет народного спасения» объявлял Царя и его правительство. Пункт 5 «Диспозиции» предусматривал создать для успешной борьбы на внутреннем фронте «штаб верховного командования из десяти лиц, предоставив сие основной ячейке: князь Львов, А.И. Гучков и А.Ф. Керенский»³. Верховным главнокомандующим всех заговорщиков был провозглашён Гучков⁴. Керенский активно участвовал в разработке этой «Диспозиции»⁵. В декабре 1916 г., когда Гучков вырабатывал план свержения Императора Николая II, Керенский был полностью в курсе дела, хотя о деталях плана не знал даже Милюков. Керенский писал, что лидер «Прогрессивного блока знал лишь, что подготовка к осуществлению заговора идет своим чередом»⁶.

Роль Керенского в организации русской революции будет неопределима, если не принимать во внимание его масонскую составляющую. Большевик В.Д. Бонч-Бруевич писал, что Керенский был «вспоен и вскормлен масонами, ещё когда он был членом Государственной Думы и был специально воспитывал ими»⁷. При этом следует учсть, что русское масонство никогда не было

¹ Гучков А. Указ. соч. С. 514—515.

² Диспозиция «Комитета народного спасения» // Красный архив. Исторический журнал. 1928. Т. 1 (26). С. 210—213.

³ Диспозиция «Комитета народного спасения» // Красный архив. Исторический журнал. 1928. Т. 1 (26). С. 211.

⁴ Диспозиция «Комитета народного спасения» // Красный архив. Исторический журнал. 1928. Т. 1 (26). С. 211—212.

⁵ Гучков А. Указ. соч. С. 514—515.

⁶ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 148.

⁷ Цитируется по: Брачев В.С. Указ. соч. С. 314.

самостоятельным и единственным явлением. Оно было производным от масонства западного. Ничего своего русские масоны не изобрели, а лишь слепо копировали уставы и обряды многочисленных лож Западной Европы, добавляя к ним свойственные русской интеллигенции несобранность и болтливость. Для западного масонства русские «братья» были нужны только в качестве «пятой колонны», той силы, которая должна была расшатать русский Императорский строй и сделать возможным масонскую революцию.

К началу XX в. русское общество было заражено масонским духом. Крупнейший масон князь Д.И. Бебутов писал: «Сила масонства в том, что в него входят люди различных слоев, различных положений и таким образом масонство в целом имеет возможность действовать на все отрасли государственной жизни»¹. Во время революции 1905 г. в полной мере выявилось глубокое проникновение масонства в самые высшие сферы власти. Так, например, масоны, состоявшие членами военно-полевых судов, специально выносили мягкие и оправдательные приговоры террористам. Видный масон А.И. Браудо получал от высшего чиновничества сведения о секретных совещаниях у Государя, а также секретные документы².

Масонство интересовало организаторов революции в первую очередь своими организаторскими возможностями по свержению монархии. Видный масон В.П. Обнинский в 1909 г. писал, что русское масонство «столетие мирно спавшее в гробу» воскресло к новой жизни «оставив там, в гробу этом, внешние оказительства, в виде орудий ритуала и мистических книг». Масонство, по словам Обнинского, выступило в эманципированном виде политических организаций. «Под девизом “свобода, равенство, братство” могли соединиться чуть ли не все политические группы и партии, соединиться для того, что свергнуть существующий строй»³. Масонство позволяло объединить в едином организме и великих князей, и генералов царской свиты, и гвардейских офицеров, и либералов, и представителей революционных партий, и крупных промышленников. В этом смысле масонство было для организаторов переворота незаменимым явлением.

Керенский стал масоном в 1912 г., вступив ложу «Полярная звезда», которую он признавал «не совсем обычной масонской организацией». В ней была ликвидирована «масонская система степеней; была сохранена лишь непременная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов их

¹ Берберова Н. Указ. соч. С. 185—186.

² Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 283.

³ Берберова Н. Указ. соч. С. 145.

*и их способность хранить тайну. Не велось никакие письменные отчёты, не составлялись списки членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и задачах общества*¹. Ложа «Полярная звезда» была создана 15 января 1906 г. в Петербурге и была дочерней ложей «Великого Востока Франции». На её открытии присутствовали видные представители «Великого Востока»: барон Б. Сеншоль и Г. Буле². В 1908 г. «Полярная звезда» получила из Парижа право самостоятельно открывать новые ложи в России. По целому ряду свидетельств, примерно в 1909 г. была создана так называемая «Военная ложа», в которую вошли многие старшие офицеры императорской армии. Деятельность «Полярной звезды» изначально носила ярко выраженный антиправительственный характер и была нацелена на свержение Самодержавия.

В 1913 г., накануне мировой войны, был создан «Великий Восток народов России». Сами масоны говорили, что ВВНР был масонским «только по названию», а главной его целью, так же как и «Полярной звезды», было «свержение самодержавного режима»³. Исследователь масонства А.И. Серков пишет, что «Великий Восток народов России» «приобрёл характер политического объединения к 1915—1916 гг.»⁴. В ордене, по принципу «Полярной звезды», царила строжайшая конспирация, не велось «никаких протоколов заседаний»⁵.

В рамках ВВНР произошла смычка между ведущими представителями думской оппозиции и левыми революционными группировками. В «Великий Восток» входили: трудовик А.Ф. Керенский, лидер фракции меньшевиков в Государственной Думе Н.С. Чхеидзе, меньшевик-оборонец, депутат Государственной Думы М.И. Скобелев, председатель Рабочей группы ВПК, меньшевик-оборонец К.А. Гвоздёв, «нефракционный» большевик Н.Д. Соколов⁶. Членом ВВНР с 1915 г. был большевик И.И. Скворцов-Степанов⁷. А также

¹ Керенский А.Ф. Издалека. Сборник статей. (1920—1921). Париж, 1922. С. 62—63.

² Epiphanius. Maçonnerie et sectes secrètes : le côté caché de l'Histoire. P. 226.

³ Epiphanius. Maçonnerie et sectes secrètes : le côté caché de l'Histoire. P. 227.

⁴ Серков А.И. История русского масонства 1845—1945. СПб.: Изд. имени Н.И. Новикова, 1997. С. 89.

⁵ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / Ред.-сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра, 1990. С. 44.

⁶ Кожинов В.В. «Черносотенцы» и Революция. М., 1998. С. 140.

⁷ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 67, 69, 99.

представители крупного капитала А.И. Коновалов, М.И. Терещенко, П.П. Рябушинский¹. Все эти люди, по словам масона и активного участника Февральского переворота Н.В. Некрасова, сыграли в этом перевороте «закулисную, но видную роль»². Во время начавшихся беспорядков всем масонам «был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства: сперва Временного комитета Государственной думы, а затем и Временного правительства»³.

В рамках ВВНР проходило тесное сотрудничество масонов прогрессиста Коновалова и большевика Скворцова-Степанова⁴. Коновалов планировал помирить и объединить меньшевиков и большевиков для использования их потенциала для свержения императорского строя в России. С этой целью он оказывал финансовую поддержку как большевикам, так и меньшевикам. Подобные контакты имели место и в 1915, и в 1916 гг. Последние совещания проходили в Москве у Коновалова в феврале 1917 г.! Из секретных сообщений Охранного отделения: «Совещания у Коновалова объединили к.д., прогрессистов, трудовиков и в состав его, кроме членов Гос. думы, вошли видные петроградские общественные деятели»⁵. На этих совещаниях присутствовали масоны-меньшевики В.Н. Маянтович и А.М. Никитин, будущие члены Временного правительства. Участниками совещаний были также масоны П.П. Рябушинский и Н.Д. Морозов.

Все ведущие члены ВВНР стремились использовать эту организацию для своих политических целей, а не для торжества всемирного масонства. Не был исключением и Керенский, ставший 16 декабря 1916 г. Генеральным секретарём ВВНР. Интересно, что в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в Петрограде был злодейски убит Г.Е. Распутин. Руководство Верховного совета, Коновалов, Керенский, Некрасов, было осведомлено о плане убийства Распутина⁶.

Неправильно было бы считать, что принадлежность к масонству делала из Керенского политика, подчиненного французскому «Великому Востоку», чьей дочерней ложей официально считался ВВНР. Керенский работал не только на «Великий Восток Франции», сколько на Бродвейское сообщество. Собственно, сам «Великий Восток Франции» в начале XX в. также работал на него. Ещё в

¹ Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 125.

² Цит. по: Старцев В.И. Указ. соч. С. 129.

³ Цит. по: Старцев В.И. Указ. соч. С. 129.

⁴ Брачев В.С. Указ. соч. С. 303.

⁵ О Государственной думе // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 307 ЛА. Л. 88.

⁶ Брачев В.С. Указ. соч. С. 303.

1910 г. заведующий заграничной агентурой Л.А. Ратаев сообщал, что пропаганда масонства в России исходит не только из Франции и что французское масонство прямо зависит от американо-еврейского капитала¹.

Одним из главных финансистов Керенского был ведущий деятель банкирского Бродвейского сообщества Ч. Крейн. По словам бывшего американского посла в Германии У. Додда, Крейн «много сделал, чтобы вызвать революцию Керенского»². Бродвейскому сообществу не нужна была любая монархия в России, не самодержавная, ни думская, ни конституционная. В этом она отличалась от английского «Круглого Стола», который рассматривал возможный вариант с возведением на престол Цесаревича Алексея Николаевича, что отвечало и целям Гучкова. Причины, по которым Гучков ориентировался на вариант с конституционной монархией, а Керенский — на республику, вполне понятны. Гучков мог оказаться у власти только как «легитимный» глава регентского совета, назначенный на эту должность новым государем. В случае республики он становился бы всего лишь одним из министров нового правительства. Для Керенского всё обстояло наоборот: неоднократно заявляя о себе как о враге монархического образа правления, будучи высокочкой в глазах даже таких людей, как Гучков, Керенский, в случае установления конституционной монархии, не мог претендовать на какой-либо значимый пост, республика же давала ему всю полноту власти.

В декабре—январе 1917 г. на квартирах Коновалова и П. Рябушинского проходили совещания, на которых обсуждались возможные действия оппозиции в случае распуска Думы. Было решено в случае распуска Думы объявить его «недействительным, и заседание Гос. думы продолжится в Москве, в частном помещении одного из крупных московских коммерсантов»³. Дума должна была собраться на одной из дач Коновалова и «обратиться к стране с воззванием, в котором укажется, что Правительство умышленно ведёт Россию к поражению, дабы заключить союз с Германией»⁴. Гучков должен был организовать распространение этого воззвания в действующей армии⁵. В феврале 1917 г. в секретных сообщениях Петроградского

¹ Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903—1914. СПб., 2006. С. 233.

² Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. С. 20.

³ О Государственной думе // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307. Л. 9—10. Копия.

⁴ О Государственной думе // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307. Л. 9—10. Копия.

⁵ О Государственной думе // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307. Л. 9—10. Копия.

охранного отделения говорилось, что прогрессисты убеждены, что «в настоящих условиях беречь, как угодно Государственную Думу значит компрометировать её, и что с кабинетом князя Голицына не может быть ни принципиальных, ни деловых сношений»¹.

Однако Керенского такое развитие событий не устраивало, так как «думская забастовка» не означала полного уничтожения монархии, к чему он стремился. Поэтому, на словах поддерживая идею о выступлении 14 февраля, Керенский делал всё, чтобы минимизировать его последствия.

Керенский и Некрасов позже уверяли, что выступление сорвали «отмобилизованные большевики». Действительно, 14 февраля большевики призвали петроградских рабочих на демонстрацию протеста против Государственной думы². То есть большевики объективно играли против Милюкова и Прогрессивного блока. При этом не стоит забывать, что большевистские организации Петрограда во многом находились под руководством того же Керенского³. Об объединении социал-демократов и эсеров зимой 1917 г. свидетельствовали и сообщения Охранного отделения⁴. Поэтому вполне вероятно, что срывом большевиками рабочей демонстрации 14 февраля был организован с подачи Керенского. Провал демонстрации успокоил власти, которые в очередной раз решили, что оппозиция и революционеры после разгрома Рабочей группы не способны на мощное выступление.

Но на следующий день после неудачной демонстрации Керенский начал претворять в жизнь свой сценарий переворота. Он начал агрессивную кампанию в Государственной думе с призывами к свержению монархии. Кампания велась при активной поддержке Коновалова и Чхеидзе. 15 февраля Керенский с трибуны Государственной Думы дал сигнал готовности всем революционным силам, заявив, что «настал 12-й час, сегодня или никогда!»⁵. «Это было началом революционной славы Керенского», — утверждал генерал Спиридович⁶.

Таким образом, к моменту начала беспорядков в Петрограде главным действующим лицом «революции» становится не Про-

¹ ГАРФ. Ф. 102 ОО. 1917. Д. 307 Л. А. Л. 89.

² Волин Б. Партия большевиков в феврале—марте 1917 года // Исторический журнал. 1937. № 2. С. 19.

³ Негласное наблюдение за А. Ф. Керенским // ГАРФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 248. Л. 2.

⁴ О социал-демократах // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 658. Л. 1.

⁵ О Государственной думе // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 Л. А. Л. 109.

⁶ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 123.

грессивный блок, а Керенский. Так как выступления рабочих и жителей Петрограда начались не под лозунгами защиты Государственной Думы и не под революционными лозунгами, то и главным защитником «голодных» стала не Дума, а революционное подполье, ориентированное на Керенского.

Лозунг «Хлеба!» был сильным ходом заговорщиков. Если бы толпы вышли с революционными лозунгами, они были бы немедленно рассеяны войсками. Когда же на улицы вышли «голодные» женщины и дети, просившие хлеба, то войскам было гораздо труднее их разгонять. В исторической литературе уже много раз говорилось об искусственно созданной нехватке хлеба в столице империи. Хлеба в столице было в изобилии. Достаточно сказать, что в самый разгар февральских событий в Петрограде социал-демократы организовывают подачу муки для солдат гарнизона, чтобы не допустить их участия в подавлении мятежа. Социал-демократ Б.В. Авилов вспоминал, что в февральские дни в его распоряжении было «несколько тысяч пудов печёного хлеба и несколько десятков вагонов муки»¹. В ордерах за февраль/март 1917 г., по которым мятежники добывали хлеб на складах и булочных, требовалось «отпустить для нужд Государственной думы 40 пудов хлеба, 100 пудов хлеба»².

Сотрудничество большевиков и Керенского заметно и по организации забастовки на Путиловском заводе, которая стала катализатором событий в Петрограде. Керенский в своих воспоминаниях пишет, что 22 февраля 1917 г. к нему явилась на приём группа рабочих Путиловского завода, которая предупредила, что на заводе начинается политическое движение, которое может иметь далекоидущие последствия³. Формально организаторами политической забастовки на Путиловском заводе были большевики. 22 февраля Выборгский районный комитет большевиков поддержал путинцев и решил остановить 23 февраля работу на предприятиях двух районов города, Нарвского и Выборгского, провести митинги солидарности с путинцами⁴. Историк С.В. Холяев считает, что именно большевики были «по меньшей мере, инициаторами вывода рабочих на улицы»⁵. Однако в феврале 1917 г. Путиловский завод находился в

¹ Николаев А.Б. Кто профинансировал Февральскую революцию // «Национальные интересы». № 2/2007.

² Николаев А.Б. Кто профинансировал Февральскую революцию // «Национальные интересы». № 2/2007.

³ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 133.

⁴ Партия большевиков в Февральской революции 1917 года. М., 1971. С. 138.

⁵ Холяев С.В. Три февраля 1917 года // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 26—38.

ведении начальника Главного артиллерийского управления генерала А.А. Маниковского, без которого не проходило ни одно крупное событие на Путиловском заводе. Если учесть, что Маниковский после Октябрьского переворота вступил в РККА, то связь его с большевиками в феврале 1917 г. можно считать почти доказанной. Одновременно Маниковский находился в самых тесных связях с Гучковым и Керенским. Всё, вместе взятое, свидетельствует о совместных действиях Керенского и большевиков по организации беспорядков, осуществленных ими через посредника — генерала Маниковского.

Таким образом, у Гучкова и Керенского, несмотря на внешние различия, был общий план государственного переворота. Этот план предусматривал свержение с престола Императора Николая II.

Заговор генералов

Участие генералов и старших офицеров Ставки Верховного Главнокомандования, а также командующих фронтами и их штабных работников в государственном перевороте февраля 1917 г. представляет собой одну из главных причин его успешного осуществления. Однако было бы неправильно считать, что генералитет представлял собой некую самостоятельную однородную силу. Оппозиционные генералы, с одной стороны, были составной частью объединённого заговора думской и революционной оппозиции, а с другой — зачастую соперничали друг с другом, имея порой разные центры политического притяжения.

В отечественной историографии версия о «заговоре генералов» получила неоднозначную, иногда прямо противоположную оценку. Большая часть эмигрантских исследователей, иногда осторожно — С.С. Ольденбург, иногда категорично — В.С. Кобылин, И.П. Якобий, И.Л. Солоневич, высказывалась в пользу существования такого заговора. И.Л. Солоневич прямо указывал, что военные сыграли *первую скрипку* в низложении Императора Николая II¹.

В современной российской историографии этого же мнения в той или иной степени придерживаются такие учёные, как д. ист. н. А.Н. Боянов, д. ист. н. С.В. Куликов, д. ист. н. О.Р. Айрапетов, д. ист. н. В.С. Брачев, д. ист. н. А.Б. Николаев.

Исследователь Белого движения д. ист. н. В.Ж. Цветков в целом отрицает существование «заговора генералов» и участие в нём начальника штаба М.В. Алексеева, хотя и не отрицает словеса отдельных генералов с организаторами переворота. Категорически отрицают существование военного заговора д. ист. н. А.В. Смолин, а также публицисты А.С. Кручинин и В.Е. Шамбаров.

¹ Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. М.: Алгоритм. 2007. С. 78.

На наш взгляд, главная причина отрицания военного заговора со стороны некоторых исследователей объясняется сложившейся в последнее время у части нашего исторического сообщества героизации Белого движения. Большинство генералов Ставки, которые оказали неоценимую услугу Февральской революции, впоследствии стали командующими белыми армиями.

Другие исследователи, признавая участие высшего военного комсостава императорской армии или части его в заговоре против Царя, объясняют это участие конкретной политической ситуацией зимы—весны 1917 г., в которой генералы были «обмануты» заговорщиками. Согласно этой версии сотрудничество Ставки и заговорщиков началось только в условиях февральского политического кризиса. Подобного мнения придерживался, например, эмигрантский историк Г.М. Катков.

Совокупность источников позволяет нам сделать определённый вывод, что тесное сотрудничество части высшего военного руководства Российской империи и оппозиционных Императору Николаю II общественных и политических сил началось гораздо раньше февраля 1917 г.

Нет сомнений, что если генералы Ставки остались хотя бы нейтральными в противостоянии Царя и его противников, то исход событий в феврале 1917 г. мог бы быть иным. На деле же мы видим не только сочувствие заговорщикам со стороны представителей Верховного командования, но и самое активное им содействие.

Как верно писал И.Л. Солоневич: «*В этом предательстве первая скрипка, конечно, принадлежит военным. Этой измене и этому предательству нет никакого оправдания. И даже нет никаких смягчающих вину обстоятельств: предательство в самом обнажённом его виде*»¹.

Успех заговора зависел от того, на чьей стороне окажется армия и прежде всего Ставка Верховного Главнокомандования. А.Я. Аврех отмечал, что Ставка была «*вторым правительством не только на театре военных действий, но и в столице*»².

Именно поэтому Гучков, задолго до переворота, стремился установить с армейскими кругами тесную связь. Он понял всю необходимость установления контроля над армейской верхушкой задолго до 1917 г. С.Ю. Витте утверждал, что в 1905 г. ему передавали слова Гучкова о том, что «*в 1905 году революция не удалась потому, что войско было за Государя... теперь в случае наступления новой революции необходимо, чтобы войско было на нашей стороне*»³.

¹ Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. С. 68.

² Аврех А.Я. Указ. соч. С. 184.

³ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. Берлин: Слово, 1922. С. 467.

Являясь в 1907—1910 гг. председателем думской Комиссии по государственной обороне, Гучков смог войти в тесный контакт со многими генералами и офицерами, некоторые из которых занимали высокие должности в военном руководстве. В конце 1916 г. Охранное отделение составило приблизительный список военных, с которыми Гучков поддерживал политические контакты. Среди них были три бывших военных министра — генерал от инфanterии А.Ф. Редигер, генерал-адъютант А.Н. Куропаткин и генерал от инфантерии А.А. Поливанов, бывший морской министр вице-адмирал С.А. Воеводский, главнокомандующий войсками Северного фронта генерал-адъютант Н.В. Рузский, генерал-лейтенант пограничной стражи Е.И. Мартынов¹.

По сообщениям Охранного отделения, Гучков «устроил в квартире некоего генерала на Сергиевской улице так называемый “гучковский главный штаб”»². В собраниях этого «штаба» принимали участие чины Генерального и Главного штабов, офицеры разных родов войск, военные писатели и члены Комиссии по государственной обороне. На этих частных собраниях нередко оглашались и совершенно секретные сведения³. По сведениям Охранного отделения, «Гучков явно стремился к тому, чтобы сосредоточить в своих руках все нити управления вооружёнными силами страны»⁴.

В 1916 — начале 1917 г. Гучков вошёл в тесный контакт с начальником штаба Ставки генерал-адъютантом М.В. Алексеевым. Тесные контакты были у Гучкова и с главнокомандующим войсками Северного фронта генерал-адъютантом Н.В. Рузским. Последний считал своим долгом советоваться с Гучковым даже по специальным исключительно военным вопросам⁵. Особые отношения объединяли Гучкова с генералом от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко. В 1899—1900 гг. Гучков и Гурко воевали за дело буров против англичан в Южной Африке.

Довольно тесные контакты Гучков поддерживал и с капитаном 1-го ранга А.В. Колчаком. Именно Гучков сделал всё возможное,

¹ О военных связях А. И. Гучкова // ГАРФ 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 ЛА. Л. 122.

² О Государственной думе // ГАРФ 102 ДП ОО. 1917 Д. 307 ЛА. Л. 130.

³ О Государственной думе // ГАРФ 102 ДП ОО. 1917 Д. 307 ЛА. Л. 130.

⁴ О Государственной думе // ГАРФ. Ф. 102 ОО. 1917. Д. 307 ЛА. Л. 127.

⁵ Н.В. Рузский — А.И. Гучкову // ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1081. Л. 31.

чтобы в 1916 г. «либерал и оппозиционер» Колчак получил звание вице-адмирала и был назначен командующим Черноморским флотом¹. Другой связью Гучкова был начальник 25-го армейского корпуса Особой армии генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов. Имя Корнилова попало в гучковский список «сторонников Думы»². Особо доверительные отношения были у Гучкова с полковником Генерального штаба С.И. Зиллоти³, родным братом любовницы Гучкова М.И. Зиллоти⁴.

Не исключено, что вовлечению военных в планы Гучкова способствовала т. н. «Военная ложа», бывшая частью масонского ордена «Великого Востока народов России», который был создан в 1913 г. и преследовал исключительно одну политическую цель — свержение самодержавного режима⁵. По свидетельству Л.А. Ратаева, масонская «атака на армию велась уже давно: ещё до Японской войны»⁶. Военный, попадая под влияние масонской организации, переставал считать приказы верховной власти главными для себя. Командир лейб-гвардии Финляндского полка генерал-майор В.В. Теплов при приёме его в масонскую ложу на вопрос одного из «братьев» о Царе ответил: «Убью, если велено будет»⁷.

«Военная ложа» была создана зимой 1913—1914 гг. Организатором её был библиотекарь Генерального штаба С.Д. Масловский (псевдоним Мстиславский)⁸. Среди членов ложи В.И. Старцев называет генералов А.А. Свечина, А.А. Орлова-Давыдова, В.В. Теплова⁹.

Другой исследователь русского масонства В.С. Брачев называет имена генералов В.И. Гурко, П.А. Половцева, М.В. Алексеева, Н.В. Рузского и полковника А.М. Крымова¹⁰. Известная исследовательница русского масонства Н.Н. Берберова указывала, что «генералы Алексеев, Рузский, Крымов, Теплов и, может быть, другие

¹ Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977. С. 248.

² Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 224.

³ ГАРФ 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 ЛА. Л. 122.

⁴ Гучков А. Указ. соч. С. 193.

⁵ Epiphanius. Maçonnerie et sectes secrètes : le côté caché de l'Histoire. Publications du « Courrier de Rome ». Nouvelle édition 2005. Р. 227.

⁶ О масонах // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. (12.) Ч. 2. Л. 21.

⁷ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 185.

⁸ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 48.

⁹ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 115—116.

¹⁰ Брачев В.С. Указ. соч. С. 112.

были с помощью Гучкова посвящены в масоны. Они немедленно включились в его “заговорщицкие планы”»¹.

Однако видный исследователь Белого движения В.Ж. Цветков, хотя и признаёт связи некоторых генералов с масонами, считает членство в масонских ложах генералов М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова и вице-адмирала А.В. Колчака ничем не доказанным².

А.Я. Аврех был категорически не согласен с утверждением об участии масонов, в том числе и армейских, в Февральском перевороте³. Он считал, на наш взгляд неубедительно, что раз не существовало списков масонов-военных, то и говорить о принадлежности генералов ложам — нельзя⁴.

Тем не менее, по нашему мнению, совокупность имеющихся исторических источников всё же свидетельствует если не о прямом членстве старшего генералитета в масонских организациях, то, во всяком случае, о его тесных с ними контактах. «Военная ложа» позволяла генералитету устанавливать прямые контакты с либеральной оппозицией.

Объяснялось ли участие генералитета в Февральском перевороте членством в «военной ложе», или на это имелись другие немасонские причины? Вопрос этот по большому счёту не имеет принципиального значения. По замечанию С.В. Куликова, «перемена Верховного главнокомандования не вывела Ставку, находившуюся в Могилёве, из числа союзников парламентаристов. Наоборот, она стала содействовать им ещё более последовательно. Связано это было с появлением в роли начальника штаба верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева»⁵.

Участие в заговоре генерала Алексеева, второго человека в русской армии после Императора Николая II, безусловно, являлось ключевым. Царь относился к генералу Алексееву с большим уважением. Произведя его в свои генерал-адъютанты, Государь лично принёс начальнику штаба погоны со своим вензелем в кабинет. В это время генерал Алексеев уже активно вёл переписку с главным заговорщиком Гучковым⁶. Последний был знаком с Алексеевым ещё до начала Первой мировой войны. В ноябре 1911 г. депутат Государственной Думы А.И. Савенко посоветовал Гучкову обратить

¹ Берберова Н. Указ. соч. С. 36.

² См., например: Цветков В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. № 1. 2006. С. 55—85.

³ См. Аврех А.Я. Масоны и революция. М.: Политиздат, 1990.

⁴ Аврех А.Я. Масоны и революция. С. 120.

⁵ Куликов С.В. Указ. соч. С. 205.

⁶ А.И. Гучков — генералу М.В. Алексееву // ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 698. Л. 2.

внимание на генералов Алексеева и Иванова, которых он характеризовал как «даровитых и блестящих генералов»¹.

Министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской докладывал Императору и Императрице о переписке Алексеева с Гучковым и Родзянко. Эта переписка, по словам князя Шаховского, привела Алексеева к политической деятельности². С.П. Белецкий на допросе следственной комиссии Временного правительства говорил, что «Штурмер и Протопопов боялись влияний Алексеева, а через Алексеева А.И. Гучкова, с которым он был в хороших отношениях»³.

Назначение Алексеева на должность начальника штаба Императора Николая II состоялось в том числе по рекомендации единомышленника Гучкова генерала Поливанова. Тот 16 августа 1915 г. писал Царю «о необходимости безотлагательно приблизить генерала Алексеева к Верховному Главнокомандующему»⁴.

Активное вовлечение Алексеева в деятельность против Царя началось с отставкой С.Д. Сазонова и назначением сначала на должность министра иностранных дел, а потом и главы правительства Б.В. Штурмера. Это назначение ломало планы оппозиции, которые находили отклик в душе Алексеева⁵. С зимы 1916 г. Гучков поддерживал генерала в его кампании против Штурмера. В отношении людей, по тем или иным причинам сотрудничавших со Штурмером, началась активная кампания по обвинению в шпионаже. Назывались имена И.Я. Гурлянда, Д.Л. Рубинштейна, И.Ф. Манасевича-Мануйлова⁶. По согласованию с Алексеевым вышеназванные лица были арестованы генералом контрразведки Н.С. Батюшиным. За арестами, кроме Алексеева, стоял и Гучков.

С помощью интриг Алексеев всячески способствовал падению престижа Государя в глазах главнокомандующих фронтами. Так, Император Николай II решил отправить на покой главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала Н.И. Иванова, который уже неоднократно жаловался на своё здоровье и уста-

¹ О военных связях А.И. Гучкова // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 Л.А. Л. 122.

² Шаховской В. Указ. соч. С. 182—183.

³ Допрос С.П. Белецкого // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 231(2). Л. 222—223.

⁴ Записка генерала А.А. Поливанова Императору Николаю II. 16 августа 1915 // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 618. Л. 1.

⁵ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 99.

⁶ Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. С. 527.

лость. Николай II посоветовался с генералом Алексеевым, и тот высказался в пользу отставки генерала¹. Она состоялась 17 марта 1916 г., а уже 31 марта Алексеев при встрече с Ивановым сказал, что тот уволен вследствие большой интриги из Петрограда, «по приказанию Государя, Распутина и Вырубовой»². Дезинформированный недалёкий Иванов, которого Государь оставил при Ставке в качестве своего генерал-адъютанта, затаил неприязнь к Николаю II. Нет сомнений, что эта неприязнь сыграла не последнюю роль в неудаче «бумажного» похода Иванова на Петроград 27 февраля — 2 марта 1917 г.

Пока Гучков «обрабатывал» Алексеева, другой лидер оппозиции, М.И. Терещенко, активно склонял на свою сторону генерала Брусилова³.

В этот же период стали регулярными встречи князя Львова с Алексеевым, на которых обсуждалась возможность ареста Царя в Ставке⁴. Тогда же этими же лицами планировался арест Императрицы Александры Феодоровны, её ссылка в Крым и принуждение Государя «согласиться на министерство “доверия” во главе со Львовым»⁵. В ноябре 1916 г. Алексеев передал доверенному лицу Львова, что «всё, о чём он просил, будет выполнено»⁶.

Керенский демонстрирует в своих воспоминаниях поразительную осведомлённость в том, что касается планов Львова и Алексеева. Вполне возможно, Керенский знал об этих планах из своего источника в Ставке, военного цензора штабс-капитана М.К. Лемке. По сведениям русского контрразведчика генерал-майора Батюшина, бывший эсер, историк и журналист Лемке попал в Ставку «благодаря своему очень давнему знакомству с генерал-квартирмейстером при верховном главнокомандующем генералом Пустовойтенко»⁷. Лемке писал, что «около Алексеева есть несколько человек, которые исполняют каждое его приказание», в том числе и арест Государя в Могилёвском дворце⁸.

15 июня 1916 г. Алексеев подал Государю секретную докладную записку. В ней генерал предлагал для организации деятельности

¹ Куликов С. Указ. соч. С. 212.

² Поливанов А.А. Девять месяцев... // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 146.

³ Катков Г.М. Указ. соч. С. 58.

⁴ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 87.

⁵ Мельгунов С. Указ. соч. С. 96.

⁶ Мельгунов С. Указ. соч. С. 96.

⁷ Батюшин Н.С. У истоков русской контрразведки. М.: Икс-Хистори: Кучково поле, 2007. С. 212.

⁸ Лемке М. 250 дней в Царской Ставке. Пг., 1920. С. 236.

в тылу ввести должность верховного министра государственной обороны, наделив его чрезвычайными полномочиями¹. «Лицу этому, — писал Алексеев, — облечённому высоким доверием Вашего Императорского Величества и полнотой чрезвычайной власти, необходимо представить: объединять, развивать и направлять единой волей деятельность всех министров, государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий»².

В свете февральских событий 1917 г. идея Начальника штаба о введении военной диктатуры в тылу видится как возможный этап переворота. Став «диктатором», Алексеев гораздо бы облегчил осуществление парламентаристских планов оппозиции. Идея Алексеева о «диктатуре» солидаризировалась с планами другого кандидата в «диктаторы» — начальника ГАУ генерала Маниковского, который объяснял затруднения в обеспечении армии боевыми припасами и расстройство железнодорожного транспорта отсутствием в тылу «единой твёрдой власти»³.

Похоже, что у идей Алексеева и Маниковского были одни и те же соавторы из Прогрессивного блока. Его представители Г.Е. Львов и А.И. Коновалов в июне 1915 г. предлагали создать Комитет государственной обороны, глава которого был бы наделён чрезвычайными правами и был бы ответствен только перед Императором⁴. В комитет, кроме министров, должны были войти представители общественности и законодательных палат. Так как Алексеев не ограничивал «диктатора» только лицами из военной среды, то в подобной роли мог оказаться тот же князь Львов. Таким образом, Прогрессивный блок при помощи военной верхушки пытался проникнуть во власть.

Несмотря на то что 28 июня на совещании Совета министров, прошедшем в Ставке под председательством Государя, идея о «диктатуре» была отвергнута, генерал Алексеев не прекратил своих контактов с оппозицией. Вполне вероятно, что именно тогда начальник штаба установил контакты с Керенским через его зятя подполковника В.Л. Барановского, который являлся штабофицером Ставки.

18 сентября 1916 г. Императрице Александре Феодоровне стало известно о переписке между Алексеевым и Гучковым, о чём

¹ Записка генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 657. Л. 7.

² Записка генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 657. Л. 7.

³ Куликов С.В. Указ. соч. С. 214.

⁴ Куликов С.В. Указ. соч. С. 215.

она написала Государю в Ставку¹. Император Николай II спросил Алексеева: переписывается ли он с Гучковым? Алексеев ответил отрицательно. Но Гучков сам предал огласке своё письмо генералу, не спрашивая его согласия, чем поставил Алексеева в затруднительное положение².

Б. Локкарт в своём донесении в Лондон от 21 декабря 1916 г. передаёт слова Алексеева об Императоре Николае II в пересказе Львова: «Император не изменится. Нам надо менять Императора»³. 11 ноября 1916 г. Алексеев уехал на лечение в Крым. По официальным данным, у Алексеева обострилась давняя почечная болезнь. По иным данным, «болезнь» Алексеева имела политическое происхождение и была вызвана всплывшей его перепиской с Гучковым.

В конце 1916 г. заговорщикам активно помогал фактический заместитель генерала Алексеева генерал от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко, который, по словам Гучкова, «был настолько осведомлён (о заговоре), что делался косвенным участником»⁴. Гурко был тесно связан с думской оппозицией благодаря давнему знакомству с Гучковым и связям своего брата камергера Вл. И. Гурко, члена одновременно Государственного совета и Прогрессивного блока. По совместной договорённости с Алексеевым, Гучковым и своим братом генерал Гурко в конце 1916 г. несколько раз пытался вести с Государем разговоры на политические темы, рассуждая о необходимости удаления Г.Е. Распутина и ратуя за введение Ответственного министерства. Однако всякий раз Гурко получал мягкий, но твёрдый отпор Императора⁵. В декабре 1916 г. Государь приказал дворцовому коменданту Воейкову указать Гурко «по поводу проявления им слишком большого интереса к делам внутренним»⁶. Царь при этом добавил, что «делает это Гурко под влиянием Гучкова». Однако Гурко не стал выслушивать Воейкова под предлогом сильной занятости.

Перед своим отъездом на лечение генерал Алексеев передал исполнение своих обязанностей генералу В.И. Гурко. После назначения Гурко «появились неизвестно откуда взявшимся слухи, что он, если ему не удастся повлиять на Государя, примет против него

¹ Императрица Александры Феодоровна — Императору Николаю II от 18 сент. 1816 // Письма Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II. Берлин: Слово, 1922. Т. 2. С. 184. Перевод с английского В.Д. Набокова.

² Катков Г.М. Указ. соч. С. 193.

³ Lockhart R. H. B. British Agent. New York, 1933.

⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 9.

⁵ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т. 2. С. 248.

⁶ Допрос А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Т. 4. С. 45.

*какие-то решительные меры*¹. После того как Алексеев уехал в Крым, генерал Гурко продолжал свои частые встречи с Гучковым, а также представителями союзников лордом А. Мильнером и послом Дж. Бьюкененом². Именно после встречи с Гурко Бьюкенен послал в Лондон телеграмму с сообщением, что «если Государь не уступит, то в течение ближайших недель что-нибудь произойдет или в форме дворцового переворота, или в форме убийства»³.

По свидетельству генерала А.И. Деникина, в Севастополь к Алексееву приехали «представители некоторых думских и общественных кругов» и сообщили, что назревает государственный переворот. Начальник штаба «в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны». Во имя «сохранения армии» Алексеев просил посланцев «не делать этого шага». Далее, по словам Деникина, эти «представители» посетили Брусилова и Рузского и, «получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение»⁴. Однако весьма сомнительно, чтобы Рузский и Брусилов могли самостоятельно принять решение о поддержке заговорщиков без согласия Алексеева. Генерал Н.И. Иванов писал, что без поддержки заговора Алексеевым «главнокомандующие не могли бы и не решились бы согласиться с Думой»⁵. Ближайший сотрудник Алексеева генерал-квартирмейстер Ставки А.С. Лукомский был, по крайней мере, осведомлен о заговоре. Провожая 18 декабря 1916 г. Императора Николая II из Ставки в Царское Село, Лукомский уже знал, что «Государь в Ставку не вернется и состоится назначение нового главнокомандующего»⁶.

Командующий 8-м корпусом генерал Деникин писал в своих мемуарах, что в первой половине марта 1917 г. «предполагалось вооруженной силой остановить Императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия, физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович»⁷.

¹ Бубнов А. В Царской Ставке. М.: Вече, 2008. С. 304.

² Катков Г.М. Указ. соч. С. 60.

³ Куликов С.В. Указ. соч. С. 329.

⁴ Деникин А.И. Указ. соч. С. 107—108.

⁵ Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сretenский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 458.

⁶ Лукомский А.С. Из воспоминаний // Страна гибнет сегодня. С. 120.

⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С. 108.

Представляет несомненный интерес тот факт, что после Февральского переворота Деникин совершил резкий карьерный скачок: с должности командира 8-го корпуса на должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Примечательно, что на должность начальника штаба Деникин был назначен по личному приказу Гучкова, который тот в ультимативной форме отдал Алексееву, не любившему Деникина и противившемуся его назначению¹.

Начальник штаба Северного фронта генерал Ю.Н. Данилов тоже писал о заговоре со знанием посвящённого человека². Но важнейшую роль в поддержке переворота сыграл главнокомандующий войсками Северного фронта генерал-адъютант Н.В. Рузский, который был давно и тесно связан с Гучковым и руководством ВВНР. Двоюродный брат генерала профессор Санкт-Петербургского политехнического института Д.П. Рузский был секретарем городского петербургского совета «Великого Востока народов России»³. В январе 1917 г. у английского посла Бьюкенена прошло совещание, на котором присутствовал генерал Рузский. На этом совещании обсуждался план дворцового переворота и даже была назначена дата — 22 февраля 1917 г.⁴

Одним из самых активных сторонников переворота был командающий Уссурийской дивизией генерал-лейтенант А.М. Крымов. В январе 1917 г. в Петрограде состоялась встреча генерала Крымова, которого М.В. Родзянко называл «доверенным лицом Алексеева», и руководством Прогрессивного блока⁵. Крымов выразил полную готовность армейской верхушки поддержать думцев в их заговорщической деятельности и заявил, что «переворот неизбежен»⁶.

9 февраля 1917 г. в кабинете Родзянко в Государственной Думе состоялась ещё одна встреча лидеров оппозиции с генералами Рузским и Крымовым. Было решено, что в апреле, когда Государь будет возвращаться из Ставки, его поезд будет остановлен в зоне действия штаба Северного фронта. По планам заговорщиков Императора следовало арестовать и «заставить отречься от престола»⁷.

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 55.

² Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 2002. С. 45.

³ Русское политическое масонство начала XX в. (1906—1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В. И. Старцева // История СССР. 1990. С. 145.

⁴ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731—1996. 2-е изд., испр. и доп. М.: Родник, 1996. С. 233.

⁵ Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков: Интербук, 1990. С. 199—200.

⁶ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 200.

⁷ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 121.

Имеются сведения и о вовлечённости в планы заговорщиков командования Балтийского флота. Капитан 1-го ранга И.И. Ренгартен отмечал, что из разговора с командующим флотом вице-адмиралом А.И. Непениным ему стало известно о «довольно определённых сношениях между А. Гучковым, генералом Алексеевым, Непениным об организации переворота»¹.

Не менее интересной представляется роль в заговоре против Императора начальника гарнизона Пскова генерала М.Д. Бонч-Бруевича. Сам генерал в своих воспоминаниях свою осведомленность о заговоре не отрицал, хотя от прямого участия открешился, причисляя себя к «легковерным людям», которые полагали, что можно заменить «последнего царя кем-либо из его многочисленных родственников». По словам Бонч-Бруевича, сложившаяся политическая ситуация в 1916 г. «вызвала к жизни немало заговорщических кружков и групп, помышлявших о дворцовом перевороте». Бонч-Бруевич называет имена генералов-заговорщиков: Алексеев, Брусилов, Рузский, Крымов, а также указывает, что к заговору примыкали члены Государственной Думы и о нём были осведомлены послы М. Палеолог и Дж. Бьюкенен². Бонч-Бруевич был близок и к революционным силам. Один из руководителей русской контрразведки, он приходился родным братом видному большевику В.Д. Бонч-Бруевичу, с которым, как он сам писал, был всегда близок. Через своего брата генерал Бонч-Бруевич имел неплохие контакты с большевистским руководством. Сам генерал Бонч-Бруевич писал, что он не был далёк от большевиков³.

В истории февральских событий практически не изучена роль генерала от артиллерии А.А. Маниковского. Между тем он сыграл немалую роль в осуществлении переворота. Генерал Маниковский был начальником Главного артиллерийского управления. П.Н. Милюков писал, что были предложения «объявить Думу Учредительным собранием и передать власть диктатору (генералу Маниковскому)»⁴.

Связи оппозиции продолжались и с Великим Князем Николаем Николаевичем, который не забыл Царю отстранения от командования⁵. 9 декабря 1916 г. на совещании у князя Львова был выработан «план

¹ Февральская революция в Балтийском флоте (Из дневника И.И. Ренгартена) / Предисл. А. Дрезена // Красный архив. Исторический журнал. М., 1929. Т. 1 (22). С. 88.

² Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М.: Военное издательство МО СССР, 1957. С. 107.

³ Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С. 7.

⁴ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 454.

⁵ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: Родина, 1931. С. 113.

*дворцового переворота с целью свержения Николая II и замены “неспособного” Монарха Великим Князем Николаем Николаевичем*¹.

А.И. Хатисов в эмиграции сообщил С.П. Мельгунову, что «*Николай Николаевич должен был утвердиться на Кавказе и объявить себя правителем и Царём*². Хатисов прибыл в Тифлис к Великому Князю с предложением занять российский престол³. Великий Князь выслушал доклад Хатисова и сделанное им предложение спокойно. Он не выразил ни удивления, ни протesta против намерения низвержения царствующего Императора⁴. Тем не менее Николай Николаевич не был уверен в успехе заговора, а потому колебался⁵. В конце концов, Николай Николаевич отказался от участия в перевороте, но высказал заговорщикам свою полную моральную поддержку⁶.

По замыслам заговорщикам большую роль в «Кавказском плане» должен был сыграть вице-адмирал А.В. Колчак. Именно он должен был осуществить военно-морскую «демонстрацию в пользу Николая Николаевича»⁷.

Имя Колчака связывают не только с «Кавказским планом». По имеющейся, хотя и не точной информации, в конце 1916 г. на квартире М. Горького возник «Морской план», участниками которого были Колчак и В.В. Шульгин. План заключался в том, чтобы, заманив Государя и Государыню на военный корабль, арестовать их и отправить в Англию⁸. Правда, некоторые исследователи отрицают наличие этого «Морского плана»⁹.

Причины участия генералов в Февральском перевороте представляются различными. Но, безусловно, важнейшей из них было стремление верхушки армии к активному участию в политической жизни страны при новом государственном строе. Давние связи генералов М.В. Алексеева, Н.В. Рузского, А.А. Брусилова с А.И. Гучковым и лидерами Прогрессивного блока способствовали их взаимодействию в феврале 1917 г. Кроме того, генералитет предполагал, что временное правительство лучше сможет продолжать войну, чем правительство царское.

¹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С. 106.

² Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С. 106—107.

³ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 316.

⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 451.

⁵ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С. 109.

⁶ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 143.

⁷ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту.

⁸ Смолин А.В. Морской заговор: факты и вымысел // Проблемы новейшей истории России XX века. Сборник научных статей. СПб., 2005. С. 99—127.

⁹ Смолин А.В. Морской заговор: факты и вымысел. С. 112.

В генеральском корпусе произошли большие изменения морально-нравственных устоев. В отличие от предыдущих столетий, «воеводы» Императора Николая II отнюдь не были опорой престола. Как показало будущее, отношение Алексеева к Царской Семье всегда было враждебным. Весной 1917 г., когда Царская Семья находилась в заточении, Алексеев продолжал клеветать на Государыню, сказав Деникину, что «*при разборе бумаг Императрицы нашли у неё карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготавлялась в двух экземплярах — для меня и для Государя*¹». Тем самым Алексеев намекал на возможность шпионажа Императрицы Александры Феодоровны. Интересно, что если Алексеев клеветал на арестованную Императрицу, то Деникин, сочувственно повторяя в 1920-х годах клевету Алексеева, злословил имя уже умченной Государыни.

Уже после Февральского переворота, во время Корниловского мятежа, генерал Алексеев категорически выступал против восстановления монархии².

Обязанные своей карьерой исключительно царской власти, вознесённые на свои высокие посты Императором Николаем II, который доверил им ведение судьбоносной войны, вышеназванные генералы не только не испытывали благодарности к Государю, но и постоянно интриговали против него, обижались на недостаточное, как им казалось, проявление к ним милости.

Высшее военное руководство Российской императорской армии в конце 1916 — начале 1917 г. поддерживало не своего Государя и Верховного Главнокомандующего Николая II, а политическую оппозицию, готовившую его свержение³.

Глава 2

Убийство Г.Е. Распутина как важный этап заговора

Убийство в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. Григория Ефимовича Распутина представляет собой одну из самых таинственных страниц русской истории XX в. По поводу этого преступления написано множество книг и воспоминаний, которые, однако, мало приблизили нас

¹ Деникин А.И. Указ. соч. С. 87.

² Якобий И.П. Император Николай II и революция. М.: Общество Святителя Василия Великого, 2005. С. 366.

³ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 244—245.

к выяснению причин и обстоятельств этой трагедии. Не выходя за рамки настоящего труда, мы коснёмся этих причин исключительно с позиций изучения заговора против Императора Николая II.

Почему был убит Г.Е. Распутин? До сих пор на этот вопрос нет ясного вразумительного ответа. Долгие годы этим ответом служили объяснения убийц сибирского крестьянина. Объяснения сводились к тому, что Распутин был «дьяволом во плоти», «колдуном», подчинившим своему влиянию Царскую Чету и фактически управлявшим империей. Убить Распутина, объясняли князь Ф.Ф. Юсупов, В.М. Пуришкевич и иже с ними, было просто необходимо во имя спасения монархии. Если учесть, что долгое время не было никаких серьёзных трудов по изучению личности Г.Е. Распутина, объяснения убийц воспринимались как аксиома.

Однако начиная с конца XX в. стало выходить все больше научных работ, посвящённых Г.Е. Распуптину. В первую очередь здесь следует отметить труды доктора исторических наук А.Н. Бояханова¹. Он справедливо пишет: *«Ни в какой иной теме по истории России, как в теме о Распутине, вульгарная заданность сочинителей всех мастей не проступает так наглядно. "Распуптинаада", "распуптинщина" давно стали обиходным мифом, питаемым не только историческим невежеством производителей и потребителей, но и неприкрытым коммерческим расчётом»*².

Труды доктора Бояханова и иных авторов убедительно доказали, что многочисленные утверждения об огромном влиянии Г.Е. Распуптина на государственные дела, какой-либо его контроль над Государем и Государыней, а также пьяные дебоши являются домыслами и клеветой. Одновременно стали выясняться и другие странные и малопонятные вещи. Оказывается, в убийстве Распуптина активную роль сыграла английская разведка. На этом фоне версия убийц Распуптина предстала полностью несостоятельной.

Последующие попытки исследователей-недоброжелателей Распуптина скорректировать версию убийц, приписав убитому ко всем прочим грехам ещё и стремление заключить сепаратный мир с немцами, оказались также беспочвенны. Последним примером этого является книга О.А. Шишкова *«Распуптин. История мифа»*³. Несмотря на то что автор цитирует ряд интересных документов, всё, что касается якобы участия сибирского крестьянина в посредничестве или даже в подготовке сепаратного мира с немцами,

¹ Последнее издание: Бояханов А.Н. Правда о Григории Распуптине. М.: Издательский фонд им. Св. Василия Великого, 2011.

² Бояханов А.Н. Распуптин. Анатомия мифа. М.: АСТ-Пресс, 2001. С. 4.

³ Шишков О. Распуптин. История преступления. М.: Эксмо; Яуза, 2004.

построено на слухах и фальсификациях. Доказывая возможность участия Распутина в деле заключения сепаратного мира, Шишков ссылается на главного германского организатора диверсий в России барона Люциуса, который черпал информацию о Распутине из газеты «Воля России». Если учесть, что эту газету сам же Люциус и финансировал, то очевидно, что германский разведчик просто отслеживал, как финансируемая им газета справляется с публикациями нужной дезинформации. Вот лишь один пассаж той «достоверной информации» из «Воли России»: «Вся группа людей вместе с германскими агентами поставила своей задачей обработать Распутина в направлении того, чтобы он возглавил вместе с царицей движение за мир с Германией»¹.

Здравомыслящему человеку должно быть понятно, что речь идёт о германской пропаганде, направленной на дискредитацию Государыни, на подрыв престижа монархии, то есть идеологической диверсии против России. Но Шишков считает, что обработать Распутина немцам не представляло большого труда, так как ещё накануне войны в частных беседах с княгиней Радзивилл он подтвердил: он уже год назад сумел убедить Царя не начинать военных действий против Австрии². Княгиня Радзивилл, в девичестве Екатерина Адамовна Ржевуская, была дочерью генерала графа А.А. Ржевуского. Совсем юной она вышла замуж за князя Вильгельма-Адама Радзивилла, от которого имела сына. Однако вскоре князь развёлся с женой, не выдержав её разгульного образа жизни. В начале XX в. Е. Радзивилл уехала в Южную Африку, где стала любовницей основателя «Круглого Стола» Э. Родеса. Затем бывшая княгиня вновь вышла замуж за германского подданного инженера Карла Эмиля Колб-Данвина. В 1914 г. она разыскивалась Охранным отделением по подозрению в шпионаже в пользу Германии³. В результате Радзивилл-Колб перебралась в США, где во время Первой мировой войны под разными псевдонимами писала пасквили на Россию. Особенно доставалось от Радзивилл Дому Романовых. То есть Радзивилл, она же «князь Павел Василий», она же Екатерина Колб-Данвина, являет собой особый тип авантюристки и мошенницы. Ссыльаться на неё можно с таким же успехом, как на барона Мюнхгаузена или графа Калиостро. Помимо этого Радзивилл была тесно связана с Бродвейским сообществом. В 1920 г. в письме П. Варбургу она предлагала поделиться с ним «некоторыми фактами, знать о которых было бы интересно не

¹ Выписка из «Воли России» // ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 27. Л. 4—5.

² Шишков О. Указ. соч. С. 214.

³ О военной разведке. (Германия) // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 316. 1914 г. Д. 38. Л. 234—236.

только Вам лично, но и всему еврейству, и если Вы ознакомитесь с ними, это окажет этому делу большую услугу»¹.

Генерал-лейтенант П.Г. Курлов, занимавший в 1909—1911 гг. должность товарища министра внутренних дел и заведующего полицией, писал, что «у Распутина было гораздо более развито национальное чувство, чем у многих его обвинителей в стремлении к сепаратному миру. Обвинение Распутина в измене было столь же обосновано, как и опровергнутое уже обвинение Государыни»².

Ответом на антираспутинское мифотворчество появился ряд работ, указывающих прямо противоположную причину злодейства во дворце Юсупова. Их суть сводится к тому, что Распутин был великим старцем, молитвенником, которому Бог посыпал возможность вымаливать здоровье тяжелобольного Наследника Цесаревича. Распутин доносил народную правду до Императора Николая II, и поэтому врагам Церкви и Царя понадобилось во что бы то ни стало его убить.

Мы не будем здесь вдаваться в рассуждения о том, кем был Г.Е. Распутин с точки зрения православного понимания святости. Однако следует отметить, что беспристрастное исследование даёт однозначный ответ: Распутин был человеком глубоко верующим, самобытным, духовно одарённым и лично совершенно бескорыстным. Император Николай II говорил о нём, что это «хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнения и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно».

Не вызывает сомнений и то, что после молитв Распутина улучшалось состояние здоровья Наследника Алексея Николаевича даже тогда, когда он был на волосок от смерти.

Полностью сочувствуя идею написания правдивой биографии Г.Е. Распутина, мы тем не менее хотим предостеречь от чрезмерного преувеличения его роли в русской истории, которое просматривается в произведениях некоторых авторов. Из этих произведений можно сделать вывод, что именно сибирский крестьянин являлся главным человеком в Российской империи. Не следует забывать, что Распутин жил в эпоху Императора Николая II, а не наоборот. Именно волю Императора Николая II выполнял Распутин, а не наоборот. Конечно, никаким «другом» Царской Семьи в общепринятом смысле этого слова, как любят именовать крестьянина из села Покровского некоторые авторы его биографий, Распутин не был.

¹ Е.А. Ржевуская (Радзивилл, Колльб-Данвин) — избранные документы из российских и американских архивов // <http://magazines.russ.ru/>

² Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. С. 169.

У Самодержавного Монарха друзей не может быть по определению. Дружба предполагает определённое предпочтение одного человека другим, а также определённое равенство, отсутствие границ в отношениях друг с другом. Определения Распутина как «нашего Друга», встречающиеся чуть ли не в каждом письме Царицы своему Супругу, взяты большинством авторов безо всякого критического анализа из сомнительной переписки «Николая и Александры Романовых». Следует сказать, что слова «наш Друг, наш Брат, наш Герой» иногда могут означать: тот, о ком мы говорим, имярек, свой, кого нет необходимости или даже нежелательно называть.

Именно «своим», верноподданным, был Распутин Императору Николаю II. Он служил Царю верой и правдой, и именно за царя он мученически погиб. Убийство верного Царю Распутина не могло не быть на руку тем, кто стремился к устранению самого Николая II, к крушению русской монархии в целом. Как показал В.А. Маклаков на допросе судебному следователю Н.А. Соколову, расследовавшему убийство Царской Семьи, князь Ф.Ф. Юсупов говорил, что так как он занимается оккультизмом, то уверен, что *«такие люди, как Распутин, с такой магнитической силой, являются раз в несколько столетий. Никто Распутина не может заменить, поэтому устранение Распутина будет иметь хорошие последствия. Если Распутин будет убит, Императрицу придётся через несколько же дней посадить в дом для душевнобольных, а если Императрица будет сидеть в больнице и не сможет влиять на Государя, то по своему характеру он будет очень недурным конституционным Государем»*¹.

Ещё одно объяснение убийства можно найти в мемуарах того же Юсупова. Тот вспоминал, что сразу же после «отречения» Государя к нему во дворец на набережной Мойки в Петрограде пришли Великий Князь Николай Михайлович, М.В. Родзянко и вице-адмирал А.В. Колчак, которые уговаривали князя занять императорский престол. Это предложение, писал Юсупов, «взялось из убийства» Распутина².

Зная обстановку февраля 1917 г., когда власть стремительно ускользала от тех, кто мнил себя вершителями истории, можно не сомневаться, что люди типа Родзянко или Колчака были готовы пойти на любую авантюру, лишь бы вырвать власть из рук

¹ Допрос В.А. Маклакова // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. VIII. Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг. / Сост. Л.А. Лыкова. М.: Студия «Тритэ», 1998. С. 250—251.

² Юсупов Феликс, князь. Мемуары в двух книгах. М.: Захаров, 2005. С. 230.

своих более удачливых подельников. Но события, описываемые Юсуповым, если только они не являются плодом выдумки князя, произошли уже после убийства Распутина и после Февральского переворота. Эти события могли быть последствием, но не причиной преступления во дворце на Мойке.

Предположение же о том, что этой причиной явилась только исключительная сила Распутина как христианского молитвенника, вымаливавшего жизнь Наследника, тоже не может быть признано единственным, хотя отрицать его было бы неверно.

Причина приближения Распутина к Царской Чете объясняется далеко не только его даром исцеления. Как верно пишет С.В. Фомин, причины, по которым Царская Семья поддерживала отношения с Распутинским, «были намного глубже и гораздо более весомыми», чем болезнь Цесаревича Алексея¹.

Если бы деятельность Распутина сводилась только к горячей молитве за Наследника и к роли духовного советника Императора Николая II, то Распутина нужно было бы всячески изолировать от публичного общества. Скрытый от общих глаз неподалеку от Императорской резиденции, Распутин мог бы точно так же оказывать молитвенную и духовную помощь Царской Семье. Тем более известно, что Распутин тяготился своей известностью и не стремился к ней.

Кроме того, как мы знаем, к помощи Распутина Царь и Царица прибегали в крайних случаях, когда обычная медицина была бессильна. Причём часто личного присутствия Распутина и не требовалось, как, например, в 1912 г. в Спалье, когда выздоровление Наследника началось сразу же после получения распутинской телеграммы². В остальных же случаях Наследника лечили ведущие врачи медицины лейб-медик Е.С. Боткин, лейб-хирург С.П. Фёдоров, лейб-педиатр К.А. Раухфус и др.

Наконец, главным доказательством того, что основной причиной, по которой Распутин был приближен к Государю и Государыне, была не его целительная сила, служит само время знакомства Императора Николая II с сибирским странником. Первое сообщение о Распутине появляется в Дневнике Императора Николая II 1 ноября 1905 г., когда Государь записал, что он познакомился «с человеком Божиим — Григорием из Тобольской губернии»³. Затем, больше года, Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна виделись с Распутинским от случая к случаю, почти всё время

¹ Фомин С.В. Григорий Распутин: расследование. Боже храни своих! М.: Форум, 2009. С. 317.

² Вырубова А.А. Указ. соч. С. 88.

³ Дневник Императора Николая II. М.: Орбита, 1996.

в присутствии посторонних людей. А между тем приступы гемофили уже были у Наследника постоянным явлением. А.Н. Варламов пишет, что «болезнь Наследника всерьёз проявила́сь после того, как Распутин был ведён во Дворец, и совершенно очевидно, что не она была причиной первых встреч крестьянина с Августейшей Четой»¹.

Начиная примерно с 1912 г. делалось всё, чтобы придать Распутину максимальную известность: он жил почти в центре Санкт-Петербурга, был у всех на виду, посещал различные общественные и официальные учреждения, ездил по стране, принимал у себя целые толпы посетителей, среди которых были самые разные люди, начиная от простых крестьян и заканчивая высокопоставленными особами.

Что все эти люди искали у него? Высокого политического покровительства, составления протекции? Объективные факты убедительно свидетельствуют, что этого покровительства и этой протекции Распутин оказать не мог, да и не стремился. Положим, этого могли не знать простые или мало посвящённые люди, но генералы жандармерии, политические деятели, крупные финансисты и даже иностранные дипломаты, которые встречались с Распутиным, этого не знать не могли. Может быть, их влекла к Распутину жажда духовного просвещения, простое любопытство посмотреть на этого человека, который был известен своим целительным и пророческим даром? Конечно, полностью исключать эти причины нельзя, но совершенно очевидно, что этих причин для объяснения контактов Распутина с верхушкой русского общества и Церкви недостаточно.

Освятить же подлинную роль, какую играл Распутин в жизни русского общества начала XX в., представляется очень трудным. Это объясняется, прежде всего, той стеной лжи, которой личность Распутина отгорожена от беспристрастного изучения историков. Этими ложью и фальсификациями наполнена большая часть воспоминаний о Распутине. Причём не только его врагов, но и людей, которые вроде бы его и не знали или были к нему беспристрастны, и даже людей, которые были близки к нему. К их свидетельствам следует относиться с большой осторожностью, как и к воспоминаниям дочери Распутина М.Г. Распутьиной². По непонятным причинам

¹ Варламов А.Н. Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 38. (Серия ЖЗЛ.)

² Поясним здесь, что мы имеем в виду прижизненное издание воспоминаний М.Г. Распутьиной на французском языке (*Solovieff-Raspoutine Marie. Mon père Grigory Raspoutine. Mémoires et notes*. Paris: J. Povolozky&Cie Editeurs, 1925), а не фальшивку: *Распутина Матрёна. Распутин. Воспоминания дочери*. М.: Захаров, 2002.

Матрёна Распутина и в своих показаниях следователю Соколову, и в своих (или якобы своих) воспоминаниях сообщала откровенно ложные сведения. Здесь у нас нет возможности останавливаться на природе и анализе этой лжи. Частично такой анализ был проведён в нашем труде об убийстве Царской Семьи¹.

В настоящее время нельзя ссыльаться и на переписку Императора Николая II с Императрицей Александрой Федоровной как на полностью достоверный источник. Эта переписка в своей основе базируется на вышедшей в 1923 г. в Госиздате под редакцией известного большевистского деятеля М.Н. Покровского «Переписке Николая и Александры Романовых». Между тем в начале 1921 г. состоялось заседание Политбюро, четвертым пунктом которого значилось «Получить т.т. Радеку и Каменеву ознакомиться с дневником бывш. импер. Александры Федоровны для дачи отзыва в Политбюро»².

«Отзыв» не заставил себя долго ждать. В 1922 г., то есть за год до издания «Переписки», в Берлине, в книгоиздательстве «Слово», вышли в свет «Письма Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II». В отличие от «Переписки», где переводчик не указывался и подлинный текст по-английски не приводился, в «Письмах» был указан и переводчик, им оказался В.Д. Набоков, бывший управляющий делами Временного правительства, тот самый, кто своей рукой написал текст «отречения» Великого Князя Михаила Александровича.

В 1923 г., как бы в противовес «Письмам», выходит «Переписка» под редакцией Покровского. На размыщления наводит общий тон предисловий советского и берлинского изданий. Покровский навязывает читателям вывод, что Царь и Царица были людьми психически ненормальными, а их царствование — сплошной ужас для России. То, что «Россией управлял “Он”, “Наш Друг”, “Григорий”, переписка ставит вне всякого сомнения», — пишет Покровский. Такой же вывод делает и «Слово»: «Царствование Императора Николая II представляет одну из самых мрачных страниц русской истории. Решающее влияние на государственные дела принадлежало, как то видно из писем Императрицы Александры, Григорию Распутину, убитому затем членом царствующего дома»³.

Когда читаешь эти комментарии, невольно ловишь себя на мысли, что их писал один и тот же человек, настолько они похожи.

¹ Мультатули П.В. Свидетельствуя о Христе до смерти... Екатеринбургское злодеяние 1918 года. Новое расследование. М.—Екатеринбург, 2008.

² Протокол заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 16 февраля 1921 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 134. Л. 20.

³ Дневник Императора Николая II. Берлин: Слово, 1923. С. 8.

Вся разница в стиле: один вариант написан для заграницы, другой для внутрироссийского пользования в условиях большевистской диктатуры. Поэтому, что насочиняли в «письмах» и «переписках» покровские и набоковы, можно только гадать.

Точно так же можно говорить и о фальсификации некоторых документов письменного наследия Г.Е. Распутина. Почти все исследователи, за редким исключением, не проводят критического анализа распутинских документов, составляющих большую часть фонда 612 (Распутин Г. Е.) Государственного архива Российской Федерации. В силу рамок нашего труда коснёмся лишь телеграмм, которые приписывают Г.Е. Распутину.

Почти все телеграммы Распутина, хранящиеся в ГАРФ, посланы из села Покровского. Все бланки телеграмм не имеют года отправления. К этим бланкам приклеены белые кусочки бумаги, на которых написаны какие-то каракули, похожие на известные образцы почерка, которые принято считать почерком Распутина. Содержание этих каракулей полностью разобрать очень трудно, почти невозможно, можно понять отдельные слова: «милай, драгой, прими» и т.д. Полная расшифровка этих каракулей требует большого количества времени.

Между тем порядок подачи телеграмм в царское время был таким же, как и сейчас. Человек приносит текст телеграммы, работник телеграфа считает слова, вычёркивает лишние, если они есть, и называет сумму оплаты за телеграмму.

Для того чтобы посчитать слова и определить сумму оплаты, «барышня» должна была их прочитать. А как она могла прочитать нечитаемые каракули, которые сливаются друг с другом, обрываются, не имеют окончаний? В таком случае «барышня» должна была либо вернуть текст Распутину, либо записать текст под диктовку Распутина. Тогда каракули бы исключались.

В ГАРФ имеются тексты Распутина, написанные на телеграфных бланках ясным чистым почерком, скорее всего, лицами, принимающими телеграмму. Почему же в одном случае Распутин находил возможность составлять удобочитаемые тексты, а в подавляющем числе случаев — нет?

Скорее всего, перед нами не телеграммы Распутина, а их подделки, сфабрикованные с целью создания ложного образа старца.

Подтверждением этому служат другие так называемые «телеграммы» Распутина и его «дневник», хранящиеся в ГАРФ. Текст первой «телеграммы» написан неизвестным от руки. Речь в ней идёт якобы о назначениях И.Г. Щегловитого и С.П. Белецкого. «Телеграмма (копия) Распутина за подписью “Новых” в ставку Александре Федоровне о назначении Ивана и Степана. “Пока Дума думает, да гадает, у Бога всё сделано: старшим будет Иван,

а младшим Степан. Так и действуй. Новых”. Дальше идёт следующая приписка той же рукой: «Кажется, последняя телеграмма приводилась в [неразбор.] П.Н. Милюковым»¹.

Во-первых, Распутин очень редко подписывался фамилией, в основном он писал в конце письма своё имя. Тем более когда речь шла о письмах Государю или Государыне. Но если уж он подписывался и фамилией, то писал Новый, но не Новых². Во-вторых, назвать приведённый выше документ копией телеграммы невозможно. В лучшем случае это описание кем-то когда-то увиденной телеграммы, а в худшем — выдумка. В-третьих, вышеназванная телеграмма была известна уже в дореволюционное время. Её цитировал один из убийц Распутина В.М. Пуришкевич, рассказывая, что текст этой «телеграммы» гулял в Государственной Думе, вызывая всеобщее осуждение³.

Текст второй «телеграммы» написан той же рукой, что и текст первой, и то же в виде «копии» *«ходивших по рукам в ноябре 1916 года: 1) Телеграмма Вырубовой из Ставки после 5.10.16 Григорию Распутину: “Всех видела. Хорошо. Маленькому лучше. Об узнике пишу. Анатолия просила. Раев отказал. Суслика сделали. Благослови, Анна. 1) О бывшем министре Сухомлинове, 2) Анатолий — архимандрит одного из Самарских монастырей”*⁴.

Очевидно, что перед нами крайне сомнительный источник.

Что касается «дневника» Распутина, который был недавно издан под видом подлинного, то в самой описи ГАРФ слово «дневник» взято в кавычки и указано, что он фальшивый.

Особый интерес представляют собой документы, которые почему-то считаются справками наружного наблюдения за Тёмным, то есть за Распутиным. На самом деле, если мы сравним эти справки со справками наружного наблюдения за другими лицами, то сразу же убедимся в их различиях. Так, документы наружного наблюдения за Гучковым (Санитарным), или за Бонч-Бруевичем (Фарисеем), или за Голощёкиным (Рыжим) имеют точные названия оперативного документа. Например: «Наблюдение за “Рыжим”. Установка: Голощёкин Шая Ицков. 31 года»⁵.

¹ Например, телеграмма Г.Е. Распутина Великой Княжне Анастасии Николаевне // ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

² Телеграмма Г.Е. Распутина в Ставку // ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 6. Л. 1. Копия.

³ Пуришкевич Владимир, Юсупов Ф. Последние дни Распутина. М.: Захаров, 2005.

⁴ Телеграмма Распутина в Ставку // ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 [копия].

⁵ Материалы наружного наблюдения за Ш.И. Голощёкиным // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 828.

Сами дела агентурного наружного наблюдения представляют собой конкретные справки, написанные лично филёром, «топтующим», которые точно, поминутно, сообщают, где, когда, с кем был объект наблюдения, куда ездил, с кем встречался. Даются приметы объекта и его связей. Никаких личностных оценок при этом филёр объекту не даёт.

Ничего подобного мы не видим в так называемом деле о наблюдении за Тёмным. Во-первых, само название дела звучит по-другому: «Особо важные справки по делам лиц связи “Тёмного”». То есть это уже не материалы наружного наблюдения, а некие справки о «связях». Точнее сказать, это агентурные записки, то есть сведения, полученные от агента, а не от профессионального сотрудника, проводившего скрытое наружное наблюдение.

Во-вторых, о самом Распутине в материалах сказано крайне мало. Также исключительно мало сведений о связях упоминаемых лиц с Распутиным.

В-третьих, материалы дела представлены в подавляющем числе машинописными копиями, не имеющими никаких подписей.

В-четвёртых, все немногочисленные сведения о Распутине, носящие порочащий его характер, не представляют собой конкретно подтверждённого, точно зафиксированного факта, а носят расплывчатый и повествовательный характер. Вот, например, справка о Б.К. Алексееве, чиновнике, как утверждается в справке, для особых поручений Министерства торговли и промышленности. В декабрьской справке 1915 г. говорится: «Алексеева Бориса часто посещают разные лица и бывают из высшего общества, например, 7-го сего декабря его посетил Бельгийский консул, пробыл полтора часа, а также квартиру Алексеева посещает Григорий Распутин. Однажды, Распутин, находясь у Алексеевых, был изрядно выпивши, танцевал. Нередко посещает квартиру Распутина и супруга Алексеева. В настоящее время Алексеев занят устройством себя к г. Министру Внутренних Дел или к его тов. тайному советнику Белецкому»¹.

Заметим разницу: дата посещения бельгийского консула называется точная, а о цели посещения и характере его поведения не говорится ни слова. Зато о Распутине сразу же сообщается, что он был «выпивши» и танцевал. А затем сообщается о стремлении Алексеева попасть на службу в МВД. Таким образом, даётся и мотивация: Распутин пришёл к Алексееву, чтобы попытаться, а Алексеев пригласил Распутина, чтобы сделать карьеру. Отсюда следует и вывод записки: пьяный Распутин проталкивает своих ставленников на важные государственные посты.

¹ Справки наружного наблюдения за Г.Е. Распутиным // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2980. Л. 4—5.

На самом деле встречи Распутина с Алексеевым носили совсем иной характер. Начиная с того, что Борис Кирович Алексеев, племянник выдающегося учёного В.И. Вернадского, был действительно чиновником для особых поручений, только не Министерства торговли и промышленности, а департамента полиции. Поэтому у Алексеева не было никакого смысла просить рекомендаций у Распутина о своём устройстве в МВД. Ещё П.А. Столыпин назначил Алексеева на должность специального эксперта по сбору сведений о масонстве. С этой целью Алексеев был командирован в Париж, где работал в тесном сотрудничестве с заведующим заграничной агентурой Л.А. Ратаевым и вошёл в контакты с влиятельной организацией «Антимасонская лига», во главе которой стоял аббат Ж. Турмантен. Материал, собранный Алексеевым, позволял ему сделать выводы о том, что пропаганда масонства в России исходит не только из Франции и что французское масонство прямо зависит от американо-еврейского капитала. Сводка докладов Алексеева была представлена Столыпину, который внимательно ознакомился с планом совместной с «Антимасонской лигой» борьбы и требуемой для этого суммой денег, а затем выразил желание, чтобы этот проект получил непосредственную санкцию Императора, лично интересующегося масонским вопросом¹.

Особые поручения, которые выполнял для департамента полиции Б.К. Алексеев, заключались в аналитической разработке и выявлении деятельности масонских лож в высших эшелонах власти Российской империи. Бывший директор департамента полиции С.П. Белецкий на допросе следственной комиссии Временного правительства рассказывал, что Б.К. Алексеев составлял для Государя доклады о масонстве, особенно по деятельности французских и германских лож². Алексеев был хорошо знаком с Распутиным и по его рекомендациям посещал многих видных сановников. Имеется письмо Б.К. Алексеева к дворцовому коменданту В.Н. Воейкову от 9 февраля 1915 г., в котором Алексеев писал, что Г.Е. Распутин «снабдил меня собственноручным к Вам письмом и приказал мне быть у Вашего Превосходительства в один из ближайших дней»³. Эти встречи Алексеев совершил не с корыстной целью, а для передачи конфиденциальной информации по вопросам, касавшимся государственной безопасности. Причём делал он это по приказу Распутина.

Другие сообщения о «похождениях» Распутина, напечатанные на машинке и не имеющие подписей составителей, представляют

¹ Старков Б.А. Указ. соч. С. 234.

² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 231 (1). Л. 66—67.

³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л. 24.

собой повторение одних и тех же сплетен часто порнографического содержания, не имеющих под собой никаких конкретных источников.

Наоборот, крайне немногочисленные сведения в материалах дела, свидетельствующие в пользу Распутина, имеют под собой чёткие и конкретные основания, с указанием источника информации.

О том, что в ГАРФ не имеется подлинников дневников наружного наблюдения за Г.Е. Распутиным, указывает ведущий специалист архива доктор З.И. Перегудова, которая убеждена, основываясь на воспоминаниях генерала К.И. Глобачёва, что наблюдение за Распутиным велось, а имеющиеся в архиве копии предназначались для министра внутренних дел¹. При этом непонятно, где же подлинники самих дневников. Кроме того, отношение самого генерала Глобачёва к Распутину было весьма далеко от объективного. Чего стоит, например, такой пассаж из его рассуждений о Распутине: «*Искренней любви ни к одной из его многочисленных любовниц у него не было. Его просто влекло к женскому телу чувство похоти и разврата*»². Это не стиль оперативного сотрудника, тем более высокого ранга.

Поэтому на сегодняшний день бесспорным является факт, что подлинных дневников агентурного наблюдения за Распутиным нет. Что же касается так называемых «материалов по связям» Распутина, то они ко всему прочему прошли «чистилище» Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, штамп которой красуется на обложке дела. Можно только догадываться, что могли привнести от себя в это дело присяжные заседатели «самого свободного» правительства мира.

Эти «документы» являются собой образцы той яростной кампании по дискредитации Распутина, которая велась в последние четыре года перед революцией. Кем и как велась эта кампания, видно из письма некоего Афанасия Худоносова П.Н. Милюкову от 24 февраля 1912 г.: «*Премногоуважаемый Павел Николаевич. Уведомляю Вам: при мне есть фотографическая карточка на одной троє личностей Григория Распутина, епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора. Внизу под каждой своеучная роспись, от которых Вы бы могли заключить, что нужно, из поз и над почерком Григория Распутина можно подивиться, лично доказывает малограмотность*»³. Из этого письма ясно следует, что Милюков собирал любые материалы о Распутине, которые можно было ис-

¹ Перегудова З.И. Предисловие// Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 8.

² Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 81.

³ А. Худоносов — П.Н. Милюкову // ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

пользовать в качестве компрометирующих его свидетельств. А так как этих свидетельств не было, их приходилось придумывать. Кстати, вспомним, что вышеупомянутые «телеграммы» распространялись тоже Милюковым.

Но не только Милюков собирал письма и фотографии Распутина. Странную страсть к этому собирательству проявлял другой активный враг Самодержавия — А.И. Гучков. Причём не только собирал, но и активно распространял. Некий Г. Карпов писал в марте 1912 г. некоему Николаю Петровичу, что ему удалось выпросить у «А.И. Гучкова письмо от Распутина. Может быть, Вам будет приятно заключить эту достопримечательность в Вашу коллекцию»¹.

Не вызывает сомнений, что подобных «коллекций» с интимными «письмами» Распутину было великое множество. Также распространялись фотомонтажами, на которых изображены Государыня и царские дети якобы рядом с Распутиным. К сожалению, многие исследователи считают эти фотомонтажи подлинниками и помещают их в своих книгах именно как подлинные фотографии.

В принципе главные причины этой клеветнической кампании понятны: клевета на Распутина была направлена против Царя и Царицы.

Гораздо менее понятна причина, по которой Распутин подвергался поношениям, побоям и неоднократным покушениям на убийство. Ещё менее понятным является характер тех сил, представители которых делали всё, чтобы дискредитировать, а потом и убить Распутина.

Травля Распутина будь то в газетах, с трибуны Государственной Думы или в общественных учреждениях преследовала, конечно, цель не столько его компрометировать, сколько компрометировать Царскую Семью. Тем не менее полагать, что компрометация Распутина была вызвана лишь одним желанием навредить Царской Семье, неверно. Травля А.А. Вырубовой и П.А. Бадмаева, которая также была направлена против Царя и Царицы, никогда не достигала таких масштабов, как в случае с Распутиным. Кроме того, травля Вырубовой и Бадмаева никогда не выливалась в серьёзные намерения их физического устранения.

Получается, что враги Распутина хорошо понимали его опасность для них самих, а потому их ненависть к нему носила целенаправленный и конкретный характер. При этом мотивы убийства Распутина у всех участников преступления разные. Предположим, что Юсупов и Пуришкевич убивали-таки Распутина, чтобы «спасти династию» от «чёрного колдуна», который дискредитировал монархию. Ну а

¹ Карпов — Николаю Петровичу // РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 779. Л. 2.

английские разведчики, принявшие участие в убийстве, они тоже пеклись о престиже русской монархии? Той самой монархии, крушение которой их начальники в Лондоне уже готовили полным ходом? Для английских организаторов переворота миф о «монстре Распутине» был просто необходим, так же как и для союзных им революционных сил. Этот миф способствовал успеху революционной пропаганды, оправдывал готовящийся переворот.

Уверяют, что англичане могли бояться какого-то мифического сепаратного мира, который Царь мог заключить под воздействием Распутина. Но в Лондоне и Париже были полностью убеждены в верности Императора Николая II союзническим обязательствам. Союзники знали лучше, чем кто-либо, о боевых возможностях русской армии, о росте вооружений, о развитии оборонной промышленности. Знали союзники и о всей смехотворности легенды о всесилии Распутина при царском дворе. Знали, но участие в убийстве Распутина приняли самое непосредственное.

А какими мотивами руководствовался министр внутренних дел А.Н. Хвостов, когда в 1915 г. пытался организовывать убийство Распутина? Этот эпизод неоднократно описывался в мемуарной литературе, в частности в воспоминаниях генералов А.И. Спиридовича и К.И. Глобачёва. Рассказывал о нём и так называемый «секретарь» Распутина А.С. Семанович в своей записке, которую он направил в департамент полиции. Семанович рассказывал, что 4 февраля 1915 г. к нему явился неизвестный ему инженер В.В. Гейне, который сообщил Семановичу, что познакомился с неким Ржевским, который работает помощником при директоре департамента полиции С.П. Белецком и состоит в негласном «личном распоряжении министра в. д. Хвостова».

Один раз сожительница Ржевского, будучи в ссоре с ним, рассказала Гейне, что «Хвостов поручил Ржевскому проехать в Христианию и войти в соглашение с проживающим там Илиодором об убийстве Распутина и высших лиц ему протежирующих»¹.

В Норвегию (Христианию) Ржевский поехал вместе со своей сожительницей и в присутствии её вёл все беседы с Илиодором, который согласился предоставить для убийства Распутина «своих пять фанатиков из Царицына и Петрограда». Об их приезде в Петроград Илиодор должен был сообщить Ржевскому условной телеграммой. Агенты Илиодора должны были быть снабжены МВД подложными паспортами и деньгами в размере 50 тыс. рублей². По возвращении

¹ Записка А.С. Семановича в департамент полиции // ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 25. Л. 30—31.

² Записка А.С. Семановича в департамент полиции // ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 25. Л. 30—31.

в Петроград Ржевский действительно получил от Илиодора условные телеграммы, «в которых было сказано, что-то вроде: “братья согласны”, “братья вызваны”, “братья приехали”»¹.

Не будем гадать, насколько правдиво Семанович изложил обстоятельства, при которых ему стали известны намерения министра Хвостова. Главное другое: то, что изложено у Семановича, подтверждается воспоминаниями Спиридовича и Глобачёва. Причём последний делает весьма важные дополнения к записке Семановича. Изобразив страдания Хвостова, который вынужден был получать от «грязного мужика» прямые «приказы» в виде писем-каракулей, Глобачёв приходит к выводу, что «Хвостов решил избавиться от Распутина тем или иным способом»².

С этой целью Хвостов приказал жандармскому полковнику М.С. Комиссарову войти в контакт с Распутиным и, заманив его в какую-нибудь ловушку, убить его, свалив вину за это убийство на кого-нибудь другого. Самое интересное, что ранее тот же Хвостов по приказу Государя поручил Комиссарову охранять Распутина³.

Хотя в 1915 г. убийство Распутина не состоялось, вокруг него всё теснее затягивалась петля. Причём эту петлю затягивали люди из Охранного отделения⁴. Хвостов по каким-то причинам стремился во что бы то ни стало убить Распутина. С этой целью он входит в контакт с бывшим иеромонахом Илиодором (С. Труфановым), который отрёкся от православной веры и за это был лишен монашеского сана. Бывший иеромонах уехал за границу, где связался с различными сектами и тёмными структурами. Труфанов был также связан с Бродвейским сообществом, а конкретно с У. Вайсманом. По сведениям американского историка Р. Спенса, именно «Вайсман стремился послать монаха Илиодора в Россию в качестве своего агента». Как известно, С. Труфанов прибыл в Россию уже при большевистском режиме, провозгласил себя «патриархом» и активно сотрудничал с ЧК в деле организации гонений на Русскую Православную Церковь.

Связь Труфanova с Бродвейской группой прослеживаются и в оголтелой кампании по дискредитации Царской Семьи, которая началась в США в конце лета 1916 г. Тогда в адрес русского МИДа поступили секретные телеграммы от посла в США Ю.П. Бахме-

¹ Записка А.С. Семановича в департамент полиции // ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 25. Л. 30—31.

² Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 98.

³ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 98.

⁴ Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. С. 361.

тева. Посол сообщал, что «*Илиодор намерен напечатать скандальную книгу о России под заглавием "Распутин"*»¹. Телеграмма от 23 августа 1916 г., отправленная в адрес Святейшего Синода архиепископом Алеутским и Северо-Американским Евдокимом (Мещерским), дополняла телеграмму посла. (При цитировании сохранена лексика автора.) «*Илиодор в Нью-Йорке. Продаёт жиадам за 50 000 гнусную книгу о Царской Семье. Требуются деньги для спасения чести России*»².

Труфанов попытался торговаться с русским правительством, предложив продать якобы имеющиеся у него письма и записки Распутина к Императрице Александре Феодоровне. Впрочем, встречаясь с представителями русского посольства, Труфанов не скрывал, что большая часть документов у него фальшивая. 31 августа 1916 г. посол в Вашингтоне Бахметев сообщал, что «*Илиодор заявляет, что ему здесь предложено 50 000 долларов на условиях: 1) составление пяти статей, 2) выступления публично в девяти разных городах, 3) продажа рукописи, которую предполагается перевести на разные языки и широко распространить, 4) содействие изготовлению соответствующей кинематографической ленты и 5) составление трагедии, в которой будет Государь Император и Его Семья для постановки на сцене*». При этом Илиодор «*утверждает, что никаких подлинных Высочайших писем у него не имеется и что последние были им переданы 2 марта 1916 года министру внутренних дел*»³.

Таким образом, главная цель заказчиков на издание книги Труфanova была одна — фабрикация компромата на Царскую Семью. При этом все денежные вопросы по изданию книги Труфanova решались через «Нейшил Сити-Банк», который являлся одним из банков Бродвейского сообщества.

12 марта 1916 г. Илиодор встретился в Норвегии с редактором нью-йоркской газеты «Дер Таг» Бернштейном, которому высказал свою «*уверенность и радость в конечной победе Германии, что освободит русский народ от его притеснителей*». Илиодор поведал Бернштейну, что к нему «*постоянно приезжают представители немецкого рейхстага и подолгу беседуют с ним по политическим и религиозным вопросам*»⁴. Упомянутый Бернштейн был членом

¹ Телеграмма Ю.П. Бахметьева в МИД // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л. 16.

² Телеграмма архиепископа Евдокима в МИД // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л. 17.

³ Телеграмма Ю.П. Бахметьева // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л. 26.

⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л. 31.

делегации миссии мира, возглавляемой Г. Фордом, одним из руководителей Бродвейского сообщества¹.

Труфанов был связан с каким-то мощным оккультным сообществом. Именно ему принадлежат воспоминания об отрезанной голове убиенного Императора Николая II, которую он якобы видел в «небольшой тайной комнате в Кремле»².

А.Н. Хвостов, однако, не только собирался воспользоваться услугами Труфanova, но и был готов предоставить ему полное оперативное прикрытие. По сведениям А.С. Семановича, Хвостов собирался убить не только Распутина, но и «высших лиц ему протежирующих». Кто были эти «высшие лица»? Конечно, в первую очередь таким лицом была Императрица Александра Феодоровна. После февральских событий, Хвостов признал, что по его приказу была организована слежка за Императрицей. Он утверждал, что на подкуп дворцовых служителей были затрачены громадные деньги³.

Организаторы убийства Распутина были хорошо осведомлены и о предстоящем свержении Царя. Г.Е. Боткин приводит разговор своего отца, лейб-медика Е.С. Боткина, с офицером Генштаба капитаном Сухотиным, родным братом поручика С.М. Сухотина, одного из убийц Распутина, что «революция произойдет в феврале 1917 года, — ответил он»⁴.

Особенно интересна в деле убийства Распутина роль правоохранительных органов, прежде всего Охранного отделения и Министерства юстиции. Как мы уже видели, министр внутренних дел Хвостов лично готовил убийство Распутина, другой, министр юстиции А.А. Макаров, делал всё, чтобы запутать и помешать следствию по убийству Распутина. Министр откровенно признавался, что испытывал к покойному ненависть⁵. Он долго уверял, что найденная во дворе резиденции Юсупова кровь принадлежала собаке. Когда же ему сообщили, что по результатам биологической экспертизы, проведённой по способу Уленгута, доказана принадлежность крови человеку, Макаров с досадой воскликнул: «Вот неприятно, что такой способ открыт!»⁶ И снова встаёт вопрос: что такого сделал сибирский мужик царскому министру юстиции?

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л. 31.

² Essad Bey. Devant la Révolution. La vie et le règne de Nicolas II. Paris, 1935. Р. 374.

³ Из воспоминаний А.Н. Хвостова // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 167.

⁴ Botkin Gleb. Op. cit. Р. 159.

⁵ Шишков О. Указ. соч. С. 49.

⁶ Шишков О. Указ. соч. С. 35.

Когда читаешь воспоминания деятелей политического сыска Императорской России А.И. Спиридовича, К.И. Глобачёва, А.В. Герасимова, не можешь не заметить одну странную особенность. Пока речь идёт об их профессиональной деятельности, структуре департамента полиции, работе охранных отделений, агентурной работе, характеристике революционеров — всё логично, интересно и правдиво. Но как только речь заходит о Распутине, начинается повторение общих, набивших оскумину старых сплетен и басен, а порой просто цитирование чужих тенденциозных произведений. Складывается такое впечатление, что мемуаристы боятся о чём-то проговориться, стремятся что-то скрыть.

Редким исключением в этом ряду жандармских мемуаристов является генерал П.Г. Курлов, который писал, что сплетни о Распутине были «*преувеличены до крайности*», они «*послужили всем русским противоправительственным партиям средством для борьбы, направленной к дискредитированию монархического принципа и личностей Государя и Императрицы*»¹.

Известны прямые попытки полицейского руководства убить Распутина в конце 1915 г., двусмысленно выполняли свою роль приставленные для охраны Распутина агенты Охранного отделения, много неясного в поведении этих же агентов 16 декабря 1916 г. В записке неизвестного журналиста, которую он составил со слов агентов, охранявших Г.Е. Распутина, тот «*в четверг в начале восьмого часа вечера на автомобиле Охранного отделения и в сопровождении двух агентов охранного отделения Козлова и Макутова, прибыл в д. 56 по Офицерской улице к вдове одного полковника, которую он за последнее время довольно часто навещал*». Доставив Распутина по адресу, агенты охранного отделения, зная, что ранее часа ночи Распутин не уедет, «*решили, дабы не мерзнуть, сходить на время к своим знакомым. Один из агентов отправился к проживающему здесь же на Офицерской улице в д. 48-бис надзирателю охранного отделения, а другой агент вместе с шофером отправился в чайную. В начале 11-го часа, они вновь собрались у дома и, к удивлению своему, узнали у швейцара, что Григорий Распутин ещё час тому назад вышел, отъехав от дома на лёгком извозчике. Оба агента, потеряв Распутина, к первому часу ночи прибыли в охранное отделение, где заявили, что Распутин приказал им уйти. Между тем, уезжая от знакомой, узнав, что автомобиля нет, Распутин звонил старшему из агентов, прикомандированных к нему, и заявил, что автомобиль почему-то уехал*»². Вскоре стало известно об убийстве Распутина, и агентам Охранного отделения пришлось говорить правду.

¹ Курлов П.Г. Указ. соч. С. 162.

² ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

О чём говорит нам этот документ? Во-первых, он расходится с официальной версией, утверждающей, что Распутин был увезён из своего дома князем Юсуповым. Старец посещал какую-то женщину на Офицерской улице и помогал ей с устройством её дочерей в казенную гимназию. Не к этой ли женщине ехал Распутин 16 декабря?

Офицерская улица находится недалеко от Юсуповского дворца (набережная реки Мойки, 94). Распутин мог сразу же проследовать с этой улицы на набережную реки Мойки. Но там же, на набережной реки Мойки, 72, находилась явочная квартира министра внутренних дел А.Д. Протопопова. Не к нему ли ехал Распутин?

Из записки очевидно, что агенты Охранного отделения совершили четыре должностных преступления: 1) оставили охраняемый объект без наблюдения; 2) лишили охраняемый объект средства передвижения; 3) не сообщили немедленно о потере наблюдения за охраняемым объектом и 4) сообщили ложные сведения о причинах оставления охраняемого объекта без наблюдения.

Были действия сотрудников Охранного отделения умышленными или нет, но они, если только дело обстояло именно так, как изложено в этой записке, несут прямую ответственность за убийство Распутина.

Имеется множество нестыковок в показаниях свидетелей и подозреваемых в убийстве. Впрочем, подозреваемыми они являются по сути, так как официально ни Юсупов, ни Пуришкевич, ни тем более Великий Князь Дмитрий Павлович никогда не были призваны ни подозреваемыми, ни обвиняемыми. Даже неизвестно, являлись ли названные лица участниками убийства или только соучастниками. Ведь об их участии в преступлении известно только с их же слов. Было ли убийство Распутина совершено в Юсуповском дворце, или это тоже результат сговора группой лиц для сокрытия настоящих убийц и истинного места преступления?

Интересно, что когда Император Николай II после известия об убийстве Распутина встревоженный выехал из Ставки в Петроград, то ему приходили телеграммы с сообщениями о ходе следствия. Одна из них, из Министерства внутренних дел, гласила: «*Дворцовому коменданту свиты генералу Воецкову. Императорский поезд по пути следования. Дополнение предыдущей телеграммы сообщаю. Вчера днём большом Петровском мосту внизу устья была найдена калоша, которую признали принадлежащую Григорию. На перилах моста усмотрены следы крови. Показанию прислуки Григорий уехал ночью вместе с князем Юсуповым. Хотя этому показанию отношусь недоверчиво (последняя фраза зачеркнута красным карандашом. — П. М.)*»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л. 19.

Возникает вопрос: кто и зачем вычёркивал последнюю фразу из телеграммы и с какой целью это делалось?

Сегодня уже можно считать установленным фактом, что убийство Распутина было осуществлено и курировалось английскими спецслужбами. Непосредственное руководство осуществлялось главой британской разведывательной миссии в России Сэмюэлем Хором, а контроль английским послом Дж. Бьюкененом. В 2004 г. отставной детектив Скотленд-Ярда Р. Кален и историк Э. Кук пришли к выводу, что выстрел, которым был убит Распутин, произвёл Освальд Райнер¹. Эти же источники утверждают, что санкцию на убийство Распутина давал лично Д. Ллойд-Джордж.

В архивах секретной британской службы Р. Калленом и Э. Куком была обнаружена телеграмма руководителей английской разведки в Санкт-Петербурге. Характерно, что два высших ее чина, Д. Скейл и С. Аллей, уехали в день убийства Распутина из российской столицы. Затем в секретной телеграмме они сообщили, что, «хотя не все прошло в соответствии с планом, цель была достигнута. Реакция на ликвидацию Тёмной Силы (так именовала британская разведка Распутина) была позитивной, хотя остаются некоторые неприятные вопросы о более широкой вовлеченности. Видимо, Райнер потерял частично контроль над ситуацией, но он сам доложит вам обо всем, когда вернется»².

К слову сказать, С. Хор был человеком Ллойд-Джорджа, и взлёт его шпионской карьеры пришёлся на лето 1916 г., то есть тогда, когда Ллойд-Джордж утвердился у власти.

Сведения об участии англичан в убийстве Распутина, несмотря на всю сенсационность, совершенно не приближают нас к ответу: зачем им надо было принимать участие в этом убийстве?

Чтобы приблизиться к пониманию причины убийства Распутина, надо попытаться понять ту роль, какую он играл в жизни Российского государства, именно государства, а не личной жизни Царской Семьи, хотя во многом эти два понятия были неразделимы. По нашему глубокому убеждению, роль Распутина не сводилась к роли молитвенника за Наследника Цесаревича. Не сводилась она и только к роли духовного советника Императора Николая II. Мы убеждены, что Распутин был тайным помощником Государя, человеком, оказывающим неоценимые услуги в тех задачах, где требовалось присутствие неофициальных уполномоченных Царя.

Прервём на некоторое время рассказ о Распутине и перенесёмся на 20 лет назад, в самое начало царствования Императора Николая Александровича.

¹ The Daily Telegraph. 19 Jun 2007.

² Шишков О. Указ. соч. С. 288.

Вопреки большевистской пропаганде, Император Николай II ещё до своего вступления на престол имел чёткие представления о главных направлениях своей будущей геополитики. Важнейшим направлением молодой Государь считал распространение России на Восток. Именно там, на Востоке, Царь видел будущее величие России. В случае создания дружественного России Востока она смогла бы иметь мощную основу для противодействия враждебному Западу. Мысль о приросте России Азией, та мысль, которая будет с восторгом поддержана в 1902 г. великим Д.И. Менделеевым, уже вполне созрела к моменту вступления Императора Николая II на престол. Будучи человеком осторожным и скрытным, привыкший проводить свои идеи в жизнь безо всякой шумихи, Император Николай II опирался на верных ему людей, не занимавших официальных должностей в государственных структурах. Эти люди почти всё время царствования Николая II оставались на вторых ролях, а то и просто в тени, выполняя на самом деле задачи первостепенной государственной важности. Таким человеком был князь Эспер Эсперович Ухтомский. Для людей, мало знающих историю, это имя ничего не говорит. Те же, кто знает историю лучше, вспомнят, что это был редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости», любитель восточных древностей и собиратель предметов древневосточного искусства. Наконец, люди, осведомленные в истории, скажут, что это был спутник Великого Князя Николая Александровича, будущего Императора Николая II, по совместному путешествию на Восток, описавший это путешествие в своей известной книге.

Но почти никто не знает, что сразу же после вступления на престол Император Николай II назначает князя Ухтомского личным тайным резидентом на Дальнем Востоке. По заданию царя Ухтомский готовит мощное продвижение России на Восток, осуществляет распространение российского влияния в Бурятии, Китае, Верхней Монголии, устанавливает связи с Тибетом и Кореей. Ухтомский регулярно пишет письма Императору в Петербург. В них князь сообщал все важнейшие новости с Дальневосточного региона, направлял добытые секретные карты, передавал важнейшую добывшую информацию. Император Николай II предвидел, что Дальневосточный регион станет театром военного противостояния России с третьими странами, и Э.Э. Ухтомский собирал бесценную информацию об этом регионе¹.

Ясно, что Э.Э. Ухтомский возглавлял военную разведку на Дальнем Востоке. Но так как князь никаких должностей в официальных структурах не занимал, можно сделать вывод, что он делал это по

¹ Письма князя Э.Э. Ухтомского Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 8.

личному указанию Царя. Ухтомский сумел создать на Востоке разветвленную эффективную агентурную сеть. Причём в понятие «агентурная сеть» вкладывалось гораздо большее, чем просто сеть тайных агентов, собирающих секретную информацию. Агенты Ухтомского, конечно, занимались и этим, но главное, они вели работу по усилению влияния России в Дальневосточном и Китайском регионах, подготавливали будущее безраздельное господство России во всей Центральной Азии. Главой агентуры князя Ухтомского был не кто иной, как Пётр Александрович Бадмаев, носивший до крещения буддистское имя Жамсаран. Крестник Императора Александра III, Бадмаев был убеждён, что только Россия способна понять и спасти восточные народы от варварского господства Запада. Прекрасно знатный бурятскую культуру и буддистские традиции, Бадмаев был незаменимым помощником Ухтомского. 22 марта 1895 г. князь Ухтомский писал Государю, что «живая огненная речь» Бадмаева «гораздо ценнее десятка писаных докладов»¹.

В письме от 2 сентября 1895 г. Императору Николаю II Ухтомский писал, что «Бадмаев со 150 близкими ему лицами разъезжает в качестве купца по Монголии, с целью повидать всех местных князей-лам, привлечь их на нашу сторону и сооружая станции по степному почтовому тракту на Пекин»².

Деятельность Бадмаева поистине безмерна. Он не только собирает информацию о настроениях в регионе, не только добивается от местных вождей дружественного отношения к России, не только организует обеспечение телеграфной связью территорию, по которой может начаться движение русских войск, но ещё и находит среди русских государственных чиновников лиц, могущих предоставлять Государю достоверную и объективную информацию о состоянии дел на Дальнем Востоке.

Так, в том же письме от 2 сентября Ухтомский пишет: «Бадмаев установленным у меня с ним шифром просит депешей повергнуть на Ваше Всемилостивейшее благоусмотрение вопрос о дозволении нашему генеральному консулу в Урге Шишмарёву приехать сюда, для интересных докладов. Этот деятель, буквально обожаемый монголами, человек Муравьёвской школы. Шишмарёв — лицо без связей, без свитского лоска, воплощение скромности»³.

¹ Князь Э.Э. Ухтомский — Императору Николаю II. 22 марта 1895 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 12.

² Князь Э.Э. Ухтомский — Императору Николаю II. 2 сент. 1895 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 22.

³ Князь Э.Э. Ухтомский — Императору Николаю II. Письмо князя Э.Э. Ухтомского Николаю II от 2 сент. 1895 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 24.

15 сентября 1895 г. Бадмаев шифром передаёт Ухтомскому следующее: «Выезжаю верхом со 150 помощниками. Буду во всех важных пунктах до Кореи. Всюду разузнаю на месте сам, как сподручнее провести на частные средства ближайшим путём железную дорогу из внутреннего Китая в Читу. Пространство между этими районами занято и охраняется монголами. Вхожу в соглашение со всеми их главными вождями. Народ за нас. Маньчжурская династия падает. Казаки и буряты единодушно мне содействуют»¹.

Таким образом, из приведённых выше документов вырисовывается образ П.А. Бадмаева как выдающегося русского военного агента, разведчика, дипломата и переговорщика. А что нам известно о Бадмаеве благодаря либеральным и большевистским фальсификаторам? Какой-то подозрительный тибетский врач, шарлатан, опаивавший царя каким-то зельем, авантюрист, проходимец, друг Распутина.

Причины дискредитации имени Бадмаева вполне понятны. Он, как никто, много сделал для сближения России и Востока, России и буддистских народов, где авторитет Белого Царя достиг к 1913 г. небывалого подъёма. Недаром Ухтомский ещё в 1895 г. просил Императора Николая II прислать в дальневосточные владения «Ваш портрет в Терской или Кубанской форме, как наиболее подходящей при изложении идей о Белом Царе Востока»².

Бадмаев и после своего обоснования в Петербурге продолжал способствовать делу сближения России и восточных народов. Не без его участия в русской столице был открыт буддистский дацан. В начале XX в., опять-таки при участии Бадмаева, один из выдающихся буддийских богословов Агван Дорджеев активно поддерживал распространение влияния России на Восток. Оно стало одной из главных причин постройки двух железнодорожных магистралей, призванных осуществлять связь с Дальним Востоком. Дорджеев призывал к созданию торгово-промышленного дома, деятельность которого охватила бы Монголию и Тибет.

Далай-лама XIII направил Императору Николаю II делегацию буддийских монахов, которая передала Государю подлинные одея́ды Будды и священную мандалу. Дар ламы свидетельствовал о глубочайшем почитании русского Царя со стороны тибетских буддистов.

Естественно, что такое усиление России на Востоке не могло радовать Англию, и поэтому компрометация людей, проводивших

¹ Князь Э.Э. Ухтомский — Императору Николаю II. 15 сент. 1895 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 26—27.

² Князь Э.Э. Ухтомский — Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 26.

русскую политику на Востоке, входила в компетенцию британских спецслужб. Ну а русская либеральная общественность и революционеры, как всегда, сознательно или не сознательно были на стороне наших geopolитических противников.

Никто в обществе, естественно, не мог предположить, что деятельность Ухтомский и Бадмаев не ограничивалась всем известными занятиями. По своему положению князь Ухтомский был, конечно, намного выше, чем Бадмаев. И сфера его интересов была гораздо шире. Для нас представляется особый интерес, что Ухтомский, помимо прекрасной осведомлённости о буддистских народах России, был одним из лидеров Соловьевского общества, регулярно обсуждавшего «наболевшие вопросы иноверия и инородчества», в том числе необходимость уравнения прав и прекращения репрессий в отношении духоборов и молокан, евреев и армян¹.

Как известно, князь Ухтомский пользовался в старообрядческой среде определённым уважением. Если учесть, что князь безусловно был связан с личной разведкой Императора Николая II, то не вызывает сомнений, что, кроме историко-культурного интереса, буддисты и старообрядцы интересовали Ухтомского и с точки зрения интересов государства. Ухтомский замечал и выделял тех людей, которые могли бы, имея влияние на ту или иную религиозную группу или сообщество, добиваться их примирения или сотрудничества с Верховной властью.

Поразительно, что первым из влиятельных людей, с которыми познакомился Г.Е. Распутин, был архимандрит Андрей (князь Ухтомский)². Это знакомство произошло в 1905 г. в Казани. Архимандрит Андрей приходился двоюродным братом князю Э.Э. Ухтомскому и, так же как и он, активно занимался изучением старообрядчества. Публикатор сочинения архимандрита Андрея «История моего старообрядчества» А. Знатов писал: «Они много общались, Г.Е. Распутин несколько раз останавливался на ночь в его казанской квартире»³.

Архимандрит Андрей настолько заинтересовался личностью Распутина, что познакомил его со своим братом — выдающимся

¹ Межуев Борис. Вл. С. Соловьев и петербургское общество 1890-х гг. К предыстории «имперского либерализма» // Сайт «Русский архипелаг».

² Дальнейший путь архимандрита Андрея был не прост. Сначала он приветствовал Февральскую революцию, затем вступил в молитвенные сношения со старообрядцами, затем ушел в так называемую катакомбную церковь, назвал Местоблюстителя патриаршего престола предателем Христа и был расстрелян большевиками в 1937 г.

³ Цит. по: Фомин С.В. Григорий Распутин: Расследование. Боже, храни своих! С. 14.

учёным князем А.А. Ухтомским, жившим в Петербурге. А.А. Ухтомский хорошо знал Э.Э. Ухтомского и наверняка познакомил Распутина со своим двоюродным братом. Примерно в это же время происходит сближение Распутина с Бадмаевым. Очевидно, что у них было какое-то общее дело. А всё, что касалось деятельности Бадмаева, разумеется, не могло проходить мимо князя Э.Э. Ухтомского. Между тем известно, что Император Николай II, помимо прочего, преследовал две цели: превращение буддистского Востока в опору Российской империи и примирение с православными христианами древнего обряда (то есть с подлинными старообрядцами). Распутин поддерживал большие связи со старообрядцами самых различных толков. Эти связи позволили врагам Распутина обвинять его в принадлежности к сектам хлыстов. На самом деле ни к каким хлыстам Распутин не принадлежал. Его миссия заключалась в примирении старообрядцев с царской властью, точно так же, как связь большевика Бонч-Бруевича с сектантами означала не принадлежность к этим сектам, а стремление использовать их в деле революции.

Усиление русского присутствия на Тибете привело к вторжению в него англичан. Несмотря на это, в 1904 г. Государь направил в Тибет тайную экспедицию, состоящую из офицеров и агентов русской военной разведки. Причём инструктировал их перед началом экспедиции лично Царь. Государь придавал столь важное значение этой экспедиции, что 13 января 1904 г. записал в дневнике: «*В 3 часа принял двух донских калмыков — офицера Уланова и ламу Ульянова, которые отправляются в Тибет...*»¹

Интересно, что и представители некоторых старообрядческих толков (например, корабельники) направляли на Тибет свои экспедиции. Главой одной такой экспедиции был глава корабельников «старец» Никитин.

На Тибете действовали английские и германские военно-разведывательные и оккультные миссии.

Таким образом, Тибет становится площадкой для геополитического соперничества. Выходцы из тибетских школ начинали играть немалую роль в европейской политике и в европейской, в том числе и российской, духовной жизни. Тот же раскольничий «старец» Никитин, «*пройдя курс наук, благополучно вернулся в родную Кострому и принёс с собой многие тайные знания и древние документы из Тибета*».

В преддверии надвигающегося великого военного противостояния для России было особенно важно, чтобы буддистская духовная элита была бы на стороне Царя, а старообрядческое сообщество не

¹ Широкорад А.Б. Россия — Англия: неизвестная война, 1857—1907. М: АСТ, 2003. С. 417.

становилось бы орудием в руках вражеских спецслужб. Именно под этим углом зрения следует рассматривать, на наш взгляд, всю деятельность Бадмаева и Распутина на Дальнем Востоке. Это, конечно, вовсе не отрицает иных сторон их деятельности, не связанных с политикой.

Во всяком случае, ясно, что Распутин обладал какой-то важной информацией и своей деятельностью мешал заговорщикам в осуществлении их замыслов, подготовке государственного переворота.

Заговор февраля 1917 г. имел две составляющие: революционную социальную и революционную реформаторскую. Революция социальная должна была уничтожить монархический строй, революция реформаторская — покончить с Русской Православной Церковью. В результате этой религиозной революции должна была возникнуть новая реформаторская русская лжецерковь, что и можно было наблюдать на примере обновленчества. Организаторы церковной революционной реформации находили себе союзников и у социальных революционеров, и у огромного числа сектантов и раскольников.

Между тем Распутин, несомненно, сильно мешал лидерам раскольнических группировок. Об этом проговаривается в своей книге один из них, разработчик «доброй реформации» для России И.С. Проханов. В своей книге он писал, что «православные круги» «нашли человека по имени Григорий Распутин», деятельность которого «была одной из главных причин усиления преследования сектантов»¹.

То есть, если перевести прохановскую казуистику на нормальный язык, получается, что Распутин чем-то страшно мешал сектантским планам «доброй реформации» в России. Обладая важной информацией, Распутин давал Императору неопровергимые улики против сектантов. Скорее всего, Распутин располагал фактическими сведениями о связях сектантов с тайными сообществами Запада. Отчёт о своей деятельности Распутин давал только Государю Императору. Не занимая никаких официальных постов, Распутин пользовался несравненно большей свободой, чем любой полицейский чиновник. Распутин мог делать царю такие сообщения, на которые не отважился бы ни один министр.

Следовательно, главной причиной убийства Распутина было уничтожение опасного разведывательного координирующего центра, характер и структура которого кардинальным образом отличались от официальных структур и замыкались исключительно на одного человека — Государя Императора.

¹ Проханов И.С. Указ. соч. С. 67.

Устранение этого человека сразу же дестабилизировало всю деятельность неизвестного заговорщикам царского разведцентра. Убийство Распутина было воспринято и Государем, и Государыней, да и самими участниками убийства как «первый выстрел революции». 19 декабря 1916 г. трудовик Н.О. Янушкевич заявил, что «что убийство Распутина есть первый сигнал к революции»¹.

В другой агентурной записке в январе 1917 г. источник сообщал: «Убийство Распутина рассматривается как первая ласточка террора, вслед за которой последуют другие акты»².

После убийства Распутина политический расклад в столице резко меняется. Позиции Царя ослабеваются, а позиции его врагов укрепляются. Для успокоения стоявших за убийством Распутина заговорщиков Царь официально сворачивает расследование преступления. Высылка Великого Князя Димитрия Павловича и князя Юсупова носила чисто демонстративный характер. Резолюция Государя на письме великих князей в защиту высылаемых «Никому не позволено заниматься убийствами» носила скорее духовно-обличительный, чем юридически-практический характер.

Ослабевают репрессии против сектантов и баптистов, замешанных в антиправительственных действиях и военном шпионаже. Сам Проханов не без удовлетворения пишет: «Немедленным эффектом устранения Распутина был разбор всех результатов действий Распутина и клерикальной партии, которые привлекли внимание суда. Это было одной из причин, что общие преследования и в том числе преследования меня лично были отложены в сторону»³.

Однако, будучи вынужденным внешне продемонстрировать свою отрешённость от расследования дела по убийству Распутина, Император Николай II на самом деле приказал провести самое тщательное расследование, найти и наказать виновных. Царь понимал, что арестовывать прежде времени члена Дома Романовых Великого Князя Димитрия, представителя одной из самых знатных фамилий России князя Юсупова и депутата Государственной Думы Пуришкевича не только не имеет никакого смысла, но на самом деле отвечает тайным планам организаторов убийства. Из своих источников он знал, что не эти изнеженные извращенцы и политические болтуны совершили тяжкое преступление. Ими прикрывались подлинные организаторы преступления, именно с той целью, чтобы выставить их как спасителей Отечества и династии. В случае ареста эта Геростратова слава только бы усилилась. Нужно было вскрыть всю подоплеку преступления. Поэтому Император Николай II считал, что

¹ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1916 (246). 5 Ч. 57 Л. Б. Л. 40.

² ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 Л. Л. 21.

³ Проханов И.С. Указ. соч. С. 98.

расследование должно идти тайно. Скорее всего, тайное следствие вели доверенные люди Государя. Но в январе 1917 г. сведения о тайном расследовании преступления доходят до В.М. Пуришкевича. Трусливый и болтливый Пуришкевич начинает делиться своими страхами, что немедленно становится известно агентуре Охранного отделения, которое сообщало, что «результатом этого следствия будет привлечение Пуришкевича к суду по обвинению в соучастии в убийстве Распутина»¹.

Сила, руководившая убийством Г.Е. Распутина, через два с лишним месяца обрушит государственный строй Российской империи, а ещё через полтора года совершил изуверское убийство Царской Семьи.

Один из соучастников убийства Распутина, Великий Князь Димитрий Павлович, уже находясь в эмиграции, в Париже сказал многозначительные слова: «Та самая сила, которая толкнула меня на это преступление, мешает и мешала мне поднять занавес над этим делом»².

---

¹ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). д. 307 л. л. 67.

² Цит. по: Шишkin O. Указ. соч. С. 308.

Часть 3 **СПЕЦОПЕРАЦИЯ «ОТРЕЧЕНИЕ»**

Глава 1

Отъезд Императора Николая II в Ставку Верховного Главнокомандования: причины и последствия

Почему Царь не прибегал к репрессиям?

Отсутствие глубокого изучения внутриполитической ситуации накануне Февральского переворота 1917 г., идеологизация темы в советское время создали ложное представление о том, что в этот период Император Николай II самоустранился от дел, не придавал большого значения поступающей ему информации и, по существу, своим бездействием (безволием) предопределил победу «февралистов».

Подобные утверждения полностью игнорируют тот факт, что Государь, обладавший гораздо большим объёмом информации, чем любой из его современников, исходил из объективной реальности сложившейся к концу 1916 — началу 1917 г. Царь своей важнейшей задачей продолжал считать военную победу, которую определял как жизненно важную для будущего России. Этой цели Николай II подчинял все остальные политические задачи и свои личные интересы. «*Мы все должны думать не обо мне лично, а о России. Только бы Господь её сохранил*», — сказал Государь А.И. Пильцу незадолго до революции¹.

¹ Памяти Царственных Мучеников. Сборник статей ревнителей памяти Императора Николая II и Его Семьи. София, 1930. С. 28.

Государю часто ставят в вину назначение неспособных министров. Однако Император Николай II дважды предлагал близким к оппозиции государственным деятелям А.В. Кривошеину (в 1915 г.) и министру земледелия А.Н. Наумову (летом 1916 г.) возглавить правительство, но те отказались¹. Включение в правительство кандидатур А.И. Гучкова и князя Г.Е. Львова означало бы добровольную сдачу Императором власти людям, которые, по его убеждению, принесли бы России только вред. Николай II был убеждённым противником парламентаризма в России. Монархическая власть для такой огромной страны, как Россия, необходима, полагал Николай II, власть Думы должна расти медленно из-за сложности в распространении процесса образования среди огромных масс русского народа². Государь говорил: «Я не могу допустить, чтобы теперь, когда мы все поглощены борьбой с немцами, можно было поднимать вопрос о преимуществах парламентаризма; с грустью должен признать, что все это хотят совершить не в чистых интересах Родины, а в своих личных и мне трудно верить в разумность искренность планов Родзянко и Гучкова, первого — недалёкого, но признавшего себя государственным деятелем, второго — авантюриста и явно враждебного мне»³.

Государь не применял репрессий к оппозиции, так как полагал, что эти меры только ускорят нарастание противостояния в обществе, опасного накануне большого наступления на фронте. В силу своих нравственных убеждений Император Николай II думал, что оппозиция, какой бы радикальной она ни была, не сможет пойти на государственный переворот во время тяжёлой войны.

Между тем план действий руководителей Государственной Думы заключался в том, чтобы спровоцировать правительство на перерыв занятий Думы, после чего организовать беспорядки в её поддержку среди рабочих, молодёжи и даже в войсках⁴. Поэтому Государь считал роспуск Думы опасным шагом и полагал, что он станет не нужен после успешного наступления на фронте. Это понимали и в оппозиции.

Знаком готовности к примирению с оппозицией стал визит 9 февраля 1916 г. Императора Николая II в Государственную Думу. По общему признанию, Царь был восторженно принят большинством депутатов. Однако представители Прогрессивного блока во имя

¹ Допрос А.Н. Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 1. С. 416.

² Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 196—197.

³ Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 16.

⁴ Отношения Б.В. Штюрмера Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 13—14.

своих политических амбиций были готовы идти против большинства, собираясь поставить общество перед свершившимся фактом переворота. Своеобразным символом противостояния монарха и радикальной оппозиции стала встреча в фойе Думы Государя и П.Н. Милюкова, в тот момент, когда Царь покидал здание Таврического дворца. Милюков вспоминал, что Государь подошёл к группе прогрессистов. «*Я почувствовал на себе его пристальный взгляд. Несколько мгновений я его выдерживал, потом неожиданно для себя... улыбнулся и опустил глаза. Помню в эту минуту, я почувствовал к нему жалость, как к обреченному. Царь обернулся и вышел*»¹.

10 февраля Император Николай II подвергся сильному давлению со стороны М.В. Родзянко и Великого Князя Александра Михайловича². Последний в резкой форме потребовал от Царской Четы выполнения требований думской оппозиции, но получил холодный отказ³.

После этой встречи с Царём и Царицей Александр Михайлович написал письмо своему брату Великому Князю Николаю Михайловичу. Тот был выслан Царём в имение Грушевку за оскорбительные высказывания в адрес Государыни. В своём письме Александр Михайлович приходил к выводу, что Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна «*уступят только силе*». Великий Князь писал, что «*вопрос стоит так: или сидеть сложа руки и ждать гибели и позора России, или спасать Россию, приняв героические меры*»⁴.

Эти «героические меры» были сформулированы Александром Михайловичем в письме к Государю, в котором предлагалось не вводить Ответственного министерства, призвать к власти людей «пользующихся доверием страны», а Думу — распустить⁵. Такая программа больше всего устраивала на тот момент Гучкова, который был хорошо осведомлён об этом письме от самого его автора⁶.

¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 416.

² Николай II накануне отречения: камер-фурьерские журналы (декабрь—февраль 1917 гг.). СПб., 2001. С. 69—70.

³ Фрейлина Её Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М.: Советский писатель, 1991. С. 285.

⁴ Вел. Кн. Александр Михайлович — Вел. Кн. Николаю Михайловичу от 14 февраля 1917 // РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1067. Л. 2—4 об.

⁵ Вел. Кн. Александр Михайлович — Императору Николаю II // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 966. Л. 3—5.

⁶ Вел. Кн. Александр Михайлович — Вел. Кн. Николаю Михайловичу от 14 февраля 1917 // РГИА Ф. 549. Д. 1067. Л. 3.

Вполне возможно, что член масонской ложи розенкрайцеров Великий Князь Александр Михайлович был уже до революции связан с Бродвейским сообществом. Во всяком случае, в 20-х годах Александр Михайлович был приглашён в США для чтений лекций в баптистском храме на тему «банкротства современного христианства». Пригласили Александра Михайловича его «старые знакомые», среди которых были «хозяева международных банков, родом из Германии»¹. Нетрудно догадаться, что это были ведущие представители Бродвейской группы.

Во время визита бывший Великий Князь был приглашён «группой видных лидеров нью-йоркских иудаистов» на «хороший кошерный ужин». Александр Михайлович сообщает, что это были известные раввины из Бруклина. Судя по мемуарам Великого Князя, предметом его разговора с иудеями была дискуссия о том, какое общество является более антисемитским: современное американское или дореволюционное русское. К слову сказать, до революции Александр Михайлович был ярым противником какого-либо ослабления черты оседлости и убеждал Государя ни в коем случае не давать евреям «никакого расширения или дарования новых прав. Нельзя давать милость именно той народности, которую русский народ ещё больше ненавидит вследствие отрицательного отношения к войне и сплошного предательства»².

Через двадцать с лишним лет, весьма болезненно относящийся к любым проявлениям юдофобии нью-йоркский раввинат, по-приятельски дискутировал за «кошерным ужином» с представителем Дома Романовых, к тому времени почти полностью истреблённого не без участия выходцев из среды этого самого нью-йоркского раввината.

10 февраля 1917 г. Император Николай II принял Родзянко, который потребовал от Царя удаление А.Д. Протопопова и предупредил, «что не пройдет трёх недель, как вспыхнет такая революция, которая сметёт Вас, и вы уже не будете царствовать»³.

Объективно к февралю 1917 г. против Царя объединились представители думской оппозиции, крупного капитала, революционного крыла Думы и руководство Ставки.

Чрезмерная загруженность Государя общегосударственными и военными проблемами, его частые отезды из столицы имели свои

¹ Александр Михайлович, Великий Князь. Воспоминания Великого Князя. М.: Захаров—АСТ. С. 489.

² Великий Князь Александр Михайлович — Великому Князю Николаю Михайловичу // РГИА Ф. 549. Д. 1067. Л. 3.

³ Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // АРР. Т. 6. С. 5—80.

отрицательные стороны. И.Л. Солоневич писал, что: «Государь Император был перегружен сверх всяческой человеческой возможності. И помощников у него не было. Он заботился и о потерях в армии, и о бездымном порохе, и о самолетах И. Сикорского, и о производстве ядовитых газов, и о защите от ещё более ядовитых салонов. На нём лежало и командование армией, и дипломатические отношения, и тяжелая борьба с нашим недобошенным парламентом»¹.

Эта загруженность привела к тому, что Император Николай II начал терять контроль над ситуацией внутри страны. При отсутствии должной деятельности соответствующих министерств и всё возрастающей активности думской оппозиции страна быстрыми темпами шла к социальной нестабильности. Впечатление от военных успехов дезавуировалось оппозиционной пропагандой о «тёмных силах», «измене» и т.д.

Одним из важных факторов, призванных обеспечить победу в войне, Николай II считал «Священное единение» между властью и обществом. Поэтому Государь шёл навстречу оппозиции, вплоть до готовности привлечения её представителей в состав правительства. Царь до конца был против роспуска Государственной Думы. Но несмотря на то что Император был готов идти на большие компромиссы с оппозицией, он не собирался перед ней капитулировать.

Между тем думская оппозиция в лице Прогрессивного блока стремилась именно к свержению Монарха, а не к поиску компромисса с ним. Оппозиция была чужда идеи «Священного единения». Также ей не нужно было участие в императорском правительстве. Все цели оппозиции были направлены на одно — захват власти. Таким образом, у Императора Николая II и оппозиции были противоположные цели: Царь стремился всеми силами одержать победу во внешней войне, оппозиция — во внутренней. Великий Князь Кирилл Владимирович писал, что «Государь чувствовал, что может доверять лишь немногим из своего окружения»².

Атмосфера политианства разъедала русское общество. Великий Князь Александр Михайлович свидетельствовал, что «политики мечтали о революции и смотрели с неудовольствием на постоянные успехи наших войск. Мне приходилось по моей должности часто бывать в Петербурге, и я каждый раз возвращался на фронт с подорванными моральными силами и отравленным умом»³.

¹ Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. С. 134.

² Кирилл Владимирович, Великий Князь. Указ. соч. С. 234.

³ Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч. С. 259—260.

Возмущение Великого Князя понятно, непонятно только, почему он, вместо того чтобы решительно пресечь подобную зловредную болтовню и немедленно организовать ей противодействие, отправляется на фронт «с подорванными моральными силами и отравленным умом».

Все мысли и устремления Царя сводились к одному: одержать победу в страшной войне. Будучи втянутым против своей воли в мировую схватку, Император Николай II понимал всю необходимость для России выйти из неё победительницей. Царь понимал того, чего до сих пор через сто с лишним лет не могу понять многие учёные мужи, рассуждающие о «ненужности» и «чуждости» этой войны для интересов России и её народа.

Император Николай II понимал, что для Запада эта война во многом была войной за русский рынок, для России —войной за будущее. Если бы Царская Россия вышла победительницей из этого невиданного противостояния, она бы вступила в новый техногенный XX в., оставаясь самодержавной православной монархией, ещё более сильной и могущественной, и это обстоятельство не устраивало те силы, которые стремились к установлению Нового мирового порядка. Вот почему Император Николай II столь прозорливо видел жизненную необходимость довести эту войну до победного конца. При этом Царь стремился к победе, руководствуясь исключительно интересами России, её будущем как независимой и суверенной державы. Все же группировки и группы оппозиции в лучшем случае примешивали к этой цели свои личные амбиции, а в худшем — ставили свои амбиции, политические, общественные или коммерческие на первый план.

Император Николай II понимал, что распуск Государственной Думы не только не опасен для оппозиции, но, наоборот, желателен для неё. Поэтому Государь считал распуск Государственной Думы крайним шагом. На докладе Б.В. Штюремера в декабре 1916 г., в котором тот подготовил проект указа о распуске Думы в случае организации ею беспорядков, Государь написал: «*Помните, что бы ни случилось, не принимайте решение, пока меня не вызовете*»¹.

В преддверии и после убийства Г.Е. Распутина в департамент полиции шёл поток сообщений о покушениях, готовящихся на Царскую Чету, о грядущем дворцовом перевороте².

21 ноября 1916 г. в Ставку в Могилёв на имя генерала М.В. Алексеева поступило письмо, в котором предсказывалось, что Импера-

¹ Доклад Б.В. Штюремера Императору Николаю II с его резолюцией // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 153.

² Выписки из писем, распоряжений и других документов Императора Николая II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 153.

тора Николая II «постигнет участь дяди Сергея Московского, с сыном Алексеем отдельно покончим»¹.

Осенью 1916 г. из США на имя Царя пришло ещё одно предупреждение: «10 членов революционного комитета поклялись вас убить»².

В то же время ещё одна записка от анонима: «В Ливадии Государыня будет убита. Если желает остаться живой, то может жить только в Царском»³.

15 января 1917 г. дворцовому коменданту В.Н. Воейкову департаментом полиции секретно сообщалось, что «среди еврейского населения циркулируют крайне неопределённые слухи о том, что среди придворных лиц сформировалась группа, поставившая себе якобы задачей свергнуть с престола благополучно ныне царствующего Государя Императора, если же буде этот злодейский замысел не представится возможным осуществить, организовать на свящённую особу Его Величества покушение»⁴.

26 декабря 1916 г., то есть через десять дней после убийства Распутина, в департамент полиции была доставлена следующая шифрованная телеграмма: «Бибиков из Берна переправил письмо на французском языке графа Михаила Тышкевича, живущего в Лозанне. Письмо это было получено баронессой Кноринг, урождённой графиней Изоловой, живущей в Монтре, которая послала его Бибикову. Содержание письма: “Вы знаете, что убит Распутин, я не знаю, к кому обратиться, чтобы предупредить, что имеются намерения убить Императрицу Александру. Надо предотвратить несчастье. Я знаю только вас, кому могу довериться. Революционеры подкуплены, и чёрная сотня также принимает в этом участие. Если можно, телеграфируйте в Петроград. Партия Милюкова указывает на Императрицу”»⁵.

В январе 1917 г. начальник Минского ГЖУ в секретном сообщении писал, что во вспомогательных организациях ВПК хотят усиленные разговоры, что для Государя и «для некоторых повторится история с Распутиным, так как главными виновниками всех

¹ Об охране Высочайших особ // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1916 (246).
Д. 122(2). Л. 122.

² Об охране Высочайших особ // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1916 (246).
Д. 122(2). Л. 119.

³ Об охране Высочайших особ // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1916 (246).
Д. 122(2). Л. 42.

⁴ Об охране Высочайших особ // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247).
Д. 123. Л. 8.

⁵ Об охране Высочайших особ // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1916 (246).
Д. 122(3). Л. 163—165.

*неудач как внутри России, так и на войне считают Государыню Императрицу Александру Феодоровну*¹.

После убийства Распутина Государыня говорила лейб-медику Е.С. Боткину, что она «совершенно одна. Его Величество на фронте, а здесь у меня нет никого, кому я могла бы доверять. Что самое ужасное в этом деле, это то, что после убийства нашего Друга, которое я получила от полиции, выяснилось, что это только начало. После него они планируют убить Анну Вырубову и меня»².

В день, когда был убит Распутин, 17 декабря 1916 г. на Высочайшее имя из Самары поступило анонимное письмо, адресованное «самодержцу, кровопийце, царю хулигану, извергу народному, царишке Николаю II». Аноним, подписавшийся как «Ф.А. Г.», предрекал Царю: «Гибель будет тебе, кровопийце, виновнику всемирного пожара — войны, губителя народов, смерть и уничтожение твоему семейству. Твое государство будет разрушено, покорено, уничтожено, а ты сам со своим иродовым семейством будете растерзаны, уничтожены твоим же страждущим народом. Смерть и гибель тебе, царишка Николай Второй»³.

Советская историография всегда предъявляла это письмо как образец «народного гнева против царизма»⁴. Правда, советские историки тактично обрывали цитату на середине. Концовка же этого письма была следующей: «Грозные и непобедимые армии великого Вильгельма и союзников его обрушатся на тебя, и он возьмёт через несколько месяцев Киев, Одессу, Ригу и Петроград. Да здравствует Вильгельм великий, император Германии, победитель мира! Да здравствует Австро-Венгрия! Да здравствует Турция! Да здравствует великая Болгария, да здравствуют все будущие союзники великой Германии. Аминь, аминь, аминь. Хох, хох, хох. Верноподданный Германии»⁵. Вряд ли это анонимное письмо случайно совпало с днём убийства Г.Е. Распутина.

После того как свершилось это злодеяние, Государь собирался надолго оставаться в Царском Селе, вплоть до весеннего наступления на фронте. «Государь взял на себя руководство общим положением, — писал С.С. Ольденбург. — Прежде всего, необходимо было составить правительство из людей, которым Государь считал

¹ О ВПК // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917 (247). Д. 123. Л. 9—10.

² Botkin Gleb. Op. cit. P. 117.

³ По поводу установления личности «Ф.А.Г.» // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917 (247). Д. 123. Л. 5.

⁴ Например, Березов П. Свержение двуглавого орла. М.: Мысль, 1967. С. 48.

⁵ По поводу установления личности «Ф.А.Г.» // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917 (247). Д. 123. Л. 5.

*возможным лично доверять. Опасность была реальной. Убийство Распутина показало, что от мятежных толков начинают переходить к действиям. Оценка людей поневоле становилась иной. Люди энергичные и талантливые могли оказаться не на месте, могли принести вред, если бы они оказались ненадежными*¹.

Между тем Император, пытаясь обойтись без роспуска Думы, начал формировать в правительстве и Государственном совете группу людей, на которую он мог бы опереться². Этих людей Император Николай II определял до времени на вторые роли, очевидно, для того, чтобы не сделать их мишениями нападок оппозиции.

1 января 1917 г. на должность председателя Государственного совета был назначен И.Г. Щегловитов, которого Император очень ценил, считая человеком «опытным и большой государственной мудрости»³. Щегловитов предлагал полностью обновить Государственный совет и ввести в него только крайне правых деятелей. 14 января он представил Царю записку правых «православных кругов»⁴. Эти круги предлагали распустить Государственную Думу, назначить в правительство только верных Самодержавию лиц, ввести военное положение в столице, закрыть все органы левой печати, провести милитаризацию заводов, работающих на оборону. 21 января 1917 г. Император Николай II написал на этой записке «Записка достойная внимания»⁵.

8 февраля 1917 г. Государь поручил Н.А. Маклакову подготовить проект указа о роспуске Государственной Думы. В письме Императору Н.А. Маклаков говорил о необходимости «восстановить государственный порядок, чего бы то ни стоило». Власть должна быть «уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего»⁶.

20 февраля перед своим отъездом в Ставку Николай II принял главу правительства князя Н.Д. Голицына и передал ему подготовленные указы Сенату о роспуске Государственной Думы. Государь уполномочил Голицына воспользоваться ими в случае экстренной

¹ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. С. 614.

² Ольденбург С.С. Указ соч. С. 614.

³ Допрос А.Д. Протопопова // Падение царского режима. М., 1926. Т. 4. С. 57.

⁴ Записка православных кругов Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1066. Л. 655—826.

⁵ Записка православных кругов Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1066. Л. 655—826.

⁶ Н.А. Маклаков — Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288.

надобности, проставив лишь дату и протелеграфировав о том в Ставку¹.

Однако по-прежнему Государь полагал роспуск Государственной Думы явлением крайне нежелательным. Государь исходил из того, что, провалив организацию всеобщей забастовки 14 января 1917 г., которую Прогрессивный блок обещал обратить в революцию, думская оппозиция в значительной мере подорвала свой авторитет. Среди октябристов в конце января 1917 г. наметился явный раскол — часть из них была готова примириться с правительством.

Тем временем последнее правительство Российской империи под председательством князя Голицына было неоднородным, и, по общему признанию, большая часть его представителей не обладала выдающимися государственными талантами. Особое место в правительстве занимал министр внутренних дел А.Д. Протопопов, про которого С.П. Белецкий на допросе в ВЧСК говорил, что он ещё до своего назначения был агентом полиции в Государственной Думе². Однако его деятельность сводилась не к доносительству, а к влиянию на Родзянко в том, что тот «должен говорить и что не должен». Белецкий утверждал, что Протопопов давал полиции в борьбе с думской оппозицией «очень много»³. Протопопов был председателем Союза суконных фабрикантов. Суконная промышленность, так же как и текстильная, находилась в руках «раскольнической» оппозиции. У Протопопова были среди представителей этой оппозиции большие связи (Гучков и Коновалов).

При их помощи с августа 1915 г. Протопопов стал членом Особого совещания, а с 1916 г. избран председателем Совета съездов представителей металлургической промышленности. Все «совещания» и «советы» находились под контролем Военно-промышленных комитетов.

Д.Е. Галковский определяет ВПК «ползучей революции, привзанной перехватить рычаги управления и финансовые потоки у власти, а потом с ней расправиться»⁴. Если учесть, что А.Д. Протопопов был «агентом» власти, то его деятельность в руководстве ВПК становилась для последней чрезвычайно важной.

Император Николай II был хорошо осведомлён о личности Протопопова и его связях. Знал он и о том, что англичане всячески популяризуют его имя. В апреле 1916 г. отправившуюся в Европу по

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 61.

² Допрос С.П. Белецкого // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 231(2). Л. 232.

³ Допрос С.П. Белецкого // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 231(2). Л. 232.

⁴ Галковский Д. Техника свержения Царя. Захват власти возможен только в случае изменения в верхнем эшелоне управления //http://www.centrasia.ru

приглашению английского правительства русскую парламентскую делегацию возглавлял именно А.Д. Протопопов.

На обратном пути в Россию Протопопов задержался в Стокгольме, где встретился с германским банкиром Максом Варбургом, родным братом члена Бродвейского сообщества Феликса Варбурга. Официально Макс был «представителем германского правительства», что было лишь прикрытием его подлинной деятельности. В телеграмме заместителя статс-секретаря А. Циммермана германскому посланнику в Стокгольме говорилось, что «*банкир Макс Варбург из Гамбурга в ближайшие дни прибудет к вам с особо секретным заданием. Для видимости он будет выступать в роли специального уполномоченного немецкого правительства по валюте и вопросам*»¹.

Варбург представлял на встрече с Протопоповым не столько германское правительство, сколько Бродвейское сообщество. Но, так как М. Варбург официально был «специальным уполномоченным» германского правительства, то это породило слухи о якобы имевших место переговорах в Стокгольме о сепаратном мире. Эти слухи активно поддерживал и сам Протопопов. Вот что писал по этому поводу А.В. Герасимов: «*Протопопов сообщил, что он имеет вполне официальные полномочия передать Государю Императору условия сепаратного мира, которые сводились приблизительно к следующему: вся русская территория остаётся неприкосновенной, за исключением Либавы и небольшого прилегающего к ней куска территории, которые должны отойти к Германии. Россия проводит в жизнь уже обещанную ей автономию Польши, в пределах большой русской Польши, с присоединением к ней Галиции. Никакой помощи от России против её бывших союзников Германия не потребует*»².

А.Д. Протопопов поведал, что он о своём разговоре с Варбургом рассказал Государю и тот якобы весьма сочувственно отнёсся к идеи сепаратного мира, но высказал опасение, что реакция Государственной Думы будет непредсказуемой.

Весь этот рассказ, конечно, далёк от истины. Мы знаем, что Император Николай II не только не помышлял о сепаратном мире с Германией, но даже резко пресекал любые попытки обсуждать с ним подобные предложения. Невероятно, чтобы Государь нарушил этот запрет в разговоре с депутатом Государственной Думы и членом Прогрессивного блока. Кроме того, весьма неправдоподобно, чтобы

¹ L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la Premiere guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Publiés par A. Scherer et J. Grunewald. Paris. 1962. P. 137.

² Герасимов А.В. Указ. соч. С. 116.

германское правительство решило начать переговоры о сепаратном мире с представителем российской оппозиции. Да и сама фигура Макса Варбурга в качестве переговорщика с немецкой стороны не может не вызывать удивление. У немцев в Стокгольме было множество профессиональных дипломатов. Прислать для переговоров человека, который был одним из главных финансистов беспорядков в России, было, по меньшей мере, странным.

То, что на встрече между Протопоповым и Варбургом речь не шла о сепаратном мире, свидетельствует друг и соратник Протопопова генерал П.Г. Курлов. В беседе с генералом Протопопов сообщил, что у него должна была быть встреча с германским послом в Стокгольме. Однако вместо посла на встречу явился советник посольства Варбург, который «передал от своего начальника письмо, в котором последний приносил извинение, что не мог прибыть лично для переговоров, так как повредил себе ногу». По сообщению Протопопова, разговор носил «чисто общий характер», им «были записаны все вопросы и ответы», возникшие при встрече. Тема о возможности сепаратного мира на переговорах ни в какой мере не была затронута. Вернувшись в Петроград, Протопопов доложил о встрече министру иностранных дел Штюрмеру, который признал, что думцем «не были нарушены ни интересы России, ни её государственный авторитет»¹. Штюрмер доложил о стокгольмской встрече Государю, который принял Протопопова и лично выслушал от него подробности свидания. По мнению генерала Курлова, встреча Государя с Протопоповым стала «одной из причин последующего назначения его министром внутренних дел»².

Из рассказа Курлова получается, что Варбург решил встретиться с Протопоповым, не имея никакой конкретной цели и не высказав русскому собеседнику ни одного предложения, не сообщив никакой важной информации. Тогда непонятно, почему этот разговор так заинтересовал Государя?

Милюков утверждал, что Протопопов должен был встретиться с германским послом бароном Г. фон Люциусом и называл М. Варбурга его представителем³. Но Люциус был не послом, а кадровым разведчиком, работавшим под прикрытием дипломата. В свою очередь, Варбург прикрывался германской разведкой для проведения в жизнь целей Бродвейского сообщества.

Известно, что речь между Протопоповым и Варбургом шла о грядущих беспорядках в Петрограде. Об этом писал видный ор-

¹ Курлов А.Г. Указ. соч. С. 229.

² Курлов А.Г. Указ. соч. С. 229.

³ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 256.

ганизатор этих беспорядков А.А. Бубликов, который утверждал, что беспорядки были делом рук самого Протопопова и немцев. При этом Бубликов ни словом не упоминал об участии в переговорах Варбурга¹. Несмотря на то что «версия» Бубликова не имеет никакой исторической ценности, а является клеветой на русской императорское правительство, само упоминание о том, что на встрече обсуждались грядущие беспорядки, весьма интересно. Нельзя исключить, что Варбургом Протопопову были сообщены определённые сведения о грядущих беспорядках и даны определённые гарантии того, что они не приведут к революции. Если это было так, то причины такого поведения Варбурга заключались не в его «благородстве», а в стремлении успокоить русское правительство и дезориентировать его. Разумеется, что Варбургом в этом случае были высказаны условия отказа финансово-банкирской группы, к которой он принадлежал, от помощи революции. Но какими бы эти условия ни были (финансовыми, политическими, экономическими), они были ложны и выдвигались с единственной целью дезориентации русских правящих кругов. Если это предположение верно, то тогда понятна реакция Протопопова на начавшиеся в феврале 1917 г. события в Петрограде. Не исключено, что он был уверен, что ситуация находится под контролем и не приведёт к серьёznym последствиям. Курлов пишет, что после своего свидания с Государем «нервный и легко поддающийся впечатлениям А.Д. Протопопов воспыпал к Государю возвышенной любовью и по возвращении со Ставки начал рассказывать всем не только об этом благородном чувстве, но и о своей беспредельной готовности положить все силы на поддержание Самодержавия»².

На конфиденциальных встречах с Царём Протопопов сообщил Императору о готовящемся против него заговоре Прогрессивного блока и пообещал осуществлять контроль за действиями думской оппозиции³.

Назначение Протопопова, товарища председателя Государственной Думы, союзника Прогрессивного блока и октябриста, свидетельствовало в очередной раз о желании Царя найти компромисс с оппозицией. Император Николай II писал Императрице Александре Феодоровне, что «я всегда мечтал о министре внутренних дел, который будет работать совместно с Думой»⁴. Однако оппозиция в очередной раз категорически отвергла какое-

¹ Бубликов А.А. Русская революция (её начало, арест Царя, перспективы). Впечатления и мысли её очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 16.

² Курлов П.Г. Указ. соч. С. 231.

³ Галковский Д. Техника свержения Царя //http://www.centrasia.ru

⁴ Вырубова А.А. Указ. соч. С. 5.

либо соглашение с Монархом, начав оголтелую кампанию против нового министра.

А.Д. Протопопов весьма пессимистически воспринимал сложившуюся обстановку, заявляя, что никакого компромисса с Государственной Думой, с «этой шайкой преступников», достигнуть невозможно. Её нужно разогнать, и «чем скорее, тем лучше, ибо иначе она разгонит нас и казнит Царя»¹. Протопопов был убеждён, что Ставка Верховного командования на стороне Думы: «Государь Император там точно кроткий агнец в клетке диких зверей»². Особую опасность для оппозиции представлял тот факт, что Протопопов, бывший до своего назначения товарищем Гучкова, знал о его заговорщических планах³. Протопопов считал, что идея государственного переворота во время войны чудовищна, и «надеялся, что это будет усвоено лидерами тех политических групп, с которыми я так много лет работал»⁴. 19 октября Протопопов попытался донести эту мысль лидерам оппозиции на встрече с ними в Государственной Думе. Но на предложения начать мирное сотрудничество министр получил жёсткий отказ. В свою очередь Протопопов заявил думским лидерам: «Вы хотите потрясений, перемены режима — но этого вы не добьетесь, тогда как я понемногу, кое-что могу сделать»⁵. Надо отдать должное, что слова Протопопова имели под собой практический результат.

А.Д. Протопопов выступил с инициативой немедленного восстановления аппарата секретной агентуры в войсках, которая была упразднена В.Ф. Джунковским. Николай II согласился с этим предложением. Также А.Д. Протопопов возобновил оперативное наблюдение за А.И. Гучковым, снятое в 1913 г. по инициативе В.Ф. Джунковского⁶.

Самое интересное, что это было в силах Протопопова. Именно поэтому на него обрушилась такая волна ненависти со стороны думской оппозиции и Прогрессивного блока.

21 сентября 1916 г. Протопопов фактически запретил устраивать обширные собрания ВПК с приглашением на них посторонних лиц. Более того, на этих собраниях теперь могли присутствовать пред-

¹ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 233.

² Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 234.

³ Шаховской В., князь. Указ. соч. С. 127.

⁴ Куликов С.В. Указ. соч. С. 281.

⁵ Совещание членов Прогрессивного блока с А.Д. Протопоповым, устроенное на квартире М.В. Родзянко. 19 октября 1916 г. // Блок А.А. Указ. соч. С. 135.

⁶ О наблюдении за А.И. Гучковым // ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. Оп. 1913 (316). Д. 210. Л. 185 об.

ставители администрации и прекращать их, если они выходили за рамки непосредственных задач¹.

Протопопов в своём докладе Государю выступил с инициативой немедленного восстановления аппарата секретной агентуры в войсках, которая была упразднена генералом В.Ф. Джунковским. Император Николай II согласился с этим предложением.

По большому счёту, Николаю II нечего было опасаться разного рода заговорщиков и «реформаторов» в том случае, если бы ему была верна армия. Но как раз именно этот фактор и стал роковым и для Императора Николая II, и для монархии в целом.

И.Л. Солоневич метко подмечал, что «Государь Император допустил роковой недосмотр: поверил генералам Балку, Гурко и Хабалову. Именно этот роковой недосмотр и стал исходным пунктом Февральского дворцового переворота. Это предательство можно было бы поставить в укор Государю Императору: зачем Он не предусмотрел? С совершенно такой же степенью логичности можно было бы поставить в упрек Цезарю: зачем он не предусмотрел Брута с его кинжалом?»²

Отъезд Государя в Ставку

22 февраля 1917 г. Император Николай II выехал из Царского Села в Могилёв в Ставку. Причины этого последнего отъезда до сих остаются невыясненными. План весенней кампании был утверждён, обстановка на фронте — спокойной.

Решение Государя выехать в Ставку оказалось полной неожиданностью даже для самого близкого его окружения. Флигель-адъютант полковник А.А. Мордвинов свидетельствовал, что «внутреннее политическое положение было в те дни особенно бурно и сложно, ввиду чего Государь все рождественские праздники, весь январь и большую часть февраля находился в Царском Селе и медлил с отбытием в Ставку»³.

А.А. Мордвинов называл отъезд Царя «неожиданным»⁴, В.Н. Войиков — «неподходящим»⁵. Император Николай II уезжал срочно, по причине какого-то важного дела. Накануне Государь выглядел расстроенным, обещав через несколько дней вернуться⁶.

¹ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 276.

² Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. С. 99.

³ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л.: Красная Газета, 1927. С. 85.

⁴ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 85.

⁵ Войиков В.Н. Указ. соч. С. 120.

⁶ Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 229.

Вечером 21 февраля Император Николай II объяснил дворцовому коменданту Войкову, что «на днях из Крыма вернулся генерал Алексеев, желающий с ним повидаться и переговорить по некоторым вопросам»¹. Из слов Войкова можно понять, что причина спешного отъезда Николая II в Ставку заключалась в том, что генерал Алексеев настаивал на немедленном разговоре с ним. «Из имеющихся источников, — пишет Г.М. Катков, — неясно, почему Алексеев настаивал на личном присутствии верховного главнокомандующего. В свете последующих событий отъезд императора в Могилев, предпринятый по настоянию Алексеева, представляется фактом, имевшим величайшее бедствие»².

На интересные выводы нас наталкивает ряд обстоятельств, предшествующих отъезду Государя.

4 января В.И. Гурко посетил М.В. Родзянко в Петрограде и заявил, что «если Думу распустят, то войска перестанут драться»³.

30 января 1917 г. Охранное отделение сообщало в департамент полиции, что здоровье Алексеева настолько улучшилось, что его приезд в Ставку ожидается 8—10 февраля⁴. Но Алексеев вернулся в Ставку только 17 февраля⁵. 5 февраля 1917 г., не дожинаясь возвращения Алексеева, из Могилёва в Петроград выехал генерал Гурко⁶.

Таким образом, в период с 5 по 17 февраля Ставка Верховного Главнокомандования оставалась фактически без руководителя. С точки зрения военных интересов это было, безусловно, отрицательным явлением. Но как писал генерал А.А. Брусилов: «В Ставке, куда уже вернулся Алексеев, было, очевидно, не до фронта. Подготавливались великие события, опрокинувшие весь уклад русской жизни и уничтожившие и армию, которая была на фронте»⁷. Здесь следует сказать, что все свои действия Гурко согласовывал с Алексеевым⁸.

13 февраля Родзянко информировал генерала Гурко, что у него имеются достоверные сведения: «Подготовлен переворот, и совершил его Чернь»⁹. Родзянко попросил генерала указать на это Царю и

¹ Войков В.Н. Указ. соч. С. 120.

² Катков Г.М. Указ. соч. С. 245—246.

³ Куликов С. Указ. соч. С. 329.

⁴ Об охране Высочайших особ // ГАРФ. Ф. 102 ДПОО. Оп. 1917. Д. 123. Л. 8.

⁵ Об охране Высочайших особ // ГАРФ. Ф. 102 ДПОО. Оп. 1917. Д. 123. Л. 10.

⁶ Об охране Высочайших особ // ГАРФ. Ф. 102 ДПОО. Оп. 1917. Д. 123. Л. 8.

⁷ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 204.

⁸ Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 459.

⁹ Куликов С. Указ. соч. С. 329.

добиться от него уступок оппозиции. На встрече с Государем Гурко выполнил просьбу Родзянко.

13 февраля Гурко был принят в Царском Селе Императором Николаем II, который по поводу этой встречи оставил следующую дневниковую запись: «13 февраля. Начало Великого поста. С 10 час. [ов] принял: [...] Гурко. Последний меня задержал настолько, что я опоздал вовсе к службе»¹.

Что же такого сообщил Гурко, что заставило глубоко верующего Государя в первый день Великого поста пропустить богослужение? Гурко убеждал Николая II ввести Ответственное министерство, утверждая, что без этого пострадает «наше международное положение, отношение к нам союзников»².

Для Николая II заявление Гурко было тревожным сигналом. Царь не мог не понимать, что Гурко выражал не просто своё мнение, а мнение определённой и весьма влиятельной военной группы. Это подтверждалось оперативными донесениями полиции и жандармерии, которые, конечно, были известны Николаю II. Так, 14 января 1917 г. начальник Минского ГЖУ сообщал директору департамента полиции, что «есть версия, что войска под предводительством любимого ими Великого Князя Николая Николаевича произведут государственный переворот»³.

Непосредственным результатом встреч Гурко с Гучковым и союзными представителями стал фактический саботаж генералом приказов императора. Николай II приказал перевести в Петроград с фронта Гвардейский экипаж, но этот приказ был «не понят» генералом Гурко, и экипаж остался на фронте. Император Николай II вторично отдал приказ о переводе Гвардейского экипажа в Петроград, и Гурко вторично, под предлогом карантина, задержал его неподалеку от Царского Села. Только после третьего приказа императора Гвардейский экипаж прибыл в Царское Село. То же самое произошло и с уланами его величества⁴. И.Л. Солоневич дал категоричную оценку причин подобного поведения Гурко: «Это была измена. Заранее обдуманная и заранее спланированная»⁵.

Действия Гурко не были ни экспромтом, ни следствием его единоличной воли. Так, герцог С.Г. Лейхтенбергский уверил Гучкова, что приказ Императора о переводе в Петроград с фронта четырёх

¹ Дневник Императора Николая II за 1917 г. Запись за 13 февраля // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 55.

² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. С. 311.

³ О готовящихся покушениях на высоких особ // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917 (247). Д. 123. Л. 9–10.

⁴ Допрос А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Т. 2. С. 44.

⁵ Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. С. 98.

надёжных полков гвардейской кавалерии не будет выполнен. Герцог объяснил это тем, что офицеры-фронтовики протестуют против этого перевода, говоря, что они не могут приказать своим солдатам стрелять в народ¹.

17 февраля в Ставку вернулся Алексеев, а не позднее 19-го Государь получил от него, по всей вероятности, телеграмму, после чего Царь срочно уехал в Ставку². 21 февраля, накануне отъезда Императора в Могилёв, туда же спешно отправился Гурко³. Накануне своего отъезда генерал встретился с Гучковым и другими членами Прогрессивного блока. Мыслью о перевороте были проникнуты «все собравшиеся, всё сказанное»⁴.

Таким образом, нельзя не заметить синхронность действий генералов Алексеева и Гурко. Эта синхронность могла являться только следствием предварительного их сговора, целью которого было любым путём выманить Николая II из столицы в Ставку. Генералы торопили Государя уехать на фронт⁵.

22 февраля Великий Князь Михаил Александрович, во время проводов Государя, выразил своё глубокое удовлетворение предстоящей поездкой Августейшего брата⁶. Великий Князь доказывал Императору, что «в армии растёт большое неудовольствие по поводу того, что Государь живёт в Царском и так долго отсутствует в Ставке»⁷. Эта информация сыграла не последнюю роль в решении Николая II следовать в Ставку⁸. В своём разговоре с Царской Четой 10 февраля Великий Князь Александр Михайлович тоже настаивал на отъезде Николая II⁹.

21 февраля 1917 г. встревоженный Государь сказал Протопопову, что Гурко не выполняет его приказов с присылкой войск и что он едет в Ставку, чтобы прислать в столицу кавалерию¹⁰.

¹ Глобачёва С.Н. Прелюдия происходящих в мире событий // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 107.

² Буксгевден С.К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Фёдоровны, Императрицы Всероссийской. М., 2006. С. 389—390.

³ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917 (247). Д. 123. Л. 11.

⁴ Куликов С. Указ. соч. С. 328. Отсед

⁵ Фрейлина Её Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М.: Советский писатель, 1991. С. 196.

⁶ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 488.

⁷ Фрейлина Её Величества. С. 287.

⁸ Ферро Марк. Николай II. М.: Международные отношения, 1991. С. 215.

⁹ Великий Князь Александр Михайлович — Великому Князю Николаю Михайловичу // РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1067. Л. 3.

¹⁰ Цит. по: Керенский А.Ф. Трагедия династии Романовых. М.: Центрполиграф, 2005. С. 74—75.

Между тем генерал Курлов сообщил Протопопову, что рассчитывать «на твёрдую поддержку гарнизона» правительство не может, так как «в частях находится много распропагандированных рабочих, дисциплина соблюдается крайне слабо»¹.

Важным этапом в осуществлении переворота оппозиция считала организацию беспорядков в Петрограде. Их осуществление не могло быть реализовано без помощи военного руководства столицы и военного округа. В связи с этим действия главнокомандующего армиями Северного фронта генерала от инfanterии Н.В. Рузского представляются прямым содействием организаторам переворота. По приказу Рузского в Петрограде было сосредоточено большое количество запасных частей, которые, по определению генерала Курлова, являлись «скорее вооруженными революционными массами»². Все мероприятия Министерства внутренних дел по поддержанию порядка встречали противодействие со стороны Рузского³.

Не доверяя генералу Рузскому, Царь выделил Петроград из его подчинения в особый военный округ, во главе которого по совету военного министра генерала М.А. Беляева был назначен генерал-лейтенант С.С. Хабалов, который «практически солдат не знал и должности не соответствовал. Император знал об этом, но во время войны было сложно с боевыми военачальниками»⁴.

Доктор исторических наук В.М. Хрусталёв пишет, что на должность командующего Петроградским военным округом «предполагалось выдвижение генерала К.Н. Хагондокова (участника подавления восстания в Маньчжурии), но императрица Александра Фёдоровна, про слышав, что он неосмотрительно отзвался о Распутине, заявила, что “лицо у него очень хитрое”. Назначение так и не состоялось»⁵.

На самом деле генерал-майора Хагондокова в ряды преданных монархистов занести никак нельзя. В.Г. Попов пишет о генерале Хагондокове, что он был «первым из крупных дальневосточных руководителей в революционные дни марта 1917 года, кто выступил с горячей поддержкой Временного правительства России, высказался за скорейшее преобразование бывшей империи в демократическую Республику»⁶.

Очевидно, что Государь не назначил генерала Хагондокова на ответственную должность не потому, что у него было «хитрое лицо»,

¹ Курлов П.Г. Указ. соч. С. 231.

² Курлов П.Г. Указ. Соч. С. 231.

³ Курлов П.Г. Указ. Соч. С. 231.

⁴ Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. М.: Вече, 2008. С. 327.

⁵ Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. С. 327—328.

⁶ Попов В.Г. Казаки Дальнего Востока в Февральской революции // Амурское войсковое казачье общество. http://www.a-k-v.ru/history/history_5.html

а потому, что обоснованно сомневался в его лояльности. Одновременно с назначением генерала Хабалова Николай II приказал генералу Беляеву вывести Кронштадт из ведения сухопутного ведомства и перевести его в ведомство морское. Был разработан план на случай организованных беспорядков в столице. По этому плану столица была разделена на несколько секторов, управляемых особыми войсковыми начальниками. Генерал Рузский безуспешно пытался противодействовать этим мероприятиям¹. Довольно странными были и действия генерала Хабалова. 24 февраля генерал снял полицейские посты и передал их в полное подчинение армейскому командованию. Всю охрану города Хабалов передал ненадёжным армейским частям, уже достаточно распропагандированных и не желающих отправляться на фронт².

22 февраля, в тот же день, когда Император Николай II отбыл в Ставку, в доме командира 1-й стрелковой дивизии генерал-майора П.А. фон Коцебу, в присутствии множества гостей офицеров, открыто говорили о том, что «его величество больше не вернётся со Ставки»³.

21 февраля 1917 г. ближайшее окружение Царя знало, что «что-то замышляется»⁴. Д.С. Боткин, брат убитого с Царской Семьёй в Екатеринбурге лейб-медика, писал в 1925 г.: «Мы не должны забывать, что вся поездная прислуга, вплоть до последнего механика на Царском поезде, была причастна к революции»⁵.

Глава 2

Император Николай II в Ставке Верховного Главнокомандования. 23—27 февраля 1917 года

22 февраля 1917 г. Среда

Накануне отъезда Императора в Могилёв официальный историограф генерал Д.Н. Дубенский сказал Спиридовичу, что он «настроен крайне пессимистически. На 22-е назначен отъезд

¹ Хрусталёв В.М. Великий князь Михаил Александрович. С. 327.

² Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 120.

³ Ден Ю. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Фёдоровны / Пер. с английского В.В. Кузнецова. СПб., 1999. С. 120.

⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 493.

⁵ Боткин Д.С. Что было сделано для спасения Императора Николая II // Русская летопись. Кн. 7. Париж, 1925. С. 208.

*Государя в Ставку, а в городе неспокойно. Что-то замышляется. В гвардейских полках недовольство Государем*¹.

Дворцовый комендант В.Н. Воейков писал, что последний маршрут Государя из Царского Села в Ставку лежал «через Лихославль, Вязьму и Оршу на Могилёв»². Здесь надо сказать два слова о порядке, по которому следовали Императорские поезда по железной дороге. Этот порядок основывался на специальном «Положении о мерах обеспечения благополучного пребывания Их Императорских Величеств вне городов Дворцового ведомства и во время нахождения в пути вне дорог»³.

Главными пунктами этого положения, касающимися передвижения Высочайших особ по железной дороге, были следующие: «1. Главный надзор за безопасностью пути во время Высочайших путешествий возлагается на Дворцового коменданта. 2. Охрана Императорских поездов во время Высочайшего следования принадлежит Дворцовому коменданту и осуществляется по его указаниям и подведомственным ему органам. 3. Общее руководство всеми мерами охраны по пути Высочайшего следования по железной дороге вверяется командиру Отдельного корпуса жандармов. 4. По получении извещения следования Императорского поезда высший представитель административной власти делает немедленно все распоряжения, касающиеся охраны 100-саженной полосы, прилегающей к полосе отчуждения по обе стороны пути»⁴.

Главным лицом, ответственным за безопасность поездок Императора и членов его семьи, был Дворцовый комендант, то есть в 1917 г. генерал Воейков. Ему были предоставлены широчайшие полномочия, закреплённые в «Положении о Дворцовом коменданте». Дворцовый комендант формально подчинялся министру Императорского Двора, но ввиду старости министра графа В.Б. Фредерикса Воейков был напрямую подотчётен Государю. Дворцовому коменданту принадлежал «главный надзор за безопасностью пути во время Высочайших путешествий»⁵. Все требования Дворцовового коменданта, «относящиеся к обеспечению безопасности особы Государя Императора», были обязательными для всех ведомств и учреждений империи. На Дворцового коменданта возлагалось

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 493.

² Воейков В.Н. С Царём и без Царя. С. 121.

³ Положение о мерах обеспечения... // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО 1916 (246). Д. 121. Т. 1. Л. 315.

⁴ Положение о мерах обеспечения... // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО 1916 (246). Д. 121. Т. 1. Л. 315—316.

⁵ Положение о дворцовом коменданте // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО 1916 (246). Д. 121. Т. 1. Л. 306.

также «главное руководство деятельностью полицейских органов министерства Императорского Двора в городах дворцового ведомства, а также деятельностью лиц, несущих полицейские обязанности по установлениям того же министерства»¹. В постоянном распоряжении Дворцового коменданта состояли «дворцовая полиция, собственный Его Императорского Величества конвой, сводно-гвардейский батальон и 1-й железнодорожный батальон»².

Понятие «Императорский поезд» подразумевало определенный набор специальных вагонов, ведомых паровозом, отвечающим, в свою очередь, повышенным требованиям. Паровоз по пути следования могли неоднократно меняться. Вагоны были постоянными на данном маршруте, хотя и здесь, в зависимости от ширины колеи, «тележки» были сменными. Вагоны, составляющие Императорские поезда, могли находиться в Санкт-Петербурге, Москве, Курске, Крыму, Польше, Финляндии³.

Вагоны Императорского поезда были выкрашены в синий цвет с золотой полосой по линии подоконников. Верхние части окон были украшены золочеными двуглавыми орлами. Крыши вагонов имели светло-серый цвет. Рельефно выделялись бронзовые головки входных поручней⁴.

Начальник канцелярии Министерства Двора генерал А.А. Молосов вспоминал: «*В первом вагоне находился конвой и прислуга. Как только поезд останавливался, часовые бегом занимали свои места у вагонов Их Величеств. Во втором вагоне находились кухня и помещения для метрдотеля и поваров. Третий вагон представлял собой столовую красного дерева; третью этого вагона отведена была под гостиную с тяжёлыми драпировками и мебелью, обитою бархатным штофом; там же стояло пианино. Четвертый вагон пересекался во всю ширину коридором и был предназначен для Их Величеств. Шестой вагон отводился свите. Комфорт был обеспечен, конечно, полностью. На каждой двери была рамка для помещения визитной карточки. Одно купе всегда было свободным: в него помещали лиц, представлявшихся Их Величествам в пути и почему-то оставляемых в поезде. Седьмой вагон предназначался для багажа, а в восьмом находились инспектор Высочайших поезд-*

¹ Положение о дворцовом коменданте // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО 1916 (246). Д. 121. Т. 1. Л. 306.

² Положение о дворцовом коменданте // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО 1916 (246). Д. 121. Т. 1. Л. 306.

³ Новосельский Ю. Императорские поезда // Царскосельская газета. 9 ноября 2002. № 87.

⁴ Новосельский Ю. Императорские поезда // Царскосельская газета. 9 ноября 2002. № 87.

дов, комендант поезда, прислуга свиты, доктор и аптека. Вагоны освещались электричеством, обогревались паровым отоплением, в каждом купе был телефон»¹.

Во время мировой войны Императорский поезд использовался в сокращённом составе. Он состоял из вагона Государя, где находились его спальня и кабинет, свитского вагона, кухни с буфетом, вагона с военно-походной канцелярией и вагона, где помещались железнодорожные инженеры и начальник той дороги, по которой следовал поезд ².

В разрабатываемом заранее маршруте чётко указывалось время и место отправления со станций отбытия и прибытия поезда на станцию назначения. Обязательно указывались все населённые пункты, где будет останавливаться императорский проезд, с точным указанием времени прибытия в населённый пункт и отбытия из населённого пункта. Маршрут разрабатывался в ведомстве Дворцового коменданта, после чего направлялся со специальным уведомлением директору департамента полиции для принятия им мер безопасности во время следования Императорского поезда по указанному маршруту³.

Безопасность маршрута Императорского поезда обеспечивалась военнослужащими Собственного Его Императорского Величества 1-го железнодорожного полка под командованием генерал-майора С.А. Цабеля. По пути следования поезда активизировалась работа секретной агентуры, определялась так называемая полоса отчуждения от железнодорожного полотна расстоянием в 100 метров, проникать на которую посторонним лицам без надлежащего пропуска запрещалось. В каждом крупном городе, где останавливался Императорский поезд, Государя встречали: местный губернатор с властями и представители сословий, а кроме того, начальник Губернского жандармского управления. Губернатор и начальник ГЖУ представлялись Государю и делали ему специальные доклады. После того как Императорский поезд покидал территорию того или иного жандармского управления, его начальник посыпал в департамент полиции соответствующую телеграмму: «Поезд литеры “А” прослеживал район управления своевременно и благополучно»⁴.

¹ Мосолов А.А., генерал. При Дворе последнего Императора. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1906—1916. СПб.: Наука, Ленинградское отделение, 1992.

² Мосолов А.А. Указ. соч. С. 121.

³ Сопроводительная записка дворцовому коменданту В.Н. Воейкова директору департамента полиции В.А. Брюн-де-Сен-Ипполиту. 1915 // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО Оп. 1915 (245). Д. 121 ДА. Л. 54.

⁴ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО Оп. 1915 (245). Д. 121 ДА. Л. 72.

Когда поезд прибывал на конечную станцию, соответственно, начальник ГЖУ направлял телеграмму в департамент подобного рода: «*23-го три тридцать изволил благополучно прибыть в Могилёв Государь Император*»¹.

В феврале 1917 г. маршрут Императорского поезда из Царского Села в Могилёв был несколько необычен. Вместо наиболее краткого маршрута по Александровской железной дороге через Вязьму, Смоленск, Оршу Императорский поезд зачем-то как бы в объезд проследовал через Бологое. Ранее в маршрутах Государя в Ставку эта станция не значилась. Вот, например, один из маршрутов «следования Его Императорского Величества от Царского Села до Могилёва» за 1915 г.: «Царское Село — 22 часа. Дно — 4.03 утра. Орша — 13.40. Могилёв — 15.30»². Царский поезд проводил в пути от Царского Села до Могилёва — 17 ч. 30 мин.³

Между тем во время своей последней поездки Государь провёл в пути, если брать за основу камер-фурьерский журнал, 25 часов (выезд в 14.00 22 февраля, прибытие 15 ч. 23 февраля)⁴. То есть на 8 часов больше! Чем было вызвано столь большее опоздание? Ведь Государь так торопился в Ставку. Может быть, снежными заносами, которые были не редкостью на российских железных дорогах, или иные непредвиденные обстоятельства? Но ни в дневнике Императора Николая II, ни в воспоминаниях очевидцев ни о чём таком не говорится. Дубенский прямо заявлял: «*Весь наш путь прошёл совершенно обычным порядком, всюду было спокойно*»⁵.

22 февраля в 20 ч. 50 мин. Государь отправил Императрице телеграмму № 205. Телеграмма была подана из Бологого в 20 ч. 55 мин., получена в Царском Селе в 21 ч. 17 мин.: «*Её Величеству. Едем хорошо. Мысленно со всеми. Одиноко и скучно. Очень благодарю за письма. Обнимаю всех. Покойной ночи. Ники*»⁶.

Из имеющихся телеграмм мы знаем о проследовании Императорского поезда через район управления Вязьмы и прибытии в Могилёв. 23 февраля в 23 ч. из Вязьмы в департамент полиции

¹ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1915 (245). Д. 121 ДА. Л. 63.

² Маршрут следования Его Императорского Величества из Царского Села до Могилёва // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1915 (245). Д. 121 ДА. Л. 47.

³ Дневники Императора Николая II. С. 544.

⁴ Дело о пребывании Государя Императора в действующей армии. Февраль—март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 Д. 25. Л. 2.

⁵ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 38.

⁶ Телеграмма Императора Николая II Императрице Александре Феодоровне // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 108. Л. 27.

ушла следующая телеграмма от начальника жандармского по-лицейского управления генерал-майора П.И. Фурса: «Литерные поезда район управления проследовали благополучно»¹. Другая телеграмма от подполковника Б.Н. Сергеевского из Могилёва: «Поезда литера А и Б участок Вязьма — Могилёв проследовали благополучно»².

Любопытно, что упомянутый подполковник был назначен генералом Алексеевым начальником службы связи при Императорской Ставке 18 февраля 1917 г., то есть за четыре дня до отъезда Государя в Могилёв. Впоследствии тот же Сергеевский, повышенный в звании до полковника, был начальником службы связи при главнокомандующих М.В. Алексееве и Л.Г. Корнилове.

23 февраля 1917 г. в 16 ч. 10 мин. начальник Могилёвского губернского жандармского управления полковник В.И. Еленский направил директору департамента полиции следующую телеграмму: «Его Величество соизволил прибыть благополучно»³.

23 февраля 1917 г. Четверг. Могилёв. Царская Ставка

23 февраля 1917 г. в 15 ч. Императорский поезд прибыл в Могилёв. На вокзале Государя встречали: генерал-адъютант М.В. Алексеев, генерал-адъютант Н.И. Иванов, адмирал А.И. Русин, генерал от инфантерии В.Н. Клембовский, генерал-лейтенант П.К. Кондзеровский, генерал-лейтенант А.С. Лукомский, генерал-лейтенант В.Н. Егорьев, генерал от кавалерии А.А. Смагин, протопресвитер Георгий Шавельский, могилёвский губернатор Д.Г. Явленский⁴.

Встречавшие, по свидетельству Войкова, произвели на Государя впечатление людей, чем-то смущённых⁵. Это утверждение Дворцового коменданта противоречит письму Императора Николая II Супруге от 23 февраля, в котором сообщалось, что на лице генерала Алексеева читалось «выражение спокойствия, какого я давно не видал»⁶.

¹ Об охране Высочайших особ // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО 1917 (247). Д. 121. Л. 14.

² Об охране Высочайших особ // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО 1917 (247). Д. 121. Л. 16.

³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 631. Л. 24.

⁴ Дело о пребывании Государя Императора в действующей армии. Февраль—март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 Д. 25. Л. 2.

⁵ Войков В.Н. Указ. соч. С. 128.

⁶ Император Николай II — Императрице Александре Феодоровне 23 февраля 1917 г. // Платонов О.А. Николай II в секретной переписке. С. 650.

Император отправился в штаб, где имел часовой разговор с М.В. Алексеевым¹. Это свидетельство из дневниковой записи Государя от 23 февраля снова входит в противоречие с его же письмом Государыне, в котором Император пишет, что они с Алексеевым «хорошо поговорили с полчаса»².

Генерал Спиридович тоже пишет, что Государь в Могилёве «выслушал небольшой рассказ Алексеева, выгляделевшего усталым»³. Судя по камер-фурьерскому журналу, разговор Николая II с Алексеевым был действительно недолгим: с 3 ч. 30 мин. до 4 ч. 40 мин. дня⁴. «Обычная жизнь Царской Ставки началась», — сообщает генерал Дубенский⁵. Между тем достаточная непродолжительность встреч Императора Николая II и Начальника штаба труднообъяснима. Ведь Государь ехал в Ставку по какому-то важному безотлагательному делу, причём инициатором этой поездки был генерал Алексеев.

Ставка встретила Государя нерадостно: «Чего едет? Сидел бы лучше там! Так спокойно было, когда его тут не было»⁶. Ставка накануне приезда Государя была буквально наполнена «предчувствием» катастрофы⁷. Дубенский утверждал, что уже 23 февраля ему «рисовалась невесёлая перспектива».

Государь по прибытии в Могилёв тоже выглядел встревоженным и напряжённым: «в наружном его виде произошла значительная перемена. Он постарел, осунулся. Стало больше седых волос, больших морщин — лицо как-то сморщилось, точно подсохло»⁸. Протопресвитер Георгий Шавельский не скрывал, что, узнав о приезде 23 февраля Царя, он «решил через день после его приезда уехать на фронт и там задержаться насколько возможно дольше»⁹.

¹ Дневник Императора Николая II. Запись за 23 февраля 1917 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 62.

² Император Николай II — Императрице Александре Феодоровне 23 февраля 1917 г. // Платонов О.А. Николай II в секретной переписке. С. 650.

³ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 564.

⁴ Дело о пребывании Государя Императора в действующей армии. Февраль—март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 Д. 25. Л. 2.

⁵ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 38.

⁶ Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. Т. 2.

⁷ Кондзеровский П.К. В Ставке Верховного. Париж, 1967. С. 104.

⁸ Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 156.

⁹ Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 156.

По всей видимости, Шавельский знал о готовящихся в Ставке каких-то радикальных событиях и поспешил переждать их в более спокойном месте.

23 февраля 1917 г. Петроград

Начавшаяся 23 февраля в четверг забастовка текстильщиц Петрограда вначале не вызвала обеспокоенности у властей¹. Она стала носить тревожный характер лишь тогда, когда стало ясно, что главная её цель — нанести удар по объектам военной промышленности. Во второй половине дня прекратили работу военные заводы: Патронный, Снарядный цех морского ведомства, Орудийный, завод «По Воздухоплаванию».

В феврале 1916 г. на ряде военных заводов было введено временное государственное управление, ограничившее права пользования частных владельцев заводов, так называемый секвестр. На Путиловских заводах было выработано новое правление. Его председателем стал генерал-лейтенант флота А.Н. Крылов². Начальником Путиловского завода был назначен член правления профессиональный артиллерист генерал-майор Н.Ф. Дроздов, подчинённый начальника ГАУ генерала А.А. Маниковского. В руках Маниковского были казённые заводы и частные военные заводы, в том числе и Путиловский³.

18 февраля 1917 г. рабочие одного из цехов Путиловского завода потребовали 50% прибавки к зарплате⁴. Когда директор завода отказался выполнять это требование, рабочие устроили сидячую забастовку. Дирекция пообещала рабочим сделать надбавку в 20%, но одновременно 21 февраля уволила бастующих. Эта крайне неумная мера привела к распространению забастовки на другие цеха. 22 февраля администрация объявила об их закрытии на неопределённое время. Таким образом 30 тыс. высококвалифицированных, хорошо организованных рабочих оказались на улице⁵. Не вызывает сомнений, что действия администрации Путиловского завода способствовали успеху революции. Также не вызывает сомнений, что забастовка 23 февраля была тщательно спланирована. Как справедливо писал Г.М. Катков, «причины забастовок всё ещё совершенно темны. Невозможно было массовое движение такого масштаба и размаха без какой-то направляющей силы»⁶.

¹ Сводки полиции о беспорядках в Петрограде // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917 (247). Д. 34. Ч. 57. Л. 19.

² Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1984. С. 219.

³ Шульгин В.В. Дни. М.: Современник, 1989. С. 121.

⁴ Катков Г.М. Указ. соч. С. 257.

⁵ Катков Г.М. Указ. соч. С. 257.

⁶ Катков Г.М. Указ. соч. С. 255.

В связи с этим очевидно, что вся ситуация с забастовкой и увольнениями на Путиловском заводе не могла иметь место без того или иного участия генералов Маниковского и Дроздова. Только они контролировали ситуацию на заводе, в том числе и революционные группы. Но генералы не могли действовать по своей инициативе, без руководящего политического центра. Этот центр был в лице Керенского. В.В. Кожинов прямо указывал, что «*Маниковский был близким сподвижником Керенского*»¹. Не случайно в октябре 1917 г. Керенский назначил генерала главным снабженцем армии.

Нельзя также не коснуться и роли председателя правления «Общества Путиловский заводов» А.И. Путилова, который к февралю 1917 г. также являлся директором Московско-Казанской железной дороги, председателем русского общества «Сименс-Шуккерт» (ныне завод «Электросила»), председателем Русско-Балтийского судостроительного общества и председателем правления Русско-Азиатского банка. К 1917 г. этот банк имел 102 отделения в империи и 17 за рубежом. Его капитал равнялся 629 млн рублей. Между тем именно нечистоплотная деятельность Путилова стала одной из главных причин, по которой на военных частных заводах было введено государственное управление. По этому поводу О.Р. Айрапетов пишет: «*Принимая одной рукой значительные авансы в качестве заводчика, Путилов присваивал их другой рукой в качестве банкира*»².

Путилов был членом масонской ложи и был тесным образом связан с Бродвейским сообществом. Его представителем на Бродвее был Дж.-М.-Г. Грант³. Членом банковского консорциума являлся А.Л. Животовский, родной дядя Л.Б. Бронштейна (Троцкого) по материнской линии⁴. После Февральской революции Путилов активно способствовал финансовым потокам сначала в поддержку Керенского, а затем и большевиков.

В феврале 1917 г., за несколько дней до переворота, Петроградское охранное отделение сообщало, что в столице состоялось собрание, на котором присутствовало «*40 высших членов финансового и промышленного мира*»⁵. Собрание это проходило с участием представителей больших заграничных банков. «*Финансисты и промышленники постановили почти единодушно, что в случае нового займа они дадут деньги лишь народу, но откажут в этом нынешнему составу правительства*»⁶.

¹ Кожинов В.В. «Черносотенцы» и революция. М., 1998. С. 141—142.

² Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 161.

³ Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. С. 141.

⁴ Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. С. 35.

⁵ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 341. Ч. 57. Л. 4.

⁶ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 341. Ч. 57. Л. 4.

Напомним, речь идёт о займах, которые европейские и американские банки давали Императорскому правительству для закупки вооружений. Следующий после февраля 1917 г. заём, так называемый «Займ Свободы», был предоставлен Временному правительству банкирами США 14 мая 1917 г.

«Мирную» «голодную» демонстрацию нельзя было организовать без профессиональных руководителей. Ещё в 1912 г. один из лидеров Бродвейского сообщества Г. Лёб призывал «посылать в Россию сотни наёмников-боевиков»¹.

Нельзя сбрасывать со счётов и участие германской агентуры в организации беспорядков. Немецким генералам не меньше, чем американским банкирам, требовалось крушение России. Но очевидно, что одни немцы, при существовании мощной системы русской контрразведки, никогда бы не смогли организовать беспорядки такого масштаба.

Таким образом, можно констатировать, что события февраля 1917 г. были целенаправленной подрывной акцией с целью свержения существующего строя, организованной группой лиц во главе с Керенским. Главной целью начавшихся беспорядков было вывести его на первые роли.

В своих воспоминаниях Керенский умалчивает, что он делал в первые дни революции. Он хочет представить дело так, словно включился в политическую борьбу лишь 27 февраля. Хотя тут же многозначительно замечает: «Сцена для последнего акта спектакля была уже давно готова»². Керенский с самых первых дней февраля был в эпицентре событий, он «оказался в своей тарелке, носился, повсюду произносил речи, не различая дня от ночи, не спал, не ел»³.

Таким образом, 23 февраля 1917 г. неожиданно как для думской оппозиции, так и для правительства свою игру начала партия Уолл-стрита. В этой игре ей активно помогала партия «раскольничьей» оппозиции во главе с Гучковым, действовавшим через Центральный Военно-промышленный комитет. 26 февраля в Петрограде, в доме 46 по Литейному проспекту, где располагался ЦВПК, с санкции Гучкова произошла встреча между «членами Государственной Думы Керенским и Скobelевым» и руководителями социал-демократических рабочих ячеек на заводах и фабриках столицы⁴.

¹ Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. С. 309.

² Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М.: Республика, 1993.

³ Шидловский С.С. Воспоминания. В 2 томах. Берлин, 1923. Т. 2. С. 20.

⁴ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 341. Ч. 58. Л. 48.

Между тем правительство и Дума не замечали ни организованных групп боевиков, атакующих военные заводы, ни жертв среди полицейских. К вечеру город обезлюдел, и полиция сообщала, что «усилиями чинов полиции и воинских нарядов порядок повсеместно в столице был восстановлен»¹. Но это было лишь затащье.

24 февраля 1917 г. Пятница. Царская Ставка. Могилёв

Первые известия о петроградских событиях дошли до Ставки вечером 24 февраля, весь день которого, судя по камер-фурьерскому журналу, прошёл в спокойном, размеренном ритме². Однако вечером Воейков получил тревожные сведения о событиях в Петрограде и стал настаивать, чтобы Государь скорее покинул Ставку. Но Император «возражал, что он должен пробыть дня три-четыре и раньше вторника уезжать не хочет»³.

Причины, по которым Николай II упорно не хотел уезжать из Могилёва, до сих пор не выяснены. Но по всей вероятности, они были связаны с теми причинами, по которым Алексеев убедили Государя в Ставку приехать.

Полковник Пронин вспоминал, что 24 февраля до него из Петрограда дошли «слухи о могущих быть “крупных переменах наверху” и даже о “дворцовом перевороте”»⁴. В тот же день Государь из своего кабинета разговаривал с Государыней по телефону. Императрица сообщила, что «толпы рабочих требовали хлеба и было несколько столкновений с полицией, но всё это сравнительно быстро успокоилось»⁵. Ни в дневнике Императора Николая II, ни в дневнике Императрицы Александры Феодоровны нет информации об этом разговоре. Но 24 февраля Царица сообщала Супругу в письме, что накануне «были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли Филиппова и против них вызвали казаков. Всё это я узнала неофициально»⁶. Непонятно, зачем Императрице понадобилось повторять в письме информацию, которую она уже передала Государю по телефону?

¹ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 341. Ч. 58. Л. 14.

² Дело о пребывании Государя Императора в действующей армии. Февраль—март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.

³ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 123.

⁴ Пронин В.М. Последние дни Царской Ставки. Белград, 1930. С. 68.

⁵ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 42.

⁶ Императрица Александра Феодоровна — Императору Николаю II. 24 февраля 1917 // Николай II в секретной переписке. С. 651.

Первые телеграммы о положении дел в Петрограде прибыли в Ставку только 25 февраля.

24 февраля. Петроград

24 февраля, в пятницу, в Петрограде в забастовках принял участие около 170 тыс. рабочих¹. Нарастающее рабочее движение не волновало ни правительство, ни Думу. Совет министров, заседавший в те дни, даже не нашёл нужным обсудить на своём заседании проблему рабочих выступлений. Министры считали, что это дело полиции, а не политиков².

Военные власти были озабочены проблемой, каким образом довести до сведения населения, что хлеба в Петрограде достаточно. 24 февраля генерал Хабалов выпустил объявление, в котором извещал, что «недостатка хлеба в продаже не должно быть. Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве. Подвоз этой муки идёт непрерывно»³. В тот же день Хабалов принял депутатии от мелких пекарен и мучных фабрикантов, которые говорили о проблемах хлебозаготовок. В результате весь день командующий Особым военным округом занимался проблемой хлебного обеспечения. Драгоценное время для подавления мятежа в самом его начале было упущено.

Между тем лидеры думской оппозиции не знали, как реагировать на события в Петрограде. Ведь не они их инициировали и не они их контролировали. Ещё накануне лидер Прогрессивного блока Милюков вынужден был признать, что «Дума будет действовать словом и только словом»⁴. Прогрессивный блок не знал, присоединяться ли к рабочему движению или от него отмежеваться? Особенного значения волнениям блок не придавал. 24 февраля прогрессист С.П. Мансырев был на «заседании Общества помощи военнопленным», а 26 февраля, т.е. «менее чем за 12 часов до революции, было мирное общее собрание членов Общества славянской взаимности. О событиях почти ни слова»⁵. 24 февраля председатель Государственной Думы Родзянко «утром объездил город, посетил Голицына и Беляева,

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 507.

² Катков Г.М. Указ. соч. С. 265.

³ Блок А. Последние дни Императорской власти. М.: Захаров, 2005. С. 48—49.

⁴ Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи. 1906—1917. М.: Книга и бизнес, 1998. С. 121.

⁵ Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной Думе //Страна гибнет сегодня. Воспоминания о февральской революции. М.: Книга, 1991. С. 101.

которого просил организовать совещание для передачи продовольствия городу»¹.

Таким образом, «народные избранники», столько раз заверявшие общество в своей готовности взять на себя всю полноту ответственности за судьбу России, перед лицом первых признаков надвигающейся революции немедленно стушевались, робко оправдываясь, что события в Петрограде «не нарушают нормального хода жизни». Не Родзянко и Милюков первыми заговорили о свержении Самодержавной власти, не они стали глашатаями наступившей революции, а Керенский и его левые подельники.

Междуд тем к 11 ч. утра на Невском проспекте образовалась громадная толпа, которая была рассеяна конной полицией. В течение дня на Невском проспекте появлялись толпы, их тоже приходилось разгонять нарядами полиции и конных частей. На Васильевском острове, образовавшаяся толпа до 5 тыс. человек направилась к Среднему проспекту с пением: «Вставай, подымайся, рабочий народ!» Ни войска, ни полиция нигде не применяли оружие. На Знаменской площади полиция была атакована градом ледышек, под хохот казаков, которые бездействовали и кланялись толпе².

Ещё вечером 23 февраля генералу Хабалову было доложено, что казаки во всех случаях бездействуют. Причём объяснялось это бездействие отсутствием у казаков нагаек. Хабалов приказал отпустить из находящихся в его распоряжении сумм по 50 копеек на казака для заведения нагаек³. Но дело было, конечно, не в нагайках. Накануне беспорядков казаки дали сектантскую клятву большевику Бонч-Бруевичу не «стрелять в народ». Они эту клятву и выполняли: «кланялись» толпе и подмигивали работницам.

24 февраля «мирное» требование «Хлеба!» всё ещё главенствовало в требованиях толпы. Лишь иногда, пока робко и неуверенно, появляются требования политические: «Долой войну, долой правительство!» Причина этого понятна: те, кто организовал беспорядки, предпочитали до времени оставаться в тени. Оппозиция же считала выступления провокацией и ждала скорого подавления мятежа.

25 февраля. Суббота. Царская Ставка. Могилёв

Вечером 24 февраля Государь получил телеграмму от Императрицы Александры Феодоровны, утверждающую, что «совсем нехорошо в городе»⁴. По свидетельству Дубенского, в Ставке «уже

¹ Блок А. Указ. соч. С. 50.

² Полицейские сводки о беспорядках в Петрограде // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 347.

³ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 508.

⁴ Блок А. Указ. соч. С. 57.

*Государь и Великий Князь Николай Николаевич
в районе Перемышля. 1915 г.*

*Заседание Совета министров в Ставке
под Августейшим председательством*

ГРУППА КРИВОШЕИНА

*Главноуправляющий
землеустройством и земледелием
А.В. Кривошеин*

*Министр иностранных дел
С.Д. Сазонов*

*Военный министр генерал
от инфanterии А.А. Поливанов*

*Управляющий министерством
земледелия А.Н. Наумов*

ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК

П.Н. Милюков

А.И. Шингарёв

А.Н. Коновалов

С.И. Шидловский

Государь, Начальник штаба генерал М.В. Алексеев (справа)
и генерал-квартирмейстер Ставки М.С. Пустовойтенко
над картой боевых действий

Государь среди офицеров Ставки

Крестьянин в лесу близ Могилёва падает в ноги Государю

Военный совет в Царской Ставке под Высочайшим председательством, на котором было принято решение о Луцком прорыве на Юго-Западном фронте. 1 апреля 1916 г.

Государь на испытаниях огнемёта

Государь пробует солдатскую пищу

Император Николай II среди руководства Ставки
и главнокомандующих фронтами

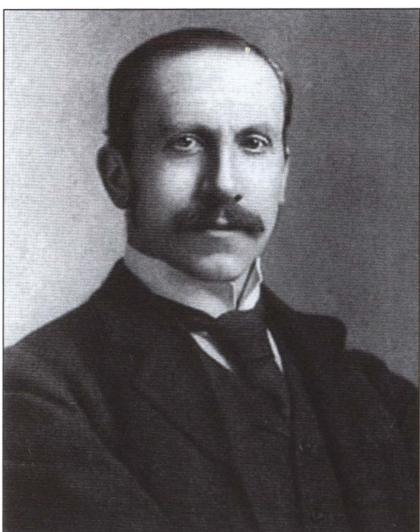
БРОДВЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО И «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

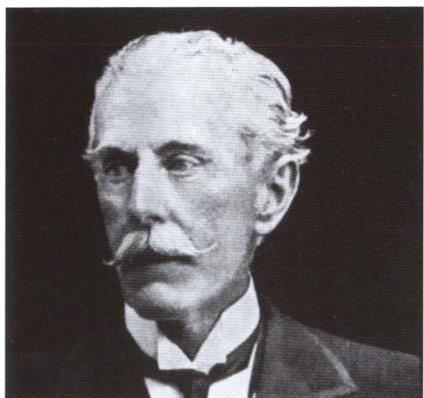
Пол Варбург

Якоб Шифф

Лорд Альфред Мильнер

Сэр Дж. Бьюкенен

ЗАГОВОРЩИКИ

Член Государственного Совета,
председатель ЦВПК А.И. Гучков

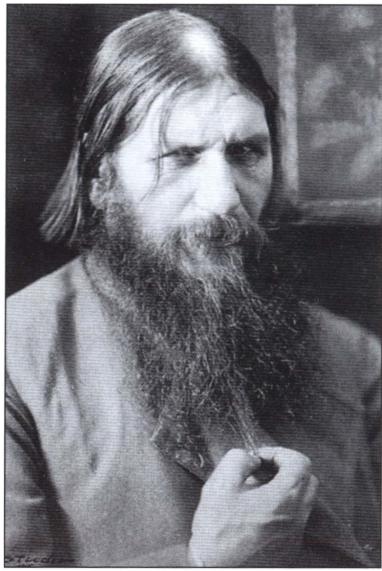
Председатель Трудовой фракции
в Государственной Думе,
генеральный секретарь ВВНР,
адвокат А.Ф. Керенский

Председатель Государственной
Думы, камергер М.В. Родзянко

Председатель Земгора
князь Г.Е. Львов

Г.Е. Распутин

Министр внутренних дел
А.Д. Протопопов

Главный начальник Петроградского особого
военного округа генерал-лейтенант С.С. Хабалов

*Собственный Его Императорского Величества
железнодорожный павильон в Царском Селе,
откуда Государь 22 февраля 1917 г. в последний раз выехал в Ставку*

Один из последних приездов Государя в Ставку

ГЕНЕРАЛЫ ЦАРСКОЙ СТАВКИ

Начальник штаба генерал-адъютант М.В. Алексеев

Генерал-квартирмейстер генерал-лейтенант А.С. Лукомский

Помощник Начальника штаба генерал от инфanterии В.Н. Клембовский

Начальник военных сообщений генерал-лейтенант Н.М. Тихменёв

Беспорядки в Петрограде. Арест полицейских революционными боевиками

Образование Временного комитета Государственной Думы. Рисунок

Вагон-гостиная Императорского поезда, в котором, согласно общепринятой версии, произошло «отречение» Императора Николая II от престола

Так вот уже скоро целый век представляют «отречение» Императора Николая II

Передача:		Приемка:	
Разряд:	Счетчик слов:	Подпись:	Оружейные снаряды:
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—

Придется дожидаться Госуд. отчуждения Тимо

*Ждите этой встречи второго марта
принесет Ей то что ожидаете
блажа и для спасения родного империи
России. Несколько готовы отпустить она
предоставлять Ей свободу этого мира
и чтобы избежать опасности в дальнейшем —
при решении Тимофея Ильина
Иванова Александровича. Письмо*

Так называемая «телеграмма» об отречении,
якобы написанная Государем неизвестно когда и неизвестно где

Телеграфъ.		Телеграфъ.	
До	Г. П. К. А. М. Р. Д.	Государю Императору	—
Поз.	—	№	—
Принадл.	Санкт-Петербург	Лист	—
Срок	12 марта 1917 г.	Срок	—
Принадл.	Санкт-Петербург	Срок	—
<p>ВВЕСОПОДДАННЫЕ ДОНОШУ ТЕЛЕГРАММУ КОМАНДУЩАГО ВОЙСКАМИ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ОТПРАВЛЕННУЮ ИЗ МОСКВЫ ПЕРВАГО СЕРО МАРТА ДВОЕТОЧИЕ НОВЫЧКИ НАШТАВЕРХ 1806. СОССЕДИ НАСЕЛЕНИЕ МОСКВЫ ВСЛЕДСТВИЕ ПЕТЕРГРАДСКИХ СОБЫТИЙ И ОТСУСТВИЯ ОВДЕНІЯ КРАЇНЕ ВОВЪЖДЕНІ ГАЗЕТЫ СЕГОДНЯ НЕ ВЫШЛИ. 27 ФЕВРАЛЯ ПОРДОНЪ НЕ БЫЛ НАРУШЕНЪ КЪ 12 ЧАСАМЪ ДНЯ 28 ФЕВРАЛЯ ПОСТИ ВСІ ЗАВОДЫ ЗАБАТОВАЛИ РАБОЧІ ПРЕГРАДІЛИ РАБОТУ И ОБЕЗОРУЖИВА ЛИ ОДНОЧИНХЪ ГОРДОВЪХЪ. СОБРАЛИСЬ ТОЛПЫ СІ КРАСНЫМИ ФЛАГАМИ НО РАЗСВІБАЛИСЬ ПОЛИЦІЕЙ И НАЗАНАМИ. ТОЛПА НЕБОЛЬШО ТЫСЯЧЬ СОБРАЛАСЬ У ГОРОДСКОЙ ДУМЫ Но БЕЗЪ АНТИВЪХЪ ЛЯПОВЪ. ОДНА ТОЛПА ВОРВАЛАСЬ СЛАСКОВІ КАЗАРМЫ Но БЫЛА ВЫТІСНЕНА. ПРАДАНСКАЯ ВЛАСТЬ НА НЕКОТОРЫХЪ ПЛОЩАДЯХЪ ПЕРЕДАЛА ОХРАНЕНІЕ ПОРДОНЪ</p>			

Телеграмма генерала алексеева государю от 1 марта 1917 г., Полученная в пскове. Видно, что телеграфный бланк сильно отличается от верхнего

С т а в к а

Н а ч а льнику Ш т а б а .

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года погубить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отказаться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее доброго нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣдного конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти решительные дни въ жизни Россіи, почли мы долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достижения побѣды и, въ согласіи съ Государственою Думою, признали мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, мы передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престоль Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родинки призываляемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего свято-го долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, выѣсть съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

2го марта 15 час. мин. 1917 г.

Манифестъ Императорскаго Двора
для гвардии и армии

Николай

Эта небрежно сложенная пополам бумага и является, как принято считать, «манIFESTом отречения» Императора Николая II от престола

Великий Князь
Михаил Александрович.
1916 г.

Письмо бывшего великого князя Михаила Борисовича Мещерского, написанное им в 1916 году. В письме он выражает свое мнение о том, что Россия не должна поддаваться давлению германской стороны, которая стремится уничтожить русскую нацию, и призывает к единству и сопротивлению германским агрессорам.

Очень люблю свою страну со всеми ее недостатками, что выше всего было Родина моя, принял я твердое решение в то же время сунуть все пристрастия германскую сторону, если только будет такая возможность, потому что это было бы для меня честью, которую я хотел бы оставить в памяти моим потомкам, о том представившийся факт и предстающий Собранию, что оно вправе и может остановить злонамеренного Герцога Рейнскаго.

Также, призываю бывшую империю Германию, принять великую гравитацию Директории Российской подчиниться Временному правительству, но потому Герцогом мой здешний величества и величия великой российской империи, передо мною, как создавшее во времени чистейший дух, на основе свободного, просвещенного и такого же самодержавия. Сформировав на Собрание своих ученых изобретений правления выражите всем нации. — Михаил

Отказ Великого Князя,
написанный рукой
В.Д. Набокова

3/III - 1917

Петроград.

*с утра стало известно, что волнения в Петрограде приняли угрожающие размеры*¹. Тревожные сообщения стали поступать и от военных властей. Генерал Хабалов послал Наштаверху (то есть генералу Алексееву) секретную шифрованную телеграмму, в которой он описал ход развития беспорядков². В тот же день на имя Дворцового коменданта Воейкова поступила первая шифрованная телеграмма от Протопопова, в которой тот сообщал о «серъёзных беспорядках» на Знаменской площади³. Воейков доложил изложенное в телеграмме Государю и вновь убеждал его уехать из Ставки. «Но Государь продолжал настаивать на своём отъезде во вторник»⁴. Мордвинов утверждал, что Государь 25 февраля «был спокоен и ровен, как всегда, хотя и очень задумчив, как всё последнее время»⁵. Дубенский считал, что «Государь не всё знал — так как он был совершенно спокоен и никаких указаний не давал»⁶.

Однако именно вечером 25 февраля Николай II направил генералу Хабалову категорический приказ: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжёлое время войны с Германией и Австрией. НИКОЛАЙ»⁷. Как утверждал Г.М. Катков: «Телеграмма была составлена самим Государем и послана без консультаций с кем бы то ни было»⁸.

Хабалов своеобразно реагировал на царскую волю: «Эта телеграмма, как бы вам сказать? Быть откровенным и правдивым: она меня хватила обухом... Как прекратить “завтра же”? ...Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало... Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: “хлеба дать” — дали хлеба и кончено. Но когда на флагах надпись “долой Самодержавие” — какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать? Царь велел: стрелять надо... Я убит был — положительно убит!»⁹ Характерны слова и военного министра Беляева, сказанные Ха-

¹ Отречение Николая II. С. 42.

² Блок А. Указ. соч. С. 52—53.

³ Телеграмма А.Д. Протопопова В.Н. Воейкову // ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 29.

⁴ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 162—163.

⁵ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 90.

⁶ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 44.

⁷ Телеграмма Императора Николая II генералу С. С. Хабалову // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 126.

⁸ Катков Г.М. Указ. соч. С. 69.

⁹ Допрос генерала С.С. Хабалова // ГАРФ. Ф. 601. Оп 1. Д. 2109. Л. 126.

Выписки.

балову: «Ужасное впечатление произведёт на наших союзников, когда разойдётся толпа и на Невском будут трупы»¹.

Таким образом, чёткое и недвусмысленное повеление Императора Николая II решительно подавить беспорядки в столице натолкнулось на безволие военных руководителей Петрограда. Они продолжали проводить время в бесплодных заседаниях, обсуждая проблему выпечки хлеба да сокрушаясь о том впечатлении, какое произведёт вид расстрелянных бунтовщиков на впечатлительных союзников.

25 февраля. Петроград

25 февраля события в Петрограде из беспорядков переросли в вооружённое противостояние. Социалистические группировки открыто объявили о начале революции². Петроградский комитет РСДРП выпустил прокламацию, в которой призывалось: «*Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует социалистический Интернационал!*»³.

Великий Князь Михаил Александрович записал в свой дневник, что «рабочие с красными флагами бросали в полицию ручные гранаты и бутылки, войскам пришлось стрелять»⁴.

25 февраля бастовало уже 250 тыс. рабочих. На Выборгской стороне около 10 ч. утра на Сампсоньевском проспекте сотня казаков и отряд конной полиции перегородили путь толпе в 600 человек. Казаки самовольно удалились, оставив небольшой полицейский отряд на произвол судьбы. Толпа набросилась на полицейских. В результате тяжёлыеувечья получил полицмейстер Шалфеев⁵.

В этот день отмечаются первые случаи неповиновения в воинских частях. Так, солдаты лейб-гвардии Павловского полка отказались исполнить приказание командира батальона и нанесли ему смертельные ранения на Конюшенной площади. Зачинщики были арестованы⁶. Однако в ту же ночь они при странных обстоятельствах «бежали»⁷.

¹ Блок А. Указ. соч. С. 2.

² О социал-демократах // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 341. Ч. 58. Л. 42.

³ Листовка РСДРП // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 341. Ч. 58. Л. 44.

⁴ Дневник Великого Князя Михаила Александровича. Запись за 25 февраля // ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 136. Л. 56.

⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 514—515.

⁶ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 120.

⁷ Курлов П.Г. Указ. соч. С. 112.

В 15 ч. на Знаменской площади около памятника Императору Александру III казачья сотня не дала отряду конной полиции разогнать мятежную толпу. Причём казак Фролов насмерть зарубил шашкой полицейского участкового пристава полковника А.Е. Крылова, когда тот, вырвав красный флаг из рук манифестанта, стал конвоировать задержанного в участок. Толпа остервенело терзала тело убитого офицера.

У Казанского моста казаки отбили у полиции арестованных и ранили двоих городовых.

Между тем достаточно было твёрдой позиции войск, чтобы мятежников охватывала паника. Около 18 ч. у городской думы на Невском проспекте революционные боевики стали стрелять из толпы по полиции и драгунам 9-го запасного Кавалерийского полка. В ответ офицер полка спешил драгун и приказал дать залп по толпе. Несколько человек в ней было убито, несколько ранено. Толпа разбежалась. Среди организаторов беспорядков *«начали говорить, не пора ли всё кончать, так как войска переходят к решительным действиям. Говорили о необходимости кончать забастовку. К ночи Невский опустел. Была видна лишь полиция, разъезды жандармов, казаков, драгун»*¹.

В Петроградской городской думе вечером 25 февраля шло заседание, посвящённое продовольственному вопросу. Заседание это было превращено городскими депутатами в революционный митинг. Любопытен состав митингующих «революционеров»: сенатор С.В. Иванов, председатель финансовой комиссии Петроградской думы генерал от инфантерии П.П. Дурново, профессор М.В. Бернацкий. О последнем достаточно сказать, что в сентябре 1917 г. он станет министром финансов Временного правительства.

Выступающие на заседании городской думы требовали немедленной отставки Правительства, заявляли, что «не верят Верховной власти». Вскоре накал страсти в городской думе достиг своего предела: на заседании появился Керенский. Под бурную овацию городских депутатов, генералов, сенаторов, профессоров он властно взошёл на трибуну. Речь Керенского была, как всегда, истерична, но никто не слушал, что он говорил, слушали, как он говорил. Керенский кричал «о преступном Самодержавии», о его «безвинных жертвах». Тут же к думе поднесли на носилках и тела этих жертв, после чего *«настроение достигло полного возбуждения»*².

К ночи 25 февраля полицией и жандармерией было арестовано около 100 членов революционных организаций, в том числе 5 членов Петроградского комитета Российской социал-демократической

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 517—518.

² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 518.

партии и двое ранее не арестованных членов Рабочей группы. Заседание городской думы потребовало по телефону от генерала Балка немедленного освобождения арестованных, в том числе и авторов вышеуказанного воззвания. Вместо того чтобы воспользоваться ситуацией и арестовать главных зачинщиков, собравшихся в городской думе, Балк приказал освободить некоторых арестованных.

В 22 ч. 25 февраля генерал Хабалов собрал командиров запасных батальонов и начальников участков военной охраны. Он зачитал им телеграмму Государя и отдал приказ на 26 февраля: толпы неагрессивные разгонять кавалерией, толпы революционные после троекратного предупреждения — расстреливать.

Около 23 ч. 45 мин. 25 февраля на казённой квартире председателя Совета министров князя Н.Д. Голицына на Моховой улице, 34 началось совещание министров. Впервые за время беспорядков Совет министров обсуждал создавшееся положение¹. Но и на этом заседании главным обсуждаемым вопросом было не подавление беспорядков, а отношения с Государственной Думой. Предлагалось её распустить. За это были министры внутренних дел А.Д. Протопопов, юстиции Н.А. Доброльский и обер-прокурор Святейшего Синода Н.П. Раев. Остальные были против роспуска Думы. Совет министров заигрывал с революцией точно так же, как это делали военные власти. Вместо выработки решительных мер по противодействию беспорядкам, стали обсуждать возможность отставки Протопопова. Вызванный на заседание генерал Хабалов был настолько растерян и испуган, что даже забыл сообщить министрам о Высочайшей телеграмме. По докладу начальника директора департамента полиции А.Т. Васильева министры высказывали предложения подавить волнения силой и даже поднимали вопрос об осадном положении, но так и оставили его нерешённым. В конце концов, Хабалов предложил опубликовать от своего имени и с утра расклеить по городу предупреждения, что любые сборища будут подавляться силой оружия. Совет с этим согласился. Около 4 ч. утра 26 февраля министры разъехались по домам.

26 февраля 1917 года. Воскресенье. Царская Ставка. Могилёв

В 10 ч. утра 26 февраля Государь был на Божественной литургии. Дубенский утверждает, что литургию служил протопресвитер Георгий Шавельский. Между тем сам протопресвитер в своих мемуарах недвусмысленно сообщает: «Вечером 25-го февраля я выехал из Ставки в Псков через ст. Дно. Поезд прибыл в Псков с огромным опозданием, около 9 час. веч. 26 февраля»². Таким образом,

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 522.

² Шавельский Георгий. Указ. соч. Т. 2. С. 287.

Шавельский не мог служить 26 февраля литургию в Могилёве. Во второй половине дня Николай II получил телеграмму от Хабалова: тот сообщал, что в столице идут столкновения войск и полиции с демонстрантами, есть убитые и раненые.

Опять, по каким-то неясным причинам, Государь не хотел покидать Могилёв. Осознание необходимости своего отъезда и одновременно необходимости не покидать Ставку, стали причиной его мучительных раздумий.

Видимо, нервное напряжение было настолько сильным, что во время литургии у Государя случился сердечный приступ¹. В письме Императрице 26 февраля Государь писал: «Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в середине груди, продолжавшуюся $\frac{1}{4}$ часа. Я едва выстоял, и лоб мой покрылся каплями пота. Я не понимаю, что это было, потому что сердцебиения у меня не было, но потом оно появилось и прошло сразу, когда я встал на колени перед образом Пречистой Девы»².

26 февраля председатель Совета министров князь Н.Д. Голицын воспользовался правом, данным ему накануне отъезда Государем, и издал за его подпись указ о прерывании занятий Государственной Думы до апреля 1917 г.³ Г.М. Катков пишет, что «нет никаких указаний на то, что Голицын испрашивал у Государя разрешения, чтобы воспользоваться документом. Ответственность за это решение целиком лежит на Голицыне и на Совете министров»⁴.

Решение о перерыве занятий Государственной Думы в условиях февральских дней было шагом не только бесполезным, но и вредным. Тем более что поздно вечером того же дня Голицын объявил, что собирается подать в отставку. Этим он давал руководителям Государственной Думы возможность оправдывать невыполнение Высочайшего указа коллапсом власти. О решении распустить Думу Голицын в тот же день телеграфировал Императору⁵.

Вечером 26 февраля Родзянко сообщил Царю, что «положение серьёзное. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы этот час ответственности не пал на Венценосца»⁶. Ещё позже, того же 26 февраля, от Родзянко была получена вторая телеграмма,

¹ Николай II в секретной переписке. С. 245.

² Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. Т. 5. С. 223—224.

³ Блок А. Указ. соч. С. 63.

⁴ Катков Г.М. Указ. соч. С. 289.

⁵ Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М.: Вече, 2008. С. 287.

⁶ Пребывания Его Императорского Величества в действующей армии. Февраль—март 1917 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.

в которой он просил Государя «безотлагательно призвать лицо, которому может верить вся страна и поручить ему составить правительство»¹.

Одновременно с посланной телеграммой Царю Родзянко направил телеграммы генералу Алексееву и главнокомандующим армиями Юго-Западного, Западного и Северного фронтов: генералам Брусилову, Эверту и Рузскому. В них был тот же текст, что и в телеграмме Царю, только в конце высказывалась просьба поддержать перед ним просьбу о введении Ответственного министерства. Родзянко выражал твёрдое убеждение, что «медлить больше нельзя. Промедление смерти подобно»².

В течение ночи и утра 27 февраля генералом Алексеевым были получены ответные телеграммы от главнокомандующих. В них «по верноподданному долгу и присяге» выражались просьбы доложить Государю «что при наступившем грозном часе» другого выхода, кроме того, что предлагает Родзянко, быть не может³. Телеграфная переписка Родзянко с генералами имела важное значение: так, они координировали свои действия в оказании давления на Царя.

В 21 ч. 20 мин. Император Николай II послал телеграмму Супруге, полученную ею вечером 26 февраля: «Её Величеству. Любовь моя! Спасибо за телеграммы. Уеду, как только уложу все необходимые здесь вопросы. Сплю хорошо. Да благословит вас всех Господь. Ники»⁴. Слова Государя о том, что он уедет, когда решит все необходимые здесь (то есть в Ставке) вопросы, лишний раз доказывает, что они не были связаны с планами весеннего наступления.

По свидетельству штаб-офицера для особых поручений подполковника Г.А. Таля, Государь в 21 ч. 26 февраля впервые заявил о своём намерении уехать в Царское Село: «В 9 часов вечерая пошёл с обычным докладом к дворцовому коменданту. Генерал [Воейков] был у Государя. [...] Около часа мы ожидали дворцового коменданта. Когда пришёл, генерал сообщил нам, что Его Величество назначил отъезд свой в Царское Село на 28-е. Засим генерал позвонил по телефону начальнику штаба генералу Алексееву, своему помощнику в Царском Селе Гротен и инспектору императорских

¹ Телеграмма М.В. Родзянко Императору Николаю II от 26 февраля 1917 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2089. Л. 1.

² Телеграмма М.В. Родзянко генералу А.А. Брусилову от 26 февраля 1917 г. // ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 104. Л. 1—2.

³ Телеграмма генерала А.А. Брусилова генералу М.В. Алексееву от 27 февраля 1917 // ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 104. Л. 3.

⁴ Император Николай II — Императрице Александре Феодоровне // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 108. Л. 129. Пер. с англ.

поездов Ежову»¹. Следует сказать, что эти свидетельства Таля не подтверждаются никакими иными воспоминаниями свиты.

26 февраля. Петроград

К утру 26 февраля в столице бастовало 240 тыс. рабочих². С утра, согласно приказу генерала Хабалова, войска в Петрограде заняли свои посты. Главным образом охранялись мосты и переправы. Тем не менее люди небольшими группами, по льду переходили Неву и стекались к Невскому проспекту. Так как полиция была убрана из города и заменена войсками, то противодействия скоплению масс никто не оказывал. К полудню весь Невский был заполнен толпой, с красными флагами, революционными лозунгами и поющими революционные песни³. Люди спокойно подходили к конным и пешим патрулям, разговаривали с солдатами. Никакой вражды друг к другу не чувствовалось. Несмотря на это, именно 26 февраля войска действовали против революции наиболее энергично.

В 3 ч. пополудни революционная толпа возле Гостиного двора двинулась по Невскому проспекту в сторону Знаменской площади. Дорогу ей пересекла учебная команда запасного батальона Павловского полка под командованием штабс-капитана Чистякова, пользовавшегося большим авторитетом у своих солдат. На предупредительные выстрелы толпа не реагировала, и Чистяков приказал открыть огонь на поражение. В этот момент с крыши был открыт огонь по солдатам, в затылок был убит ефрейтор. Озлобленные солдаты открыли беспорядочный огонь по толпе, среди которой было много убитых и раненых. Толпа была рассеяна.

Не менее энергично действовала учебная команда Волынского полка под командованием капитана В. В. Квитницкого, защищавшего Знаменскую площадь⁴, на которой было убито 40 бунтовщиков и один прапорщик лейб-гвардии Павловского полка⁵.

Донесения Охранного отделения сообщали, что «при рассеивании упорствующих демонстрантов, со стороны которых была неоднократно произведена вчинов полиции и войска выстрелы из револьверов, в 5 часов 20 минут у Гостиного Двора,спешенным отрядом

¹ Воспоминания Г. А. фон Таля, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 5.

² Сводки охранного отделения о беспорядках в Петрограде // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 341. Ч. 58. Л. 28.

³ Сводки охранного отделения об беспорядках в Петрограде // ГА Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 341. Ч. 58. Л. 28.

⁴ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 526.

⁵ Полицейские сводки о беспорядках в Петрограде // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 380.

9-го Запасного кавалерийского полка и взводом Лейб-гвардии Преображенского полка был открыт по толпе демонстрантов огонь¹.

В 16 ч. дня произошёл инцидент в 4-м отряде учебной роты запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка, товарищи которой под командованием капитана Чистякова только что отличились на Невском проспекте. Пробравшиеся в казармы на Конюшенной площади неустановленные агитаторы, воспользовавшись отсутствием офицеров, сумели смутить несколько десятков человек, которые, забрав винтовки, толпой вышли на улицу, требуя прекратить кровопролитие. На Екатерининском канале эти солдаты вступили в перестрелку с конной полицией. В результате был убит один городовой и один ранен². Потом солдаты вернулись в казармы. Через некоторое время в казармы прибыл полковник А.Н. Экстен, который стал стыдить солдат. Его речь произвела на них большое впечатление. При выходе из казарм, уже на улице, полковник Экстен был убит в спину неустановленным лицом. Прибывшие преображенцы окружили бунтовщиков и арестовали 19 из них, которых препроводили в Петропавловскую крепость.

Несмотря на инцидент в Павловском полку, ситуация в городе 26 февраля в целом контролировалась правительством. Жёсткий отпор, данный войсковыми соединениями в центре Петрограда, а также известие о распуске Думы возымели своё действие. В рядах заговорщиков чувствовалось смущение. Вечером в доме Елисеева на Невском проспекте состоялось совещание Керенского с представителями левых думских фракций и революционных группировок. Керенский предложил обсудить вопрос «о наилучшем использовании в революционных целях возникших беспорядков и дальнейшем планомерном руководстве таковыми»³. Неожиданно для него участники совещания стали высказывать мнения, что революция не удалась и нужно заканчивать противостояние. Эти настроения привели Керенского к растерянности. Его соратник В.Б. Станкевич вспоминал, что, придя вечером 26 февраля в Таврический дворец, он застал Керенского и Чхеидзе в сильном волнении. «Чхеидзе всё время бегал из угла в угол. Я спросил кого-то из окружающих, где остальные члены Думы. Мне ответили, что разбежались, так как почувствовали, что дело плохо»⁴.

¹ Сводки охранного отделения о беспорядках в Петрограде // ГАРФ. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 341. Ч. 58. Л. 28.

² Сводки охранного отделения о беспорядках в Петрограде // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 341. Ч. 57. Л. 48—49. Копия.

³ Блок А. Указ. соч. С. 59.

⁴ Станкевич В.Б. Воспоминания о Мартовской революции 1917 года // Страна гибнет сегодня. С. 112.

Для думских революционеров дело действительно могло закончиться плохо. В случае если бы 27 февраля правительство и войска проявили такую же твердость, как и 26-го, революция была бы подавлена. А то, чем заканчивались для бунтовщиков военно-полевые суды, они хорошо помнили по 1906 г.

Организовав беспорядки в Петрограде, Керенский и Чхеидзе пытались устроить в России именно революцию. То есть по классической формуле: провокация с «голодными» рабочими, расстрел «мирной» демонстрации правительственными войсками, вооружённое «восстание», захват мостов, банков, телефонных станций, арест правительства. Цель переворота была однозначной — свержение монархии и провозглашение республики.

Для Прогрессивного блока события февраля 1917 г. были неприятным сюрпризом. Государственная Дума не руководила событиями с 23 по 26 февраля, и демонстрации проходили не под думскими лозунгами. Но к вечеру 26 февраля стало ясно, что революция Керенского потерпела поражение. Призывы «Долой Самодержавие!» не нашли поддержки ни в армии, ни в народе, а главное, они не были политически осуществимы. Бездействие властей, отсутствие единого командования, свободная революционная агитация в войсках посредством «братания» рабочих с солдатами привели к хаосу, создали опасную ситуацию для общественного порядка в столице. Но с точки зрения общегосударственного устройства Российской империи, с точки зрения монархического строя события в Петрограде не представляли большой опасности. Возвращение в Петроград Государя, прибытие верных воинских частей восстановили бы порядок в столице в считанные часы. Для организаторов беспорядков нужно было придать перевороту какие-то легальные формы. Для этого нужно было вернуться под лозунги Государственной Думы и выдвинуть на первую роль легального руководителя, пользующийся авторитетом в военной верхушке. Так, на политической сцене вновь появился М.В. Родзянко с главным требованием Прогрессивного блока — Ответственного министерства. А.Ф. Керенский и его левые соратники предполагали использовать это старое требование, лишь для направления революции в новое русло. Вечером 26 февраля Родзянко встретился с Керенским и Чхеидзе в помещении Государственной Думы. Станкевич вспоминал, что «Родзянко говорил по прямому проводу с фронтами»¹. Мы знаем, что именно в это время в Ставке были получены телеграммы Родзянко. Таким образом, вечером 26 февраля 1917 г. переворот вступил в новую «легальную» стадию и главным действующим лицом, конечно, фиктивно и, конечно, временно стал Родзянко. Ставка была готова подавить революцию

¹ Станкевич В.Б. Указ. соч. С. 51.

Керенского, но не переворот Родзянко. Именно поэтому Керенский был вынужден пойти на союз с Родзянко, так как без его участия революция была бы неминуемо подавлена.

Со своей стороны Родзянко и стоящий за ним Прогрессивный блок понимали, что они могут прийти к власти, воспользовавшись беспорядками, вызванными Керенским. Для этого надо было убедить князя Н.Д. Голицына обратиться к Государю с просьбой об отставке, а затем добиться от Государя «призыва лица, которому может верить вся страна, и поручить ему составить правительство». Конечно, таким лицом должен был быть Родзянко. Таким образом, 26 февраля Родзянко примкнул к революции и начал прикрывать её действия авторитетом Государственной Думы. В своих мемуарах Родзянко этого не скрывал, признавая, что «конечно, можно было бы Государственной Думе отказаться от возглавления революции, но нельзя забывать создавшегося полного отсутствия власти и того, что при самоустраниении Думы сразу наступила бы полная анархия»¹.

Начиная с 26 февраля Родзянко начал проявлять кипучую активность. Однако это была активность совсем иного рода, чем активность Керенского. Днём Родзянко бомбардировал звонками окончательно растерявшегося генерала Хабалова, спрашивая того «зачем кровь» и доказывая, что бомбы в войска кидают городовые. Председатель Думы звонил также генералу Беляеву, предлагая ему разгонять толпы при помощи пожарных. (Вещь технически невозможная в 1917 г.)

Ближе к вечеру Родзянко прибыл к князю Голицыну и стал предлагать ему уйти в отставку. Князь отказался и показал Родзянко папку с текстом указа о прерывании занятий Государственной Думы. Но одновременно тотчас предложил Родзянко встретиться с лидерами фракций, чтобы «столковаться». Так, правительство, постоянно демонстрируя свою слабость и свою нерешительность, укрепляла позиции мятежников.

Важнейшим шагом Родзянко и Прогрессивного блока было вовлечение в переворот военного руководства Ставки. 26 февраля на совещании с членами Императорского правительства в Мариинском дворце член Прогрессивного блока В.А. Маклаков выдвинул кандидатуру генерала М.В. Алексеева на должность главы правительства с диктаторскими полномочиями². Разумеется, эта новость сразу же дошла до честолюбивого начальника штаба и оказала прямое воздействие на его отношение к петроградским событиям. Именно

¹ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 41.

² Куликов С.В. Совет министров и Прогрессивный блок во время падения монархии. С. 281—284.

в ночь с 26 на 27 февраля генералитет Ставки активно включился в процесс свержения Императора Николая II. Керенский много лет спустя после описываемых событий утверждал: «*Русскую революцию сделали не революционные партии, а генералы*». Керенский знал, что говорил.

27 февраля 1917 г. Понедельник. Царская Ставка. Могилёв

В понедельник утром 27 февраля Государь отправился, по обыкновению, в штаб, где, по свидетельству А.А. Мордвинова, «оставался чрезвычайно долго»¹. Снова поразительное расхождение с царским дневником: «*Был недолго у доклада*»². Алексеев передал Государю телеграмму Родзянко, в которой тот требовал восстановить работу Думы и «*немедленно призвать новую власть на началах доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме*»³. Выходя от Государя, Алексеев сообщил Дубенскому, что ночью пришли известия из Петрограда: в столице «*войска переходят на сторону восставшего народа*»⁴.

Известия из Петрограда тяжело подействовали на Государя, который 27 февраля был «*заметно более сумрачен и очень мало разговорчив*»⁵. Царь приказал генерал-адъютанту Н.И. Иванову двигаться на Петроград с преданным ему воинским отрядом Георгиевских кавалеров.

Вечером Алексеева вызвал по прямому проводу Великий Князь Михаил Александрович, которого Родзянко убеждал подействовать на Государя, чтобы тот согласился на Ответственное министерство⁶. Родзянко предлагал Михаилу Александровичу изменить своему Августейшему брату и принять на себя верховную власть. От этого Великий Князь отказался, но позвонить в Ставку согласился. Михаил Александрович просил Алексеева доложить Государю, что необходимо распустить Совет министров и назначить во главе правительства лицо, пользующееся уважением в широких слоях населения, поручив ему составить кабинет по его усмотрению.

¹ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 91.

² Дневник Императора Николая II. Запись за 27 февраля // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 64.

³ Телеграмма М.В. Родзянко Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2090. Л. 1.

⁴ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 48.

⁵ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 48.

⁶ Хрусталёв В.М. Великий князь Михаил Александрович. С. 348.

По мнению Великого Князя, таким лицом мог бы стать князь Г.Е. Львов¹.

Николай II передал брату, что все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе, он откладывает до своего прибытия в Царское Село. Государь уведомил Великого Князя, что в Петроград отправляются войска из четырёх пехотных и четырёх кавалерийских полков². Алексеев, передав Великому Князю ответ Государя, поспешил добавить от себя, что полностью поддерживает необходимость назначения нового правительства³. Эти слова были предназначены, конечно, Родзянко. Говоря их, Алексеев демонстрировал думцам свою готовность к сотрудничеству.

В 22 ч. 45 мин. Государь получил телеграмму от князя Голицына: уличные беспорядки «сегодня приняли характер военного мятежа»⁴, в Петрограде введено осадное положение. Голицын умолял немедленно отправить в отставку всё правительство, в первую очередь ministra внутренних дел Протопопова, а также назначить главою лицо, «пользующееся доверием в стране». Ответ Государя был жёстким: *«Председателю Совета Министров. О Главном военном начальнике Петрограда Мною дано повеление Начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. лично вам предоставлены все необходимые права по гражданскому правлению. Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю недопустимым. НИКОЛАЙ»*⁵.

Генералы Алексеев и Лукомский пытались воздействовать на Государя и убеждали его согласиться с предложениями Голицына⁶. Однако Николай II сказал, что он своё решение не изменит, «а поэтому бесполезно мне докладывать ещё что-либо по этому вопросу»⁷.

Около полуночи 27 февраля Николай II внезапно принял решение о своём отъезде из Ставки в Царское Село. Мотивы столь спешного принятия Государем этого решения до сих пор неясны. Ведь до этого Император категорически был против отъезда. Даже 27 февраля, после получения угрожающих телеграмм Родзянко,

¹ Никитин Б.В. Указ. соч. С. 230.

² Никитин Б.В. Указ. соч. С. 230—231.

³ Никитин Б.В. Указ. соч. С. 230.

⁴ Телеграмма князя Н.Д. Голицына в Ставку на имя Императора Николая II // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 631. Л. 8. Копия.

⁵ Телеграмма Императора Николая II князю Н.Д. Голицыну // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2089. Л. 2.

⁶ Лукомский А.С. Из воспоминаний // Страна гибнет сегодня. С. 48.

⁷ Лукомский А.С. Из воспоминаний // Страна гибнет сегодня. С. 48.

Хабалова и Беляева, Царь «не хотел уезжать из Могилёва»¹. Николай II планировал вернуться в Петроград 1 марта, что видно из его телеграммы к Императрице: «Её Величеству. Сердечно благодарю за письма. Выезжаю завтра в 2.30. Конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Нов[города] в город [Петроград]. Бог даст, беспорядки в войсках скоро будут прекращены. Всегда с тобой. Сердечный привет всем. Ники»². Ещё в 20 ч. 27 февраля Государь приказал Воейкову сообщить Протопопову, что он прибудет в столицу «в среду 1 марта 3 час. 30 мин. дня»³. Мордвинов вспоминал, что отъезд из Ставки был назначен утро 28 февраля. Но около 23 ч. от Государя был внезапно получен приказ «всем быть немедленно готовыми к отъезду, так как Императорский поезд отойдёт не завтра утром, а сегодня же около 12 часов ночи. Было уже около половины двенадцатого»⁴. Генерал Дубенский вспоминал, что около 23 ч. к нему зашёл барон В.Н. фон Штакельберг и «взволнованным голосом сказал: Скоро собирайтесь. Мы сейчас уезжаем. Государь едет в Царское. Происходят такие события, что нельзя сказать, чем всё это кончится»⁵.

Принятие Царём решения о немедленном отъезде обычно объясняется его волнением за свою Семью, поводом для которого стал звонок в Ставку из Царского Села гофмаршала графа П.К. Бенкендорфа, сообщившего о грозящей Императрицы и детям опасности. Эту версию в своих воспоминаниях поддерживают Воейков и Мордвинов. Они утверждают, что Государь категорически запретил вывозить Семью из Царского Села, сказав при этом: «*Ни в коем случае... Больных детей возить поездом... ни за что...*»⁶.

Однако в своих мемуарах Бенкендорф утверждал: утром 27 февраля ему пришло сообщение от военного министра, что Родзянко предупредил его о грозящей Государыни опасности и потребовал, чтобы она немедленно уехала из Царского Села, «*так как никто не сможет к утру поручиться за её безопасность*»⁷. Бенкендорф

¹ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 32.

² Телеграмма Императора Николая II Императрице Александре Феодоровне // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 108. Л. 130.

³ Блок А. Указ. соч. С. 77.

⁴ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 94.

⁵ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 52.

⁶ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 165—167.

⁷ Benckendorff Paul, count. Last days at Tsarskoe Selo. London, 1927. Р. 110.

сообщил об этом Воейкову и просил Государя отдать распоряжение об отъезде Семьи. Государь, однако, передал повеление, чтобы «всё было готово к отъезду на следующий день», то есть 28 февраля. При этом Царь распорядился «передать Императрице, чтобы до утра она никому ничего об этом не говорила. Сам он уедет ночью в Царское Село и прибудет утром 1 марта»¹. То есть очевидно, что Николай II не связывал безопасность Семьи со своим приездом, так как она должна была быть вывезена из Царского Села за сутки до него. В 10 ч. утра 28 февраля гофмаршал доложил Государыне, что Государь «оставил Могилёв и ожидается в Царском следующим утром в 6 часов. Императрица сказала нам, что она ни в коем случае не согласна уезжать, не дождавшись Императора. Следовательно, было решено, ждать прибытия Императора»².

Ясно, что главной целью возвращения Императора Николая II в Петроград была не безопасность Семьи.

Эмигрантский писатель В. Криворотов писал: «Было ошибкой думать, что Царь спешил в Царское Село исключительно из боязни за свою семью, жену и детей. Государь должен был сознавать, что его появление там, в центре пылающих страстей, не могло никоим образом защитить семью от распоясывавшейся толпы. Своим решением отправиться туда, Царь хотел разрубить узел всеобщего трусивого бездействия»³.

Генерал Рузский утверждал, что Государь, прибыв в Псков 1 марта, сказал, что он «выехал из Ставки, чтобы быть ближе к месту, где разыгрываются события и иметь возможность лично говорить с нужными людьми и выиграть время»⁴.

Скорее всего, поздно вечером 27 февраля Император Николай II осознал существование против него военного заговора в Ставке. По словам генерала Лукомского, Царь, «находясь в Могилёве, не чувствовал твёрдой опоры в своём начальнике штаба генерале Алексееве»⁵. Государь решил любой ценой прорваться в Петроград, куда должны были подоспеть отправляемые им верные части с фронта. Воейков сообщил Лукомскому: «Государь хочет сейчас же, как будут готовы поезда, ехать в Царское Село; причём он хочет выехать из Могилёва не позже 11 часов

¹ Benckendorff Paul, count. Op. cit. P. 113.

² Benckendorff Paul, count. Op. cit. P. 113.

³ Криворотов В. На страшном пути до Уральской Голгофы. (Страшное иго). Мадрид, 1975. С. 39.

⁴ Пребывание Государя Императора в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 167.

⁵ Мордвинов А.А. Последние дни императора // Отречение Николая II. С. 96.

*вечера*¹. Лукомский настойчиво утверждал, что не сможет от-править поезда «раньше 6 часов утра по техническим условиям: надо приготовить свободный пропуск по всему пути и всюду разослать телеграммы». Когда Лукомский понял, что его доводы не возымели успеха, он заявил Войкову, что «решение Государя ехать в Царское Село может повести к катастрофическим последствиям, что, по моему мнению, Государю необходимо находиться в Могилёве. [...] Генерал Войков мне ответил, что принятого решения Государь не изменит, и просил срочно от-дать необходимые распоряжения»².

Генерал Лукомский дал по телефону необходимые указания начальнику военных сообщений генерал-лейтенанту Н.М. Тихменёву, который так вспоминал об этом: «27 февраля генерал Лукомский передал мне распоряжение о немедленной подаче литерных поездов, так как Государь собрался уезжать в Царское Село. Я был несколько удивлён. Во-первых, я только что получил сведения, и довольно точные, что Государь собирается уезжать не сегодня, а лишь послезавтра утром. Затем, никаких распоряжений о про-пуске царских поездов я обычно не делал, так как всеми царскими поездами ведала инспекция императорских поездов, лишь согласуя, когда это было нужно, график движения с соответствующим путевским органом»³.

Как только генералитет Ставки узнал, что Николай II хочет не-медленно её покинуть, с его стороны началось оказываться мощное давление⁴. Поздно вечером Лукомский отправился к Алексееву и стал настаивать, чтобы тот пошёл к Государю и отговорил его от возвращения в Царское Село. Алексеев это немедленно исполнил, но Государь твёрдо решил ехать⁵. Полковник В.М. Пронин пытается представить мотивы поведения Алексеева верноподданническими чувствами: «В течение второй половины дня ген.[ерал] Алексеев, несмотря на повышенную температуру и озноб, несколько раз был с докладом у Государя и упрашивал его, во имя блага Родины и скорейшего успокоения народных волнений, последовать советам кн. Голицына и Родзянко и дать ответственное министерство. Он также убеждал Государя не покидать Ставки, указывая Его Величеству на всю опасность такого шага в настоящее тревож-ное время. [...] Вечером ген.[ерал] Алексеев вновь был у Государя и

¹ Лукомский А.С. Воспоминания //APP. Т. 2. С. 20.

² Лукомский А.С. Воспоминания //APP. Т. 2. С. 20.

³ Тихменёв Н.М. Из воспоминаний о последних днях пребывания Им-ператора Николая II в Ставке. Ницца, 1925. С. 17.

⁴ Лукомский А.С. Воспоминания //APP. Т. 2. С. 20.

⁵ Пронин В.М. Указ. соч. С. 165.

просил Его даровать стране ответственное министерство. “На коленях умолял Его Величество, — сказал он, грустно качая головой, возвратившись из дворца. — Не согласен”...»¹

Однако дальнейшее поведение Алексеева выдаёт его подлинные цели. Узнав от Воейкова о предстоящем отъезде Царя, Наштаверх с «хитрым выражением лица» и с «ехидной улыбкой» спросил: «А как же он поедет? Разве переди поезда будет следовать целый батальон, чтобы очищать путь»². Воейков немедленно отправился к Государю и передал ему «загадочный разговор с Алексеевым», стараясь «разубедить Его Величество ехать при таких обстоятельствах», но «встретил со стороны Государя непоколебимое решение во что бы то ни стало вернуться в Царское Село»³.

Николай II счёл нужным перед отъездом дезинформировать Алексеева, передав ему, что решил остаться в Могилёве. Это известие вызвало у генерала удовлетворение. Но Государь, ничего не сообщив Начальнику штаба, ночью выехал к своему поезду⁴. Полковник Таль вспоминал, что около 23 ч. 15 мин. «дежурный чиновник при дворцовом коменданте передал мне из Дворца по телефону, приказ дворцового коменданта передать генералу Цабелю, что отъезд Государя Императора из Могилёва состоится как только все переедут в литературные поезда»⁵.

Генерал Кондзеровский ночью 27 февраля «ещё не спал, когда услышал сильный гул от быстрого движения нескольких автомобилей. Бросившись к окну, я увидел, что мимо, полным ходом, промчались по направлению к вокзалу царский автомобиль и за ним все машины со Свитой. Ясно, что Государь уезжал из Ставки. Какое-то жуткое впечатление произвел этот отъезд в глухую ночь»⁶.

Не менее необычно мрачное впечатление производил сам Императорский поезд, стоявший у перрона вокзала «в полной темноте, без единого огня, с наглухо завешанными окнами»⁷. На перроне не было заметно и обычной охраны. Таль, которого Воейков назначил комендантом свитского поезда литер «Б», свидетельствовал: «На 12 ½ часа ночи всё было перевезено и размещено и оба поезда под парами ожидали Высочайшего прибытия с лицами, непосредствен-

¹ Пронин В.М. Указ. соч. С. 165.

² Воейков В.Н. Указ. соч. С. 126.

³ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 126.

⁴ Пронин В.М. Указ. соч. С. 166.

⁵ Воспоминания Г.А. фон Талля, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 8.

⁶ Кондзеровский П.К. Указ. соч. С. 105.

⁷ Тихменёв Н.М. Указ. соч. С. 18.

*но сопровождавшими Государя Императора, ибо часть свиты переехала в поезд заранее*¹.

Государь в сопровождении Воейкова и дежурного флигель-адъютанта прибыл в Собственный поезд около 1 ч. 15 мин. ночи 28 февраля. В поезде литера «А» разместились: министр Двора граф В.Б. Фредерикс, генерал-майор свиты князь В.А. Долгоруков, адмирал К.Д. Нилов, флигель-адъютант граф Д.С. Шереметев и флигель-адъютант полковник А.А. Мордвинов².

В свитском поезде литера «Б»: генерал Д.Н. Дубенский, барон К.К. Штакельберг, генерал-майор С.А. Цабель, заведующий охранной агентурой полковник В.Х. Невдахов³.

По всему было видно, что отъезд Государя был максимально за-конспирированным. Около 4 ч. утра от Могилёва отошёл свитский поезд. Через час в темноту двинулся Собственный Его Императорского Величества поезд. В 5 ч. 35 мин. в Департамент полиции ушла телеграмма от полковника Еленского: «*Государь Император благополучно отбыл пять утра вместо двух с половиной дня*⁴».

27 февраля 1917 г. Петроград

Утром 27 февраля Правительством наконец-то был опубликован Указ о перерыве занятий Государственной Думы. При этом, однако, не было принято никаких мер, чтобы в Думу никого не пускали. С 9 ч. утра Таврический дворец стал заполняться депутатами. Но никого из думских «вождей» видно не было. Депутат Мансырев вспоминал, что в здании Думы «не было ни одного сколько-нибудь значительного по руководящей роли: ни членов президиума, ни лидеров партий, ни даже главарей Прогрессивного блока»⁵. До собравшихся во дворце депутатов стали доходить ужасающие слухи о масштабах, разыгравшихся в столице беспорядков.

В 7 ч. утра начался мятеж в двух учебных командах запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка. За день до событий две команды волынцев под командованием двадцатипятилетнего штабс-капитана И.С. Лашкевича 26 февраля проявили стой-

¹ Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 8.

² Воспоминания Г. А. фон Таля, штаб офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 9.

³ Воспоминания Г. А. фон Таля, штаб офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 9.

⁴ Телеграмма полковника Еленского // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 631. Л. 28.

⁵ Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной Думе //Страна гибнет сегодня. С. 102.

кость в отражении натиска революционной толпы на Знаменской площади. Отличился и старший фельдфебель первой роты Т.И. Кирпичников. Он выхватил из рук революционного боевика самодельную бомбу (гранату) и сдал её полицейским. Однако тот же Кирпичников в ночь с 26 на 27 февраля вёл агитацию в казарме среди солдат, убеждая их не подчиняться офицерам и не стрелять по толпе. В тёмной казарме Кирпичников был не один, а вместе с революционным агитатором¹. Настроением солдат никто из офицеров не интересовался, их даже не было в казарме в эти тревожные дни.

Около 7 ч. утра штабс-капитан Лашкевич вышел перед построившейся первой ротой. Она приветствовала его, как обычно. Штабс-капитан произнёс перед ротой короткую речь, объяснил её задачи и прочитал телеграмму Государя. Тогда Кирпичников заявил офицеру, что солдаты отказываются выходить на улицу. Лашкевич побледнел и вышел из казармы, но внезапно упал убитый выстрелом в затылок. Убийство это было приписано Кирпичникову, из которого февральяны создали образ революционного героя. Он был произведён Временным правительством вunter-офицеры, награждён генералом Лавром Корниловым Георгиевским крестом. С Кирпичниковым спешили сфотографироваться французские и английские политические деятели. По всей видимости, Кирпичников не имел отношения к убийству Лашкевича. В кровавые февральско-мартовские дни в Петрограде, Кронштадте и Гельсингфорсе было убито много талантливых офицеров, в том числе и старших: командир запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка полковник А.Н. Экстен (убит 26 февраля), начальник учебной команды запасного батальона лейб-гвардии Волынского штабс-капитан И.С. Лашкевич (убит 27 февраля), командир крейсера 1-го ранга «Аврора» капитан 1-го ранга М.И. Никольский (убит 28 февраля), главный командир Кронштадтского порта адмирал Р.Н. Вирен (убит 1 марта).

Все они якобы были убиты в результате самосуда «возмущённых» солдат (матросов). Однако при внимательном изучении обстоятельств убийств этих офицеров выясняется, что большей частью этот самосуд был не более чем кровавой легендой, призванной скрыть убийства офицеров профессиональными боевиками. Эти профессиональные убийцы обычно стреляли в свою жертву из толпы военнослужащих, которых потом и считали причастными к убийству. Кроме того, в февральские дни в Петрограде и в зоне дислокации кораблей Балтийского флота действовали боевые группы, одетые в матросскую и офицерскую русскую форму. Тактика

¹ Катков Г.М. Указ. соч. С. 273.

боевиков была понятной: таким образом солдатам и матросам отрезался путь назад, ибо после убийства офицеров они были уверены, что их расстреляют.

Убийство штабс-капитана Лашкевича сыграло решающую роль в переходе солдат на сторону мятежников. Г.М. Катков писал: «Солдаты внезапно почувствовали, что возврата им нет. С этого момента их судьба зависела от успеха мятежа, а успех этот мог быть обеспечен только в том случае, если к Волынскому полку немедленно присоединяться другие»¹. Командование запасным батальоном Волынского полка пребывало в преступном бездействии. Восставших никто не арестовал, к ним даже никто из офицеров не вышел².

Командир батальона полковник В.И. Висковский бежал в неизвестном направлении. Офицеры разошлись. Солдаты, которые после убийства штабс-капитана Лашкевича находились в замешательстве, стали группироваться вокруг Кирпичникова. Взбунтовавшаяся команда волынцев двинулась к преображенцам, из которых к ним присоединилась 4-я рота. Объединённый отряд отправился к литовцам, по дороге убив полковника, ведавшего нестроевыми частями. Как вспоминал генерал К.И. Глобачёв: «К 12 часам дня взбунтовались и перешли на сторону рабочих четыре полка: Лейб-гвардии Волынский, Лейб-гвардии Преображенский, Лейб-гвардии Литовский и Сапёрный. Казармы всех этих четырёх частей были расположены в районе Таврического дворца, и эти части стали первым оплотом революционной цитадели»³. Это высказывание Глобачёва очень неточное. На самом деле речь шла не о вышеназванных гвардейских полках, а об их запасных батальонах, да и то об их учебных ротах. Кроме того, не приходится и говорить о том, что эти части сознательно «перешли на сторону рабочих». Скорее, речь шла о растерянности солдат, их страхе перед возможным наказанием и полном отсутствии их начальства, то есть офицеров. Вообще, как писал Г.М. Катков, «в этот решающий день, 27 февраля, поведение офицеров Петроградского гарнизона имело большие последствия»⁴.

Редкие исключения убедительно доказывают, что, если бы офицеры проявили в февральские дни стойкость и мужество, мятеж был бы подавлен. 27 февраля командир Самокатного батальона полковник И.Н. Балкашин со своими солдатами целые сутки вёл успешный бой с бунтовщиками, не получая никакой поддержки.

¹ Катков Г.М. Указ. соч. С. 274.

² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 538.

³ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 122.

⁴ Катков Г.М. Указ. соч. С. 274.

Утром 28 февраля полковник Балкашин обратился к штурмующей толпе с речью, в которой заявил, что его солдаты выполняли только свой долг. В этот момент он был убит опять-таки из толпы и опять-таки «случайной» пулей. «Случай с Самокатным батальоном, — пишет Г.М. Катков, — показывает, что мог бы сделать решительный и пользующийся популярностью офицер»¹.

Это мнение подтверждается и действиями отряда офицера лейб-гвардии Преображенского полка полковника Кутепова, который, прибыв с фронта в отпуск в Петроград, попал в водоворот революционных событий. Вызванный генералом Хабаловым, полковник Кутепов получил приказ «оценить район от Литейного моста до Николаевского вокзала и все, что будет в этом районе, загнать к Неве и там привести в порядок»².

Кутепов проявил присущую ему смелость и энергию, несколько раз рассеивая революционные толпы, ведя уличные бои с мятежниками. Однако поставленная ему задача была внезапно Хабаловым изменена, Кутепову было приказано возвращаться к Зимнему дворцу. Тем временем кутеповский отряд, голодный и усталый, не был поддержан другими находившимися в Петрограде воинскими частями. Кутепов остался без связи со штабом, без какой-либо поддержки и был вынужден вечером распустить свой отряд. Несмотря на неудачу, полковник Кутепов проявил мужество, стойкость и верность присяге.

Не соответствует действительности и утверждение Глобачёва, что взбунтовавшиеся «полки стали первым оплотом революционной цитадели». Никакой «цитадели» не было точно так же, как и «взбунтовавшихся полков». Об этом свидетельствовал один из организаторов заговора Д.С. Масловский (Мстиславский), который утверждал, что «если бы в ночь с 27-го на 28-е противник мог бы подойти к Таврическому дворцу даже незначительными, но сохранившими строй и дисциплину, силами, он взял бы Таврический с удара — наверняка защищаться нам было нечем»³.

Между тем к праздношатающимся вооружённым солдатам присоединились рабочие, революционные боевики и просто погромщики. Толпа ворвалась в городскую тюрьму «Кресты», освободив всех заключённых. Преступники всех категорий влились в революционную толпу. Было подожжено здание Окружного суда, причём толпа мешала прибывшей пожарной команде тушить здание. Адвокат Н.П. Карабческий вспоминал: «Городовых тем временем

¹ Катков Г.М. Указ. соч. С. 276.

² Кутепов А.П. Первые дни революции в Петрограде // Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1937. С. 161.

³ Мстиславский С. Гибель царизма. Л.: Прибой, 1927. С. 78.

беспощадно убивали. Полицейские дома и участки брали штурмом и сжигали; с офицеров срывали ордена и погоны и обезоруживали их; протестовавших тут же убивали»¹.

В 16 ч. в Мариинском дворце состоялось последнее заседание Совета министров. Военный министр генерал М.А. Беляев потребовал от министра внутренних дел А.Д. Протопопова уйти в отставку, на что тот согласился. Протопопов был удручен, подавлен и даже выражал желание покончить с собой. Так как Совет не имел права назначать или увольнять министров и сам министр не имел права покинуть свой пост, это была исключительная прерогатива Императора, то князь Голицын рекомендовал Протопопову сказаться больным, с тем чтобы его заменил один из товарищей министра. Но это предложение повисло в воздухе. В 19 ч. 33 мин. Беляев от имени Правительства отправил Государю телеграмму, в которой сообщил о введении в Петрограде осадного положения.

На этом заседание Правительства закончилось. Когда министры покидали дворец, пришло известие, что арестован и доставлен в Думу председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов. Связь с Думой была прервана, и никакой информации о том, что там происходит, Правительство не имело.

События в Государственной Думе в течение дня претерпели кардинальное изменение. В начале дня, получив Указ о роспуске, руководство Думы впало в панику. Нужно было либо подчиняться царскому указу, или его игнорировать. Второе означало официальное примыкание к революции. На этой думской руководство пойти страшилось, но и бездействовать оно тоже не могло.

В втором часу дня в Таврическом дворце появился секретарь Государственной Думы октярист И.И. Дмитрюков. Он сообщил о телеграммах Родзянко Царю с настойчивым требованием образования Ответственного министерства и об отсутствии ответа на них. Тем не менее Дмитрюков высказал мнение, что беспорядки будут скоро подавлены².

В этот момент в Думу приходят известия, что толпа взяла Арсенал, разграбила оружие и вооружилась им. Был разгромлен Окружной суд и освобождены заключённые, в том числе и уголовные, из тюрьмы «Кресты». Это сообщение вызвало у собравшихся депутатов полную растерянность: «Революции ждали почти все, но что она разразится теперь — не ожидал никто. Чувствовалась

¹ Карабческий Н.П. Что глаза мои видели //Страна гибнет сегодня. С. 159.

² Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной Думе // Страна гибнет сегодня. С. 103.

у всех совершенная неподготовленность каким-либо действиям и совершенное отсутствие какого-либо плана»¹.

Только в 14 ч. 30 мин. в Таврическом дворце появились Родзянко, Милюков, Шидловский. Они быстро прошли мимо депутатов и прошли на совещание старейшин. В четвертом часу Родзянко торжественно пригласил всех депутатов в зал на частное совещание, так как официально Дума была распущена и проводить заседания не имела права. Керенский попытался не подчиниться царскому указу и призывал к этому и других депутатов, дав электрический звонок для сбора в большой зал заседаний. Но Родзянко приказал отключить большой звонок. На частном совещании стали озвучиваться разные предложения. Н.В. Некрасов предлагал ехать к главе Правительства князю Голицыну и предложить ему назначить популярного генерала, А.А. Поливанова или А.А. Маниковского, для подавления бунта. М.А. Карапулов, наоборот, предлагал немедленно возглавить события, а не искать помощи у Правительства. Потом выступил трудовик В.И. Дзюбинский, который первым выступил с идеей создания Думой комитета, наделённого неограниченными полномочиями для восстановления порядка. Милюков возражал как Некрасову, так и Дзюбинскому, но лидер кадетов не окончил своей речи, как в зал вбежал, ранее незаметно оттуда вышедший, Керенский. В сильном возбуждении, он стал кричать, что к Таврическому дворцу направляется огромная толпа, которая требует от Думы взять всю власть в свои руки. Керенский заявил, что он один сможет толпу остановить. После этого он куда-то опять исчез. Вслед за ним стали быстро покидать здание Думы некоторые депутаты. Причём многие предпочли скрыться через окна.

В такой обстановке Родзянко поставил вопрос о создании Временного комитета Государственной Думы «для вдоворения порядка в столице и для связи с общественными организациями и учреждениями».

Выбирали комитет уже немногие оставшиеся в зале депутаты, под хорошо различаемые крики и бряцание винтовок из соседнего зала: в Таврический дворец хлынула толпа народа, многие из которых были вооружены. В состав комитета вошли М.В. Родзянко (председатель), П.Н. Милюков, Н.В. Некрасов, В.А. Ржевский, В.В. Шульгин, М.А. Карапулов, А.И. Коновалов, А.Ф. Керенский, Н.С. Чхеидзе.

Пока шли выборы комитета, во дворце творились бесчинства: ворвавшаяся толпа смяла караул и убила его начальника, заняв все помещения Государственной Думы. Почти все депутаты бежали.

¹ Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной Думе // Страна гибнет сегодня. С. 103.

Но некоторые из них «Керенский, Чхеидзе и другие, были родственны этой нахлынувшей толпе. Только они нашли общий язык с ней, только они не боялись говорить с ней»¹.

Большинство депутатов не знало, что весь этот «поход революционного народа» в Государственную Думу был организован Керенским и его союзниками. Керенский действовал через своих сподвижников по Трудовой фракции: секретаря трудовиков В.Б. Станкевича, который в годы войны окончил военное училище и служил военным инженером, М.Н. Петрова, М.Н. Березина, В.И. Чарнолусского и др.² Станкевич писал, что непосредственно перед 27 февраля 1917 г. он разговаривал с М.Н. Петровым, который «стал говорить о необходимости военного выступления против правительства». Именно Петров предложил Станкевичу «собрать офицеров и убедить их подписать резолюцию о подчинении батальона Государственной думе».

Весьма интересна роль в организации захвата Таврического дворца руководства Центрального Военно-промышленного комитета, который выдвигал в «диктаторы» фигуру генерала Маниковского³.

Один из организаторов захвата Таврического дворца Чарнолусский потребовал от Родзянко «немедленно низложить с престола Династию Романовых, исключить из состава Государственной думы всех депутатов правее кадетов и взять власть в руки Думы»⁴.

Керенский не только вошел во Временный комитет Государственной Думы, но и вместе со своим революционным штабом, который называли «штабом Керенского», вошёл в военную комиссию ВКГД, возглавляемую Гучковым. В «штаб Керенского» входили: С.Д. Мстиславский (Масловский), В.Н. Филипповский, П.И. Пальчинский. Именно «штаб Керенского» организовал захват важнейших стратегических объектов города и начал аресты министров Императорского правительства. По существу, 27 февраля 1917 г. состоялось своеобразное революционное 18 брюмера Александра Керенского и фактическое исчезновение Государственной Думы Российской империи из политической жизни.

Вечером 27 февраля Керенский ещё больше закрепил своё положение, войдя в состав только что образовавшегося Временного

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 541.

² Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции. Рязань, 2002. С. 42.

³ Февральская революция 1917 года: Сб. док. и материалов. М., 1996. С. 113.

⁴ Чарнолусский В.И. Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.

исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, который немедленно встал в оппозицию Временному комитету Государственной Думы. Совет расположился там же, где и комитет, в Таврическом дворце.

Керенский распоряжался в здании Государственной Думы на правах хозяина. Б.Г. Сергиев вспоминал, что уже около 16 ч. дня Керенский сидел в Полуциркульном зале, где и отдавал распоряжения¹.

Стремительность событий, произошедших 27 февраля и вознёсших на гребень волны Керенского и его сторонников, повергла Прогрессивный блок в состоянии шока. События развивались совсем не по тому сценарию, который они так долго вырабатывали в 1915—1916 гг., сидя в своих уютных кабинетах. Ведь заговорщики планировали переворот, при котором у власти окажутся они, а не Керенский. Кроме того, в их планах было сохранение монархической формы правления, которая делала их приход к власти внешне легитимным. Будущий комиссар Временного правительства А.А. Бубликов писал, что в те дни «ни один ответственный политический деятель, даже такой, как лидер октябрьстов, А.И. Гучков, лично почти физически не переваривавший Николая II, не заходил в своих желаниях дальше мечтаний о персональном низложении Николая, чтобы в период регентства Михаила над несовершеннолетним Алексеем попытаться создать в России нечто аналогичное Английскому государственному строю с царём царствующим, но не управляющим»².

У руководства Временного комитета (ВКГД) было две возможности остаться у власти и отеснить от неё Керенского. Первая: добиться от Великого Князя Михаила Александровича согласия стать регентом и утверждение им в качестве регента нового правительства во главе с Родзянко или князем Львовым. Вторая: попробовать от Великого Князя убедить Государя поручить Родзянко или Львову сформировать новое правительство.

27 февраля во второй половине дня Родзянко позвонил Великому Князю Михаилу Александровичу в Гатчину и попросил его спешно приехать в Петроград. Правда, не исключено, что Родзянко действовал в этом вопросе в согласии с Керенским, для которого приезд Великого Князя, потенциального регента, в подконтрольный революционерам Петроград был выгоден. Здесь его было намного легче изолировать, чем в далёкой Гатчине.

Михаил Александрович прибыл в столицу около 18 ч. вечера 27 февраля. Вместе с М.В. Родзянко он отправились в Мариин-

¹ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 60.

² Бубликов А.А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 14.

ский дворец на заседание Императорского правительства. Между тем А.Д. Протопопов убеждал министров немедленно арестовать Родзянко, так как он, по оперативным данным Протопопова, действовал на стороне революции¹.

В Правительстве этим предупреждениям А.Д. Протопопова не вняли, и около 20 ч. вечера в Совет министров приехали Великий Князь Михаил Александрович и Родзянко. Князь Голицын и Родзянко обсуждали с Великим Князем текст, который Михаил Александрович должен был передать Государю. Все согласились с политическими требованиями Родзянко об Ответственном министерстве. На следующий день, 28 марта, почти все министры Императорского правительства будут арестованы «штабом Керенского».

В.М. Хрусталёв приводит материалы Российского зарубежного исторического архива, в которых сообщается об имевших место вечером 27 февраля в Мариинском дворце переговорах между представителями ВКГД и Великим Князем Михаилом Александровичем². Эти переговоры шли одновременно с заседанием Правительства.

Со стороны Временного комитета на переговорах присутствовали М.В. Родзянко, Н.В. Некрасов, И.И. Дмитрюков и Н.В. Савич. В своих воспоминаниях министр торговли и промышленности Императорского правительства князь Шаховской вспоминает, что тогда же он видел во дворце «сияющую фигуру Гучкова»³.

Депутаты предложили Великому Князю принять на себя всю власть до возвращения из Ставки Императора Николая II. Цель членов ВКГД была ясна: любым путём не допустить возвращения Государя.

Члены комитета настойчиво убеждали Михаила Александровича взять власть в свои руки. Михаил Александрович от захвата власти отказался и заявил, что желает переговорить с князем Голицыным. Происходившее в это время заседание Совета министров было прервано, и Голицын встретился с Михаилом Александровичем. Однако Родзянко не дал им переговорить наедине и присутствовал при их разговоре. Родзянко начал требовать от Голицына немедленной отставки и передачи власти ВКГД. Голицын ответил, что подал Государю телеграмму с прошением об отставке, но пока не придет ответ Царя, он власть передавать никому не имеет права. На что Родзянко с угрозой сказал Голицыну, что он и все министры будут скоро арестованы⁴.

¹ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 50.

² Хрусталёв В.М. Великий князь Михаил Александрович. С. 345.

³ Шаховской В.Н., князь. Указ. соч. С. 202.

⁴ Хрусталёв В.М. Великий князь Михаил Александрович. С. 347.

Пока Родзянко переговаривался с Голицыным на заседании Совета министров в Мариинском дворце, Керенский направил туда броневики с целью запугать Правительство и заставить его передать власть ВКГД.

По окончании своей беседы с князем Голицыным Великий Князь вернулся в комнату, где находились члены Государственной Думы, которые настойчиво требовать от Михаила Александровича принятия на себя регентства и согласия с отстранением Императора Николая II от власти. На что Великий Князь Михаил Александрович заявил, что без согласия Государя он этого сделать не может¹.

Около 21 ч., согласно протоколу, «*Великий Князь Михаил Александрович изъявил согласие на предложение, сделанное ему делегацией от Государственной Думы, принять на себя власть в том случае, если по ходу событий это окажется совершенно необходимым*»².

Об этом своём согласии Великий Князь Михаил Александрович не записал ни в своём дневнике, чья подлинность, впрочем, вызывает большие сомнения, не сообщил и в своём телеграфном разговоре с Государем.

Глава 3

Император Николай II по пути в Петроград. 28 февраля — 1 марта 1917 года

Ночь 28 февраля 1917 г. Собственный Его Императорского Величества поезд

Император Николай II глубокой ночью прибыл в свой поезд, стоявший на перроне Могилёвского вокзала. По прибытии Государь тотчас принял генерал-адъютанта Н.И. Иванова, которого долго инструктировал по поводу предстоящей миссии в Петрограде. Камер-фурьерский журнал от 28 февраля 1917 г. сообщает, что Государь принимал Иванова с 2 ч. 10 мин. ночи до 5 ч. утра, когда «*Императорский поезд отбыл со станции “Могилёв” в Царское Село*»³. Однако Г.А. Таль утверждает, что разговор Императора с генералом занял весьма непродолжительное время: «*К Его Величеству прошёл генерал-адъютант Иванов, где он оставался около 20 минут*

¹ Хрусталёв В.М. Великий князь Михаил Александрович. С. 347.

² Хрусталёв В.М. Великий князь Михаил Александрович. С. 347.

³ Пребывание Государя Императора в действующей армии. Февраль—март 1917 // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (доп.). Д. 25. Л. 7.

и по выходе его из собственного вагона выяснилось, что генерал Иванов выезжает утром в особом поезде с Георгиевским батальоном и ротой Собственного Его Величества Сводно-Гвардейского пехотного полка»¹.

Подробности разговора Государя с генералом Ивановым остаются неизвестными. Дубенский пишет со слов Иванова, что Николай II излил генералу душу: «“Я берег не самодержавную власть, а Россию. Я не убеждён, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу”. Так выразился Государь о своей сокровенной мысли, почему он упорно отказывался дать парламентский строй. Затем Государь указал, что теперь он считает необходимым согласиться на это требование Думы. [...] Слова Царя трогали генерала Иванова, по его рассказу, настолько, что ему трудно было иногда отвечать от спазм в горле. Государь, расставаясь с Николаем Иудовичем, поцеловался с ним, перекрестил его и в свою очередь Иванов перекрестил Царя»².

Описываемый Дубенским в сусальных тонах разговор Государя с Ивановым крайне сомнителен. По общим оценкам, Император Николай II с посторонними людьми был человеком замкнутым. А.Д. Протопопов вспоминал, что Царь «ужасно мало говорил. Он был очень мил, любезен. Но про дела никогда не говорил сам. Он скажет: “да”, “так”, “я думаю”. Он очень был осторожный на слова человек, очень осторожный»³. Кроме того, Государь до конца отказывался обсуждать возможность введения парламентского строя в России. Тем более представляется странным, что он стал обсуждать этот вопрос с Ивановым, который из разговора с Царём понял, что Царь «решил перейти к управлению отечеством при посредстве министерства доверия»⁴.

Между тем сам генерал Иванов, арестованный Временным правительством, 9 апреля 1917 г. в письме к Гучкову уверял, что он «цизмом заражён быть не мог и не был», а отправлялся 28 февраля в Петроград, не будучи «руководим заботою о каких-либо личных или фамильных интересах Царя»⁵. Г.М. Катков писал, что после Февральского переворота Иванову было важно «оправдать свою

¹ Воспоминания Г.А. фон Талля, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 9.

² Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 53.

³ Допрос А.Д. Протопопова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 957. Л. 11.

⁴ Экспедиция генерала Иванова на Петроград // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1926. Т. 4 (17). С. 225.

⁵ Экспедиция генерала Иванова на Петроград. Сообщение И. Гелис. // Красный архив, 1926. Исторический журнал. Т. 4 (17). С. 225—232.

миссию и рассеять подозрение, что она была направлена против Государственной Думы»¹.

Но тем не менее из письма Иванова можно кое-что узнать о целях и задачах, поставленных ему Государем. Генерал утверждал, что Государь «приказал мне передать генералу Алексееву его “приказание” сообщить Председателю Совета министров о том, чтобы все министры исполняли требования Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа беспрекословно»².

В этом и заключалась главная задача экспедиции генерала Иванова: в Петроград должен был прибыть не просто очередной военный, а генерал-адъютант Царя, которому должны были подчиняться все, в том числе и министры. При этом Николай II был далёк от мысли, что батальон Георгиевских кавалеров, в количестве 800 человек, который следовал с Ивановым, сможет подавить петроградский бунт. Задачи батальона были другими: он должен был взять под охрану Царское Село³. Помимо этого, генерал Иванов и его батальон должны были охранять Государя по его прибытии в Царское Село. Подавлять мятеж, по указанию Царя, должны были войска, снятые с фронта, которые были обязаны послать с разных фронтов главнокомандующие. Таким образом, от генерала Иванова требовалось в первую очередь обеспечить наличие в столице законной власти и безопасность приезда Императора в Царское Село.

Таль сообщает о задачах отряда генерала Иванова следующее: «Георгиевский батальон состоял исключительно из офицеров кавалеров ордена Св. Георгия и в силу этого представлял из себя исключительную воинскую часть. Посылка его, вместе с ротой Сводного Гвардейского полка под водительством известного доблестного генерала Иванова, имела целью очистку в случае надобности пути для Императорских поездов, направлявшихся также в Царское Село, по другому маршруту, от могущих встретиться мятежных войск, направлявшихся из столицы, и их вразумления»⁴.

Поезд Иванова должен был следовать на Царское Село напрямую по Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге, а Императорские поезда в объезд по нескольким дорогам. Это делалось для того, чтобы если «генералу Иванову пришлось бы задержаться и вступить в бой, он собою не задержал был следование император-

¹ Катков Г.М. Указ. соч. С. 298.

² Экспедиция генерала Иванова на Петроград // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1926. Т. 4 (17). С. 225.

³ Экспедиция генерала Иванова на Петроград. // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1926. Т. 4 (17). С. 227.

⁴ Воспоминания Г.А. фон Талля, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 11.

ских поездов. Так как на близлежащей к Петрограду территории обе железные дороги близко соприкасаются, то отряд Иванова, в случае нападения или попытки задержки Императорских поездов, мог всегда прийти им на помощь¹.

Однако поезд с Ивановым и его Георгиевским батальоном вышел из Могилёва «лишь в час дня 28 февраля, через семнадцать часов после того, как Государь отдал своё распоряжение. Ставка не торопилась»².

Сам Н.И. Иванов объяснял свой столь поздний отъезд желанием не «нарушать военного графика»³. Длительная задержка отправки отряда генерала Иванова привела к тому, что Император Николай II оказался в пути без всякой военной поддержки.

28 февраля 1917 г. Вторник. Собственный Его Императорского Величества поезд

Первой странностью возвращения Государя из Ставки в Царское Село является избранный маршрут следования. В отличие от предыдущих, он был не напечатан на толстом картоне, а лишь наскоро написан на клочке бумаги, что лишний раз подтверждает поспешность и внезапность отъезда⁴.

По поводу маршрута генерал А.И. Спиридович писал: «Прямо, кратчайшее расстояние от Могилёва до Царского Села по Московско-Виндаво-Рыбинской дороге — 759 вёрст. Но соглашением инспектора императорских поездов Ежова и дворцовым комендантом для Государя был установлен Могилёв — Орша — Вязьма — Лихославль — Тосно — Гатчина — Царское Село простижённостью около 950 вёрст, захватывающий пять различных дорог. Почему выбрали более длинный маршрут, когда, казалось бы, надо было спешить добраться до Царского Села — неизвестно»⁵.

Г.М. Катков склонялся к тому, что маршрут был увеличен из-за того, что Император хотел, чтобы генерал Иванов и Георгиевский батальон прибыли в Царское Село обязательно раньше его. Поэтому Императорские поезда, «чтобы не мешать движению на прямом пути из Могилёва на Петроград, должны были идти длинным окружным путём»⁶.

¹ Воспоминания Г. А. фон Талля, штаб офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 11.

² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 589.

³ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 167—168.

⁴ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 97.

⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 621.

⁶ Катков Г.М. Указ. соч. С. 310.

Как следует из дневника Императора Николая II, 28 февраля он встал в 10 ч. утра¹. За утренним кофе полковник А.А. Мордвинов заметил, что Государь «был более бледный, чем обыкновенно, но спокойный, приветливый, как всегда. Разговор был очень не оживлён и касался самых обыденных вещей»².

По свидетельствам сопровождавших Государя лиц, всё в эту поездку было как всегда. На станциях присутствовало железнодорожное начальство, жандармы, охрана. Все отдавали честь царскому поезду. На одной из станций стоял следовавший на фронт встречный эшелон. Солдаты выбегали из вагонов и строились вдоль них, другие бежали вслед Императорскому поезду. Мордвинов писал: «Его Величество встал из-за стола и подошёл к окну. Звуки гимна и громовое “ура” раздались с платформы при виде Государя»³.

Таль также свидетельствует, что «движение ничем не нарушалось, на всех станциях было спокойствие. Как всегда, стояли жандармы и части войск, расположенные у полотна кричали “ура!” при прохождении императорских поездов»⁴.

Однако утверждения, что всё в поездке было как обычно, не вполне соответствуют действительности. Дубенский и Мордвинов свидетельствуют, что в Императорские поезда не подавались, как бывало раньше, агентские телеграммы «и мы не знали, что делается в Петрограде». Возникает вопрос: почему не подавались эти телеграммы? Ответ на это мы находим в воспоминаниях полковника Мордвинова. Он пишет, правда уже о событиях 4 марта, произошедших после «отречения», когда Государь был доставлен в Могилёв.

По свидетельству Мордвинова, Государю по-прежнему не подавали агентских телеграмм. «Днём на мой вопрос по поводу этого обстоятельства, кто-то из офицеров штаба ответил, что это делается нарочно, по приказанию Начальника штаба, так как известия из Петрограда настолько тягостны, а выражения и слова настолько возмутительны, что генерал Алексеев не решался ими волновать Государя»⁵.

¹ Дневник Императора Николая II за 1917 г. Запись за 28 февраля // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 65.

² Мордвинов А.А. Последние дни императора // Отречение Николая II. С. 96.

³ Мордвинов А.А. Последние дни императора // Отречение Николая II. С. 97.

⁴ Воспоминания Г.А. фон Талия, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 12.

⁵ Мордвинов А.А. Последние дни императора // Отречение Николая II. С. 127.

Не вызывает сомнений, что если генерал Алексеев так «заботился» о Государе 4 марта, то он мог проявлять эту «заботу» и 28 февраля. Так как все телеграммы из Петрограда на имя Государя сначала попадали в Ставку и только затем передавались Дворцовому коменданту, то можно быть уверенным, что Алексеев имел полную возможность самому решать, какие из них передавать Царю, а какие — нет. Так же перехватывались и телеграммы Государя, отправляемые из поезда. Таким образом, можно утверждать, что уже 28 февраля Император Николай II находился в информационной блокаде. Эта блокада была создана Ставкой с одной стороны и революционным правительством — с другой.

После проследования Орши в 13 ч. 59 мин. была получена телеграмма от военного министра генерала Беляева. В ней министр сообщал, что «*мятежники заняли Мариинский дворец. Благодаря случайному услышанному разговору, там теперь члены революционного правительства*»¹.

Затем Государю вручили телеграмму от выборных членов Государственного совета. Члены Государственного совета обращались к Монарху «*в сознании грозной опасности, надвинувшейся на родину*». В телеграмме утверждалось, что «*далнейшее пребывание настоящего правительства у власти означает полное крушение законного порядка и влечет за собою неизбежное поражение на войне, гибель Династии и величайшие бедствия для России*».

Члены Государственного совета настаивали на «*решительном изменение Вашим Императорским Величеством направления внутренней политики*», введении народного представительства, а также «*немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего Совета министров и поручение лицу, заслуживающему всенародного доверия, представить Вам, Государь, на утверждение список нового кабинета, способного управлять страною в полном согласии с народным представительством*»².

По существу, изложенные в телеграмме требования были требованиями Прогрессивного блока и кадетской оппозиции. Воейков, попросивший разрешения войти в царский кабинет, застал Императора Николая II в раздумье с телеграммой в руках.

В 15 ч. императорский поезд прибыл в Вязьму, и Государь послал Императрице Александре Феодоровне телеграмму, в которой

¹ Телеграмма генерала Беляева дворцовому коменданту генерал-ад. Воейкову 28 февраля 1917 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Л., 1927. С. 16.

² Обращение членов Гос. совета Императору Николаю II. 28 февр. 1917. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2091. Л. 1—2.

сообщил, что «много войск послано с фронта»¹. Эту телеграмму Государыня не получила.

В 17 ч. свитский поезд литера «Б» прибыл в Ржев. Там к коменданту поезда полковнику Талю пришёл с докладом начальник жандармского полицейского управления генерал П.И. Фурса, который сообщил, что, по имеющимся сведениям, «весь Петроградский гарнизон на стороне Временного правительства, объявление которого ожидалось вечером 27-го февраля. Предположительный состав правительства: Родзянко, Милюков, Поливанов, Керенский, Бубликов»². Доклад Фурса нельзя не признать странным: на чью сторону мог переходить Петроградский гарнизон, если самого временного правительства не существовала, а его только предполагалось объявить? При этом Фурса заверил Таля, что «несмотря на эти события, прочие вокзалы охраняются войсками, верными старому правительству, и прибытие и отбытие поездов ничуть не прерывалось»³.

Свитский поезд двинулся дальне, а Собственный Императорский поезд прибыл во Ржев в 18 ч. Государь несколько минут гулял по платформе.

Вслед за телеграммой членов Государственного совета Войёиков доложил Императору Николаю II новую телеграмму от военного министра Беляева, который сообщал, что «положение по-прежнему тревожное. Мятежники овладели во всех частях города важнейшими учреждениями. Войска из-за утомления, а также под влиянием пропаганды бросают оружие и переходят на сторону мятежников». Беляев выражал убеждённость, что крайне желательно «скорейшее прибытие войск, так как до прибытия надёжной вооружённой силы мятеж и беспорядки будут только увеличиваться»⁴.

В 20 ч. свитский поезд прибыл в Лихославль. Начальник станции доложил Талю, что «из Императорского павильона Царского Села был отправлен поезд, но в Тосно этот поезд был возвращён назад. Тосно занято мятежными войсками и что имеется распоряжение направить литеерные поезда, против воли Монарха, не в Царское Село, а в Петроград на Николаевский вокзал». Начальник станции

¹ Телеграмма Императора Николая II Императрице Александре Феодоровне // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 108. Л. 131.

² Воспоминания Г.А. фон Талля, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 12.

³ Воспоминания Г.А. фон Талля, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 12.

⁴ Телеграмма генерала М.А. Беляева ген.-адъютанту В.Н. Войёкову // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Л., 1927. С. 20.

сообщил также, что в Лихославль из Петрограда прибыл маленький состав во главе с инженером Керном, для сопровождения поезда литера «А». Керн при этом предъявил телеграмму железнодорожникам за подписью Родзянко и Бубликова¹.

Кроме того, была получена телеграмма то ли от поручика, то ли от сотника Грекова, который объявлял себя комендантом станции Петроград и приказывал направить литерные поезда не в Царское Село, а непосредственно в мятежную столицу. Эти сообщения отражали события в Петрограде. 28 февраля 1917 г. к вечеру, при попустительстве Ставки, свой контроль над железными дорогами провозгласил ВКГД в лице Бубликова, который объявил об этом в своей известной телеграмме.

Что же касается телеграммы К.Ф. Грекова, то она была прочитана генералом А.С. Лукомским начальнику штаба Западного фронта генерал-лейтенанту М.Ф. Квецинскому по прямому проводу ночью 1 марта. В этой телеграмме не было ни слова, ни о литерных поездах, ни о том, что их нужно направлять в Петроград, а не в Царское Село².

В 21 ч. 27 мин. Императорский поезд прибыл на станцию Лихославль. Здесь поезда переходили на Николаевскую железную дорогу. Поезд был встречен начальником дороги и начальником жандармского полицейского управления генералом П.И. Фурса, который доложил Воейкову, что, согласно слухам, революционеры заняли Тосно. Кроме того, генерал доложил о событиях в Петрограде и о телеграмме Бубликова железнодорожникам. Из Лихославля Государь направил Императрице телеграмму, в которой выразил надежду «*завтра утром быть дома*»³. Затем Императорский поезд двинулся дальше.

Тем временем свитский поезд, который шёл впереди собственно го, достиг Вышнего Волчка. Там лица свиты обсуждали маршрут дальнейшего движения поездов в связи с требованиями Грекова отправить литерные поезда в Петроград, а не в Царское Село. Генерал Дубенский высказал мысль, что «*ехать далее не следует*», и предложил «*через Бологое направиться в Псков, где находится штаб Северного фронта, там генерал-адъютант Рузский, есть близко войска*». В древнем тихом Пскове, по мнению Дубенского,

¹ Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 12.

² Разговор по прямому проводу генерала А.С. Лукомского с генералом М.Ф. Квецинским // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Л., 1927. С. 33.

³ Телеграмма Императора Николая II Императрице Александре Феодоровне // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 108. Л. 132.

«Его Величество спокойно может пробыть и определить создавшиеся обстоятельства и выяснить обстановку»¹.

Это предложение Дубенского весьма странно. Ещё более странным выглядит утверждение генерала о том, что совещание лиц свиты согласилось с этим предложением. Никто даже не попытался узнать, насколько телеграмма Грекова серьёзна, насколько революционеры действительно контролируют железные дороги. Предложить Государю в столь ответственный момент, когда решалась судьба России и Династии, отправиться в «тихий Псков» и там «спокойно пребывать и оценивать обстановку» мог только либо очень недалёкий человек, либо человек, сознательно стремящийся направить Царя в изоляцию.

Как видно из воспоминаний генерала Спиридовича, совещание в свитском поезде приняло другое решение. Комендант Императорских поездов подполковник фон Таль «собрал совещание высших чинов, ехавших в поезде». По результатам обмена мнениями Таль «написал донесение Дворцовому коменданту: «По слухам получено распоряжение направлять литерные поезда из Тосно на Николаевский вокзал. Если действительно проезд на Гатчину будет закрыт, решили остановить поезд в Тосно. Прошу передать Ваши распоряжения в Малую Вишеру»².

Таль верно оценил телеграмму Грекова как «слухи» и не собирался следовать в «тихий Псков». Таким образом, идея отправиться в Псков всецело принадлежала генералу Дубенскому. Именно он написал письмо лейб-хирургу С.П. Фёдорову, следовавшему вместе с Государем, и передал его через какого-то офицера. В письме Дубенский писал: «Дорогой Сергей Петрович, дальше Тосно поезда не пойдут. По моему глубокому убеждению, Его Величеству из Бологого надо повернуть на Псков (320 вёрст) и там, опираясь на фронт генерал-адъютанта Рузского, начать действовать против Петрограда. Там, в Пскове, скорее можно отдать распоряжение о составе отряда для отправки в Петроград. Псков старый губернский город. Население его не взорвано. Оттуда можно лучше помочь Царской Семье. В Тосно Его Величество может подвергнуться опасности. Пишу Вам всё это, считая невозможным скрыть, мне кажется, эту мысль, которая может помочь делу спасения Государя, его Семьи. Если мою мысль не одобряете — разорвите записку»³.

Последняя фраза доказывает, что действия Дубенского были не результатом «постановления» совещания в свитском поезде, а

¹ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 54.

² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 626.

³ Блок А. Указ. соч. С. 85.

результатом самочинной деятельности Дубенского, которую он не хотел придавать огласке. Если вычленить из этого письма ключевые фразы, то получится следующее: «*Дальше Госно поезда не пойдут. Надо повернуть на Псков. Разорвите записку*». Если учесть, что Дубенский предлагал направить Императорский поезд к генералу Рузскому, к которому, по словам Мордвинова, «*Его Величество, как и все мы*», относился с очень малой степенью доверия, то действия Дубенского нельзя трактовать иначе, как враждебные по отношению к Государю.

Адресат, кому Дубенский направил своё письмо, являлся лейб-хирургом Императора профессором С.П. Фёдоровым. Почему-то этот врач во время трагических событий февраля—марта 1917 г. постоянно оказывался в их эпицентре. Причём его деятельность не имела ничего общего с врачебной. Именно у Фёдорова постоянно собирались члены свиты, которые постоянно с ним советовались, именно Фёдоров способствовал назначению Царём генерала Иванова, именно через Фёдорова Царю передавались какие-то предложения. Такое впечатление, что этот человек играл роль связника. Во всяком, случае, поведение Фёдорова никак нельзя назвать верноподданническим. Бубликов вспоминал, что когда он приехал 8 марта в Могилёв объявить об аресте Государя, то имел встречу с Фёдоровым, который излагал ему какие-то сведения от иностранных агентов. Сведения эти были настолько важны, что Бубликов повёз Фёдорова в Петроград к Родзянко. Там, в Таврическом дворце, ожидая приёма председателя Государственной Думы, Фёдоров зашёл в уборную и выцарапал со своих погон вензель Императора¹.

В 23 ч., когда Императорский поезд прибыл в Вышний Волочёк, Воейков получил донесение коменданта Императорских поездов подполковника Таля с предложением остановиться в Тосно. Воейков доложил об этом Николаю II. Выйдя от Государя, Воейков направил Талю телеграмму с требованием: «*Настоять на движении в Царское Село*». Эта телеграмма была получена Талем в Бологом. Дубенский вспоминал, что «*всех нас удивил этот ответ. Некоторые из нас даже настаивали, чтобы задержаться в Бологом до подхода собственного поезда и ещё раз переговорить с Дворцовым комендантом, но, в конце концов, решили ехать дальше*»².

Через некоторое время свитский поезд прибыл в Малую Вишеру. Там к генералу С.А. Цабелю явился офицер Железнодорожного полка Герлях и доложил, что станции Любань и Тосно заняты революционными войсками. Генерал Дубенский писал, что офицер

¹ Бубликов А. Указ. соч. С. 51.

² Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 54.

сообщил, что в Любани находятся мятежные роты лейб-гвардии Литовского полка с пулемётами, что люди этой роты в Любани уже сняли с постов людей Железнодорожного полка. Герлях рассказал, что он едва сумел уехать из Любани на дрезине, чтобы доложить об опасности. Факты, изложенные Герляхом, не соответствовали действительности. На самом деле в Любани какие-то случайные запасные части разгромили вокзальный ресторан Байрашев¹. Случайным, по его утверждению, свидетелем этого стал С.П. Мельгунов². Беспорядки были быстро пресечены, и никаких «революционных войск» в Любани не было³.

Попытка проверить сведения Герляха или хотя бы связаться по телефону с Любанью лицами свиты вновь предпринято не было. Они приняли решение ожидать в Малой Вишере «подхода «собственного поезда» для доклада полученных известий Его Величеству»⁴.

Собственный Императорский поезд подошёл к Малой Вишере в 2 ч. ночи. Почти все в нём спали. Мордвинов не спал, он ждал прибытия в Малую Вишеру, так как, по его словам, «надеялся увидеть губернатора, или кого-нибудь из губернского начальства, обыкновенно выезжающих для встречи Государя на эту станцию, и от них узнать, что делается в наших краях (Мордвинов был родом из Новгородской губернии. — П. М.)»⁵.

Мордвинов не сообщает, прибыл или нет новгородский губернатор М.В. Иславин для встречи Императора. По мемуарам можно сделать отрицательный вывод, так как Мордвинов замечает: «Не найдя на платформе никого из своих новгородских знакомых и ожидающего фельдъегера, я поспешил войти в служебный вагон». Если учесть, что ни в воспоминаниях генерала Дубенского, ни в воспоминаниях полковника Мордвинова ни слова не говорится о встречах с губернатором, то это обстоятельство можно отнести ещё к одной странности этой поездки.

Прибыв в Малую Вишеру, пассажиры Собственного Императорского поезда с удивлением обнаружили стоящим на вокзале свитский поезд, который должен был быть уже далеко впереди. На недоумённый вопрос Мордвинова о причинах задержки Дубенский ответил, что «нам не советуют ехать дальше, так как, по слухам,

¹ Lomonosoff G. Memoirs of the Russian revolution. New York, 1919. Р. 31.

² Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М.: Вече, 2006. С. 216.

³ Катков Г.М. Указ. соч. С. 311.

⁴ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 55.

⁵ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 100.

*Любань и Тосно тоже заняты революционерами, и мы решили подождать вас, чтобы спросить, как поступать дальше*¹.

Генерал Цабель разбудил генерала Воейкова и доложил ему о занятии Любани и Тосно. Как пишет Дубенский, «*через несколько минут генерал Воейков вышел в коридор с всклокоченными волосами и начал с нами обсуждать, что делать. Некоторые из нас советовали ехать назад в Ставку, другие указывали на Псков. Генерал Воейков, помнится, сам не высказывался определённо ни за то, ни за другое предложение*².

Воейков говорил на допросе следственной комиссией Временного правительства, что, получив сведения о захвате Любани и Тосно, он разбудил Государя и доложил ему обстановку. Николай II спокойно выслушал и приказал повернуть обратно на Бологое, а оттуда свернуть на запад и идти на Псков. Воейков объяснял это тем, что Государь хотел связаться с Петроградом по аппарату Юза (усовершенствованный телеграфный электромеханический аппарат, изобретение английского физика Д. Юза). Воейков вышел от Государя весёлым и сказал лицам свиты: «*Мы едем в Псков, теперь вы довольны?*

Таким образом, по Воейкову и Дубенскому получается, что Император Николай II сам согласился с ранее им отвергаемым предложением ехать в Псков. Остаётся непонятным, почему Государь, который ещё четыре часа назад в Вышнем Волочке проигнорировал слухи о занятии Тосно и твёрдо приказал следовать в Царское Село, вдруг, в Малой Вишере, поверил аналогичным слухам о захвате Любани? Что изменилось в Малой Вишере по сравнению с Вышим Волчком? Ровным счётом ничего. Тем более что, по свидетельству Мордвинова, начальник Императорских поездов М.С. Ежов заверил, что «*путь не испорчен и до Любани свободен. Он добавил, что Тосно и Гатчина, через которые нам приходилось разворачивать на Царское, лишь по слухам заняты бунтующими и теперь идёт проверка этих слухов*

³.

Весьма сомнительно, чтобы Государь, который считал чрезвычайно важным как можно скорее прорваться в Царское Село, вдруг решил поехать за 320 вёрст от него назад пообщаться по Юзу. Эти переговоры не давали ничего по сравнению с той катастрофической потерей времени, к которой они бы привели.

¹ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 101.

² Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 55.

³ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 102.

В своих воспоминаниях Войков иначе, чем на допросе в ЧСК, описывал свой разговор с Государем в Малой Вишере. Он свидетельствовал, что спросил Государя, «что ему угодно решить». На встречный вопрос Императора, что Войков думает сам, Дворцовый комендант ответил, что он считает безусловно нежелательным ехать на Тосно. Войков сказал, что «из Малой же Вишеры можно проехать на Бологое и оттуда попасть в район, близкий к действующей армии... Государь мне ответил, что хотел бы проехать в ближайший пункт, где имеется аппарат Юза»¹.

Таким образом, из этого отрывка видно, что Император Николай II не предлагал ехать в Псков. Он хотел проехать к ближайшей станции, где была прямая связь с Петроградом. Нас хотят уверить, что такая прямая связь была только в Пскове. Однако это не так. Прямой провод имелся на станции Дно². Кстати, почти наверняка телеграфный электромеханический аппарат был и на станции Бологое, так как ещё в 1865 г. Д. Юз был приглашен в Россию для руководства вводом в эксплуатацию своих аппаратов на телеграфной линии Петербург—Москва³. Как известно, Бологое — крупнейшая станция между Петербургом и Москвой, и странно, если она не была оборудована современной телеграфной связью.

Мордвинов излагает причины разворота на Бологое несколько в ином ключе. Он пишет, что в 3 ч. ночи лёг спать и, проснувшись утром, обнаружил, что поезд идёт в обратном направлении. Ситуацию разъяснил граф А.Н. Граббе, который сообщил, что пришло подтверждение о том, что Любань занята большой толпой восставших солдат, испортивших железнодорожный путь, и что поэтому проехать через Тосно нельзя. Поэтому решили «вернуться назад в Бологое и кружным путём через Старую Руссу, Дно и Вырицу поехать в Царское Село. [...] До прибытия нас на Старую Руссу никаких предположений о перемене нашего маршрута на Псков не было»⁴. Как бы там ни было, Псков, как конечная цель маршрута, не мог быть выбран Императором Николаем II.

Это обстоятельство допускает предположение, что в ночь с 28 февраля на 1 марта не Государь распоряжался маршрутом своего поезда.

Это предположение становится уверенностью при ознакомлении с телеграммами, касающихся следования литерных поездов,

¹ Блок А. Указ. соч. С. 68.

² Миронов В.И. Маршрут длиной в 100 лет. Псков, 1997.

³ Артоболевский И.И., Благонравов А.А. Очерки истории техники в России (1861—1917). М.: Наука, 1975. С. 397.

⁴ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 103—104.

отправляемыми в Военную комиссию Государственной Думы, не-посредственно Бубликову. Эти телеграммы не оставляют сомнений в том, что в Малой Вишере Императорские поезда оказались под полным контролем революционных властей. Днём 28 марта в штаб заговорщиков в Петрограде пришла телеграмма без подписи и места отправления: «*По сведениям в 6 часов утра прибывает Николай II в Царское Село. Поезд идёт через Тосно, Гатчину и Царское Село. Нельзя ли задержать поезд? Нужно спешить*»¹.

Кто и откуда написал эту телеграмму, неизвестно, но последующие за ней события говорят сами за себя. Когда литерные поезда прибыли в Малую Вишеру, Тосно не было занято революционными войсками. Наоборот, туда прибыл командир Отдельного корпуса жандармов граф Д.Н. Татищев. Перепуганные осведомители революционеров из числа железнодорожных служащих сообщали в Петроград: «*Передайте коменданту Грекову, что в Тосно находится командир корпуса жандармов граф Татищев, принимает меры и ведёт переговоры с Малой Вишерой*»².

Какие меры предпринимал граф Татищев, становится понятным из другой телеграммы, по-видимому, отправленной Бубликову или Грекову: «*Командир корпуса жандармов на ст. Тосно приказал отделить паровоз и поставить на линию прохода поезда литера "А" с Высочайшими Особами (так!). Жду инструкций. И.о. коменданта ст. Петроград (фамилия неразборчиво. — П. М.)*»³. То есть по замыслу Татищева и, скорее всего, после его переговоров по прямому проводу с Царём Императорский поезд должен был сразу в Тосно получить готовый к отъезду паровоз и, не теряя ни минуты, следовать дальше на Гатчину и Царское Село. У Государя не было и в мыслях ехать искать аппарат Юза. Он по-прежнему всеми силами пытался прорваться в столицу.

Но, как показали последующие события, железные дороги к ночи 28 февраля уже контролировались революционерами, а не властями. Последовавшие из Петрограда от Бубликова и Керенского «инструкции» были немедленно воплощены в жизнь подконтрольными им железнодорожниками. Из их телеграмм становится полностью понятно, что возвращение Императорских поездов из Малой Вишеры обратно на Бологое стало результатом злонамеренных действий.

¹ Телеграммы о движении царского поезда. 1917 // ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1722. Л. 20.

² Телеграммы о движении царского поезда. 1917 // ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1722. Л. 8.

³ Телеграммы о движении царского поезда. 1917 // ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1722. Л. 21.

Как только поезда двинулись в сторону Бологого, причём в обратном порядке, теперь первым шёл собственный поезд, а за ним свитский, в Петроград была отправлена телеграмма: «Передайте коменданту станции Грекову, что *литерные поезда из М. Вишеры возвращены обратно. Станция Вишера из действия выключена. Перешедшие на сторону нового правительства все станции до Бологого выключены из действия*»¹. Из этой телеграммы следует, что *литерные поезда были фактически захвачены и вся телеграфная связь по пути их следования отключена.*

О том, насколько железные дороги контролировались мятежниками, становится понятным из переговоров по прямому проводу: «*Кто у аппарата? Дежурный телефонист. Нельзя ли добиться в службе движения или у начальника дороги, какие литературные поезда следует предъявить Николаевской железной дороге в Бологое для следования на Дно? Кто вы? Я, инженер Керн из МПС*»².

И.Ф. Керн, статский советник, 1-й заместитель начальника Николаевской железной дороги³, спокойно и деловито запрашивал своих новых революционных начальников, куда направлять ему поезд Императора Всероссийского. Из этого разговора становится понятно, что станция Дно была выбрана для отправки поездов не случайно.

Подтверждение того, что Императорские поезда были возвращены в Бологое насильно, мы находим и в расшифровке разговора по прямому проводу начальника отдела воинского движения полковника А.А. Бармина с полковником С.С. Карамышёвым 1 марта 1917 г. Карамышёв сообщал Бармину, что *литерные поезда прошли «до Вишеры, были повернуты и идут к нам (в Псков)»*⁴.

Баронесса С.К. Буксгевден вспоминала, что утром 1 марта и. о. Дворцового коменданта генерал-майор П.П. Гротен сообщил, что «*поезд Императора был задержан и направлен в Царское Село по Гатчинской дороге*»⁵.

¹ Телеграммы о движении царского поезда. 1917 // ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1722. Л. 5.

² Телеграммы о движении царского поезда. 1917 // ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1722. Л. 4.

³ Список личного состава министерства путей сообщений. Центральные и местные учреждения. Издание канцелярии министра. Пг., 1916. С. 302.

⁴ Переговоры по прямому проводу полковника А.А. Бармина с полковником С.С. Карамышевым // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Л., 1927. С. 34.

⁵ Буксгевден С.К. Указ. соч. С. 405.

Объективный анализ имеющихся источников приводит нас к выводу, что лица царской свиты в своих воспоминаниях по тем или иным причинам скрывали правду о том, что на самом деле происходило в литерных поездах 28 февраля и 1—2 марта 1917 г. Это не означает, что в их воспоминаниях всё ложно. Но главная цель — dezинформация. Особенно это касается генерала Дубенского. Нельзя не согласиться с мнением Л. Китаева, который в предисловии к сборнику 1927 г. «Отречение Николая II», сравнивая показания генерала Дубенского ЧСК и его же эмигрантские воспоминания, отмечал, что генерал «в августе 1917 года пытался изобразить себя “патриотом”, чуть ли не в духе Прогрессивного блока»¹.

После этого совсем не странным нам кажется отрывок из дневниковых записей Дубенского, касающихся обстоятельств поворота литерных поездов на Бологое. Надо признать, что генерал очень точно понял глубинный смысл этого поворота: «Этот ночной поворот в Вишере, — писал он, — есть историческая ночь в дни нашей революции. [...] Для меня совершенно ясно, что вопрос о конституции окончен, она будет введена, наверное. Царь и не думает спорить и протестовать. Все его приближённые за это. Все говорят, что надо только сторговаться с членами временного правительства»². И хотя есть большие основания полагать, что записи дневника Дубенского претерпели определённые изменения по согласованию с так называемыми «следователями» ВЧСК, фраза о «нашей революции» из уст свитского генерала говорит о многом.

Кроме того, не будем забывать, что воспоминания о том, что происходило в Императорских поездах в период с 27 февраля по 4 марта, оставила очень небольшая часть очевидцев. Не оставили воспоминаний герцог Н.Н. Лейхтенбергский, граф В.Б. Фредерикс, князь В.А. Долгоруков, М.С. Ежов, К.А. Нарышкин, граф А.Н. Граббе, барон Р.А. Штакельберг и др.

О честности воспоминаний царской свиты может свидетельствовать хотя бы следующий отрывок из записей Мордвинова. Он пишет, что утром 1 марта он узнал от графа Граббе, что ночью на Малой Вишере «наши железнодорожники свитского поезда разъединили путевой телеграфный провод на Петроград, перевели на другой конец паровоз и наш поезд быстрым ходом двигался назад»³.

¹ Китаев Л. Свидетели отречения. Вместо предисловия // Отречение Николая II. С. 8.

² Цит. по: Блок А. Указ. соч. С. 86.

³ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 104.

Из приводимых нами телеграмм железнодорожного начальства Малой Вишеры видно, что это оно, а не железнодорожники свитского поезда оборвали телеграфную связь между литерными поездами и Петроградом.

Роль Дворцового коменданта генерала В.Н. Войкова в событиях, связанных с направлением Императорского поезда в Псков, весьма туманна. Но факт, что 28 февраля он был вольным или невольным пособником заговорщиков, не вызывает сомнений.

28 февраля — 1 марта. Петроград

Ранним утром 28 февраля последний оплот законной власти, Адмиралтейство, где собрался отряд верных правительству войск, был осаждён революционными толпами. Генерал Беляев позвонил Родзянко, просил содействия. В ответ он услышал повелительно-угрожающий приказ Родзянко о немедленной сдаче. Это говорил уже не председатель Государственной Думы Российской империи, а глава революционного правительства. В унисон требованиям Родзянко пришло известие, что гарнизон Петропавловской крепости перешёл на сторону ВКГД.

В 11 ч. 30 мин. генерал Хабалов направил начальнику штаба Ставки генералу Алексееву телеграмму, в которой известил его, что «весь город захвачен революционерами, телефон не действует, связи с частями города нет»¹. В 12 ч. к Хабалову явился посыщик от морского министра Григоровича, который потребовал во избежание разрушения здания Адмиралтейства пушками Петропавловской крепости, немедленно его очистить. Беляев отдал приказ об уходе из Адмиралтейства, и через 15 мин. все войска покинули здание².

В 16 ч. в Адмиралтействе были арестованы военный министр М.А. Беляев, генералы С.С. Хабалов, А.П. Балк, О.И. Вендорф, М.И. Казаков. Всё Императорское правительство, за исключением министра иностранных дел Н.Н. Покровского и министра путей сообщений Э.Б. Войновского-Кригера, бывших, по всей вероятности, на стороне переворота, было арестовано.

Ещё утром революционный комендант Петрограда Б.А. Энгельгардт отдал приказ арестовать контрразведывательное отделение штаба округа, с его начальником полковником В.М. Якубовым. Управление контрразведки было разгромлено. Примечательно, что в помещении контрразведки находилась картотека на лиц,

¹ Телеграмма генерала С.С. Хабалова генералу М.В. Алексееву // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Л., 1927. С. 21.

² Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Л., 1927. С. 19.

личастных и подозреваемых в шпионаже в пользу Германии, которую полковник Якубов вёл с довоенного времени. При разгроме отделения картотека была полностью уничтожена¹.

Арестовали генерала П.Г. Курлова, митрополита Петроградского и Ладожского Питирима (Окнова), председателя Союза русского народа А.И. Дубровина, члена Государственного совета В.Ф. Трепова, всех офицеров Губернского жандармского управления. Начальник управления генерал-лейтенант И.Д. Волков был схвачен, избит и убит выстрелом в затылок. Жандармское управление было сожжено.

На Выборгской стороне неравный бой с мятежниками вели офицеры и солдаты самокатчики. Правительство пало исключительно из-за своей полной неспособности или нежелания к сопротивлению.

Как верно пишет генерал Спиридович: «Героев, готовых погибнуть, тогда было много в Петрограде, но высшая военная власть, растерявшиесь, не сумела их использовать и сама погибла бесславно»².

Весь день 28 февраля в охваченном мятежом Петрограде Родзянко вёл активные переговоры с генералом Алексеевым, с представителями Совета, с членами Прогрессивного блока. К концу дня Родзянко принял окончательное решение связать своё имя с новой властью. Он согласился действовать от имени Временного комитета Государственной Думы как от имени нового правительства. Сам Родзянко, как председатель этого комитета, становился главой этого нового самозваного правительства. Этот шаг означал ликвидацию Государственной Думы, так как её Временный комитет становился фактически временным правительством. Так, Родзянко окончательно сделал свой выбор в пользу революции. По приказу Родзянко в главном зале Государственной Думы из великолепной золоченой рамы, под отпускаемые шутки присутствующих, был извлечён портрет Императора Николая II. Во время заседания 28 февраля проколотый штыками портрет Государя валялся на полу за креслом Родзянко. Генерал Спиридович отмечал, что глумление над царским портретом «красноречиво говорило, что у Временного комитета с Государем в уме уже покончено»³.

Между тем 28 февраля Родзянко осознал, что власть ускользает из его рук. Пока он проводил время в бесплодных выступлениях на заседаниях, революционное крыло в лице Исполкома уверенно брало ситуацию в свои руки. Родзянко понимал, что если он протя-

¹ Старков Б.А. Указ. соч. С. 182.

² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 593.

³ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 594.

нет ещё немногого и начнёт действовать, то Исполнительный комитет окончательно перетянет одеяло власти на себя. В этой обстановке для Родзянко главное было быстро и решительно поменять носителя Верховной власти и закрепить свои позиции в качестве главы правительства. В этом Родзянко поддерживали такие представители Прогрессивного блока, как Милюков и Гучков. Они «были только рады закрытию Думы в тот самый момент, когда они были так близки к министерской власти». Милюков рассчитывал на революционное правительство и на конституционную монархию, «номинально возглавляемую несовершеннолетним Алексеем, при регентстве Великого Князя Михаила». В условиях такой политической системы Милюков и «его друзья, без препятствий со стороны реакционной Думы, надеялись провести радикальные реформы, которых они так долго и тщетно ждали»¹.

Гучков вспоминал, что в период с 28 февраля по 2 марта он и его сторонники боялись, что «будет провозглашено низложение власти Царя Советом солдатских депутатов, и тогда вопрос, кого “признавать”, будет предоставлен отдельным воинским частям. Мне хотелось поторопиться сохранить нить преемственности»².

Начиная с 28 февраля стал усиленно распускаться слух о предстоящем отречении Императора Николая II. Полковник лейб-гвардии 2-го стрелкового полка Н.А. Артабалевский вспоминал, как 28 февраля один из депутатов Думы сказал ему: «Император Николай II, вероятно, будет принужден передать престол своему сыну — Цесаревичу Алексею, а за его малолетством опекуншей будет Императрица Александра Фёдоровна, а регентом — Великий Князь Михаил Александрович»³.

В ночь с 28 на 1 марта Родзянко решил немедленно ехать в Бологое для встречи с Царём. Родзянко хотел потребовать от Государя отречения, а в случае его отказа — арестовать. Заговорщики планировали арест Государя, потому что были уверены, что Император Николай II находится в их руках.

Родзянко был приготовлен текст манифеста об отречении, который, по словам С.И. Шидловского, написал Милюков. Текста этого проекта манифеста не сохранилось. Однако в самом его существовании сомневаться не приходится. Английский посол Дж. Бьюкенен сообщал 1 марта лорду А. Бальфуру, что «Дума посыпает в Бологое

¹ Катков Г.М. Указ. соч. С. 300.

² Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 125.

³ Артабалевский Н.А. Тернистый путь. Царскосельская быль. 1917 год // Памятные дни. Из воспоминаний гвардейских стрелков. Таллин, 1937. С. 40—41.

делегатов, которые должны предъявить Императору требование отречения от престола в пользу сына»¹.

Шидловский утверждал, что этот манифест заключал в себе два абзаца: первый об отречении Государя от престола и второй о передаче престола Наследнику Цесаревичу. Разумеется, в проекте манифеста должен был быть ещё и третий абзац об утверждении парламентского строя во главе с Родзянко. В качестве представителя Исполкома вместе с Родзянко ехать на станцию Бологое решил и Чхеидзе. Он должен был поехать в сопровождении вооружённого отряда (Чхеидзе именовал его «красной гвардией»), который должен был арестовать Императора. Однако Чхеидзе и руководство Совета заявили, что они соглашаются только на первую часть манифеста, то есть на отречение Царя, и категорически выступают против передачи престола Цесаревичу Алексею. На это в свою очередь Родзянко и Шидловский заявили, что такого отречения они Государю не позволят, «так как считают невозможным предложить ему бросить престол на произвол судьбы, не указывая преемника»². Родзянко понимал, что безадресное отречение будет означать окончательное утверждение у власти Совета.

Выслушав отказ, Чхеидзе заявил, что в таком случае они Родзянко никуда не пустят. Наметилось явное противостояние между группой Родзянко и Советом. Скорее всего, именно в этот момент на имя Родзянко из Ставки поступила телеграмма начальника штаба генерала М.В. Алексеева, в которой тот требовал немедленно пропустить литерные поезда³.

Получив эту телеграмму, Родзянко, по всей видимости, показал её Чхеидзе и его советским соратникам с намёком или даже прямой угрозой, что армия поддерживает его линию. Противодействие ей могло бы означать, что Ставкой будет предпринята реальная, а не бутафорская попытка навести в Петрограде порядок. Конечно, Алексеев на этот шаг, скорее всего, не пошёл, так как слишком много его связывало с людьми из левого крыла. Но попугать их таким развитием событий он мог. Во всяком случае, когда член Исполкома Совета Н.Н. Суханов (Гиммер) заявил, что «Родзянко пускать к Царю нельзя», то из правого крыла Таврического дворца «для урегулирования вопроса был прислан некий полковник»⁴. Вполне возможно, что этот «некий полковник» и зачитал членам Исполкома телеграмму генерала Алексеева. «Через короткое

¹ Цит. по: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 75.

² Шидловский С.И. Воспоминания //Страна гибнет сегодня. С. 133.

³ Телеграмма генерала М.В. Алексеева М.В. Родзянко // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Л., 1927. С. 44.

⁴ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 67.

время, — вспоминал Суханов, — в комнату влетел бледный совершенно истрёпанный Керенский. На его лице было отчаяние. “Что вы сделали?.. — заговорил он прерывающимся, трагическим шёпотом. — Родзянко должен был ехать, чтобы заставить Николая подписать отречение, а вы сорвали это... Вы сыграли на руку монархии”¹.

Керенский понимал, что начинать противостояние с армией на подконтрольной ей территории невозможно. Поэтому весь вопрос с отречением надо было решить до прибытия литерных поездов на эту территорию. Последней станцией, на которой это было возможно, являлась станция Дно. Керенский отдал распоряжение члену Исполкома и ВВНР Бубликову начать энергичные действия по захвату Императорского поезда. Захват поезда виделся Керенскому как повторение ситуации с захватом Таврического дворца 27 февраля, когда Родзянко был вынужден утверждать состав Временного комитета под дулами вооружённых людей Керенского. В Дно Керенский думал захватить поезд и ждать Родзянко. Когда тот бы приехал, то вынужден был бы вести переговоры с Государем в окружении «красной гвардии» Исполкома. По всей видимости, возле станции Дно Императорский поезд был остановлен подконтрольными Исполкому силами. Но Родзянко, который уже направил Царю телеграмму и был готов выезжать, заранее узнал о событиях около станции Дно и сумел призвать на помощь штаб Северного фронта, который отбил поезд.

Ломоносов вспоминал, что весь день 1 марта Родзянко вёл «переговоры по военному проводу с генералом Рузским. До этого Комитет Думы никоим образом не мог найти понимание с Советом относительно того, что должно было быть сделано с Царём»².

Это объясняет, почему после переговоров с генералом Н. В. Рузским Родзянко направил свою телеграмму в Дно. Он был уверен, что ситуация будет контролироваться там армией. Однако, по всей видимости, Совет после провала захвата Императорского поезда его людьми попытался достичь с Родзянко компромисс. Судя по всему, этот компромисс, при посредничестве Ставки, достичь удалось. Во второй половине дня 1 марта Бубликов сообщил Ломоносову об «очень важной встрече», которая происходит «между Комитетом думы и Советом рабочих депутатов. Родзянко не может сейчас уехать, но передаёт, чтобы вы держали для него поезд. Мы получили ответ от генерала Рузского из Пскова. Армия с нами»³.

¹ Цит. по: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 68.

² Lomonosoff G. Op. cit. P. 33.

³ Lomonosoff G. Op. cit. P. 33.

После согласия генерала Рузского включиться в игру и гарантировать задержку Императора в Пскове, у Родзянко отпала необходимость ехать в Дно, а у Совета отбивать царский поезд. После этого Родзянко спокойно отдал распоряжение пропустить литературные поезда в Псков.

В 15 ч. 45 мин. в Императорский поезд пришла телеграмма от Родзянко, в которой он сообщал, что он экстренно выезжает «на ст. Дно для доклада Вам Государь о положении дела и необходимых мерах для спасения России. Убедительно прошу дождаться моего приезда, ибо дорога каждая минута. Председатель Государственной Думы Родзянко»¹.

Любопытно, что Родзянко в своей телеграмме Государю подписывается как председатель уже не существующей Государственной Думы, а не как председатель ВКГД, ставшего тогда уже фактическим революционным правительством.

Изоляция Императрицы Александры Феодоровны и Царских Детей

В 9 ½ утра 28 февраля Императрица Александра Феодоровна сообщила гувернёру Наследника П. Жильяру, что «столица фактически в руках революционеров и что Дума образовала Временное правительство, во главе которого стоит Родзянко». Государыня сказала, что она только что «получила от Государя телеграмму, в которой он извещает о своём прибытии к 6 часам утра. Но он желает, чтобы мы покинули Царское Село и переехали в Гатчину или чтобы мы выехали к нему навстречу». Императрица отдала распоряжение готовиться к отъезду².

Утром 28 февраля Государыня сказала баронессе Буксгевден, что нужно паковать вещи, так как возможно придётся «уехать вместе с Императорской семьёй из дворца». Но выяснилось, что покинуть дворец уже невозможно, так как «поезд могут просто не пропустить дальше по линии»³. Буксгевден вспоминала, что у «Императрицы до сих пор не было никаких известий от Императора, и она лишь с большим трудом могла справляться со своим беспокойством. Император обычно отвечал на её телеграммы в течение двух часов, поэтому его молчание оказалось для неё свидетельством того, что ситуация стала угрожающей и за пределами Петрограда»⁴. Тем же утром 28 февраля Государыня сказала своей

¹ Телеграмма М.В. Родзянко Императору Николаю II 1 марта 1917 // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2096. Л. 1.

² Жильяр Пьер. Император Николай II и его семья. М. 1991. С. 160.

³ Буксгевден С.К. Указ. соч. С. 398—399.

⁴ Буксгевден С.К. Указ. соч. С. 398—399.

подруге Ю. Ден, «что [она] неоднократно посыпала телеграммы Императору, но ответа так и не получила»¹.

Между тем информация о том, что 28 февраля выехать из Царского Села было невозможно, не соответствовала действительности. Великий Князь Борис Владимирович «выехал из Царского Села с обыкновенным пассажирским поездом по Виндавской железной дороге 1 марта вполне благополучно»².

Таким образом, Императрица Александра Феодоровна и Августейшие Дети не могли выехать из Царского Села не по причине революционной анархии на железных дорогах, а по причине их сознательной изоляции.

Пробравшийся из охваченного мятежом Петрограда генерал Глобачёв писал, что «Царское после всего того, что пришлось увидеть и пережить в Петрограде, поразило меня сохранившимся порядком и той тишиной, которая там царствовала. Посты Конвой Его Величества стояли на своих местах, дворцовая полиция продолжала исполнять свои обязанности»³. Следует отметить, что командование охраны Императорской резиденции уже 28 февраля проявляло странное отношение к происходящим событиям. Полковник Б.А. Герарди заявил генералу Глобачёву, что, по его мнению, события сводятся «к простому дворцовому перевороту в пользу Великого Князя Михаила Александровича»⁴. Генерал Спиридович приводит странные «остроты» Герарди: «Ну что ж, не будет Николая, будет Михаил»⁵.

В отсутствии Дворцового коменданта Воейкова его должность замещал командир лейб-гвардии Конногренадерского полка генерал-майор П.П. Гrotен, действия которого в февральские дни весьма подозрительны. Великий Князь Андрей Владимирович в своих записках писал, что Гrotен отказался прокомментировать своё бездействие по выполнению приказа Государя о вывозе Царицы и Детей из Царского Села: «Гrotен отделался полным неведением, что очень странно для помощника Дворцового коменданта, который по долгу службы обязан был принять все меры для спасения Императрицы и детей»⁶.

К вечеру 28 февраля из Петрограда прибыли отряды бунтовщиков, и Царскосельский гарнизон стал переходить на их сторону, не

¹ Ден Ю. Указ. соч. С. 130.

² Записки Великого Князя Андрея Владимировича // Звезда. 2008.

№ 4.

³ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 127.

⁴ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 127.

⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 600.

⁶ Записки Великого Князя Андрея Владимировича // Звезда. 2008.

№ 4.

исключая отдельных чинов Конвоя Его Величества и Дворцовой полиции. В городе, как и в Петрограде, начались разгромы полицейских участков, ограбление магазинов и тому подобное.

Ю. Ден позвонила флигель-адъютанту Императора капитану 1-го ранга Н.П. Саблину, проживавшего в Петрограде, и попросила его «приехать к нам в Царское Село, потому что Императорская семья нуждается в защите». Но Н.П. Саблин, которого Государь с Государыней считали другом семьи, в резкой форме от этого отказался.

В это же время в Александровский дворец прибыл другой флигель-адъютант — корнет лейб-гвардии Уланского полка граф А.С. Замойский. Он случайно оказался в Царском Селе, но счёл своим долгом явиться к Императрице и предоставить себя в её распоряжение.

Ко дворцу были стянуты по тревоге Собственный полк, матросы Гвардейского экипажа, Конвой Его Величества, рота Железнодорожного полка и батарея воздушной обороны. Это были внушительные силы, насчитывающие 1200 человек. Генерал Гротен и граф Бенкendorf предложили Императрице расположить Гвардейский экипаж внутри дворца, так как поступают сведения, что ситуация стала угрожающей. Действительно, были слышны выстрелы, на горизонте виднелось огромное пламя. Императрица согласилась, и Экипаж занял оборону вокруг и внутри Александровского дворца. Взбунтовавшиеся войска были уже в 500 метрах от дворца, возле Китайской деревни. Верные отряды подготовились к бою в случае внезапной атаки.

Около 12 ч. ночи Императрица Александра Феодоровна в сопровождении Великой Княжны Марии Николаевны вышла к солдатам. Обращаясь к ним, Государыня выразила уверенность, что они «не задумываясь, станут на защиту Наследника». Но выразила надежду, «что им всё-таки удастся избежать кровопролития»¹.

Захватившие Царское Село революционеры, отключили во дворце свет и воду. В пустом и погружённом в темноту дворце, окружённом революционными войсками, царило ощущение осаждённой крепости.

Взаимодействие Ставки и революционного правительства

Деятельность руководства Ставки, начавшаяся сразу же после отъезда Императора Николая II, привела к тому, что Высочайший приказ об отправке войск на Петроград был сорван.

Ещё вечером 27 февраля Государь отдал приказ направить на Петроград значительные воинские подразделения. Для подавления

¹ Буксгевден С.К. Указ. соч. С. 400.

мятежа в столицу должны были быть посланы войска Северного фронта в количестве двух кавалерийских и двух пехотных полков из числа «самых прочных, надёжных». Кроме того, этим силам придавалась пулемётная команда Кольта. Такой же отряд направлялся и с Западного фронта. Государь требовал направить «прочных генералов, смелых помощников»¹.

Прибытие таких крупных подразделений под командованием опытных начальников ожидалось не позднее дня 1 марта. Эти войска должны были подавить бунт и водворить порядок в столице.

Весь вечер 27-го, ночь и день 28 февраля Ставка демонстрировала кипучую деятельность по отправке войск. 28 февраля в 2 ч. 12 мин. ночи, когда Императорский поезд ещё стоял на перроне Могилёва, генерал Алексеев послал генералам Рузскому и Эверту телеграммы: «Государь Император повелел назначить сверх войск, высылаемых в Петроград, согласно предшествующей моей телеграмме, ещё по одной пешей и одной конной батарее от каждого фронта, имея на орудие по одному зарядному ящику»².

Перед самым отъездом Николай II приказал генералу Алексееву сообщить командующему Московским военным округом генералу от артиллерии И.И. Мрозовскому, что последнему предоставляется право объявить Москву на осадном положении³.

За 5 мин. до отъезда из Могилёва Императора Николая II генерал Алексеев доложил, что на Петроград дополнительно направляются 34-й Севский, 36-й Орловский, 2-й Гусарский Павлоградский и 2-й Донской Казачий полки под командованием генерал-майора В.П. Юрьева и генерал-лейтенанта князя Г.И. Трубецкого. Посадка этих частей в эшелоны должна была начаться в полдень 28-го и окончиться 2 марта⁴.

Однако на самом деле руководство Ставки делало всё, чтобы отправка войск происходила как можно более медленными темпами. Генерал Лукомский вспоминал, что с отправкой войск с Северного и Западного фронтов не торопились, было приказано лишь «под-

¹ Разговор по прямому проводу генерала М.В. Алексеева с генералом Ю.Н. Даниловым // Красный архив. Исторический журнал. М.—Пг., 1927. Т. 2 (21). С. 9—10.

² Телеграмма генерала М.В. Алексеева генералам Н.В. Рузскому и А.Е. Эверту // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 2 (21). С. 17.

³ Телеграмма генерала М.В. Алексеева генералу И.И. Мрозовскому // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 2 (21). С. 17.

⁴ Телеграмма генерала А.Е. Эверта генералу М.В. Алексееву // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 2 (21). С. 17.

готовить войска к отправке»¹. Это шло вразрез с прямым приказом Государя, повелевшего отправить войска в столицу немедленно.

В 1 ч. 40 мин. ночи 1 марта генерал Брусилов послал генералу Алексееву телеграмму, в которой спрашивал: подлежат ли предначертанные для подавления мятежа части «*теперь же или по получении особого уведомления?*»² Полученный из Ставки ответ генерала В.Н. Клембовского не оставлял сомнений: «*Отправление войск должно быть произведено только по получении от наштаверха особого уведомления*»³. Как верно писал В.С. Кобылин: «*Особое уведомление не было послано и эти войска не были присланы*»⁴.

В 15 ч. 45 мин. 1 марта от генерала Квецинского начальнику военных сообщений Западного фронта пришла телеграмма, в которой приказывалось «*отправленные в Петроград войска держать на больших станциях, которые ещё не отправлены — не грузить*»⁵.

В 2 ч. 30 мин. ночи 2 марта Рузский, ссылаясь на то, что Государь отдыхает, отдал самостоятельное решение задержать войска на станциях. Опасаясь, видимо, что эта проявленная им самостоятельность может вызвать множество неудобных вопросов, Рузский уже после происшедшего приписал в конце телеграммы: «*По повелению Государя*»⁶.

В первых числах марта все войска, посланные для усмирения Петрограда, были возвращены Ставкой в места их дислокации.

28 февраля 1917 г. сотрудничество начальника штаба генерал-адъютанта Алексеева и революционного правительства в Петрограде приняло открытый характер. Алексеев находился под сильнейшим влиянием революционного центра и менял свои, подчас вполне здравые решения под его влиянием. Так, 28 февраля в 11 ч. 15 мин. Алексеев послал министру Беляеву телеграмму, в которой спрашивал, может ли Министерство путей сообщения управлять железными дорогами. В противном случае, сообщал Алексеев, управление железными дорогами должно перейти в ведение то-

¹ Лукомский А.С. Указ. соч. С. 35.

² Телеграмма генерала А.А. Брусилова генералу В.Н. Клембовскому // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 2 (21). С. 47.

³ Телеграмма генерала В.М. Клембовского генералу А.А. Брусилову // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 2 (21). С. 48.

⁴ Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М.: Вече, 2008. С. 316.

⁵ Телеграмма генерала Квецинского начальнику военных сообщений Западного фронта // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 1 (21). С. 55.

⁶ Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова — генералу А.С. Лукомскому // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 127.

варища министра путей сообщения на театре военных действий. В 12 ч. 25 мин. 28 февраля Алексеев получил от Беляева ответную телеграмму, в которой министр подтверждал полный паралич МПС и полностью соглашался с переходом железных дорог под военный контроль¹.

Все участники тех событий сходятся на том, что контроль Ставки над железными дорогами, будь он осуществлён ещё даже 28 февраля, мог бы спасти положение. Товарищем министра ПС в Ставке был генерал-майор В.Н. Кисляков, которого генерал Спиридович прямо называл «изменником в Ставке»². В 12 ч. 35 мин. Кислякову передали копию телеграммы Беляева Алексееву с пометкой последнего: «Управление всеми железными дорогами временно принимаю на себя через товарища министра путей сообщения на театре военных действий. Генерал Алексеев»³. Кисляков тотчас явился к Алексееву, и после их разговора начальник штаба Верховного Главнокомандующего отказался от уже принятого им решения. Таким образом, генерал Алексеев добровольно передал важнейший стратегический объект под контроль революционным вождям. Между тем, как справедливо считал Г.М. Катков, «контроль над железными дорогами был делом первостепенной важности. Именно по железнодорожному телеграфу вся страна узнала о том, что произошло в Петрограде. Снабжение больших городов и армии полностью зависело от гладкой работы железнодорожной сети. Передавая железные дороги под начальство думского комиссара Бубликова, Алексеев лишил себя важнейшего орудия власти, которое при тех критических обстоятельствах вполне могло быть им использовано в решении политического кризиса»⁴. Это решение Алексеева стало одной из главных причин, по которым Император Николай II не прибыл в Царское Село 1 марта 1917 г.

Конец экспедиции генерала Н.И. Иванова

Генерал Н.И. Иванов выступил со своим отрядом из Могилёва 28 февраля 1917 г. в 13 ч. дня. Солдаты и офицеры Георгиевского батальона не знали поставленной им задачи. Им говорили только, что они должны будут охранять Царскую Семью⁵. В 6 ч. вечера 1 марта Иванов с отрядом прибыли в Вырицу. Здесь генерал остановился и издал приказ, в котором извещал, что Высочайшим повелением он

¹ Красный архив. Т. 2 (21). М.—Л., 1927. С. 25.

² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 634.

³ Красный архив. Т. 2. (21). М.—Л., 1927. С. 25.

⁴ Катков Г.М. Указ. соч. С. 315.

⁵ Доклад члена Чрезвычайной следственной комиссии генерала Ануткина по делу Иванова // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 105.

назначен главнокомандующим Петроградским военным округом¹. Иванов объявил об этом «всем войскам, всем без изъятия военным, гражданским, духовным властям, установлениям, учреждениям, заведениям и всему населению, находящемуся в пределах округа»². При этом в приказе не сообщалось, что должны делать все перечисленные им военные и гражданские власти. В приказе не было также никаких угроз мятежникам, никаких предупреждений о репрессиях и наказаниях, которые должны были быть неминуемо отражены в приказе «генерала-диктатора».

Вечером 28 февраля генерал Лукомский сообщал и. д. генерал-квартирмейстера Генерального штаба генерал-майору М.И. Занкевичу: «Генерал-адъютант Иванов прибудет в Царское Село в пять часов 1-го марта»³.

1 марта вечером генерал Иванов получил от генерала Алексеева телеграмму от 28 февраля, в которой тот фактически признавал Временное правительство, то есть тех мятежников, против которых Иванов должен был действовать. Ночью 1 марта Иванов, оставив свои войска в Вырице и даже не высадив их из поезда, один с небольшой группой сопровождающих прибыл в Александровский дворец Царского Села. Там он был принят Императрицей Александрой Феодоровной. После аудиенции у неё в 2 ч. 30 мин. ночи генерал Иванов заявил собравшимся, что ничего предпринимать не будет, так как «Императрица против этого». Это не соответствовало действительности: Государыня, наоборот, «уверяла генерала, что энергичными действиями он может восстановить порядок в Петрограде»⁴.

После визита в Александровский дворец генерал Иванов отправился на Царскосельский вокзал, где в 0 ч. 20 мин. 2 марта ему была передана телеграмма: «Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать. Николай»⁵. Об отправке этой телеграммы генерал Рузский сообщил Родзянко во время их переговоров по прямому проводу ночью 2 марта: «Генерал-адъютанту Иванову несколько часов тому назад Государь Император дал указание не предпринимать ничего

¹ Приказ генерала Н.И. Иванова по Петроградскому ВО // ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1722. Л. 18.

² Приказ генерала Н.И. Иванова по Петроградскому ВО // ГАРФ. 1779. Оп. 1. Д. 1722. Л. 18.

³ Переписка Ставки // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Доп. Д. 1751(1). Л. 5.

⁴ Записки Н.М. Романова. Предисловие А.А. Сергеева // Красный архив. Исторический журнал. М., 1931. № 6 (49). С. 109—110.

⁵ Телеграмма Императора Николая II на имя генерал-адъютанта Н.И. Иванова // Отречение Николая II. С. 231.

до личного свидания; эта телеграмма послана через Петроград и остаётся только пожелать, чтобы она быстрее дошла до генерала Иванова»¹. Между тем сам Иванов в 1 ч. 30 мин. 3 марта послал Алексееву следующую телеграмму: «До сих пор не имею никаких сведений о движении частей, назначенных в моё распоряжение. Имею негласные сведения о приостановке»². Получается, что либо телеграмма от имени Государя из Пскова не уходила, либо её не передали Иванову из Петрограда.

В 18 ч. 55 мин. 2 марта генерал Алексеев передал Государю телеграмму от Родзянко, в которой тот просил командировать в Петроград генерала Л.Г. Корнилова. Испрашивая у Государя разрешение на это назначение, Алексеев просил также «отозвать генерал-адъютанта Иванова в Могилёв»³. Подлинник этой телеграммы находится в РГВИА. Она была также опубликована в «Красном архиве» в 1928 г. Однако копия этой телеграммы была помещена в эмигрантском издании «Русская летопись» в 1922 г.⁴ Эти копии были переданы редакции издания вдовой генерала Рузского. На многих копиях Рузский оставил свои пометки. В частности, на копии данной телеграммы Рузский написал: «На телеграмме рукой Его Величества начертано: “Исполнить. Н.”»⁵. Однако в подлиннике такой пометки Царя нет.

В 21 ч. 20 мин. Данилов сообщил Алексееву о решении Государя отозвать Иванова в Могилёв, а Рузский уведомил об этом Родзянко⁶. Сам Иванов в телеграмме Алексееву от 3 марта сообщал, что известие о возвращении в Могилёв он получил от Родзянко, а не от Государя⁷. По всей видимости, вечером 2 марта генерал Алексеев об отыске генерала не поверил, так как тогда же начинается странная активность Алексеева по поискам «пропавшего» Иванова. Наштаверх приказал направить на его поиски офицеров Ставки⁸. По всей

¹ Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 131.

² Донесения и переписка командующих армиями об отречении от престола Императора Николая II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1756 (3). Л. 109.

³ Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 2 (22). С. 10.

⁴ Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 142—143.

⁵ Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 143.

⁶ Донесения и переписка Ставки и главноком. армий // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(3). Л. 148.

⁷ Донесения и переписка Ставки главноком. армий // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1754 (3). Л. 171.

⁸ Донесения и переписка главноком. армий // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753 (1). Л. 27.

вероятности, эти «поиски» объясняются тем, что Алексеев был не на шутку обеспокоен той исключительной ролью, какую стал играть в перевороте генерал Рузский. Ведь фактически главкосев отрезал от внешнего мира не только Императора, но и самого Алексеева. Именно от Рузского Алексеев узнавал всё, что происходило в Пскове и в Петрограде. Вполне возможно также, что Алексеев, который на определённом этапе намечался частью заговорщиков в «диктатуры», рассчитывал завершить свою игру в Царском Селе, где бы его на эту должность назначил доставленный туда Николай II¹.

2 марта, находясь в Вырице, Иванов получил телеграмму от Гучкова, отправлявшегося в Псков к Царю, в которой высказывал Иванову пожелание увидеться с ним или в Пскове, или «на обратном пути из Пскова в Петроград»². «Рад буду повидать Вас, — отвечал заклятому врагу Императора «диктатор» и «усмиритель», — мы на ст. Вырица». На этом «карательный поход» генерала Иванова закончился. Поздно вечером 2 марта генерал Тихменёв доложил Алексееву: «Генерал-адъютант Иванов с Георгиевским батальоном выехал в 15 ч. 3 марта из Вырицы в Могилёв»³.

Великий Князь Николай Михайлович, оценивая результаты этого «бумажного похода», писал, что вся «карательная экспедиция сделалась водевилем» и была инсценировкой, созданной руками «Гучкова, и Алексеева, чтобы усыпить возможное беспокойство императора и чтобы создать себе отчёт об истинном настроении войск Царскосельского гарнизона»⁴.

1 марта 1917 г. Среда. Собственный Его Императорского Величества поезд

Рано утром 1 марта 1917 г. Собственный Императорский поезд продолжал своё следование на станцию Бологое. Во время следования от Малой Вишеры до Пскова, по свидетельствам лиц свиты, Государь ни разу не выходил на станциях прогуляться по перрону и не отправил ни одного письма, ни одной телеграммы Императрице Александре Феодоровне.

Следует отметить, что и то и другое было совершенно необычно для Царя. Как известно, он очень любил пешие прогулки и всегда,

¹ Савич С.С., генерал. Принятие Николаем II решения об отречении от престола // Отречение Николая II.

² Цит. по: Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 165.

³ Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 1 (21). С. 31.

⁴ Записки Н.М. Романова // Красный архив. Исторический журнал. М., 1931. № 6 (49). С. 109—110.

когда была хоть малейшая возможность, их совершал. О том, что Государь ежедневно, иногда несколько раз в день, отправлял письма и телеграммы Императрице, говорить не приходится.

1 марта вокруг Императора Николая II образуется полная информационная блокада. Несколько дней Россия ничего не будет знать о своём Государе, довольствуясь лишь слухами, а 4 марта страна узнает об отречении его от престола.

В 9 ч. утра Императорский поезд прибыл в Бологое, где он, по утверждению Спиридовича, «*едва не попал в руки революционного правительства, о чём никто не подозревал*». Спиридович уверяет, что «*о прибытии Государя со станции кто-то дал знать в Петербург в министерство Бубликову*». Бубликов запросил Родзянко, что делать с царским поездом, и Родзянко приказал поезд «*задержать, Государю передать телеграмму от Родзянко с просьбой дать ему аудиенцию, приготовить для его поездки в Бологое поезд*»¹.

Родзянко в Бологое не поехал, а Императорский поезд вдруг отправился по Виндавской железной дороге через Дно на Псков. Принято считать, что инициатива этого отправления исходила от Государя. Но к тому времени маршрут Императорских поездов контролировался уже новыми властями и осуществлялся перешедшим на их сторону железнодорожным начальством. А потому поезд сам отправиться на станцию Дно не мог. Тем не менее это внезапное отправление Императорских поездов вызвало крайнее беспокойство Бубликова и Ломоносова. Они потребовали от железнодорожников немедленно задержать литерные поезда любой ценой. В 11 ч. утра Бубликов отправил начальнику Виндавской железной дороги телеграмму, в которой требовал «*сделать физически невозможным движение каких бы то ни было поездов в направлении от Бологое в Дно. За неисполнение или недостаточно срочное исполнение настоящего предписания будете отвечать как за измену перед Отечеством*»². Несмотря на эту грозную телеграмму, Императорский поезд днём прошёл Старую Руссу, на вокзале которой, по свидетельству Дубенского, собралась огромная толпа, которая при виде поезда снимала шапки и кланялась³. Эти свидетельства Дубенского не подкрепляются другими свидетельствами. Мордвинов пишет только, что «*в Старой Руссе текла обычная мирная жизнь*». Войков вообще ничего об этом не сообщает. Кроме того, известно, что железнодорожная телеграфная связь была отключена и, по словам

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 629.

² Телеграмма А.А. Бубликова о задержке императорского поезда // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.) Д. 1753(1). Л. 34.

³ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 57.

А.А. Мордвинова, «о непосредственном движении императорского поезда предупреждались только соседние станции». Откуда же на станции успела собраться «огромная толпа»?

Воейков пишет, что в Старой Руссе ему «удалось по аппарату получить сведения, что генерал-адъютант Иванов только в это утро, то есть в среду, прошёл станцию Дно. Это известие, доложенное мною Государю, произвело на него неприятное впечатление; Его Величество спросил меня: “Отчего он так тихо едет?” Тот же вопрос задавался и лицами свиты»¹. Но «лица свиты» в своих воспоминаниях ни слова не пишут о своём беспокойстве в связи с рейдом генерала Иванова. Наоборот, по сведениям Мордвинова, днём 1 марта пришло «благоприятное известие, что генерал Иванов со своим эшелоном благополучно, без задержки проследовал через Дно и должен быть уже в Царском Селе»². В Старой Руссе, по словам Мордвинова, стало известно, что «мост по Виндавской дороге якобы испорчен, или ненадёжен, и было решено двигаться на Псков». Очевидно, что история про неисправный мост нужна была для того, чтобы объяснить следование Императорских поездов не на Вырицу и Царское Село, а на Псков.

Когда Собственный Императорский поезд, повернутый изменившими железнодорожными служащими в сторону Пскова, утром 1 марта проследовал Старую Руссу, Воейков послал шифрованную телеграмму генерал-адъютанту Алексееву. В ней дворцовый комендант просил Наштаверха «распорядиться о беспрепятственном проезде»³. Это обращение Воейкова именно к генералу Алексееву весьма показательное. Почему Воейков обратился не к главнокомандующему армиями Северного фронта генералу Рузскому, что было бы логично, а к начальнику штаба Ставки? По имеющимся документам, официального ответа генерала Алексеева на эту телеграмму не было. Из разговора по прямому проводу между полковником А.А. Барминым и С.С. Карамышевым, состоявшегося 1 марта в 12 ч. 10 мин., становится известным, что литературный «А» вышел из Старой Руссы в 11 ч. 45 мин. в направлении на Псков. Поезд не имел официального наряда. Тем не менее в штаб Северного фронта поступило распоряжение обеспечивать поезду благополучное следование. Бармин предполагал, что «приказание, наверное, получено из поезда»⁴. Точное время прибытия поезда на станцию Дно неиз-

¹ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 168—169.

² Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 103.

³ Телеграмма В.Н. Воейкова генералу М.В. Алексееву // ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1722. Л. 3.

⁴ Переписка Ставки // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1751(3). Л. 3.

вестно. Лица свиты утверждали, что это было в 15 ч., В.Н. Войков на допросе ЧСК — «в Дно мы приехали в 6 часов вечера»¹. Лица свиты пишут, что ничего особенного в Дно не произошло. «Станцию Дно мы прошли совершенно спокойно», — пишет Д.Н. Дубенский. А.А. Мордвинов вообще ничего об остановке в Дно не писал².

Однако имеются сведения, позволяющие считать приезд на Дно литерных поездов совсем не «благополучным».

В книге псковского железнодорожника В.И. Миронова утверждается, что 1 марта 1917 г. на станции Дно Императорский поезд был захвачен, а Император Николай II объявлен арестованным. Миронов в 1965 г. был председателем комиссии по созданию музея железнодорожного депо станции Дно. По утверждению Миронова главную роль в задержании Императорского поезда сыграл начальник станции Дно И.И. Зубрилин. Именно ему поступила от начальника Виндавской железной дороги Л.А. Гринчука-Лукашевича следующая телеграмма: «Вам на станцию Дно следует поезд с Императором Николаем, необходимо его задержать, чтобы не пробрался на Северный фронт действующей армии, примите меры, загромоздите пути крушением вагонов другого поезда. Этого требует от вас революция»³.

Получив этот приказ, Зубрилин вызвал инженера депо Н.Ф. Шуравского, и они стали планировать, как задержать поезд. По утверждению Миронова, Зубрилин составил подложную путевку и послал навстречу Императорскому поезду товарный поезд. Затем Зубрилин с помощниками сел на паровоз и отправился со станции вдогонку, чтобы устроить крушение поезда для загромождения пути. Однако якобы жандармы остановили паровоз со злоумышленником⁴.

Несмотря на то что сведения В.И. Миронова нуждаются в серьёзной проверке, его информация вполне похожа, за исключением некоторых деталей, на правду. Зубрилин嘗試 остановить литерный поезд возле станции Полонка. Станция Полонка находится примерно в 60 км от Дно. Если попытка остановить поезд была осуществлена в 13 ч., то с учётом того, что литерный поезд шёл медленнее, чем обычно, примерно со скоростью 80 км/ч, а попытка крушения, конечно, заставила поезд остановиться и какое-то время находиться без движения, то его прибытие в Дно в 15 ч. вполне укладывается в обозначенный временной отрезок.

¹ Допрос В.Н. Войкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 949. Л. 28.

² Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 58.

³ Миронов В.И. Маршрут длиной в 100 лет. Псков, 1997. <http://pskovrail.narod.ru/main855.html>

⁴ Миронов В.И. Указ. соч. <http://pskovrail.narod.ru/main855.html>

Если исходить из приводимых в книге Миронова данных, то получается, что остановить поезд в Полонке злоумышленникам не удалось. Миронов приводит показания 1920-х гг., сделанные неким чекистом Симоновым. Симонов утверждал, что Императорский поезд был всё-таки задержан, но задержан в самом Дно. «*1-го марта 1917 года, — писал Симонов, — на станцию Дно прибыли представители ревкомов из Пскова и Великих Лук и наложили арест на царя Николая II и его свиту. Поздно вечером военному коменданту полковнику Фрейману с большим трудом удалось отправить арестованных в Псков, где последний царь из династии Романовых отрёкся от престола*»¹.

В этих показаниях особый интерес представляют сведения о некоем военном коменданте полковнике Фреймане, который, если верить чекисту Симонову, отправил арестованного Императора Николая II в Псков. Полковник Фрейман, если он существовал в действительности, явно не был одним из посланников Бубликова, которые тоже участвовали в захвате поезда. Характерно, что Фрейману с трудом удалось отбить поезд от посланников Совета. Тем не менее он действовал тоже враждебно по отношению к Императору. Отправляя царский поезд в Псков, Фрейман выполнял задание другой силы.

Не исключено, что при захвате поезда применялось огнестрельное оружие. Полковник Пронин вспоминал, что когда Государя доставили 4 марта в Ставку в Могилёв, то он, Пронин, глядя на вагон, в трёх шагах от него находившийся, «был поражён большим на нем количеством каких-то царапин и изъянов. Покраска местами как бы потрескалась и большими слоями поотваливалась — “будто следы от попавших в него мелких осколков снарядов”, — мелькнула мысль»².

События, произошедшие с Императорскими поездами на пути Бологое — Псков, отражали борьбу, развернувшуюся между группой Родзянко и Ставкой, с одной стороны, и представителями Совета — с другой. Об этой борьбе мы уже говорили выше. Целью этой борьбы был контроль над литерными поездами и над Государем, а в конечном счёте утверждение у власти одной из противоборствующих сторон.

В 15 ч. 45 мин. в Императорский поезд пришла телеграмма от Родзянко, в которой он сообщал, что экстренным поездом выезжает «на ст. Дно для доклада Вам Государь о положении дела и необходимых мерах для спасения России. Убедительно прошу дождаться моего приезда, ибо дорога каждая минута. Председатель Государственной Думы Родзянко»³.

¹ Миронов В.И. Указ. соч. <http://pskovrail.narod.ru/main855.html>

² Пронин В.М. Указ. соч. С. 78.

³ Телеграмма М.В. Родзянко Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2096. Л. 1.

Начиная со станции Дно, контроль над передвижением Императорских поездов переходит к генералам Верховного командования. Не случайно Войейков направил свою телеграмму генералу Алексееву, прося его обеспечить беспрепятственный проезд до Пскова. Однако эти генералы действовали не сами по себе, а тесном единении с Родзянко.

Со стороны Родзянко на станции Дно готовилась попытка заставить Государя либо отречься от престола, либо ввести Ответственное министерство. В связи с этим весьма любопытна телеграмма, отправленная генералом Брусиловым 1 марта в 19 ч. на имя графа Фредерикса для передачи Императору Николаю II. Брусилов посыпал свою телеграмму в Дно, не зная ещё, что Императорский поезд уже подошёл к Пскову. В своей телеграмме Брусилов писал: «*По долгу чести и любви к Царю и Отечеству, обращаюсь к Вашему Сиятельству с горячей просьбой дождожить Государю Императору мой всеподданнейший доклад и прошение признать совершившийся факт и мирно и быстро закончить страшное положение дела. Россия ведёт грозную войну, от решения которой зависит участь и всего нашего Отечества и Царского Дома. Во время такой войны вести междуусобную брань совершенно немыслимо, и она означала бы безусловный проигрыш войны, к тому времени, когда вся обстановка складывается для нас благоприятно. Это угрожает безусловной катастрофой и во внутренних делах*»¹.

Какой «свершивший факт» просил Царя признать Брусилов? Почему это решение должно было предотвратить «междоусобную брань»? Эти же аргументы мы будем слышать через сутки, когда генералы Ставки будут настаивать на даровании Ответственного министерства, а потом и на отречении Императора от престола. Поэтому можно быть уверенным, что в телеграмме Брусилова речь шла о том же, о чём будет настаивать перед Государем генерал Рузский 2 марта: об Ответственном министерстве или отречении. Из текста телеграммы Брусилова следует, что он знал о том, что должно было произойти на станции Дно, и думал, что то, что должно было произойти — состоялось. Поэтому Брусилов убеждает Императора подчиниться обстоятельствам. В этом и весь смысл его телеграммы.

Предположение, что Император Николай II был лишен свободы, на станции Дно, находит многочисленные подтверждения в выскаживаниях и воспоминаниях участников тех событий. Генерал Спиринович вспоминал, что 1 марта, в конце дня, он позвонил бывшему директору Департамента полиции сенатору С.П. Белецкому, ожи-

¹ Телеграмма генерала А.А. Брусилова графу В.Б. Фредериксу // Красный архив. Исторический журнал Т. 2 (21). М.—Л., 1927. С. 47.

давшего с минуты на минуту ареста. «Тоном убитого, совершенно расстроенного человека, видимо от душивших его слёз, Белецкий сообщил, что он только что узнал, что в Думе решено добиваться отречения Государя. Всё кончено. Бедный Государь. Отречение уже только дело времени. Поезд Государя уже задержан»¹.

Генерал Глобачёв вспоминает, что 1 марта он находился в Царском Селе. «Ожидавшийся из Могилёва царский поезд не прибыл. Распространился слух, что Государь арестован и в Царское не прибудет»².

Полковник В.М. Пронин 1 марта вечером находился в Могилёве в Ставке: «В городе уже ходили разного рода тревожные версии и слухи об аресте Государя»³.

Княгиня Е.А. Нарышкина 1 марта записала в свой дневник: «Тревога невыразимая — где Государь? Говорят, его задержали в Бологом. От него нет никаких известий»⁴.

Княгиня О.В. Палей о событиях 1 марта писала: «В восемь утра за великим князем [Павлом Александровичем] прислали автомобиль — ехать на станцию встречать Государя. Тот должен был прибыть в восемь тридцать. Великий князь ожидал на вокзале, в Императорском павильоне. Спустя некоторое время он вернулся в крайней тревоге. Государь не приехал! На полпути из Могилёва в Царское революционеры во главе с Бубликовым остановили царский поезд и направили его в Псков»⁵.

Генерал Спиридович вспоминал, что 1 марта в Царском Селе все ожидали приезда Государя. «В 5 часов (вечера. — П. М.) пришла первая весть: поезд Государя задержан, Императора в Царское Село не пустят»⁶.

Императрица Александра Феодоровна писала Супругу 1 марта, что произошла «величайшая низость и подłość, неслыханная в истории»; «они подло поймали тебя, как мышь в западню»⁷.

Но самыми выразительным является распоряжение Родзянко, данное им после своего отказа приехать на станцию Дно для свидания с Государем. «Императорский поезд, — указывал Родзянко

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 613.

² Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 127—128.

³ Пронин В.М. Указ. соч. 114.

⁴ Дневник княгини Е.А. Нарышкиной // ГАРФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 6.

⁵ Палей О.В. Мои воспоминания о русской революции // Страна гибнет сегодня. С. 188.

⁶ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 618.

⁷ Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. Т. 5. С. 229—230.

Ломоносову, — назначьте, и пусть он идёт со всеми формальностями, присвоенными императорским поездам»¹.

Совершенно ясно, что раз Родзянко давал разрешение на отправление литерного поезда, да ещё указывал на соблюдение необходимых формальностей, значит, именно от него, Родзянко, зависело, двинется царский поезд дальше или нет. Вот почему сведения о том, что Император якобы не дождался Родзянко в Дно, что он якобы ему передал, что будет ждать его в Пскове, являются дезинформацией. Это Родзянко приказал отправить литерные поезда из Дно в Псков, и сам Родзянко отменил свой приезд к Императору.

В 19 ч. 30 мин. свитский поезд прибыл в Псков. Около 20 ч. на запасном пути псковского вокзала мягко остановился собственный поезд Его Величества. Начался последний акт трагедии.

Глава 4

Спецоперация «Отречение»

Прибытие Императора Николая II во Псков

Собственный Императорский поезд литера «А» прибыл в Псков гораздо позже, чем его там ожидали: 19 ч. 30 мин. вместо 16—17 ч.² Удивительно, что камер-фурьерский журнал, который является одним из самых точных документов, указывает время прибытия собственного Императорского поезда — 19 ч. 05 мин.³

Единственным объяснением столь долгой задержки Императорских поездов могли быть события на станциях Бологое и Дно. Кстати, во время допроса В.Н. Воейков на вопрос председателя комиссии Н.К. Муравьёва, был ли задержан поезд в Дно, поспешил ответить: «*Нет, всё было нормально*»⁴.

Между тем имеется запись странных переговоров, которые вели неустановленные лица Ставки со штабом Северного фронта. Один из офицеров запросил штаб Северного фронта, когда там собираются отправить литерные поезда на Псков. Ответ: «*Распоряжение с поездом последовало задержать его. До какого времени, неизвестно*»⁵. Этот разговор является очередным подтверждением того, что дви-

¹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 73.

² Установление нового строя. Переписка Ставки // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1751 (1). Л. 1.

³ Пребывание Государя Императора в действующей армии. Февраль—март 1917 // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (доп.). Д. 25. Л. 9.

⁴ Допрос В.Н. Воейкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 949. Л. 27.

⁵ Установление нового строя. Переписка Ставки // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1751(1). Л. 47.

жение Императорскими поездами осуществлялось уже не Государем, а некими посторонними лицами.

Встреча в Пскове Императорского поезда 1 марта 1917 г. разительно отличалась от того, как обыкновенно встречали Царя. Мордвинов вспоминал: «*Будучи дежурным флигель-адъютантом, я стоял у открытой двери площадки и смотрел на приближающуюся платформу. Она была почти не освещена и совершенно пустынна. Ни военного, ни гражданского начальства (за исключением, кажется, губернатора), всегда задолго и в большом числе собиравшегося для встречи Государя, на ней не было*»¹.

Такие же воспоминания оставил и Дубенский: «*Станция темноватая, народу немного, на платформе находился псковский губернатор, несколько чинов местной администрации, пограничной стражи, генерал-лейтенант Ушаков и ещё небольшая группа лиц служебного персонала. Никаких официальных встреч, вероятно, не будет, и почётного караула не видно*»².

Начальник штаба Северного фронта генерал Данилов добавляет к предыдущим воспоминаниям: «*Ко времени подхода царского поезда вокзал был оцеплен, и в его помещения никого не пускали. На платформе было поэтому безлюдно. Почётный караул выставлен не был*»³.

Заместитель главы уполномоченного по Северному фронту Всероссийского земского союза князь С.Е. Трубецкой, который поздно вечером 1 марта прибыл на псковский вокзал для встречи с Государем, отмечал: «*Вокзал был как-то особенно мрачен. Полиция и часовые фильтровали публику. Полиции было очень мало... “Где поезд Государя Императора?” — решительно спросил я какого-то дежурного офицера, который указал мне путь, но предупредил, что для того, чтобы проникнуть в самый поезд, требуется особое разрешение. Я пошел к поезду. Стоянка царского поезда на занесенных снегом неприглядных запасных путях производила гнетущее впечатление. Не знаю почему — этот охраняемый часовыми поезд казался не царской резиденцией с выставленным караулом, а наводил неясную мысль об аресте... Я пошел к вокзалу. Тихо и тоскливо, заносимые снегом запасные пути — и на них стоит почти не освещённый, одинокий и грустный царский поезд*»⁴.

¹ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 104.

² Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 58.

³ Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 2002. С. 370.

⁴ Трубецкой Е. Минувшее. М.: ДЭМ, 1991.

Приведенные воспоминания позволяют сделать следующие выводы: 1) Императорский поезд по прибытии в Псков был поставлен на запасные пути; 2) вокзал был оцеплен; 3) почётного караула выставлено не было; 4) официальной встречи Государю оказано не было; к Императору Николаю II никого не пускали без специального разрешения генерала Рузского.

Всё это, вместе взятое, свидетельствует о том, что Император Николай II прибыл в Псков уже лишённым свободы.

В связи с этим представляется интересным поведение губернатора Пскова Б.Д. Кошカラова вечером 1 марта. На горячие доводы вице-губернатора Пскова В.С. Арсеньева, что нужно ехать на вокзал и сообщить Государю о беспорядках в Петрограде, Кошカラов ответил: «*Родзянко и Дума и без нас сумеют сохранить порядок*»¹. Арсеньев решился сам проникнуть в Императорский поезд и рекомендовать Императору Николаю II ряд мер по сохранению монархии. Однако к Государю его не пустили². Возвращаясь из поезда, Арсеньев заметил, что за время, проведенное в дороге (от Могилева), царский вагон страшно облез. (Вспомним, что такое же впечатление произвёл вагон и на полковника В.М. Пронина.)

Приехав ночью в дом губернатора Кошカラова, Арсеньев был удивлён тем, что там был устроен большой званный ужин. Если учесть, что Кошカラов по пропуску генерала Рузского попал в Императорский поезд, то можно с уверенностью говорить о его причастности к заговору.

В 0 ч. 15 мин. 2 марта из Пскова в Царское Село была отправлена следующая телеграмма: «*Её Величеству. Прибыл сюда к обеду. Надеюсь, здоровье всех лучше и что скоро увидимся. Господь с вами. Крепко обнимаю. Ники*»³.

Эта телеграмма вызывает ряд вопросов. Обычно Император Николай II посыпал Императрице Александре Феодоровне телеграммы сразу же после прибытия на ту или иную станцию. В данном случае прошло целых 3 часа с момента прибытия и отправки телеграммы. А ведь это было первое известие, которое о себе дал Император после Лихославля (28 февраля в 21 ч. 27 мин.)! То есть прошло уже больше суток. Очень не похоже на Государя, всегда отличавшегося чуткостью и заботой о близких. Ещё более поражает, что получена эта телеграмма была в Царском Селе только в 12 ч., 55 мин. 2 марта. То есть она шла половину суток! Однако, в конце

¹ Цит. по: Николаев П.А. Историческая драма в Пскове (март 1917 года). Псков, 2003. С. 68.

² Николаев П.А. Историческая драма в Пскове. С. 67.

³ Телеграмма Императора Николая II Императрице Александре Феодоровне от 1 марта 1917 // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 108. Л. 133.

концов, это можно объяснить чрезвычайными обстоятельствами. Настораживает другое.

Дело в том, что практически все телеграммы Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна посыпали друг другу на английском языке. Из всех отправленных во время войны Императором телеграмм в Царское Село лишь две написаны по-русски. Телеграммы на русском языке касались в основном каких-нибудь официальных поздравлений или событий общественной жизни. **Они не носили интимно-личного характера.** Телеграммы, посланные Государем из Ставки во время его последней поездки, были также написаны по-английски. Все, кроме двух: вечером 28 февраля из Лихославля и ночью 2 марта из Пскова. Эти телеграммы написаны по-русски. Причём обе телеграммы носили явно личный характер. Примечательно, что после псковской телеграммы Царь вновь не посыпал Царице ни одного известия о себе вплоть до 4 марта, когда отправил из Могилёва телеграмму вновь на английском языке. С 4 по 7 марта Император Николай II уже регулярно, как обычно, посыпает в Царское Село телеграммы, и все на английском языке.

Возникает вопрос: почему вдруг Император Николай II изменил своему правилу ровно в двух телеграммах? Не потому ли, что они посыпались не им, а заговорщиками от его имени?

После того как Императорский поезд поставили на запасной путь, к нему неспешно направился генерал Рузский в сопровождении начальника штаба фронта генерала Данилова. Наштасев «шёл согбенный, седой, старый, в резиновых галошах; он был в форме генерального штаба. Лицо бледное, болезненное, и глаза из-под очков смотрели неприветливо»¹. Рузский медленно поднялся по ступенькам вагона и вошёл в царский поезд.

«Псковские манифесты». Подлинники или фальшивки?

По официальной версии, Император Николай II в период с вечера 1 марта до ночи 3 марта по собственной воле трижды соглашался на подписание трёх манифестов. Первый из этих манифестов вводил Ответственное министерство, то есть кардинально изменял политическую систему страны, а два остальных — один за другим — передавали престол сначала малолетнему Цесаревичу, а затем Великому Князю Михаилу Александровичу.

Говоря об этом, следует учесть, что Государь был твёрдым противником каких-либо политических преобразований в стране до окончания войны. Это твёрдое убеждение он высказывал и накануне своего отъезда из Могилёва в Царское Село. Тем более никто

¹ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 59.

никогда не слышал от Государя гипотетических рассуждений о возможности своего отречения от престола. Поэтому та лёгкость и быстрота, с которыми Царь вдруг «согласился» на столь судьбоносные решения, не могут не вызывать недоумение.

Нельзя не отметить, что все документы, связанные с так называемым «отречением», не носят никаких признаков ознакомления с ними Николая II. Телеграммы и ленты переговоров по прямому проводу имеют комментарии, резолюции пометы генералов М.В. Алексеева, Н.В. Рузского, А.С. Лукомского, Ю.Н. Данилова, даже офицеров и служащих Ставки и фронтов, но нет ни одной пометы, ни одного автографа Государя! Исключение составляет только так называемый «манифест» об отречении, который якобы был подписан Государем.

«Манифест» Императора Николая II об Ответственном министерстве

По воспоминаниям лиц свиты, от Государя стали требовать кардинальных уступок сразу же после того, как он принял в своём вагоне генерал-адъютанта Н.В. Рузского. На самом деле эти требования начались гораздо раньше, когда Николай II ещё был на станции Дно. Родзянко, Мордвинов и Войков туманно вспоминают, что якобы Государь собирался или даже передал через Рузского своё повеление составить новое правительство, ответственное перед Думой. Войков утверждал, что, когда поезд отошёл от станции Дно, Государь вызвал его «*поделился со мною своим предположением дать Ответственное министерство и вообще пойти на такие уступки, которые могли бы разрешить создавшееся положение*»¹. Для этого Николай II якобы приказал Войкову доехать с ним до Пскова, а затем вернуться в Дно. Там дворцовый комендант должен был дождаться Родзянко и проследовать с ним в Псков, сообщив по дороге о решении Государя. По словам Войкова, он доехал до Пскова и заказал себе экстренный поезд в Дно, но в это время он «*получил телеграмму за подписью Бубликова с извещением, что председатель Государственной думы отменил свой выезд из Петрограда*»².

Из этого рассказа непонятно, зачем Царь приказал Войкову ехать в Псков, а затем вернуться в Дно. Логичнее было бы доехать до Пскова и передать Родзянко о своём решении по тому самому аппарату Юза. Тем более Государь ещё на станции Дно приказал уведомить Родзянко, что он будет его ждать в Пскове³. Зачем же Во-

¹ Войков В.Н. Указ. соч. С. 169.

² Войков В.Н. Указ. соч. С. 169.

³ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 104.

ейков отправлялся в Дно? Наконец, телеграмма об отмене приезда Родзянко в Псков пришла не от Бубликова, а от самого Родзянко в 21 ч. 40 мин. На допросе в ЧСК Воейков, вступая в противоречие со своими воспоминаниями, заявил: «*Все разговоры об Ответственном министерстве были после прибытия в Псков*»¹.

Г.А. Таль в ином ключе повествует о решении Государя даровать Ответственное министерство. «*В Псков мы прибыли в 7 ч. 53 минуты вечера и встали за Собственным поездом. Тут же стоял невдалеке и поезд Главком Северного фронтом генерал-адъютанта Рузского. В 11 ½ часов ночи я был позван к Дворцовому коменданту, который передал мне телеграмму от Государя Императора с предложением немедленно свести её в штаб Северного фронта для передачи её в Петроград по назначению. Это было предложение Председателю Государственной Думы Родзянко составить Ответственное министерство. Я сейчас же поехал в штаб и передал пакет генералу Данилову. Генерал принял пакет и сказал: "Слышаюсь, будет отправлено немедленно"*»².

Таким образом, по Талю, Николай II послал Родзянко телеграмму, в которой было согласие на дарование Ответственного министерства. Однако о посылке этой телеграммы никто, кроме Таля, не упоминает, а согласно переговорам Ставки впервые о готовности Царя пойти на формирование Ответственного министерства сообщил Рузский по телеграфу Родзянко в ночь с 1 на 2 марта. Воспоминания Воейкова, Мордвинова и Таля разнятся не только между собой, но и с имеющимися документальными источниками. Лучшим доказательством этого служит та упорная борьба, которая развернулась в Пскове вокруг манифеста об Ответственном министерстве.

Ещё днём 1 марта, то есть когда Государь находился на станции Дно, генерал-адъютант Алексеев послал телеграмму на Высочайшее имя, в которой предупреждал: беспорядки, охватившие Петроград, вскоре перекинутся на всю Россию, произойдёт революция, которая знаменует позорное окончание войны, а «*власть завтра же перейдёт в руки крайних элементов*». В конце телеграммы Алексеев умолял Государя «*поставить во главе России лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет*»³.

Весь тон и аргументация телеграммы Алексеева полностью согласуются со слогом и аргументами Родзянко. Эту телеграмму

¹ Допрос В.Н. Воейкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 949. Л. 28.

² Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 27.

³ Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2094. Л. 1—5.

Алексеев должен был послать в Царское Село, но не сделал этого якобы потому, что отсутствовала связь¹. На самом деле с отправлением телеграммы в Ставке решили повременить, так как узнали, что Император должен быть доставлен в Псков. В 16 ч. 1 марта полковник В.Л. Барановский в своём разговоре с помощником начальника разведывательного отделения штаба Северного фронта полковником В.Е. Медиокритским по прямому проводу отметил, что Наштаверх (М.В. Алексеев) просит передать главкосева (Н.В. Рузского) «вручить эту телеграмму Государю Императору, когда Его Величество будет проезжать через Псков»².

К вечеру 1 марта в результате закулисных переговоров Алексеева с Родзянко текст телеграммы «об Ответственном министерстве» претерпел значительные изменения. Рекомендательная просьба, которую первоначально высказывал Алексеев, превратилась в требование издания манифеста о создании думского кабинета во главе с Родзянко³.

Около 18 ч. генерал Алексеев и находившийся в Ставке Великий Князь Сергей Михайлович передали Рузскому распоряжение «должить Его Величеству о безусловной необходимости принятия тех мер, которые указаны в телеграмме генерала Алексеева Его Величеству»⁴. Полная поддержка инициативы Алексеева поступила из Тифлиса и от Великого Князя Николая Николаевича⁵.

Давление на Царя было продолжено в Пскове генералом Рузским. Во время встречи с Государем в его вагоне около 20 ч. 1 марта Рузский поинтересовался, получил ли Царь его телеграмму об Ответственном министерстве. По-видимому, речь шла о телеграмме, которую Рузский послал Императору ещё 27 февраля в Ставку. Государь ответил, что он её получил и ждёт приезда в Псков Родзянко. Со слов Рузского, на его вопрос, какой же будет ответ на просьбу Родзянко о даровании Ответственного министерства,

¹ Разговор по прямому проводу генерала А.Е. Эверта с генералом А.С. Лукомским // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 1 (21). С. 37.

² Разговор по прямому проводу полковников В.Л. Барановского и В.Е. Медиокритского // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1751.

³ Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21.). М.—Л., 1927. С. 53.

⁴ Телеграмма генерала М.В. Алексеева и Великого Князя Сергея Михайловича генералу Н.В. Рузскому // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21.). М.—Л., 1927. С. 53.

⁵ Телеграмма Великого Князя Николая Николаевича генералу М.В. Алексееву от 1 марта 1917 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Л., 1927. С. 48.

Государь ответил, «что не знает, как решить, что скажет Юг России, казачество»¹.

Из этих воспоминаний ясно, что, прибыв в Псков, Николай II по-прежнему не собирался давать своего согласия на Ответственное министерство. Позже Рузский пояснял, что Царь согласился дать Ответственное министерство только после того, как генерал передал ему телеграмму Алексеева с проектом манифеста². Рузский утверждал, что он не знает, удалось бы ему «уговорить Государя, не будь телеграммы Алексеева»³. Однако, как выясняется из слов того же Рузского, в этой телеграмме Государя речь вовсе не шла об Ответственном министерстве. В ней Николай II лишь поручал Родзянко «сформировать новый кабинет и выбрать министров за исключением военного, морского и иностранных дел»⁴. По существу речь шла о новом составе Совета министров с Родзянко во главе, полностью зависящего от Высочайшей воли. Дубенский приводил следующий текст этой телеграммы: «Ради спасения Родины и счастья народа предлагаю вам составить новое министерство во главе с вами, но министр иностранных дел, военный и морской будут назначаться Мной»⁵.

Подобный же текст приводит в своих воспоминаниях и Воейков: «Государь позвал меня к себе и передал телеграмму, составленную на имя Родзянки, в которой Его Величество объявлял свою Монаршую волю дать ответственное министерство, сохранив ответственность лично перед ним как Верховным Вождём армии и флота министров военного и морского, а также — по делам иностранной политики»^{6,7}. Однако Рузский не дал Воейкову отправить эту телеграмму, а в жёсткой форме по-

¹ Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись беседы с генералом Н.В. Рузским // ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 179.

² Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись беседы с генералом Н.В. Рузским // ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 179.

³ Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись беседы с генералом Н.В. Рузским // ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 179.

⁴ Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись беседы с генералом Н.В. Рузским // ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 179.

⁵ Допрос Д.Н. Дубенского // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 977. Л. 45.

⁶ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 248.

⁷ Правда, в своих показания ЧСК В.Н. Воейков утверждал, что «Государь составил телеграмму Родзянко и приказал отправить её по Юзу. Это была довольно длинная телеграмма, смысл её был тот, что он желает дать ответственное министерство, одним словом, пойти навстречу всем желаниям общества». Допрос В.Н. Воейкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 949. Л. 27.

требовал её себе якобы для того, чтобы передать лично Родзянко. После этого Рузский ушёл в штаб фронта, откуда передал Родзянко не телеграмму Государя, а проект манифеста, изложенный в телеграмме Алексеева. Войков утверждал, что Рузского он в этот день больше не видел. Получается, что никакой другой телеграммы, кроме той, в которой Родзянко поручалось возглавить правительство, ответственное перед Монархом, Император Николай II не передавал.

В 1918 г. в беседе с генералом С.Н. Вильчковским Рузский подробно рассказывал о стойком сопротивлении Николая II оказываемому на него давлению. На горячие доводы главкосева о необходимости немедленного введения Ответственного министерства «Государь возражал спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения. Основная мысль Государя была, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не вправе передать всё дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред Родине, а завтра умоют руки, “подав с кабинетом в отставку”. “Я ответственен перед Богом и Россией за всё, что случится и случилось, — сказал Государь, — будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным Советом — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность”. Рузский старался доказать Государю, что его мысль ошибочна, что следует принять формулу: “Государь царствует, а правительство управляет”. Государь говорил, что эта формула ему непонятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться, и опять оттенил, что он лично не держится за власть, но только не может принять решение против своей совести и, сложив с себя ответственность за течение дел перед людьми, не может считать, что он сам не ответственен перед Богом. Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал своё убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей.

Генерал Рузский возражал, спорил, доказывал и, наконец, после полутора часов получил от Государя соизволение на объявление через Родзянко, что Государь согласен на ответственное министерство и предлагает ему формировать первый кабинет. Рузский добился этого, доказав Государю, что он должен пой-

ти на компромисс со своей совестью ради блага России и своего Наследника»¹.

Остается непонятно, почему Царь вдруг изменил своим убеждениям и согласился на Ответственное министерство. Ни телеграмма Алексеева, ни доводы Рузского не могут быть признаны достаточными для подобного изменения. Анализ документов приводит нас к выводу, что это решение принималось от имени Государя, но не самим Государем.

После свержения монархии и большевистского переворота не-задолго до своей мучительной смерти генерал Рузский стремился оправдаться перед потомками. Он понимал, что столь внезапное изменение мнения Николая II в пользу Ответственного министерства будет выглядеть подозрительным. Поэтому Рузский уверял, что перед тем, как дать своё согласие на Ответственное министерство, Государь «*проявлял что-то похожее на безразличие*». Главкосев даже решил, что «*может быть, Государь передумал, и вновь спросил, не будет ли он действовать против воли Государя, сообщив в Ставку и в Петроград о согласии Его Величества на манифест. Государь ответил, что принял решение, ибо и Рузский и Алексеев, с которым он много на эту тему раньше говорил, одного мнения, а ему, Государю, известно, что они редко сходятся на чём-либо вполне*»².

Для Рузского важно было, чтобы в памяти потомков сложилось убеждение, что всё происходило с полного согласия Царя. Рузский хотел выглядеть не заговорщиком, а верноподданным. Он так стремится это доказать, что невольно вызывает сомнение.

Так какой же документ о введении Ответственного министерства был передан из Пскова и отправлялся ли он вообще? Рузский утверждал, что «*сперва Государь хотел телеграмму отправить в Ставку, а оттуда в Петроград для расpubликования, но потом было решено для ускорения передать её лично Родзянко, который был вызван мной к аппарату в Главный штаб*»³.

Разговор Рузского и Родзянко начался около 4 ч. утра и кончился в 7 утра. Весь разговор одновременно передавался на другом аппарате в Ставку Алексееву⁴. Рузский сообщил Родзянко, что

¹ Рузский Н.В. Пребывание Николая II в Пскове. (Беседа с ген. С.Н. Вильчковским) // Отречение Николая II. С. 152—153.

² Рузский Н.В. Пребывание Николая II в Пскове. (Беседа с ген. С.Н. Вильчковским) // Отречение Николая II. С. 152—153.

³ Дневник Великого Князя Андрея Владимировича Запись беседы с генералом Н.В. Рузским //ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л.179.

⁴ Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись беседы с генералом Н.В. Рузским //ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 179.

«Государь Император, идя навстречу общему желанию законодательных учреждений и народа, выразил окончательное решение и уполномочил меня довести до вашего сведения об этом — дать ответственное перед законодательными палатами министерство, с поручением вам образовать кабинет. Если желание Его Величества найдёт в вас отклик, то спроектирован манифест, который я сейчас же передам вам. Манифест этот мог бы быть объявлен сегодня 2 марта с пометкой “Псков”»¹.

Таким образом, Рузский передавал не текст манифеста «для распубликования», а лишь его проект для обсуждения. Будет манифест «расpubликован» или нет, зависело исключительно от воли Родзянко. Воля же Государя при этом совершенно не учитывалась, она должна быть исполнена лишь только в том случае, если «найдёт отклик» у Родзянко. Рузский сам определял, каким числом следует «пометить» манифест, какой город следует считать местом его написания. То есть мы видим, что Император Николай II как автор и составитель манифеста полностью отсутствует.

Сам текст «манифеста» гласил: «Объявляем всем верным Нашим подданным: Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей родиной. Близок решительный час. Судьбы России, честь геройской нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогое Нам отечества требует доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца. Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, Я признал необходимость призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России. Уповаю, что все верные сыны России, тесно обединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной армии завершить её великий подвиг. Во имя нашей возлюбленной родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед нею, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее. Да поможет нам Господь Бог»².

Рузский вспоминал, что это был окончательный текст, утверждённый Государем. Однако внимательный анализ текста не может не привести к выводу, что Государь такой «окончательный» текст

¹ Разговор по прямому проводу генерала Н.В. Рузского и М.В. Родзянко // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Пг., 1927. С. 56.

² Разговор по прямому проводу генерала Н.В. Рузского и М.В. Родзянко // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Пг., 1927. С. 53.

подписать не мог. Николай II получил, в числе прочего, высшее юридическое образование. В течение без малого 23 лет своего царствования он досконально освоил правила и стиль составления официальных бумаг, тем более таких важнейших, как Высочайший манифест. Поэтому делать в нём стилистические ошибки он не мог, даже если речь шла о проекте манифеста. Манифести русских императоров всегда начинались с главного титула Монарха. В манифестах никогда не шла речь от первого лица. Наконец, под текстом «манифеста» отсутствует подпись Императора.

Таким образом, анализ текста приводит нас к заключению, что этот проект манифеста составлен без участия Императора Николая II. Он никогда не был им подписан и, по всей видимости, даже не прочитан. Рузский передал Родзянко проект манифеста, написанный ранее в Ставке.

Это подтверждается воспоминаниями Воейкова, согласно которым генерал Рузский утром 2 марта сказал ему, что «телеграмма, которую Государь ему накануне передал относительно Ответственного министерства, настолько, по его мнению, запоздала, что он её после переговоров с Родзянко даже не отправил»¹.

В связи с этим странной представляется телеграмма, посланная в Ставку генералу Алексееву от имени Государя: «Из ПТК лит. 2 марта 1917. Наштаверху. Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом. 1223/Б. Николай»². Телеграмма эта была послана в Ставку в 5 ч. 25 мин. Нетрудно догадаться, что последняя фраза почти дословно заимствована из переговоров Рузского с Родзянко: «Манифест этот мог бы быть объявлен сегодня 2 марта с пометкой "Псков"». Только эта фраза была сказана за 2 часа до «телеграммы Николая II»!

Приводимая телеграмма была в 1922 г. помещена в «Русской летописи», откуда она была перепечатана в большевистском сборнике «Отречение Николая II»³. В «Русской летописи» публиковались копии документов, которые были переданы редакции сборника родственниками генерала Рузского. На этих копиях есть много помет и комментариев главкесева. Текст вышеприведённой телеграммы в копии Рузского отличается от подлинника. В начале телеграммы вместо слова «Наштаверху» поставлено «Начальнику Штаба, Ставка». Также поставлено время 5 ч. 15 мин., которого нет в подлиннике. В подлиннике телеграммы имеются обозначения:

¹ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 174.

² Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. (доп.). Д. 1753(1). Л. 6.

³ Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексееву // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. З. С. 133.

«ПТК лит.», то есть «Почтово-телеграфная контора, литерная»¹. Из этой ПТК отправлял в Ставку свои телеграммы Рузский. Телеграмма про «манифест» ничем не отличается от других телеграмм главкосева и его начальника штаба генерала Данилова. Подпись «Николай» поставлена печатными буквами. Никаких помет Государя с одобрением текста или иными мнениями нет. Таким образом, у нас нет никакой уверенности, что телеграмма эта была составлена Государем.

Как раз во время разговора Рузского с Родзянко от имени Императора отправляются ещё две телеграммы с приказами о возвращении войск, посланных на усмирение Петрограда. В 3 ч. 30 мин. последовал Высочайший приказ об отмене отправки батальона Выборгской крепостной артиллерии, в 3 ч. 45 мин. Высочайшее распоряжение о прекращении погрузки 9-й пехотной и 2-й кавалерийской дивизий. Генерал Рузский сообщал Родзянко о том, что «Государь Император изволил выразить согласие и уже послана телеграмма, два часа назад, вернуть на фронт всё, что было в пути»².

Но это сообщение не соответствовало действительности. В 1 ч. 20 мин. ночи от имени Царя поступило согласие только на возвращение войск, якобы застрявших в Луге. Телеграммы о полном возвращении войск поступят только в 12 ч. дня 2 марта. Но получается, что в 3 ч. ночи генерал Рузский уже знал, что Император Николай II даст телеграммы о полном возвращении войск!

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Император Николай II не был участником ни составления проекта манифеста об Ответственном министерстве, ни возвращения на фронт войск, двигающихся на Петроград. Всё это делалось заговорщиками из Верховного командования от его имени и вопреки его воле. Именно заговорщиками-генералами был составлен проект манифеста, и именно они отсылали телеграммы о возвращении войск. «Высочайшая воля», которой якобы руководствовались заговорщики, на самом деле была лишь прикрытием их замыслов.

«Манифест» Императора Николая II об отречении от престола в пользу своего сына Наследника Цесаревича Алексея Николаевича

Когда Рузский сообщил Родзянко, что Государь согласился даровать манифест об Ответственном министерстве, то в ответ от

¹ Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. (доп.). Д. 1753(1). Л. 6.

² Разговор по прямому проводу Н.В. Рузского и М.В. Родзянко // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(1). Л. 4.

председателя Думы он услышал: «*Его Величество и вы не отдаёте себе отчёта в том, что здесь происходит; настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко*». Далее последовали обычные высокопарные речи Родзянко: он предупреждал, а его не слушали; теперь народные страсти так разогрелись, что сдержать их невозможно, наступила анархия. Родзянко поругал Императорское правительство, министров которого он «для их же безопасности» был вынужден арестовать, высказал опасение, что леворадикальные элементы могут захватить власть в стране и что ненависть к династии достигла небывалых размеров. Всё это говорилось, разумеется, с «*болью в растерзанном сердце*». Наконец, Родзянко перешёл к главному: «*Грозное требование отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становится определённым требованием*¹.

Судя по всему, Рузский был несколько удивлён таким резким изменением ситуации. Он попытался выяснить у Родзянко причину этого изменения, но в ответ получил лишь новые разглагольствования. Рузский посетовал, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно. Родзянко его заверил, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех. Рузский спросил: «*Нужно ли выпускать манифест?*» Родзянко дал, как всегда, уклончивый ответ: «*Я, право, не знаю, как вам ответить. Всё зависит от событий, которые летят с головокружительной быстрой*²». Несмотря на эту двусмысленность, Рузский понял ответ однозначно: манифест посыпать не надо. С этого момента начинается усиленная подготовка к составлению нового манифеста об отречении.

В разговоре с Родзянко Рузский говорил, что получил указания, надо понимать от Государя, сообщить в Ставку о напечатании манифеста и что он, Рузский, это и сделает, а там будь что будет. Таким образом, Рузский дал понять, что распечатывать манифест не будет, а только сообщит об этом. В конце главкосев спросил, может ли он доложить Государю об этом разговоре, на что получил от Родзянко ответ, что тот ничего против этого не имеет. Таким образом, для Рузского теперь Родзянко решал: сообщать что-либо Государю или нет. Мнение Царя, его поручения и распоряжения в расчёт не принимались.

В 5 ч. 48 мин. утра 2 марта начальник штаба Северного фронта генерал Ю.Н. Данилов отправил телеграмму Наштаверху генералу

¹ Разговор по прямому проводу генерала Н.В. Рузского и М.В. Родзянко // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(1). Л. 4.

² Разговор по прямому проводу Н.В. Рузского и М.В. Родзянко // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(1). Л. 5—6.

Алексееву, в которой сообщал о состоявшемся разговоре Рузского с Родзянко. В конце телеграммы Данилов сообщил: «*Председатель Государственной думы признал содержание манифеста запоздалым. [...] Так как об изложенном разговоре главкосев сможет доложить Государю только в 10 час., то он полагает, что было бы более осторожным не выпускать манифеста до дополнительного указания Его Величества*»¹.

Реакция на это сообщение со стороны Алексеева была на удивление молниеносной, а потому нет сомнений в том, что она была заранее предусмотрена. Уже в 9 ч. утра, то есть через три часа после получения телеграммы от генерала Данилова, Алексеев передал Рузскому через того же начальника штаба Северного фронта: «*Необходимо разбудить Государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко*». Алексеев считал, что переживается серьёзный момент, «*когда решается вопрос не одного Государя, а всего Царствующего Дома и России*». Алексеев считал, что «*всякие этикеты должны быть отброшены*»².

Далее, Алексеев просил передать Рузскому уже неофициально, что, по его глубокому убеждению, «*выбора нет и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками. Если не согласятся, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнётся междуусобная война, и Россия погибнет под ударами Германии, и погибнет Династия*»³.

Наштаверх, «*отбросив всякий этикет*», властно требовал отречения Царя, шантажируя жизнью государевой семьи и военным поражением России. Генерал Данилов ответил, что Рузский только что уснул после бессонной ночи и он не считает нужным его будить. (В отношении Рузского этикет соблюдался.) Затем Данилов высказал мнение, что убедить Государя согласиться на новый манифест будет нелегко⁴.

Решено было дождаться результатов разговора Рузского с Государем. В ожидании этого разговора Алексеев начал готовить циркулярную телеграмму для главнокомандующих фронтами,

¹ Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(3). Л. 133.

² Телеграмма генерала А.С. Лукомского генералу Ю.Н. Данилову // Отречение Николая II. С. 235—236.

³ Телеграмма генерала А.С. Лукомского генералу Ю.Н. Данилову // Отречение Николая II. С. 235—236.

⁴ Разговор по прямому проводу генерала Ю.Н. Данилова с генералом А.С. Лукомским // Отречение Николая II. С. 236.

в которой просил их выразить своё отношение к возможному отречению Государя. Однако в истории составления и отправки этой телеграммы, так же как и в ответах на неё, много неясного. Судя по официальным документам, первая телеграмма от Алексеева была передана главнокомандующему Западным фронтом генералу А.Е. Эверту и главнокомандующему Юго-Западным фронтом генералу А.А. Брусилову в 11 ч. утра, а главнокомандующему Румынским фронтом генералу В.В. Сахарову в 11 ч. 7 мин.¹ Телеграмма была отправлена каждому командующему в отдельности.

Не успел Алексеев поинтересоваться мнением главнокомандующих по поводу отречения Императора, как они сразу же, не задумываясь, ответили: отречение необходимо, причём как можно скорее. Брусилов писал: «*Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с вами согласен. Немедленно телеграфирую через главкосева всеподданнейшую просьбу Государю Императору. Совершенно разделяю все ваши воззрения. Тут двух мнений быть не может*»². Примерно такими же по смыслу были ответы всех командующих. Между тем речь шла не о будничном деле, а о решении колossalной важности, о тяжелейшей ответственности, которая ложилась на плечи генералов. Независимо от личного отношения к Николаю II, они не могли не понимать исключительную важность момента. Любой нормальный человек хотя бы на час должен был задуматься, попросить время собраться с мыслями. Ничего подобного с командующими фронтами не произошло, а ведь они не были людьми бездумными, легкомысленными. Вот уже четвёртый год, как они руководили операциями в тяжелейшей войне, продумывали комбинации, разрабатывали стратегические планы. Такая реакция с их стороны могла быть только в одном случае — если они заранее знали о предстоящей телеграмме Алексеева и его вопросе об отречении. Точно так же, как они знали заранее и ответы на этот вопрос.

Интересно, что телеграммы от главнокомандующих и от Великого Князя Николая Николаевича с «верноподданническими просьбами» об отречении известны по тому документу, который был передан от генерала Алексеева Государю 2 марта в 14 ч. 30 мин.³ Там рукописные копии всех телеграмм собраны воедино. Отдель-

¹ Телеграмма генерала М.В. Алексеева главнокомандующим // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Пг., 1927. С. 67—70.

² Телеграмма генерала А.А. Брусилова генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(1). Л. 35—37.

³ Телеграммы Великого Князя Николая Николаевича и главнокомандующих фронтами М.В. Алексееву // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Пг., 1927. С. 72—73.

ные телеграммы главнокомандующих были посланы Рузскому в Псков, но почему-то через Могилёв, через Алексеева. В телеграмме В.В. Сахаров писал главкесеву, что Алексеев просил доложить о своём мнении «*Его Величеству через вас*»¹.

Когда точно были составлены и переданы телеграммы от Эверта, Брусицова, Николая Николаевича и Сахарова — неизвестно. Не исключено, что телеграммы главнокомандующих с просьбой об отречении Государя от престола были составлены до его прибытия в Псков.

Шталмейстер Высочайшего Двора полковник Ф.В. Винберг приводил слова Государя, сказанные им уже в заточении, о том, что «*генерал Рузский был первым, который поднял вопрос о моём отречении от престола. Он поднялся ко мне во время моего следования и вошел в мой вагон-салон без доклада*»².

Что касается телеграмм главнокомандующих, неясно, когда они были доставлены Государю. В своем рассказе Великому Князю Андрею Владимировичу Рузский называет время доставки этих телеграмм около 10 ч. утра, а в рассказе генералу Вильчиковскому — около 15 ч.

Гучков утверждал на допросе в ВЧСК, что из разговоров с Рузским понял, что до прибытия его и Шульгина в Псков вечером 2 марта речь об отречении вообще не шла, а все разговоры «*не шли дальше обновления состава правительственной власти*»³.

Рузский в своем рассказе Великому Князю Андрею Владимировичу сообщал, что, прочитав телеграммы главнокомандующих, Государь решил отречься от престола. Особенно на него подействовала телеграмма его дяди — Великого Князя Николая Николаевича. Его телеграмму «*Государь прочёл внимательно два раза и в третий раз пробежал. Потом обратился к нам и сказал: — Я согласен на отречение, пойду и напишу телеграмму. Это было в 2 ч. 45 м. дня*»⁴.

В своей беседе с журналистом В. Самойловым весной 1917 г. Рузский утверждал, что Государь, прочитав ответы Великого Князя Николая Николаевича и главнокомандующих, «*заявил, что готов отречься от престола, но желал бы это сделать в присутствии Родзянко, который якобы обещал ему приехать во Псков. Однако от Родзянко никаких сообщений о желании его приезда не было. [...] Мы оставили царя в ожидании с его стороны конкретных*

¹ Телеграмма генерала В.В. Сахарова генералу Н.В. Рузскому // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1759 (2). Л. 80—81.

² Винберг А.Ф. Крестный путь. Мюнхен, 1922. Т. 1. С. 142.

³ Допрос А.И. Гучкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 35.

⁴ Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись беседы с генералом Н.В. Рузским // ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 180.

*действий. После завтрака, часа в 3, царь пригласил меня и заявил, что акт отречения им уже подписан*¹.

В рассказе Вильчковскому Рузский уверял, что Государь в разговоре с ним вдруг стал «говорить спокойно о возможности отречения. Он опять вспомнил, что его убеждение твёрдо, что он рождён для несчастия, что он приносит несчастье России; сказал, что он ясно осознал вчера вечером, что никакой манифест уже не поможет. “Если надо, чтобы я отошёл в сторону для блага России, я готов на это”, — сказал Государь, но “я опасаюсь, что народ этого не поймёт: мне не простят старообрядцы, что я изменил своей клятве в день священного коронования, меня обвинят казаки, что я бросил фронт”»².

Очевидно, что вышеприведённые слова Царя придуманы и заимствованы из обильных «воспоминаний» бывших царских сановников, появившихся в первые годы после свержения монархии.

Генерал С.С. Савич, который почему-то пишет о себе в третьем лице, вспоминал, что он, Рузский и Данилов «приехали на вокзал около двух с половиной часов дня 1 марта, и все трое немедленно были приняты Государем в салон-вагоне столовой императорского поезда. Кроме Государя и них, никого не было, и все двери были закрыты плотно. Рузский предложил для прочтения Государю полученные телеграммы, а затем обрисовал обстановку, сказав, что для спасения России, Династии сейчас выход один: отречение его от престола в пользу Наследника. Государь ответил: “Но я не знаю, хочет ли этого вся Россия”. Рузский доложил: “Ваше Величество, заниматься сейчас анкетой, обстановка не представляет возможности, но события несутся с такой быстротой и так ухудшают положение, что всякое промедление грозит непоправимыми бедствиями. Я вас прошу выслушать мнение моих помощников, они оба в высшей степени самостоятельные и притом прямые люди”. Это последнее предложение некоторыми вариациями Рузский повторил один или два раза»³.

Как видим, Савич путает даты: описываемые им события происходили 2 марта, а он пишет — 1-е. Кроме того, из рассказа Савича становится ясно, что ни о какой «добровольности» принятия Царём решения речи не шло. Рузский был с Государем дерзок и напорист.

¹ Рузский Н.В. Беседа с журналистом В. Самойловым об отречении Николая II // Отречение Николая II. С. 143.

² Рузский Н.В. Пребывание Николая II в Пскове. (Беседа с ген. С.Н. Вильчковским) // Отречение Николая II. С. 160—161.

³ Савич С.С. Принятие Николаем II решения об отречении от престола // Отречение Николая II. С. 197.

Другой «ближайший помощник» Рузского, начальник его штаба генерал Данилов, пишет, что Государь, после долго душевного борения, под напором Рузского, наконец, сказал: «Я решил... Я решил отказаться от престола в пользу моего сына Алексея... При этом он перекрестился широким крестом»¹.

Итак, по словам Рузского, Данилова и Савича, Император Николай II окончательно решил отказаться от престола в 14 ч. 30 мин. 2 марта. Какой же документ был составлен по этому поводу? Здесь мы вновь сталкиваемся с массой противоречий.

Рузский в рассказе Великому Князю Андрею Владимировичу утверждал, что это была телеграмма «об отречении в пользу Наследника».

Тот же Рузский в рассказе журналисту В. Самойлову говорил об «акте отречения в пользу своего Сына».

Снова Рузский в рассказе генералу Вильчковскому рассказывал о телеграфных бланках, на которых Государем было написано несколько черновиков.

Савич утверждал, что Государь «вынес собственноручно написанную им телеграмму к Родзянко о том, что нет той жертвы, которую он не принёс бы на благо родной матушки России, что для её блага он отказывается от престола в пользу своего сына».

Таким образом, из всех воспоминаний так и непонятно, в виде какого документа Император Николай II выразил своё решение отречься от престола. Ясно только одно: ни о каком манифесте речи не шло.

Между тем точно известно, что проект манифеста об отречении Императора Николая II в пользу Цесаревича Алексея существовал, по крайней мере к утру 2 марта. Но Государь о нём ничего не знал. Дубенский писал, что этот манифест «вырабатывался в Ставке и автором его являлся церемониймейстер Высочайшего Двора, директор политической канцелярии при Верховном главнокомандующем Базили, а редактировал этот акт генерал-адъютант Алексеев»².

То же самое подтверждал и генерал Данилов, который в своих мемуарах писал, что проект манифеста был получен «от генерала Алексеева, на случай, если бы Государь принял решение о своем отречении в пользу Цесаревича Алексея. Проект этого Манифеста, насколько я знаю, был составлен Директором дипломатической канцелярии при Верховном Главнокомандующем Н.А. Базили по общим указаниям генерала Алексеева»³.

¹ Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 321.

² Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 64.

³ Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 231.

Этнический грек Николай Александрович Базили был членом ложи «Полярная звезда», в которую входил и Керенский. Совместная деятельность Базили и Керенского особенно проявилась в составлении отказа от престола Великого Князя Михаила Александровича. Князь А.Г. Щербатов в своей книге воспоминаний рассказал о том, как уже в эмиграции Базили тяготился своим участием в этом деле. Его единственный восемнадцатилетний сын Н.Н. Базили погиб в автомобильной катастрофе вместе со своим сверстником графом Г.М. Brasovym, сыном Великого Князя Михаила Александровича от мorganатического брака. «*Убитый горем де Базили говорил: “Это наказание за то, что я натворил с отречением Великого Князя Михаила Александровича”*¹. Следует сказать, что не меньше Базили «натворил» и с «отречением» Императора Николая II.

Утром 2 марта Базили рассказывал офицерам Ставки, что «он всю ночь не спал и работал, составляя по поручению генерала Алексеева манифест об отречении Императора Николая II от престола. А когда ему заметили, что это слишком серьёзный исторический акт, чтобы его можно было составлять наспех, то Базили ответил, что медлить было нельзя». Однако из воспоминаний самого Базили явствует, что его труд совсем не был каторжным: «Алексеев меня попросил набросать акт отречения. “Вложите в него всё ваше сердце”, — сказал он при этом. Я отправился в свой кабинет и через час вернулся со следующим текстом [далее идёт текст манифеста]»².

Час работы по составлению важнейшего исторического документа государственной важности, не такой уж большой срок.

2 марта в 19 ч. 40 мин. генерал Алексеев послал по телеграфу генералу Данилову проект манифеста³. Однако этот проект не попал к Государю. В 20 ч. 35 мин. того же дня Данилов докладывал Алексееву, что «телеграмма о генерале Корнилове отправлена для вручения Государю Императору. Проект манифеста направлен в вагон главкосяева»⁴.

Вызывает недоумение: телеграмма второстепенной важности с предложением назначить генерала Л.Г. Корнилова на долж-

¹ Щербатов А. Из воспоминаний // Новый журнал. 2002. № 227.

² Basily Nicolas de. Diplomat of Imperial Russia 1903—1917. Memoirs. Hoover Institution Press, Stanford University, Stanford, California, 1973. P. 125.

³ Донесения и переписка главнокомандующих армий // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(3). Л. 139.

⁴ Донесения и переписка главнокомандующих армий // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(3). Л. 141.

ность начальника Петроградского ВО направляется Императору Николаю II, а сверхважный манифест об отречении направляется зачем-то генералу Рузскому.

Текст манифеста, переданный Рузскому, гласил: «*В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедствием отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогое нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почти МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственную Думою признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную власть. В соответствии с установленным Основными Законами порядком МЫ передаём наследие НАШЕ Дорогому Сыну НАШЕМУ Государю Наследнику Цесаревичу и Великому Князю АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ и благословляем ЕГО на вступление на Престол Государства Российского. Возлагаем на Брата НАШЕГО Великого Князя Михаила Александровича обязанности Правителя Империи на время до совершеннолетия Сына НАШЕГО. Заповедуем Сыну НАШЕМУ, а равно и на время несовершеннолетия Его Правителю Империи править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываляем всех верных сынов Отечества к исполнению своего долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ЕМУ, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и силы. Да поможет Господь Бог России»¹.*

Читая этот текст, становится понятным, почему Базили не по-надобилось долго над ним трудиться. Этот текст почти полностью повторяет проект манифеста об Ответственном министерстве, переданный генералом Алексеевым Государю вечером 2 марта. В нём

¹ Телеграмма генерала М.В. Алексеева генералу Н.В. Рузскому. Проект манифеста // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(3). Л.140.

были сделаны лишь небольшие дополнения и внесена тема отречения. Полковник оперативного отдела штаба Ставки В.М. Пронин в своей книге приводит свои дневниковые записи за 1 марта. Из них становится очевидным, что авторы манифеста об Ответственном министерстве и отречения от престола — одни и те же лица. Пронин пишет, что около 22 ч. 40 мин. генерал Лукомский приказал ему «добыть, во чтобы то ни стало, образец Высочайшего Манифеста. Я разыскал № за 1914 год с текстом Высочайшего Манифеста об объявлении войны. В это время уже был составлен проект Манифеста о даровании ответственного министерства. Составляли его Ген. Алексеев, Ген. Лукомский, Камергер Высоч. Двора Н.А. Базили и Великий Князь Сергей Михайлович. Текст этого Манифеста с соответствующей припиской генерала Алексеева послан Государю в 22 час. 20 мин.»¹.

Таким образом, 2 марта никакого нового манифеста об отречении в Ставке не составлялось, его основа была подготовлена заранее, и в эту основу вносились нужные изменения. Мы можем в этом убедиться на экземпляре проекта манифеста, принадлежащего Базили, с правками, сделанными рукой генерала Алексеева².

В своих воспоминаниях Базили признавал, что текст манифеста «был одобрен без изменений генералом Алексеевым, генералом Лукомским и Великим Князем Сергеем Михайловичем. Я передал этот текст начальнику телеграфа в Пскове в половине восьмого вечера»³. Это время подтверждается и телеграммой Алексеева, отправленной в Псков в 19 ч. 40 мин. Однако имеются неоспоримые факты о том, что проект манифеста был отправлен в Псков раньше того времени, на которое указывает Базили. Это следует из телеграммы генерала Данилова, отосланной в 18 ч. 25 мин. 2 марта в Могилёв генералу В.Н. Клембовскому. В ней генерал Данилов сообщал, что «по поводу манифеста не последовало ещё указание главкосява, потому что вторичная беседа с Государем обстановку видоизменила, а приезд депутатов заставляет быть осторожным с выпуском манифеста. Лично я полагал бы лишь подготовиться к скорейшему выпуску манифеста, если потребуется»⁴.

То есть из слов Данилова ясно, что на 18 ч. 25 мин. манифест уже существовал, но Государя с ним не ознакомили и выпуск манифеста

¹ Пронин В.М. Указ. соч. С. 123.

² Hoover Institution Archives. Collection 65017. Nikolai Basily papers.

Box 8.

³ Basily Nicolas de. Op. cit. P. 125.

⁴ Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу В.Н. Клембовскому // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(1).

никак не был связан с его волей. Николай II не имел никакого отношения к авторству манифеста об отречении от престола в пользу Наследника и никогда его не подписывал.

Рассмотрим теперь обоснованность утверждений, что Николай II объявил о своём отречении в телеграмме или телеграммах. Для этого надо установить, существовала ли эта телеграмма в действительности, а если существовала, что же в ней было написано, была ли она отправлена, куда и кому.

Полковник Мордвинов вспоминал, что днём 2 марта, когда в свитском вагоне ждали окончания разговора Государя с генералами Н.В. Рузским, Ю.Н. Даниловым и С.С. Савичем, в салон внезапно вошёл граф В.Б. Фредерикс, который по-французски сообщил, что Император отрёкся от престола. Когда волнение, вызванное этим известием, улеглось, Фредерикс сообщил: «*Государь уже подписал две телеграммы. Одну Родзянке, уведомляя его о своём отречении в пользу Наследника при регентстве Михаила Александровича и оставляя Алексея Николаевича при себе до совершеннолетия, а другую о том же Алексееву в Ставку, назначая вместо себя Верховным Главнокомандующим Николая Николаевича*»¹. На вопрос Мордвинова, не у Фредерикса ли эти телеграммы, тот с безнадёжностью ответил: «*Телеграммы взял у Государя Рузский*». Мордвинов вспоминал, что после этого разговора «*мы впервые прочитали копии телеграмм, переданных Рузскому. Вот их текст: "Председателю Государственной Думы. Нет той жертвы, которую я не принёс бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем чтобы оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего Великого Князя Михаила Александровича. Николай"*».

«*На штаверх. Ставка. Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России Я готов отречься от престола в пользу Моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай*»². Мордвинов уверяет, что он «*читал телеграммы тогда в каком-то тумане, не понимая многих фраз*».

В бумагах генерала Рузского, копии которых были опубликованы «Русской летописью», эта телеграмма приводится в такой же редакции. Но к ней имеется следующее примечание Рузского: «*Составлена, написана и подписан собственноручно 2 марта в 15 час. в вагоне Императорского поезда в Пскове. Дана после*

¹ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 108.

² Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 112.

доклада Его Величеству телеграмм генерала Алексеева и всех главнокомандующих»¹.

Но ни в телеграммах Ставки и штаба Северного фронта, изданных «Красным архивом», ни в фондах РГВИА указанных выше телеграмм нет. Но там есть телеграмма от генерала Данилова Алексееву, поданная 2 марта в 16 ч. 30 мин.: «Государь Император в длительной беседе с генерал-адъютантом Рузским, в присутствии моём и генерала Савича, выразил, что нет той жертвы, которой Его Величество не принес бы для истинного блага Родины»².

В этом сообщении нет ни слова о согласии Царя на отречение от престола, как нет ни слова и о посланной им телеграмме с таковым согласием. В Ставке никто не знал о существовании царской телеграммы с решением об отречении. Полковник Ставки Пронин упоминает о получении в Могилёве только вышеупомянутой телеграммы Данилова, которую огласил подполковник Д.Н. Тихобразов³.

Однако полковник Пронин в своей книге приводит следующий документ: «*Копия телеграммы на имя Председателя Госуд. Думы, собственноручно написанной Государем Императором Николаем II днем 2 марта, по неизвестной причине, не отправленной по назначению и переданной ген. Алексееву.*

Председателю Государственной] Думы Петр[оград]

Нет той жертвы, которую Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой Матушки-России. Посему Я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы (он) остался при нас до совершеннолетия при регентстве брата моего Великого Князя Михаила Александровича. НИКОЛАЙ

Проект телеграммы относится, по-видимому, к периоду 3—4 час. дня 2 марта 1917 г. Написан в Пскове. Передан ген. Алексееву 3 марта вечером в Могилеве. Ген. Алексеев. С подлинником верно: ген. шт. подполковник Пронин. 2 августа 1917 г. 16 ч. 48 м., Могилев».

Как видим, текст телеграммы отличается от текста, процитированного Мордвиновым «в тумане». По странному стечению обстоятельств его неверный текст полностью совпадает с текстом телеграммы, который приводит в своей книге перешедший на сторону большевиков бывший генерал Императорской армии Е.И. Мартынов. Приводя неверный текст, Мартынов одновременно приводит фотокопию телеграммы. При внимательном изучении этой фотокопии становятся очевидными следующие обстоятельства.

¹ Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 140—141.

² Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу М.В. Алексееву // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (21). М.—Пг., 1927. С. 77.

³ Пронин В.М. Указ. соч. С. 67.

Это, конечно, не телеграмма, а текст, написанный на телеграфном бланке, причем этот бланк помещён в книге так, что сверху не видно «шапки» с выходными данными телеграммы или наименованием телеграфа. Архивный источник документа не указан. Если внимательно изучить бланк «телеграммы», естественно то, что от него видно на фотокопии, то становится очевидным, что он сильно отличается от тех бланков, на которых посылались телеграфные сообщения русского Верховного командования тех лет. Затем, под заголовком «Служебные отметки» видна какая-то надпись, по-видимому, сделанная карандашом. Она либо имела слабый нажим, либо была полуустёрта тем, кто помещал фотокопию в книгу.

Текст «телеграммы» начинается со слов *«Нет той жертвы, которую я не принёс бы во имя действительного блага и для спасения родимой Матушки-России...»*. Высокий слог этого текста говорит о том, что это официальный документ. Для официального документа, исходящего от имени Царя, обычно употреблялось местоимение «Мы». Но когда речь шла о приказе или личном обращении Государя, могло стоять местоимение «Я». Правда, при этом оно писалось обычно с прописной буквы. В этом же тексте мы видим вначале обращение от первого лица единственного числа (*«Нет той жертвы, которую я не принёс бы...»*), а затем от первого лица множественного числа (*«с тем, чтобы (он) остался при нас...»*). При этом и «я», и «нас» написаны со строчной буквы. Если в случае с «я» ещё можно допустить такое написание, то в случае «мы» (*«нас»*) такое написание допустить невозможно, потому что в таком случае меняется смысл текста. Получается, что сын должен оставаться с несколькими людьми, хотя понятно, что речь идёт об одном человеке. Таким образом, текст должен был звучать либо так: *«Нет той жертвы, которую Я не принёс бы...»* и *«с тем, чтобы (он) остался при Мне...»*, либо так: *«нет той жертвы, которую Мы не принесли бы...»* и, соответственно, *«с тем, чтобы (он) остался при Нас...»*.

Зная, какое значение Император Николай II придавал официальному, да и неофициальному документу, невозможно себе представить, чтобы он допустил такие неточности.

Текст телеграммы имеет множественные подтире, исправления, вставки. Часть текста выделяется больше, чем другая. Таким образом, в случае обнаружения подлинника этого документа есть все основания провести его почкерковедческую экспертизу.

Здесь надо сказать ещё об одной весьма важной особенности проставления подписи Императора Николая II на отправляемых за его подписью телеграммах. Возьмём, например, царские телеграммы времён Русско-японской войны, отправляемые генералам

А.Н. Куропаткину и Н.П. Линевичу¹. В конце этих телеграмм стоит подпись «НИКОЛАЙ». Однако невооружённым глазом видно, что большая часть этих подписей сделана «под Императора», но не является его собственноручной подписью. В данном случае искать злой воли не следует. Император диктовал тексты телеграмм по телефону определённому должностному лицу, который записывал этот текст и ставил копию царской подписи. Копия царской подписи, скорее всего, была нужна для того, чтобы получатель был уверен, что телеграмма послана от Императора, а не от должностного лица.

В этом нет ничего странного и необычного. Как-то в Париже, находясь в гостях у академика Жана Тюляра, крупнейшего специалиста по Наполеону и его эпохе, я заметил на стене какое-то распоряжение императора французов с его автографом. Я спросил господина Тюляра: подлинник ли это? На что Тюляр мне ответил, что это подлинник в том смысле, что бумага наполеоновского времени, но подпись Наполеона не подлинная, её поставил, объяснил Тюляр, человек, подписывающий за него второстепенные бумаги. Между тем подпись на этом документе была чрезвычайно похожа на подлинную подпись Бонапарта.

Что касается телеграммы об отречении, то неясно, когда и при каких обстоятельствах он был написан. В документе, приводимом в книге полковника Пронина, утверждается: «*Копия телеграммы на имя Председателя Госуд. думы, собственноручно написанной Государем Императором Николаем II днём 2 марта, по неизвестной причине, не отправленной по назначению и переданной ген. Алексееву. Проект передан ген. Алексееву 3 марта вечером в Могилёве*»².

Из этого текста явствует, что телеграмма, написанная «собственноручно Государем Императором», «по неизвестной причине» никогда не была отправлена по назначению. Между тем из воспоминаний участников известно, что этой телеграммой 2 марта завладел генерал Н.В. Рузский. Но здесь мы опять-таки сталкиваемся с противоречиями. А.И. Гучков, допрошенный в ЧСК, подтвердил, что «*Рузский не знал о телеграмме, об отречении, а она была уже подписана и даже сдана на телеграф для рассылки*»³.

Каким образом Государь, полностью контролируемый в Пскове Рузским и его подчинёнными, смог передать телеграмму на телеграф, Гучков умалчивает.

¹ Телеграммы Императора Николая II генералам А.Н. Куропаткину и Н.П. Линевичу // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522.

² Пронин В.М. Указ. соч. С. 67.

³ Допрос А.И. Гучкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 35.

Генерал Дубенский в своих показаниях ЧСК приводит отрывки из своего дневника с описанием обстоятельств, связанных с царской телеграммой: «Прочитав телеграммы от командующих, Государь неожиданно послал ответ телеграммой с согласием отказаться от престола. Когда Войков узнал это от Фредерикса, пославшего эту телеграмму, он попросил у Государя разрешения вернуть эту телеграмму. Государь согласился. Войков быстро пошёл в вагон свиты и заявил Нарышкину, чтобы он побежал скорее на телеграф, но телеграмма ушла, и начальник телеграфа сказал, что он попытается её остановить. Когда Нарышкин вернулся и сообщил это, то все стоящие здесь почти в один голос сказали: “Всё кончено”»¹.

Описываемая Дубенским сцена весьма далека от реальности: странные колебания Царя, прокравшийся на телеграф семидесятидевятилетний старец Фредерикс, погоня за ушедшей телеграммой, попытки её «остановить», драматическое исполнение хором «всё кончено» — всего этого в действительности, разумеется, быть не могло.

В своих воспоминаниях Дубенский совсем по-другому описывает эти же события. Он пишет, что «граф Фредерикс бывал часто у Его Величества и после завтрака, то есть часов около 3-х, вошёл в вагон, где мы все находились, и упавшим голосом сказал по-французски: “Всё кончено, Государь отказался от престола за себя и Наследника Алексея Николаевича в пользу брата своего Великого Князя Михаила Александровича и послал через Рузского об этом телеграмму”. Когда мы услыхали всё это, то невольный ужас охватил нас, и мы громко в один голос воскликнули, обращаясь к Войкову: “Владимир Николаевич, ступайте сейчас к Его Величеству и просите его остановить, вернуть эту телеграмму”.

Дворцовый комендант побежал в вагон Государя. Через очень короткое время генерал Войков вернулся и сказал генералу Нарышкину, чтобы он немедленно шёл к генерал-адъютанту Рузскому и по повелению Его Величества потребовал телеграмму назад для возвращения Государю.

Нарышкин тотчас же вышел из вагона и направился к генералу Рузскому исполнять Высочайшее повеление. Прошло около $\frac{1}{2}$ часа, и К.А. Нарышкин вернулся от Рузского, сказав, что Рузский телеграмму не возвратил и сообщил, что лично даст по этому поводу объяснение Государю»².

В этих рассказах особенно странным представляются колебания Государя. Если он, после долгой внутренней борьбы, принял решение отречься от престола, то зачем ему вдруг понадобилось воз-

¹ Допрос Д.Н. Дубенского // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 977. Л. 53.

² Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 69.

вращать посланную телеграмму? Зачем понадобилась эта странная погоня за телеграммой? Ведь Государю, если он вдруг передумал отрекаться от престола, было достаточно направить ещё одну телеграмму, опровергающую первую. Не были ли действия Государя вызваны тем, что какую-то телеграмму, содержания которой он не знал, отправили от его имени в Петроград?

В рассказе Великому Князю Андрею Владимировичу Рузский историю с телеграммой изложил так: «*В 3 ч. ровно Государь вернулся в вагон и передал мне телеграмму об отречении в пользу Наследника. Узнав, что едут в Псков Гучков и Шульгин, было решено телеграмму об отречении пока не посыпать, а выждать их прибытие. Я предложил Государю лично сперва с ними переговорить, дабы выяснить, почему они едут, с какими намерениями и полномочиями. Государь с этим согласился, с чем меня и отпустил*»¹.

Рузский уверяет, что его просили телеграмму вернуть Государю вечером, он эту просьбу собирался выполнить и лично пошёл отнести её Императору, но в этот момент уже приехали думские посланцы и прошли в царский вагон.

В рассказе генералу Вильчковскому Рузский утверждал, что как только он вышел из царского вагона в 15 ч. 10 мин., имея на руках две царские телеграммы (об отречении и назначении нового Верховного Главнокомандующего), ему тут же вручили телеграмму о предстоящем приезде в Псков Гучкова и Шульгина. Генерал вернулся к Государю и доложил ему об этом известии. Государь потребовал одну телеграмму вернуть ему сразу, а вторую чуть позже. Рузский понёс вторую телеграмму Государю, но «*встретив Государя на платформе, предложил её оставить у него до прибытия Гучкова и Шульгина*»².

На самом деле о прибытии Гучкова и Шульгина в Пскове стало известно только в начале шестого вечера³. Приезд думских посланцев всё время откладывался, и проект манифеста об отречении Государю не передавался. Во всяком случае, ещё в 21 ч. 2 марта проект находился у Рузского⁴.

¹ Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись беседы с генералом Н.В. Рузским // ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 180.

² Рузский Н.В. Пребывание Николая II в Пскове. (Беседа с ген. С.Н. Вильчковским) // Отречение Николая II. С. 161.

³ Телеграмма генерала Клембовского генералу Эбелову от 2 марта, 17 ч. 43 м. // Красный архив. Исторический журнал. № 3 (22). М.—Л., 1928. С. 5—6.

⁴ Телеграмма генерала Данилова генералу Клембовскому от 2 марта, 20 ч. 48 м. // Красный архив. Исторический журнал. № 3 (22). М.—Л., 1928. С. 5—6.

Совокупность воспоминаний и документов, а также существенные разногласия, существующие между ними, позволяют сделать вывод, что между какими-то якобы существовавшими царскими телеграммами (телеграммой) от 2 марта и текстом, начинающимся словами «*Нет той жертвы, которую я бы не принёс...*», нет прямой связи. Рузский утверждал, что отдал какую-то телеграмму Государю после того, как тот передал Гучкову окончательный текст отречения в пользу Великого Князя Михаила Александровича. С.П. Мельгунов считает, что «*это — та именно телеграмма, которую Рузский вернул Царю вечером 2-го марта*»¹.

Этот вывод является ничем не подтверждённым утверждением. Мельгунов не может объяснить, зачем генералу Рузскому понадобилось отдавать эту телеграмму Императору Николаю II? В условиях изоляции Государя отдавать ему важный документ было совсем не в интересах ни Рузского, ни Родзянко.

Также непонятно, почему вдруг Царь передал телеграмму не 2 марта в Пскове, а 3 марта в Могилёве? Почему генерал Алексеев, вопреки установленным правилам, вместо того чтобы направить телеграмму с сопроводительным письмом для подшивания к делопроизводству, как, например, было с последним обращением Государя к войскам, спрятал её у себя и лишь в августе 1917 г. ознакомил с ней двоих людей: полковника Пронина и генерала Деникина?

О судьбе второй телеграммы с сообщением об отречении в пользу Наследника, якобы посланной Государем Алексееву, ничего не известно.

Совсем уж таинственна судьба третьей якобы существовавшей царской телеграммы, о назначении Великого Князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим. Согласно общим утверждениям, Государь подписал указы о назначении своего дяди главнокомандующим и назначении князя Г.Е. Львова главой правительства совместно с «актом» об отречении. Первым об этом, после своего разговора с Родзянко, Алексееву сообщил Рузский поздно ночью 2 марта².

Так называемая телеграмма «об отречении», даже в случае подлинности, не является объявлением об отречении от престола.

Прочтём её внимательно: «*Нет той жертвы, которую Я не принёс бы во имя действительного блага и для спасения родимой Матушки-России*». Во имя «*действительного блага и для спасения*»... А кто сказал, что отречение действительно благо и спасение

¹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 253.

² Телеграмма генерала Н.В. Рузского генералу М.В. Алексееву 2 марта 1917. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1754(2). Л. 103.

России? Далее: «*Посему Я готов отречься от престола*». «Готов» не означает «отрекаюсь». Готовность может быть растянута во времени. Исполнение может быть отложено. Если бы тот, кто писал текст, хотел выразить вполне определенное желание объявить о своем отречении, он написал бы: «*Я решил отречься от престола*». И еще: «...с тем, чтобы (он) остался при нас до совершеннолетия». Совершенно ясно, что если малолетний сын остаётся с отрёкшимся монархом до своего совершеннолетия, то бывший монарх неминуемо будет играть ведущую роль в политической жизни государства. В таком случае отречение является фикцией, и добавление фразы «*при регентстве брата моего Великого Князя Михаила Александровича*» теряет всякий смысл.

Как мы уже писали, Император Николай II был опытным политиком и юристом. Если бы он действительно составлял текст этой телеграммы, он бы неминуемо эти противоречия устранил, как и не стал бы подавать этот текст в таком виде, с исправлениями и вставками. Император Николай II мог быть автором подобного текста только в том случае, если бы он пытался с его помощью выиграть время и ввести заговорщиков в заблуждение. Но, по всей видимости, Царь не имел к этой телеграмме никакого отношения, как и ко всем «документам», вышедшим в Пскове 2—3 марта 1917 г.

Правда, существует версия, пущенная в ход генералом Деникиным, что эта телеграмма была написана Императором не 2 марта, а уже в Могилёве 3 марта. Генерал Деникин утверждал, что Государь по своему прибытии в Могилёв после «отречения» сказал Алексееву: «*Я передумал, прошу вас послать эту телеграмму в Петроград*». На листе бумаги чётким почерком Государя было дано согласие на вступление на престол Цесаревича Алексея. По словам Деникина, Алексеев «*унёс телеграмму и... не послал. Было слишком поздно: стране и армии объявили уже два манифеста. Телеграмму эту, "чтоб не смущать умы", никому не показывал, держал в своём бумажнике, и передал мне в конце мая, оставляя верховное командование. Этот интересный для будущих биографов Николая II документ хранился, затем в секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части Ставки*»¹.

Итак, перед нами ещё один первооткрыватель телеграммы Царя об отречении — генерал Деникин. Вслед за полковником Прониным он утверждает, что именно ему генерал Алексеев отдал хранившуюся у него царскую телеграмму. Правда, в словах Деникина, как и в словах Пронина, много сомнительного. Во-первых, 3 марта ничего ещё было «не поздно», так как никакие манифесты об отречении обнародованы не были. Во-вторых, очень странно, чтобы генерал

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. С. 124.

Алексеев отдал такую важную телеграмму генералу Деникину, которого остро недолюбливал. Достаточно сказать, что на должность начальника штаба Ставки в марте 1917 г. Деникин был назначен по прямому приказу Гучкова, вопреки настойчивым возражениям Алексеева. Деникин, конечно, не поделился с читателем текстом этой телеграммы, так же как не поведал ему, куда эта телеграмма делалась после того, как Ставка Верховного Главнокомандования прекратила своё существование.

Эти свидетельства Деникина вступают в противоречие со свидетельствами Рузского. Сам генерал в своих бумагах приводил копию вышеуказанной телеграммы в следующей редакции: «*Председателю Государственной Думы. Петроград. Нет той жертвы, которой Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки-России. Посему Я готов отречься от престола в пользу Моего Сына с тем, чтобы Он оставался при Мне до совершеннолетия, при регентстве Брата Моего Михаила Александровича*»¹. Как видим, копия Рузского имеет незначительные отличия от «подлинника» Мартынова. Но в данном случае важнее не они, а комментарий Рузского, что эта телеграмма была составлена и написана Государем собственноручно 2 марта 1917 г. в 3 ч. дня в Императорском поезде в Пскове, что опровергает слова Деникина, будто телеграмму Государь передал Алексееву в Могилёве 3 марта.

Рузский также утверждал, что Государь, узнав, что в Псков прибывают депутаты Государственной Думы, повелел телеграмму об отречении задержать, а телеграмму Наштаверху взять обратно. По словам Рузского, телеграмму об отречении Государь потребовал принести себе, но генерал убедил его дождаться депутатов. Таким образом, по утверждению главкосева, обе телеграммы не были отправлены адресатам.

Таким образом, телеграмма об отречении превращается в некий призрак. Её иногда видят, даже успевают сфотографировать, запомнить, но каждый раз она бесследно исчезает.

Но существуют ещё и другие соображения, по которым Император Николай II не мог отречься в пользу Цесаревича Алексея. Государь не мог не понимать, что внезапная передача престола малолетнему больному сыну будет означать его немедленное ввлечение в игру таких преступных игроков, как Гучков, Милюков, Керенский, Родзянко. Государь не мог строить иллюзий, что ему дадут оставить при себе сына до его совершеннолетия. Он понимал, что, оторванный от родителей, Цесаревич станет игрушкой в руках узурпаторов. Спросим себя, мог ли Император Николай II, столь го-

¹ Телеграмма Императора Николая II председателю Государственной думы М.В. Родзянко // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 140.

рячо любивший Царевича Алексея, обречь его на подобную участь? Мог ли Император Николай II, который не соглашался доверить Родзянко даже возглавить кабинет министров, позволить тому же Родзянко и Гучкову вести страну к катастрофе, прикрываясь именем его сына? Полагаем, что ответ на этот вопрос очевиден.

«Манифест» об отречении Императора Николая II в пользу Великого Князя Михаила Александровича

А.И. Гучков и вопрос об отречении

План заговора, предусматривавший отречение Государя, был задуман задолго до февральских событий. Одним из главных его разработчиков был А.И. Гучков. На допросе в ЧСК он сообщил: «Государь должен покинуть престол. В этом направлении кое-что делалось ещё до переворота, при помощи других сил. [...] Самая мысль об отречении была мне настолько близка и родственна, что с первого момента, когда только выяснилось это шатание и потом развал власти, я и мои друзья сочли этот выход именно тем, что следовало сделать»¹.

Милюков вспоминал: «Что Николай II больше не будет царствовать, было настолько бесспорно для самого широкого круга русской общественности, что о технических средствах для выполнения этого общего решения никто как-то не думал. Никто, кроме одного человека: А.И. Гучкова»². О том, что «отречение» было спланировано заранее, говорил и спутник Гучкова по поездке в Псков В.В. Шульгин. Он говорил кадету Е.А. Ефимовскому: «Вопрос об отречении был предрешён. Оно произошло бы независимо от того, присутствовал Шульгин при этом или нет. Шульгин опасался, что Государь может быть убит. И ехал на станцию Дно с целью “создать щит”, чтобы убийства не произошло»³. Интересно, почему Шульгин собирался ехать «создавать щит» на станцию Дно, а попал в Псков?

Гучков говорит ясно: события февраля 1917 г. «привели меня к убеждению, что нужно, во что бы то ни стало, добиться отречения Государя. Я настаивал, чтобы председатель Думы Родзянко взял бы на себя эту задачу»⁴.

Таким образом, понятно, что инициативы Родзянко по поездке в Бологое, его планы ареста Государя и требования его отречения

¹ Допрос А.И. Гучкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 22.

² Милюков П.Н. Воспоминания. С. 212.

³ Репников А.А., Гребенкин И.Н. В.В. Шульгин // «Вопросы истории». № 5. 2010.

⁴ Допрос А.И. Гучкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 23.

были инициативами и планами Гучкова. Можно не сомневаться, что все разговоры Родзянко с генералом Рузским по прямому про-воду контролировались всё тем же Гучковым.

Но отречение Государя входило не только в планы Гучкова. Не меньше они входили и в планы Керенского. Несмотря на то что Гучков с Керенским всё время выставляли себя антагонистами — один был монархистом, другой социалистом — сотрудничество между ними никогда не прекращалось. Это не означает, конечно, что между двумя заговорщиками не было разногласий. Они, конечно, были, так как оба стремились к власти и каждый видел себя в роли вождя при новом режиме. Наверное, в ходе самого переворота им приходилось, с одной стороны, искать и находить компромиссы, а с другой — пытаться оттеснить друг друга на второй план. Но всё это не мешало их самому активному взаимному сотрудничеству. Керенский и Гучков были нужны друг другу, так как один имел сильное влияние в масонских, социалистических и революционных кругах, другой — в кругах крупного капитала и военных. Поэтому С.П. Мельгунов был абсолютно прав, когда утверждал, что подготовкой и организацией Февральского переворота 1917 г. руководили две масонские группы: военная и гражданская. Во главе одной стоял Гучков, во главе другой — Керенский¹. Сотрудничество, хотя и весьма законспирированное, между ними проявило себя в полной мере в февральские дни 1917 г. и в деле по захвату и пленению Императора Николая II, а также в осуществлении операции, которую можно условно назвать «отречение».

О том, что и «отречение» Императора Николая II, и «отречение» Великого Князя Михаил Александровича было предусмотрено заговорщиками заранее, свидетельствует журнал заседания Временного правительства от 2 марта. Поясним: это заседание состоялось до «добровольного» «отречения» Государя и уж тем более до «отречения» его Брата. Между тем на этом заседании Милюков заявил: *«Совет рабочих депутатов по вопросу о дальнейшей судьбе членов бывшей Императорской фамилии высказывался за необходимость выдворения их за пределы Российского государства, полагая эту меру необходимой как по соображениям политическим, так равно и небезопасности их дальнейшего пребывания в России. Временное правительство полагало, что распространять эту меру на всех членов семьи Дома Романовых нет достаточных оснований, но что такая мера представляется совершенно необходимой и неотложной в отношении отказалавшегося от престола бывшего Императора Николая II, а также и по отношению к Великому Князю»*

¹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С. 134.

Михаилу Александровичу и их семьям»¹. Нельзя не согласиться доктором В.М. Хрусталёвым: «Этот документ показывает, что с первых шагов новые претенденты на верховную власть в России были практически едины во взглядах на дальнейшую участь представителей Династии Романовых. Таким образом, последующие события, связанные с отречением Николая II и ведением переговоров с Великим Князем Михаилом Александровичем, были только фарсом»².

Гучков был тесно связан с военными кругами и сыграл ведущую роль в организации бездействия армии в подавлении беспорядков в Петрограде. Так, начальник войсковой охраны Петрограда генерал М.И. Занкевич, выполняя условия договоренности с Гучковым, предпринял шаги, которые были направлены на ослабление обороны района Адмиралтейства и Зимнего дворца³. А.Б. Николаев пишет о Занкевиче: «Начальник войсковой охраны Петрограда, который должен был по долгу службы предпринять все необходимые меры для подавления революции, оказался в сговоре с руководителями восстания, вернее, с одним из них — А.И. Гучковым»⁴. Николаев предполагает, что у Гучкова имелись соответствующие договоренности с командирами некоторых полков о линии поведения в случае возникновения стихийных солдатских выступлений⁵.

28 февраля Гучков выезжал агитировать военнослужащих в казармы лейб-гвардии Павловского полка, 1 и 2 марта он вёл агитацию в других частях. Участвовал Гучков и в захвате Главного артиллерийского управления (Литейный пр-т, 46).

Сотрудничество Гучкова и Керенского ярко проявилось в захвате Императорского поезда 1 марта 1917 г., который технически осуществлялся А.А. Бубликовым. Но тот был лишь исполнителем. Подлинным руководителем захвата был Николай Виссарионович Некрасов. В 1921 г. Некрасов вспоминал, что ему особенно врезались в память «погоня за царским поездом, которую мне довелось направлять из Государственной думы, давая распоряжения Бубликову, сидевшему комиссаром в министерстве путей сообщения»⁶.

Некрасов был членом Верховного совета «Великого Востока народов России» и по масонской линии подчинялся Керенскому.

¹ Журнал первого заседания Временного правительства от 2 марта 1917 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2103. Л. 1.

² Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. С. 384—385.

³ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 101.

⁴ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 59.

⁵ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 115.

⁶ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931, и 1939 гг. // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 20.

Но одновременно Некрасов был активным участником «заговора Гучкова», входил в его «тройку», планировавшую в конце 1916 г. свержение и арест Государя.

Очевидно, что захват Императорского поезда и отречение Николая II были нужны как Гучкову, так и Керенскому. Определённые разногласия у них могли быть только касательно формы этого отречения. Гучков выступал за внешне «легальные» формы, за «добровольное» отречение, Керенский — за революционные: Царь сначала официально задерживался, затем «отрекался», потом официально арестовывался. В конце концов, произошло слияние этих двух вариантов. Думается, что это слияние стало возможным в результате достигнутого компромисса между Гучковым и Керенским. В отличие от Чхеидзе, Керенский понимал, что революционный арест Императора и простое отречение его от престола будет, по выражению М.В. Родзянко, означать, что Царь отрёкся «в пользу никого». А это, в свою очередь, чётко выявляло бы революционную сущность нового режима, которую Керенский до поры до времени стремился скрыть. Нужно было создать впечатление легитимной передачи власти, которая, однако, привела бы к обезглавливанию монархии и, как следствие этого, к её гибели.

Не вызывает сомнений, что после того, как Императорский поезд был направлен в Псков, Керенский и Гучков действовали в отношении Государя в полном согласии. Уже днём 2 марта о предстоящем отречении Государя говорили открыто. В 15 ч. в Екатерининском зале Таврического дворца Милюков заявил: «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдёт к регенту великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей»¹. Заметим, Милюков в середине дня 2 марта говорит об отречении как о деле решённом, предлагая Государю только выбирать между «добровольным» отречением или низложением.

В 17 ч. 23 мин. 2 марта в своём разговоре по прямому проводу с главным начальником Одесского военного округа генералом от инфanterии М.И. Эбеловым генерал Клембовский уверенно заявлял: «Исход один — отречение в пользу Наследника под регентством Великого Князя Михаила Александровича. Его Величество решение ещё не принял, но, по-видимому, оно неизбежно»². Откуда такая уверенность у помощника начальника штаба? Как мы помним, генерал Данилов сообщал в 20 ч. 55 мин. 2 марта, что «окончательное реше-

¹ Правительственный вестник. 2 марта 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1751(3). Л. 270.

² Переговоры по прямому проводу генерала В.Н. Клембовского с генералом М.И. Эбеловым // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(3). Л. 140.

*ние вновь откладывается*¹. Но почему, если вопрос об отречении в пользу Цесаревича Алексея был уже решён Императором?

Вполне возможно, что приезд Гучкова в Псков и появление после его приезда третьего манифеста об отречении, теперь уже в пользу брата Великого Князя Михаила Александровича, были связаны со сговором Гучкова и Рузского в обход генерала Алексеева. Тот, по-видимому, полагал, что всё закончится «отречением» в пользу Цесаревича. Наштаверх надеялся играть ведущую роль при новом правительстве (отсюда его авторство манифеста). Это ему обещали и организаторы переворота, в частности Родзянко. По всей вероятности, Алексеев считал, что его назначение на должность «диктатора» произойдёт в Царском Селе, а назначит его сам Николай II. Генерал Савич вспоминал, что для того, чтобы «оформить детали», связанные с манифестом об отречении, Государь должен был быть отправлен в Царское Село². Предполагалось, что Император будет отправлен в Царское Село и там объявят о передаче престола сыну. Ещё вечером 2 марта депутат Государственной Думы кадет Ю.М. Лебедев говорил в Луге, что Гучков и Шульгин едут в Псков вести переговоры с Государем и «результатом этих переговоров явится приезд Государя в Царское Село, где будет издан ряд важнейших государственных актов»³.

Алексеев думал, что играет по правилам Гучкова, юный император Алексей и регентский совет, но он не знал, что сам Гучков уже давно играет по планам Керенского, в которых место Алексееву не было. Рузский это понял быстро и сразу же стал «колебаться» вместе с «генеральной линией» петроградских заговорщиков.

«Алексеевский» манифест был отправлен в Петроград через Псков, а ни оттуда, ни из штаба Северного фронта никаких сведений о нём в Ставку не поступало. Более того, стало известно, что никакого объявления о манифесте не будет сделано без дополнительного разрешения генерала Рузского. Между тем в Ставку пришло известие, что императорские поезда якобы собираются отправиться в сторону Двинска, откуда они могли двигаться как в Ставку, так и в Царское Село. Что происходит в Пскове, Алексеев не знал. Взволнованный, он приказал генералу Клембовскому немедленно связаться со Пskовом. Клембовский послал Данилову следующую телеграмму: «Наштасеву. Телеграмма об объявлении

¹ Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(3). Л. 141.

² Савич С.С. Принятие Николаем II решения об отречении. // Отречение Николая II. С. 198—199.

³ Воронович Н.В. Записки председателя совета солдатских депутатов // Страна гибнет сегодня. С. 317.

манифеста не приводится в исполнение в ожидании дальнейших указаний после доклада у главкосева. Очень прошу ориентировать Наштаверха, в каком положении находится вопрос. Из вашего штаба сообщили, что лите́рные поезда стоят в Пскове и нет никаких распоряжений относительно их отправления. Между тем получены известия, что начальник эксплуатационного отдела северо-западной дороги инженер Гавалов отдал распоряжение по линии об отправлении поездов к Двинску. Прошу сообщить, что известно. Клембовский»¹.

Вскоре поступила телеграмма от инженера Гавалова с разъяснениями: «Сведения (об отправлении Императорских поездов в Двинск. — П.М.) были на основании наряда имеющегося на Императорский поезд, который был дан до известия о выезде Гучкова. Теперь наряд отменён или отложен. По окончании разговора с Гучковым вопрос разрешится окончательно»².

При этом следует отметить, что вообще предстоящее подписание отречения мало заботило генералов Ставки. Они говорили о нём как о деле решённом. Их больше заботило, например, назначение на должность командующего Петроградским военным округом генерала Корнилова. На вопрос генерала Дубенского, заданный 2 марта одному приехавшему из Петрограда полковнику, «что же говорят о Государе?», последовал ответ: «Да о Государе ничего не говорят...»³

Как бы там ни было, воспоминания свиты, генералов Рузского, Данилова, Савича свидетельствуют, что манифест об отречении был написан, и Государь его согласился подписать. Возникает вопрос: зачем же тогда Гучков и Шульгин ехали в Псков?

Зачем А.И. Гучков и В.В. Шульгин ездили в Псков 2 марта 1917 года?

Гучков уверял, что, отправляясь в Псков, он ничего не знал о решении Государя отречься от престола. Своё же решение отправиться в Псков за отречением, Гучков объяснял своей личной инициативой, проявленной на «свой страх и риск» на заседании ВКГД 1 марта. По словам Гучкова, ВКГД дал ему соответствующие полномочия⁴.

¹ Телеграмма генерала В.Н. Клембовского генералу Ю.Н. Данилову // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(2). Л. 112.

² Телеграмма инженера Гавалова в Ставку // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1753(2). Л. 110.

³ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 70.

⁴ Допрос А.И. Гучкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 24.

Спутник Гучкова Шульгин утверждал, что решение о поездке депутатов было принято узким кругом лиц — Родзянко, Гучковым, Милюковым и им, Шульгиным, около 4 ч. утра 2 марта. Инициатором поездки был Гучков, который считал, что нужно как можно скорее ехать в Псков и получить от Государя манифест об отречении. При этом Гучков якобы подчеркнул, что ни в коем случае нельзя сообщать о поездке Исполкому Совета: «*Надо действовать тайно и быстро, советуюсь*» и «*дать России нового государя*». Таким новым государем Гучков предполагал Наследника. На это Родзянко сообщил, что Рузский уже говорил об этом с Государем, а Алексеев запросил мнение по этому поводу командующих фронтами¹.

В воспоминаниях Шульгина есть принципиальные неточности. Ночью 2 марта, или вечером 1-го, Рузский не мог телеграфировать Родзянко об отречении, а Алексеев запрашивать главнокомандующих, потому что всё это имело место не раньше 11 ч. утра 2 марта. Но главная мысль, которую хочет донести до читателя Шульгин, — это полная законспирированность поездки от членов Исполкома. Для этого Шульгин подчёркивает, что на встрече не было ни Керенского, ни Чхеидзе, а сама поездка проходила втайне от всех. Со своей стороны это же утверждали и представители Совета. Член Исполкома Н.Н. Суханов (Гиммер) категорически утверждал, «*что Исполком Комитета узнал о поездке только на следующий день, уже получив акт об отречении, не зная, при каких условиях он был подписан, и ничего не подозревая ни о миссии, ни о поездке Гучкова и Шульгина*»².

Но чем больше одна сторона отрицает сотрудничество с другой по вопросу поездки в Псков, тем больше закрадываются сомнения.

На поверку утверждение о полной засекреченности поездки Гучкова и Шульгина, при даже неглубоком изучении, оказывается полностью несостоятельным. Прежде всего, о поездке знал Керенский. Он об этом сам свидетельствует в своих воспоминаниях, когда пишет, что Исполком принял решение направить вместе с Гучковым и Шульгиным собственную делегацию в Псков³. На самом деле такого заседания не было и никакой делегации от Исполкома в Псков не направлялось, но то, что Керенский об этом говорит, означает, что он был в курсе поездки делегатов от Думского комитета.

Не был никаким секретом приезд депутатов и в штабе Северного фронта. Гучков на допросе в ЧСК говорил, что он «*телеграфировал в Псков генералу Рузскому о том, что еду, но чтобы на телеграфе не знали цели моей поездки, я пояснил, что еду для переговоров по*

¹ Шульгин В.В. Дни // Отречение Николая II. С. 177.

² Цит. по: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 85.

³ Kerensky A. La Révolution Russe. Paris, 1928.

важному делу, не упоминая, с кем эти переговоры должны были вестись»¹.

Однако в 16 ч. 30 мин. 2 марта генерал Данилов сообщил генералу Алексееву телеграммой, что «около 19 часов сегодня Его Величество примет члена Государственного Совета Гучкова и члена Государственной Думы Шульгина, выехавших экстренным поездом из Петрограда»².

В 17 ч. 43 мин. генерал Клембовский направил генералу Эбелову телеграмму, в которой сообщал: «Государь Император находится в Пскове, куда выехали к нему экстренным поездом из Петрограда уполномоченные Государственной Думы Гучков и Шульгин. Это всё можно объявить в печати»³. Что же это за государственный секрет, который разрешается объявлять в печати?!

Гучков начиная с 28 февраля был полностью уверен в успехе переворота. С.Д. Масловский (Мстиславский) пишет в своей книге, что в критические дни 28 февраля и 1 марта Гучков, окружённый офицерами Генерального штаба, пребывал в состоянии «оптимистическом и самоуверенном»⁴.

Вечером 28 февраля Гучков пришёл к графу В.Н. Коковцову и оставался у него «до 2-х часов ночи, расспрашивая обо всем, самом разнообразном из области финансового положения страны»⁵. Такое спокойствие Гучкова объясняется лишь одним: он был уверен в полном контроле над Государем.

Между тем ни Гучков, ни Шульгин не могут объяснить, зачем же они поехали в Псков, если знали о согласии Императора на отречение, а манифест был уже выработан. То, что они об этом знали, свидетельствует генерал Лукомский, который по приказу генерала Алексеева после передачи проекта манифеста в Псков, немедленно сообщил об этом «в Петроград председателю Государственной Думы»⁶.

Таким образом, ехать в Псков, не дождавшись подписанного Царём манифеста, было бессмысленно. Тем не менее Гучков и Шульгин в Псков поехали. При этом, как они оба уверяют, у каждого был собственный вариант манифеста. Правда, Гучков утверждает, что текст его написал Шульгин, а Шульгин, что — Гучков. Гучков: «На-

¹ Допрос А.И. Гучкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л.24.

² Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу М.В. Алексееву. 2 марта 1917, 16 ч. 30 м. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1753(3). Л. 114.

³ Телеграмма генерала В.Н. Клембовского генералу М.И. Эбелову. 2 марта 1917, 17 ч. 43 м. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1753(3). Л. 131.

⁴ Мстиславский С. Указ. соч. С. 12.

⁵ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Париж, 1933. Т. 2. С. 405.

⁶ Лукомский А.С. Воспоминания //Страна гибнет сегодня. С. 56.

кануне был набросан акт отречения Шульгиным»¹. Шульгин (как всегда, витиевато): «В пятом часу ночи мы сели с Гучковым в автомобиль, который по мрачной Шпалерной, где нас останавливали какие-то посты и заставы, и по неизнаваемой чужой Сергиевской довёз нас до квартиры Гучкова. Там А.И. набросал несколько слов. Этот текст был составлен слабо, а я совершенно был неспособен его улучшить, ибо все силы были на исходе»².

Но генерал Рузский утверждал: «Никаких документов они с собой не привезли. Ни удостоверения, что они действуют по поручению Государственной Думы, ни проекта об отречении. Решительно никаких документов я в их руках не видел»^{3,4}.

Непонятно, почему Гучков, даже если поверить его рассказам о полной неосведомлённости о «псковском манифесте», был уверен, что Император обязательно согласится на отречение? Гучков не мог не знать о незаурядном личном мужестве Императора Николая II. Вспомним слова Дубенского о Государе как о «в высшей степени мужественном, никакой физической опасности» не боявшемся, храбром человеке⁵. Может быть, Гучков рассчитывал, что Государь подпишет манифест под угрозой убийства его Семьи? Вряд ли Гучков решился бы на такой шаг. Шантажом прекращения поставок снарядов в армию, обрушением фронта? Тоже сомнительно. Услышав подобный шантаж, Царь, без всякого сомнения, отказался бы передавать власть таким людям. Да и все эти расчеты, вместе взятые, не могли давать Гучкову полную уверенность в успехе предприятия.

Итак, Гучков и Шульгин собирались в Псков, зная из телеграмм генерала Алексеева, что Государь принял решение отречься, не имея с собой на руках никакого проекта отречения и не будучи совершенно уверенными в успехе. Что это — авантюра? Гучков не был авантюристом. Он действовал всегда осторожно, продуманно и хладнокровно. Для чего же он ехал тогда в Псков?

Ответ на этот вопрос нам даёт сам Гучков, когда пишет о причинах своего решения взять с собой Шульгина: «Я и Шульгин, о котором я просил Думский Комитет, прося командировать его

¹ Гучков А.И. В царском поезде // Отречение Николая II. С. 191—192.

² Шульгин В.В. Дни // Отречение Николая II. С. 178.

³ Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись беседы с генералом Н.В. Рузским // ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 180.

⁴ Любопытно, что Гучков с Шульгиным путаются не только в авторстве проекта манифеста, но даже в часе своего отъезда в Псков. Шульгин пишет, что это было раннее утро («чуть серело...»), Гучков, что это была середина дня.

⁵ Допрос Д.Н. Дубенского // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 977. Л. 53.

вместе со мной, чтобы он был свидетелем всех последующих событий (выделено нами. — П. М.)»¹.

Главный смысл поездки А.И. Гучкова и В.В. Шульгина заключался в том, чтобы «отречение» Императора прошло при представителях (свидетелях) нового правительства. Это они, думские посланники, должны были привезти от Царя манифест, объявляющий о конце его царствования.

Это предположение подтверждается и обстоятельствами прибытия Гучкова и Шульгина в Псков. Вот как его описывает Дубенский: «*Из ярко освещённого вагона салона выскочили два солдата с красными бантами и винтовками и стали по бокам входной лестницы. По-видимому, это были не солдаты, а, вероятно, рабочие в солдатской форме, так неумело они держали ружья, отдавая честь «депутатам», так не похожи были даже на молодых солдат*»².

Ещё красочнее описал прибытие думских посланцев полковник Таль. Гучков и Шульгин прибыли на поезде, который «*состоял из паровоза и двух вагонов, одного служебного и другого салона-вагона. Необычного в нём было то, что локомотив его разукрашен был гирляндами зелени и с красными флагами*»³.

Гучков с Шульгиным приехали в Псков не просто так, приехали со своей «гвардией» (вспомним «красную гвардию» Чхеидзе) как представители новой власти. Нам могут возразить, что общеизвестно, что Шульгин был националистом и монархистом. Однако «монархизм» Шульгина ничем не отличался от «монархизма» Гучкова. Великий Князь Николай Михайлович писал о Шульгине, что в нём всё дышит злобой к монархии, к Государыне и Государю, причём Шульгин «этого вовсе не скрывает и говорит “о возможности цареубийства”»⁴.

Но почему эти представители новой власти так спокойно и безбоязненно прибыли в Псков в полной уверенности, что уедут обратно с подписанным Высочайшим манифестом об отречении?

Потому что к моменту приезда Гучкова и Шульгина уже был готовый манифест об отречении Императора Николая II от престола.

По всей вероятности, в планах заговорщиков было два варианта действий. В случае если Император Николай II согласится на отречение от престола, он, после подписания манифеста, должен

¹ Допрос А.И. Гучкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 23.

² Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 70.

³ Воспоминания Г.А. фон Талля, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 29.

⁴ Записки Н.М. Романова. Предисловие А.А. Сергеева // Красный архив. Исторический журнал. М., 1931. № 6 (49).

быть доставлен в Царское Село и там официально подтвердить своё решение. Если же Император от престола отрекаться отказывался, то отречение должно всё равно состояться путём объявления заранее подготовленного фальшивого манифеста. Таким образом, Россия была бы поставлена перед свершившимся фактом.

Была ли передача престола Великому Князю Михаилу Александровичу «внезапным решением» Императора Николая II?

Гучков и Шульгин прибыли в Псков поздно вечером, около 22 ч., 2 марта. События, произошедшие затем в Императорском вагоне, известны нам из многократно опубликованных воспоминаний. Эти воспоминания полны противоречий и взаимоисключающих подробностей, но тем не менее делают однозначный вывод: ночью 2 марта Император Николай II отрёкся от престола в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича. Это утверждение воспринимается как аксиома на протяжении вот уже почти целого века. При этом никто не задаётся вопросом: а мог ли Император Николай II передать престол своему младшему брату?

Н.В. Рузский рассказывал, что, когда он вошёл с опозданием в вагон-столовую Императорского поезда, там уже находились А.И. Гучков и В.В. Шульгин, которые сидели за столом напротив Государя. Кроме них в салоне присутствовал граф Б.Б. Фредерикс, а также некто, кто «сидел и писал»¹. Этот «некто», по словам А.А. Мордвинова, был начальник военно-походной канцелярии Его Императорского Величества К.А. Нарышкин, которому «было поручено присутствовать при приёме и записывать всё происходившее во избежание могущих потом последовать разных выдумок и неточностей»².

Судя по записям Нарышкина, Гучков начал говорить первым. Он сообщил о событиях в Петрограде, а затем сказал, что единственный путь спасения России, спасения монархического принципа и Династии — это «передать бремя Верховного Правления в другие руки». «Если Вы, Ваше Величество, объявите, что предаёте свою власть Вашему маленькому сыну, если Вы передадите регентство Великому Князю Михаилу Александровичу или от имени регента будет поручено образовать новое правительство, тогда, может быть, будет спасена Россия»³.

¹ Дневник Великого Князя Андрея Владимировича. Запись беседы с генералом Н.В. Рузским // ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 180.

² Протокол отречения Николая II // Отречение Николая II. С. 116.

³ Протокол переговоров члена Государственного Совета А.И. Гучкова и члена Государственной думы В.В. Шульгина с Императором Николаем II. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2099. Л. 1.

Обратим внимание на эту маленькую поправку Гучкова о том, что сформировать новое правительство можно от имени регента, то есть **самого регента не будет**. Так как без регента малолетний Император царствовать не может, то получается, что эта оговорка предусматривала и **отсутствие Императора**.

На допросе в ЧСК Гучков откровенно признавал, что в его планах был предусмотрен вариант завуалированного демонтажа монархической системы. Рассказывая об обстоятельствах отказа Великого Князя Михаила Александровича воспринять престол, Гучков пояснил, что он сделал предложение Великому Князю принять «*престол условно, чтобы он не принял его, как государь, а как регент, чтобы довести страну до Учредительного собрания*»¹.

Нет сомнений, что оба предложения были тесно связаны друг с другом и **носили явно антимонархический характер**.

По записям Нарышкина, в ответ на слова Гучкова Государь ответил, что он до приезда депутатов решил отречься «*от престола в пользу своего сына, но теперь, ещё раз обдумав своё положение, я пришёл к заключению, что ввиду его болезненности, мне следует отречься и за себя и за него, так как расстаться с ним я не могу*»². На эти слова Гучков ответил странной фразой: «*Мы учли, что облик маленького Алексея Николаевича был бы смягчающим обстоятельством при передаче власти*». Вообще-то Гучков, если он хоть в какой-нибудь степени был бы монархистом, должен был учитывать не «облик маленького» Цесаревича, а Закон о престолонаследии Российской империи, по которому престол переходит от отца к старшему сыну.

Но ещё более странную фразу произнёс Шульгин, который сразу заявил, что проект с Великим Князем Михаилом Александровичем «*имеет то преимущество, что не будет мысли о разлучении и, с другой стороны, если Ваш брат, великий князь Михаил Александрович, как полноправный монарх, присягнёт конституции одновременно с вступлением на престол, то это будет обстоятельством, содействующим успокоению*»³.

Заметим, что Государь **ещё даже не произнёс**, в пользу кого он хочет передать престол, а догадливый Шульгин уже называет имя «**полноправного монарха**» Михаила Александровича, который должен будет присягнуть несуществующей конституции.

¹ Допрос А.И. Гучкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 28.

² Протокол переговоров члена Государственного Совета А.И. Гучкова и члена Государственной думы В.В. Шульгина с Императором Николаем II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2099. Л. 1.

³ Протокол переговоров члена Государственного Совета А.И. Гучкова и члена Государственной думы В.В. Шульгина с Императором Николаем II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2099. Л. 2.

Можно, конечно, предположить, что Нарышкин упустил в словах Государя имя Великого Князя и неточно передал слова Шульгина, напутал со словом «конституция». Но тогда чего стоят его стенографические записи, которые должны были нас уберечь от «разных выдумок и неточностей»?

Любопытно, что Государь, услышав важные слова о Великом Князе как о «полноправном монархе» и о конституции, которой тот должен был присягнуть, заинтересовался сразу не будущим монархом и не конституцией, а казаками! «*А вы не думаете, — спросил он, — что в казачьих областях могут возникнуть беспорядки?*» Правда, получив ответ, что «казаки все на стороне нового строя», Царь успокоился и пошёл писать акт об отречении в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича.

Таким был стенографический отчёт К.А. Нарышкина. Его достоверность становится тем более сомнительной, когда узнаёшь историю его появления. В предисловии к сборнику «Отречение Николая II» Л. Китаев пишет: «*Нарышкинский протокол извлечён нами из статьи покойного проф. Сторожева “Февральская революция 1917 года”, напечатанной в сборнике “Научные известия” за 1922 год*»¹.

Профессор В.Н. Сторожев был давний и хороший знакомый академика М.Н. Покровского — главного большевистского фальсификатора царских документов. Благодаря протекции Покровского Сторожев стал заместителем начальника Главного управления архивным делом (ГУАД) и получил доступ к документам убитой большевиками Царской Семьи. С июля 1919 г. Сторожев начал публиковать в газете «Вечерние известия» статьи-фельетоны, порочащие Царскую Семью, с использованием документов из так называемого Новоромановского архива, скрыв свое авторство под псевдонимом М. Васильев².

Сотрудник этого архива Ф.В. Кельин писал о том, что главный интерес Сторожева как историка был «*направлен на изучение документов собственного архива царя и царицы*». Вскоре Сторожев стал передавать часть документов или их копии за границу. В частности, берлинскому издательству «Слово» он передал письма Государыни и дневники Государя³.

¹ Китаев Л. Свидетели отречения // Отречение Николая II. С. 15.

² Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Мироненко С.В. Из истории публикации документов царской семьи в 1918—1920-е гг. // Отечественные архивы. 2007. № 1. С. 10.

³ Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Мироненко С.В. Из истории публикации документов царской семьи в 1918—1920-е гг. // Отечественные архивы. 2007. № 1. С. 11—14.

То есть так называемый «протокол Нарышкина» был извлечён со стола фальсификаторской кухни, где людьми, подобными Покровскому и Сторожеву, готовились разные «блюда» по дискредитации убитого Государя. Кстати, в ГА РФ «Нарышкинский протокол», напечатанный на машинке, не имеет никаких указаний, что его составлял Нарышкин.

Утверждение, что Государь внезапно, под влиянием отцовских чувств, проигнорировав законы империи, решил передать престол Великому Князю Михаилу Александровичу, представляется сознательной дезинформацией. Такой же дезинформацией является утверждение, будто бы возможность воцарения Великого Князя Михаила Александровича на престоле явилась полной неожиданностью для Гучкова и Шульгина.

Генерал Н.В. Рузский утверждал, что Царь принял решение об отречении в пользу брата, буквально держа уже в руках перо, чтобы подписать отречение в пользу сына. При этом окончательно повлиял на решение Государя отрицательный ответ, данный Гучковым на вопрос: сможет ли Наследник Цесаревич, то есть будущий Монарх, уехать с Государем из России?¹ Нелепость вопроса, приписываемого Государю, очевидна. Император Николай II не мог не понимать, что его сына — молодого царя, разумеется, никто не даст вывезти за границу. Государь такого вопроса, конечно, задать не мог.

Камер-фурьерский журнал также утверждает, что Государь объявил о своём решении передать престол брату в присутствии Гучкова и Шульгина. Правда, мотивация царского решения в камер-фурьерском журнале даётся более правдоподобная: «*Его Величество, выйдя к представителям народа, сказал: «Я всё это обдумал, решил отречься. Но отрекаюсь не в пользу своего сына, так как я должен уехать из России, раз я оставляю верховную власть. Покинуть же в России сына, которого я очень люблю, оставить его на полную неизвестность, ни в коем случае не считаю возможным. Вот почему я решил передать престол моему брату, Великому Князю Михаилу Александровичу»*².

Все сходятся на том, что решение Царя передать престол Великому Князю Михаилу Александровичу стала полной неожиданностью для Гучкова и Шульгина. Однако это не так. Из совокупности источников становится понятным, что кандидатура Великого Князя давно рассматривалась заговорщиками либо в качестве регента, либо в качестве монарха.

¹ Лукомский А.С. Воспоминания // Страна гибнет сегодня. С. 195.

² Пребывание Государя Императора в действующей армии. Февраль—март 1917 // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (доп.). Д. 25. Л. 10.

Ещё весной 1899 г., будучи в Дании, Николай II принял полномочного посланника Франции в Копенгагене Ж.-Ж. Жюссерана. После встречи Жюссеран в своём письме Т. Делькассе сообщал, что накануне «прошёл слух, что Император болен, не способен заниматься никакими делами, поддерживать какую-либо дискуссию. Он подписывает бумаги, их не читая, и уже рассматривают возможность регентства Великого Князя Михаила, председателя Государственного Совета. В прессе появились статьи на тему “антагонизма между Императором Николаем II и Вдовствующей Императрицей”. Говорят, что существует дворцовый заговор под влиянием реакционной партии, имеющей целью возвведение на престол брата Императора»¹. Жюссеран заканчивал своё письмо полным опровержениями этих слухов: «Новость эта полностью ложная. Император, наоборот, произвёл на меня впечатление человека, находящегося в самом добром здравии»².

Вся эта история так и могла бы остаться очередным нелепым слухом, если бы в октябре/ноябре 1900 г. Император Николай II, находясь в Ливадии, действительно тяжело не заболел. Причём обстоятельства, окружавшие эту болезнь, удивительным образом были похожи на те, о каких писал французский посланник. С.Ю. Витте стал настаивать на консилиуме, для чего по его рекомендации был вызван из Санкт-Петербурга профессор Военно-медицинской академии П.М. Попов. «По диагнозу этого профессора, — пишет Витте, — оказалось, что Государь Император болен брюшным тифом»³. Витте утверждал, что он был вынужден пригласить врача из Петербурга, так как Государь «по своему обыкновению не желал серьёзно лечиться», а лечил царя «лейб-медик старик Гирш, который если что и знал, то, наверное, всё перезабыл»⁴.

Однако сводки Министерства Императорского Двора, в которых ежедневно отмечалось течение болезни Императора, опровергают рассказ Витте. Диагноз «брюшной тиф, с совершенно благополучным течением в настоящее время» был поставлен уже 1 ноября 1900 г.⁵

Относительно нетяжёлое течение болезни Государя спровоцировало тем не менее активное распространение слухов, что он чуть

¹ Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II. М.: ФИВ, Российский институт стратегических исследований, 2012. С. 70.

² Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II. С. 71.

³ Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II. С. 71—73.

⁴ Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II. С. 72.

⁵ Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II. С. 72.

ли не при смерти. Причём их распространял определённый круг людей, центром которого был Витте. Именно он собрал в Ялте практически весь Кабинет министров. Единственный вопрос, который задали министры Витте, был: «*Как поступить в том случае, если случится несчастье и Государь умрёт? Как поступить с престолонаследием?*»¹

Острота этого вопроса становится понятной, если учесть, что болезнь Николая II усугублялась династическим кризисом. В июне 1899 г. при невыясненных обстоятельствах скончался Наследник Цесаревич, брат Императора Николая II, Великий Князь Георгий Александрович. Наследником престола был объявлен Великий Князь Михаил Александрович. Но в начале осени 1900 г. выяснилось, что Императрица Александра Феодоровна беременна.

В этих условиях Витте требовал, чтобы, в соответствии с Законом о престолонаследии, престол в случае смерти Государя перешёл бы к его брату Великому Князю Михаилу Александровичу. Но при этом возникал вопрос: что делать, если у Императрицы родится мальчик? В этом случае престол должен был наследовать новорождённый сын Императора, а правительницей государства должна была стать Императрица Александра Феодоровна. Однако к этому времени престол был уже занят Михаилом Александровичем.

По настоянию Витте был собран совет, на котором министр финансов заявил, что в истории не существует прецедента, ссылаясь на который можно было бы позволить Императрице Александре Феодоровне быть правительницей в течение нескольких месяцев на том шатком основании, что у неё может родиться мальчик. Витте категорически настаивал, что престол должен занять именно Великий Князь Михаил Александрович, который к этому времени был под его сильным влиянием.

Интересно, что за несколько недель до болезни Царя Витте по дороге на Парижскую Всемирную выставку посетил Копенгаген. Там он имел встречу с датским королём Христианом IX. В ходе беседы король почему-то поинтересовался мнением Витте о Великом Князе Михаиле Александровиче. Витте ответил, что хорошо знает Великого Князя, так как «имеет честь и радость преподавать ему», но что ему трудно несколькими словами обрисовать его личность. Однако Христиан IX настаивал, и тогда Витте спросил короля: «*Ваше Величество, вы хорошо знаете моего державного Повелителя Императора Николая?*» Король ответил: «*Да, я его хорошо знаю*». Витте выразил тогда уверенность, что король хорошо знал и

¹ Витте С.Ю., граф. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1—2. М.—Пг.: Государственное издательство, 1923. Т. 1. С. 157.

Императора Александра III, на что получил утвердительный ответ. Тогда Витте сказал: «*Так я, приблизительно в самых таких общих контурах, чтобы определить личность Михаила Александровича, сказал бы так: что Император Николай есть сын своей матери и по своему характеру и по натуре, а Михаил Александрович есть большие сын своего отца*»¹.

Как утверждает сам Витте, король Христиан при этих словах рассмеялся. Если Витте и не придумал этот диалог, то он сказал королю неправду. По своему характеру Михаил Александрович был вовсе не похож на отца. Он обладал слабой волей и легко поддавался чужим влияниям. Но интересно другое: зачем было Витте убеждать Христиана IX в сильной воле Михаила Александровича и подчёркивать, что характер он унаследовал от своего отца? Не намекал ли Витте на то, что подлинным наследником дела Александра III является его сын Михаил, а не царствующий Император? Являлось ли совпадением то, что разговор этот состоялся примерно за месяц до того, как Витте прочил Великого Князя в Императоры при живом Николае II?

Через четыре года после болезни Царя, в разгар Русско-японской войны, рейхсканцлер Германии Б. фон Бюлов говорил кайзеру, что немедленное заключение мира могло бы привести к убийству Императора Николая II и провозглашению регентства Великого Князя Михаила Александровича при деятельном участии Витте, а это, в свою очередь, легко могло бы кончиться превращением монархии в республику².

Примечательно, что после смерти Наследника Цесаревича Великого Князя Георгия Александровича в 1899 г. Николай II не хотел присваивать этот титул своему младшему брату³. Тем не менее из-за государственных и династических соображений титул Наследника Цесаревича за Великим Князем был сохранён вплоть до рождения в 1904 г. Цесаревича Алексея Николаевича.

Осенью 1912 г., после морганатического брака Великого Князя Михаила Александровича на дважды разведённой Н. С. Шереметевской (Вульферт), отношения между Императором Николаем II и Великим Князем были фактически разорваны. Это было вызвано тем, что Михаил Александрович дал слово своему Августейшему брату не жениться на Вульферт, от которой у него был незаконнорожденный сын. Несмотря на данное слово, Великий Князь тайно за границей венчался с Вульферт в сербской церкви. Узнав об этом, Государь записал в своём дневнике 7 ноября 1912 г.: «*Единствен-*

¹ Витте С.Ю., граф. Воспоминания. Т. 1. С. 154.

² Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II. С. 74.

³ Завадский С.В. На великом изломе // APP. Т. 8. С. 23.

ный брат и тот нарушил данное слово!»¹ В письме Императрице Марии Феодоровне Государь писал, что между ним и братом Михаилом «всё кончено»².

Своим поступком Великий Князь чрезвычайно обострил династический вопрос. Только что едва не умер от приступа гемофилии восьмилетний Цесаревич Алексей. В случае его смерти престол должен был по закону перейти Михаилу Александровичу. Теперь это становилось весьма проблематично. Государь был крайне обеспокоен не только моральной стороной дела, но и тем, что Великий Князь попал под влияние окружения своей морганатической супруги, которое Государь считал опасным. Ещё осенью 1907 г., в начале романа Великого Князя с Н. С. Вульферт, Государь считал, что «*Мишу следует оградить постепенно от неё и от “них”, они опасны, хитры и способны на всякие мерзости. Разумеется, бедный Миша ничего об этом не знает и является в их руках жертвой*»³. Царь выражал надежду, что скоро наступит тот день, когда «*они попадутся и их игра, или интрига, будет раскрыта*»⁴.

Кем были эти «они», сейчас сказать трудно. Но если учесть, что Вульферт была в первом браке замужем за племянником купца-миллионера С. Т. Мамантова и даже после развода с ним сохраняла с его кланом тесные отношения, то, думается, характер «этих» можно представить.

Император Николай II запретил брату въезд в Россию и конфидицициально предложил ему добровольно отречься от своих прав на престол. Однако Великий Князь под влиянием окружавших его лиц от этого предложения отказался. Однако дело осложнялось не только этим. 16 ноября 1912 г. в своём письме Императору Николаю II Великий Князь Николай Михайлович писал: «*Много я передумал о том положении, которое создаётся от брака Миши. Если он подпишет акт отречения, то это весьма чревато последствиями и вовсе не желательными. Ведь Кирилл (Великий Князь Кирилл Владимирович. — П. М.), как женатый на двоюродной сестре, тоже уже потерял свои права на престол, и в качестве Héritier présomptif⁵ явится Борис (Великий Князь Борис*

¹ Дневник Императора Николая II. Запись за 7 ноября 1912 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 63—64.

² Император Николай II — Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 7 ноября 1912 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2332. Л. 24—25.

³ Император Николай II — Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 33.

⁴ Император Николай II — Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 34.

⁵ За ранее назначенного наследника (фр.).

Владимирович. — П. М.). Если это будет так, то я прямо-таки считаю положение в династическом смысле угнетающим. [...] Если я позволяю себе говорить и излагать на бумаге такого рода соображения, то единственno потому, что возможное отречение от престола Миши я считаю просто опасным в государственном отношении»¹.

Несмотря на эти соображения, 15 ноября 1912 г. указом Государя Великий Князь Михаил Александрович был лишён содержания из уделов и исключён из военной службы. 30 декабря 1912 г. вышел Высочайший манифест, в котором было объявлено, что с Великого Князя снимаются обязанности Правителя государства, возложенные на него до совершеннолетия Наследника Цесаревича Алексея Николаевича в случае кончины Императора Николая II².

С началом Первой мировой войны Великому Князю Михаилу Александровичу было разрешено вернуться в Россию. Он отправился на фронт командиром Дикой дивизии. Его морганатическая супруга получила титул графини Брасовой, а незаконнорожденный сын стал графом Г.М. Брасовым. Однако права на управление государством Великому Князю Михаилу Александровичу возвращены не были, а его потомство, разумеется, никаких прав на престол не имело. Между тем Михаил Александрович, не отличавшийся ни сильной волей, ни выдающимися способностями, полностью попал по влияние своей морганатической супруги. Обиженный на своего Августейшего брата, на сестёр и даже на мать, Великий Князь буквально боготворил свою супругу. Он писал ей с фронта: «Ты не можешь не знать, не видеть, не чувствовать, что я тебя больше всего и больше всех на свете люблю»³. Властная и честолюбивая, Н.С. Брасова преследовала далекоидущие цели, главной из которых было добиться своего признания при Дворе. Она постоянновшала это мужу в своих письмах ему на фронт, постоянно обвиняя его в слабоволии и бездеятельности. Трудно перенося разлуку, страдая от язвы желудка, нервный и мнительный, Великий Князь Михаил Александрович всё больше попадал под влияние оппозиционной пропаганды. Раз нарушив данное Царю слово и не раскаявшись в этом, Михаил Александрович невольно находил единомышленников у тех, кто беспощадно критиковал Правительство. Храбрый воин, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени, не раз смотревший в глаза смерти, лично водивший своих «всадников» в атаки, Великий

¹ Великий Князь Николай Михайлович — Императору Николаю II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 52—53.

² Собрание Узак. 1913 г., января 3. Отд. I. Ст. 13.

³ Великий Князь Михаил Александрович — графине Н.С. Брасовой 12 июля 1916 г. // ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

Князь имел слабое представление о верноподданническом долге. В письмах Михаила Александровича второй половины 1916 г. стремление избавиться от постоянного пребывания на фронте прочно сочеталось с критикой внутренней политики, проводимой Правительством, читай Государя. 12 июля 1916 г. Великий Князь уверял Брасову, что он «твёрдо решил съездить в Ставку и там переговорить с кем нужно о моей дальнейшей службе во время войны». Он обещал жене устроиться так, чтобы получить «такое назначение, которое меня не свяжет ни со Ставкой, ни с другим местом, а буду иметь возможность жить дома, и только проводить периодически несколько дней в Ставке, разъезжать по фронту по очереди, где потребуется и возвращаться опять домой»¹. 20 июня того же года Михаил Александрович с радость сообщает супруге об аресте банкира Рубинштейна и о предположительном аресте князя Андроникова, которых общество обвиняло в измене. «Если это будет так идти, то могут в конце концов добиться до самого Распутина, то есть до главного негодяя», — заключал Великий Князь². Рассуждения Михаила Александровича о происходящем в стране полностью совпадают с оценками либеральной оппозиции. Оценивая назначение на должность министра иностранных дел Б.В. Штюремера, Михаил Александрович, совершенно его не зная и даже ни разу с ним не общавшись, писал: «С Штюремером, я боюсь, дело будет дрянь. Мне так кажется, что этот человек способен на всё, и “ваш” и “наш”, и без всяких убеждений и идей. Наверное, и ты со мной согласна, что Штюрмер такой человек. Что за неудачные люди выбираются на такие ответственные посты, просто ужас, что такое!»³ Естественно, что такие настроения всячески подыгрывались теми, кто хотел использовать Великого Князя Михаила Александровича в своих целях государственного переворота. Исподволь началась кампания по созданию идеалистического образа Великого Князя: с одной стороны, члена Династии, отважного воина, а с другой — либерально мыслящего «прогрессивного» человека. Безусловно, этот образ противопоставляли образу Государя, которого всячески опорочивали.

Сведения о предстоящем воцарении Великого Князя Михаила Александровича начали поступать по линии Охранного отделения ещё в конце 1916 — начале 1917 г.

¹ Великий Князь Михаил Александрович — графине Н.С. Брасовой 12 июля 1916 г. // ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

² Великий Князь Михаил Александрович — графине Н.С. Брасовой 20 июня 1916 г. // ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

³ Великий Князь Михаил Александрович — графине Н.С. Брасовой 20 июня 1916 г. // ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22. Л. 20.

19 января 1917 г. начальник Минского губернского жандармского управления докладывал в Департамент полиции, что «во вспомогательных организациях Государственного совета утверждается, что на место ныне царствующего Государя Императора вступит на престол Великий Князь Михаил Александрович»¹.

10 февраля 1917 г. в агентурном донесении в Департамент полиции говорилось: «Генерал-майор Ю.С. Лазаревич, заведующий школой прапорщиков в Петергофе, а ранее служивший в Главном управлении Генерального штаба, в частных беседах сообщает, что 12–13 февраля предстоит “великий акт” — отречение Государя Императора от престола в пользу Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, что регентом будет Великий Князь Михаил Александрович»².

По свидетельству начальника Петроградского охранного отделения генерала К.И. Глобачёва, накануне революционных событий «военные и придворные круги чувствовали надвигающиеся события, но представляли их как простой дворцовый переворот в пользу Великого Князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии»³.

21 февраля 1917 г., то есть за день до начала переворота, обер-гофмейстера княгиня Е.А. Нарышкина, проявляя поразительную осведомлённость, заносила в свой дневник: «Грустные мысли: Императрицу ненавидят. Думаю, что опасность придет с той стороны, с которой не ожидают: от Михаила. Его жена очень интеллигентна. В театре её ложа полна великих князей. Сговорятся с Марией Павловной. Добьётся быть принятой Императрицей-Матерью и Императором. Чувствую, что они составляют заговор. Бедный Миша будет в него вовлечён, вопреки себе, будет сперва регентом, потом императором. Достигнут всего»⁴.

Полковник Б.В. Никитин вспоминал, что незадолго до революции начальник штаба Туземной дивизии, которой во время Первой мировой войны командовал Великий Князь Михаил Александрович, генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович призывал: «Берегите Великого Князя. Мы не знаем, какие судьбы готовят ему Россия»⁵. Генерал Юзефович, по-видимому, об этих судьбах догадывался, так

¹ О покушениях на священную особу Государя Императора // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 123. Л. 9.

² О генерале Ю.С. Лазаревиче // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 171. Л. 136.

³ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 118.

⁴ С Царской Семьёй под арестом. Дневник обер-гофмейстерины Е.А. Нарышкиной // Последние новости. № 5547. Париж, 1936. 31 мая.

⁵ Никитин Б.В. Указ. соч. С. 225.

как 3 марта «случайно» принял участие в событиях, связанных с отказом Великого Князя от престола¹.

Особенно слухи о воцарении Великого Князя обострились в разгар февральских событий. Тот же Глобачёв вспоминал, как начальник Дворцовой полиции полковник Б.А. Герарди 1 марта говорил, что речь идёт о дворцовом перевороте в пользу Михаила Александровича.

2 марта в Пскове прибывший из Петрограда полковник Генштаба сказал генералу Дубенскому, что в Петрограде «надеются, что “временное правительство” с новым царём Михаилом (ведь его хотят на царство) лучше справится», чем Император Николай II².

Таким образом, мысль о передаче престола Великому Князю Михаилу Александровичу вовсе не могла быть для Гучкова неожиданностью. Между тем она означала весьма опасный династический тупик. В случае его воцарения в империи не было ни законной государыни, ни законного наследника. К тому же Император Николай II хорошо знал характер своего брата. Он знал, что, обладая личным мужеством и благородством, он был совершенно чужд политики, плохо разбирался в людях и легко поддавался чужим влияниям. За месяц до переворота, 27 января 1917 г., Михаил Александрович писал: «Я превратился в пессимиста и смотрю на вещи довольно мрачно. Всюду много плохого и надежды на улучшение нет. Потому что для меня теперь слишком ясно, как всё делается!»³ К этому времени Великого Князя угнетала не только политическая, но и семейная ситуация. Ему казалось, наверное не безосновательно, что жена охладела к нему: «Я думаю, что ты без меня не соскучишься, а может быть, даже и отдохнёшь. Я не хочу ничего неприятного этим сказать, но только то, что я чувствую и вижу. Да, я сделался пессимистом во всём, иллюзий больше ни в чём нет, но я всё-таки думал, что ты ко мне никогда не переменишься, но, увы, это уже произошло, и поэтому у меня больше нет в жизни самого святого чувства, которое было раньше. Я потерял самое главное — это твою любовь, и теперь мне всё равно»⁴.

Великий Князь Михаил Александрович был нужен заговорщиком именно таким: уставшим, разочаровавшимся, надломленным. Передача короны именно такому человеку давала им прекрасную

¹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г. С. 302.

² Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 70.

³ Великий Князь Михаил Александрович — графине Н.С. Brasovoy 27 января 1917 г. // ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22. Л. 79.

⁴ Великий Князь Михаил Александрович — графине Н.С. Brasovoy 27 января 1917 г. // ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22.

возможность немедленно покончить с монархией. Воцарение же Цесаревича Алексея Николаевича такой возможности не давала. Если бы престол был передан Цесаревичу, то это означало бы сохранение внешней формы монархии на неопределённое время. Добиться отречения у несовершеннолетнего Царя было бы невозможно. Кроме того, никто не знал, как повернутся события, как отреагирует народ на правление «народных избранников», как поведут себя регент и та же военная верхушка через полгода, через год?

Между тем, и это вытекает из всей деятельности заговорщиков, они ставили себе целью именно **уничтожение монархии**, а не введение на престол подконтрольного царя. Тому свидетельство всё, что произошло потом в квартире Путятиной 3 марта 1917 г. Если даже у части заговорщиков до февральских событий и были какие-то варианты с воцарением Цесаревича Алексея, то к 2 марта 1917 г. эти варианты были ими отброшены.

Правда, известны слова Керенского, якобы им сказанные в 1919 г. в «одном петроградском научном обществе»¹. Согласно им, Керенский поведал, что «2-го был отъезд Гучкова и Шульгина. Мы ждали Алексея. В наши планы не входил проект Михаила. Эта комбинация была для нас неприемлема»². Эта фраза Керенского лишний раз подтверждает, что ему было известно о предстоящей поездке депутатов в Псков.

Если бы Император Николай II вдруг решил, под влиянием отцовского чувства или ещё какого-либо обстоятельства, передать престол Великому Князю Михаилу Александровичу, он чрезвычайно бы облегчил заговорщикам их задачу — свержение монархии. Кроме того, Император опять-таки прекрасно понимал, в чьи руки он передал бы судьбу России.

Мог ли Император Николай II под влиянием порыва, в течение нескольких часов или, более того, за пять минут, решиться передать престол в слабые руки Великого Князя, с его запутанной и тупиковой семейно-династической ситуацией?

Понимая, что на эти вопросы любой вдумчивый исследователь даст отрицательный ответ, заговорщики придумали ещё одну версию. Согласно ей, Царь принял решение передать престол после своего разговора с лейб-хирургом С.П. Фёдоровым. Сам Фёдоров утверждал, что 2 марта Государь в который раз спрашивал у профессора, разрешат ли ему остаться вместе с сыном после отречения. Узнав, что не разрешат, Император спросил, излечима ли

¹ Николаев А.Б. А.Ф. Керенский о Февральской революции //Клио. 2004. № 3(26). С. 111.

² Николаев А.Б. А.Ф. Керенский о Февральской революции //Клио. 2004. № 3(26). С. 111.

болезнь Наследника, и, узнав, что неизлечима, решил отречься и за сына.

Напомним, что Наследник Цесаревич был болен гемофилией с самого своего рождения. С ним неоднократно бывали тяжелейшие приступы, чрезвычайно опасные для жизни. Цесаревича лечили лучшие профессоры России. Неужели за всё это время Государь ни разу не поинтересовался, излечима или нет болезнь его сына? Кто может поверить, что подобный вопрос любящий отец задал впервые за 13 лет Фёдорову в Пскове?

Таким образом, мы можем сделать вывод, что ни по соображениям государственным, ни по соображениям династическим, ни по соображениям личного характера Император Николай II не мог отказаться от престола в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича.

Одним из доказательств этого служит полное равнодушие, с которым восприняли это известие представители ВКГД и Исполкома. Сразу же после того, как весть о манифесте дошла до Родзянко, Керенского и остальных, началась усиленная подготовка к последнему этапу — уничтожению русской монархии. Этот этап наступил 3 марта 1917 г. в Петрограде, на Миллионной улице, 12, в квартире князя Путятиной.

Следуя логике Керенского, то есть логике превентивного отрицания того, что было на самом деле, Гучков в августе 1917 г. на допросе в ВЧСК сказал: «*Если бы я мог сам сфабриковать манифест и заставил сам его подписать, то, конечно, я мог бы привезти то, что было указано*»¹.

На наш взгляд, смысл этих слов Гучкова следует воспринимать так: «*Я сфабриковал манифест и привёз то, что было указано*».

Таинственный манифест

Знаменитый манифест, который вот уже скоро сто лет является главным и, по существу, единственным «доказательством» отречения от престола Императора Николая II, был «обнаружен» специальной комиссией в 1929 г. в Ленинграде, где до 1934 г. находился Президиум Академии наук СССР. Возглавлял комиссию Юрий Петрович (подлинное имя Яков Исаакович) Фигатнер. В комиссию под видом её служащих входили видные сотрудники ОГПУ А.А. Мосевич и А.Р. Стромин, авторы сценария будущего «академического дела».

Все сотрудники центрального аппарата АН обязаны были пройти проверку анкетных данных и собеседование на предмет соответствия занимаемой должности. В этой «чистке» Академия наук

¹ Допрос А.И. Гучкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 24.

понесла существенные кадровые потери: из-за социального происхождения (дворяне, духовенство и т.п.) были уволены наиболее квалифицированные сотрудники, на место которых были взяты новые лица, чья не только лояльность, но и преданность советской власти уже не вызывала сомнений. В ходе чистки только в 1929 г. из Академии наук было уволено 38 человек.

Во время проверки АН чекистами были обнаружены «документы исторической важности», которые якобы незаконно хранили у себя сотрудники аппарата. Газета «Труд» от 6 ноября 1929 г. писала: «*В Академии Наук обнаружены материалы департамента полиции, корпуса жандармов, царской охранки. Академик Ольденбург отстранён от исполнения обязанностей секретаря Академии*»¹.

В заключении комиссии говорилось: «*Некоторые из этих документов имеют настолько актуальное значение, что могли бы в руках советской власти сыграть большую роль в борьбе с врагами Октябрьской революции, как внутри страны, так и за границей*»². В числе этих документов, говорилось в заключении, обнаружены оригиналы отречения «от престола Николая II и Михаила»³.

Именно «находка» императорского «манифеста» стала для ОГПУ главной «уликой» в обвинении академиков, прежде всего историка С.Ф. Платонова, в заговоре с целью свержения советской власти и восстановления монархии.

Как же эти важные документы оказались в АН? Это становится понятно из сообщения в «Вестнике Временного Правительства», сделанного в марте 1917 г., в котором сообщалось, что «*приказом министра Временного правительства Керенского поручено академику Котляревскому вывезти из департамента полиции все бумаги и документы, какие он найдёт нужным, и доставить их в Академию Наук*»⁴.

Как пишет биограф академика С.Ф. Ольденбурга Б.С. Каганович: «*В действительности о хранении в Академии наук документов новейшего времени, попавших туда по большей части в хаосе 1917—1920 гг., когда им угрожала физическая гибель, правитель-*

¹ Документы по отречению от престола Императора Николая II. Вырезка из газеты «Труд» за 6 ноября 1929 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100-а. Л. 10.

² Документы по отречению от престола Императора Николая II. Заключение специальной комиссии // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100-а. Л. 2—3.

³ Документы по отречению от престола Императора Николая II. Заключение специальной комиссии // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100-а. Л. 2—3.

⁴ Выписка из газеты «Правительственный вестник» от 5 марта 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1754(3). Л. 168.

ственные органы знали и ранее и не видели в этом опасности для режима»¹.

Прежде чем вести разговор о выводах комиссии, следует сказать несколько слов об академике С.Ф. Ольденбурге, в бумагах которого и был обнаружен «манифест». Сергей Фёдорович Ольденбург был крупнейшим русским учёным по специальности «востоковед-индолог», инициатором экспедиций в Тибет и Китай, непременным секретарем Академии наук, председателем этнографического отделения Императорского Русского географического общества. Ольденбург был членом партии кадетов, близок к её руководству. С началом Первой мировой войны Ольденбург стал членом Особого совещания по обороне. В юности академик хорошо знал брата и сестру Ленина (А.И. и О.И. Ульяновых). Февральскую революцию Ольденбург горячо приветствовал. Более того, судя по высоким должностям, на которых академик оказался после прихода к власти февралистов, он принимал в перевороте деятельное участие. Вершиной карьеры Ольденбурга во Временном правительстве стал пост министра народного просвещения. Более важной была его другая должность: члена так называемой Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных действий высших должностных лиц прежнего режима. Ольденбург был председателем её редакционной комиссии. Академик был хорошо знаком с председателем комиссии адвокатом Н.К. Муравьёвым, главным режиссёром задуманного Керенским грандиозного спектакля по компрометации свергнутого Государя Императора Николая II и его Семьи. Муравьёв, член «Великого Востока народов России», был задолго до революции связан с революционным подпольем (в том числе с большевиками Л.Б. Красиным и В.Д. Бонч-Бруевичем). Вместе с ними Муравьёв принимал участие в таких делах, как мошенническая попытка завладеть авторским наследием Льва Толстого, адвокатская защита павловских сектантов и т.п. В бытность свою председателем ВЧСК Муравьёв пытался «всеми правдами и неправдами, во что бы то ни стало, установить преступность всех и вся и отомстить всем деятелям старого режима. Ни о каком правовом русле у лиц этого направления не было и речи»².

В связи с этим попадающие в чистилище ВЧСК исторические документы подправлялись и подгонялись под нужды чекистов Временного правительства. Об этом можно точно утверждать на примере так называемых «наблюдений» за Г.Е. Распутиным. Ольденбург активно помогал Муравьёву. Академик сохранил с ним хорошие

¹ Каганович Б. С. Начало трагедии. Академия наук в 20-е годы по материалам архива С.Ф. Ольденбурга // Звезда. 1994. № 12. С. 124—144.

² Фомин С.В. Наказание правдой. М.: Форум, 2007. С. 254.

отношения даже после большевистского переворота. За год с небольшим до «академического дела», летом 1928 г., Ольденбург навещал старого знакомого в Кисловодске. Супруга академика вспоминала, что разговор между её мужем и Муравьёвым шёл о «революции 1917 года, о Временном правительстве, о Вырубовой»¹. Последняя тема наверняка была связана с публикацией так называемого «Дневника Вырубовой», знаменитой фальшивки, запущенной в оборот П. Е. Щёголевым и писателем А. Н. Толстым. Если учесть, что Щёголев станет главным «экспертом» обнаруженного «манифеста» об отречении, то многое, если не всё, начинает увязываться между собой. «Манифест» был частью огромной пропагандистской машины по десакрализации царской власти, запущенной Февральским переворотом.

Вернемся, однако, к истории «обнаружения» манифеста. 29 октября 1929 г. комиссией был составлен следующий документ: «Мы, нижеподписавшиеся, председатель специальной правительственной комиссии и председатель комиссии по проверке аппарата Академии Наук СССР Ю. П. Фигатнер, член Комиссии С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман и другие подвергли рассмотрению два документа, представленные Ю. П. Фигатнером: 1. Акт отречения бывшего Императора Николая II. 2. Акт отречения Михаила Романова.

Первый документ напечатан на машинке. Внизу, с правой стороны имеется подпись “Николай”, изображённая химическим карандашом. Внизу же, с левой стороны имеется написанная от руки цифра “2”, далее напечатанное на машинке слово “марта”, затем написанная от руки цифра “15”, после чего имеется напечатанное на машинке слово “час”. После этого следует подчистка, но явно проглядывается написанная от руки цифра “3”, затем следует слово “мин”, а дальше напечатанное на машинке “1917 года”. Внизу под этим имеется подпись “министр Императорского двора генерал-адъютант Фредерикс”. Изображённая подпись Фредерикса написана по подчищенному месту (выделено нами. — П. М.)»².

Экспертиза найденных «отречений» проходила под руководством П. Е. Щёголева. Щёголев, специалист по вопросам восточной магии и тайнописи, был в близких отношениях с Н. К. Муравьёвым, академиком М. Н. Покровским и профессором В. Н. Сторожевым. Строго говоря, говорить о какой-либо экспертизе не приходится, так как была произведена лишь поверхностная сверка подписей под найденными бумагами с оригиналами подписей Императора Николая II

¹ Фомин С. В. Указ. соч. С. 263.

² Документы по отречению от престола Императора Николая II. Заключение специальной комиссии // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100-а. Л. 9—11.

и Великого Князя Михаила Александровича. «Сверив подписи на упомянутых двух документах с бесспорными подписями “Николай II” и “Михаил”, представленных Н.Я. Костешевой, из документов хранящихся в Ленинграде в Центро-архиве, пришли к заключению, что как первый, так и второй документы имеют подлинные подписи, а потому являются оригинальными Подпись: П. Щёголев»¹.

Подчистки в документе, марка печатной машинки, соответствие её шрифта шрифту 1917 г. — ничто не заинтересовало комиссию.

Так из недр сфальсифицированного ОГПУ «академического дела», из заключения фальсификатора Щёголева появился на свет документ, на основании которого в мировой истории закрепилось убеждение, что Император Николай II отрёкся от престола.

Внешний вид документа «Начальнику Штаба»

Документ, обнаруженный в Академии наук в Ленинграде в 1929 г. и хранящийся ныне в ГА РФ, представляет собой двойной лист бумаги 35×22 см. Здесь следует сделать оговорку, что в описях ГА РФ подлинник «манифеста» не числится. Все имеющиеся его образцы являются либо факсимile, либо фотокопиями².

Лист бумаги имеет форму «книжечки», сложенной пополам. Печатный текст расположен на первом листе «книжечки», второй лист — пуст. Лист с текстом долгое время находился в сложенном состоянии, о чём свидетельствуют характерные следы сгиба и небольшого разрыва бумаги. В левом верхнем углу имеется надпись: «Ставка». Посередине: «Начальнику Штаба». Далее идёт печатный текст следующего содержания: «*В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогое нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли мы долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение*

¹ Документы по отречению от престола Императора Николая II. Заключение специальной комиссии // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100-а. Л. 11.

² Акт отречения Николая II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101. [факсимile]; Акт отречения Николая II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101(а) [фотокопии]; Акт отречения Николая II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101(б) [факсимile].

и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственною Думою признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем ЕГО на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату НАШЕМУ править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываляем всех верных сынов Отечества к исполнению своего долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ЕМУ, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и силы. Да поможет Господь Бог России. Г. Псков, 15 часов __ мин. 1917 г.»¹.

В левом нижнем углу под текстом имеется надпись: «Г. Псков». Ещё ниже под этим словом: «2го марта 15 час. __ мин. 1917 г.». Причём цифра «2го» написана от руки. В пропуске между «15 час.» и «мин.» карандашом вписана цифра «5», а не «3», как указано в заключение комиссии 1929 г. Под этими цифровыми обозначениями чернилами имеется надпись: «Министр Императорского Двора Генерал-Адъютант Фредерикс». Надпись сделана чернилами, которые написаны поверх идентичной карандашной надписи. В правом крайнем нижнем углу имеется надпись: «Николай», с характерным для Государя росчерком пера. Надпись сделана тонким карандашом при слабом нажиме.

Прежде чем говорить о подлинности или фальшивости найденного в Академии наук документа, необходимо выяснить, чем по форме, по юридическому содержанию, является найденный текст. Этот документ принято называть «Манифестом об отречении от престола» Императора Николая II. Для того чтобы выяснить, действительно ли это так, следует рассмотреть порядок составления и опубликований Высочайших манифестов в эпоху царствования Императора Николая II.

Предположение 1. «Псковский манифест» — Высочайший манифест Императора Николая II

Итак, предположим, что найденный в АН СССР лист бумаги с заглавием «Начальному штаба» есть действительно Высочайший

¹ Акт отречения от престола Императора Николая II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101-а. Л. 5.

манифест, подписанный Его Императорским Величеством Государем Императором Николаем Александровичем. Для ответа на этот вопрос, следует выяснить порядок оформления Высочайших манифестов. Большое количество образцов подлинников и черновиков императорских манифестов в архивах России позволяет делать вывод о том, что при Императоре Николае II проекты манифестов составлялись в основном на пишущей машинке. Сверху, даже на проекте, ставилась шапка с титулом Императора: «Божией Милостию Мы, Николай Второй...» и т. д. Далее следовал текст, а затем обязательно стояла следующая приписка, которая затем также в обязательном порядке переносилась в подлинник: «*Дан в городе N, в такой-то день, такого-то месяца, в лето от Рождества Христова такое-то, в царствование Наше такое-то*». Далее шла следующая обязательная фраза, которая тоже переносилась затем в подлинник: «*На подлинном Собственном Его Императорского Величества рукою подписано НИКОЛАЙ*». Причём в проекте имя Государяставил проектировщик манифеста, а в подлиннике, естественно, сам Император. В самом конце проекта в обязательном порядке стояла фамилия его составителя. Например, «проект составил статс-секретарь Столыпин».

Под проектами манифестов Государь свою подпись неставил. Имя «НИКОЛАЙ» в проекте писал его составитель, который иставил в конце свою подпись. Поэтому, если бы мартовский «манифест» был проектом, то в конце его должна была стоять надпись: «Проект составил Алексеев» или «Проект составил Базили».

Проект утверждался Императором Николаем II, которыйставил на черновике соответствующую резолюцию. Например, на проекте Манифеста о своём бракосочетании с Великой Княжной Александрой Феодоровной Николай II написал: «*Одобряю. К напечатанию*».

Когда проект был утверждён Государем, приступали к составлению подлинника. Текст подлинника манифеста обязательно переписывался от руки. Только в таком виде он получал юридическую силу. В канцелярии Министерства Императорского Двора служили специальные переписчики, которые обладали характерным особо красивым почерком. Он назывался «рондо», а лица, им владевшие, соответственно именовались «рондистами». Только их употребляли для переписки особо важных бумаг: реескриптов, грамот и манифестов. Разумеется, в таких документах никаких помарок и подчисток не допускалось. Образцами Высочайшего манифеста являются манифесты о начале войны с Японией 1904 г. или 17 октября 1905 г. о даровании Думы.

После того как манифест переписывался рондистами, Государьставил свою подпись. Подпись покрывалась специальным

лаком. Далее, согласно статье 26 Свода Законов Российской империи: «*Указы и повеления ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, в порядке верховного управления или непосредственно Им издаваемые, скрепляются Председателем Совета Министров или подлежащим Министром либо Главноуправляющим отдельною частью и обнародываются Правительствующим Сенатом*». Таким образом, манифест вступал в законное действие в момент его обнародования в Сенате. На подлиннике манифеста ставилась личная печать Императора.

Кроме того, в печатном варианте манифеста ставилось число и место, где он был напечатан. Например, в печатном варианте Манифеста Императора Николая II о восшествии на престол написано: «*Печатано в Санкт-Петербурге при Сенате октября 22-го дня 1894 года*».

Теперь посмотрим, как составлен «Псковский манифест» об отречении. Во-первых, он напечатан на машинке, а не написан рондистом. Здесь можно предвидеть возражение, что в Пскове было невозможно найти рондиста. Однако это не так. Вместе с Государем всегда следовал свитский вагон во главе с К.А. Нарышкиным. Представить себе, чтобы во время поездок Государя во время войны в Ставку в этом свитском вагоне не было тех, кто мог составить по всем правилам Высочайший манифест или Императорский указ, невозможно! Особенно в тревожное время конца 1916 — начала 1917 г. Все было: и нужные бланки, и нужные писари.

Но предположим, что 2 марта рондиста в канцелярии всё-таки не оказалось. В таком случае Государь должен был сам написать текст от руки, чтобы ни у кого не вызывало сомнений, что он действительно отрекается от престола.

Но снова предположим, что Государь решил подписать машинописный текст. Почему же те, кто печатали этот текст, не поставили в конце его обязательную приписку: «*Дан в городе Пскове, во 2-й день марта месяца, в лето от Рождества Христова Тысяча Девятьсот Семнадцатое, в царствование Наше двадцать третье. На подлинном Собственном Его Императорского Величества рукою подписано НИКОЛАЙ*»? Начертание этой приписки заняло бы несколько секунд, но при этом была бы соблюдена предусмотренная законом формальность составления важнейшего государственного документа. Эта формальность подчёркивала бы, что манифест подписан именно Императором Николаем II, а не неизвестным «Николаем».

Вместо этого в «манифесте» появляются не свойственные ему обозначения: «*г. Псков. 15 часов — минут 1917 года*». Ни в одном манифесте или его проекте нет таких обозначений.

Что мешало составителям «манифеста» соблюсти эту простую, но столь важную формальность? Что помешало Государю, опытнейшему политику, заставить внести эту формальность в «манифест»?

Далее, что помешало составителям «манифеста» поставить, пусть напечатанную на машинке, необходимую шапку: «Мы Божьей Милостию»? Вместо этого стоит странная надпись: «Ставка. Начальнику Штаба», что говорит о том, что вся бумага адресована этому «Начальнику Штаба». Так как манифест не мог быть адресован никому другому, кроме как «всем верным нашим подданным», а сам текст написан с грубыми нарушениями составления Высочайших манифестов, то однозначно найденный в АН текст никак нельзя назвать манифестом Императора II.

Предположение 2. «Псковский манифест» — телеграмма с текстом манифеста, заверенным Императором Николаем II

Можно предположить, что исследуемый документ является телеграммой с текстом манифеста об отречении, которую Государь послал в Ставку. Для этого следует выяснить, как писались Высочайшие телеграммы в Ставку во время Первой мировой войны. Царские телеграммы условно делились на два вида: 1) собственноручно написанные Государем и 2) написанные по поручению Государя его специальными сотрудниками. Вторые чаще всего печатались на пишущей машинке, хотя бывало, что и писались от руки. Собственноручные телеграммы Государь писал карандашом на телеграфном бланке («четвертушке»). «Четвертушка» носила все признаки телеграфного бланка: с типографским указанием времени, места отправления и места получения телеграммы. Тексты телеграмм, как правило, были очень короткими. Если места не хватало, то Государь дописывал телеграмму на другой «четвертушке». Почти всегда Государь в своих собственноручно написанных телеграммах обращался к М.В. Алексееву следующим образом: «Начальнику Штаба В.[ерхового] Г. [лавнокомандования] Ставка»¹. Причём слова «Начальнику Штаба В. Г.» писалось слева «четвертушки», а слово «Ставка» — справа². Очень редко, буквально в единичных случаях, Государь писал слова «Начальнику Штаба» посередине бланка. Но слово «Ставка» все равно следовало после названия должности адресата.

Сверху в правом углу указывалось место отправления, число, время и фамилия отправившего телеграмму офицера. Почерк

¹ Собственноручные телеграммы Императора Николая II в Ставку. 1915. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826.

² Собственноручные телеграммы Императора Николая II в Ставку. 1915. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826.

Императора покрывался специальным лаком. Текст телеграммы относился на соответствующий телеграф, откуда он направлялся адресату, разумеется, печатными буквами.

Наконец, важный момент, царские телеграммы в Ставку никогда не писались на больших листах бумаги, тем более «двойных», а только на «четвертушках». А вот телеграммы от генерала М.В. Алексеева на имя Государя с сообщениями о положении дел на фронтах писались именно на больших листах бумаги формата А3, в виде «книжечки». Именно на таком бланке были помещены тексты телеграмм главнокомандующих с просьбой к Государю об отречении. Но документ «отречения» не является телеграммой, хотя его текст и написан на бланке телеграмм Ставки, только без обычной для таких бланков шапки: «Телеграмма на Имя Вашего Императорского Величества от начальника штаба Верховного Главнокомандующего, отправленная из Ставки и полученная...»

Возникает вопрос: зачем Государю понадобилось писать телеграмму на бланке Ставки, а не бланках, имеющихся в его походной канцелярии?

Ответ, который напрашивается сам собой, заключается в том, что этот текст прислали из Ставки для Государя. Это вроде подтверждается дневниковой записью Императора Николая II от 2 марта: «Из Ставки прислали проект манифеста»¹. Однако мы знаем, что из Ставки присылали в Псков проекты двух манифестов — об Ответственном министерстве и отречении в пользу Наследника. В Могилёве ждали «опубликования» именно манифеста о передаче престола Наследнику. Но так его и не дождались, а вместо него из Петрограда с большой задержкой был получен «манифест» об отречении в пользу Великого Князя Михаила Александровича. Кто же являлся автором этого «манифеста» и где он создан?

Где и кем был написан текст «Псковского манифеста»?

Из текста «манифеста» об отречении в пользу Михаила Александровича видно, что его основой является проект манифеста об отречении в пользу Наследника. От последнего его отличает лишь имя Великого Князя Михаила Александровича вместо имени Цесаревича.

Таким образом, авторами манифеста об отречении в пользу Великого Князя Михаила Александровича были те же самые лица, что составили проекты манифестов об Ответственном министерстве и об отречении в пользу Цесаревича Алексея: генерал М.В. Алексеев, Н.А. Базили и Великий Князь Сергей Михайлович.

¹ Дневник Императора Николая II за 1917. Запись за 2-е марта // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 56.

Однако мы знаем, что проект вышеназванных лиц был выслан в Псков и в Петроград только в виде отречения Государя от престола в пользу Сына. Когда же и где текст манифеста был изменён в виде отречения в пользу Великого Князя Михаила Александровича?

Мы могли убедиться, что один и тот же текст переносился из документа в документ. При этом Государь не имел к этим переносам и к самому тексту никого отношения. Тем не менее текст-образец манифеста был отправлен Рузским в Петроград по прямому проводу Родзянко ночью 2 марта. Не вызывает сомнений, что на основании текста отречения в пользу Цесаревича в Петрограде был изготовлен другой манифест — в пользу Великого Князя Михаила Александровича, подделана подпись Императора Николая II и графа В.Б. Фредерикса. Далее было оставлено место для даты и времени, которые были внесены позже.

Но кто бы мог подготовить такую фальшивку в Петрограде, в условиях беспорядков и погромов? Надо заметить, что беспорядки и погромы в те февральские дни в Петрограде были строго контролируемые. Громили только того, кого заговорщикам надо было громить, и арестовывали только того, кого им выгодно было арестовывать. Так, разгрому подверглись отделение контрразведки, помещение ГЖУ, полицейские участки, но оказались абсолютно нетронутыми военные командные учреждения, в частности Генеральный штаб. Между тем в окружении Гучкова ещё задолго до революции было большое количество офицеров и даже генералов Генштаба. Естественно, что в дни Февральского переворота эти связи были задействованы Гучковым в полной мере. По воспоминаниям многих очевидцев, Гучков был прямо-таки окружён офицерами-генштабистами. По-видимому, эти офицеры играли важную роль в поддержании связи Гучкова со Ставкой и штабом Северного фронта. Среди его ближайших связей был генерал-лейтенант Генерального штаба Д.В. Филатьев. После Февральской революции он стал помощником военного министра Гучкова.

В условиях Генерального штаба изготовление фальшивого манифеста было делом не такой уж большой сложности. Как любой высший военный орган, русский Генштаб имел своих шифровальщиков и дешифровальщиков, имел и специалистов по выявлению подделок почерков, а также и по подделке документов.

На особую роль, какую сыграли в операции «Отречение» офицеры Генерального штаба, указывает разговор по прямому проводу между штаб-офицером для поручений при штабе главнокомандующего армиями Северного фронта В.В. Ступиным и подполковником Генштаба при Ставке Б.Н. Сергеевским, который произошёл в 23 ч. 2 марта 1917 г. В это время Гучков и Шульгин уже прибыли в Псков. В разговоре Ступин сообщает Сергеевскому, что генерал Алексеев

посыпает его искать в окрестностях Петрограда генерал-адъютанта Н.И. Иванова. Ступин высказывает своё непонимание этого задания и говорит: «*С минуты на минуту начнётся ожидаемое решение всех вопросов* (подчёркнуто в подлиннике. — П. М.). Является ли при таких условиях необходимой моя поездка? Спрашиваю об этом частным образом и вас прошу справиться у начальства оперативного отдела о необходимости моего выезда из Пскова, тем более что при теперешней работе здесь нежелательно лишаться офицера Генерального штаба»¹.

Таинственный «Начальник Штаба»

Принято считать, что «Начальником Штаба», кому адресован манифест, является Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютант М.В. Алексеев. Отсюда естественно вытекает, что «манифест» был направлен в Ставку генералу Алексееву самим Государем. По всей видимости, тот, кто составлял «манифест», хотел, чтобы все так именно и считали. Однако совокупность источников заставляет нас в этом глубоко сомневаться.

Когда Гучков покинул императорский вагон, он около 1 ч. ночи 3 марта послал в Петроград следующую телеграмму: «*Петроград. Начальному Главного штаба. Просим передать Председателю думы Родзянко: «Государь дал согласие на отречение от престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу конституции»*»².

Итак, мы видим, что вновь упоминается некий «Начальник Штаба» и речь точно не идёт о генерале Алексееве: так как тот находился в Могилёве, а телеграмма ушла в Петроград. В столице, как известно, находился Главный штаб, занимавшийся узкими специфическими вопросами управления армией: сбором сведений о потерях в действующих армиях, устройством служебного положения пострадавших на войне офицеров, назначением пенсий семействам военнослужащих, погибших на войне и т.п. Начальником Главного штаба был генерал от инfanterии Н.П. Михневич — выдающийся военный учёный. Сразу же после Февральской революции генерал Михневич был отстранён от должности и отправлен в отставку. Разумеется, такому человеку Гучков не стал бы посыпать столь важную и столь секретную телеграмму. Безусловно, что под именем «Начальника Штаба» скрывалось некое лицо, которое не подлежало огласке.

¹ Переговоры по прямому проводу полковника В.В. Ступина и подполковника Б.Н. Сергиевского // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1753(1). Л. 27.

² Телеграмма А.И. Гучкова в Петроград. 3 марта 1917 // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1753(1).

Термин «начальник штаба», «начальник Главного штаба», «начальник Генерального штаба» встречается довольно часто в революционной и масонской переписке начала XX в. Например, 20 мая 1905 г. Охранное отделение перехватило странное письмо из Лозанны от одного из деятелей революционного движения. Письмо было направлено во «Всероссийский высший Генеральный штаб, Его Превосходительству Главнокомандующему» (речь, разумеется, шла не о настоящем начальнике Генерального штаба Российской Императорской армии). В этом письме, написанном единомышленнику, подробно описывалась грядущая революция в России. Заканчивалось оно следующими словами: «Что касается вашего Императора, ему будет обеспечено изгнание»¹.

Применительно к Февральскому перевороту этот термин приобретает наиважнейшее значение. Как мы уже писали, 8 сентября 1915 г. организаторами переворота была составлена секретная «Диспозиция № 1» «Комитета народного спасения» для борьбы с «внутренним врагом». Был создан «генеральный штаб» Комитета, а «верховным главнокомандующим» его был избран Гучков. Разумеется, у «верхового главнокомандующего» должен был быть свой «начальник штаба». Скорее всего, им был Керенский. Именно этому «начальнику штаба» и посыпал Гучков «манифест об отречении».

Между тем заголовок «Начальному Штаба» является важнейшим доказательством фабрикации манифеста об отречении. Первым об этом проговорился сам Гучков на допросе в ЧСК летом 1917 г. Допрашивающий его член комиссии Иванов спросил: «Чем можно объяснить, что отречение было обращено, кажется, Начальному Штаба Верховного Главнокомандующего?» На что Гучков ответил: «Нет, акт отречения был безымянным. Но когда этот акт был зашифрован, предполагалось отправить его по следующим адресам: по адресу Председателя Государственной думы Родзянко, и затем по адресам главнокомандующих фронтами для обнародования в войсках». Иванов вновь спрашивает Гучкова: «Так что вы получили его на руки без обращения?» Гучков отвечает: «Без обращения»².

Эти ответы выдают Гучкова с головой. Во-первых, он ни слова не говорит, что шифрованный манифест им был направлен «Начальному Главного штаба» в Петроград, а не напрямую председателю Государственной Думы. А во-вторых, и это главное, отрицание за-

¹ Письмо неустановленного лица из Лозанны // ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1905 (235). Ч. 12.2 (2). Л. 206.

² Допрос А.И. Гучкова // Падение царского режима. Л., 1926. Т. 6. С. 270.

головка «Начальнику Штаба» означало, что либо Гучков вообще не видел «манифеста», либо всеми силами пытался опровергнуть существование некоего непонятного адресата, так как обращение к нему в манифесте объяснить было невозможно. Так как пресловутого «манифеста» тогда ещё никто не видел, то Гучков мог позволить не утруждать себя объяснениями, почему заголовок «Начальнику Штаба» стоит не на зашифрованном тексте телеграммы, а на «подлиннике» манифеста, под которым стоит «личная» подпись Государя? Через несколько лет другой «очевидец» — Ю.В. Ломоносов будет живописать, как он в первый раз увидел манифест утром 3 марта, когда его «привёз» в Петроград Гучков: «Глаза всех впились в положенный мной на стол кусочек бумаги. “Ставка. Начальнику штаба”».

Как выглядел «псковский манифест»?

Доказательством того, что никакого манифеста Гучков и Шульгин с собой не привезли и Государю никакого манифеста не предъявили, служит то обстоятельство, что описания манифеста самым существенным образом отличаются друг от друга.

Как известно, имеющийся текст манифеста напечатан на обыкновенном одном листе бумаги. Шульгин же уверяет, что манифест представлял собой «две или три четвертушки — такие, какие, очевидно, употреблялись в Ставке для телеграфных бланков. Но текст был написан на пишущей машинке»¹. Это же Шульгин повторил и на допросе в ВЧСК: «Царь встал и ушёл в соседний вагон подписать акт. Приблизительно около четверти двенадцатого Царь вновь вошёл в вагон — в руках он держал листочки небольшого формата. Он сказал: Вот акт отречения, прочтите»².

Как мы уже писали, описываемые Шульгиным телеграфные «четвертушки» действительно имели место при написании Государем его телеграмм в Ставку. Не вызывает сомнений, что Шульгин либо видел образцы таких телеграмм, либо ему специально их показывали, чтобы он знал, как выглядят царские телеграммы. Поэтому он так правдоподобно и рассказывал об этих «четвертушках». В 1917 г. Шульгин, который, по всей вероятности, не видел «манифеста» на отдельном листе большого формата, был вынужден, заявив о «четвертушках», «вспоминать» о них и дальше, даже тогда, когда уже стал широко известен «оригинал» на большом листе.

Уже после освобождения из ГУЛАГа, доживающий свой век во Владимире, Шульгин «напрочь отказывался пересказывать

¹ Допрос В.В. Шульгина // Отречение Николая II. С. 184.

² Допрос В.В. Шульгина // Отречение Николая II. С. 171.

момент отречения Николая II и отправлял интересующихся к своей книге “Дни”¹. Не иначе как опасался запутаться в своих «четверушках» и «листочках».

Журналист Самойлов, с которым генерал Рузский беседовал летом 1917 г., уверял, что последний показал ему «*подлинный акт отречения Николая II. Этот плотный телеграфный бланк, на котором на пишущей машине изложен известный текст отречения, подпись Николая покрыта верниром (лаком)*»². Чем отличается телеграфный бланк от простого листа бумаги? На бланке минимум имеется слово «телеграмма», а максимум название телеграфа. Ничего этого на бумаге с текстом «манифеста» нет.

О телеграфных бланках говорит и Мордвинов: «*Первый экземпляр (манифеста. — П. М.) напечатанный, как затем и второй, в нашей канцелярии на машинке, на телеграфных бланках, Государь подписал карандашом*»³.

Из всех «участников событий» только Гучков на допросе в ВЧСК дал описание манифеста, похожее на найденный в Академии наук оригинал. «*Через час, или полтора, Государь вернулся и передал мне бумажку, где на машинке был написан акт отречения, и внизу подписано “Николай”*»⁴.

Но Гучков, кстати, как и лица свиты, не уточняет, а кто печатал Государю текст «манифеста». На какой машинке, какой марки? Гучков утверждал также, что по настоянию Шульгина Государем были сделаны поправки в тексте манифеста, но манифест более не перепечатывался. Опять-таки получается, что он был с поправками?

Примечательно, что известные нам образцы пресловутого «манифеста» имеют иногда существенные, а иногда небольшие отступления от «оригинала», что совершенно было бы невозможно, если бы этот текст был действительно составлен и подписан Государем.

В камер-фурьерском журнале над текстом «манифеста» появляется шапка: «*Акт об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского в пользу Великого Князя Михаила Александровича*». Далее следует общеизвестный текст, в конце которого следует приписка, которой заканчивались все Высочайшие манифести: «*На подлинном собственою Его Императорского Величества рукой написано: “НИКОЛАЙ”. Гор. Псков,*

¹ Репников А.А., Гребенкин И.Н. В.В. Шульгин // Вопросы истории, № 5, 2010.

² Рузский Н.В. Беседа с журналистом В. Самойловым об отречении Николая II // Отречение Николая II. С. 145.

³ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 119.

⁴ Гучков А.И. В царском поезде // Отречение Николая II. С. 192.

*15 час. 5 мин. 1917 г. Скрепил министр Императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс*¹. Как мы знаем, этой приписки нет в оригинале «манифеста», как и нет названия документа «Акт об отречении». Кстати, почему «акт», а не «манифест»?

Различия с «оригиналом», пусть и небольшие, были и в официально опубликованных в газетах 4 марта 1917 г. текстах «манифеста». Так, в газете «Пермская жизнь» в текст внесены атрибуты манифеста («Божией Милостию» и т.д.). В самом тексте из «Пермской жизни» фраза «оригинала» «Народные волнения грозят бедствием отразиться на дальнейшем ведении упорной войны» звучит следующим образом: «...волнения грозят бедствиями отразиться на дальнейшем ведении упорной войны»². Далее, в «оригинале» имеется призыв: «Во имя горячо любимой Родины призываляем всех верных сынов Отечества...» Но в варианте «Пермской жизни» слова «во имя горячо любимой Родины» относятся к окончанию предыдущей фразы, которое звучит так: «...принеся в том нерушимую присягу во имя горячо любимой Родины».

О том, что все документы, обеспечивающие захват власти, были заготовлены заговорщиками заранее, свидетельствует и то, что назначение князя Г.Е. Львов главой правительства было осуществлено до того, как, по утверждениям Гучкова, был подписан соответствующий указ Государя. По этому поводу Гучков сообщал, что, вернувшись из Пскова в Петроград, он узнал, что, пока отсутствовал, были назначены министры нового правительства и его глава — князь Львов, ещё до соответствующего указа Императора. «Назначение Львова было для меня неожиданным. Член ЧСК Соколов: Так что объективное положение вещей было таково, что Временный комитет назначил князя Львова вне зависимости от решения Государя? Гучков: Спросите Временный комитет»³.

Временный комитет спрашивать было уже нельзя, так как к августу 1917 г. он прекратил своё существование. Но и без Временного комитета было понятно даже для членов ЧСК, что назначение Львова было определено заранее и никакого решения Государя для этого не понадобилось. Милюков утверждал, что ВЧСК, несмотря на то что Гучков пытался этот факт затушевывать, «констатировала, что назначение князя Львова произошло совершенно независимо от царского указа»⁴.

¹ Пребывание Государя Императора в действующей армии. Февраль—март 1917 // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (доп.). Д. 25. Л. 10.

² Телеграмма об отречении Николая II от престола // Пермская жизнь. Вып. 2. 4 марта 1917.

³ Допрос А.И. Гучкова // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 975. Л. 28—29.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 213.

В связи с этим крайне любопытно, что в камер-фурьерском журнале за 1917 г. имеется следующая запись от 2 марта: «Сего числа прибыли в г. Псков представители Временного правительства военный министр Гучков и член государственной Думы Шульгин, и в 9 часов 40 минут были приняты в Императорском поезде и доложили о происходящем в Петрограде революционном движении»¹. Однако из протоколов допроса в ВЧСК самого Гучкова видно, что он уезжал в Псков, не будучи ещё назначенным военным министром. Ничего не знали об этом назначении ни в Ставке, ни в штабе Северного фронта. В 16 ч. 50 мин. 2 марта 1917 г. генерал Ю.Н. Данилов телеграфировал из Пскова генералу М.В. Алексееву, что «около 19 часов Его Величество примет члена Государственного Совета Гучкова и члена Государственной Думы Шульгина». В 20 ч. 48 мин. того же дня Данилов телеграфировал генералу В.Н. Клембовскому, что «поезд с депутатами Гучковым и Шульгиным запаздывает»². Свою телеграмму из Пскова от 2 марта Гучков подписал просто своей фамилией, без указания какой-либо должности.

Наконец, первые сведения об образовании и составе Временного правительства в Ставке получили лишь днём 3 марта³.

Таким образом, делопроизводитель камер-фурьерского журнала, делавший запись 2 марта 1917 г., не мог называть Гучкова «военным министром». Последнее приводит нас к выводу о том, что камер-фурьерский журнал оформлялся после произошедших событий, то есть фальсифицировался.

Таинственные манипуляции с «манифестом» 3—4 марта 1917 г.

Мы помним, сколь большие усилия приложили Гучков и заговорщики, чтобы государственный переворот, ими руководимый, закончился успехом, какое важнейшее значение придавали они отречению Государя. Казалось бы, получив манифест, заговорщики должны были немедленно придать его гласности, объявить о нём всенародно. На деле, однако, этого не произошло.

В первую очередь странной информационной блокаде была подвергнута Ставка, столь много сделавшая для успеха переворота. О состоявшемся отречении Государя в пользу своего брата Гучков отправил извещение в Петроград, предупредив при этом, что скоро

¹ Пребывание Государя Императора в действующей армии. Февраль—март 1917 // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (доп.). Д. 25. Л. 9.

² Телеграмма генерала Ю.Н. Данилову генералу В.Н. Клембовскому // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1754(3). Л. 141а.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1754(3). Л. 163.

туда же будет направлен шифром и сам манифест. При этом начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу Алексееву Гучков не отправил ничего!

Алексеев в разговоре с Родзянко 3 марта сообщил, что ему около 2 ч. ночи из Пскова протелеграфировали манифест¹. Однако нет никаких признаков, что Алексеев получил текст манифеста об отречении в пользу Великого Князя Михаила Александровича. Ибо вплоть до 4 марта главнокомандующие не знали содержания этого текста, хотя, по словам Алексеева, он успел разослать его некоторым из них. Скорее всего, Алексеев знал только то, что сообщил ему генерал Рузский со слов Гучкова: «Государь дал согласие на отречение от престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича».

Если верить Гучкову и Шульгину подлинник манифеста имелся у них на руках. В 0 ч. 30 мин. 3 марта полковник Болдырев сообщил в Ставку: «Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата, который будет вручен по подписании Государем депутату Гучкову, после чего передача будет продолжена»². Сам Гучков на допросе в ЧСК рассказывал, что сразу же после подписания манифеста Государем он и Шульгин в вагоне генерала Рузского «ожидали, когда будет готов дубликат акта отречения. Через некоторое время нам его принесли, и мы выехали обратно». Заметим, что Гучков ни словом не обмолвился о том, что он только что отправил телеграмму в Петроград и что манифест должен был быть передан шифром «Начальному Главного штаба».

Утром 3 марта думские посланцы выехали в Петроград. По утверждению Гучкова, «один экземпляр я привёз, он, вероятно, был оставлен в Сенате, а второй экземпляр остался, вероятно, в бумагах Северного фронта».

В час ночи 3 марта генерал Алексеев в своей телеграмме объявил командующим о получении им телеграммы главкосева Рузского об отречении Государя в пользу Великого Князя Михаила Александровича. Руководство Ставки и Северного фронта, которых Родзянко так настойчиво убеждал в необходимости скорейшего манифеста об отречении, были уверены, что о нём нужно немедленно объявить армии и начать присягать новому императору Михаилу. Однако самого текста манифеста в телеграмме Рузского не приводилось. Что лишний раз доказывает, что никакого «дубликата» Гучков с собой из Пскова не увозил и Рузскому на хранение не оставлял. Генерал

¹ Разговор по прямому проводу между генералом М.В. Алексеевым и М.В. Родзянко // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1754(3). Л. 141а.

² Телеграмма полковника Болдырева генералу А.С. Лукомскому // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1754(1). Л. 2.

Алексеев в телеграмме Данилову приказал об отречении сообщить войскам округа, а по получении манифеста по телеграфу «передать его в части войск открыто и кроме того напечатать»¹.

Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал А.Е. Эверт поспешил послать в Петроград на имя Родзянко телеграмму, в которой сообщал, что он объявил «войскам армий вверенного мне Западного фронта Манифест Государя Императора Николая II». Эверт писал, что он и его войска возносят молитвы Всевышнему «о здравии Государя Императора Михаила Александровича, о благоденствии Родины и даровании победы», приветствуют «Государственную Думу, новое правительство и новый государственный строй»². Однако эта телеграмма Эверта никогда не была передана адресату, так как была задержана в Ставке генералом Алексеевым. 5—6 марта возмущённый Эверт стал допытываться, почему никто не знает о проявленной им лояльности к «новому государственному строю». Он на это пожаловался Гучкову в Петроград. Временное правительство запросило Алексеева, и тот ответил, что телеграмма Эверта от 3 марта не была передана «из Ставки, так как её редакция уже не соответствовала тому государственному строю, который установился к моменту получения телеграммы»³.

За этой туманной фразой скрывается таинственная интрига, которая развернулась вокруг «манифеста» Государя и «манифеста» Великого Князя Михаила Александровича. Не успел штаб генерала Рузского сообщить генералу Алексееву о манифесте, не успел Алексеев приказать объявить об этом войскам, как из Петрограда стали поступать новые вводные. В 5 ч. утра 3 марта генерал Рузский был вызван по прямому проводу Родзянко и Львовым. Родзянко заявил главкосеву, что «чрезвычайно важно, чтобы Манифест об отречении и передаче власти Великому Князю Михаилу Александровичу не был опубликован до тех пор, пока я не сообщу вам об этом. Дело в том, что с великим трудом удалось удержать более или менее в приличных рамках революционное движение, но положение ещё не пришло в себя и весьма возможна гражданская война. С регентством Великого Князя и воцарением Наследника Цесаревича помириться бы может быть, но воцарение его, как императора, абсолютно неприемлемо. Про-

¹ Телеграмма генерала М.В. Алексеева генералу Ю.Н. Данилову // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756(1). Л. 3.

² Телеграмма генерала А.Е. Эверта А.И. Гучкову, М.В. Родзянко и Г.Е. Львову // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1759(1). Л. 12.

³ Телеграмма генерала М.В. Алексеева Временному правительству // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1759(1). Л. 8.

шу Вас принять все зависящие от вас меры, чтобы достичнуть отсрочки»¹.

Ответ Рузского Родзянко не может не поражать отношением как к личности Императора Николая II, так и к его державной воле, которая якобы была выражена только что подписаным манифестом: «*Михаил Владимирович, скажите для верности, так ли я вас понял: значит, всё остаётся по-старому, как бы манифеста не было (выделено нами. — П. М.)?*»²

Очевидно, что Рузского совершенно не интересует ни мнение, ни воля Царя, так же как и вопрос существования или отсутствия манифеста об отречении. Всё для главкосева определялось исключительно позицией Родзянко. Собственно, Рузского вовсе не волновала и судьба монархии. Узнав от Родзянко, что сформировано Временное правительство с князем Львовым во главе, Рузский сказал: «*Хорошо. До свидания. Не забудьте сообщить в Ставку, ибо дальнейшие переговоры должны вестись в Ставке*»³.

Родзянко «не забыл» сообщить в Ставку то, что он сказал Рузскому. В 6 ч. утра он связался по телеграфу с Алексеевым и сказал: «*Настойчиво прошу вас не пускать в обращение никакого манифеста до получения от меня соображений, которые одни сразу смогут прекратить революцию*»⁴.

В ответ Алексеев, плохо сдерживая раздражение, заявил: «*Манифест, подписанный ночью третьего марта в Пскове, сообщён главнокомандующим и Великому Князю Николаю Николаевичу, командующему войсками в округах, ибо полная неизвестность вызывала с их стороны запросы, как действовать, чем руководствоваться, чего держаться, касаясь исключительно войск ивойсковой жизни*»⁵.

В 6 ч. 45 мин. Алексеев своей телеграммой запретил ознакомлять с манифестом всех, кроме «старших начальствующих лиц».

¹ Разговор по прямому проводу между генералом Н.В. Рузским, М.В. Родзянко и Г.Е. Львовым // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1754(2). Л. 79—80.

² Разговор по прямому проводу между генералом Н.В. Рузским, М.В. Родзянко и Г.Е. Львовым // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1754(2). Л. 89.

³ Разговор по прямому проводу между генералом Н.В. Рузским, М.В. Родзянко и Г.Е. Львовым // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1754(2). Л. 89.

⁴ Разговор по прямому проводу между М.В. Родзянко и генералом М.В. Алексеевым // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1754.

⁵ Разговор по прямому проводу между М.В. Родзянко и генералом М.В. Алексеевым // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1754.

Но нет никаких признаков того, что с этим текстом ознакомились даже они. Шло время. Ни из штаба Рузского, ни из Петрограда никаких сведений о дальнейшей судьбе манифеста в Ставку не поступало. Среди военного руководства всё больше нарастало недоумение и беспокойство. 3 марта в 15 ч. на связь с Алексеевым вышел генерал Брусилов, который заявил Наштаверху, что дальше скрывать от войск наличие манифеста невозможно, армия охвачена слухами. Брусилов сказал, что послал частную телеграмму «*Родзянке, как старому однокашнику по корпусу, чтобы скорей закончили свои колебания и имели бы в виду, что крайне необходимо сохранить армию от каких-либо волнений, и по-товарищески просил его воздействовать на левые элементы, но ответа не получил*»¹.

Далее Брусилов сделал удивительное предложение, которое свидетельствует о том, что генералу ничего не было известно об «отречении» Государя в пользу брата. Брусилов писал: «*Мне кажется, что нужно объявить, что Государь Император отрёкся от престола, и что вступил в управление страной Временный Комитет Государственной Думы, и что составлен комитет министров, и воззвать к войскам, чтобы они охраняли своей грудью Матушку-Россию*»².

Алексеев поддержал Брусилова и сказал ему, что «*не может добиться, чтобы Родзянко подошёл к аппарату и выслушал моё решительное сообщение о невозможности далее играть в их руку и замалчивать манифест*»³. Не дождавшись разговора с Родзянко, генерал Алексеев в 18 ч. 3 марта добился разговора по прямому проводу с Гучковым. Наштаверх настаивал на скорейшем опубликовании манифеста, доказывая, что «*скрыть акт столь великой важности в жизни России — немыслимо. Он должен быть обязательно обнародован в установленном законом порядке*»⁴. Интересно, что в своём разговоре с Гучковым Алексеев говорил, что «*выход должен быть найден, путём соглашения с лицом, долженствующим вступить на престол*»⁵. Что за странная иноска-

¹ Разговор по прямому проводу генерала А.А. Брусилова и генерала М.В. Алексеева // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1754(3). Л. 136.

² Разговор по прямому проводу генерала А.А. Брусилова и генерала М.В. Алексеева // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1754(3). Л. 136.

³ Разговор по прямому проводу генерала А.А. Брусилова и генерала М.В. Алексеева // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1754(3). Л. 136.

⁴ Разговор по прямому проводу генерала М.В. Алексеева и А.И. Гучкова // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1754(3). Л. 173.

⁵ Разговор по прямому проводу генерала М.В. Алексеева и А.И. Гучкова // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1754(3). Л. 173.

зательность, если «лицо» это хорошо известно — Великий Князь Михаил Александрович?

В ответ Гучков сообщил, что обнародование манифеста невозможно, так как «*Великий Князь Михаил Александрович, посоветовавшись с составом министров, вопреки моему мнению и мнению Милюкова, решил отказаться от престола. Предполагается одновременное обнародование как манифеста 2-го марта, так и манифеста 3-го марта — об отказе со стороны Михаила Александровича. Обнародование обоих манифестов произойдёт в течение предстоящей ночи*»¹.

Поздно вечером 3 марта состоялся разговор по прямому проводу между генералом Лукомским и Родзянко, в котором Лукомский передал председателю Государственной Думы настойчивое требование главнокомандующих «*об опубликовании акта 2-го марта, ибо слухи о нём проникли в ряды войск и населения, порождали недоумение и могли закончиться нежелательными проявлениями*»².

Между тем от командующих армиями стали поступать интересные предложения, что следует делать далее с «манифестами». Так, командующий 3-й армией генерал от инфантерии Л.В. Леш рассуждал, что «*раз манифест объявлен в некоторых местностях, то мне кажется, лучше его придерживаться*»³.

Командующий 10-й армией генерал от инфантерии В.Н. Горбатовский сообщал Алексееву в 19 ч. 35 мин. 3 марта: «*Моё мнение таково: вторая половина манифеста о передаче престола Великому Князю Михаилу Александровичу не приведёт к успокоению страны. Наилучшим считал бы изменение второй половины манифеста с объявлением о переходе престола к Наследнику Цесаревичу Великому Князю Алексею Николаевичу, коему армии и народ присягали, и о назначении временно до его совершеннолетия регентом Великого Князя Николая Николаевича, как более популярного среди войск и народа*»⁴.

Не может ни поражать, с какой лёгкостью рассуждали генералы о царском манифесте! Ведь речь шла о Высочайшей воле, которой следовало повиноваться. Разве можно себе представить, чтобы Императорский указ или манифест мог бы ранее вызывать

¹ Разговор по прямому проводу генерала М.В. Алексеева и А.И. Гучко-ва // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1754(3). Л. 173.

² Разговор по прямому проводу генерала А.С. Лукомского и М.В. Родзянко // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1756(3).

³ Телеграмма генерала Л.В. Леш генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1756(3).

⁴ Телеграмма генерала В.Н. Горбатовскому генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1756(3).

у кого-либо, тем более у людей военных, желание его изменить, исправить? Кого раньше интересовало бы мнение генералов, следует «придерживаться» Высочайшего манифеста или нет? Такие желания могли возникнуть только в том случае, если бы так называемый «манифест» был не проявлением Высочайшей воли, а плодом общего творчества, к которому Высочайшая воля не имела никакого отношения. Причём плод этот был рождён не без участия тех же военных. Ведь Горбатовский, по существу, требует очередного «манифеста», и нет сомнений, что Ставка и Северный фронт могли бы очередной «манифест» породить.

Вопреки строгим запретам Ставки о недопустимости разглашения сведений о манифесте, отдельные командующие, не в силах молчать перед вопрошающим давлением сотен тысяч людей, официально о нём объявляли. 4 марта начальник Одесского ВО генерал от инфантерии М.И. Эбелов сообщал телеграфом Алексееву, что *«Наморси (вице-адмирал А.В. Колчак. — П.М.) объявил об отречении Государя Императора от престола и о том, что манифест по этому поводу по получении его будет немедленно обнародован. Исполняю данные мне указания ни об отречении, ни манифеста не объявлять впредь до получения особых указаний. Однако объявление Наморси вопреки запрещению может вызвать серьёзные недоразумения. Манифест ещё не получен»*¹. Итак, заметим, 4 марта командующий важным ВО не ознакомлен ни с «манифестом» Государя, ни с «манифестом» Великого Князя Михаила Александровича. А ведь пошли вторые сутки со дня «акта величайшей государственной важности»!

Когда же военные круги стали узнавать об «отречении» Михаила Александровича, их недоумение и тревога стали возрастать. Лукомский по аппарату заявил генералу М.Ф. Квецинскому, что *«манифест Великого Князя Михаила Александровича может быть апокрифичен»*².

Только в 14 ч. 43 мин. 4 марта в Ставку пришла телеграмма Гучкова, извещающая, что оба манифеста *«опубликованы четвёртого утра в номере 8 "Известий"»*³. Кстати, интересно, что опубликовали «манифесты» не в «Вестнике Временного правительства», а в только что созданном печатном органе Исполкома. Это опубликование лишний раз демонстративно подчёркивало нелегитимность всего происходящего.

¹ Телеграмма генерала М.И. Эбелова генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1756(1). Л. 5.

² Телеграмма генерала А.С. Лукомского генералу М.Ф. Квецинскому // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1756(2). Л. 57.

³ Телеграмма А.И. Гучкова генералу М.В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1756(2). Л. 99.

Причины странного затягивания заговорщиками издания манифеста будут не понятны без анализа того, что происходило с «манифестом», а вернее, с его «призраком» в Петрограде 3—4 марта 1917 г.

Бубликов рассказывал, что когда Гучков приехал из Пскова в Петроград, то он отправился в мастерские Северо-Западных дорог, где зачитал рабочим «акт» об отречении Императора Николая II и затем воскликнул: «*Да здравствует Император Михаил II!*» Дальше, по Бубликову, рабочие от этого лозунга пришли в такую страшную ярость, что, «*закрыв помещение мастерских, проявляли недвусмысленное намерение акт уничтожить, а Гучкова — линчевать*». Такую реакцию рабочих нельзя назвать странной, так же как и стремление Гучкова зачитать акт именно перед рабочими, а не перед руководством ВКГД. Рассказ Бубликова весьма сомнителен и призван объяснить, почему у Гучкова не было с собой «акта» об отречении. Бубликов пишет, что, пока его «агент» уговаривал рабочих отпустить Гучкова, другие «подчиненные» увезли «акт» «*потихоньку с заднего крыльца, ко мне в министерство, и я хранил его у себя в кабинете*»¹.

Совсем иную историю рассказывает Ю.В. Ломоносов. По его словам, 3 марта ему сообщают, что Гучков выехал из Пскова, а текст отречения передается по телеграфу инспектором Н.В. Некрасовым. Помощник начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северного фронта подполковник Ф.А. Мороз в 4 ч. 30 мин. ночью со 2 на 3 марта зачем-то послал в Генеральный штаб следующую телеграмму: «*Передаю текст Высочайшего Манифеста, изложенного в нижеследующей телеграмме на имя Начальника штаба Верховного Главнокомандующего только для председателя Государственной думы Родзянко*». В переданном проекте манифеста были опущены слова «Ставка. Начальному Штаба». Заметим, что «манифест» был предназначен не для предания всенародной гласности, а только для председателя Государственной Думы.

Ломоносову поручили напечатать отречение в типографии Министерства путей сообщения. Однако при этом текст отречения почему-то передавался по телеграфу не Ломоносову, а полковнику Н.С. Шихееву, начальнику тяги Северо-Западных железных дорог, причём зашифрованным военным кодом. Этот полковник был связующим звеном Ставки с Петроградом, что видно по постоянному упоминанию его имени в телеграфной переписке Ставки со штабом Северного фронта.

Ломоносов дозвонился до полковника, и тот заявил, что расшифровка займет два часа. Через два часа Шихеев сообщил, что какая-то

¹ Бубликов А.А. Указ. соч. С. 28.

часть ещё не расшифрована и необходимо внести исправления ещё одной телеграммой (какие исправления могут быть в документе такой важности?), потом говорит, что телеграмма адресована не в Думу, а начальнику генерального штаба. В это же время полковник вёл какие-то разговоры по телефону с Псковом. Ломоносов приказал отключить Шихееву телефоны и послал инженера Лобанова с солдатами, чтобы они забрали все копии текста отречения. В итоге текст отречения был забран от Шихеева и доставлен в Думу. Но Ломоносов, который должен печатать «манифест», его не получил, а кто получил — неизвестно.

Не менее странные манипуляции проводил Ломоносов с подлинником «манифеста», который якобы привёз на Варшавский вокзал Гучков. Ломоносов утверждал, что утром 3 марта он подъехал по запруженной народом улице к Варшавскому вокзалу. Навстречу ему попался один из сотрудников Гучкова по перевороту полковник Генштаба П.П. Лебедев, который выглядел сильно напуганным. Сев в автомобиль, Лебедев показал Ломоносову «акт» и заявил, что Гучков арестован. Ломоносов спрятал акт в карман тужурки и направился вместе с Лебедевым в здание МПС. Там Ломоносов подробно рассмотрел «манифест»: «Глаза всех, забывая о нем, впились в положенный мной на стол кусочек бумаги: «Ставка. Начальнику штаба». Далее Лебедев начал рассказывать, что произошло с Гучковым: «Он еще на вокзале говорил две речи... а затем пошел на митинг в мастерские. Когда я приехал, он уже был в мастерских, а Шульгин, депутат Лебедев и начальство сидели в кабинете начальника станции. Было известно, что в мастерских неспокойно. Настроение было тревожное. Затем из мастерских передали, что Гучков арестован, что акта у него не нашли и что идут обыскивать других депутатов, чтобы уничтожить акт»¹.

В воспоминаниях Бубликова мы читали, что Гучков зачитывал рабочим «акт», а Ломоносов утверждает, что этого акта у Гучкова не нашли. Возникает вопрос: куда же пропал «акт»? Ломоносов пишет, что депутат Ю.П. Лебедев передал «акт» П.П. Лебедеву и тот «потихоньку, закоулками, дал тягу»². Ю.П. Лебедев мог забрать «акт» только у Гучкова. Тогда возникает вопрос: зачем же тот отправился в мастерские к рабочим, если у него не было с собой манифеста? И что тогда он им там зачитывал? Сам Гучков ничего о своём аресте по возвращении в Петроград не говорил. Он рассказывал, что сразу же с вокзала «поехал на Миллионную, не заезжая

¹ Ломоносов Ю.В. Подлинник манифеста об отречении в Петрограде // Отречение Николая II. С. 213—215.

² Ломоносов Ю.В. Подлинник манифеста об отречении в Петрограде // Отречение Николая II. С. 214.

домой, потому что на вокзале мне начальник станции сказал: «Родзянко поручил передать, чтобы вы не оглашали Манифеста об отречении и сразу ехали на квартиру Великого Князя»¹.

Таким образом, Гучков признаёт, что ни к каким рабочим он не заходил и никакого «манифеста» им не зачитывал. Собственно, до этого манифеста Гучкову уже не было никакого дела. Нужно было как можно скорее провернуть вторую часть переворота по организации «отречения» Великого Князя Михаила Александровича.

Шульгин очень красочно и сентиментально описал приезд депутатов из Пскова в Петроград. Согласно Шульгину, никакого ареста или даже задержания Гучкова не было, а текст отречения народу зачитал... сам Шульгин: «Мне выпало на долю объявить о произошедшем “войскам и народу”. Какие-то люди суетились вокруг меня, торопили и говорили, что войска уже ждут — выстроены в вестибюле вокзала. Сопровождаемый этой волнующейся группой, я пошел с ними. Они привели меня в то помещение, где продаются билеты, — словом, во входной зал. Здесь действительно стоял полк, или большой батальон, выстроившись на три стороны — “покоем”. Четвертую сторону составляла толпа. Я вошел в это каре, и в ту же минуту раздалась команда. Роты взяли на караул, и стало совершенно тихо... Но я чувствовал, что каждое слово летит над строем и дальше в толпу, и слышно им было все ясно. Я читал им “отречение”...»² Шульгин обратился к войскам и народу: «Государю Император Михаилу Второму провозглашаю — “ура!” И оно взмыло — горячее, искреннее, растроганное... И под эти крики я пошел прямо перед собой, прошёл через строй, который распался, и через толпу, которая расступилась, пошел, не зная куда»³.

Как видим, воспоминания Шульгина самым принципиальным образом отличаются от воспоминаний его соратников по перевороту: Гучкова, Ломоносова, Бубликова. Кто же из них говорит неправду? Все! Цель этой неправды скрыть то обстоятельство, что никакого манифеста Гучков из Пскова в Петроград не привозил. Это хорошо видно по тому, что вытворяла их группа с «отобранным» у Гучкова на Варшавском вокзале «манифестом». Вообще, логика требовала немедленно отправить либо подлинник, либо копию такого важного для заговорщиков акта прямо Родзянко или Львову, для того чтобы они могли придать документ всенародной огласке. Во всяком случае, даже если Родзянко и Львов сочли бы опубликование этого

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 10.

² Шульгин В.В. Дни. С. 56.

³ Шульгин В.В. Дни. С. 57.

манифеста преждевременным, он бы находился у них в руках, то есть в надёжном месте. Вместо этого члены группы «по спасению грамоты», как окрестили себя Ломоносов, Бубликов и Лебедев, стали поступать предложения спрятать «грамоту» в несгораемый шкаф и приставить к нему караул. Ломоносов предложил иной вариант: положить акт в самое «незаметное место... и не в этой комнате...». Тут же поступило предложение снять с акта несколько копий, но «но только, чтобы никто ничего не знал». После этого Ломоносов и Лебедев сняли с «манифеста» копию, которая была заверена четырьмя лицами, а «подлинник спрятали среди старых запыленных номеров официальных газет, сложенных на этажерке в секретарской». Ломоносов предложил начать по копии печатание манифеста. Однако из Думы последовал приказ: «Не печатать, но наборщиков не распускать»¹.

Реакция Мельгунова на манифест об отречении была не менее поразительна. Он заявил, что текст манифеста «неудовлетворителен, необходимо упоминание Учредительного собрания»².

Совокупность источников позволяет нам сделать вывод, что никакого манифеста Гучков с собой из Пскова не привозил. По всей видимости, им в Петроград «Начальнику Главного штаба» была послана заранее условленная шифровка, предполагавшая подготовку текста «манифеста» в пользу Михаила Александровича. В Петрограде уже имелся образец манифеста в пользу Наследника престола. По этому образцу и был составлен новый текст в пользу Великого Князя Михаила Александровича.

«Следы» «манифеста» об отречении Императора Николая II теряются в мутной февральской воде и появляются вновь в Академии наук. В ГАРФ имеется один любопытный документ. Эта расписка некоего и.о. обер-прокурора I департамента Сената «в приёме им актов об отречении». Написана она небрежной рукой, плохим почерком на клочке бумаги: «Акты отречения Николая II от 2 марта и Михаила от 3 марта 1917 года мною и.о. обер-прокурора I департамента Сената Фёдором Ивановичем (фамилия неразборчива. — П. М.) принял на хранение. 31 (месяц неразборчиво, похоже на слово «ноябрь», чего, однако, не может быть, так как в ноябре 30 дней. — П. М.) 1917 года. г. Петроград»³.

В своих воспоминаниях, вышедших в США, Ломоносов опубликовал факсимилем манифеста Императора Николая II, который

¹ Ломоносов Ю.В. Подлинник манифеста об отречении в Петрограде // Отречение Николая II. С. 213—215.

² Цит. по: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 281.

³ Расписка о приёме актов об отречении Николая II и Михаила Александровича // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100. Л. 1.

он выдавал за подлинник. По подписи Государя внизу текста не вооружённым глазом видно, что это фальшивка.

Логика действий организаторов переворота заключалась в последовательном вовлечении военного руководства в свержение монархии. Для этого требования «манифестов» с каждым разом становились более радикальными, причём второе отменяло первое. Сначала требовали Ответственного министерства, затем — отречения в пользу Цесаревича Алексея, затем — в пользу Великого Князя Михаила Александровича. Не вызывает никаких сомнений, что, отправляясь в Псков, Гучков заранее знал, что манифест в пользу Михаила Александровича вновь окажется «недостаточным».

Особо следует сказать о подписи графа В.Б. Фредерикса, «скрепившего» «манифест». Следует отметить, что подпись Фредерикса подделывалась на некоторых документах, не относящихся к «манифесту». На допросе в ВЧСК на вопрос следователя о подлинности его подписи под запиской военному министру В.А. Сухомлинову граф заявил, что она «*по сходству похожа на мой почерк. Но чтобы я такую вещь написал, я могу поклясться, что я бы не сделал. Я готов поклясться, что не писал. А сходство есть безусловное*»¹.

А.Б. Разумов в своём исследовании пишет, что его «*удивила похожесть контрасигнирующих надписей графа Фредерикса на всех трёх “отречениях”, и я сделал наложение трёх надписей друг на друга. Причём накладывал не слово на слово, а наложил всю надпись целиком, все семь слов сразу, в две строки, с пробелами, промежутками и росчерками. Три автографа на трёх разных документах совпали до букв. Нет разницы даже не между буквами, а между расположением всех семи слов во всех трёх документах. Без копирования на стекле добиться такого эффекта нельзя*»².

Таким образом, вывод, который мы можем сделать, сводится к следующему: «манифест» в пользу Великого Князя Михаила Александровича является искусно изготовленной фальшивкой. Целью этой фальшивки было создание видимости легальной передачи престола Великому Князю, который к этому времени находился в руках заговорщиков. Заговорщики заранее знали, что Михаил Александрович откажется от вступления на престол либо в силу осознания им отсутствия законных прав, либо под нажимом заговорщиков. Но если текст фальшивого манифеста был известен заранее и являлся исправленным вариантом текста отречения в пользу Цесаревича, то непосредственно сам документ, известный

¹ Допрос В.Б. Фредерикса // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 952.

² Разумов А. Подпись Императора. Несколько замечаний по «отречению Николая II» // Сайт Академии российской истории http://www.ei1918.ru/nicolas_2/podpis_imperatora

под названием «Начальнику Штаба», скорее всего, был изготовлен намного позднее, возможно даже уже при большевиках, с целью «доказательства» отречения Императора Николая II перед западным сообществом. Недаром в первый раз «подлинник» «манифеста» появляется в США, вывезенный туда Ломоносовым в 1919 г. До этого «манифеста» никто не видел. Второй раз «манифест» появится уже для «внутреннего потребления» в 1929 г. в АН СССР.

Но здесь встает вопрос: а зачем организаторам переворота понадобилась вся эта сложная комбинация с отречением в пользу Великого Князя? Почему заговорщики не могли просто убить Государя, объявив стране, что он «скончался от апоплексического удара», как это было с Императором Павлом I в 1801 г.? Ответ на этот вопрос прост: убийство Государя, осуществлённое в условиях войны, вызвало бы сильное возмущение в рядах армии и способствовало подъёму монархических настроений. Кроме того, престол автоматически перешёл бы новому императору Алексею II. Заговорщики же стремились к свержению монархии как таковой. Вот почему им понадобилось отречение в пользу полулегитимного Великого Князя Михаила Александровича, а затем отказ последнего в пользу Учредительного собрания. Этот отказ лишил монархистов возможностей сопротивления.

Причины отъезда Государя в Ставку, прощание со Штабом и последний «приказ» войскам

Общепринятое мнение сводится к тому, что после отречения Император Николай II решил отправиться в Ставку, чтобы проститься с войсками. Об этом сообщал генерал Данилов генералу Алексееву в 1 ч. 28 мин. ночи 3 марта: «*Его Величество выезжает сегодня, примерно в 2 часа, на несколько дней в Ставку, через Даинск*¹. Сведения о том, что Императорский поезд отбыл из Пскова в Ставку в 2 ч. ночи, подтверждает и камер-фурьерский журнал². В связи с этим недоумение вызывает запись в дневнике Императора Николая II: «*В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого*³. Мордвинов называет 3 ч. ночи как время отправления Императорского поезда из Пскова⁴.

¹ Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу М.В. Алексееву //, Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (22). М.—Л., 1928. С. 48.

² Пребывание Государя Императора в действующей армии. Февраль—март 1917 // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (доп.). Д. 25. Л. 12.

³ Дневник Императора Николая II за 1917 г. Запись за 2 марта // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 66.

⁴ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 47.

По сведениям Г.А. Таля, решение об отъезде в Ставку было принято Государем утром 2 марта. «Мы задерживались лишь для того, чтобы получить ответ от Председателя Государственной Думы Родзянко на посланную ему телеграмму»¹. Таль утверждает, что утром 2 марта Воеиков ему сообщил, что «Государь Император дал уже Ответственное министерство за исключением военного и морского ведомств»².

Говоря о мотивах поездки Государя в Ставку, ни на секунду нельзя забывать, что Государь не был свободен в своих действиях. Когда 5 марта ему, наконец, разрешили позвонить в Александровский дворец, он в разговоре с Императрицей сказал: «Я думал, что смогу приехать к вам, но меня непускают»³. А.Ф. Керенский откровенно констатировал, что «бывший Царь был теперь в полной изоляции и не мог предпринять каких-либо самостоятельных шагов»⁴.

Поэтому утверждение, что Государь поехал в Могилёв «прощаться» со Ставкой, является утверждением заговорщиков. По всей вероятности, отправка Государя в Могилёв была принята в Пскове Гучковым. Единственным объяснением этого могло быть стремление заговорщиков отправить Государя в надёжное место на тот период, пока петроградские узурпаторы доводили до конца свои манипуляции с фальшивыми «манифестами». Отправка Государя в Могилёв является одним из важных доказательств фальшивости «манифеста» об отречении. Ведь, если бы Государь действительно добровольно отрёкся от престола, что бы мешало ему подтвердить прилюдно своё отречение в Царском Селе?

Для Гучкова отправка Императора в подконтрольную Ставку не только никакой опасности не представляла, но, наоборот, он был уверен, что именно там Царь будет лучшим способом обезврежен. Недаром Бубликов вспоминает, что на его недоумённый вопрос, почему Император Николай II находится в Ставке, Гучков спокойно ответил: «Он совершенно безвреден»⁵.

В «дневнике» Императора Николая II за 3 марта 1917 г. имеется следующая запись: «Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилёв. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева

¹ Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 28.

² Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб-офицера для особых поручений // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 90. Л. 28.

³ Ден Ю. Указ. соч. С. 119.

⁴ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 154.

⁵ Бубликов А.А. Указ. соч. С. 47.

в вагоне. В 9^{1/2} перебрался в дом. Алексеев пришёл с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрёкся. Его манифест кончается четырёххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость. В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше»¹.

Насколько факты, изложенные в дневнике, совпадают с реальными событиями? В дневнике в который раз весьма не точно указано время прибытия в Могилёв: 20 ч. 20 мин. Вот что писал по этому поводу полковник Пронин: «*Было 20 час. 20 мин., когда я на автомобиле подъехал к вокзалу Царской ветки. Стоял холодный мартовский вечер с ветром и мелким снегом, и потому, прибыв на вокзал, я зашел в павильон погреться. Там уже был генерал Алексеев, который сидел за столом и разговаривал с генералом Лукомским, и человек 30 офицеров. Царский поезд запаздывал. Спустя некоторое время, дежурный по станции офицер подошел к ген. Алексееву и доложил, что поезд подходит. Все вышли на перрон и выстроились по старшинству чинов. Вот вдали показались огни паровоза; поезд подходил; мимо меня тихо потянулись царские с вензелями темно-синие вагоны*»². Таким образом, получается, что Императорский поезд прибыл в Могилёв не раньше 21.00. Это как будто опровергается сообщением Алексеева Великому Князю Николаю Николаевичу, телеграфированным в 0 ч. 8 мин. 4 марта: «*Всепреданнейшее доношу, что с поездом 20 ч. 15 мин. З сего марта Его Величество изволил прибыть в Ставку*»³. Однако генерал Лукомский в 22 ч. 3 марта сообщил Родзянко по прямому проводу, что «*генерала Алексеева Его Величество позвал к себе в вагон и он там находится. Поэтому я затрудняюсь сказать, когда вернётся генерал Алексеев*»⁴. Судя по «дневнику» Николая II и по воспоминаниям Пронина, Тихменёва, Дубенского, Воейкова, Государь принял Алексеева в своём вагоне сразу же по прибытии в Могилёв. Причём, по словам Тихменёва, генерал пробыл в царском вагоне «не более двух минут». Таким образом, Императорский поезд никак не мог прибыть в Могилёв ни в 20 ч. 15 мин., ни в 20 ч. 20 мин. Скорее всего, в телеграмме Алексеева Николаю Николаевичу речь шла

¹ Дневники Императора Николая II и Александры Федоровны. 1917—1918. В 2 томах / Ответственный редактор и составитель, кандидат исторических наук В.М. Хрусталёв. М.: Вагриус, 2008. Т. 1. С. 290.

² Пронин В. Указ. соч. С. 112.

³ Телеграмма генерала М.В. Алексеева Великому Князю Николаю Николаевичу от 4 марта 1917 г. // Красный архив. Т. 22. С. 48.

⁴ Разговор по прямому проводу генерала А.С. Лукомского с М.В. Родзянко. 3 марта 1917 г. // Красный архив. Т. 22. С. 39.

не о фактическом прибытии поезда, а о времени, по которому он должен был прийти. Если предположить, что дневник Государя за март 1917 г. был фальсифицирован, то автор этой фальсификации не знал фактического времени прибытия поезда и внёс время прибытия его по расписанию. Но это не единственное отличие дневника от действительности. В дневниковой записи говорится: «*Принял Алексеева в вагоне. В 9^{1/2} перебрался в дом. Алексеев пришёл с последними известиями от Родзянко*». Между тем точно установлено, что Государь принимал Алексеева в своём вагоне в 22 ч. и только потом поехал в губернаторский дом. Естественно, что больше в поезд он не возвращался и Алексеева не принимал. Далее, в «дневнике» утверждается, что об «отречении» Михаила Александровича Государь узнал от Алексеева, который принёс это известие от Родзянко. Но дело в том, что Алексеев узнал о решении Великого Князя не от Родзянко, а от Гучкова примерно в 18 ч. 30 мин. 3 марта¹. Разговор же по прямому проводу между Алексеевым и Родзянко состоялся не раньше 23 ч., то есть после его встречи с Государем. Если бы Алексеев собирался доложить Государю об «отречении» Михаила Александровича, то логично было предположить, что он это сделал бы сразу при встрече в вагоне, а не глубокой ночью. Тогда бы и запись в дневнике сообщала бы, что Алексеев пришёл с «последними известиями от Гучкова».

Далее, в «дневнике» говорится, что манифест Великого Князя «*кончается четырёхвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания*». Интересно, откуда Государь узнал об этом? Ведь Гучков ясно сообщил Алексееву, что «*срок созыва [Учредительного] собрания не определён*», и ни слова не сказал ни о выборах, ни об их основе (прямого, равного, тайного, общего голосования, о так называемой «четырёхвостке»)². Кстати, нет об этом упоминаний и в разговоре Алексеева с Родзянко вечером 3 марта.

О том, что Государь при своём прибытии в Могилёв ещё ничего не знал о «манифесте» Великого Князя, видно из воспоминаний Мордвинова, который писал, что 4 марта «*весть об отказе Михаила Александровича принять власть до Учредительного собрания к нам тогда ещё не дошла*». Об этом узнали только 5 марта утром³.

По всей вероятности, Император Николай II ничего не знал о своём «отречении», так же как и об «отречении» своего брата, вплоть

¹ Разговор по прямому проводу генерала М.В. Алексеева с А.И. Гучковым // Красный архив. Т. 22. С. 37—38.

² Разговор по прямому проводу генерала М.В. Алексеева с А.И. Гучковым // Красный архив. Т. 22. С. 38.

³ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 133.

до 4—5 марта, когда они были официально объявлены в газетах. С этого момента он понял, что всякое сопротивление с его стороны бесполезно: кругом измена, трусость и обман. Похоже, что именно с целью скрыть от Государя происходящие события в Могилёве была полностью сохранена обстановка Ставки до отбытия из неё Императора Николая II.

По дороге в Могилёв в Оршу в Императорский поезд вошёл Н.А. Базили и был принят Государем. Цель прибытия одного из главных действующих лиц переворота до сих пор непонятна. Базили приехал по поручению генерала Алексеева «с портфелем каких-то срочных бумаг для доклада Его Величеству в пути. Что это были за бумаги, я не помню, хотя Базили о них и упоминал: кажется, они касались уведомления о случившемся. Помню только, что он говорил о своём участии в составлении манифеста об отречении и, кажется, сообщил, что манифест этот, по просьбе Родзянки, пока решено не опубликовывать»¹.

В своих мемуарах Воейков утверждал, что Базили прибыл в Оршу по заданию Алексеева «под предлогом представления на утверждение Его Величеству проекта извещения наших союзников об отречении Государя Императора от престола, на самом же деле был послан от штаба разведчиком — для выяснения отношения Государя к чинам Ставки»². Это сообщение Воейкова интересно, но нелогично. Если штабные генералы уже знали об отречении и даже выработали форму извещения о нём иностранным представителям, то зачем им понадобилось выяснить отношение к себе Государя?

Когда Император Николай II вечером 3 марта прибыл в Могилёв, он был встречен со всеми подобающими почестями. Помимо чинов Ставки на платформу прибыли все представители иностранных миссий³. Дубенский вспоминал: «Дежурили полевые жандармы, сидели офицеры за столами, стучал телеграфный аппарат. На маленькой площади у дворца из старинной ратуши, в круглом садике стояли посты дворцовой полиции, а у подъезда Государя в дублёных тулуках находились по-прежнему часовые георгиевского батальона. Могилёв тих, малолюден и спокоен, как всегда. В царских комнатах долго, долго светился свет. Точно ничего не случилось, точно то, что я видел, что всё мы пережили, был сон»⁴.

¹ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 125.

² Воейков В.Н. С Царём и без Царя. С. 193.

³ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 127.

⁴ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 75.

Государь продолжал находиться в полной информационной блокаде. Мордвинов свидетельствует: «Что делалось в Петербурге и остальной России — мы не знали: утренних агентских телеграмм больше уже не представляли»¹. Руководство Ставки объясняло это «заботой» о Государе, так как в этих телеграммах Государя якобы постоянно оскорбляли. Однако генерал Н.М. Тихменёв отмечает, что по его приказу депеши, несмотря на всю содержащуюся в них ругань, передавали каждое утро Дворцовому коменданту В.Н. Войкову для Государя². Но Государь этих депеш не получал. Не вызывает сомнений, что от Монарха пытались скрыть манипуляции с манифестами. Кстати, в дневниках Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны ни за 4, ни за 5 марта нет вообще никакого упоминания об «отречении» Великого Князя Михаила Александровича.

4 марта 1917 г. в Могилёве состоялся последний доклад Императору Николаю II о положении дел на фронте. Делавший доклад генерал Алексеев заметно волновался, но под влиянием вопросов Императора Николая II, его замечаний и указаний стал докладывать как обычно³.

В полдень того же дня 4 марта для встречи с Государем в Могилёв прибыла Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. Её памятные книжники, которые принято называть «дневниками», написанные на датском языке, переведённые и опубликованные несколько лет тому назад в России, вызывают много вопросов⁴. «Дневники» оказались в России благодаря виолончелисту М.Л. Ростроповичу: «Личный саквояж с дневниками Императрицы Марии Федоровны доставил в Петербург маэстро Мстислав Ростропович. Презентация первого издания дневников Императрицы, найденных в пригороде Лондона, состоялась в понедельник в Эрмитаже. Рукописи, описывающие события 1916—1923 годов, были приобретены известным музыкантом Мстислав Ростроповичем, который предоставил их для публикации издательству «Вагриус». Маэстро привез дневники Марии Федоровны из Англии в маленьком красном саквояже с императорским гербом, где они хранились в течение многих десятилетий.

¹ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 127.

² Тихменёв Н.М. Последний приезд Николая II в Могилёв // Отречение Николая II. С. 209.

³ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II. С. 75.

⁴ Памятные книжки Императрицы Марии Феодоровны за 1917 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 42.

“Я купил дневники у людей, которые не хотели, чтобы записи Императрицы стали предметом открытых торгов на аукционе, и обратились ко мне”, — рассказал на презентации книги Мстислав Ростропович.

Саквояж с дневниками Императрицы обнаружили в доме, где жила Мария Федоровна после отъезда из революционной России. По какой-то причине она не забрала свои записи в Копенгаген, город, где родилась и умерла русская Императрица, датская принцесса Дагмарा.

В течение четырех лет дневники Марии Федоровны расшифровывались и переводились на русский язык. По словам издателей, они испытывали чувство благоговения и ответственности, обращаясь к страницам, исписанным ровными строчками на датском языке, в которых отражена история России: Первая мировая война, революция, эмиграция.

“Дневники написаны мелким бисерным почерком, в них часто смазаны строчки и оборваны страницы. Надо было расшифровать сокращенные слова и некоторые цитаты”, — рассказала переводчик Юлия Кудрина¹.

Электронный портал *Фонтанка.ру* сообщал: «Мстислав Ростропович приобрел дневники весной 2001 года в Англии. Естественно, сразу возникли вопросы: каким образом они попали в Англию, у кого они хранились все это время. На эти вопросы пока нет ответа. Есть версия, что они попали в Англию вместе с самой Марией Федоровной — Императрица жила там в 1922—1923 годах. Мария Федоровна чувствовала себя очень плохо — отплывая из Англии на датском пароходе “Фальстер”, она упала от слабости, повредив себе позвоночник. С трудом Императрица сошла с корабля, когда он причалил к датскому берегу. Неудивительно, что, будучи в таком состоянии, Мария Федоровна потеряла что-то из своих вещей. Некоторые считают, что дневники могли быть украдены — причем как в Англии, так уже на пароходе. Это лишь одна из версий — у историков существуют и другие догадки. Впрочем, так ли уж важно, каким образом дожили до наших дней дневники Императрицы? Главное, что они всё-таки сохранились»².

На самом деле ещё как важно! Ведь прославленный музыкант совместно с драматургом Э. Радзинским уже был причастен к появлению фальсифицированных «документов» Г. Распутина, целью которых была дискредитация имени Императрицы Александры

¹ Ростропович доставил в Петербург личный саквояж с дневниками императрицы Марии Федоровны // <http://podrobnosti.ua/>

² Балуева А. Дневники Императрицы Ростропович купил у родственников Романовых // <http://www.fontanka.ru/2005/02/22/119497/>

Феодоровны. Следует сказать, что эта «находка» появилась в апреле 2000 г. незадолго до Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, на котором была прославлена Царская Семья. Тогда против предстоящей канонизации Царственных Мучеников объединились весьма могущественные силы. Не вызывает сомнений, что «находка» Ростроповича была инспирирована ими. Для того чтобы представить уровень и характер той «исторической» мерзости, какую покойный виолончелист выдавал за «историческое» открытие, процитируем прессу тех лет: *«Найден секретный архив, содержащий около 500 страниц документов о Распутине. Собранный большевиками вскоре после смерти развратного "пророка" в 1916 году и с тех пор считавшийся утерянным, этот архив проливает новый свет на миф, сексуальные победы и то огромное влияние, которое Распутин имел при дворе Романовых.*

В документах содержатся давно утерянные фотоснимки. Архив дает серьезные основания утверждать, что полуграмотный крестьянин Распутин состоял в любовной связи с царицей Александрой, супругой царя Николая Второго. В архиве найдены секретные телеграммы, где она называет Распутина "дорогим". Архив обнародован в Лондоне русским эмигрантом, музыкантом и дирижером Мстиславом Ростроповичем. Он купил бумаги, по всей видимости, чисто случайно, на аукционе пять лет назад. Его архив лег в основу книги "Распутин: последнее Слово", новой биографии русского историка и драматурга Эдварда Радзинского.

*Как Ростропович, собиратель материалов о Романовых, вынужденный покинуть Советский Союз в семидесятых годах, обнаружил этот архив? Тревин говорит: "Узнав, что Эдвард пишет книгу, Ростропович предложил показать ему свой архив, сказав: "У меня есть то, что ты ищешь". Он сказал, что купил его на аукционе "Сотби" где-то в Европе в 1995 году. Мы пытались это проверить, но у "Сотби" никаких записей об этом нет. Мы знаем, что архив — подлинный. Эдвард сверил почерки и посмотрел в телефонном справочнике 1914 года имена свидетелей*¹.

Так, писала российская пресса со ссылкой на Daily Telegraph. Правда, вскоре выяснилось: несмотря на то что «Эдвард» тщательно «сверял почерка», «архив» оказался стопроцентной большевистской фальшивкой. Надобность в ней отпала сразу после канонизации Царской Семьи в августе 2000 г. Поэтому стопроцентно быть уверенным в подлинность дневников Императрицы Марии Феодоровны без тщательной и всесторонней экспертизы невозможно.

¹ «Дорогой Распутин...». Найдены документы, свидетельствующие о романе русской царицы с «безумным монахом» // Общественно-политическая газета «Тихоокеанская звезда». 29 апреля 2000.

К слову сказать, сомнения в полной подлинности имеются по многим документам, касающимся Императора Николая II и его Семьи. Но даже если дневник Вдовствующей Императрицы подлинный и правильно переведённый, то было в корне неверно считать, что все мысли его составителя, изложенные в дневниковых записях, отражают его подлинные мысли. Нужно помнить, что дневник государственных деятелей, особенно дневник царствующих особ, отличается от дневника институтки, актёра или домохозяйки. Последние могут писать в своих дневниках все, что им вздумается, мало заботясь о последствиях своих записей, так как они, эти записи, предназначены почти исключительно только для самих же авторов. Когда же речь идёт о дневнике монаршой особы, то такой дневник рано или поздно становится достоянием всей страны, а одна скопированная запись из такого дневника может привести к самым тяжёлым внешнеполитическим последствиям. Поэтому дневники Царей и Цариц, даже великих князей, являлись не отображением на бумаге своих личных впечатлений и переживаний, а строгой констатацией происшедших за день событий. Более того, иногда в дневник заносили сведения сознательно дезинформирующего характера, так как Августейший автор дневника прекрасно понимал, что его дневник может быть прочитан, и прочитан недругом. Поэтому зачастую в дневнике использовались термины, известные только автору дневника. Например, Император Николай II часто использовал в своём дневнике слово «читать». Причём «читал» Государь иногда с середины дня и глубоко за полночь. До сих пор приходится встречаться с безграмотными возмущёнными репликами, что вот, мол, Царь-то романы почитывал, вместо того чтобы государственными делами заниматься. Между тем на лексиконе Государя слово «читать» означало именно работать с государственными бумагами. Засекреченность, иносказательность, а то и прямая дезинформация, несомненно, применялась Царской Семьёй в тревожный страшный период марта 1917 — июля 1918 г.

В этом ключе следует, на наш взгляд, читать дневниковую запись Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны от 4/17 марта 1917 г. Вдовствующая Государыня писала: «*В 12 часов прибыли в Ставку, в Могилев в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции, мы отправились вместе в его дом, где был накрыт обед вместе со всеми. [...] После обеда бедный Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня. Он открыл мне свое кровоточащее сердце, мы оба плакали. Сначала пришла телеграмма от Родзянко, в которой говорилось, что он должен взять ситуацию с Думой в свои руки, чтобы поддержать порядок и остановить революцию; затем — чтобы спасти страну — предложил образовать новое правительство*

и... отречься от престола в пользу своего сына (невероятно!). Но Ники, естественно, не мог расстаться со своим сыном и передал трон Мише! Все генералы телеграфировали ему и советовали то же самое, и он, наконец, сдался и подписал манифест. Ники был невероятно спокоен и величествен в этом ужасно унизительном положении. Меня как будто ударили по голове, я ничего не могу понять! Возвратилась в 4 часа, разговаривали. Хорошо бы уехать в Крым. Настоящая подлость только ради захвата власти. Мы попрощались. Он настоящий рыцарь»¹.

Из этой записи мы видим, что она является «классическим образцом» общепринятой версии. Ничего секретного, того, что нужно было бы скрывать от окружающих в этой записи, нет. Все и так знали, что Родзянко прислал Государю телеграмму с просьбой об отречении и что Государь не захотел расставаться со своим сыном и отрёкся в пользу своего брата. Императрице Марии Феодоровне совершенно незачем было скрывать свой разговор с Сыном, если бы он был таким, каким он изложен в её дневнике.

Но вот что вспоминал присутствующий при последней встрече Государя со своей Матушкой Великий Князь Александр Михайлович: «По приезде в Могилёв, поезд наш поставили на “императорском пути”, откуда Государь обычно направлялся в столицу. Через минуту к станции подъехал автомобиль Ники. Он медленно прошёл к платформе, поздоровался с двумя казаками конвоя, стоявшими у входа в вагон его матери, и вошёл. Он был бледен, но ничего другое в его внешности не говорило о том, что он был автором этого ужасного манифеста. Государь остался наедине с матерью в течение двух часов. Вдовствующая Императрица никогда мне потом не рассказала, о чём они говорили»².

Согласимся, что два часа — слишком большой отрезок времени, для того чтобы изложить ту короткую информацию, какая представлена в дневниковой записи Марии Феодоровны. А ведь разговоры Государя с Матерью продолжались ещё в течение дня по нескольку часов! И что суть этих разговоров сводилась к тому куцему отрывку из дневника о телеграмме Родзянко? И такую-то информацию Вдовствующая Императрица не могла рассказать своему зятю даже по прошествии 8—9 лет после описываемых событий?

То, что услышала Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна от Государя 4 марта 1917 г. совершенно не сводилось к сведениям

¹ Памятная книжка Императрицы Марии Феодоровны. Запись за 2 марта 1917 г. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 42. Л. 31.

² Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания Великого Князя. С. 231.

о телеграмме Родзянко и измене генералов. Дневниковая запись эта прикрывала, и, скорее всего, по договорённости с Государем, какую-то другую информацию, которую Августейшие Мать и Сын решили не придавать огласке. Не случайно в своём письме греческой королеве Ольге Константиновне Мария Феодоровна называла время, проведённое в Пскове, «самыми страшными днями в моей жизни». Особенно ценные слова Императрицы Марии Феодоровны о своём Державном Сыне: «*Не могу тебе передать, какие унижения и какое равнодушие пережил мой несчастный Ники. Если бы я не видела это своими глазами, я бы никогда этому не поверила. Он был как настоящий мученик, склонившийся перед неотвратимым с огромным достоинством и невиданным спокойствием!*¹

8 марта Государь попытался в последний раз обратиться к своим войскам. Обращение получило название «Последний приказ Императора Николая II». Текст этого обращения широко известен. Однако он представляет собой не текст, составленный Государем, а текст, изложенный в приказе начальника штаба генерала М.В. Алексеева. Между тем имеется документ с подлинным обращением Императора Николая II к войскам. Он написан рукой Государя и направлен с сопроводительным письмом для подшивания к делу. Приведём полностью этот документ: «*Текст обращения Николая II к войскам после отречения от престола. Генерал-квартирмейстеру при Верховном Главнокомандующем 10 марта 1917 года. № 2129. Дежурному генералу при Верховном Главнокомандующем. По приказанию Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего препровождаю при сем собственноручную записку отрекшегося от Престола Императора Николая II Александровича, каковую записку Начальник Штаба приказал подшить к делу Штаба Верховного Главнокомандующего для хранения, как исторический документ. Приложение: записка. Генерал-лейтенант Лукомский. Генерального штаба подполковник: Барановский.*

К вам горячо любимые мною войска обращаюсь с настоятельным призывом отстоять нашу родную землю от злого противника. Россия связана со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе. Нынешняя небывалая война должна быть доведена до полного поражения врагов. Кто думает теперь о мире и желает его, тот изменник своего Отечества — предатель его. Знаю, что каждый честный воин так понимает и так мыслит. Исполняйте ваш долг как до сих пор. Защищайте нашу великую Россию изо всех сил. Слушайте ваших начальников. Всякое ослабление порядка службы (дисциплины) только на руку врагу.

¹ Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна — греческой королеве Ольге // ГАРФ. Ф. 686. Оп. 1. Д.84. Л.50—52. Пер. с дат. Ю. Кудриной.

Твёрдо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к Родине. Да благословит вас Господь Бог на дальнейшие подвиги и да ведёт вас от победы к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий»¹.

Попав под цензуру Алексеева, обращение Царя претерпело значительные изменения. Обращение Императора Николая II было искусно подправлено Алексеевым и отпечатано на машинке. Генерал Н.М. Тихменёв, уже находясь в эмиграции, в 1939 г. свидетельствовал о событиях марта 1917 г.: «8-го марта, вернувшись в свой кабинет, я нашёл на столе вот этот самый листок, который я держу в руках. Это — приказ Начальника штаба от 8-го марта, напечатанный в штабной типографии. «Приказ Начальника штаба Верховного Главнокомандующего 8-го марта 1917 года № 371. Отрекшийся от престола Император Николай II, перед своим отъездом из района действующих армий, обратился к войскам с следующим прощальным словом: [далее идёт текст обращения с поправками Алексеева]. 8 марта 1917 г. Ставка. Подпись: Начальник штаба, генерал Алексеев»².

После правки Алексеева в текст обращения были добавлены фразы, которых не было в царском обращении: «после отречения Моего за себя и за Сына Моего от престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благодеяния» и «повинуйтесь Временному правительству»³.

Становится ясно, что подделанный текст был не приказом Императора Николая II, а приказом генерала Алексеева, в чьей измене Государь смог окончательно убедиться во время своего пребывания в Могилёве. Именно Алексеев объявил Императору о том, что Временное правительство лишило Государя свободы. Генерал С.Д. Поздышев писал: «Алексеев чувствовал неловкость и смущение перед Государем. Его совесть тревожило упорное молчание Царя. Во время доклада о последних событиях в Петрограде он не выдержал и сказал ему: «Ваше Величество, я действовал в эти дни, руководствуясь моей любовью к Родине и желанием уберечь и оградить армию от развала. Россия тяжело больна; для её спасения

¹ Обращение отрёкшегося от престола Императора Николая II к войскам // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2415. Л. 1—2.

² Дань светлой памяти Императора Великого Мученика. Сооружение креста-памятника и озnamенование 20-летия Екатеринбургской драмы. Издание Союза ревнителей памяти Императора Николая II. Париж, 1939. С. 90.

³ Дань светлой памяти Императора Великого Мученика. С. 90.

надо было идти на жертвы..." Государь пристально посмотрел на него и ничего не ответил»¹.

Известно, что Временным правительством последний приказ Государя был запрещён к оглашению в войсках. Причины этого назывались разные. С.П. Мельгунов считал, «что прощальное слово вступало в резкую коллизию с настроением либеральной общественности, воспринимавшей и оправдывавшей переворот, как неизбежную реакцию на антипатриотическую позицию старой власти? Не потому ли, что впечатление, полученное Бьюкененом², могло совпасть с аналогичным в армии, которое не могло бы оправдать ни ареста бывшего Императора, ни юридического расследования его прикосновенности к воображаемой "измене"?»³

Конечно, полностью сбрасывать со счётов эти соображения нельзя. Но на вопрос, обращённый уже в эмиграции к Гучкову, «почему не был опубликован последний приказ Царя?», тот ответил, что это «послание было несвоевременным, тем более что Николай II собирался вернуться на престол»⁴.

Каким же образом лишённый свободы передвижения, отрекшийся Государь мог рассчитывать «вернуться на престол»? А это могло быть только в одном случае, если бы Государь не знал о «своём» манифесте об отречении. В приказе он прощался с армией, так как, по-видимому, речь шла о возвращении Николая Николаевича в Ставку. Но Государь ни слова не говорил ни о своём отречении, ни о Временном правительстве, а это свидетельствует о том, что Государь считал, что он по-прежнему остаётся на престоле. Во всяком случае, это убеждение, по всей видимости, присутствовало в нём до 8 марта.

Но эта наша версия имеет два существенных опровержения. Без их анализа она будет голословной. Первый аргумент против неё — это телеграмма, якобы посланная Государем своему брату Великому Князю Михаилу Александровичу, в которой он обращается к нему как к Императору. Следует сказать, что ни подлинника, ни копии этой телеграммы до сих пор обнаружить не удалось, а сам её текст, приводимый из разных источников, имеет существенные различия.

¹ Позднышев С. Распни Его. Париж, 1952. С. 349.

² Узнав о приказе Императора Николая II, Дж. Бьюкенен писал: «Государь показал себя с самой благородной стороны. Все личные соображения были им отброшены, и все его мысли были направлены на благо Родины».

³ Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. С. 40.

⁴ Щербатов А. Из воспоминаний // Новый журнал. № 227. 2002.

В первый раз о существовании этой телеграммы мы узнаём от А.А. Блока. Тот утверждал, что, выехав из Пскова вечером 2 марта в Могилёв, Государь «*со станции Сиротино послал следующую телеграмму: “Его Императорскому Величеству Михаилу. Петроград. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Возвращаюсь в Ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей родине. Ники*

¹.

Здесь следует сказать, что Государь выехал из Пскова поздней ночью 3 марта, а не вечером 2-го. Измученный всеми имевшими место событиями, он сразу же уснул. Ни в царском дневнике, ни в воспоминаниях лиц свиты мы не встречаем никакого упоминания об отправке какой-либо телеграммы. Примечательно, что Блок, секретарь ВЧСК, в ходе своей работы имел возможность знакомиться с подлинниками документов. Описывая эту телеграмму, поэт, однако, не указал ни время её отправки, ни времени её получения.

Более-менее подробно о телеграмме Государя Великому Князю написал полковник Б.В. Никитин. Глава контрразведки Временно-го правительства, уже будучи в эмиграции, писал, что через много лет после событий марта 1917 г. «*появились сведения, что Государь послал Великому Князю со станции Сиротино следующую телеграмму: № 218. Подана 3-го марта — 14 ч. 56 м. Передана Петроград 3-го 15 ч. 10 м. Его Императорскому Величеству. Петроград. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если им огорчил тебя, и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным тебе братом. Возвращаюсь в Ставку, откуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и нашей Родине. Твой Ники*

².

Мы видим, что телеграмма существенно отличается от той, что приводит в своей книге Блок. У Никитина нет чёткого указания адресата: Его Императорскому Величеству (у Блока «*Его Императорскому Величеству Михаилу*»). Зато у Никитина появляются номер телеграммы, время отправления и получения. Выясняется, что она была подана не вечером 2 марта, как у Блока, а днём 3-го. Слова «*тебе и твоей родине*», у Никитина звучат как «*тебе и нашей Родине*», а подпись «*Ники*» в блоковском варианте у Никитина выглядит как «*твой Ники*». Приводя в своей книге сведения об этой телеграмме, Никитин пишет: «*См. фотографию телеграммы*

¹ Блок А. Указ. соч. С. 104.

² Никитин Б.В. Указ. соч. С. 232—233.

№ 3 журнала “Иллюстрированная Россия”, стр. 5. Текст написан рукою Государя¹. При этом полковник не указал год этого журнала. Поэтому нам пришлось самым внимательным образом пересмотреть всю подшивку «Иллюстрированной России», имеющуюся в полном объёме в Библиотеке документов современной истории (BDIC) во французском городе Нантере. Обнаружить какие-либо сведения об указанной Б.В. Никитиным телеграмме нам не удалось.

Ещё одно сообщение о вышеназванной телеграмме появляются в мемуарах генерала А.И. Деникина, который приводит свой вариант текста телеграммы: «3 марта 1917 г. Петроград. Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники»².

У Деникина адресат обозначен ещё яснее, чем у Блока и Никитина: это — «Император Михаил II». В варианте Деникина ничего не говорится о поездке в Ставку и о предполагаемом скором возвращении в Царское Село.

Веским доказательством того, что подлинник телеграммы Императора Николая II Великому Князю Михаилу Александровичу не известен современной исторической науке и не введён в научный оборот, является то обстоятельство, что такой крупный архивный работник, как доктор исторических наук В.М. Хрусталёв даёт ссылку на телеграмму по «Иллюстрированной России» по Никитину³.

О телеграмме «из Сиротино» рассказывала в своих воспоминаниях графиня Л.Н. Воронцова-Дашкова. Графиня была замужем за графом И.И. Воронцовым-Дашковым, который являлся близким другом Великого Князя Михаила Александровича. Воронцова-Дашкова вспоминала, что уже после событий «отречения» Михаила Александровича они с супругом прибыли к нему в Гатчину 4 апреля 1917 г.: «В это последнее свидание Михаил Александрович рассказал мне, что, оказывается, Николай II после своего отречения послал Михаилу Александровичу телеграмму, адресованную “Императору Михаилу I” и подписанную “твой верноподданный брат Николай”, в которой убеждал Михаила Александровича принять корону. Но этой телеграммы Михаил Александрович так и не получил. Она не дошла да Великого Князя. О ней Великий Князь узнал от Николая II на свидании в Царском Селе, которое имело место с разрешения А.Ф. Керенского, в момент, когда

¹ Никитин Б.В. Указ. соч. С. 232.

² Деникин А.И. Очерки Русской смуты. Париж, 1922. С. 255.

³ Хрусталёв В.М. Великий князь Михаил Александрович. С. 533.

отрекшийся Царь находился под арестом. Я спросила Михаила Александровича, могла ли телеграмма, если бы она была получена вовремя, изменить принятное Великим Князем решение? — Могла бы, — ответил он¹.

Очевидно, что Воронцова-Дашкова передавала какие-то известные ей сведения, о которых имела весьма смутные представления. Во-первых, в телеграмме «из Сиротино» Царь не «уговаривал» брата принять престол, во-вторых, ни в одном варианте телеграммы нет обращения к «Императору Михаилу I». Если бы Великий Князь Михаил Александрович слышал о телеграмме от Государя, то он бы, конечно, запомнил эти важные детали. Но если их искажение можно ещё объяснить забывчивостью графини, то указанная ею дата разговора (4 апреля 1917 г.) ничем объяснена быть не может, так как свидание Государя с Великим Князем Михаилом Александровичем имело место накануне ссылки Царской Семьи в Тобольск 31 июля 1917 г. Встреча эта длилась не более 10 минут и проходила в присутствии Керенского, который рассказывал: «*Оба были заметно и глубоко взволнованы первой встречей после падения монархии. Долго молчали, не находя слов. Потом завязался обрывистый разговор с короткими незначительными фразами, характерными для таких кратких свиданий. Как Аликс? Как Матушка? Куда ты теперь? И так далее. Они стояли друг перед другом, неловко переминаясь с ноги на ногу, время от времени хватая друг друга за руку, за пуговицу. Наконец, стали прощаться... Кто мог подумать, что братья видятся в последний раз?*² Конечно, ни о какой «телеграмме» в таких обстоятельствах речи идти не могло, а если бы она вдруг всё-таки имела место, Керенский о ней обязательно вспомнил бы.

Но здесь впору снова задуматься: а была ли возможной отправка Государем подобной телеграммы? Не будем забывать — 3 марта корреспонденция и любые контакты Императора Николая II находятся под строжайшим контролем со стороны заговорщиков. Император вплоть до 4 марта не отправил ни одного известия своей Семье. Можно было бы предположить, что эта телеграмма была отправлена заговорщиками. Однако, как категорически заявила полковнику Никитину графиня Н.С. Brasova, её супруг никогда не получал этой телеграммы³. Таким образом, по всей видимости, речь идёт об очередной подделке в длинной цепи подлогов, связанных с «отречением».

¹ ГАРФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 203. Л. 22.

² Керенский А.Ф. Трагедия династии Романовых. М.: Центрполиграф, 2005. С. 139.

³ Никитин Б.В. Указ. соч. С. 233.

Другим аргументом в пользу того, что Император Николай II отрёкся от престола, является его прощание со Ставкой 8 марта 1917 г. Однако при внимательном прочтении воспоминаний об этом прощании выясняется, что оно также окутано недомолвками и подтасовками.

О последнем прощании Царя со штабом Ставки свои воспоминания, написанные по прошествии многих лет за границей, оставили: Великий Князь Александр Михайлович, полковник А.А. Мордвинов, генерал Н.М. Тихменёв, полковник В.М. Пронин, капитан 1-го ранга А.Д. Бубнов.

Однако эти воспоминания весьма разнятся в отношении прощальной речи Государя. Мордвинов, со свойственной ему забывчивостью, пишет, что 8 марта утром «Государь прощался с чинами штаба, собранными в большом зале управления дежурного генерала. Всем было невообразимо тяжело: двое или трое упали в обморок, многие плакали. Государь говорил ясно, отчётливо, с глубоким сердечным волнением. Что говорил он — я не помню. Я только слышал звук его голоса и ничего не понимал»¹.

Генерал Дубенский обладал, видимо, ещё худшей памятью, чем Мордвинов, так как он вообще ничего не вспомнил о прощании Государя с чинами штаба. Зато полковник Пронин оставил о нём довольно подробные воспоминания: «Сегодняшний день был одним из самых тяжелых по переживаниям за весь этот период от начала революции. Сегодня Император навсегда прощался с нами перед отъездом из Могилёва. По распоряжению Начальника штаба к 10/2 часам утра все офицеры Ставки и по одному представителю-солдату от каждого отдела и управления должны были собраться в большом зале Управления дежурного генерала, где Государь wollte проститься с нами. Когда я вошел в зал Дежурства, мне резко бросилось в глаза отсутствие постоянно стоявшего у стены огромного, во весь рост, портрета Государя Императора. Он был снят, и только большое пятно — более сохранившаяся покраска стены — указывало, что еще очень недавно здесь был портрет Императора Всероссийского... По чьему распоряжению он был снят — не знаю...

В зале уже было много офицеров; вскоре пришли Великие Князья Сергей Михайлович и Александр Михайлович.

Вскоре вошел генерал Алексеев; поздоровавшись с Великими Князьями, генералом Клембовским, он сделал остальным общий поклон и начал беседовать с ген. Лукомским. “Ответят ли и как на приветствие Государя стоявшие вдоль лестницы солдаты?” —

¹ Мордвинов А.А. Последние дни Императора // Отречение Николая II. С. 136.

мелькнула у меня мысль (Государь любил здороваться с солдатами). “Здравия желаем, Ваше Императорское Величество”, — раздалось внизу. В зале воцарилась тишина... было слышно, как Государь подымался по лестнице. Ген. Алексеев скомандовал “г.г. офицеры” и встретил Государя. Став посередине зала, лицом к стене, на которой Он уже не увидел своего портрета и, держа в обеих руках фуражку и теребя ее, начал свою речь тихим голосом, волнуясь, делая большие паузы и как бы выжимая слова. “Господа, мне тяжело говорить... я очень взволнован...” — были первые слова Государя. Затем Он говорил о неизвестных путях Господних, о Божьей воле и своем решении во имя блага Родины отречься от Престола, о необходимости продолжать дальнейшую борьбу с немцами... “Дай Вам Бог сломить врага, чтобы любимая наша Россия жила в благоденствии”... Благодарил собравшихся за совместную верную службу и желал всем так же честно служить Родине при новом Правительстве, как служили при Нём. На глазах Государя блестели слёзы...»¹

Итак, у Пронина впервые появляется упоминание о том, что Государь сказал о своём отречении. Но вот присутствовавший на прощании Великий Князь Александр Михайлович ничего об отречении и о Временном правительстве в речи Государя не услышал: «Генерал Алексеев просит всех нас собраться в главном зале Могилевской Ставки. Никки хочет обратиться с прощальным словом к своему бывшему штабу. К одиннадцати часам зала переполнена: генералы, штаб и обер-офицеры и лица свиты. Входит Никки, спокойный, сдержаный, с чем-то похожим на улыбку на губах. Он благодарит свой штаб и просит всех продолжать работу “с прежним усердием и жертвенностью”. Он просить всех забыть вражду, служить верой и правдой России и вести нашу армию к победе. Потом он произносит свои прощальные слова, короткими военными фразами, избегая патетических слов. Его скромность производит на присутствующих громадное впечатление. Мы кричим “ура”, как никогда еще не кричали за последние двадцать три года. Старые генералы плачут»².

Генерал Тихменёв вспоминает, что Государь об отречении и Временном правительстве говорил следующее: «“Сегодня... я вижу вас... в последний раз, — начал Государь, — такова воля Божия и следствие моего решения”. Далее он сказал, что отрекся от престола, видя в этом пользу России и надежду победоносно кончить войну. Отрекся в пользу брата Вел. Кн. Михаила Александровича, кото-

¹ Пронин В.М. Последние дни Царской Ставки. С. 112.

² Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания Великого Князя.

рый, однако, также отрекся от престола. Судьба родины вверена теперь временному правительству. Он благодарит нас за верную службу ему и родине. Завещает нам верой и правдой служить временному правительству и во чтобы то ни стало довести до конца борьбу против коварного, жестокого, упорного — и затем следовал еще целый ряд отлично подобранных эпитетов — врага»¹.

Совершенно аналогичные воспоминания о речи Государя оставил капитан 1-го ранга А.Д. Бубнов: «Государь вошёл в свободное пространство зала один; он был страшно бледен и несколько мгновений не мог начать говорить; справившись со своим волнением, он тихо, но ясно сказал: “Для блага любимой мною Родины я отрёкся от престола; прошу вас служить также верно России и Временному правительству, как служили при мне.... Прощайте...”»²

Читая воспоминания тех, кто утверждал, что Государь объявил о своём отречении и призвал служить Временному правительству, невозможно отделаться от мысли, что они, буквально до отдельных слов, заимствованы из последнего приказа Императора по армии и так называемой его «телеграммы» об отречении. Между тем невозможно представить, чтобы слова Императора Николая II об отречении прошли бы незамеченными у Мордвинова, Дубенского или Великого Князя Александра Михайловича.

Но самым главным доказательством того, что Государь ничего не говорил в своей прощальной речи ни об отречении, ни о «верной службе» Временному правительству, является специальное сообщение, сделанное по приказу Начальника штаба Ставки генерала Алексеева 8 марта 1917 г. По существу, это официальный стенографический отчет, дозволенный военной цензурой Ставки для напечатания. Вот его содержание: «Прощание отрёкшегося Государя. Около половины 11 утра восьмого марта состоялось прощание отрёкшегося от престола Императора Николая II. В большом помещении Ставки собирались все офицеры штаба Верховного Главнокомандующего. Государь вышел, очень волнуясь, и начал после порядочного молчания: “Мне тяжело говорить”, оборвал речь с глубоким вздохом и сказал: “Господа, в течение полтора года, я работал с вами. Теперь по Воле Божьей и вследствие принятого мною решения, мне приходится расстаться с вами. Благодарю вас за усердную работу со мной и призываю вас работать на пользу всеми нами любимой родины и бороться с врагом до полного его изгнания из пределов России”. Затем стал обходить офицеров и говорил с отдельными. Суета прощания была вообще

¹ Тихменёв Н.М. Последний приезд Николая II в Могилёв // Отречение Николая II. С. 211.

² Бубнов А.Д. В Царской Ставке. М.: Вече, 2008. С. 221.

очень тяжела. Потом Государь прощался с солдатами, вызывая по одному с каждой части Ставки и сказал им приблизительно то же содержание. Когда Государь выходил, генерал Алексеев обратился с прощальным словом, в котором благодарил за добре отнношение к Штабу и закончил словами: «Счастливого Вам пути, Ваше Императорское Величество, счастливой Вам жизни Ваше Императорское Величество». Слова эти прозвучали как безвозвратное прощание»¹.

Итак, мы не слышим ни одного упоминания Государем о своём отречении и призыва служить «верой и правдой» Временному правительству. А ведь руководству Ставки было бы весьма выгодно упоминание о таком призывае. В этой связи интерес представляют слова Государя, что его отъезд из армии «есть следствие его решения». Отсюда можно сделать вывод, что речь идёт об отречении от престола. Но точно так же можно предположить, что речь идёт об отказе быть Верховным Главнокомандующим. Не забудем, что именно 8 марта в Ставку должен был прибыть Великий Князь Николай Николаевич. Мы не знаем, какую информацию доводили до Государя изменники-генералы. Вполне возможно, что речь шла лишь о введении Ответственного министерства и смене командования. А о «своём» отречении Государь мог узнать только в момент объявления ему об аресте, которое исполнил генерал-адъютант М.В. Алексеев того же 8 марта. Впрочем, это только предположение. Несомненно только одно: Государь не хотел, чтобы его имя ассоциировалось ни с отречением, ни с благословлением Временного правительства.

8 марта 1917 г. Император Николай II был арестован в Могилёве прибывшими из Петрограда представителями Думы во главе с Бубликовым. Объявить Царю об аресте посланцы Думы поручили генералу Алексееву, который не погнулся его исполнить.

В тот же день новый командующий Петроградским военным округом генерал Л.Г. Корнилов по приказу Временного правительства арестовал в Александровского дворце Императрицу Александру Феodorовну и царских детей.

2 марта 1917 г. в Пскове, в условиях страшной войны, в канун судьбоносного наступления русской армии, совершилась не имеющая примеров в истории измена, измена верхушки русского общества и верхушки армии своему Царю — Божьему Помазаннику, Верховному Главнокомандующему. Имена изменников хорошо известны. Эти люди, одетые во фраки и носившие золотые погоны с царскими вензелями, в марте оказали неоценимую услугу грядущему большевизму. Можно с уверенностью сказать, что злодеяние

¹ Прощание отрёкшегося Государя // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 (доп.). Д. 1762 (1). Л. 3.

в подвале Ипатьевского дома подготавливалось в том числе и «февралистами» и то, что произошло 17 июля в Екатеринбурге, уходит своими корнями в события 2 марта во Пскове.

Несомненно, что одним из поводов убийства Императора Николая II и его Семьи стал страх тех, кто стоял за организацией подложного манифеста, что в случае обретения Императором свободы вскроется вся ложь с отречением. Это сразу бы делало любую революционную власть в России полностью нелегитимной. Таким образом, убийство Государя стало неотвратимым после мартовского подлога.

Заговорщики, депутаты, капиталисты, генералы хорошо знали, что предают, знали, что лгут, знали, что подвергают Царя смертельной опасности. Какими обстоятельствами они руководствовались, становясь изменниками, как переживали эту измену, что с ними потом сделали их подельники по измене, представляет интерес, видимо, лишь для их биографов.

Но, конечно, не эти изменники останутся в памяти России. В ней навсегда останется великий Царский Подвиг, великая Царская Жертва, принесённая за Россию и за её народ. Невозможно представить, что переживал в те далёкие мартовские дни Император Николай II! Оставленный, преданный, не имеющий ни достоверных сведений, ни помощи, Государь постоянно ощущал ту огромную великую ответственность за судьбы страны и народа, которую он нёс перед Богом, Которому одному он был готов дать ответ за свои действия.

Чего стоили Императору Николаю II эти псковские и могилёвские дни, хорошо видно из воспоминаний Юлии Ден: «Когда мы вошли в красный салон и свет упал на лицо Императора, я вздрогнула. В спальне, где освещение было тусклое, я его не сумела разглядеть, но сейчас я заметила, насколько Его Величество изменился. Смертельно бледное лицо покрыто множеством морщинок, виски совершенно седые, вокруг глаз синие круги. Он походил на старика»¹.

Все события «отречения» — поединок Царя и «февралистов» 1917 года. До последнего момента Император Николай II надеялся отстоять свои священные права, а значит, отстоять законную власть. Он надеялся получить в этом поддержку от окружавших его людей, ждал от них исполнения священного долга верноподданных. Но тщетно. Кругом царили «измена, трусость и обман». Доктор исторических наук Г.З. Иоффе писал: «Подавить открыто революцию Николай II не мог. В Пскове он был “крепко” зажат своими генерал-адъютантами. Прямое противодействие

¹ Ден Ю. Указ. соч. С. 129.

им в условиях Пскова, где положение контролировал один из главных изменников Рузский, было практически невозможno. В белоэмигрантской среде можно найти утверждение, что если бы Николай II, находясь в Пскове, обратился к войскам, среди них нашлись бы воинские части, верные царской власти. Однако практически он не имел такой возможности, хотя бы потому, что связь осуществлялась через штаб генерала Рузского. В соответствии с показаниями А.И. Гучкова Рузский прямо заявил Николаю II, что никаких воинских частей послать в Петроград не сможет»¹.

Нет сомнения, что в ту страшную ночь 2 марта Государь отвётил отказом на все преступные предложения заговорщиков. Он отказывался и от передачи власти «ответственным министрам», и от освящения их власти именем своего сына, и, конечно, от передачи судьбы русской монархии в слабые руки своего брата. Крупнейший русский правовед М.В. Зазыкин отмечал: «Когда Император Николай II 2 марта 1917 г. отрекся за себя от Престола, то акт этот юридической квалификации не подлежит и может быть принят только как факт в результате революционного насилия. Так как право на наследование Престола вытекает из закона и есть право публичное, то есть, прежде всего, обязанность, то никто, и в том числе Царствующий Император, не может существующих уже прав отнять, и таковое его волеизъявление юридически недействительно; таким образом, отречение Государя Императора Николая II за своего сына Вел[икого] Кн[язя] Цесаревича Алексея ни одним юристом не будет признано действительным юридически.[...] Отречение за него было бы недействительно и в том случае, если бы происходило не при революционном насилии, а путем свободного волеизъявления, без всякого давления. Великий Князь Алексей Николаевич мог отречься только по достижении совершеннолетия в 16 лет. До его совершеннолетия управление государством в силу ст. 45 Основных Законов должно было перейти к ближнему к наследию Престола из совершенолетних обоего пола родственников малолетнего Императора, то есть к Вел[икому] Кн[язю] Михаилу Александровичу. Последний также сделался жертвой революционного вымогательства, а малолетний Великий Князь Алексей Николаевич был пленен вместе с своими родителями так называемым временным правительством. Осуществить свои права на Престол, как подобает посредством Манифеста, в таковых обстоятельствах он не мог»².

¹ Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 52.

² Зазыкин М.В. Царская власть. София, 1924.

Когда читаешь воспоминания членов царской свиты о событиях февраля 1917 г., то невольно поражаешься их беспомощности и обречённости. В этих условиях единственным, кто продолжал сопротивляться и отстаивать монархию, был сам Монарх. В 1927 г. в предисловии к сборнику «Отречение Николая II» большевик Михаил Кольцов писал: *«Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека — самого Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам Монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили»*¹.

После издания «манифеста» у Императора было два выбора: призвать к гражданской войне или признать режим узурпаторов. Николай II не сделал ни того ни другого. Он предпочёл заточение и мученическую смерть участию в братоубийственной войне и беззаконии. Царь вслед за Спасителем, Которого нечистый дух соблазнял поклониться ему, обещая все блага мира, отвечал сатане: *«Изыди от Мене сатано: писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши»* (Мф. 4:9).

Протоиерей Александр Шаргунов верно выразил суть подвига Императора Николая II: *«Когда в силу страшных обстоятельств (“кругом измена, и трусость, и обман”) стало ясно, что он не может исполнять долг Царского служения по всем требованиям христианской совести, он безропотно, как Христос в Гефсимании, принял волю Божию о себе и России. Нам иногда кажется, что в активности проявляется воля, характер человека. Но требуется несравненно большее мужество, чтобы тот, кто “не напрасно носит меч”, принял повеление Божие “не противиться злому”, когда Бог открывает, что иного пути нет. Заслуга Государя Николая II в том, что он осуществил смысл истории как тайны Воли Божией»*².

Совсем по-другому, чем русский Царь, повел себя его главный военный противник — свергнутый революцией германский император Вильгельм II, который бежал в Голландию, где безбедно жил в личном имении в тихом городе Дорне, где вторично женился и выращивал тюльпаны.

В 1613 г. русский народ целовал крест на верность Династии Романовых. После семи лет смуты XVII в., безвластия и иноземной интервенции, русский народ нашёл в себе силы покаяться и привлечь на царство Михаила Феодоровича Романова.

В 1917 г. эту клятву русский народ нарушил и предал своего природного Царя в руки заклятых врагов.

¹ Кольцов М. Отречение Николая II. С. 22.

² Протоиерей Александр Шаргунов. Указ. соч. С. 12.

Предательство и отступничество охватили все слои русского общества: генералы спешили содрать с себя царские вензеля и надеть красные банты, поэты, писатели — скорее воспеть новую «свободную» власть «свободной» России, крестьянство — предвкушало передел земли, рабочие — свободу от фабрикантов.

Все хотели освободиться от Царской Власти. Но какой будет власть новая, никто не думал. Получилось так, что через несколько дней исчезла вообще любая власть: нелегитимное узурпаторское Временное правительство меньше чем за месяц сломало все старые институты власти, судебную систему, упразднила полицию, де-зорганизовала армию, начала новые притеснения против Церкви. Была упразднена и Государственная Дума, именем которой был совершён переворот. Её работа, прерванная Указом Государя от 27 февраля 1917 г., никогда больше не возобновлялась в полном объёме. В течение лета 1917 г. несколько раз собирался её Временный комитет, а 6 октября Временное правительство окончательно распустило Думу в связи с подготовкой выборов в Учредительное собрание.

1 сентября 1917 г. Керенский незаконно самолично провозгласил Россию республикой, провозгласил себя министром-председателем и верховным главнокомандующим, совершив тем самым окончательную узурпацию власти, установив в России собственную диктатуру. Эта диктатура была слаба и ничтожна, она продержалась недолго, и на смену ей пришла диктатура страшная и античеловеческая. Но диктатура Временного правительства свидетельствовала о полном беззаконии совершенного в марте 1917 г.

Генерал П.Н. Врангель отмечал: «*С падением Царя пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства. При этом власть и эти обязательства не могли быть ничем заменены*»¹. В этих условиях Император Николай Александрович насильственно царствовал над народом, не желавшим больше признавать его своим Царём, не мог.

Однако это вовсе не означает, что он добровольно отказался от власти в пользу заговорщиков. Нет, Император Николай II до конца остался верен присяге, данной им в Кремле во время священного коронования.

2 марта Царь был насильственно, без его ведома, лишён короны. Он был поставлен заговорщиками перед свершившимся фактом. Узнав об этом, Николай II воспринял этот факт как Волю Божию, сопротивляться Которой он не мог. Христоподражательный подвиг Императора Николая II заключался не в том, что он подписал

¹ Врангель П.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 26.

преступный документ, навязанный ему заговорщиками, а в том, что он, сопротивляясь этим заговорщикам до конца, не стал сопротивляться свершившейся Воле Божией.

Л.П. Решетников очень верно писал, что в условиях всеобщего отступничества «*русский Царь, как Помазанник Божий, становился непонятным и ненужным. Тем более такой Царь, как Николай II. Бог даровал России удивительного по своим духовным и человеческим качествам Царя. Император Николай II сочетал в себе непоколебимую преданность Христу и России с государственной прозорливостью. Это непонимание, неприятие именно такого Царя создавало условия для распространения различных измышлений о профессиональных и человеческих качествах Государя. Всё это вполне объяснимо: Царь, говоря современным языком, оставался в православном поле, а его оппоненты из политической и интеллектуальной элиты давно это поле покинули. Впрочем, и писания современных интерпретаторов действий Николая II даже приблизиться к их подлинному пониманию не могут всё по той же причине: они пока находятся в совсем другом духовном поле*»¹.

Суть подвига Николая II очень точно подметил архимандрит Константин (Зайцев): «*Царь, оставаясь Русским Царём, не мог себя ограничить западной конституцией, не мог сделать этого не потому, что судорожно держался за свою власть, а потому сама власть эта, по существу своему, не поддавалась ограничению. Ограничить её — значило изменить не её, а изменить ей. Русский Царь не просто Царь-Помазанник, которому вручена Промыслом судьба великого народа. Он — тот единственный Царь на земле, которому вручена от Бога задача охранять Святую Церковь и нести высокое царское послушание до второго пришествия Христова. Русский Царь — тот, Богом поставленный носитель земной власти, действием которого до времени сдерживается сила врага*»².

2 марта 1917 г., когда русский Царь был насильственно лишен своего венца, в селе Коломенском под Москвой произошло явление иконы Божьей Матери Державной. Крестьянка слободы Перерва Бронницкого уезда Евдокия Адрианова во снах стала видеть белую

¹ Решетников Л.П. Духовно-нравственные причины национальной катастрофы // Материалы международной научной конференции Российской института стратегических исследований «Русский Исход как результат национальной катастрофы. (К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России)». М.: Издание РИСИ, 2011.

² (Зайцев) Константин, архимандрит. Чудо русской истории. М., 2000.

церковь с повторяющимся требованием найти там чёрную икону и сделать её красной. Крестьянка рассказала о снах настоятелю Вознесенского храма в Коломенском. После долгих поисков в подвалах церкви была найдена большая, потчерневшая от времени икона. На доске проступало изображение Младенца Христа на коленях у Богородицы, главу Которой украшала царская корона. В руках Богородицы — царские регалии: скипетр и держава. Храм Вознесения Господня был построен Великим Князем Василием Иоанновичем в благодарность Богу за дарование ему сына Иоанна (будущего первого русского Царя Иоанна Грозного).

Пресвятая Богородица явила России, что отныне царский венец, скипетр и держава приняты Ею. Лик Богородицы, исполненный печали, предвещал и царскую екатеринбургскую Голгофу, и грядущие муки России.

Когда Государь сел в Могилёве в поезд, то заметил несколько гимназисток, которые стояли на платформе, пытаясь увидеть Императора. Государь подошел к окну. Заметив его, гимназистки заплакали и стали показывать знаками, чтобы Государь им что-нибудь написал. Николай II написал на бумаге свое имя и передал девочкам, которые продолжали стоять на перроне, несмотря на сильный мороз, до самого отправления поезда¹. Одна женщина со слезами на глазах обратилась к Императору со словами: «*Не уезжай, Батюшка! Ты — слава и надежда нашей Родины. Ты еще поведешь наши войска к победе!*²»

Утром 9 марта 1917 г. Императорский поезд в последний раз доставил Государя в Царское Село. В поезде Николай II простился с членами свиты. После остановки состава многие свитские поспешили покинуть его, стремясь как можно быстрее оставить свергнутого Монарха, пребывание возле которого становилось небезопасным для их благополучия. Государь, в черкеске 6-го Кубанского казачьего пластунского батальона с орденом Св. Георгия на груди, молча вышел из вагона и поспешил сел в автомобиль в сопровождении князя В.А. Долгорукова. Через некоторое время автомобиль с Государем и сопровождавший его конвой остановились перед воротами Александровского дворца. Ворота были заперты. Часовые не пропускали царский автомобиль. Через несколько минут к воротам вышел какой-то прапорщик и громким голосом произнес: «Открыть ворота бывшему царю!» Часовые раскрыли ворота, автомобиль въехал, и ворота захлопнулись. Царствование Императора Николая II закончилось — начался Крестный Путь Царя-Мученика.

¹ Ден Ю. Указ соч. С. 163.

² Alexandrov (Victor). La fin des Romanovs. Paris: Edition Alsatia, 1968.

Глава 5

Спецоперация «Михаил»

Изоляция Великого Князя Михаила Александровича

Вечером 27 февраля, по окончанию переговоров с Родзянко, Великий Князь Михаил Александрович пытался уехать из Петрограда в Гатчину, но все вокзалы были захвачены революционерами. Великий Князь рассчитывал, что сможет выехать на автомобиле «председателя Государственной думы, престиж которого в эти часы был очень велик. Но Родзянко уже не было»¹. Уже после февральских событий Великий Князь высказывал «особенное недовольство против Родзянко именно за то, что» тот его оставил одного².

Михаил Александрович прибыл в Зимний дворец, где находились последние защитники престола. Назначенный комендантом обороны дворца лейб-гвардии полковник П.В. Данильченко вспоминал: «*Выходя из ворот, я увидел на Дворцовой площади два подъехавших автомобиля. Из первого вышел Великий Князь Михаил Александрович. Я встретил Великого Князя, доложил ему о моей задаче и проводил его внутрь. Великий Князь сообщил мне, что он хотел выехать за город, в Гатчину, но революционеры его не выпустили*»³. После этого Великий Князь удалился в одну из комнат дворца. Вскоре к нему проследовали генералы Беляев и Хабалов. Выходя от Михаила Александровича, Хабалов приказал Данильченко увезти все войска из Зимнего дворца в Адмиралтейство, ссылаясь на распоряжение Великого Князя, не желающего кровопролития в главной Императорской резиденции⁴. Это подтверждается крайне сомнительным, в смысле подлинности, дневником Великого Князя Михаила Александровича. В записи от 27 февраля 1917 г. Великий Князь писал, что, убедившись в невозможности проехать в Гатчину, он поехал в Зимний дворец: «*Там были ген. Беляев и Хабалов, в распоряжении которых было около 1000 человек, часть батальона Преобр[аженского] полка, 1 рота Гвар[дейского] эк[ипажа] и 1-й Донской каз[ачий] п[олк]. Мне удалось убедить генералов не защищать дворец, как ими было*

¹ Никитин Б.В. Указ. соч. С. 231.

² Никитин Б.В. Указ. соч. С. 231.

³ Данильченко П.В. Для истории государства Российского. Роковая ночь в Зимнем дворце. 27 февраля 1917 г. // Военная быль. 1974. Январь. № 126. С. 8.

⁴ Данильченко П.В. Указ. соч. // Военная быль. 1974. Январь. № 126. С. 8.

*решено, и вывести людей до рассвета из Зимнего и этим избежать неминуемого разгрома дворца революционной толпой*¹. В письме к Брасовой Михаил Александрович объяснял причины оставления дворца в более обтекаемых выражениях: «*Дальнейшее пребывание у Растрелли было во многих отношениях неудобным*².

Между тем имеются сведения, что Михаил Александрович не отдавал приказа оставить дворец, а был вынужден его спешно покинуть: «*оставаться в Зимнем дворце оказалось невозможным: караул снялся, и двери дворца открыты*³. По словам Джонсона, квартира Путятиной была «*выбрана как ближайшая к Зимнему дворцу и что и сюда пришлось переходить не через улицу, а по двору Эрмитажа и дворцу Великого Князя Николая Михайловича*⁴. Эти слова подтверждаются воспоминаниями графини Л.Н. Воронцовой-Дашковой. Она и её супруг граф И.И. Воронцов-Дашков прибыли на квартиру Путятина 2 марта. Великий Князь Михаил Александрович рассказал им, что происходило с ним за последние дни, в частности, почему ему пришлось покинуть Зимний дворец ночью 27 февраля. По словам Михаила Александровича, он, прибыв во дворец, попросил коменданта дворца подполковника князя И.Д. Ратиева дать ему что-нибудь поесть, так как был сильно голоден. Не успел Великий Князь сесть за стол, как Ратиев вбежал в столовую, сказав, что Михаил Александрович должен сейчас же покинуть дворец, ибо с минуты на минуту в него могут ворваться. Дворцовая прислуга вывела Великого Князя и Н.Н. Джонсона через Эрмитаж на Миллионную, где они нашли приют в квартире князя Путятина⁵.

Как бы там ни было, оказавшись в квартире Путятина на Миллионной улице, Великий Князь Михаил Александрович фактически был отрезан заговорщиками от общения с внешним миром⁶.

Квартира в доме 12 по улице Миллионной принадлежала князю Павлу Петровичу Путятину. Когда Великий Князь Михаил Александрович и Н.Н. Джонсон оказались на Миллионной, Путятин был в действующей армии. В квартире жила его жена княгиня О.П. Путятина (урождённая Зеленая, дочь одесского градоначаль-

¹ Дневник Великого Князя Михаила Александровича. Запись от 27 февраля 1917 г. // ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 136. Л. 58.

² Великий Князь Михаил Александрович — графине Н.С. Брасовой 28 февраля 1917 г. // ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22. Л. 84.

³ Цит. по: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 298.

⁴ Цит. по: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 298.

⁵ Гуль Р. Я унёс Россию: Апология эмиграции. Т. 1—3. Нью-Йорк, 1984—1989. Т. 2.

⁶ Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. С. 342.

ника П.А. Зеленого). Поэтому А.С. Матвеев ошибочно называл квартиру её именем.

28 февраля Родзянко предложил Великим Князьям Павлу Александровичу и Кириллу Владимировичу поставить свои подписи под проектом манифеста, в котором Императору Николаю II рекомендовалось ввести в России конституционный строй¹. Авторами этого проекта были два ближайших помощника В.Н. Воейкова: начальник его канцелярии Е.А. Биронов и начальник Царскосельского дворцового управления князь М.С. Путятин, родственник хозяина квартиры на Миллионной.

1 марта под этим проектом поставил свою подпись и Михаил Александрович. Джонсон сообщил, что Великий Князь «подписал акт, привезённый ему из Государственной Думы, в котором он признавал необходимость конституционного порядка в Российской империи»². По словам английского посла Бьюкенена, Михаил Александрович объяснял, что эти подписи требовались для того, чтобы «придать просьбе Родзянко [об Ответственном министерстве] больше весу»³. В письме жене Михаил Александрович писал, что «этим манифестом начнётся новое существование России»⁴. Однако, скорее всего, Великий Князь поставил свою подпись под давлением Родзянко. По свидетельству очевидцев, перед тем, как расписаться под манифестом, он колебался и просил отсрочки для того, чтобы посоветоваться⁵. Видимо, для усиления давления в дом на Миллионной прибыл караул из Школы прапорщиков. Тогда же 1 марта в квартиру Путятина прибыл английский посол Бьюкенен. Похоже, что инициатива встречи с ним принадлежала Великому Князю Михаилу Александровичу. В своём письме Брасовой ночью 28 февраля он сообщал: «Люди наши не дремлют и на очереди вопрос о том как войти в сношение с представителями того края, где мы снимаем имение»⁶. «Представители» не заставили себя долго ждать. На встрече с Бьюкененом Великий Князь обсудил события, произошедшие в Бологом, и выразил надежду, что Государь сможет

¹ Проект манифеста о введении в России конституционного строя // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2095. Л. 1.

² Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 299—300.

³ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 128.

⁴ Великий Князь Михаил Александрович — графине Н.С. Брасовой // ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22. Л. 87.

⁵ Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. С. 354.

⁶ Великий Князь Михаил Александрович — графине Н.С. Брасовой 28 февраля 1917 г. // ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22. Л. 85.

Великий Князь Михаил Александрович и Н.С. Вульферт в 1912—1914 гг. жили в стёмном замке Небворт в графстве Хартфордшир (Англия).

прибыть в Царское Село в 6 ч. вечера¹. Михаил Александрович также сообщил послу, что «Родзянко должен представить для подписи Его Величеству манифест, дарующий конституцию и уполномочивающий Родзянко избрать членов нового правительства»². Бьюкенен настойчиво советовал Великому Князю убедить Брата подписать этот манифест. Примечательно, что одновременно с Бьюкененом Михаила Александровича посетил Великий Князь Николай Михайлович, самовольно покинувший своё имение Грушевку, куда он был сослан Государем, и прибывший в Петроград. Примечательно, что либерал и масон Николай Михайлович прибыл к своему двоюродному племяннику «украшенным» огромным красным бантом.

По утверждению полковника Б.В. Никитина, после подписания проекта манифеста Михаил Александрович направил Государю телеграмму следующего содержания: «Забыв всё прошлое, прошу Тебя пойти по новому пути, указанному народом. В эти тяжёлые дни, когда мы все, русские так страдаем, я шлю тебе от всего сердца этот совет, диктуемый жизнью и моментом времени, как любящий Брат и преданный русский человек»³. Никитин утверждает, что видел копию этой телеграммы, снятой рукой Джонсона. По воспоминаниям Н.Н. Иванова, подлинник этой телеграммы был им доставлен в Таврический дворец, где он сделал с него рукописную копию, которую передал Родзянко для отправки Государю⁴. Однако такая телеграмма получена Императором не была. Ни о судьбе её подлинника, ни копии ничего не известно, их следов в архивных фондах на сегодняшний день не найдено.

Во второй половине дня 1 марта Великий Князь Михаил Александрович направил Милюкову просьбу вычеркнуть его подпись с проекта манифеста. По другим сведениям, эту просьбу он адресовал Родзянко⁵. По всей видимости, она была вызвана тем, что требования Думы приняли радикальный характер и сводились уже не к введению конституционного строя, а к отречению Государя.

Примечательно, что Императрица Александра Феодоровна, когда ей предложили поставить также свою подпись под проектом манифеста, заявила: «Я не правитель и не имею никаких прав брать на себя инициативу в отсутствии Императора. К тому же подобная бумага может оказаться не только незаконной, но и бесполезной»⁶. То, что понимала и чего не могла себе позволить

¹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 128.

² Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 128.

³ Никитин Б.В. Указ. соч. С. 231.

⁴ Хрусталёв В.М. Указ. соч. С. 358.

⁵ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 300.

⁶ Буксгевден С.К. Указ. соч. С. 406.

Императрица Всероссийская, не понимали и охотно позволяли себе Великие Князья. Нельзя не поразиться прозорливости Императрицы Александры Феодоровны: «великокняжеский» манифест действительно был «незаконной и бесполезной бумагой», немедленно забытой за ненадобностью в конце того же дня 1 марта. «Любопытная бумаженция», — только и сказал Милюков, пробежав глазами его текст.

Поведение Великих Князей в феврале—марте 1917 г. объясняется их предшествующим настроем. Большая часть Династии морально была готова поддержать насильственное ограничение власти Государя или даже его свержение с престола. В разгар страшной войны, когда Царь и народ напрягали все свои силы для победы над врагом, подавляющая часть российского общества, в том числе и многие представители Династии, занимались интригами, критиканством, собственным благополучием, а то и прямым фрондёрством. Удивительно точное определение состояния общества того периода дала Императрица Александра Феодоровна: *«Все как будто бы забыли о том, что там, на фронте, почти у каждого сражается за Родину отец, брат, муж или сын. Каждый думает только о себе. Все стремятся к наживе, к обогащению за счёт страданий Родины. А наше высшее общество! Именно тот круг людей, который обязан своим образом действий, своим поведением показывать пример всем другим... Представьте себе — мне стало очень тяжело ездить в Петроград, где меня угнетает атмосфера пошлости, пустоты и эгоизма, которые овладевают там всеми. Сколько там веселья! Обеды, ужины, клубы, театры, почти балы... Все веселятся. Дамы друг друга стараются перещеголять нарядами. Сколько роскоши... Какие деньги тратятся. Я никак не ожидала, что возможно будет что-либо подобное у нас в то время, когда Отечество оказалось в том положении, в каком оно находится теперь [...] Ни я, ни мои дочери, ни за что бы ни согласились бы теперь надеть какое-нибудь роскошное платье»*¹. Напомним, что Государыня во время войны добровольно приняла на себя труды сестры милосердия, непосредственно участвуя вместе со старшими Дочерьми в самых тяжёлых операциях и ухода за ранеными в Царскосельском госпитале.

Как только Великие Князья, пусть даже из-за благих намерений, стали узурпировать самодержавные prerogatives Императора, после того, как они ступили на путь соглашательства с одним из руководи-

¹ Скорбный ангел. Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях / Публикация, составление, редакция, комментарии С.В. Фомина. М.: Общество Святителя Василия Великого, 2005. С. 146—147.

телей мятежа Родзянко, принимая участие в его преступных комбинациях, они стали орудием в руках врагов Царя и монархии.

2 марта Родзянко писал Великому Князю Михаилу Александровичу: «*Успокоит страну только отречение от престола в пользу Наследника при Вашем регентстве. Прошу Вас повлиять, чтобы это совершилось добровольно, и тогда сразу всё успокоится. Я лично сам вишу на волоске и могу быть каждую минуту арестован и повешен. Не делайте никаких шагов и не показывайтесь нигде. Вам не избежать регентства. Да поможет вам Бог исполнить мой совет — уговорить Государя. Вашего Высочества всепреданный слуга*»¹.

Только после того, как думцы перешли к открытому требованию отречения Государя, Великие Князья Павел и Михаил поняли, в какие опасные игры они дали себя втянуть. Встревоженный Павел Александрович писал Кириллу Владимировичу 2 марта: «*Дорогой Кирилл. Ты знаешь, что я через Н.И. (присяжный поверенный Николай Иванов. — П. М.) всё время в контакте с Государственной Думой. Вчера вечером мне ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу регентом. Это недопустимо и возможно, что это только интриги Брасовой. Может быть, это только сплетни, но мы должны быть начеку и всячески всеми способами сохранить Ники престол. Если Ники подпишет Манифест нами утвержденный о конституции, то ведь этим исчерпываются все требования народа и временного правительства. Переговори с Родзянко и покажи ему это письмо*»².

Не удовлетворившись письмом к племяннику, Великий Князь Павел Александрович в тот же день написал письмо Родзянко: «*Глубокоуважаемый Михаил Владимирович! Как единственно остававшийся в живых сын Царя-Освободителя, обращаюсь к Вам с мольбой сделать всё от Вас зависящее, дабы сохранить конституционный престол Государю. Знаю, Вы ему горячо преданы и что Ваш поступок проникнут глубоким патриотизмом и любовью к родине. [...] Эта мысль о полном устранении Государя меня очень гнетёт. При конституционном правлении и правильном снабжении армии, Государь, несомненно, поведёт войска к победе. [...] Да поможет нам Господь и да спасёт Он нашего дорогого Царя и нашу Родину. Искренне уважающий и преданный Великий Князь Павел Александрович*»³. На это письмо Родзянко не ответил.

¹ Никитин Б.В. Указ. соч. С. 232.

² Великий Князь Павел Александрович — Великому Князю Кириллу Владимировичу. 2 марта 1917 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1320. Л. 45.

³ Великий Князь Павел Александрович — М.В. Родзянко. 2 марта 1917 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1320. Л. 45.

Между тем Кирилл Владимирович, который строил свои честолюбивые планы, был обеспокоен, что Родзянко и Дума собирались сделать регентом Михаила Александровича. Ведь ещё накануне Кирилл Владимирович привёл в Таврический дворец Гвардейский экипаж, которым он командовал и который он предоставил в полное распоряжение Думы. Безусловно, что Великий Князь рассчитывал занять в новой государственной системе не последнюю роль. Государыня поняла эти намерения Кирилла Владимира и писала Супругу: «*Муж Даки (то есть Великий Князь Кирилл Владимирович. — П. М.) отвратительно себя ведёт, хотя и притворяется, будто старается для Монарха и Родины*»¹. Нет сомнений, что Кирилл Владимирович рассчитывал на поддержку Родзянко своих амбиций. Поэтому он был удивлён и раздражён секретными переговорами последнего с Великим Князем Михаилом Александровичем. Об этом он писал в ответе Павлу Александровичу: «*Дорогой дядя Павел! Относительно вопроса, который тебя беспокоит, до меня дошли одни лишь слухи. Я совершенно с тобой согласен, но Миша, несмотря на мои настойчивые просьбы, работать ясно и единомысленно с нашим семейством — он прячется и только сообщается секретно с Родзянкой. Я был все эти тяжелые дни один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и родиной, спасая положение, признавая новое правительство. Обнимаю Кирилл*»².

Однако, по всей видимости, Великий Князь Михаил Александрович вел переговоры с Родзянко не по своей инициативе, и уж точно он не строил никаких планов на престол. Более того, скорее всего, он о таком развитии событий не подозревал: максимум, о чём шла речь, так это о его регентстве. Всё, что произошло в Пскове 2 марта, стало для Великого Князя полной неожиданностью. 3 марта в 5 ч. 55 мин. в квартиру на Миллионной позвонил Керенский. К телефону подошёл Джонсон³. Однако Великий Князь стоял рядом у телефонного аппарата и слышал весь разговор⁴. Керенский попросил разрешения составу Временного правительства прибыть к Великому Князю между 11 и 12 ч. утра, на что тот согласился. Как считал его управляющий А.С. Матвеев, Великий Князь полагал, что в соответствии с письмом Родзянко Временное правительство и ВКГД едут доложить о его регентстве, а потому «*обдумывал соответствующий ответ, выражавший согласие*»⁵. Если это так,

¹ Николай II в секретной переписке. С. 312.

² Великий Князь Кирилл Владимирович — Великому Князю Павлу Александровичу. 2 марта 1917 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2028. Л. 1.

³ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 154.

⁴ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 301.

⁵ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 301.

то Михаил Александрович был готов признать «отречение» Брата, мало задумываясь об обстоятельствах его появления. Впрочем, вполне возможно, что Михаил Александрович был не в курсе предложений о регентстве. Как пишет доктор В.М. Хрусталёв: «Документально не подтверждено, что Михаил Александрович дал своё добровольное и окончательное согласие на регентство»¹.

Из изложенного выше анализа источников мы можем сделать вполне определённый вывод, что организаторы переворота преследовали целью полное упразднение монархии в России. Поэтому после возвращения Гучкова и Шульгина из Пскова спецоперация «Отречение» вступила в свою завершающую стадию. Её вполне можно назвать операцией «Михаил».

Обстоятельства так называемого «отказа» Великого Князя от восприятия престола

О том, что произошло в квартире князя Путятинна на Миллионной улице 3 марта 1917 г., мы в который раз знаем в основном из уст заговорщиков. По большому счёту, нельзя быть уверенным даже в точности самой даты так называемого «отречения» Великого Князя Михаила Александровича.

Дневник Великого Князя, напечатанный на пишущей машинке, посвящённый событиям 3 марта, предельно скрупулёзен. Это не может не удивлять, так как записи за другие дни довольно подробны. О важнейшем же событии в своей жизни Великий Князь записал только следующее: «В 6 ч. утра мы были разбужены телефонным звонком. Новый министр юстиции Керенский мне передал, что Совет министров в полном его составе приедет ко мне через час. На самом деле они приехали только в 9^{1/2}»². Более ни слова в дневнике о происшедшем 3 марта не сказано.

Свидетельства других «очевидцев» этих событий, в своём подавляющем большинстве участников переворота, полны, как и в описании «отречения» Императора Николая II, противоречий и разногласий. Керенский в своей книге «Россия на историческом повороте», которую мы упоминали выше, сообщал: «Когда Родзянко вернулся в Думу после своего телефонного разговора с Алексеевым, мы решили связаться с Великим Князем, который, возвратившись из Гатчины, остановился у княгини Путятиной в доме № 12 по Миллионной, и информировать его о событиях минувшей ночи. Было 6 утра, и никто не решился обеспокоить его в столь ранний час. Но в такой ответственный момент вряд ли стоило думать

¹ Хрусталёв В.М. Великий князь Михаил Александрович. С. 367.

² Дневник Великого Князя Михаила Александровича. Запись за 3 марта 1917 г. // ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 136. Л. 60.

о соблюдении этикета, и я решил сам позвонить домой княгине. Должно быть, там все уже были на ногах, поскольку на мой звонок немедленно ответил личный секретарь и близкий друг Великого князя, англичанин Джонсон. Я объяснил положение и спросил, не согласится ли Великий князь принять нас утром между 11 и 12 часами. Утвердительный ответ последовал через несколько минут»¹.

Но в другой книге Керенского «Русская революция 1917 года» мы узнаём следующее: «Почти до наступления дня мы продолжали обсуждать вопрос с Милюковым, пока ещё не зная, насколько сам Михаил Александрович осведомлён о происходящем. В любом случае следовало предупредить его планы, каковы бы они ни были, пока мы сами не найдём решение.

Великий Князь находился на частной квартире своих друзей в доме 12 на Миллионной. Разузнали номер телефона, и совсем ранним утром я попросил меня соединить. Ответили сразу. Как я и предполагал, окружение Великого Князя, следившее за развитием событий, всю ночь не ложилось в постель. — Кто у аппарата? — спросил я. Это был адъютант Его Императорского Высочества. Представившись, я попросил адъютанта предупредить Великого Князя, что Временное правительство предполагает через несколько часов прибыть для переговоров с ним и просит до этого не принимать никаких решений. Адъютант обещал немедленно передать»².

Важно не только то, что во втором отрывке Джонсон «превращается» в адъютанта, но и разница в тоне разговора Керенского. Если в первом отрывке он спрашивает у Джонсона, «не согласится ли Великий князь принять нас», то во втором жёстко ставит адъютанта перед фактом предстоящего посещения Временным правительством.

Путаница наблюдается и в сведениях о том, кто присутствовал в квартире Путятина при «отречении» Михаила Александровича, кто в какое время в неё прибыл. Керенский в «России на историческом повороте»: «В 11.00 4 марта началась наша встреча с Великим князем Михаилом Александровичем. Ее открыли Родзянко и Львов, кратко изложившие позицию большинства. Затем выступил Милюков, который в пространной речи использовал все свое красноречие, чтобы убедить Великого князя занять трон. К большому раздражению Михаила Александровича, Милюков попросту тянул время в надежде, что разделявшие его взгляды Гучков и Шульгин,

¹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 154.

² Керенский А. Русская революция 1917 года. М.: Центрополиграф, 2005. С. 69.

вернувшись из Пскова, поспеют на встречу и поддержат его. Затем Милюкова увенчалась успехом, ибо они и впрямь подоспели к концу его выступления»^{1,2}. Н.Н. Иванов: «Помню, как встретил там (то есть на квартире у Путятиного. — П. М.) князя Львова, Керенского, Гучкова, Шульгина, кажется, Милюкова также. Помню, как мы завтракали и обедали вместе с приехавшей супругой Великого Князя — графиней Брасовой (на самом деле её не было в Петрограде. — П. М.)»³.

А.С. Матвеев: «Съезд (то есть встреча Великого Князя с думцами и членами Временного правительства. — П. М.) начался в 9 час. 15 мин. утра. Одними из первых прибыли М.В. Родзянко и кн. Г.Е. Львов: последними приехали А.И. Гучков и В.В. Шульгин. М.В. Родзянко просил через меня Великого Князя Михаила Александровича не открывать заседания до приезда этих последних, так как они возвращаются из Ставки с важными сообщениями. Михаил Александрович вышел к собравшимся лицам около 9 час. 15 мин.: приблизительно в это же время приехали А.И. Гучков и В.В. Шульгин»⁴.

Мемуары Шульгина больше похожи на художественное произведение, чем на историческое свидетельство. Из них невозможно понять ни точного времени прибытия, ни порядок выступления участников.

Несмотря на различные противоречия, совокупность воспоминаний позволяет нам сделать вывод, что 3 марта в первой половине дня на квартире Путятиного собирались все представители Временного правительства и ВКГД, которые в своём большинстве убеждали Великого Князя не принимать престол.

Но Великий Князь, по всей вероятности, вначале не поверил в то, что Брат передал ему престол. По общему мнению участников событий в квартире Путятиного, самое большое, что мог предполагать Михаил Александрович, так это о воцарении Цесаревича Алексея и о своём регентстве. Однако даже это, на наш взгляд, относится к числу непроверенных домыслов. Несмотря на свои недостатки, Великий Князь не был ни интриганом, ни предателем Государя, а заранее соглашаться с его отречением было бы, безусловно, предательством. Как бы там ни было, на сегодняшний день известно только то, что Михаил Александрович согласился подписать «ве-

¹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 154.

² Следует обратить внимание на оговорку Керенского по поводу 4 марта. Позже мы вернёмся к ней.

³ Хрусталёв В.М. Великий князь Михаил Александрович. С. 386—387.

⁴ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 301.

ликоцняжеский манифест», да и то свою подпись под ним он сразу же отозвал.

Для того чтобы принять решение о своём вступлении на престол или отказе от него, Великий Князь Михаил Александрович должен был быть уверен, что Император Николай II ему престол передал. Уверенность эта могла базироваться либо на согласии Государя, переданного в личной беседе, либо на официально изданном Высочайшем манифесте. Ни того ни другого не произошло. Чем же руководствовался Михаил Александрович в принятии своего решения? Судя по воспоминаниям участников «совещания», исключительно их сообщениями об отречении. Похоже, что даже пресловутый «манифест» «Начальнику Штаба...» Михаилу Александровичу показан не был. Единственный, кто указывал на то, что Великого Князя с ним ознакомили, был А.С. Матвеев. Он свидетельствовал, что после того, как около 13 ч. Михаил Александрович объявил о своём решении не принимать престол, большинство участников «совещания» уехало. Остались только князь Львов и Шульгин, которые были приглашены Великим Князем к обеду. После него Михаил Александрович предложил им приступить к составлению необходимого акта. Матвеев указал, что *«при составлении акта необходимо иметь перед собой подлинное отречение Государя и основные законы. Решено было вызвать В.Д. Набокова, у которого находилось подлинное отречение Государя Императора (вероятно, как у управляющего делами Временного правительства), и барон Нольде, профессора международного права. Первым приехал В.Д. Набоков, представивший М.[ихаилу]А.[лександровичу] отречение Государя и доложивший проект акта, составленный, по словам Набокова, министром путей сообщения Некрасова»*¹. Интересно, что акта об отречении не было у Гучкова, хотя он приехал на Миллионную прямо с вокзала, но зато он почему-то оказался у Набокова, составителя акта «отречения» Великого Князя. Также примечательно, что проект акта был составлен другим участником пленения Императора Николая II — Н.В. Некрасовым. Великий Князь Михаил Александрович почему-то не потребовал предъявить ему «манифест» до принятия своего судьбоносного решения. По совершенно надуманной причине «отречение» Государя было доставлено в квартиру Путятину уже после решения Великого Князя, когда ознакомление с ним потеряло для него всякий смысл. Совершенно бесполезны были и Основные Законы Российской империи, так как они совершенно не учитывались при составлении акта Великого Князя об отказе от престола.

¹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 302.

Кстати, сам В.Д. Набоков не говорит ни слова о том, что при нём в момент прихода на квартиру Путятин был «псковский манифест» Государя. Более того, Набоков якобы вообще не знал, зачем его позвали: «Я пришел на Миллионную, должно быть, в третьем часу. [...] На мой вопрос, зачем меня просили прийти, кн. Львов сказал, что нужно составить акт отречения Михаила Александровича. Проект такого акта набросан Некрасовым, но он не закончен и не вполне удачен, — а так как все страшно устали и больше не в состоянии думать, не спав всю ночь, то меня и просят заняться этой работой. Тут же он передал мне черновик Некрасова, сохранившийся до настоящего времени в моих бумагах, вместе с окончательно установленным текстом. [...] Я тотчас же остановился на мысли попросить содействие такого тонкого и осторожного специалиста по государственному праву, как бар. Б.Э. Нольде. С согласия кн. Львова, я позвонил к нему, он оказался поблизости, в Министерстве иностранных дел, и пришел через $\frac{1}{4}$ часа. Нас поместили в комнате дочери кн. Путятина. К нам же присоединился В.В. Шульгин. Текст отречения и был составлен нами втроем, с сильным видоизменением некрасовского черновика. Чтобы покончить с внешней историей составления, скажу, что после окончания нашей работы составленный текст был мною переписан и через Матвеева представлен Великому Князю. Изменения, им предложенные (и принятые), заключались в том, что было сделано (первоначально отсутствовавшее) указание на Бога и в обращении к населению словом «прошу» было заменено проектированное нами «повелеваю». Вследствие таких изменений, мне пришлось еще раз переписать исторический документ. В это время было около шести часов вечера. Приехал М.В. Родзянко. Вошел и Вел. Князь, который при нас подписал документ»¹.

Как-то очень кстати рядом с Миллионной оказался и Нольде, да и черновик Некрасов подготовил. Создаётся полное ощущение того, что «акт» Великого Князя составлялся заговорщиками заранее. Вот его полный текст: «Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных. Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые Основные Законы Государства Российского. Посему, призываю благословение Божие, прошу граждан Державы Российской под-

¹ Набоков В.Д. Временное правительство. С. 17—18.

чинится Временному правительству, по почину Государственной Думы, возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как, созванное в возможно кратчайший срок, на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа. Михаил 3/III — 1917. Петроград»¹. Кстати, в описях ГАРФ подлинник «акта» отречения Великого Князя, так же как и «манифеста» Императора Николая II, по описям не значится.

И.П. Якобий точно определил цели, преследуемые авторами «акта»: «В чем заключается смысл акта? Ведь было совершенно очевидно, что Учредительное собрание, созванное под давлением правительства государственного переворота, никогда не признает прав Великого Князя. Итак, его условный отказ был, в действительности, замаскированным отречением. Но для чего гг. Набокову, Нольде, Шульгину и их хозяевам нужен был этот лицемерный обман? Цель здесь совершенно ясна: если бы Великий Князь Михаил Александрович, или, точнее, Император Михаил II, формально отрекся от Престола, то, согласно Основным Государственным законам, право на Престол автоматически перешло бы к следующему по старшинству Представителю Императорского Дома; отрекись и он, право это переходило бы последовательно к другим представителям Династии, и среди них могло оказаться лицо менее покладистое, чем Великий Князь Михаил Александрович. Этого ни в коем случае допустить не хотели. Нужно было, по указу Якова Шифа и К°, положить вообще конец Монархии в России, и потому одного отречения Великого Князя Михаила Александровича было недостаточно. Но, не отрекаясь от Престола, а лишь временно отказываясь от «восприятия» верховной власти, Великий Князь парализовал на неопределенный срок всякую возможность не только реставрации, но хотя бы предъявления другим лицом права на Престол, который вакантным еще не мог почитаться. С другой стороны в акте заключалось указание на недействительность существующих основных законов — что превышало права не только Великого Князя, но и царствующего Монарха, — и впервые признавалась законная власть самозваного Временного правительства. Не следует, действительно, забывать, что официально до сих пор шла речь об ответственном министерстве и что первый его председатель, кн. Львов, был назначен Высочайшим указом. Об этом в акте Великого Князя нет ни слова; под эгидой Члена Царствующего Дома законное все же Правительство Львова превращается в революционное; цепь

¹ Акты отречения Николая II и Михаила Александровича // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101 (б). Л. 2. [Фотокопии].

*Престолонаследия прерывается, основные законы отменяются, и самый акт, подписанный Великим Князем, является свидетельством о смерти Императорской России. Кому это было нужно? Чье приказание исполняли наемные перья, написавшие этот преступный документ? Как мог согласиться на него Великий Князь Михаил Александрович?*¹

Но вполне вероятно, что Великий Князь ни на что и не соглашался: никакого «отречения» Государя ему не показали, а обстоятельства подписания им акта весьма сомнительны. Разумеется, никакой поддержки на «совещании» Великий Князь ни от кого не получил. Попытки Гучкова и Милюкова уверить общественное мнение, что они всеми силами боролись за сохранение монархии, не выдерживают критики. Вот, например, как «защищал» монархию Гучков, заявивший Михаилу Александровичу: «Если вы боитесь, Ваше Высочество, немедленно возложить на себя бремя Императорской Короны, примите, по крайней мере, верховную власть в качестве “Регента Империи на время, пока не занят Трон”, или, что было бы еще более прекрасным, титулом в качестве “Протектора народа”, как назывался Кромвель. В то же время вы могли бы дать народу торжественное обязательство сдать власть учредительному собранию, как только кончится войны»².

Милюков выразил убеждение в том, что Михаил «должен принять власть, и все остальное устроится»³. Однако Милюков, по признанию Шульгина, проявил пример «трагической беспомощности»: «Стоя во главе самой влиятельной, казалось, русской политической партии, имевшей отделы в каждом городе и городишке, он 3 марта горячо убеждал Великого Князя Михаила Александровича не отказываться от престола. Однако в защиту этого престола и просто для личной охраны будущего Михаила II он не мог дать ни одного человека, так-таки ни одного. Казалось бы, в такую трагическую минуту естественно было бы дать членам партии к.-д., находившимся в Петрограде, приказ: с оружием в руках сбежаться к дому № 12 на Миллионной, где решался вопрос, может ли принять престол Великий Князь Михаил Александрович. Но это столь естественное теперь предположение может вызвать только горькую улыбку у тех, кто ясно себе представляет, что такая была конституционно-демократическая партия. В защиту и “конституции” и “демократии” она могла лить только слова,

¹ Якобий И.П. Император Николай II и революция. Таллин, 1938. С. 194—196.

² Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 363—365.

³ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 221.

слова, слова, да еще чернила, в то время, когда необходимо было лить кровь, — свою и чужую»¹.

Пока Гучков предлагал Великому Князю Дома Романовых «стать» Кромвелем, а Милюков «лил слова, слова», Керенский, Родзянко, Львов угрожали физической расправой всей Династии. После того как Гучков и Милюков в самой слабой форме выразили желательность оставления Великого Князя в том или виде в управлении государством, Керенский в припадке бешенства обрушил «град ругательств и угроз, которые привели в ужас всех присутствовавших»². Шульгин при этом не проронил ни слова. Родзянко выражал уверенность, «что Великий Князь процарствовал бы всего несколько часов, и немедленно произошло бы огромное кровопролитие в стенах столицы, которое положило бы начало общегражданской войне. Для нас было ясно, что Великий Князь был бы немедленно убит и с ним все сторонники его, ибо верных войск уже тогда в своем распоряжении он не имел и поэтому на вооруженную силу опереться бы не мог. Великий Князь Михаил Александрович поставил мне ребром вопрос, могу ли я ему гарантировать жизнь, если он примет Престол, и я должен был ему ответить отрицательно»³. Сам Великий Князь Михаил Александрович в разговоре с Б.В. Никитиным, уже после событий, говорил, что «...Родзянко, кн. Львов и все остальные стремились добиться его отказа от Престола, указывая, что в противном случае все офицеры и члены Дома Романовых будут немедленно вырезаны в Петрограде»⁴.

Матвеев утверждал, что на следующее утро после подписание «отказа» от престола, 4 марта, Великий Князь Михаил Александрович «отбыл из Петербурга в Гатчину, в сопровождении Н.Н. Джонсона и встретившегося по пути генерала Я.Д. Юзефовича»⁵. Однако Джонсон вспоминал совершенно иное. 26 мая 1918 г. в Перми журналист «Свободной России» эсер С.В. Яблонский добился разрешения большевистских властей встретиться со ссылочным Великим Князем Михаилом Александровичем и взять у него интервью. Великий Князь проживал гостинице «Королевские номера». При

¹ Цит. по: Пученков А.С. В.В. Шульгин и падение монархии в России // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова. М.: Регnum, 2012. С. 409. (Серия Selecta).

² Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 364.

³ Цит. по: Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. С. 396.

⁴ Никитин Б.В. Указ. соч. С. 233.

⁵ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 302.

встрече присутствовал секретарь Великого Князя Н.Н. Джонсон. Как вспоминал Яблонский, во время беседы Джонсон стал вспоминать события марта 1917 г. и рассказал о том, при каких обстоятельствах произошёл «окончательный отказ Великого Князя» от престола. *«После беседы с общественными деятелями, на которых, как известно, одни стояли за отречение от престола, а другие — за принятие власти, было решено, что на другой день все отправятся к военному министру, и там этот вопрос решится окончательно. В Петрограде в это время было уже очень неспокойно, шла перестрелка, поездка представлялась небезопасной, и я отправился вперёд для того, чтобы по возможности устранить эти опасности. К удивлению, я узнал, что ни одно из лиц, которые должны были ехать с Великим Князем, к министру не явились. Великий Князь отправился к министру один, и в результате их беседы было окончательное отречение от престола. [...] Михаил Александрович слушал эту речь своего секретаря с ласковой, добродушно-иронической улыбкой»*¹.

Если подытожить то, что сообщил Яблонский, получается, что 3 марта 1917 г. в квартире князя Путятинна на Миллионной улице никакого «отказа» от престола Великим Князем подписано не было. Решение об этом было принято 4 марта на встрече Михаила Александровича и Гучкова, так как военным министром Временного правительства стал именно он. Это совпадает с «оговоркой» Керенского, также указывавшего на 4 марта как на день подписания «отречения» Великого Князя. Если учесть, что текст «отказа» писал не Великий Князь, а заговорщик В.Д. Набоков, то сам факт этого отказа можно поставить под сомнение.

¹ Хрусталёв В.М. Великий князь Михаил Александрович. С. 479—484.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Российской Федерации

(ГА РФ, Москва)

Ф. 97 (Дворцовая полиция).

Оп. 3. Д. 159 // О деятельности германского разведчика генерала Люциуса.

Оп. 3. Д. 59. Ч. 2. // О сионизме.

Ф. 102 (Департамент полиции Особый отдел) ДП ОО.

Оп. 1905 (235) Д. 12.2 (2) // О масонах.

Оп. 1905 (235). Ч. 12.2 (2) // Письмо неустановленного лица из Лозанны.

Оп. 1908 (238). Д. 526 // Сообщение заграничной агентуры об Иване Народном.

Оп. 1915 (245). Д. 132 // О Бонч-Бруевиче.

Оп. 1915 (245). Д. 121 ДА // Об А.Ф. Керенском.

Оп. 1915 (245). Д. 121 ДА // Сопроводительная записка дворцового коменданта В.Н. Войкова директору департамента полиции В.А. Брюн-де-Сен-Ипполиту.

Оп. 1915 (245). Д. 121 ДА // Маршрут следования Его Императорского Величества из Царского Села до Могилёва.

Оп. 1916 (246). Д. 5 // О большевиках.

Оп. 1916 (246). Д. 361 // О ВПК.

Оп. 1916 (246). Д. 122(2) // Об охране Высочайших Особ.

Оп. 1916 (246). Д. 121. Т. 1 // Положение о мерах обеспечения...

Оп. 1916 (246). Д. 121. Т. 1 // Положение о дворцовом коменданте.

Оп. 1917 (247). 20 // Сводки департамента полиции.

Оп. 1917 (247). Д. 123 // Об охране Высочайших Особ.

- Оп. 1917 (247). Д. 123 // По поводу установления личности «Ф.А.Г.».
- Оп. 1917 (247). Д. 20. Ч. 57 // О Рабочей группе.
- Оп. 1917 (247). Д. 20. Ч. 57 // Доклад генерала К.И. Глобачёва департаменту полиции.
- Оп. 1917 (247). Д. 132 // Дезертир-старообрядец Смирнов О.П. — «братьям-старообрядцам».
- Оп. 1917 (247). Д. 307 ЛА // О Государственной думе.
- Оп. 1917 (247). Д. 307 ЛА // О военных связях А.И. Гучкова.
- Оп. 1917 (247). Д. 341. Ч. 58 // О брожении среди рабочих.
- Оп. 1917 (247). Д. 347 // Донесения охранного отделения по Петрограду.
- Оп. 1917 (247). Д. 34. Ч. 57 // Сводки полиции о беспорядках в Петрограде.
- Оп. 1917 (247). Д. 341. Ч. 58 // Листовка РСДРП.
- Оп. 1917 (247). Д. 171 // О генерале Ю.С. Лазаревиче.
- Ф. 111 (Петроградское охранное отделение).**
- Оп. 1. Д. 2980 // Материалы наружного наблюдения за А.И. Гучковым.
- Оп. 5. Д. 658 // О социал-демократах.
- Оп. 1. Д. 828 // Материалы наружного наблюдения за Ш.И. Голощёкиным.
- Оп. 1. Д. 2980 // Справки наружного наблюдения за Г.Е. Распутиным.
- Оп. 1.Д. 669 // Полицейские сводки о беспорядках в Петрограде.
- Ф. 601 (Николай II).**
- Оп. 1. Д. 137 // Письма князя Э.Э. Ухтомского Императору Николаю II.
- Оп. 1. Д. 265 // Дневник Императора Николая II за 1917 г.
- Оп. 1. Д. 522 // Телеграммы Императора Николая II генералам А.Н. Куропаткину и Н.П. Линевичу.
- Оп. 1. Д. 615 // Записка князя Ф.Ф. Юсупова.
- Оп. 1. Д. 618 // Записка генерала А.А. Поливанова Императору Николаю II. 16 августа 1915.
- Оп. 1. Д. 657 // Записка генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II.
- Оп. 1. Д. 672 // Записка Мильнера Императору Николаю II [на английском языке].
- Оп. 1. Д. 797 // Доклад министра иностранных дел Н.Н. Покровского Императору Николаю II.
- Оп. 1. Д. 1066 // Записка православных кругов Императору Николаю II.
- Оп. 1. Д. 1270 // А.В. Кривошеин — Императору Николаю II от 26 октября 1915 г.

- Оп. 1. Д. 1287 // Н.А. Маклаков — Императору Николаю II.
- Оп. 1. Д. 1302 // Великий Князь Михаил Михайлович — Императору Николаю II 15 марта 1915 г.
- Оп. 1. Д. 1320 // Великий Князь Павел Александрович — Великому Князю Кириллу Владимировичу. 2 марта 1917 г.
- Оп. 1. Д. 1320 // Великий Князь Павел Александрович — М.В. Родзянко. 2 марта 1917 г.
- Оп. 1. Д. 2028 // Великий Князь Кирилл Владимирович — Великому Князю Павлу Александровичу. 2 марта 1917 г.
- Оп. 1. Д. 2090 // Телеграмма М.В. Родзянко Императору Николаю II от 27 февраля 1917.
- Оп. 1. Д. 2095 // Проект манифеста о введении в России конституционного строя.
- Оп. 1. Д. 2096 // Телеграмма М.В. Родзянко Императору Николаю II. 1 марта 1917.
- Оп. 1. Д. 2099 // Протокол переговоров члена Государственного Совета А.И. Гучкова и члена Государственной думы В.В. Шульгина с Императором Николаем II.
- Оп. 1. Д. 2100 // Расписка о приёме актов об отречении Николая II и Михаила Александровича.
- Оп. 1. Д. 2109 // Допрос генерала С.С. Хабалова.
- Оп. 1. Д. 2109 // Телеграмма Императора Николая II генералу С.С. Хабалову.
- Оп. 1. Д. 2109 // Доклад Б.В. Штюрмера Императору Николаю II с резолюцией Царя.
- Оп. 1. Д. 2415 // Обращение отрёкшегося от престола Императора Николая II к войскам.
- Оп. 1. Д. 1310 // Великий Князь Николай Михайлович — Императору Николаю II.
- Оп. 1. Д. 2089 // Телеграмма М.В. Родзянко Императору Николаю II от 26 февраля 1917.
- Оп. 1. Д. 2091 // Обращение членов Государственного совета Императору Николаю II. 28 февр. 1917 г.
- Оп. 1. Д. 2094 // Телеграмма генерала М.В. Алексеева Императору Николаю II.
- Оп. 1. Д. 2100-а // Документы по отречению от престола Императора Николая II. Вырезка из газеты «Труд» за 6 ноября 1929 г.
- Оп. 1. Д. 2100-а // Документы по отречению от престола Императора Николая II. Заключение специальной комиссии.
- Оп. 1. Д. 2101-б // Акт отречения от престола Императора Николая II.
- Оп. 1. Д. 2101-б // Акт отречения Великого Князя Михаила Александровича.

Оп. 2. Д. 90 // Воспоминания Г.А. фон Таля, штаб-офицера для особых поручений.

Ф. 612 (Распутин Г.Е.).

Оп. 1. Д. 27 // Выписка из «Воли России».

Оп. 1. Д. 5 // Телеграмма Г.Е. Распутина Великой Княжне Анастасии Николаевне.

Оп. 1. Д. 6 // Телеграмма Распутина в Ставку.

Оп. 1. Д. 9 // Телеграмма Распутина в Ставку.

Оп. 1. Д. 15 // А. Худоносов — П.Н. Милюкову.

Оп. 1. Д. 25 // Записка А.С. Семановича в департамент полиции.

Ф. 627 (Штурмер Б.В.).

Оп. 1. Д. 148 // Отношения Б.В. Штурмера Императору Николаю II по разным вопросам.

Ф. 640 (Александра Фёдоровна).

Оп. 1. Д. 108 // Телеграмма Императора Николая II Императрице Александре Феодоровне.

Оп. 1. Д. 108 // Император Николай II — Императрице Александре Феодоровне.

Оп. 1. Д. 108 // Телеграмма Императора Николая II Императрице Александре Феодоровне.

Оп. 1. Д. 108 // Телеграмма Императора Николая II Императрице Александре Феодоровне.

Оп. 1. Д. 108 // Телеграмма Императора Николая II Императрице Александре Феодоровне от 1 марта 1917.

Ф. 642 (Мария Фёдоровна).

Оп. 1. Д. 2332 // Император Николай II — Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 7 ноября 1912 г.

Ф. 668 (Михаил Александрович).

Оп. 1. Д. 136 // Дневник Великого Князя Михаила Александровича.

Оп. 1. Д. 22 // Письма Великого Князя Михаила Александровича графине Н.С. Брасовой.

Ф. 650 (Андрей Владимирович).

Оп. 1. Д. 35 // Дневник Великого Князя Андрея Владимировича Запись беседы с генералом Н.В. Рузским.

Ф. 555 (Гучков А.И.).

Оп. 1. Д. 606 // В.Д. Бонч-Бруевич — А.И. Гучкову.

Оп. 1. Д. 698 // А.И. Гучков — генералу М.В. Алексееву.

Оп. 1. Д. 1081 // Н.В. Рузский — А.И. Гучкову.

Ф. 1467 (Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должностям действий быв. министров и прочих высших должностных лиц).

Оп. 1. Д. 709 // Телеграмма Ю.П. Бахметьева в МИД.

- Оп. 1. Д. 709 // Телеграмма архиепископа Евдокима в МИД.
Оп. 1. Д. 231(2) // Допрос С.П. Белецкого.
Оп. 1. Д. 631 // Телеграмма князя Н.Д. Голицына в Ставку на имя Императора Николая II.
Оп. 1. Д. 957 // Допрос А.Д. Протопопова.
Оп. 1. Д. 2089 // Телеграмма Императора Николая II князю Н.Д. Голицыну.
Оп. 1. Д. 949 // Допрос В.Н. Воейкова.
Оп. 1. Д. 977 // Допрос Д.Н. Дубенского.
Оп. 1. Д. 975 // Допрос А.И. Гучкова.
Оп. 1. Д. 952 // Допрос В.Б. Фредерикса.
Ф. 1779 (Канцелярия Временного правительства).
Оп. 1. Д. 1722 // Телеграммы о движении царского поезда. 1917.
Оп. 1. Д. 1722 // Приказ генерала Н.И. Иванова по Петроградскому ВО.
Оп. 1. Д. 1722 // Телеграмма В.Н. Воейкова генералу М.В. Алексееву.
Ф. 1807 (Керенский А.Ф.).
Оп. 1. Д. 278 // Негласное наблюдение за А.Ф. Керенским.
Ф. Р—5972 (Брусиловы).
Оп. 3. Д. 104 // Телеграмма М.В. Родзянко А.А. Брусилову от 26 февраля 1917.
Оп. 3. Д. 104 // Телеграмма А.А. Брусилова М.В. Алексееву от 27 февраля 1917.
Ф. 7332 (Аверьянов П.И.).
Оп. 1. Д. 9 // Генерал А.Н. Нищенков — генералу П.И. Аверьянову 15 сентября 1926 г.

- Российский государственный исторический архив
(РГИА, г. Санкт-Петербург)**
Ф. 381 (Канцелярия Министерства земледелия).
Оп. 41. Д. 29633// А.В. Герасимов — А.В. Кривошеину от 16 июля 1915.
Ф. 549 (Управление делами Великого Князя Николая Михайловича).
Оп. 1. Д. 1067 // Вел. Кн. Александр Михайлович — Вел. Кн. Николаю Михайловичу от 14 февраля 1917.
Ф. 516 (Камер-фурьерские журналы).
Оп. 1 Доп. Д. 25 // Дело о пребывании Государя Императора в действующей армии. Февраль—март 1917 г.
Ф. 669 (Клюжев И.С.).
Оп. 1. Д. 14 // Дневник И.С. Клюжева. Тетрадь XII.
Ф. 796 (Канцелярия Синода).

Оп. 205. Д. 779 // Карпов — Николаю Петровичу.

Ф. 1276 (Совет министров (1905—1917)).

Оп. 11. Д. 966 // Вел. Кн. Александр Михайлович — Императору Николаю II.

Ф. 1409 (Собственная Его Императорского Величества канцелярия).

Оп. 16. Д. 37 // Доклад главноуправляющего Соб. Е.И.В. канцелярии Императору Николаю II.

Ф. 1571 (Кривошеин А.В.).

Оп. 1. Д. 290 // В.В. Мусин-Пушкин — А.В. Кривошайну.

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ, г. Санкт-Петербург)

Ф. 1025.

Оп. 2. Д. 40 // Дело о мятеже на крейсере «Очаков».

Ф. 701.

Оп. 1. Д. 105 // Император Николай II — адмиралу И.К. Григоровичу.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, Москва)

Ф. 2003 (Штаб Верховного Главнокомандующего. Ставка).

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(3) // Донесения и переписка Ставки и главнокомандующих армий фронтов.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(1) // Телеграмма А.А. Бубликова о задержке императорского поезда.

Оп. 1. (доп.). Д. 1751(1) // Установление нового строя. Переписка Ставки.

Оп. 1. (доп.). Д. 1751 // Разговор по прямому проводу полковников В.Л. Барановского и В.Е. Медиокритского.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(1) // Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексееву.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(1) // Разговор по прямому проводу Н.В. Рузского и М.В. Родзянко.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(3) // Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу М.В. Алексееву.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(1) // Телеграмма А.А. Брусицова генералу М.В. Алексееву.

Оп. 1. Д. 1759 (2) // Телеграмма генерала В.В. Сахарова генералу Н.В. Рузскому.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(3) // Телеграмма генерала М.В. Алексеева генералу Н.В. Рузскому. Проект манифеста.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(1) // Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу В.Н. Клембовскому.

Оп. 1. Д. 1754(2) // Телеграмма генерала Н.В. Рузского генералу М.В. Алексееву. 2 марта 1917.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(3) // Переговоры по прямому проводу генерала В.Н. Клембовского с генералом М.И. Эбеловым.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(3) // Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу М.В. Алексееву.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(2) // Телеграмма инженера Гавалова в Ставку.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(3) // Телеграмма генерала Ю.Н. Данилова генералу М.В. Алексееву. 2 марта 1917.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(3) // Телеграмма генерала В.Н. Клембовского генералу М.И. Эбелову. 2 марта 1917.

Оп. 1. (доп.). Д. 1754(3) // Выписка из газеты «Правительственный вестник» от 5 марта 1917 г.

Оп. 1. (доп.). Д. 1826 // Собственноручные телеграммы Императора Николая II в Ставку. 1915.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(1) // Переговоры по прямому проводу полковника В.В. Стунина и подполковника Б.Н. Сергиевского.

Оп. 1. (доп.). Д. 1753(1) // Телеграмма А.И. Гучкова в Петроград. 3 марта 1917.

Оп. 1. (доп.). Д. 1754(3) // Разговор по прямому проводу между генералом М.В. Алексеевым и М.В. Родзянко.

Оп. 1. (доп.). Д. 1754(1) // Телеграмма полковника Болдырева генералу А.С. Лукомскому.

Оп. 1. (доп.). Д. 1756(1) // Телеграмма генерала М.В. Алексеева генералу Ю.Н. Данилову.

Оп. 1. (доп.). Д. 1759(1) // Телеграмма генерала А.Е. Эверта А.И. Гучкову, М.В. Родзянко и Г.Е. Львову.

Оп. 1. (доп.). Д. 1759(1) // Телеграмма генерала М.В. Алексеева Временному правительству.

Оп. 1. (доп.). Д. 1754(2) // Разговор по прямому проводу между генералом Н.В. Рузским, М.В. Родзянко и Г.Е. Львовым.

Оп. 1. (доп.). Д. 1754(3) // Разговор по прямому проводу генерала А.А. Брусицова и генерала М.В. Алексеева.

Оп. 1. (доп.). Д. 1756(3) // Разговор по прямому проводу генерала А.С. Лукомского и М.В. Родзянко.

Оп. 1. (доп.). Д. 1756(3) // Телеграмма генерала Л.В. Леш генералу М.В. Алексееву.

Оп. 1. (доп.). Д. 1756(3) // Телеграмма генерала В.Н. Горбатовского генералу М.В. Алексееву.

Оп. 1. (доп.). Д. 1756(1) // Телеграмма генерала М.И. Эбелова генералу М.В. Алексееву.

Оп. 1. (доп.). Д. 1756(2) // Телеграмма генерала А.С. Лукомского генералу М.Ф. Квецинскому.

Оп. 1. (доп.). Д. 1756(2) // Телеграмма А.И. Гучкова генералу М.В. Алексееву.

Оп. 1. (доп.). Д. 1762 (1) // Прощание отрёкшегося Государя.

Оп. 1. (доп.). Д. 1834. Л. 85 // Донесение Великого Князя Георгия Михайловича Императору Николаю II от 25 июня 1915.

Неопубликованные источники на иностранных языках

Ministère des Affaires étrangères (MAE). (Paris) (Архив министерства иностранных дел. Франция. Париж).

Lettre de G. Doumergue à M. Paléologue // MAE. (Centre des Archives diplomatiques de Nantes). Fond 440. Ambassade de France en Russie. 1842—1919. 1917. Dossiers 28—29.

Lettre de Maurice Paléologue à Aristide Briand // M.A.E. PA 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. Vol. 7.

Lettre de Maurice Paleologue à Rogé Mograt // M.A.E. PA. Maurice Paleologue. Correspondences politiques. 1917. V. 8.

Hoover Institution Archives. (USA) (Архив Гуверовского института (США))

Collection 65017. Nikolai Basily papers. Box 8.

2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. «Будущий артист императорских театров». Письма Александра Керенского родителям. (1895—1904) // Источник. № 3. 1994.

2. Архив полковника Хауза. Избранное. В 2 т. М.: АСТ, 2004. Т. 1.

3. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. В 2 т. Пг., 1915. Т. 2.

4. Диспозиция «Комитета народного спасения» // Красный архив. Исторический журнал. 1928. Т. 1 (26).

5. Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. Редакция и предисловие В.П. Семенникова. Л.: Госиздат, 1925.

6. Дневник Императора Николая II. Берлин: Слово, 1923.

7. Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991.

8. Дневники Николая II и Императрицы Александры Фёдоровны. 1917—1918. / Под редакцией кандидата исторических наук В.М. Хрусталёва. В 2 т. М.: Вагриус, 2008.

9. Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Мироненко С.В. Из истории публикации документов царской семьи в 1918—1920-е гг. // Отечественные архивы. 2007. № 1.

10. Доклад члена Чрезвычайной следственной комиссии генерала Ануткина по делу Иванова // Вопросы архивоведения. 1962. № 1.

11. Допрос А.Д. Протопопова // Падение царского режима. М., 1926. Т. 4.
12. Допрос А.И. Гучкова // Падение царского режима. Л., 1926. Т. 6.
13. Допрос В.А. Маклакова // Россійскій архивъ. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. VIII. Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг. / Составитель Л.А. Лыкова. М.: Студия «Тритэ», 1998.
14. Допрос генерала В.Ф. Джунковского // Падение царского режима. Т. 5. М.—Пг., 1926.
15. Записки Н.М. Романова. Предисловие А.А. Сергеева // Красный архив. Исторический журнал. М., 1931. № 6 (49).
16. Из дневника б. великого князя Андрея Владимировича Романова за 1916—1917 гг. // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1928. Т. 1 (26).
17. Из следственных дел Н. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. // Вопросы истории. 1998. № 11—12.
18. Милюков П. Н. Почему и зачем мы воюем? Пг., 1917.
19. Мировые войны XX века. Первая мировая война. В 2 томах. М.: Наука, 2002.
20. Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В.П. Семёновика. М.—Л.: Госиздат, 1927.
21. Николаев А.Б. А.Ф. Керенский о Февральской революции// Клио. 2004. № 3(26).
22. Николай II накануне отречения: камер-фурьерские журналы (декабрь—февраль 1917 гг.). СПб., 2001.
23. Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917. М.—Л., 1927.
24. Письма Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II. В 2 т. Пер. с англ. В.Д. Набокова. Берлин: Слово, 1922. Т. 2.
25. Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996.
26. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924.
27. Россия и США: дипломатические отношения 1900—1917. Документы. М., 1999.
28. Скорбный ангел. Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях. Публикация, составление, редакция, комментарии С.В. Фомина. М.: Общество Святителя Василия Великого, 2005.
29. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999.

30. Список личного состава министерства путей сообщений. Центральные и местные учреждения. Издание канцелярии министра. Пг., 1916.

31. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 марта 1914. СПб.: Военная типография императрицы Екатерины Великой, 1914.

32. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000.

33. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1—3 / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000. Т. 3 (Кн. 1).

34. Телеграмма Императора Николая II генералу М.В. Алексееву // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3.

35. Телеграмма Императора Николая II председателю Государственной думы М.В. Родзянко // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3.

36. Февральская революция 1917 г. (Документы ставки верховного главнокомандования и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. Исторический журнал. М.—Л., 1927. Т. 2 (21).

37. Февральская революция в Балтийском флоте. (Из дневника И.И. Ренгартена). Предисловие А. Дрезена // Красный архив. Исторический журнал. М., 1929. Т. 1 (22).

38. Экспедиция генерала Иванова на Петроград. Сообщение И. Гелис // Красный архив. 1926. Исторический журнал. Т. 4 (17).

39. Яхонтов А.Н. Тяжёлые дни. (Секретные заседания совета министров; 16 июля — 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. М.: Терра, 1993. Т. 18.

40. Троцкий Л. Дневники и письма. М.: Эрмитаж, 1994.

3. МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 7—12.

2. Арсений, епископ. Воспоминания. М., 1995.

3. Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 169.

4. Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М.: Военное издательство МО СССР, 1957.

5. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Военное издательство Народного Комиссариата Обороны, 1943.

6. Бубликов А. А. Русская революция (её начало арест Царя, перспективы). Впечатления и мысли её очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918.

7. Бубнов А. В царской ставке. М.: Вече, 2008.

8. *Буксгевден С. К.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Фёдоровны, Императрицы Всероссийской. М.: 2006.
9. *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Берлин: Обелиск, 1924.
10. *Бьюкенен Джордж.* Мемуары дипломата. М.—Минск, 2001.
11. *Винберг Ф.* Крестный путь. Корни зла. Мюнхен, 1922.
12. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Том 2. Берлин: Слово, 1922.
13. *Воейков В.Н.* Дворцовый комендант Государя Императора. С Царём и без Царя. СПб.: Царское Дело, 1993.
14. Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Книга 8. Белград, 1922.
15. *Воронович Н.В.* Записки председателя совета солдатских депутатов // Страна гибнет сегодня.
16. *Врангель П.Н.* Воспоминания. М.: Терра, 1992. В 2 т. Т. 1.
17. Гибель царского Петрограда: Февр. революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое: Ист.-док. альм. Л., 1991. № 1.
18. *Глобачёв К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009.
19. *Граф Г.К. На Новике.* СПб.: Гангут, 1997.
20. *Гучков А.И.* В царском поезде // Отречение Николая II.
21. *Данилов Ю.* Великий Князь Николай Николаевич. Париж, 1930.
22. *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 2002.
23. Дань светлой памяти Императора Великого Мученика. Сооружение Креста-Памятника и ознаменование 20-летия Екатеринбургской драмы. Издание Союза Ревнителей памяти Императора Николая II. Париж, 1939.
24. *Ден Юлия.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны / Пер. с англ. В.В. Кузнецова. СПб., 1999.
25. *Деникин А.И.* Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991.
26. *Дубенский Д.Н.* Как произошёл переворот в России // Отречение Николая II.
27. *Жевахов Н.Д., князь, товарищ обер-прокурора Св. Синода.* Воспоминания. М., 1994.
28. *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986.
29. Из воспоминаний А.Н. Хвостова // Голос минувшего. 1923. № 2.

30. Ильин И.А. Манифест Русского Движения// Слово. 1991. № 8.
31. Карабечский Н.П. Что глаза мои видели //Страна гибнет сегодня.
32. Керенский А.Ф. Издалека. Сборник статей. (1920—1921). Париж, 1922.
33. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. № 6.
34. Кирилл Владимирович, великий князь. Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996.
35. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Париж, 1933.
36. Кондзеровский П.К., генерал-лейтенант. В Ставке Верховного 1914—1917. Воспоминания дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж, 1967.
37. Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1984.
38. Курлов П.Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923.
39. Кутепов А.П. Первые дни революции в Петрограде// Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1937.
40. Лемке М. 250 дней в Царской Ставке. Петербург, 1920.
41. Ллойд-Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны. Воспоминания. Мемуары. М.: Харвест, 2003.
42. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм—Берлин, 1921.
43. Лукомский А.С. Из воспоминаний // Страна гибнет сегодня.
44. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 годов / Под редакцией А. Свечина. М.: Государственное издательство, 1924.
45. Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной Думе // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о февральской революции. М.: Книга, 1991.
46. Мордвинов А.А. Последние дни императора // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л.: Красная газета, 1927.
47. Мосолов А.А., генерал. При Дворе последнего императора. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1906—1916. СПб.: Наука, Ленинградское отделение, 1992.
48. Набоков В. Временное правительство //АРР. Т. 3—4. М: Терра, 1993.
49. Никитин Б.В. Роковые годы. Новые показания участника. М.: Айрис-Пресс, 2007.
50. Оболенский А.В. Мои воспоминания // Возрождение. 1955. Тетр. 48.

51. Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. Тома 1 и 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
52. Палей О.В. Мои воспоминания о русской революции // Страна гибнет сегодня.
53. Памяти Царственных Мучеников. Сборник статей, посвященный Императору Николаю II и Его Семье. Издание общества почитателей памяти Государя Императора Николая II и его Семьи. София, 1930.
54. Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2.
55. Пронин В.М., Ген. штаба полковник. Последние дни Царской Ставки. Белград, 1930.
56. Проханов И.С. В котле России (1869—1933). Чикаго, 1992.
57. Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // APP. Т. 6.
58. Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков: Интербук, 1990.
59. Рузский Н.В. Беседа с журналистом В. Самойловым об отречении Николая II // Отречение Николая II.
60. Рузский Н.В. Пребывание Николая II в Пскове. (Беседа с ген. С.Н. Вильчиковским) // Отречение Николая II.
61. Саблин Н.П. Десять лет на императорской яхте «Штандарт» // Морские записки. Издание Общества бывших Русских Морских Офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1947. Т. 5. № 1.
62. Савич Н.В. Воспоминания. СПб.: Логос; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993.
63. Савич С.С., генерал. Принятие Николаем II решения об отречении от престола // Отречение Николая II.
64. Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991.
65. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2005.
66. Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни. Париж, 1922.
67. Тихменёв Н.М. Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке. Ницца, 1925.
68. Фрейлина Её Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М.: Советский писатель, 1991.
69. Чарнолусский В.И. Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции// Известия ЦИК. 1927. 12 марта.
70. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954.

71. Шаховской В., князь. *Sic transit Gloria mundi*. Так проходит мирская слава. Париж, 1951.
72. Шидловский С.И. Воспоминания // Страна гибнет сегодня.
73. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М.: Республика, 1992.
74. Шульгин В.В. Дни. М.: Современник, 1989.
75. Щербатов А. Из воспоминаний // Новый журнал. 2002. № 227.
76. Юсупов Феликс, князь. Мемуары в двух книгах. М.: Захаров, 2005.

4. МОНОГРАФИИ

1. Абрахам К. Великие души: семь лучей на уровне души. М.: Амрита-Русь, 2004.
2. Аврех А.Я. Масоны и революция. М.: Политиздат, 1990.
3. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989.
4. Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и революцию (1907—1917). М.: Три квадрата, 2003.
5. Алексеева И.В. Агония Сердечного Согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914—1917. Л., 1990.
6. Артоболевский И.И., Благонравов А.А. Очерки истории техники в России (1861—1917). М.: Наука, 1975.
7. Батюшин Н.С. У истоков русской контрразведки. М.: Икс-Хистори: Кучково поле, 2007.
8. Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Russica Publishers, INC. New York, 1986.
9. Березов П. Свержение двуглавого орла. М.: Мысль, 1967.
10. Блок А. Последние дни императорской власти. М.: Захаров, 2005.
11. Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах февральской и октябрьской революций. М.: Издательство Федерации, 1931.
12. Боханов А.Н. Николай II. М. (Серия ЖЗЛ), 1997.
13. Боханов А.Н. Правда о Григории Распутине. М.: Издательский фонд им. Св. Василия Великого, 2011.
14. Боханов А.Н. Распутин. АнATOMия мифа. М.: АСТ-Пресс, 2001.
15. Боханов А.Н. Царь Иоанн IV Грозный. М.: Вече, 2008.
16. Брачев В.С. Русское масонство XVIII—XX веков. СПб.: Стота, 2000.
17. Варламов А. Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007.
18. Грачёва Татьяна. Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2009.

19. Гучков А. Московская сага: летопись четырёх поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых 1780—1936. СПб.—М.: Лимбус Пресс, 2005.
20. Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 2002.
21. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967.
22. Зазыкин М.В. Царская власть. София, 1924.
23. Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992.
24. Кабанов С.А., Кулевский Л.К. Во благо России. Очерки о предпринимателях и меценатах России. СПб., 1997.
25. Катков Г.М. Февральская революция. Париж: Ymcas-Press, 1984.
26. Керенский А. Русская революция 1917 года. М.: Центрополиграф, 2005.
27. Кобылин В. Анатомия измены. СПб.: Царское Дело, 1998.
28. Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М.: Вече, 2008.
29. Кожинов В.В. «Черносотенцы» и революция. М., 1998.
30. Константин (Зайцев), архимандрит. Чудо русской истории. М., 2000.
31. Коняев Н.М. Гибель красных Моисеев. Начало террора. 1918 год. М.: Вече, 2004.
32. Корнеев А., член русского исторического общества. Февральский переворот 1917 г. и т. н. «Союзные страны» //Русская цивилизация. 10.11.2007.
33. Криворотов В. На страшном пути до Уральской Голгофы. (Страшное иго). Мадрид, 1975.
34. Куликов С. Бюрократическая элита Российской империи на кануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004.
35. М. де Ноблемонт. Какая причина толкнула генерала Алексеева предать своего Императора? Б/г.
36. Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977.
37. Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М.: Вече, 2006.
38. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: Родина, 1931.
39. Миронов В.И. Маршрут длиной в 100 лет. Псков, 1997.
40. Михайлова Наталья. Исторические очерки о старообрядчестве // Благодатный огонь. № 4. 2000.
41. Мстиславский С. Гибель царизма. Л.: Прибой, 1927.
42. Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II. 1894—1917. М.: ФИВ, 2012. (Кн. серия РИСИ).

43. *Мультатули П.В.* «Господь благословит решение мое...». Император Николай II во главе действующей армии 1915—1917 и заговор генералов. СПб.: Сатисъ, 2002.
44. *Мультатули П.В.* Николай II. Отречение, которого не было. М.: АСТ: Астрель, 2010.
45. *Николаев П.А.* Историческая драма в Пскове (март 1917 года). Псков, 2003.
46. *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция / Ред.-сост. Ю. Фельштинский. М.: ТЕРРА, 1990.
47. *Оgger Г.* Магнаты. Начало биографии. М.: Прогресс, 1985.
48. *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991.
49. Падение русской монархии: pro et contra: (П.Н. Милюков и В.А. Маклаков о книге Б. Пэрса) / Публ. подгот. М.Г. Вандалковская, О.В. Будницкий // История и историки: 2001. М., 2001.
50. *Палеолог Морис.* Царская Россия в Первой Мировой войне. М., 1991.
51. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991.
52. Партия большевиков в Февральской революции 1917 года. М., 1971.
53. *Платонов О.А.* Терновый венец России. Тайная история масонства 1731—1996. 2-е изд-е, испр. и доп. М.: Родник, 1996.
54. *Попов В.А.* Столпы благовестника. Жизнь и труды В.Г. Павлова. М.: Благовестник, 1996.
55. *Рууд Ч.А., Степанов С.А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993.
56. *Саттон Энтони.* Уолл-стрит и большевицкая революция. М.: Русская Идея, 1998.
57. *Сейерс Майкл, Кан Альберт.* Тайная война против Советской России. М.: Алгоритм, 2008.
58. *Серков А.И.* История русского масонства 1845—1945. СПб.: Изд. имени Н.И. Новикова, 1997.
59. *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской империи. 1906—1917. М.: Книга и бизнес, 1998.
60. *Соловьев О.Ф.* Обреченный альянс. М.: Мысль, 1986.
61. *Солоневич И.Л.* Великая фальшивка февраля. М.: Алгоритм, 2007.
62. *Спиринович А.И.* Великая война и февральская революция. Минск: Харвест, 2004.
63. *Спиринович А.И.* Революционное движение в России. Выпуск 2-й, Партия Социалистов-Революционеров и ее предшественники. Пг., 1916.
64. *Старков Б.А.* Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903—1914. СПб., 2006.

65. Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977.
66. Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004.
67. Ткаченко С.Л. Американский банковский капитал в России в годы Первой мировой войны. СПб., 1998.
68. Троцкий Л.Д. История русской революции. М.: Издательство политической литературы, 1990. Т. 1.
69. Ферро Марк. Николай II. М.: Международные отношения, 1991.
70. Фомин С.В. Григорий Распутин: расследование. Боже храни своих! М.: Форум, 2009.
71. Фомин С.В. Наказание правдой. М.: Форум, 2007.
72. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875—1914. Ростов-на-Дону, 1999.
73. Хрусталёв В.М. Великий князь Михаил Александрович. М.: Вече, 2008.
74. Широкорад А.Б. Россия — Англия: неизвестная война, 1857—1907. М.: АСТ, 2003.
75. Шишков О. Распутин. История преступления. М.: Эксмо: Язуа, 2004.
76. Якобий И.П. Император Николай II и революция. Таллин, 1938.
77. Уоллер Джон. Невидимая война в Европе. М.: Русич, 2001.
78. Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000.

Библиографии на иностранных языках

1. *Basily Nicolas de. Diplomat of Imperial Russia 1903—1917. Memoirs.* Hoover Institution Press, Stanford University, Stanford, California, 1973.
2. *Benkendorff Paul, count. Last days at Tsarskoe Selo.* London, 1927.
3. *Bruce H. Brown. The world's Troublemakers "Sons of Liberty books", Box 214, Metaire, LA.*
4. *Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories.* Boston, 1923.
5. *Carlyle Buley (R). The Equitable Life Assurance Society of the United States (New York: Appleton-Century-Crofts. n.d.).*
6. *Caroll Quigley. The Anglo-American Establishment.* New York, 1981.
7. *Epiphanius. Maçonnerie et sectes secrètes: le côté caché de l'Histoire.* Publications du «Courrier de Rome». Nouvelle édition, 2005.
8. *Francis D. Russia from the American Embassy.* N.-Y., 1921.

9. *Goulevitch Arsène*. *Tsarism and Revolution*. OmniPublications, 1961.
10. *Halperin V.* *Lord Milner and the Empire*. London, 1952.
11. *Jacoby Jean*. *Le Tsar Nicolas II et la Révolution*. A. Fayard et Cie – Paris, 1931.
12. *Kerensky A.* *La Révolution Russe*. Paris, 1928.
13. L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la Première guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Publiés par A. Scherer et J. Grunewald. Paris, 1962.
14. *Lockhart R.H.B.* *British Agent*. New York, 1933.
15. *Lomonosoff G.* *Memoirs of the Russian revolution*. New York, 1919.
16. Mission to Russia. Report on Mission to Russia. — Imperial War Museum Library, The Papers of Field-Marshal Sir Henry Wilson, General Papers, 3/12/2.
17. *Nolin Thiérry*. *La Haganah*. Paris, 1971.
18. *Noskoff A.A. (général)*. Nicolas II inconnu. Commandant suprême, Allié, Chef d'Etat. Paris: Plon, 1920.
19. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Volume 1. Washington, 1931.
20. *Quigley Carroll*. *The Anglo-American Establishment*, 1981.
21. *Renouvin Pierre*. *La crise euroéenne (1904—1914) et la Grande Guerre*. Paris, 1939. P. 276.
22. *Spence Richard B.* *Trust No One: The Secret World of Sidney Reilly*. Feral House, California (2002).
23. *Sturdza Minail-Dimitri*. *Dictionnaire historique et Généalogique des grandes familles de Grèce, d'Albanie et de Constantinople*. Paris, 1999.
24. The New York Journal American, February 3, 1949. Цит. по: Allen Rivera David. *A History of the New World Order*, 1994.
25. *Virion Pierre*. Bientôt un gouvernement mondial? Une super et contre-église. Saint-Céneré, 1967.
26. *Wesseling Henri*. *Le Partage de l'Afrique*. Denoel, 1991.
27. Николов Н. Световната конспирация. София, 1990.
28. Who's who in France. Recueil de notices biographiques 1955—1956. Paris.
29. *Nevada J.* Trotsky and the Jews. Philadelphia, 1972.
30. *Clarke W.* The Lost Fortune of the Tsars. NY, SaintMartin's Press, 1995.

5. ИЗДАННЫЕ ИСТОЧНИКИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 1. Washington 1931.

DDF 1920, tome 1 (10 janvier — 18 mai). Paris. 1997.
Documents Diplomatiques Français (DDF), 1915. Paris, 1986.

6. СТАТЬИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

1. Алексеева И. Миссия Мильнера // Вопросы истории. М., 1989. № 10.
2. Волин Б. Партия большевиков в феврале—марте 1917 года // Исторический журнал. 1937. № 2. С. 19.
3. Данильченко П.В. Для истории государства Российского. Роковая ночь в Зимнем дворце. 27 февраля 1917 г. // Военная быль. 1974. Январь. № 126.
4. Николаев А.Б. Кто профинансировал Февральскую революцию // Национальные интересы. № 2. 2007.
5. Новосельский Ю. Императорские поезда // Царскосельская газета. 9 ноября 2002 г. № 87.
6. Пученков А.С. В.В. Шульгин и падение монархии в России // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова. М.: Регnum, 2012. (Серия Selecta).
7. Репников А.А., Гребенкин И.Н. В.В. Шульгин // Вопросы истории. № 5. 2010.
8. Решетников Л.П. Духовно-нравственные причины национальной катастрофы // Материалы международной научной конференции Российского института стратегических исследований «Русский Исход как результат национальной катастрофы. (К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России)». М.: Издание РИСИ, 2011.
9. Русское политическое масонство начала ХХ в. (1906—1918 гг.) / Вступ. статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990.
10. Селезнёв Ф. Старообрядческое купечество и политические партии в годы революции // Старообрядец. 2007. № 40.
11. Смолин А.В. Морской заговор: факты и вымысел // Проблемы новейшей истории России XX века. Сборник научных статей. СПб., 2005.
12. Субботин В.А. Две кампании генерала Китченера // Мир истории. № 7. 1999.
13. Холяев С.В. Три февраля 1917 года // Вопросы истории. 2003. № 7.
14. Цветков В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. № 1. 2006.
15. Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967.

7. ИНТЕРАКТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- 1. Галковский Д.** Техника свержения царя. Захват власти возможен только в случае измены в верхнем эшелоне управления//
<http://www.centrasia.ru>
- 2. Межуев Борис.** Вл. С. Соловьев и петербургское общество 1890-х годов. К предыстории «имперского либерализма» // сайт «Русский архипелаг».
- 3. Миронов В.И.** Маршрут длиной в 100 лет. Псков, 1997 //
<http://pskovrail.narod.ru/main855.html>
- 4. Попов В.Г.** Казаки Дальнего Востока в Февральской революции //Амурское войсковое казачье общество // http://www.a-k-v.ru/history/history_5.html
- 5. Разумов А.** Подпись императора. Несколько замечаний по «отречению Николая II»//сайт Академия российской истории http://www.ei1918.ru/nicolas_2/podpis_imperatora.
- 6. Разумов А.** Царский поезд. Время прибытия // <http://rasumov-ab.livejournal.com>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ЧАСТЬ 1. ВО ГЛАВЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ	16
Глава 1. Принятие Императором Николаем II Верховного Главнокомандования: военные и политические причины	16
Глава 2. Августейший Верховный Главнокомандующий	49
ЧАСТЬ 2. ЗАГОВОР	94
Глава 1. Организаторы Февральского переворота.....	94
Глава 2. Убийство Г.Е. Распутина как важный этап заговора	164
ЧАСТЬ 3. СПЕЦОПЕРАЦИЯ «ОТРЕЧЕНИЕ»	193
Глава 1. Отъезд Императора Николая II в Ставку Верховного Главнокомандования: причины и последствия	193
Глава 2. Император Николай II в Ставке Верховного Главнокомандования. 23—27 февраля 1917 года	212
Глава 3. Император Николай II по пути в Петроград. 28 февраля — 1 марта 1917 года	250
Глава 4. Спецоперация «Отречение»	286
Глава 5. Спецоперация «Михаил»	394
Список использованных источников и литературы	410

Научно-популярное издание

Царский венец

Мультатули Пётр Валентинович

**ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ЗАГОВОР 17-го ГОДА
Как свергали монархию в России**

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Верстка *Н.В. Гришина*

Дизайн обложки *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 13.05.2013. Формат 60×90 ¼.

Гарнитура «SchoolBookAC». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 27. Тираж 3000 экз. Заказ 2396/13.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО "ИПК Парето-Принт", г. Тверь, www.pareto-print.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

**ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»**

**Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.**

**Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.**

**Фактический адрес:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.**

**Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru**

**По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».**

**Тел.: (499) 940-48-70
E-mail: reklama@veche.ru**

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

**Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:**

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labirint-shop.ru

В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, ул. Леся Курбаса, д. 26
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: info@ariy.com.ua

**Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Новый книжный».**

Это исследование посвящено одному из самых трагических периодов истории России: упразднению вековой Самодержавной русской монархии в феврале—марте 1917 г.

Насильственное свержение Императора Николая II с престола, подделка «манифеста», подделка других документов заговорщиками, упорное сопротивление им со стороны Государя не означает того, что Император Николай II собирался бороться за возвращение к власти. Он действительно отказался от неё, постигнув Промысл Божий. Император Николай II вступил на свой скорбный путь мученичества и обрёл на этом пути венец Небесный. Однако вопрос о так называемом «отречении» Императора Николая II как нельзя более актуален сегодня с духовной и геополитической точек зрения. Только та власть в России сможет чувствовать себя надёжно и спокойно, только та власть сможет вывести Россию из тупика нынешнего духовного кризиса, которая будет чувствовать себя наследницей не богооборческого режима, а тысячелетней российской государственности, которая была насильственно оборвана 2 марта 1917 г.

ISBN 978-5-4444-1020-2

